

история/география/этнография

В сердце Азии

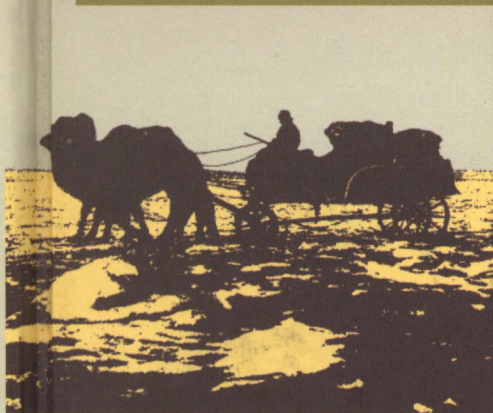
Свен Хедин

В

сердце
Азии

Свен Хедин

Ломоносовъ
издательство

Свен Хедин

В сердце Азии
Памир–Тибет–
Восточный Туркестан

Путешествие
в 1893–1897 годах

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2010

УДК 91
ББК 268г(5)
Х35

Рисунки автора

Перевод со шведского А. и П. Ганзен

Печатается в сокращении по изданию
А. Ф. Девриена 1899 г.

Общеупотребительные географические названия
даны в современном написании

Его императорскому величеству
Государю Императору Николаю Александровичу
с глубочайшим благоговением всепочтительнейше
посвящает автор

Прежде всего я счастлив, что мне представляется случай принести здесь мою всепочтительнейшую, глубокую благодарность Его величеству Государю Императору за милостивое внимание, оказанное Его величеством моему путешествию и его результатам. Никакое отличие из выпавших мне на долю по возвращении из путешествия не могло быть для меня дороже, равно как и ничто не могло сильнее поощрить меня к дальнейшему следованию по тому пути, на который я вступил. Не менее глубока моя благодарность за всемилостивейшее соизволение Его величества на посвящение этого труда имени Его величества.

Труд, предлагаемый мною русской публике, не имеет иных претензий, как дать общий популярный обзор путешествия, предпринятого мною по Азии в 1893—1897 годах. Сообщение чисто научных результатов не могло найти места в этой книге, так как она и без того приняла слишком большой объем, да к тому же мне показалось более удобным отделить популярную часть от чисто научной.

Считаю приятным долгом высказать здесь глубокую благодарность русским административным деятелям и частным лицам за то содействие мне и словом и делом, которое сильно облегчило мне мое предприятие; без этого энергичного, любезного и бескорыстного содействия, некоторые задачи

моего путешествия оказались бы совершенно недостижимыми, а достижение других было бы сопряжено с большими затруднениями и опасностями.

Оглядываясь назад на совершенное мною путешествие, я вижу целый ряд русских военных, ученых и частных лиц, перед которыми нахожусь в неоплатном долгу благодарности. Повсюду меня встречали, точно я был русским подданным, и само собой разумеется, что это везде и всюду в русских владениях придавало мне неоценимое чувство уверенности и спокойствия.

В Императорском Географическом обществе, членом которого я уже имел честь состоять, я также нашел покровителей и друзей. Советы и сведения, которыми снабдили меня, к моему счастью, П. П. Семенов и барон Ф. Р. фон дер Остен-Сакен, принесли мне существенную пользу уже в самом начале путешествия. Точно так же долг мой высказать особенную благодарность членам Географического общества, генералам А. А. Тилло, О. Э. фон Штубендорфу и А. А. Большеву, секретарю общества А. В. Григорьеву, профессору И. В. Мушкетову, академикам Ф. Н. Чернышеву, В. В. Радлову и О. А. Баклунду, Э. Л. Нобелю, который оказал щедрую материальную поддержку моему предприятию, и многим, многим другим.

Еще до начала моей экспедиции я имел удовольствие лично познакомиться с членами экспедиции М. В. Певцова. Я глубоко преклоняюсь перед точными и серьезными наблюдениями генерала Певцова и перед бескорыстием и дружелюбием, с которыми он поделился со мной результатами своих многолетних наблюдений. Я считаю его идеалом истинного, добросовестного путешественника-пионера и поздравляю В. И. Роборовского, П. К. Козлова и К. И. Богдановича, прошедших под руководством такого ученого превосходную серьезную школу. Полковник Б. Л. Громбчевский, с которым я познакомился в Ташкенте, оказал мне такое же предупредительное внимание, как и другие его земляки.

Считаю также истинной потребностью с уважением и благодарностью вспомнить человека, к сожалению уже отошедшего в вечность, Николая Михайловича Пржевальского, самого выдающегося путешественника-пионера по Азии со времен Марко Поло. Чтение описаний его путешествий впервые зажгло во мне страсть к изучению Азии, и как высоко я ставлю этого замечательного человека, лучше всего видно из его био-

графии, составленной мною и предпосланной моему шведскому переводу описаний четырех его грандиозных путешествий.

Перебирая в памяти отдельные события и пункты своего путешествия, я не могу припомнить ни одного города и ни одного местечка в пределах Европейской и Азиатской России, где меня не встретили бы как друга, не оказали бы мне всевозможного содействия для облегчения моих трудов и достижения моих целей.

Когда же я наконец прибыл в Пекин, меня встретил наилучший прием со стороны русского поверенного в делах А. И. Павлова. Я рад, что имею здесь случай высказать ему и всем членам русской миссии в Пекине мою искреннюю, горячую благодарность. В данном отношении, как и во многих других, считаю себя глубоко обязанным директору азиатского департамента, графу Д. А. Капнисту, снабдившему меня сердечными и любезными рекомендациями. С живейшей благодарностью вспоминаю генералов А. А. Ломачевского в Оренбурге и А. Д. Горемыкина в Иркутске, а также живущего в последнем городе выдающегося ученого-геолога В. А. Обручева.

Наконец, считаю весьма приятным долгом выразить мою искреннюю благодарность: моему русскому издателю А. Ф. Девриену, не пощадившему ни средств, ни трудов, чтобы описание моего путешествия появилось перед русской публикой в возможно красивом виде, П. Г. Ганзену с супругой за превосходный и добросовестный перевод, представлявший нелегкую задачу, другу моему, академику Ф. Н. Чернышеву за любезное содействие по проверке и исправлению технических терминов и выражений и приват-доценту В. В. Бартольд-у за содействие относительно русской транскрипции арабских и киргизских названий.

Еще раз сердечная благодарность всем тем, кто отнесся ко мне с симпатией, оказал мне гостеприимство и пожертвовал своим временем и трудом ради облегчения моего предприятия. Без их помощи я никогда не был бы в состоянии выполнить его. Я же лично считаю самым драгоценным приобретением, вынесенным мной из моего путешествия, множество дружеских связей, заключенных мной в России среди всех классов общества, и близкое знакомство с таким полным жизненных сил, гуманным, гостеприимным и симпатичным народом, как русский.

Свен Хедин

Книга
первая

I. Две тысячи верст в тарантасе

Безостановочный переезд по железной дороге на расстоянии 2116 верст, отделяющих Оренбург от Петербурга, — вещь не совсем-то приятная, особенно в такое время года, когда дождь, слякоть и ветер отнимают у путешественника охоту пользоваться остановками на станциях, чтобы прогуляться по платформе, а топка вагонных печей или наполняет воздух зловонием, или производит нестерпимую жару, что делает пребывание в купе не всегда сносным. Четверо суток, понадобившихся, чтобы проехать через Европейскую Россию, не показались, однако, ни долгими, ни утомительными.

Разговор со спутниками считается в России самым обычным делом, и если нет другого предлога для вступления в разговор, то всегда можно спросить соседа, куда он едет. Мои спутники большей частью направлялись в разные соседние города: Рязань, Пензу, Самару и др. и, получая в ответ на вопрос: куда еду я, — «в Пекин», немало изумлялись и часто даже, по-видимому, не вполне ясно представляли себе, где, собственно, находится такой город.

Бесконечные степи, пахотные поля, бородастые крестьяне в меховых шапках и длинных полушубках, белые церкви с зелеными маковками, избушки, ветряные мельницы, которые, по крайней мере в то время, не имели недостатка в ветре, — вот картины, представлявшиеся мне из окна вагона. Час за часом, день за днем те же самые картины, и только к востоку от Тамбова паровой конь понес нас через низкий лес, из которого кое-где высывались макушки сосен.

Так проносились мы на восток через губернии Рязанскую, Тамбовскую, Пензенскую, Саратовскую и Симбирскую, пока наконец около Сызрани достигли величайшей

европейской реки, через которую перекинут один из длиннейших мостов на свете, длиной в 1484 метра. Волга похожа здесь скорее на море, чем на реку; другой берег ее исчезает в тумане; мутные, темные волны ее катятся очень медленно под гигантскими пролетами железного моста. Река здесь так же безжизненна, как и область, по которой она протекает; виднеются только несколько яликов да стоящий на якоре колесный пароход.

А затем мы опять несемся по однообразной степи. На границе между Самарской и Оренбургской губернией знакомимся с юго-западными отрогами Урала; местность становится здесь более пересеченной, и железная дорога часто бежит по кривой линии между холмами. Вдоль больших пространств по железнодорожной линии воздвигнуты заборы, которые защищают полотно от заносов зимой. Чем дальше подвигаешься к востоку, тем пустыннее становится местность; лишь около станций увидишь людей да в степях редкий раз стада рогатого скота, овец и коз. Небо серое и хмурое, поля желтеют поблекшей травой. Такова сопредельная Азии область Европы.

По прошествии этих четырех суток прибыл я в главный город края и резиденцию губернатора Оренбург, расположенный близ впадения реки Сакмары в Урал. Город представляет мало интересного. Красивые церкви, из которых самая большая — Казанский собор, еще не совсем оконченный, и низенькие каменные домики, расположенные по бокам широких, но немощеных улиц, на которых можно утонуть в грязи. На окраинах же города можно любоваться чисто азиатскими картинами: там раскинули свои торговые палатки под открытым небом или в низеньких сараях татары и киргизы. В одном месте продают всевозможные тележки, телеги, брички и тарантасы, которые большей частью привозятся сюда из Уфы, в другом — сено, наваленное громадными копнами на сани, запряженные верблюдами, в третьем — лошадей, рогатый скот, овец, кур, гусей, индек и другую живность. Из 66 000 жителей Оренбурга около 8000 мусульман. Большинство из них татары, остальные башкиры и киргизы. Главная татарская мечеть, воздвигнутая на средства одного богатого купца, очень красива.

Между магометанами заметно, кроме того, много купцов из Хивы и Бухары, торгующих хлопком, который вывозится из Средней Азии.

В Оренбурге стоит в военное время 18 казачьих полков, в мирное — 6; в каждом около 1000 человек. Службу казаки несут в мирное время по очереди, так что под ружьем всегда только 6 полков, сменяющихся каждые три года. Остальные 12 обрабатывают в свободный от службы срок свою землю, отведенную им от казны в вознаграждение за службу. От казны же полагается им огнестрельное оружие, а обмундировка и лошади у них свои. Несущие ныне службу очередные 6 полков расквартированы в Ташкенте, Новом Маргелане, Петро-Александровске, Киеве, Варшаве и Харькове. Оренбургское казачество представляет всегда значительную силу и численностью уступает лишь донскому и кубанскому. Уральское казачество состояло во время моего пребывания в России только из трех полков: один находился в Самарканде и два на австрийской границе. Казаки эти — народ зажиточный, так как им предоставлено исключительное право ловли рыбы в нижнем течении Урала, и они воздвигли повыше своего главного города Уральска запруды, чтобы помешать стерлядям идти к Оренбургу. Начальник казаков носит титул атамана. Атаманом оренбургских казаков был при мне генерал Ершов, губернатор Оренбурга.

Если я прибавлю еще, что Оренбург расположен на рубеже Азии, на самом крайнем восточном пункте огромной Европейской России, что в нем есть казармы, больница, богадельня, школы, гостиница, носящая характерное название «Европа», театр, где как раз при мне давали Тургенева и Ибсена, что в нем имеет свое пребывание губернатор, вице-губернатор и военный губернатор Тургайской области (между рекой Уралом и Аральским морем), — то, думаю, вот и все достопримечательное, что можно найти в этом городе. Климат здесь вполне континентальный; летом стоит душливый зной, бездождье и пылица. Зимой температура падает часто до -40° , холод этот бывает, однако, не особенно чувствителен, так как обыкновенно при этом нет ветра. Время от времени поднимаются бураны, наметаю-

шие такие огромнейшие сугробы снега на улицах, что иногда по целым дням нельзя выйти из дому, — с уборкой снега здесь не так-то спешат. Зато санный путь стоит тогда превосходный; отличные черные лошади бойко мчатся по улицам, и санки под звон бубенчиков скользят по снегу с легкостью перышка. Весной и осенью погода очень непостоянна, выпадает много атмосферных осадков, и улицы превращаются в настоящие болота.

Расстояние от Петербурга до Оренбурга равняется, как сказано, 225 шведским милям; между Оренбургом и Ташкентом — 208 миль (1956 верст), и мне следовало сделать почти такой же путь в экипаже, какой я сделал по железной дороге в четверо суток: две тысячи километров в тарантасе, в ноябре месяце, по каменистым, размытым или занесенным снегом дорогам, через степные пустынные области! Я несколько побаивался такой дороги, почти равняющейся по расстоянию прямому пути от Нордкапа через Стокгольм и Мальме до Рюгена, пути от Стокгольма до Рима, от Берлина до Алжира или от Иерусалима до Хартума.

Можно, если угодно, ехать в почтовом экипаже, но тогда надо менять его на каждой станции, а так как этих станций 96, то можно представить себе, сколько потеряешь

Мой тарантас заложен тремя верблюдами

времени и трудов на перекладку багажа. Лучше всего поэтому в самом начале поездки купить собственный тарантас, устроиться в нем на все время пути как можно удобнее со всеми своими войлоками, коврами и тулупами — тарантас не имеет ни сиденья, ни рессор, — и тогда знай только меняй лошадей на станциях.

Перед отъездом надо запастись разными необходимыми вещами, прежде всего провизией, потому что на станциях не найдешь в большинстве случаев ничего съедобного; только самовар за 15 копеек всегда к услугам путешественника, да иной раз можно приобрести кусок черного хлеба. Затем надо запастись веревками, гвоздями, гайками и тому подобными предметами, на случай неизбежной поломки экипажа, а также смазкой, так как на каждой третьей станции необходимо смазывать оси, чтобы они не загорелись. Покидая Оренбург, разом расстаешься со всякой цивилизацией и, углубляясь на восток, оказываешься всецело предоставленным самому себе.

Попадавшие в глубине степей станции были более чем примитивного устройства; иногда они состояли просто из киргизской юрты, обнесенной изгородью из тростника и сучьев. Но даже такие юрты, как и вообще помещения для проезжих на почтовых станциях, украшены портретом царя и снабжены кожаным диваном, стульями и столом. В углу висит икона с лампадкой, а на столе лежит Евангелие для пользования проезжих. Между Оренбургом и Орском на всех станциях имеются Библии, пожертвованные великим Пржевальским.

Станционные смотрители (старосты или старшины) всегда из русских и коротают здесь свою ужасающе однообразную жизнь со своими семьями. Единственное, что нарушает это вечное однообразие, — прибытие почты или проезжего в грохочущем тарантасе. Но такое соприкосновение с внешним миром обыкновенно лишь мимолетно; проезжий спешит выехать из этого уединенного двора, приказывает закладывать свежих лошадей, пьет чай, пока их запрягают, и затем мчится дальше.

Старосты получают от 150 до 280 рублей в год жалованья; в их распоряжении четыре ямщика, почти всегда

из татар или киргизов. Жребий последних еще менее завиден: во всякое время, во всякую погоду будь готов сесть на козлы и направить свою тройку по дороге, изъезженной взад и вперед тысячи раз в дождь и в темень, в вёдро и в бурю, в мороз и вьюгу. Спят ямщики, когда придется, и поэтому охотно прощаешь им, если они иной раз, следуя примеру проезжего, тоже начинают клевать носом. Ямщики получают от 60 до 65 рублей в год, пуд или полтора пуда хлеба и полбарана в месяц. Провизию и другие, нужные для станции запасы доставляет особый человек, который в известное время объезжает с этой целью весь почтовый тракт. Почтовый тракт между Оренбургом и Ташкентом содержится частными лицами. На станциях между Оренбургом и Орском не уплачивают никакого государственного сбора, так как каждый станционный смотритель является хозяином лошадей и экипажей; но на тракте от Токана до Тереклы, содержимом оренбургским купцом Мякиновым, надо на каждой станции платить государственный сбор — по 10 копеек с лошади. В Токане уплачивается в пользу Мякинова сполна вся сумма за проезд до Тереклы. От этого места до Ташкента содержит почтовый тракт ташкентский купец Иванов; он же содержит смотрителей, ямщиков, лошадей и экипажи и за то собирает весь доход, получаемый с проезжих, уплачивающих на одной из конечных станций за проезд по всему тракту.

Повсюду слышались разговоры о «добром старом времени», когда этот путь служил единственной дорогой в русский Туркестан, по нему проезжала масса людей и на каждой станции держалось по 9—10 троек. С походом Скобелева против туркмен и постройкой Анненковым железной дороги завелись новые порядки. Главная почта в Ташкент и многочисленные проезжие предпочитают более быстрый, дешевый и удобный способ сообщения по железной дороге, и старый почтовый тракт, идущий через киргизские степи, пришел в упадок. Проезжие стали здесь диковинкой, города потеряли значение и обеднели, торговые сношения между Туркестаном и Россией упали, число караванов, возивших в Оренбург шерсть и хлопок, сильно убавилось, и только ради местной почты да политических и стратегических

соображений не упраздняют этого тракта совсем. Во время моего пребывания в Оренбурге вице-губернатор, генерал Ломачевский, предоставил в мое распоряжение одного старого почтенного чиновника, который прослужил в городе 45 лет. С его помощью мне и удалось снарядиться в путь-дорогу хорошо и дешево. Так купили мы совершенно новый большой и прочный тарантас с толстыми железными шинами на колесах за 75 рублей. Впоследствии я продал его в Маргелане за 50 рублей. В тарантас без труда уместился я сам и весь мой багаж (около 300 килограммов); отныне этому экипажу предстояло служить моим постоянным жилищем в продолжение 19 суток непрерывно.

14 ноября в Оренбурге разразился первый зимний буран, и термометр в полдень показывал -6° . Но так как все у меня было готово, то я и не захотел откладывать отъезда. И вот принялись обшивать рогожами чемоданы и ящики с разными припасами, привязывать их крепкими веревками, частью сзади тарантаса, частью перед козлами; мешки, в которых могла явиться надобность в дороге, фотографические аппараты, провизия, а также войлоки, ковры, подушки и шубы укладывались в середину тарантаса; оси основательно смазали и запрягли первую тройку. Уладилось все только к вечеру, и я, приветствуемый на прощанье любезнейшим генералом Ломачевским, наконец отправился. Тяжелый тарантас с грохотом выехал из ворот; звон бубенчиков будил веселое эхо в улицах Оренбурга. Когда стемнело, мы были уже в степи; ветер гудел и свистал вокруг кожного фартука и поднятого верха тарантаса и часто гнал нам в лицо целые облака мелкой снежной пыли. Мало-помалу ветер, однако, улегся, и звезды озарили тонкий снежный покров, покрывавший пространство вокруг.

По дороге на Гирьяльскую мы встретили первых путников. Это был караван в сто верблюдов, представлявший весьма живописное зрелище среди этого пустынного ландшафта. Гнали верблюдов киргизы, а навьючены верблюды были хлопком, который везли из Орска в Оренбург. На Красногорской, куда мы прибыли на заре, мы остановились позавтракать. Старик почтальон, коренастый, высокий, бородастый русак, жаловался мне, что по случаю поста нельзя есть

ничего мясного, кроме рыбы, — все запрещено, и был очень приятно поражен, когда я предложил ему коробку с консервированной стерлядью. Покончил он с нею невероятно быстро и в продолжение $\frac{3}{4}$ часа выпил 11 стаканов чаю. Он сообщил мне, что в течение двадцати лет тридцать раз в год совершает переезд между Оренбургом и Орском; выходит, что он проехал за это время пространство на тысячу миль длиннее, нежели отделяющее Землю от Луны.

В Верхнеозерной, в большом, прекрасно расположенном городе с церковью посреди, женщины продают шали из козьей шерсти, похожие на кашмирские, — их тоже можно, свернув, продеть в кольцо.

Все степь да степь! Вдали видны горы; дорога идет вдоль замерзшего, запорошенного снегом Урала. Кое-где виднеются киргизские юрты, но вообще кругом пустынно, расстояния между станциями огромные; однообразная тряска по твердой замерзшей дороге и монотонное позвякивание бубенчиков нагоняет дремоту.

Около Подгорной местность становится пересеченной; на следующем перегоне начинается подъем на Губерлинские горы, и нам пришлось ехать на четверке с холма на холм. Два раза переезжали широкую реку Губерлю. Между этими двумя станциями у одного русского офицера свалился под гору экипаж, и ямщик убится до смерти; после того обрыв в самых опасных местах обгородили столбиками.

Проезжая последние станции, мы встречали многочисленные стада рогатого скота, который гнали в Оренбург, а оттуда еще дальше, в глубь страны. Через двое суток мы прибыли в Орск, городок с 20 000 жителей, расположенный на левом берегу Урала и на правом берегу Ори. Лежит он, таким образом, уже на азиатской почве, и, чтобы попасть туда, надо переехать через величавый Урал по узкому деревянному мосту. Дома выстроились вокруг одинокого возвышающегося над городом холма, на вершине которого высится каланча, где днем колокола звонко отбивают часы, а ночью расхаживает сторож, готовый затрезвонить в случае, если где-либо вспыхнет пожар. С каланчи открывается беспредельный вид; вблизи виднеются низкие горы; толь-

ко на юго-востоке, где идет дорога на Ташкент, местность представляется ровной.

Между рекой Уралом и холмом раскинулась та часть Орска, где находится церковь, все административные учреждения, школы, почта, телеграф и базары и где живут купцы и зажиточные граждане; на юге от холма ютятся жилища бедняков, крестьян, татар и киргизов.

Хотели было возвести на холме городской собор, заложили уже фундамент, но средств не хватило, и работы приостановились. Собор этот был бы виден издалека и со стороны Европы, и со стороны Азии.

Весенним разливом Урала иногда затопляет Орск. Река разливается местами в виде обширных озер, и горожане в это время с удивлением наблюдают со своего холма за обратившейся в море степью. Каждую весну ледоход ломает деревянный мост, который поэтому и возобновляется ежегодно. Бывает, что почту приходится переправлять на паромках.

Между рекой Уралом, Каспийским морем, Аральским, Сыр-дарьей и Иртышом простирается громадная ровная Киргизская степь. Население здесь кочующее и чрезвычайно редкое; животные и растения водятся также в очень небольшом количестве. Там, где почва сыра, растет непроходимыми чашами камыш или тростник, и даже в самых сухих песчаных местах растет косматыми кустами саксаул, достигая иногда в высоту даже двух метров. Его твердые, как кость, корни необычайной длины представляют наилучшее топливо; киргизы и запасаются ими на зиму с осени. Около каждого аула можно найти настоящие горы таких корней, а нередко попадают и целые караваны, навьюченные ими.

Степь там и сям орошается ручейками, которые к осени обыкновенно пересыхают; они впадают в небольшие солоноводные озера, на берегах которых весной и осенью останавливаются пролетом бесчисленные массы перелетных птиц. У источников киргизы разбивают свои кочевья, состоящие из черных войлочных юрт и навеса из камыша. Зимние же жилища бывают обыкновенно сбиты из глины или земли. Летом киргизы направляются со своими большими стадами к северу, чтобы спастись от зноя и найти пастбища, невы-

жженные солнцем. Многие киргизы имеют по 3000 голов овец и 500 голов лошадей и считаются богачами. Киргизы — полудикий, но способный, здоровый и добродушный народ. Они любят величать себя «кайсаками», т. е. храбрцами, молодцами, довольны своей одинокой жизнью в степях, предпочитают всему на свете свободу, не любят подчиняться и презирают тех, кто живет в городах или занимается земледелием. Язык киргизов не особенно богат, и они в разговоре часто дополняют слова оживленной жестикуляцией.

В Орске багаж еще раз был уложен и перевязан снова, оси и колеса смазаны, и я опять залез в середину моего катящегося дома; ямщик свистнул, тройка рванулась, понеслась к югу с быстротой ветра и... прощай, Европа! От Орска почтовый тракт лежит вдоль правого берега реки Ори по чуть заметно пересеченной местности вплоть до станции Бугаты-сай, поблизости которой расположен зимний аул киргизов. Киргизы, видимо, были не особенно довольны моим посещением — я притащил с собой оба фотографические аппарата — и беспрестанно спрашивали, не стреляет ли больший из них, и ни за что не согласились стать в группу перед ним. Только посредством маленького аппарата (кодака) удалось мне увековечить некоторых из них.

После продолжительного отдыха мы покинули долину Ори. Снова началась пересеченная местность, кое-где покрытая снегом. Серебряный свет месяца обливал пустынную степь; нигде не было видно ни людей, ни следа зимнего поселка; кругом стояла мертвая тишина, нарушаемая только звоном бубенчиков, окриками ямщика и хрустом снега под колесами тарантаса.

II. Киргизская степь

Первое русское местечко на азиатской почве — Карабутак, маленький городок, как и Рим, расположенный на семи холмах, но по величине-то несколько уступающий этому городу, так как состоит всего из 33 домов; живут в нем десятка три русских да сотня татар и несколько киргизов. Значение Карабутак имеет единственно как

форт, воздвигнутый двадцать шесть лет тому назад генералом Обручевым, чтобы сдерживать набеги киргизов, которые тогда беспокоили русскую границу. Командует фортом «воинский начальник»; у него 84 солдата. По его словам, сидеть в такой пустыне не лучше, чем быть в ссылке, и он не выдержит тут больше года. Единственными развлечениями служат чтение, обучение солдат стрельбе и охота. Прежде, когда сюда ежедневно приходила почта, было иначе.

Дорога на Иргиз идет вдоль высохшей в это время года реки. Я уже так свыкся с ездой в тарантасе, что преспокойно спал по ночам между тулупами и войлоками, просыпаясь лишь тогда, когда тройка останавливалась на новой станции, где я предъявлял старосте подорожную, и через четверть часа мне впрягали свежих лошадей. Впрочем, не очень-то приятно такое пробуждение, при 15° мороза; чувствуешь себя усталым, разбитым, с оцепеневшими членами и жаждешь чаю. Наконец над горизонтом встает солнце, золотит степь, растапливает иней, покрывший за ночь траву своим тонким белым налетом, и отгоняет степных волков от почтового тракта.

Еще несколько станций, и мы в Иргизе, расположенном на небольшом возвышении около реки того же названия, которая дальше на восток впадает в соленое озеро Чалкар-тенис. Иргиз — укрепление; комендант — уездный начальник. В местечке есть небольшая церковь; живет здесь, включая гарнизон, до тысячи душ; самый гарнизон состоит из 150 чел.; из них 70 — оренбургские казаки. Большинство жителей — купцы сарты, которые время от времени приезжают сюда вести меновую торговлю с киргизами. Привозят они свои товары из Оренбурга, Москвы и Нижнего Новгорода. Иргиз основан в 1848 г. русскими и, следовательно, как и Карабутак и Тургай, чисто русский город. Основан он в числе других укреплений вскоре после присоединения к России киргизских степей, совершившегося в 1845 г. В административном отношении вся степь была сначала подчинена оренбургскому генерал-губернатору, но затем, когда Оренбург стал губернией, была поделена между Тургайской областью и Сырдарьинской. До оккупации края русскими Иргиз назывался «Джар-мулла» — «могила свято-

го у обрыва», и имел значение только как пункт паломничества киргизов и кладбище.

И вот опять помчались во весь дух. Часов около пяти солнце садится, и пурпурно-матовый отблеск ложится на степь. При солнечном закате можно наблюдать самые разнообразные световые эффекты, и часто бываешь введен в самые забавные недоразумения относительно расстояния и величины предметов, так как тут нет никакого мерила для сравнения. Пара невинных ворон, болтающих неподалеку от дороги, представляется громадными верблюдами, какая-нибудь кочка — тенистым деревом. Когда солнце исчезает, пурпуровая краска сменяется фиолетовой и светло-голубой, которые через несколько моментов переходят в темные тоны и наконец в ночные тени. Последние, впрочем, не особенно темны, так как воздух чист и ясен, звезды блестят, словно электрические лампочки, а месяц обливает родину киргизов серебром.

Перегон до Тереклы был самым долгим на всем пути — больше 34 верст. Здесь граница между Тургайской и Сырдарьинской областью. В Джулюсе, первой станции на тракте, содержимом купцом Ивановым, есть прекраснейшее помещение для проезжих; здесь же взимается плата 25 рублей за проезд 228 верст до Казалинска.

Отъехав шесть верст от Тереклы, мы вступили в Каракум. Растительность стала быстро редеть, и наконец мы очутились среди голых песков. Область эта омывалась некогда водами Арало-Каспийского моря, о чем свидетельствуют богатые остатки раковин, находимые в самой глубине пустыни.

Лунной ночью прибыл я на расположенную среди песчаного моря маленькую станцию Константиновскую. Отсюда и до Камышлы-баша, на протяжении 120 верст, для езды употребляются верблюды, так как лошади не в силах тащить тяжелый экипаж по песку, часто образующему целые холмы или барханы.

Через несколько минут по моем прибытии на Константиновскую я слышал знакомые мне звуки: храпение, сопение и рев верблюдов, и при лунном свете вырисовались три величественных силуэта с горбами. Их впрягли

в тарантас, и они понеслись легкой рысцой под посвистыванье ямщика. Обыкновенно они всегда бегают ровной рысью, но нередко переходят и в галоп. Песок здесь так плотен и тверд, что верблюды оставляют на нем едва заметные следы; подальше же от берега идут барханы, в которых тарантас вязнет по ступицы колес.

Аральское море расположено на 48 метров выше уровня океана. Берега его голы и пустынные; глубина незначительна; вода такая соленая, что пить из него можно только у самых устьев рек. Кроме того, в середине озера есть, говорят, известная доля пресной воды. Около северо-восточной бухты, неподалеку от берега и на невысоком песчаном холме, лежит станция Ак-Джулпас. Восемь лет тому назад станция лежала на самом берегу, но при высоком подъеме воды ей часто грозило быть затопленной и отрезанной от почтового тракта, потому ее и перенесли подальше.

Когда ветер дует с юго-запада, воду гонит в бухту, затем она разливается по берегу и скопляется в ямах, в которых можно потом руками наловить всякой рыбы, стерлядей и др. Теперь вся бухта была подо льдом, и видно было, как на расстоянии нескольких верст от берега по блестящему зеркальному льду переходил караван. Летом караваны также ищут здесь кратчайших путей, переходя бухту вброд, так как она очень мелка; глубина самое большее достигает 2 метров, а обыкновенно бывает не свыше 1 или $\frac{1}{2}$ метра. В теплое время года, когда песок сух, его сносит ветром в море, и береговая линия постоянно изменяется, бухта засоряется, образуются отмели, косы и песчаные бугры. Вдоль берегов находят много солончаковых лагун; летом они обыкновенно пересыхают и напоминают видом бухточки, отделившиеся от моря летучими песками.

Улов рыбы бывает очень богатый и ведется уральскими казаками, которые закидывают свои невода даже в двадцати верстах от берега. Когда озеро покрыто льдом, они отъезжают от берега к своим прорубям на санях или на верблюдах; в другое время едут к неводам на небольших лодках. Климат в этой области хорош; летний зной умеряется близостью Аральского моря, и зимой редко выдаются резкие холо-

да, бураны также не обычное явление, зато дожди и густые туманы повторяются очень часто. Пока я был там, дождь не переставал, и местами дорога совсем исчезала под глубокими лужами, по которым звучно шлепали верблюды; экипажу часто грозило завязнуть в размокшем, засасывающем песке; дождь без остановки барабанил по верху и по фартуку тарантаса.

Верблюды вообще очень послушны, бегут хорошо, и тогда ямщик может себе преспокойно сидеть на козлах, но иногда нам попадались такие упрямые, которые все норовили свернуть с пути и идти своей дорогой; тогда ямщику приходилось ехать на среднем из них. Поводья прикреплены к палочке, продетой сквозь носовой хрящ; таким-то жестоким способом заставляют этих громадных животных повиноваться.

Как ни оригинален переезд на верблюдах, я все-таки не без некоторого удовольствия снова увидел перед своим тарантасом тройку черных лошадок. Радость моя, однако, была кратковременна — не проехали мы и полдороги до следующей станции, как завязли в солончаковом болоте. Ямщик кричал, хлестал лошадей, те лягались, становились на дыбы и рвали постромки. Кончилось тем, что ямщику пришлось сесть на одну из лошадей и вернуться на станцию за подмогой, а мне два часа сидеть одному впотьмах, на дожде и ветре и поджидать в гости волков. Наконец появились два киргиза с парой лошадей, которых и припрягли впереди тройки, превратившейся таким образом в пятерик. Соединенными силами лошади вытащили тарантас из месива, куда он погружался все глубже; налипшие на колеса большие комки песку и глины заставляли колеса отчаянно скрипеть, когда мы двинулись по степи дальше.

На правом берегу Сыр-дарьи, в 170 верстах водяного пути и 80 верстах сухопутного от Аральского моря, лежит город Казалинск, имеющий 600 домов, из которых 200 принадлежит русским, и 3500 жителей; из последних 1000 приходится на долю уральских казаков с их семьями. К остальному населению принадлежат сарты, бухарцы, татары, киргизы и даже несколько евреев. Богатейшие купцы — бухарцы.

Киргизы, напротив, все бедны; зажиточные из них остаются в степи, где живут своими стадами.

В эпоху походов на Хиву и Бухару Казалинск имел известное значение, как укрепленное место; тогда Аральская флотилия, пять небольших пароходов, имела здесь свою станцию, а гарнизон достигал целого батальона. Теперь город имеет всего 24 человека гарнизона и 2 баркаса; остальные суда отошли в Чарджуй на Аму-дарье. Жизнь и движение здесь замерли; только крылья ветряных мельниц да многочисленные рыбацьи лодки и оживляют этот печальный город, по улицам которого в это время года не пройти даже в калошах, доходящих до колен. Низенькие белые русские дома построены из кирпича; дома сартов, бухарцев и киргизов из высушенной на солнце глины, серого цвета, готовые разрушиться, часто бывают обнесены длинными унылыми стенами. В городе есть две школы, церковь и несколько общественных зданий (лучшее из них — дом уездного начальника), расположенных среди настоящей роши стройных серебристых тополей; в вершинах их гнездится бесчисленное множество ворон, производящих страшный шум.

Право на рыбную ловлю в реке принадлежит уральским казакам; ведется ловля, главным образом, в устье. В прошлом году (1892 г.) было поймано 14 000 стерлядей. Теперь со дня на день ждали, что река станет, и ввиду того, что это случается иногда в одну ночь, рыбаки начали уже вытаскивать свои лодки на берег. Там, где берега реки чуть выше уровня воды, такой ночной мороз причиняет обширные наводнения, потому что вода, текущая поверх замершего сверху льда, смерзается все в более и более толстый пласт и заставляет течение искать других путей. Получается, что вследствие этого приостанавливается всякое движение, так как через затопленные места нельзя пробраться ни верхом, ни в экипаже, и почте тогда приходится делать большие объезды по степи.

Я совершил с семьей казаками небольшую экскурсию для исследования течения реки и проч. Близ крепости у правого берега мы нашли семь сажен глубины; уровень воды случился как раз самый низкий за пятнадцать лет. В июле

и в августе глубина бывает наибольшая; затем, к осени, вода понемногу спадает. Цвет воды желтовато-серый, но для питья она хороша.

Делать мне в Казалинске больше нечего было, и я отправился на четверке лошадей дальше, вдоль по берегу реки. Аллювиальная почва из желтой глины была здесь ровна, как пол, и по дороге расставлены были с короткими промежутками небольшие глиняные конусообразные столбики с пучками камыша на верхушках, служащие указателями пути зимой, когда все дороги бывают занесены снегом. Словом, столбы эти играют здесь в степном море роль бакенов. Местность остается все такой же пустынной, как и до сих пор; на расстоянии дневного пути не встретишь ни человека, ни жилья. Нам попались только двое верховых киргизов, гнавших в степь сотню верблюдов. Вообще же единственным предметом для внимания проезжего остается величественная Сыр-дарья.

По берегу Яксарта дорога идет до незначительного укрепления Кармакчи, обыкновенно называемого русскими фортом № 2; здесь 70 домов, принадлежащих магометанам и девяти русским. Тут нам опять пришлось свернуть в глубь степи, чтобы избежать большого болота, ежегодно заливаемого изменчивым течением Сыр-дарьи.

Дорога на протяжении многих перегонов шла по настоящей пустыне, где мог произрастать один саксаул; затем пошла по местам, носившим следы недавнего затопления, и здесь рос густой и высокий камыш. От самого форта Перовска, расположенного на берегу Яксарта и во всем напоминающего Казалинск, только чище и красивее, и до станции Тюмень-арык растительность очень богата; камыш, саксаул и косматые кустарники образуют настоящие чащи; дорога часто идет словно по узкому коридору. Чащи эти служат любимым местопребыванием для тигров, кабанов, газелей, не говоря уже о гусях, утках и фазанах, водящихся тут в несметном количестве. Эти последние так смелы, что посматривают на проезжих с края дороги, но стоит остановиться, чтобы прицелиться, они с шумом и свистом улетают.

Включение на остаток пути в мое меню нежного, белого мяса фазанов было самой приятной переменной, тем

более что моя провизия вообще подходила к концу. Киргизы стреляют фазанов из своих дрянных ружей и продают их в хорошие года по 6—7 копеек за штуку; я покупал их по 10—12 копеек. Но уже в Оренбурге фазан стоит полтора рубля, а в Петербурге два и больше. В это охотничье Эльдorado часто наезжают офицеры и спортсмены из Ташкента и всегда возвращаются с богатой добычей.

Наконец показались сады Туркестана с высокими тополями, окруженные длинными серыми стенами, кое-где новыми, но по большей части старыми, развалившимися; вот и гордый курган времен Тимура, а вот мы и проехали по пустому, по случаю пятницы, базару к стациональному домику, где кузнец-киргиз тотчас же взялся за починку тарантаса. Туркестан, завоеванный в 1864 г. генералом Черняевым, сам по себе захудалый и неинтересный город, производил тем более печальное впечатление в дождь и туман. Единственное, что может оправдать здесь остановку на несколько часов, это грандиозная мечеть-мавзолей, воздвигнутая в 1397 г. Тамерланом в честь киргизского святого Хазрет-Султан-ходжа-Ахмет-Ясеви. Ее портал чрезвычайно высок и украшен двумя живописными башнями, а самая мечеть увенчана множеством дынеобразных куполов. Облицовка фасада из каолина (фарфоровой глины) разрушилась, но боковые и задняя стены прямоугольного здания уцелели и пестреют, как и в Самарканде, голубой и зеленой краской. Мечеть обнесена воздвигнутой Худояром-ханом квадратной крепостной стеной из глины; внутри стены расположены теперь русские казармы. Несколько сартских мальчишек проводили меня через лабиринт узких проходов и по мрачным холодным лестницам на верх одной башни, откуда с головокружительной высоты открылся дивный вид на Туркестан, испорченный, впрочем, дождем. Обычное Востоку унылое впечатление охватывает вас и здесь: с одной стороны памятники древнего зодчества, ослепляющие вас своей роскошью и подавляющие своим величием, а с другой — современные строения, эти жалкие глиняные лачуги, с плоскими разрушившимися кровлями, эти узкие кривые улицы!

Была, как сказано, пятница, и я посетил мечеть как раз во время «намаза», или богослужения. Сарты в цветных кафтанах и белых тюрбанах собирались толпами и торжественно вступали под гигантские своды мечети, оставив громоздкие стучащие «калоши» у входа. Посреди мечети стояла огромная чаша, окруженная множеством туг — пучков конских волос на длинных древках. Стены белые, украшенные местами изречениями из Корана. Старый ахун вежливо указал мне на дверь, так как звали к молитве. Я взошел на одну из верхних галерей и оттуда уже стал смотреть на длинные ряды коленопреклоненных и кладущих поклоны сартов; это была красивая картина, напомнившая мне ночь Рамазана в Стамбуле.

Между Иканом и Ногай-Курой мы завязли. Я не суеверен, но это был тринадцатый перегон от Туркестана, и до Ногай-Куры оставалось тоже тринадцать верст. Лошади не могли сдвинуть тарантас с места; коренник встал на дыбы, пристяжные лягались и угрожали разбить тарантас. Время было около полуночи, темень стояла непроглядная, ямщик уехал назад в Икан за подмогой, а я заснул и проспал три часа, пока пятерик не выдернул тарантас из трясины и не помчал меня дальше.

В сумерки прибыли мы в Чимкент. На улицах было тихо и пустынно, вся жизнь как будто замерла; только в окошках мерцали огоньки. Теперь уже недалеко было до резиденции генерал-губернатора. С меня уже довольно было езды в тарантасе, и, добравшись до Ташкента в ночь на 4 декабря, я тотчас же с наслаждением покинул свой экипаж и отправился в гостиницу, где занял два прекрасных номера.

III. От Ташкента до Маргелана

ВТашкенте я пробыл около семи недель. Генерал-губернатор барон Вревский принял меня с безграничным радушием, я был его ежедневным гостем и имел случаи завязать у него знакомства, которые весьмагодились мне для моего путешествия по Памиру.

На Святках я участвовал в целом ряде веселых, блестящих праздников. Сочельник, первый и приятнейший за все время моего пребывания в Азии, праздновали у барона Вревского почти так же, как в обычае у нас на Севере. Были приготовлены рождественские сюрпризы, из которых многие были снабжены французскими посвящениями в стихах, а посреди одной из зал возвышалась гигантская «елка» из ветвей кипариса, украшенная сотнями восковых свечек. Вечер прошел в обычной веселой беседе около шумящего самовара в убранном с большим вкусом и чисто восточной роскошью салоне. Украшениями служили, между прочим, портреты царя, шведского короля Оскара и эмира бухарского, снабженные собственноручными надписями. Достоянейшей представительницей дамского элемента являлась дочь генерал-губернатора, княгиня Хованская, блестяще исполнявшая на всех официальных и частных празднествах роль хозяйки дома.

Под Новый год барон Вревский пригласил человек тридцать гостей. Около полуночи было подано шампанское, затем, подняв полные бокалы, среди полной тишины стали ждать «двенадцати ударов». При звоне часов все стали приветствовать Новый год, обмениваясь направо и налево словами: «С Новым годом».

2 января состоялся обычный торжественный обед в большой парадной зале. В числе приглашенных были все представители администрации и войска, посол эмира бухарского, три почетнейших сартских кади (судьи) и проч. Бухарским послом, который ежегодно приезжает к Новому году в Ташкент поздравить генерал-губернатора от лица эмира, оказался тот самый чернобородый милейший таджик, Шади-бек-караул-беги-шигаул, которого эмир три года тому назад высылал приветствовать меня на границе Самарканда и Бухары.

По обычаю, он привез подарков на сумму 10 000 руб.: восемь лошадей с великолепными шитыми золотом и серебром седлами, с голубыми и красными бархатными попонами, несколько сотен почетных халатов, главным образом бухарских, но также несколько кашмирских и китайских, много ковров, материй, драгоценностей и проч.

Между приглашенными был человек, игравший большую роль в новейшей истории Центральной Азии, по имени Джура-бек. В молодости он служил эмиру бухарскому Насрулаху и по смерти последнего захватил в свои руки управление плодородной провинцией Шаар-Сабиз, древним Кешем, родиной Тамерлана. Здесь он пробыл беком несколько лет, затем был низвергнут одним из своих соперников и посажен в темницу. Народ, недовольный его преемником, однако, освободил Джуру-бека и вернул ему власть. Когда русские под начальством генерала Кауфмана взяли в 1868 г. Самарканд, Джура-бек поспешил со значительными силами на освобождение знаменитого города, обложил его и сильно стеснил русских, которые избавились от неминуемой опасности в самую критическую минуту только благодаря подоспевшей подмоге.

Генерал Кауфман заключил затем с Джурой-беком мир на таких условиях: он остается беком в Шаар-Сабизе, но не должен тревожить русских владений. Через два года в Шаар-Сабизе было умерщвлено несколько казаков, и генерал Кауфман заставил бека бежать из владений, которыми тот управлял десять лет. Вместе со своим другом Бабой-беком он долго бродил без приюта по горам и наконец явился в Коканд искать гостеприимства и помощи у последнего из ханов Коканда Худояра-хана. Этот, однако, поступил с ним вероломно, схватил его, заковал в цепи, а затем отослал к его врагу, генералу Кауфману.

Последний принял Джуру-бека ласково, но удержал у себя пленником. В Ташкенте русские обошлись с ним как нельзя лучше, и он стал пользоваться сравнительной свободой. Когда Скобелев предпринял свой поход на Коканд, Джура-бек, знавший все пути и дороги, предложил ему свою помощь против хана Худояра, своего врага. В этом походе, нанеся Коканду последний удар, Джура-бек так отличился, что получил чин русского полковника и Георгиевский крест. Теперь, по образу жизни, языку и одежде, его не отличить от русских; живет он в Туркестане, в прекрасном доме и, получая в год 3000 рублей пенсии от русского правительства, и 6000 рублей от эмира Бухарского, который, однако, его заклятый враг, ведет мирную, спокой-

ную жизнь, занимается изучением восточных ученых книг и очень доволен переверотом в своей судьбе. Его сказочно интересная биография, которую он сообщил мне в течение вечеров, проведенных мной в его гостеприимном доме, тем не менее дышит трагизмом — азиатский деспот, превратившийся в русского полковника!

Но вернемся к обеду. Он был поистине лукулловским; блеск канделябров и шитых и осыпанных звездами мундиров, заставлял забывать об Азии; единственное, что могло напомнить о ней, было присутствие восточных гостей, одетых в пестрые, драгоценные халаты и тюрбаны. Когда подали шампанское, генерал-губернатор встал и прочел новогоднюю телеграмму от царя и провозгласил тост за Его Величество. Затем, стоя и повернувшись лицом к портрету государя, девяносто гостей выслушали русский национальный гимн. После того барон Вревский провозгласил тосты за туркестанское воинство и за эмира бухарского. Под конец был провозглашен тост и за самого правителя Сырдарьинской области.

Меня, однако, удерживали в Ташкенте так долго не веселые праздники и пиры, — я все время был занят приготовлениями к экспедиции. Я вел оживленную переписку, проверил в обсерватории свои инструменты и собрал много разных статей и сообщений о Памире. Все мои инструменты оказались в превосходнейшем состоянии, исключая ртутный барометр, который разбился в дороге и должен был подвергнуться генеральной починке у немца, механика обсерватории. Особенно же пострадали от тряски в тарантасе боевые припасы. Когда я открыл оба ящика, мне представилось грустное зрелище. Сотни две гильз с патронами с дробью были смяты в своих скомканных, точно бумага, жестянках. Мне казалось просто чудом, что ни один из острых углов жестянок не наткнулся на пистон и не произошло взрыва. Тогда мое путешествие обрело бы скорый конец и иную цель. Итак, боевые припасы надо было возобновить и уложить снова.

Кроме того, мне предстояла в Ташкенте масса закупок. Я запасся всевозможным провиантом: консервами, чаем, кексами, сыром, табаком и проч. — на долгое время. Затем

накупил разных мелочей, как то: револьверов с патронами, часов, карманных зеркал, шарманок, компасов, биноклей, калейдоскопов, микроскопов, серебряных чарок, украшений и материй и проч., — для подарков киргизам, китайцам и монголам. Во Внутренней Азии материи почти ходячая монета; за несколько метров простой шерстяной материи можно приобрести лошадь или провиант на несколько дней для целого каравана.

По особому распоряжению генерал-губернатора я получил самые последние и лучшие карты Памира, хронометр (Вирена), берданку с патронами и 20 фунтов пороху.

Когда все было готово, я распростился со своими ташкентскими друзьями и оставил величественный город в 3 часа утра 25 ноября 1894 г.

В Коканд я прибыл 29 января. Во время моего посещения Коканда в кокандских медресе насчитывалось 5000 учащихся, живущих на счет медресе, и 300 своекоштных учеников. Имеется еще три еврейских школы с 60 учениками. Число жителей Коканда доходит теперь до 60 000, из которых 35 000 сартов, 2000 кашгарцев и таранчей, 575 евреев, 500 цыган, 400 дунган, 100 татар, 100 афганцев, 12 индусов, по обыкновению ростовщиков, и 2 китайца. К этому надо прибавить 350 русских и гарнизон в 1400 человек; остальные таджики.

Весной приезжает обыкновенно с десяток китайцев с коврами из Кашгара. В городе 11 600 домов и 9 фабрик для очистки хлопка. В последние годы процветание Коканда заметно увеличивается; особенно растет и расширяется Русский квартал. Кроме русской администрации, в поддержку ей существует и низшая туземная. Городской голова называется кур-баши; у него в подчинении четыре аксакала, из которых каждый управляет большим кварталом, — каттамахалля; аксакалам подчинены, в свою очередь, 96 эллик-башей, начальствующих над участками, или кичкинтаймахалля.

В Коканде я посетил несколько бань, разумеется, только ради любопытства, а не ради пользования, так как они представляют, в сущности, не бани, а рассадники кожных болезней. Входишь в большую залу с покрытыми циновками скамьями и деревянными колоннами; это раздеваль-

ная. Из нее переходишь по лабиринту узких коридоров в темные наполненные парами сводчатые покои различной температуры. Посредине каждого находится широкая скамья, на которой моющегося растирает и моет голый банщик. В этих погребовидных кельях царствует таинственный полумрак, и в облаках пара только мелькают какие-то нагие фигуры с длинными черными или седыми бородами. Мусульмане часто проводят в бане полдня, курят, пьют там чай, а иногда и обедают.

Вместо того чтобы прямо отправиться по большому почтовому тракту в Маргелан, я выбрал окольный путь в 200 верст на Чуст и Наманган. Около города Гурум-сарая переправились на пароме через Сыр-дарью и продолжали путь по ужасной дороге на городок Чуст, единственное значение которого в производстве хлопка, риса и хлеба. Повсюду стоял уже санный путь, поэтому тащиться в тарантасе было очень тяжело.

Наманган окружен селами и садами; в нем живет уездный начальник. Выбраться из Намангана не так-то легко. По замерзшей уличной грязи проходили глубокие твердые колеи, прорезанные колесами арб; по этим-то колеям и надо было ехать во что бы то ни стало. Трясаясь и подпрыгивая, плелись мы по ним всю дорогу до Нарына, настоящего истока Сыр-дарьи, через который надо переезжать по деревянному мосту. Каждую весну его сносит напором воды, и к лету его строят вновь. От города Балыкчи, расположенного на левом берегу Кара-дарьи, ямщик повез меня в Мин-булак на Сыр-дарье, которая повыше отделяет от себя своеобразный рукав Мусульман-куль, образующий поросшее тростником болото Сары-су. Болото все было покрыто льдом и снегом, кругом было голо и пусто; временами показывались стада пасущихся овец, но на чем, собственно, они паслись, так и осталось для меня загадкой. Миновав Яс-ауан, достиг я 4 февраля главного города Ферганы Маргелана, где губернатор, генерал Повалов-Швейковский, принял меня с изысканной любезностью и оказывал мне всякое содействие в продолжение двадцати дней, которые я провел у него в доме, занимаясь приготовлениями к отъезду на Памир.

IV. Зимнее путешествие по Памиру

На границах Восточного и Западного Туркестана, Бухары, Афганистана и Индии возвышается огромное плато, гигантский горный узел, от которого расходятся к востоку и юго-востоку величайшие горные хребты Кунь-лунь и Гималайский, к северо-востоку Тянь-Шань и к юго-западу Гиндукуш, а между двумя первыми из названных хребтов уходит в глубь Тибета Каракорум. Здесь, согласно показаниям многих ученых, жили первые люди, а предания рассказывают, что отсюда вытекали четыре большие реки, протекавшие по раю и упоминаемые в Библии. Жители Нагорной Азии до сих пор еще величают Памир «Крышей мира» откуда огромные великаны смотрели на всю остальную землю. В политическом отношении Памир находился в недавнее время под властью кокандских ханов, а с отнятием могущественным соседом власти у последнего из ханов Коканда право на Памир перешло к России. Последняя, однако, мало обращала внимания на эту непроходимую и почти необитаемую область, что и ободрило восточных соседей присоединить к своим владениям различные ее части. Афганцы овладели Бадахшаном и Шугнаном и около реки Пяндж воздвигли форты. Китайцы овладели восточными пограничными областями Памира, а англичане взяли Читрал и Канджун.

Русские перестали наконец оставаться равнодушными к таким захватам. В 1891 г. полковник Ионов с 1000 казаков и караваном, везшим полное боевое вооружение, провиант и даже митральезы, выступил из Маргелана и прошел весь Памир до Гиндукуша, где близ перевала Барогил имел стычку с афганцами. Вскоре за тем был основан около реки Мургаба форт Ша-джан, позже Памирский пост; сотни две казаков блюдают оттуда интересы России в Памире.

В последние годы о Памире столько говорили и писали, что эта прежде почти забытая, окутанная полярными холодами страна в самом сердце Азии стала предметом живейшего интереса и целью важных, пожалуй, роковых политических и стратегических мероприятий.

Во время моего пребывания в доме барона Вревского мы часто говорили о Памире, и мне пришла мысль отправиться в Кашгар через Памир. Когда я принял это решение, почти все стали отговаривать меня, а офицеры, принимавшие участие в ионовской экспедиции, предсказывали мне всевозможные опасности и советовали подождать месяца два-три.

Один капитан, зимовавший год перед тем на Мургабе, уверял, что я подвергаю себя ужасным бедам и неминуемо рискую очутиться в критическом положении. Даже житель Севера не имеет понятия о том холоде и буранах, которые свирепствуют зимой на Памире. Да и среди лета бураны и мороз в 10° там не в редкость. Зимой 1892—1893 гг. температура в конце января упала до -43° а бураны не прекращались. Капитан советовал мне также во время переходов никогда не удаляться от своего каравана; внезапный буран может отрезать меня от моих спутников, и тогда уже невозможно будет опять соединиться с ними, даже если расстояние, отделяющее нас друг от друга, не превысит нескольких десятков шагов. Все будет окутано облаками снега, среди которых едва различишь лошадь, на которой сидишь; крики о помощи замрут неслышанными; даже выстрелов не будет слышно из-за воя снежной бури, и путник, очутившийся в такой буран, без палатки, без провианта, без шубы, без войлоков, может читать себе отходную. Словом, полковник Ионов и капитан Ванновский, оба известные и опытные путешественники по Памиру, отнюдь не завидовали моему путешествию и всячески предупреждали меня.

Нашлось все-таки двое людей, которые не так мрачно смотрели на мое предприятие и, напротив, ободряли меня и обещали сделать все возможное, чтобы облегчить мне его осуществление. Это были генерал Вревский и губернатор Ферганы генерал Повало-Швейковский, и они блестяще сдержали свое слово. По инициативе барона Вревского губернатор Ферганы еще за неделю до моего отъезда из Маргелана отдал приказание зимовавшим в долине Алая киргизам принимать меня повсюду и держать для меня наготове юрту, снабжать меня бараниной и топливом, сзывать народ, чтобы расчищать дорогу от снега, вырубать ступень-

ки на опасных узких ледяных тропинках Алайского хребта, помогать при нагрузке каравана, отыскивать проводников и проч. С таким же приказанием снарядили курьеров на Мургаб. Затем, я получил письмо к тамошнему коменданту и к китайскому коменданту на Булюн-куле около границы; было также сделано распоряжение, чтобы джигиты сопровождали меня весь путь. Что же до снаряжения каравана, то сведущие люди, как нельзя лучше, помогли мне и в этом.

Заранее составленный маршрут наш лежал через Алайский хребет, перевал Тенгис-бай и долину Алая, через перевал Кызыл-арт и озеро Кара-куль, через перевал Ак-байтал и на Памирский пост у Мургаба; всего 459 верст, разделенных на 18 дневных переходов и 5 дней.

Старый сартский купец доставил лошадей. Я нанял себе одну верховую и 7 вьючных лошадей с платой по рублю в день за каждую. Выгоднее было бы купить лошадей и потом продать их в Кашгаре, но зато в настоящем случае жизнь и целостность наемных лошадей, уход за ними и корм уже не касались меня. В придачу были даны еще двое проводников и три вьючных лошади. Маленький, смелый, бывалый джигит Рехим-бай с обветренным лицом, умевший говорить по-русски, отличный повар, определился для ближайших услуг мне за 25 рублей в месяц «со столом и квартирой», но должен был иметь свою зимнюю одежду и лошадь. В пути он несколько раз собирался умереть и сопровождал меня только до Кашгара.

Один из двух верховых киргизов был гораздо выносливее и отлично заменял Рехима, когда тот бывал болен. Звали его Ислам-бай, родом он был из Оша; во все время нашего длинного пути он оставался лучшим моим слугой. Он видел меня впервые, не имел понятия о том, куда мы идем, но оставил свой дом и семью в Оше и спокойно последовал за мной делить неизвестную судьбу, ожидавшую нас в глубине Азии. Мы бродили вместе по сыпучим пескам пустыни Гоби, чуть не умирали от жажды, и, когда другие падали, он спас мои заметки и карты. Он всегда был первым, когда надо было переходить через высокие, покрытые снегом горы, верной рукой вел мой караван вброд через пенящи-

еся реки, оставался на своем посту, когда тангуты хотели напасть на нас. Он оказал мне неисчисленные услуги; без него мое путешествие не закончилось бы так счастливо. Теперь он с честью и с чувством нравственного удовлетворения носит пожалованную ему королем Оскаром золотую медаль.

В Маргелане я оставил часть ненужных вещей, между прочим старый заслуженный оренбургский тарантас и европейские чемоданы, а вместо них купил сартские «ягданы», деревянные сундуки, обитые кожей и устроенные так, что их легко можно было вешать парами на спину лошади. Куплены были также седла, шубы, валенки и провиант.

Нам предстояло часто разбивать палатку на покрытой снегом равнине, поэтому взяли с собой два стальных заступа; предстояло карабкаться по отвесным обледенелым тропинкам, поэтому забрали топоры и кирки; предстояло ехать по льду через озеро Кара-куль, в котором я намеревался измерять глубину, поэтому брал с собой лот и 500 метров крепкой бечевки, разделенной узлами на концы в 10 метров каждый. Подставка для измерительного прибора была устроена так, что могла превращаться с помощью кавказской бурки во временную миниатюрную палатку, годную на случай бурана. 22 февраля караван с джигитами выступил в Уч-курган. На одной лошади были навьючены фотографические приборы в двух ягданах, на другой — ящики с приборами, книгами и аптекой; четвертая и пятая шли с провиантом, шестая и седьмая с оружием и остальными вещами. В хвосте каравана шли еще три лошади с фуражом, и одна из них совсем исчезала под громадными мешками соломы.

Оба караванных проводника шли пешком, подбодряя животных; джигиты ехали верхом. В общем составилась длинный величественный караван, и я с гордостью наблюдал с губернаторского двора за его выступлением. Сам я оставался ночевать в Маргелане и имел случай еще раз сказать «прости» европейской цивилизации: в этот вечер у губернатора собрался весь высший свет Маргелана. Какая разница со следующими вечерами! Поговорив в последний раз по-шведски с генералом Матвеевым и поручи-

ком Кивекесом, добродушными финляндцами, и сердечно распрощавшись с губернатором и его любезной семьей, я ранним утром 23 февраля оставил Маргелан и присоединился в Уч-кургане к моему каравану. Пройдено было всего 35 верст, но местность успела подняться на 335 метров, и мы очутились уже на высоте в 900 метров с лишком.

Уч-курган — большой город, прекрасно расположенный при реке Исфайране, вытекающей из Алайского хребта. Здесь меня ожидал торжественный прием. Еще в двух верстах от города меня встретили «волостной старшина» Уч-кургана в сопровождении своего коллеги из расположенного выше Аустана; первый был сарт, второй киргиз; на обоих были синие парадные халаты, белые тюрбаны, пояса из кованого серебра и кривые сабли в окованных серебром ножнах. Им сопутствовала большая конная свита. Они проводили меня в селение, где собралась, в ожидании моего въезда, большая толпа народа, чтобы полюбоваться настоящим «тамаша» (зрелище, увеселение).

После «дастархана» караван выступил снова, сопровождаемый всей конной толпой. После четырехчасовой езды мы достигли следующего привала в Аустане. «Волостной» приготовил прекрасную юрту из белой «копшы» (толстый киргизский войлок), украшенную снаружи широкими цветными лентами, а внутри выстланную киргизскими коврами; в ней весело трещал огонь. Временную метеорологическую обсерваторию устроили неподалеку от стана; багаж разложили около палатки, лошадям подставили мешки с кормом, люди уселись вокруг огня под открытым небом, и Рехим-баю в первый раз представился случай показать свое поварское искусство. Вечером, когда наблюдения были закончены, мне поставили мою походную постель, состоявшую из двух подставок и парусины, натянутой между двумя ягданами.

При выступлении из Маргелана я в хлопотах совсем забыл достать себе собаку, которая бы караулила нашу юрту, но оплошность моя была поправлена самым неожиданным образом. 25 февраля мы прошли до расширения долины Лянгар, и тут к нам пристала большая желтая киргизская собака; она следовала за нами до самого Кашгара

и каждую ночь держала самый строгий караул около палатки. Назвали ее Джолчи — «найденная на дороге».

Тотчас за Аустаном подъем идет круто вверх; лошади карабкались гуськом. То и дело приходится переходить через горные речки по небольшим качающимся деревянным мостикам. Один из них носит знаменательное имя Чокуркупрук или Глубокий мост. С вершины скалы, по краю которой бежит тропинка, мост этот кажется тоненькой жердочкой в глубине узкого ущелья. Тропинка опускается к мосту почти отвесно и так же отвесно извивается по ту сторону долины. Лошади выбиваются из сил, сопят и останавливаются чуть не на каждом шагу, чтобы перевести дух. Вьюки то и дело приходится поправлять, так как они все съезжают то вперед, то назад. Ободряющие крики проводников звонко раздаются между отвесных скал, и караван медленно, осторожно, шаг за шагом подвигается по опасной, всего в шаг шириной тропинке.

Недалеко от моста тропинка оказалась обледеневшей и спускалась около одетого снегом вертикального склона, у подножья которого торчали острые уступы сланца. Первую лошадь, несшую мешки с соломой и мою походную постель, осторожно вел опытный киргиз. Тем не менее лошадь поскользнулась и, напрасно поискав ногами точки опоры, слетела в обрыв, перевернулась раза два в воздухе и, ударившись о почти вертикальный сланцевый выступ на дне долины, угодила в реку; мешки разорвались, и солома высыпалась на камни.

Раздаются громкие крики, караван останавливается, и мы спускаемся окольными тропами вниз. Один из киргизов ловит мою походную постель, прыгающую по волнам, другие пытаются выволить лошадь, которая лежит в воде, положив голову на камень. Она не движется, и киргизы развываются, входят в воду и вытаскивают ее на берег.

Лошадь, однако, погибла — сломала себе хребет и скоро в судорогах агонии опять скатилась в реку, где и осталась. Вьюк погибшей лошади собрали и привели в порядок, а затем навьючили на одну из запасных лошадей, которая и донесла его до ночного привала. Опасное место над обрывом обработали топорами и кирками и посыпали песком;

каждую лошадь все-таки провели под уздцы; нечего и прибавлять, что я прошел это опасное место пешком.

Эта первая обледенелая тропа была еще только «цветочком», а «ягодки были впереди». Такие тропы пошли одна за другой, одна другой опаснее. Мы шли, ползли и ташились над зияющими в ожидании добычи пропастями. То и дело приходилось останавливаться, чтобы вырубить во льду ступеньки и посыпать их песком. Каждую лошадь вели двое; один держал ее под уздцы, другой за хвост, чтобы удержать ее в случае, если она поскользнется. Лошади много раз падали, но опять вставали на ноги. Одна таки поскользнулась и порядком глубоко погрузилась в снег, но ее вовремя успели подхватить и освободить от вьюка, который снова прикрепили, когда лошадь выбралась. Я метров по сто проползал на четвереньках; за мной по пятам следовал киргиз, поддерживая меня в опасных местах. Падение в пропасть означало бы верную смерть.

Словом, это был отчаянный переход. В долине Исфайрана было темно и холодно. Тишина нарушалась время от времени только пронзительными вскриками проводников, когда падала лошадь, или их предостерегающими окриками перед опасными местами да шумом сбегаящей вниз пенящейся реки. Мы шли по снегу больше двенадцати часов, когда наконец, усталые, замерзшие и голодные, добрались до самой долины Лянгар, где нас ожидали две юрты с пылающими огнями.

Зима редко проходит без несчастий, и летом путь бывает обыкновенно отмечен многочисленными останками лошадей и даже людей. Так, киргизы в Дараут-кургане с сожалением рассказывали мне об одном человеке, который в начале 1893 г. пришел сюда из Уч-кургана, чтобы провести Рамазан у своих друзей в Дараут-кургане. На обратном пути его застиг 23 марта на самом перевале сильный буран, и ему пришлось четверо суток отлеживаться, скорчившись под своей шубой. Лошадь его околела, провиант весь вышел, а когда буран утих, дорога на обе стороны оказалась заваленной снегом. Где пешком, где ползком несчастный, однако, перебрался через сугробы и на десятый день вышел на дорогу, где встретил киргизов, которые

накормили и согрели его. Потом он продолжал путь домой в Уч-курбан и, прибыв туда, в первую же ночь умер от переутомления. Еще мне рассказывали, что в ту же зиму целый караван из 40 человек был погребен под лавиной на перевале Терек-даван.

В ночь на 26 февраля мы послали 8 киргизов с заступами, топорами и кирками вперед проложить дорогу, а затем ранним утром выступил и караван. Около Кара-кии встретилось первое трудное место, где все еще возились наши киргизы, вырубая ступеньки во льду, образующемся по ночам из воды, стекающей сверху, где тают сугробы снега. Маленькие горные лошадки, несшие каждая до 5 пудов клади (80 килограммов), поистине достойны удивления. Они скатываются вниз по склонам, карабкаются, как кошки, на кручи и с невероятной уверенностью балансируют по узким скользким тропинкам, часто покрытым льдом и круто спускающимся вниз к обрывам.

Кара-кия (Черное ущелье) вполне подходящее к месту название. Между мрачными отвесными скалистыми стенами идет здесь узкий проход, где царствует глубокий мрак, куда не проникает ни один луч солнца. Здесь перекинуты через Исфайран два моста; около первого речка образует грохочущий водопад. Великолепные, но в то же время зловещие и прекрасные виды сменяют здесь один другой. Дивные перспективы открываются взорам и вверх и вниз по долине; дикая и величественная природа!

За мостом Гайдыр-бека долина называется Чатынды. Реку переходят по 4 небольшим деревянным мостам; последний из них был так плох, что люди со страхом следили за каждой лошадью, переходившей по полусгнившим бревнам. Дальше вся долина была завалена недавно скатившеюся лавиной, покрывшей и реку и дорогу. Река журчала из-под ее краев, точно выходя из туннеля; дорогу же заменила тропинка, которую расчистили вдоль снежной глыбы. На наше счастье, мы встретили здесь с десятка киргизов, которые пешком шли из Каратегина, направляясь в Коканд и Маргелан на поиски работы. Они помогли нам прочистить дорогу. Тропинка вышла все-таки настолько крутой, что каждую лошадь пришлось тащить кверху шестерым людям.

Долина сузилась, дно ее неимоверно круто поднялось и понемногу слилось со склонами гор. Последний конец дороги был очень труден; пришлось переходить одну лавину за другой. Почти все лошади падали хоть по разу или по два, и так как им невмочь было вставать под тяжестью выюков, приходилось развьючивать их и потом навьючивать снова, отчего беспрестанно выходили задержки. Переход через последнюю лавину был так труден, что большую часть клади киргизам пришлось нести на руках до рабата (караван-сарая), небольшого навеса из камней и бревен, обращенного к долине; здесь же была разбита юрта для нас.

Я шел пешком большую часть дороги и совсем изнемог. Поднялись мы на высоту 2850 метров. Ночью дала себя знать «горная болезнь»; страшная головная боль и сердцебиение продолжались и весь следующий день. Причиняет эти болезненные припадки резкий переход относительной высоты, но через несколько дней припадки эти бесследно проходят.

V. Через перевал Тенгис-бай

Когда расчищавшие дорогу киргизы и аксакал из Каратепе Джан-Али-Эмин, наблюдавший за работой, вернулись на другое утро в караван-сарай, мы в самом серьезном настроении двинулись к перевалу, всюду покрытому глубоким снегом. После неслыханных трудов и усилий мы преодолели все препятствия и достигли корытообразного углубления в гребне Алайского хребта. Снег здесь лежал в два метра глубины, в сугробах была протоптана узкая глубокая тропа; идти по ней было все равно что по узкой перекладине через трясины. Один неверный шаг в сторону, и лошадь совсем погружалась в снег, из которого ее еле вытаскивали единенными силами, теряя массу времени.

На юго-западе виднелась обособленная горная область Кара-кыр, которая высовывает свою изъеденную ветрами вершину из вечных снегов и, точно бакен в море, указывает путь к самому перевалу. Когда наши лошади дошли до крайнего напряжения сил, мы наконец, целые и невре-

димые, со всем багажом достигли грозного Тенгис-бая. Здесь отдохнули несколько часов, напились чаю, сделали кое-какие наблюдения, фотографические снимки и полюбовались чудным видом.

Пункт, где мы находились, был со всех сторон окружен покрытыми снегом гребнями; лишь кое-где выглядывали из снега голые вершины скал. Снег здесь лежал в два метра глубины. В сугробах была протоптана узкая глубокая тропа; идти по ней было все равно что по узкой перекладине через трясину.

Отдохнув и надышавшись чистым легким воздухом на высотах водораздела, мы покинули область Сыр-дарьи и медленно направились вниз в области, воды которых стекают в Аму-дарью. Спуск был здесь так же крут, как с северной стороны; приходилось переходить одну лавину за другой. Одна из самых больших лавин, скатившаяся накануне, была в 400 метров шириной и почти 20 метров глубиной. Киргизы сказали, что мы должны почитать себя счастливыми, что успели избежать встречи с ней. Когда лавина со страшной силой несется вниз, нижний слой ее силой давления превращается в лед, и несчастные, погребенные ею на пути, точно вплавляются в эту стекловидную массу, из которой нет спасения.

Усталые от дневных трудов, мы сделали привал в боковой долине; тут лежал снег в метр глубиной, но киргизы расчистили для нас площадку; посреди нее и раскинулась юрта, окруженная высоким снежным валом. На следующий день отправились дальше через долину ручья Дараут-кургана. Чуть не каждые 10 минут приходилось переходить вброд через этот ручей, журчавший под сводами и мостами из снега. От подошвы лавин лошадям приходилось сломя голову бросаться в воду, чтобы одним сильным прыжком очутиться затем на противоположном берегу. Я каждый раз с большим беспокойством следил за лошадьми, несшими вьюки с фотографическими аппаратами и боевыми припасами. Все, однако, обходилось благополучно. Только раз скатилась с гребня высокой лавины одна из лошадей, несших съестные припасы... Ее развьючили, вытащили веревками ящики из снега, снова навьючили, и караван

медленно продолжал свой путь между сугробов до следующего падения и следующей остановки.

Около полудня пошел снег, и густой туман заволокло все вокруг. Один киргиз пошел вперед, меряя глубину длинным шестом, точно моряк на неизвестном фарватере, с той лишь разницей, что мы искали мелких мест. Часто он проваливался в снег и должен был возвращаться, чтобы искать дороги в другом месте.

Долина эта открывается в большую долину Алая, где возвышаются длинные, глиняные, с башнями по углам стены крепости Дараут-курган, воздвигнутой Худояр-ханом. С час спустя мы были в киргизском кишлаке того же названия, состоящем из 20 юрт; старшиной был тут гостеприимный Таш-Мухамед-Эмин.

К снегу и туману присоединился еще сильный западный ветер, и, по словам киргизов, на перевале Тенгис-бай должен был свирепствовать страшный буран, от которого мы так счастливо успели уйти. Кто знает, что было бы с моим караваном, если бы мы вышли днем раньше и попали под лавину или днем позже, и нас застал бы буран.

Отдых каравана около перевала Тенгис-бай

В ночь на 1 марта ураган ревел и рвал нашу палатку, расширяя щели между полосами войлока. Утром в палатке протянулись по направлению ветра длинные хвосты из мелкой снежной пыли, точно хвосты комет; один проложил себе путь прямо через мое изголовье. Спал я, однако, как медведь в берлоге, — пусть себе там метет и крутит, сколько угодно.

Мы простояли день в Дараут-кургане, так как буран продолжал свирепствовать; западный ветер взрывал вокруг нашей юрты густые облака снега, мелкого, как мука, и, не смотря на то что палатку прикрыли войлоками, обвязали веревками и укрепили шестами, угрожал снести самую палатку.

2 марта мы дошли до зимнего кишлака Гунды, но предварительно из предосторожности послали бывалых людей проложить и утоптать нам новую тропу через сугробы, так как старую совсем замело. Мы держались как можно ближе к южному склону Алайского хребта, идя вдоль него; тут снег местами уже посмело.

В Гунды с нами приключилось несчастье. Мы только что пришли в кишлак, разбили юрту, поставили постель, разместили ящики и часть более хрупкого и ценного багажа, как вдруг Рехим-бай нечаянно толкнул ртутный барометр, да так, что стеклянная трубка разлетелась вдребезги и серебряные шарики ртути раскатились по коврам. Драгоценный, хрупкий прибор, который я добросовестно проверял по три раза в день, пеленал и нянчил, как грудного младенца, стал теперь никуда не годным, хоть брось. Рехим-бай остолбенел, но так как он, собственно, был не виноват, то я ограничился легким выговором. Да и что толку было бы бранить его: барометра этим не починишь. Пришлось с тех пор обходиться тремя anerоидами и гипсотермометром.

В утешение мне люди устроили вечером концерт. Один из киргизов уселся посреди моей юрты и сыграл на «кобусе» — трехструнном инструменте; струны перебираются пальцами. Музыка эта уныла и монотонна, но полна чувства и чисто азиатского настроения. Сколько раз за эти долгие годы предстояло мне еще прислушиваться к звукам этого примитивного струнного инструмента, сколько темных одиноких вечеров предстояло скоротать, слушая

непритязательную музыку! Я скоро привык к ней, и она доставляла мне такое же наслаждение, как туземцам. Любил я ее потому, что под эти звуки так сладко мечталось о родине, а хорошо иногда всласть потосковать о родине!

3 марта. Чем дальше мы подвигались к востоку, тем глубже становился снег. Последний буран замёл тропу и намел такие сугробы, что весь день нам приходилось пускать вперед четырех верблюдов, чтобы они протоптали дорожку; по их следам медленно и тяжело подвигались лошади. Ветер налетал порывами и окутывал караван непроницаемым облаком снежной пыли.

Так мы добрались до мелководного ручейка Кашкасу. По ту сторону его лежал аул того же названия. Чтобы попасть туда, пришлось перебраться через ручей по мосту из льда и снега. Там была приготовлена для нас необычайно удобная юрта с коврами не только на полу, но и кругом по стенам; посреди юрты весело пылал огонь; искры и маленькие уголья так и скакали кругом, и одному из киргизов приходилось все время наблюдать, чтобы они где-нибудь не прожгли ковров.

4 марта. Весь день шел снег; всю окрестность заволок густой туман; все было бело кругом; небо и земля сливались. Единственной точкой опоры для глаза была темная линия каравана, голова которого казалась уже сероватобелой и исчезала в тумане. Впереди шли два верблюда. Ехавшие на них проводники отыскивали наиболее твердый слой снега и поэтому ехали, виляя из стороны в сторону. Снег был так глубок, что верблюды часто неожиданно проваливались в него почти по уши, и тогда приходилось выбирать другое направление.

Лошади шли по следам верблюдов, волоча по снегу выюки и стремяна. Молчаливо и тяжело тащился наш караван. Наконец на холме показалась юрта, похожая на черную точку среди этого безграничного белого снежного океана; рядом сустились люди, разбивая другую юрту. Нам оставалось пройти до них только 120 метров, но дорога шла по оврагу со снегом в два-три метра глубины, и мы бились больше часу, чтобы благополучно провести наших выючных лошадей.

5 марта. Погода была тихая. Около 11 часов утра проглянуло солнце, туман рассеялся, и открылась величественная альпийская страна, Заалайский хребет; там и сям еще виднелись легкие прозрачные клочки тумана. Временами показывалась и гора Кауфмана (7000 метров) — блестящая серебром пирамидальная вершина.

Утром 6 марта мы снарядились в поход. Еще задолго до восхода солнца четыре киргиза на верблюдах отправились прокладывать для нас дорогу через сугробы. Киргизы сообщили, что могло быть и еще хуже, чем было. Иногда снегу наваливает в уровень с юртами; тогда, чтобы поддержать сообщение между аулами, пускают в ход домашних яков. Последние пропахивают рогами в снегу туннели и узкие борозды, а по ним уже и проходят киргизы.

Предстояло перейти Кызыл-су, а это было нелегко. Река была почти вся покрыта льдом, только посередине быстро текла полоса воды, шириной метров в десять. Испытываешь крайне неприятное ощущение, когда лошадь останавливается на краю льда, готовясь сделать скачок в реку, — так легко ей поскользнуться и сорваться. Тогда придется основательно искупаться, а при такой погоде это не только неприятно, но и опасно. Когда же очутишься благополучно в воде, голова кружится, — вода так и бежит и кипит около лошади, и стоит взять чуть в сторону от брода, легко можно попасть на глубокое место, где лошадь потеряет опору под ногами, и течение унесет ее. Такие случаи весьма обыкновенны здесь в летнее время.

Кызыл-су осталась влево, а мы отправились посередине долины к склону Заалайского хребта. Местность здесь очень неудобная для перехода; из земли били многочисленные источники; некоторые из них были покрыты ледяной корой, другие, там, где температура была повыше, только салом, представлявшим коварную, мягкую поверхность, в которую лошади глубоко проваливались. По стуку лошадиных копыт слышалось, какая почва была скрыта под снегом. Глухой стук отмечал крепко замерзшую почву, звонкий стук — плотный лед, а гулкие, раскатистые звуки — что мы едем по ледяному полю, образующему свод.

После десятичасового перехода мы сделали привал среди этого царства смерти и холода, где не видно ни следа жизни. Люди сгребли снег с низенького бугра и установили на нем багаж. Пара верблюдов, несших от Джиптыка нашу юрту, отстали, и нам пришлось дожидаться их с час. Тем временем мы развели огонь, вокруг которого и расположились тесным кружком, стараясь согреться чаем. Мороз стоял 26°, снег так и хрустел. Поздно вечером была наконец разбита юрта.

Я уже упоминал, что губернатор Ферганы приказал киргизам иметь для нас наготове юрту и топливо в тех местах, где нам предстояло делать привалы. То обстоятельство, что нас не ожидал такой прием около Уртака, объяснялось стечением несчастных случайностей. Ходжа-Мин-баши, волостной старшина Уч-тепе, намеревался встретить меня лично и отправился через Алайский хребет. На перевале Ат-джолы около Талдыка его застиг буран, преградивший ему путь и одновременно засыпавший сорок баранов; только пастух спасся с трудом. Тогда Мин-баши послал встретить меня шестерых из своих людей; они бились девять дней, чтобы перебраться через засыпанный снегом перевал, потеряли одну лошадь и принуждены были бросить и юрту и топливо. Наконец четверо из них добрались до Джиптыка, где и заняли юрту и топливо у тамошних киргизов.

Когда мы наконец встретили этих людей около Уртака, они очень беспокоились за участь двух потерянных товарищей; да и из этих четверых у одного оказалась отмороженной нога, а другой был поражен снежной слепотой. Он в течение трех дней шел пешком, всматриваясь в снег, и переутомил глаза. Остальные защищали глаза бахромой из пучков конских волос, засунутых под шапку и спускающихся на лоб и глаза, или широким кожаным ремнем, в котором были прорезаны небольшие щелочки для глаз. Оба больные получили нужную помощь и уход и дня через два поправились. Нескоро мы улеглись на отдых в эту ночь; только в час утра в лагере наконец водворилась тишина. Термометр показывал -32° . Обыкновенно я спал один в юрте, так как иметь киргизов в близком соседстве не особенно приятно—они не одни владеют своими шубами.

Но холод — хорошее средство против неприятных гостей, на которых я намекаю, и в эту ночь у меня не хватило духа оставить людей на морозе. Набилося нас в юрту, как сельдей в бочонок, и все-таки температура в юрте понизилась к утру до -24° ; на другое утро с потолка сыпались на нас ледяные иглы и сосульки.

VI. На крыше мира

7 марта мы выступили только около 11 часов утра, так как дожидались, пока нас обогреет солнышком, да и утомлены были от ходьбы и долгого бодрствования накануне. Киргизы повели нас между низкими холмами вдоль ручья Карасу — Черной воды — называемого так потому, что вода в нем ключевая и по своей прозрачности кажется почти черной в глубоких местах.

Медленно подвигался караван по сугробам, которые, казалось, становились все глубже. На востоке виднелся край долины Алая, где отроги хребтов Алайского и Заалайского сливаются, образуя подобие корыта. Последний из названных хребтов обрисовывался все яснее, но производил все менее внушительное впечатление, так как относительные высоты мало-помалу уменьшались. Снежный гребень хребта сиял ослепительным блеском, отливая серебром и лазурью, а над ним вздымалось ярко-голубое небо. Вокруг одетых сосной вершин горы Кауфмана, словно венчальная фата, повисли легкими клочками белые облачка!

Собака наша, видимо, наслаждалась жизнью — то ныряла в сугробах, то каталась в своей лохматой шубе по снегу, то шаловливо набирала снегу в пасть, то, как стрела, мчалась впереди каравана. Вообще собака эта с самого начала была какой-то дикой, и мне так и не удалось хорошенько приручить ее. Воспитание среди киргизов сказывалось в том, что ее никак нельзя было заманить в мою кибитку, — магометане считают собаку нечистым животным и находят, что прах от ног ее оскверняет человеческое жилье. Я хотел отучить Джолчи от этого глупого предрассудка, но нельзя

было заставить ее переступить порог кибитки ни добром, ни угрозой.

Климат в этой области имеет свои особенности. В тихую погоду, при ясном небе, в полдень становится так жарко, что сбрасываешь с себя бараний тулуп, но достаточно облачка или тени от горы, которые бы загородили солнце, и вас насквозь прохватит холодом. Кожа на лице лупится, сходит несколько раз, а потом становится сухой, жесткой, как пергамент, и бронзового цвета, как у индуса.

Скоро начало смеркаться, и у меня спина устала от тяжелого тулупа. Так как навьюченные лошади шли слишком тихо и нам оставалось еще тащиться таким образом часа два до стоянки, то я в сопровождении Мин-баши оставил караван и отправился впотьмах вперед. Мин-баши ехал впереди, а за ним по следам его лошади я. Тяжелый выдался путь; если бы не яркие звезды, было бы темно, хоть глаз выколи. Время все шло, и будь в маленьком караван-сарая Бор-доба хозяин, он был бы, наверное, сильно изумлен, увидав в такую позднюю пору у своих дверей двух занесенных снегом путников.

Чтобы читатель не возымел преувеличенного представления об этом караван-сарая, или «рабате», я поясню, что это не что иное, как маленькая землянка с крышей, подпертой кольями; посреди пола четырехугольное возвышение, служащее местом отдыха для путешественников. По распоряжению ферганского губернатора такие лачуги разбросаны во многих пунктах между Маргеланом и Памирским постом ради облегчения почтовых сообщений. Этот караван-сарай был расположен у подошвы одинокого холма и потому носил название Бор-доба, правильное Боз-тепе, т. е. Серого холма. Мы немедленно заснули и проснулись, только когда с шумом и гамом подошел караван. Тут мы напились чаю и отлично поужинали.

По пути в Бор-доба мы видели следы восьми волков, бежавших врассыпную по направлению от Алайского хребта к Заалайскому. На спуске между холмами следы соединялись. Киргизы сказали, что здесь проходит старая известная волчья тропа. В этих областях волки встречаются очень часто. Летом они обыкновенно держатся в долине

Алая и таскают у киргизов баранов. Собаки чуют волков за версту, за две, но те нередко надувают их; волки неделями следят за стадом и стерегут удобный случай для нападения. Кровожадны они невероятно, и если нападут на стадо без пастуха, то перережут всех баранов. Мне рассказывали, что недавно один волк зарезал ночью 180 баранов у одного киргиза из Уч-тепе. Зато горе подстреленному волку, попавшемуся живьем в руки своего врага, киргиза! В разинутую пасть ему всовывают короткий толстый кол, который прикручивается к скулам, другую же палку привязывают к ноге, чтобы зверь не мог удрать, и начинают всячески мучить и терзать его, пока в нем остается хоть искра жизни. Я раз положил конец мучениям одного такого несчастного грешника. Когда в долине Алая выпадает глубокий зимний снег, волки уходят на Памир и бродят по берегам Кара-куля, где живут главным образом охотой на великолепных архаров (горные бараны), киков (диких коз) и зайцев. За архарами волки охотятся с большими хитростями, устраивая на них настоящие облавы.

Обыкновенно хищники отбивают от стада одного или нескольких этих быстроногих животных, которые затем и загоняются расставленными по пути волками-загонщиками или в какой-нибудь тупик в ущелье, или на круто обрывающуюся скалу, где преследователи и окружают их, не умея карабкаться на высокие уступы, волки терпеливо ждут, пока тонкие ноги архара онемеют от усталости и бедняга скатится прямо в когти голодных хищников.

По словам киргизов, встреча с парой волков представляет для одинокого путника серьезную опасность. В подтверждение своих слов киргизы рассказывали мне много ужасных историй о волках. Так, несколько лет тому назад волки напали на перевале Талдык на одного киргиза, и через несколько дней нашли от последнего только один череп да кости. В другой раз один киргиз погиб во время бурана на перевале Кызыл-арт; через несколько дней труп его нашли в снегу, но лошадь его оказалась целиком съеденной волками. Один из моих проводников-киргизов и один джигит были прошлой зимой окружены двенадцатью волками; по счастью, люди были хорошо вооружены и застрелили двух волков,

которые тотчас же и были пожраны своими товарищами; после того последние обратились в бегство.

В Бор-добе мы оставались день, и я произвел различные наблюдения. Между прочим, сделан был разрез снежного покрова, толщина которого равнялась здесь 91 сантиметру, и оказалось, что он состоял из шести различных слоев. Самый нижний был грязен, плотен и тверд почти как лед; самый верхний был чист и рыхл. Можно считать, что эти различные слои соответствуют различным периодам выпадения снега. Нижние слои сдавлены тяжестью верхних, и видно, что зимой снег доходит тут до двух метров глубины.

Утром 9 марта все мои киргизы пали на колена в снег, вознося Аллаху мольбы о счастливом перевале через опасный Кызыл-арт, где часто разражаются внезапные гибельные бураны. Я ждал тяжелого перехода, но оказалось, что Кызыл-арт далеко не представлял таких трудностей, как Тенгис-бай; да и надо прибавить, что с погодой нам посчастливилось на редкость. Уже около Бор-доба подымаешься на такую высоту, что подъем на самый перевал, находящийся на самом гребне Заалайского хребта, не кажется особенно крутым. Ручеек, который весной и летом струится вниз с перевала, замерз теперь до самого дна, и в прозрачном чистом льду его ясно отражалось голубое небо. Горы состояли по большей части из кирпично- и кроваво-красного песчаника, бурого или светло-зеленого и серого сланца, а дно долины все было усеяно щебнем и гальками — продуктами процесса выветривания.

Выше подъем на перевал становился понемногу круче и снег глубже. Но мы счастливо достигли гребня (4271 метр), где дул ледяной, северный ветер, пронизывавший нас до костей сквозь тулупы и валенки. На самом перевале возвышается курган — могила святого Кызыл-арта, представляющий кучу камней, украшенную «тугами», т. е. шестами, на которых навешаны разные тряпки, лохмотья и рога антилоп — дары благочестивых киргизов. Около кургана киргизы мои опять упали на колени и возблагодарили Аллаха за благополучный перевал.

Они сообщили мне, что Кызыл-арт был «аулие», т. е. святой, который во времена пророка направился из долины

Алая на юг, чтобы распространять истинную веру, и во время своего странствования открыл перевал, носящий теперь его имя и служащий, как говорят, и местом его погребения. Другие киргизы давали более правдоподобное объяснение, что курган только сложен в честь святого, а не представляет его могилы. Кроме того, киргизы верят, что не открой святой муж перевала Кызыл-арта, и до сих пор нельзя было бы проникнуть в Памир. Предание говорит еще, что шесть братьев Кызыл-арта были также святыми и назывались Муз-арт, Кок-арт, Хатын-арт, Калын-арт, Гез-арт и Аг-арт. Все эти имена и приурочены к другим перевалам, ведущим в Памир. «Арт» — одно из многих существующих в киргизском языке слов, обозначающих «проход».

10 марта мы целый день ехали на юго-восток; сначала пересекли открытую корытообразную долину, окруженную низкими, одетыми снегом гребнями гор; на самом же дне долины снег лежал редкими жиденькими клоками. Прямо перед нами вырисовывалась обособленная гористая область; направо долина расширялась и граничила с низкими округленными холмами. Налево выступал к юго-западу низкий горный отрог, примыкавший к обособленной гористой области.

Местность по тому направлению, по которому мы шли, все повышалась, и после четырехчасовой ходьбы мы достигли небольшого перевала Уч-булака, с вершины которого открылась на юго-востоке чудесная панорама. На перевале снег доходил до четырех дюймов глубины и был покрыт настом — твердой и сухой корой, жесткой, как пергамент, и такой крепкой, что она зачастую сдерживала лошадей. Мы как будто шли по туго натянутой барабанной коже.

В 6 часов солнце село. Тени от гор на западе так быстро набежали на равнину, что взор еле мог уследить за ними. На востоке тени более медленно сползали по скатам гор; скоро лишь высочайшие пирамидальные вершины их остались еще освещенными солнцем. Через четверть часа вся местность была окутана сумерками. Горы на востоке вырисовывались на фоне темного неба голубовато-белыми холодными призраками, тогда как западные темнели чер-

ными силуэтами на блещущем яркими лазурными и пурпурными тонами горизонте.

С маленьким, хорошо подобранным караваном, состоящим из двух сартов-джигитов, двух закаленных киргизов, пяти верховых и двух вьючных лошадей, выступил я 11 марта на юго-запад по льду Кара-куля. Мы взяли с собой продовольствия и топлива на два дня, небольшую островерхую киргизскую палатку, кирки, топоры, заступы и бечевку с лотом. Остальные люди и лошади должны были отправиться к следующей стоянке, неподалеку от юго-восточного берега Кара-куля, и там ждать нас.

По острову, где не было ни дорог, ни тропинок и где, по словам моих киргизов, до сих пор не бывало ноги человеческой, мы ехали с час, пока нашли удобное место для стоянки. Здесь разбили небольшую войлочную палатку; перед входом развели костер и, поужинав, провели среди Кара-куля на высоте почти 4000 метров над уровнем моря холодную (-29°) и дождливую ночь.

Рехим-бай и Ислам-бай измеряют глубину в проруби на льду озера Кара-куль

Окоченелые, промокшие и вялые выступили мы на другой день ранним утром и направились прямо к западу от острова. Пройдя 4½ версты, начали делать измерения в западном бассейне озера. Внутреннее напряжение в массе льда, обусловленное одинаковым давлением со всех сторон, без сомнения, до некоторой степени нарушилось нашей ездой по льду, вызывавшей усиленное давление сверху, и нас все время преследовали самые странные звуки. То слышались басовые тоны органа, то как будто под нами перекачивали большие барабаны и били в них, то слышался стук захлопываемой двери кареты, то как будто швыряли в озеро большой камень. Визжащие и скрипящие звуки сменяли один другой; иногда слышались даже словно мощные взрывы подводных мин.

При особенно громких выстрелах лошади испуганно настораживали уши, люди удивленно прислушивались и переглядывались. Сарты полагали сначала, что это «бьются о лед головами большие рыбы», но более сведущие киргизы разъяснили им, что в Кара-куле рыбы не водится.

Когда мы прошли выступающую в озеро косу, перед нами открылся чудесный вид на южную бухту Кара-куля. Трое моих людей попросились ехать вперед с вьючными лошадьми, чтобы успеть разбить к моему приезду палатку на месте условленной ночевки у Ак-тама к югу от восточной части озера. Я остался с джигитом Широ́м, произвел в сумерках наблюдения и двинулся в путь, когда уже совсем стемнело. Около 5 верст ехали мы по льду через бухту по следам моих людей, ясно видимым на тонком снеговом покрове. Около берега, однако, мы потеряли след и час за часом ехали в темноте по полуострову, покрытому щебнем, песком и прочими продуктами разложения горных пород, наугад. Скоро взошел серповидный месяц и осветил пустынный ландшафт, где не было и признака жизни; не слышно было ни звука. Время от времени мы останавливались и подавали голос, но никто не откликнулся нам. Раз мы было нашли след в небольшом сугробе, но опять потеряли его, когда месяц заволокло вечерним туманом. После четырехчасовой езды мы достигли восточного берега озера, но здесь не было видно ни верховых, ни сигнальных

костров, никакого бивуака. Очевидно, люди мои отправились другой дорогой, но какой?

Еще с час ехали наугад, но так как поиски наши оставались тщетными, то мы сделали привал на низкой, ровной песчаной площадке, покрытой местами тонким налетом снега. Разбили примитивный бивуак; чемодан с картами, записными книжками, термометрами и проч. послужил мне изголовьем; лошадей связали вместе, чтобы они не ушли. Бедные животные, не евшие целый день, разгребали песок передними копытами, но не находили ничего, кроме твердых, как дерево, корней терескена, которые, однако, и жевали с жадностью.

Мы сидели и болтали до 1 часу утра, пугая друг друга разными историями о волках. Шир полагал, однако, что лошади почуяли бы волков и предупредили нас об опасности, если б она грозила нам. Наконец, прекратив за усталостью беседу, мы закутались в тулупы и улеглись на киргизский лад, т. е. припав, скорчившись, на колени, лицом вниз, и упираясь лбом в чемодан, а каблуки подставив ветру. Но надо родиться киргизом, чтобы быть в состоянии заснуть в таком положении! Шир похрапывал, я же глаз не мог сомкнуть; пробовал было принять более европейскую позу, но ночной холод прохватывал меня насквозь; приходилось время от времени вставать и разминаться. Лошади то и дело тыкались о нас мордами, как бы желая напомнить нам, что мы забыли сегодня попотчевать их из обычных мешков с кормом. Счастье еще, что ночной ветер не был особенно свеж и температура не превышала $-16,5^{\circ}$.

В 6 часов утра, на заре, мы встали, ооченелые, голодные, влезли на лошадей и с час ехали к югу, пока не напали на небольшое пожелтевшее и тощее пастбище; последние пасшиеся на нем стада баранов выщипали траву не дочи-ста, и мы пустили на нее наших лошадей. Они ели часа два, а мы в это время хорошо выспались, так как солнце уже начало пригревать.

Затем мы продолжали путь к югу и на дороге от Ранг-куля в долину Алая встретили киргиза. Своими соколины-ми глазами последний высмотрел в трех верстах расстоя-ния кучку верховых и лошадей. Скоро мы с Широм сидели

между своими, согревая и подкрепляя наши окоченевшие члены горячим чаем, консервами и бараниной. Лошади тоже получили свой давно желанный корм.

14 марта. От Кара-куля местность медленно повышается к югу, и скоро попадаешь в широкую долину, идущую между двумя расположенными по меридиану горными цепями, слегка покрытыми снегом. Здесь попалась нам могила киргизского святого Оксалы-мазар; на большом холме возвышалась куча камней, украшенная тугами и рогами.

Затем перед нами открылась долина Мус-кол, с подъемом к перевалу Ак-байтал. Снегу тут было мало, а почва вся усеяна продуктами выветривания.

Вечером я был очень любезно встречен на привале четырьмя одетыми в почетные халаты киргизами, высланными с Памирского поста. Они уже пять дней ждали меня тут с кибиткой, бараниной и топливом и сообщили, что в форту были очень обеспокоены моим замедлением. В самом деле, сугробы в долине Алая основательно задержали нас.

«Мус-кол» означает «Ледяная долина», а «Суок-Чубыр» (так называлось место нашего привала) означает, вероятно, «Холодная Сибирь», так как на тюркском наречии эта страна обыкновенно зовется «Чубыр». Если последнее истолкование верно, то по справедливости можно сказать, что оба прозвища очень метки, так как область эта отличается резкими зимними холодами и, кроме того, в долине наблюдается особенное явление, которое я сейчас опишу.

Река Мус-кол питается главным образом ключами, которые, замерзая зимой, покрывают все дно долины похожими на замерзшие горные озера, обширными, блестящими, как зеркала, ледяными полями, в которых ясно отражаются небо и горы. Самое большое из них имеет 3 километра в длину и 1 километр в ширину, и часть его льда не тает и летом. Мы проехали на середину его, чтобы измерить толщину льда. Вследствие давления с боков и напора воды снизу образуются длинные, часто в метр вышиной бугры с трещинами наверху.

Всех ледяных озер было три, и на берегу самого маленького из них, где был разбит наш бивуак, возвышались два типичных «ледяных вулкана». Из ровной горизонтальной

почвы бьют здесь два ключа; поздней осенью вода, разливающаяся кругом, замерзает, но самые ключи все бьют, и мало-помалу образуются высокие ледяные конусы на расстоянии метров 50 друг от друга. Один имел 6 метров высоты и 68 метров в окружности; другой 8 метров высоты и 206 метров в окружности. От жерла маленького вулкана шли четыре глубокие трещины, теперь наполовину наполненные льдом. Самый конус был из светло-зеленого льда, в котором можно было различить многочисленные слои, образовавшиеся по мере застывания воды. Жерло было также затянуто белым, пористым льдом, и текущей воды, таким образом, не было заметно. Итак, это был «потухший вулкан».

Большой вулкан имел два конуса — один над другим. Весь он был покрыт сетью мелких перекрещивающихся трещин. Жерло его было также затянуто льдом, но вода нашла себе новый исток через одну из боковых трещин. Мои киргизы сообщили, что в этих двух местах каждый год вырастают по два таких вулкана, которые, однако, тают ранней весной.

Нынешнюю зиму они были больше обыкновенного. Вода, вытекающая из боковой трещины вулкана, застывает, точно лава, едва достигает берега ледяного острова. Вокруг нас расстилалась настоящая ледяная область; к сожалению, туман и снег застилали вид. Если глядеть на запад вдоль озера, можно вообразить, что стоишь у узкого морского залива. Горизонт, окутанный туманом, представляется удаленным бесконечно.

15 марта мы ехали по отлого поднимающейся долине Мускол до самого конца ее, где сделали привал у северного подножья Ак-байтала, а 16-го перевалили через него на высоте 4682 метра, что стоило больших трудов и взяло десять часов времени. Восточный спуск с перевала очень крут, но затем местность опять отлого понижается до следующего привала в Корней-тарты. Мы потеряли еще одну из наших изнуренных лошадей, которая пала на Ак-байтале. Один киргиз купил ее шкуру у караванного проводника Ислам-бая за два рубля.

Корней-тарты — узкая долина, бока и дно которой наполнены продуктами выветривания, щебнем, гальками и целыми глыбами, между которыми извивается маленький руче-

ек, покрытый теперь толстым льдом. Нигде не было и следа растительности. Около Ак-гура (Белая могила) перед нами открылись упирающиеся в долину горы. Здесь встретил меня высланный комендантом Памирского поста толмач, татарин Куль Маметыев, в парадной одежде, увешанный шестью медалями, и подал мне письмо с приветом от коменданта. В некотором расстоянии виднелось небольшое русское укрепление; на северо-западной башне развевался русский флаг. Мы приблизились; 160 солдат и казаков выстроились на стене и приветствовали нас громким «ура». Около ворот меня сердечно встретил комендант, капитан Зайцев, с шестью офицерами. Для меня еще с неделю тому назад была приготовлена комната в офицерском флигеле, а для моих людей кибитка.

Приведя свой багаж в порядок, я побывал в прекрасной бане, а затем мы все сошлись к обеду в офицерском собрании. Я передал поклоны из Маргелана, меня осыпали тысячью вопросов о полном приключений зимнем странствии на Памир, потом было подано горячее туркестанское вино, и комендант торжественно провозгласил тост за короля Оскара. И если где был выпит от души благодарственный бокал и где-либо радость была так через край, так это именно здесь, на «крыше мира», на высоте 3610 метров, вдали от шумного света, в сердце Азии, в области, где ближайшими нашими соседями были обитатели скал архары, степные волки да горные королевские орлы!

VII. Памирский пост

Из предыдущего читатель знает, что ведший нас на Памир путь шел большей частью по необитаемым областям. В русском Памире в октябре 1893 г. было только 1232 жителя, между тем как долины Алая и Сары-кола заселены сравнительно гораздо гуще. В долине Алая, говорят, разбросано 15 кишлаков, или зимних поселков, в которых насчитывается 270 кибиток.

В конце мая или в начале июня, когда снег сменяется густой сочной травой, в долину Алая являются богатые

и просто зажиточные киргизы, чтобы разбить свои летние кибитки на берегах Кызыл-су. Здесь они устраивают свои байги, или игрища, приглашают друг друга в гости, празднуют свадьбы, словом, проводят лето в свое удовольствие. Большинство остается здесь только два месяца, по истечении трех в летних поселках не остается уже никого — все возвращаются в зимние кишлаки в Фергану. Летом в Кашка-су бывает примерно до 150 кибиток.

Киргизы из Ошского и Андижанского уездов уходят летом через перевалы Талдык и Джиптык, киргизы из Маргеланского и Кокандского уездов — через Тенгис-бай. Так как Талдык почти каждую зиму бывает загражден снегами, то в это время года пользуются большей частью перевалом Тенгис-бай. Таджики, которые теперь в большом количестве прибывают в Фергану искать заработков, всегда направляются через Тенгис-бай и почти всегда пешком. По самой долине Алая проходит важный тракт, соединяющий Восточный Туркестан и Каратегин, Бухару, Мекку и Медину, и в теплое время года по этому тракту проезжает и проходит множество купцов и паломников.

На Памире, как и в других местах земного шара, резкие формы рельефа служат границами между различными поясами климата. Границы переходной области могут рассматриваться как этнологические и лингвистические межевые столбы. Внутри этих границ обитают в весьма малом количестве исключительно кочевники киргизы, а в областях, расположенных к западу от этих межевых столбов, одни таджики, но в гораздо большем числе. Киргизы имеют свои собственные тюркские географические названия, таджики свои собственные персидские. Поэтому верховья всех рек, текущих на запад, носят киргизские названия, а низовья персидские. Например: Ак-су — Мургаб, Гурумды — Гунт. Из двух текущих рядом рек одна называется Кокуй-бель, так как ее долина посещается киргизами, другая Кудара, так как на ее устье лежит поселок таджиков.

На правом берегу Мургаба, на высоте 3600 метров, возвышается укрепление Памирский пост, как грозный протест против совершавшегося в последние годы наступления

афганцев и китайцев в области Памира, принадлежавшие прежде к ханству Кокандскому.

Первое время после того, как ханство это было завоевано в 1875—1876 гг. русскими, на Памир, эту крайне редко населенную и труднодоступную местность, почти не было обращено внимания. Даже умный Скобелев не подумал о ней. Но вот к ней стали настойчиво тянуться другие соседи, и энергичное вмешательство русских стало необходимым. Знаменитая экспедиция полковника Ионова была первым шагом, который имел серьезные последствия и во всяком случае способствовал к возбуждению вопроса о Памире, столь горячо обсуждавшегося в последние годы. Летом 1895 г., когда была созвана для определения границ англо-русская комиссия, вопрос этот и получил свое окончательное решение. Ко времени же посещения мной Памира дело подвинулось настолько, что на «крыше мира» воздвиглось русское укрепление с постоянным гарнизоном.

Укрепление это, политическое значение и цель которого ясны, как день, было возведено летом и осенью (с 22 июня до 30 октября) 1893 г. второй ротой четвертого туркестанского линейного батальона. Прямоугольные стены укрепления сложены из дерна и мешков, наполненных песком, и окружают просторный двор, где находятся офицерский флигель, землянки с бревенчатыми крышами, вмещающие казармы, кухню, лазарет, баню, мастерские и пр. В нескольких войлочных кибитках сохраняются продовольственные запасы и амуниция; на небольшой метеорологической станции три раза в день производятся наблюдения.

В углу обращенной к северу продольной стены находятся барбетты, с митральезами системы Максима Норденфельдта. Обращенная к югу продольная стена идет по краю высокой конгломератовой террасы, с вершины которой укрепление и господствует над долиной Мургаба. Терраса была в свое время образована течением реки, которая теперь отошла от нее на довольно значительное расстояние. Между террасой и рекой остались болота и трясина, из которой пробиваются многочисленные прозрачные ключи.

Памирский пост — наглядное доказательство энергии офицеров, руководивших работой, и прекрасный памятник

их трудов: возведение укрепления на такой значительной высоте и так далеко от всякой цивилизации не могло не быть сопряжено с величайшими трудностями. Весь древесный и прочий материал приходилось доставлять на вьючных лошадях из Оша. Осенью тут часто разражались свирепые бураны, обдававшие облаками снежной и песочной пыли, а офицеры и команда в это время должны были ютиться в киргизских кибитках, которые ветер нередко и опрокидывал.

С Кашгаром установились новые торговые сношения, и кашгарские купцы приезжают сюда со своими товарами, выменивают здесь киргизских овец, гонят их в Фергану, где они в большой цене, и с хорошими барышами возвращаются в Кашгар, через перевал Терек-даван или Талдык.

Комендант Памирского поста капитан В. Н. Зайцев, старый туркестанский служака, бывший одно время ординарцем Скобелева и участвовавший в походах на Хиву (1873 г.) и на Коканд (1875—1876 гг.). Он вместе с тем и начальник и над всем киргизским населением Памира.

На путешественника-чужестранца Памирский пост производит самое отрадное впечатление. После долгого, уто-

В кругу офицеров Памирского поста

мительного пути по необитаемым, диким горным областям попадаешь вдруг на этот маленький клочок великой России, где кружок милейших и гостеприимнейших офицеров принимает вас почти как земляка, как старого знакомого. И то сказать, мое прибытие внесло неожиданную перемену в однообразную, уединенную жизнь в укреплении, где с сентября месяца, кроме киргизов, не видели чужого человеческого существа. Узнав от конных курьеров о моем приближении, офицеры весь день высматривали меня в бинокли со стен укрепления.

В общем Памирский пост живо напоминает военное судно. Стены — это борта, необозримая открытая Мургабская долина — море, крепостной двор — палуба, по которой мы часто гуляли и с которой в сильные бинокли обозревали отдаленнейшие границы тихого безжизненного кругозора, где лишь по вторникам появлялся одинокий всадник. Это джигит-курьер, привозящий желанную почту из России.

Когда он въезжает во двор, все на ногах. Адъютант коменданта открывает почтовые сумки, и все окружающие с напряжением ожидают получения адресованных им писем, газет и посылок от родных и друзей. И горько тому, кто остается без гостинца, когда все другие удовлетворены. Так было со мной; три раза почта не приносила мне ничего вследствие изменения мною маршрута. Вся корреспонденция на мое имя шла в Кашгар, и я целых четыре месяца не получал с родины ни строчки.

По получении почты весь день проходит в чтении; новости с родины поглощаются с жадностью, и за обеденным столом офицеры обмениваются друг с другом полученными сведениями и впечатлениями, произведенными на них важными событиями, произошедшими в последнее время там далеко, в водовороте мирового океана жизни.

Порядок дня вообще таков: утром мы пьем чай каждый у себя; в 12 часов громкая барабанная дробь сзывает всех в столовую к общему завтраку; затем опять чай у себя в помещениях, а в 6 часов барабан зовет обедать. Кофе пьют, как придется, кто один, кто в компании, разбившись на кружки. Спать мы не ложились долго, а около полуночи мы с комендантом еще закусывали.

Учение производится утром; днем же бывают учебные классы для солдат и казаков, обучающихся разным пригодным на военной службе предметам. Большая же часть времени уходит на более мирные занятия. С моим прибытием в укрепление развилась настоящая мания фотографирования, и, когда я по вечерам занимался проявлением снимков, меня всегда окружало с полдюжины зрителей, с напряженным интересом следивших за тем, как, словно по волшебству, оживали на снимках горные виды и типы полудиких племен.

Мы измерили приток воды в Мургабе и поставили на реке около берега измерительный столб, на котором один из офицеров взялся отмечать уровень повышения и понижения воды во время наступающей весны и лета. Измеряли мы также глубину промерзания почвы и делились друг с другом своими наблюдениями. Результаты моих наблюдений на Кара-куле возбудили большой интерес; никто не ожидал, чтобы максимальная глубина могла равняться 230,5 метра.

Группа, снятая во время пребывания на Памирском посту. Третья фигура слева татарин Куль Маметыев, участвовавший в первом восхождении на Мустаг-ату

Один из моих друзей в Маргелане сказал мне, что на Памирском посту чисто рай земной и на мой вопрос: «Почему?» — ответил: «Потому что там нет женщин!» Хотя я далеко не разделяю такого взгляда на женщин, я с удовольствием отмечаю, что таких мирных, веселых и товарищеских отношений, какие господствуют в укреплении, поискать да поискать. Здесь никаких стеснений, полная свобода и простота; куда ни взгляни — потертые военные сюртуки и нечищенные сапоги. Идя к столу, тоже нет надобности прихорашиваться; никто не думает о воротничках и манжетах или об изысканных учтивостях, какие лежат на обязанности настоящего кавалера по отношению к дамам; словом, полная непринужденность. Казаки готовят кушанья, служат за столом, прислуживают в бане, убирают комнаты, стирают белье. Единственными существами женского пола, усмотренными мною в стенах укрепления, были кошка, пара собак да несколько куриц. Но называть Памирский пост раем только потому, что там нет ни одной женщины, чересчур.

Капитан Зайцев является предметом всеобщей симпатии и уважения; дисциплину между людьми он поддерживает строжайшую. Отношения между офицерами и командой наилучшие. Тридцать человек солдат за отбытием срока службы должны были вернуться в Ош, и трогательно было видеть, как при прощании офицеры, по русскому обычаю, трижды целовались с каждым из уходивших нижних чинов. С ружьями на плече, с ранцами за спиной солдаты бодро отправились пешком в 45-мильный путь, через плато Памира, в теплую желанную Фергану.

По воскресеньям устраивались разные игры и пляс. Музыка хромала; гармоника, два барабана, треугольник да пара тарелок — вот и весь оркестр; играли, однако, с огнем, и под эту музыку лихие казаки отплясывали знаменитого трепака так, что только пыль столбом стояла.

Когда воскресное солнце садилось, а с ним отходил на покой и западный ветер, правильно дувший в течение всего дня, вокруг запевалы составлялся кружок из семидесяти песенников, и из их здоровых глоток вылетали, звонко отдаваясь в разреженном воздухе, русские мелодии —

заунывные народные и бойкие солдатские песни. Такой вечер состоялся в последнее воскресенье моего пребывания в укреплении. В воздухе стояла тишина, но было холодно, и солдаты укутались в башлыки. Звезды горели удивительно ярко; издали, во время пауз, доносился шум Мургаба. Солдаты пели с увлечением, точно под впечатлением нахлынувших на них воспоминаний о далекой родине. Мы с удовольствием прислушивались к их свежим голосам, раздававшимся под бесконечным сводом небесным!

VIII. На Мустаг-ату и в Кашгар

Я оставил Памирский пост 7 апреля, после солидного завтрака в офицерском собрании. Комендант и все офицеры провожали меня. Около речки Ак-байтал нас ждали казаки с чаем. Тут я поблагодарил за оказанное мне в эти незабвенные дни широкое гостеприимство, пожал в последний раз всем руки и двинулся к северу в сопровождении крепостного толмача Куль Маметыева, которого приставил ко мне в виде адъютанта комендант.

В сумерки добрались мы до двух озер близнецов Шоркуль и Ранг-куль, соединенных узким проливом, и здесь расположились на ночлег в «юламейке» — маленькой дорожной островерхой палатке без дымовой трубы. Рехимбай захворал и не мог нести службы весь наш путь вплоть до Кашгара. Пришлось взвалить его, как мешок, на верблюда и везти всю дорогу. Его заменил Ислам-бай; в это путешествие я и имел возможность узнать и оценить превосходные качества этого человека.

На следующий день я послал караван прямо к маленькому русскому форту на Ранг-куле, а сам с четырьмя людьми предпринял экскурсию по льду Ранг-куля с целью измерений. Мы прорубили только две проруби и нашли, что озеро действительно чрезвычайно мелководно, а именно 1,50 и 1,99 метра глубины. На вкус вода была почти пресная и содержала водоросли и былинки.

Шор-куль означает «соленое озеро»; в нем вода горько-соленая. Ясно, что вода из рек и ключей, стекающих

в Ранг-куль, идет оттуда через пролив в Шор-куль, где и происходят процессы испарения и отложения солей. В восточной части Ранг-куля находится остров, расположенный по продольному направлению озера; возвышается он всего на четыре метра; отвесные и сильно изрытые водой берега его состоят из голубоватой мягкой глины, годной для лепки. Говорят, что весной, когда лед пройдет, тут высиживают яйца бесчисленные стаи гусей.

Затем мы продолжали путь к форту, гарнизон которого состоит из коменданта и 36 казаков. Здесь мы простояли два дня. Выехали 11 апреля и направились почти прямо на восток. На следующий день, 12 апреля, нам предстояло перейти временную границу между русским и китайским Памиром, т. е. пересечь мощный хребет Сары-кол, сияющий снежный гребень которого был виден с Ранг-куля. Из множества ведущих в китайский Памир перевалов я выбрал Джагатай, 4730 метров высотой. Подъем на перевал оказался очень крут и тяжел. Ехать приходилось все между большими сланцевыми и гнейсовыми глыбами, по большей части занесенными снегом. Гребень самого перевала очень остр. Пока мы отдыхали тут, поднялся юго-западный ветер, и разразился сильный град; температура была $-2,8^{\circ}$.

По другую сторону перевала местность круто понижается к северу, и после утомительного перехода мы достигли первого Джагатайского аула из 4 кибиток с 24 жителями. Другой аул, лежащий немного ниже, состоял из 6 кибиток. Здесь-то мы и сделали первый привал на китайской почве.

Моему появлению уже предшествовали самые несообразные слухи. Рассказывали, что я русский, готовящийся во главе 60 вооруженных казаков произвести нападение на китайские владения, и нашего прибытия поэтому ожидали с большим напряжением. Но когда киргизы увидели меня одного в сопровождении маленькой кучки их же соплеменников, они скоро успокоились, приняли меня очень дружелюбно и тотчас же послали гонца в китайскую крепость Булюн-куль, где комендантом был Джан-дарын.

На следующее утро явились трое посланцев с приветом и поручением собрать сведения о нас и о целях наше-

го путешествия. Главный посол был Осман-бек из Тагдум-баша, высокий, красивый, интеллигентного вида киргиз в белом тюрбане, старшина «ланзы» (китайский крепостной гарнизон в 100 человек) около Булюн-куля. Другой, Яр-Мухаммед-бек, был начальником пограничной стражи около Кияк-баша. Третий был мулла. Все трое были в белых тюрбанах и пестрых халатах. Исполнив данное им поручение, они вернулись в Булюн-куль, чтобы рассказать обо всем виденном и слышанном.

13 апреля мы сделали небольшой переход до впадения долины Ак-берды в долину Сары-кол. На берегу речки была приготовлена для меня небольшая жалкая кибитка, покрытая продранными кошмами. Она была предположительно разбита в расстоянии всего 3 «кичкеримов» (кичкерим — расстояние, на котором слышен человеческий голос) от крепостцы. Едва мы успели расположиться, как «юз-баши» (сотник) возвестил о прибытии с визитом помощника коменданта Булюн-куля, киргиза Тюр-Келды-Савгана, и его собрата, китайца Тзяо-дарына, из Тарбаши, крепостцы при входе в долину Гез. Мы едва успели выйти из палатки, чтобы встретить их. Их сопровождало десять верховых китайцев, в серых шароварах, башмаках и красных мундирах, украшенных большими черными китайскими знаками; все были с ружьями и сидели на прекрасных белых конях с красными седлами и длинными бренчащими стремянами.

Я пригласил их в кибитку, где им был предложен изысканный «дастархан» из сардин, шоколада, засахаренных плодов, кекса и ликера, нарочно для китайцев захваченного мною из Маргелана. Тзяо-дарыну особенно понравился ликер, и он спросил, сколько он может его выпить, не хмелея. Сигареты также живо пошли по рукам, но Тзяо-дарын отдал все-таки предпочтение своему собственному серебряному кальяну.

Остаток дня пошел на приготовления к предстоящей экспедиции. Сопровождать меня должны были только Куль Маметьев, Ислам-бай и киргизы Омар и Хода-Верды при четырех вьючных лошадях, нагруженных продовольствием, постельными принадлежностями, тулупами, подарка-

ми, аптекой, фотографическими аппаратами, приборами и проч. Все остальное оставалось здесь под присмотром сарта Ходжи, которому было поручено ходить и за больным Рехим-баем. Последний все не поправлялся, несмотря на весь наш уход, так сильно отозвался на нем зимний переход на Памир. В лице он изменился до неузнаваемости — бледный, изнуренный, с большими стеклянными, равнодушными глазами. Он принес Аллаху в жертву барана и стал уверять, что с тех пор ему стало чуть лучше.

Вечером явилось несколько китайских солдат с просьбой позволить им осмотреть несколько из моих чемоданов и ящиков с багажом. Как оказалось потом, в крепости боялись, что мои ящики набиты русскими солдатами, которые, таким образом, тайком перебрались через границу. То обстоятельство, что вышина ящиков не превышала половины человеческого роста, не умаляло подозрений. Мы открыли китайцам несколько ящиков, и они успокоились. Тем не менее ночью вокруг моей кибитки разгуливал китайский патруль, хотя и на довольно значительном расстоянии, так что его даже не видно было. Ясно, что солдатам приказано было наблюдать за нами.

Вокруг нас расстилался чудный вид. Прямо на восток, по другую сторону маленького озера Булюн-куля, виднелась мощная гора, окутанная вечным снегом. Это Ак-тау — Белая гора, северное продолжение Мустаг-аты. Налево от нее открывалась долина Гез, направо широкая долина Сары-кол. Невдалеке от нашей стоянки виднелся аул в 6 кибиток, а в горах кругом паслись длинношерстные, хрюкающие яки.

14 апреля мы выступили в путь к Мустаг-ате. Сильный восточный ветер гнал нам в лицо тучи мелкого песка. Большой черный як неотступно следовал за нами в течение часа. Мы уж спрашивали себя, не дрессированный ли это шпион, но он устал и отстал от нас на одном холме.

Теперь было заметно, что мы на китайской территории. Впереди нас не ждали больше киргизы с готовой кибиткой, как то было в русском Памире. Пришел конец нашим красным денькам, и сколько раз нам предстояло ночевать под открытым небом! Так, между прочим, довелось и в эту

первую ночь пути, и мы старались только найти укромное в защите от ветра местечко. Наконец мы нашли такое в той части долины Сары-кол, которая носит название Каинды-дэле (Березовая площадка), совершенно неподходящее, так как никакие березки не качают своих зеленых верхушек в этой каменистой, бесплодной пустыне. Возможно, впрочем, что где-нибудь в окрестностях и росли эти деревья.

Несколько дальше к югу нависла над долиной колоссальная глыба гнейса, и тут же возвышалась низкая, закругленная каменная стена, дававшая некоторую защиту от ветра. Мы расположили наши пожитки, войлоки и весь бивуак как могли удобнее в этом подобии пещеры, и когда суп наконец забурлил над огнем, то почувствовали себя и совсем хорошо. Но ветер был между камнями, пыль и песок так и крутились вокруг нас, и, когда мы стали есть, на зубах у нас так и хрустело. Вечером пошел было снег, но часов в 10 погода сразу утихла, и месяц осветил безмолвную, мирную, но дико пустынную местность.

15 апреля. Чем дальше подвигаемся к северу, тем более пересеченной становится местность. Мы достигли небольшого горного озера Басык-куль с глубоко и причудливо изрезанными линиями берегов. Середина озера была покрыта мягким, пористым льдом, но ближе к берегам стояла открытая вода, чистая, прозрачная и пресная. Недалеко от озера виднелась на одном уровне с почвой окруженная каменной стеной гнейсовая плита с древней китайской надписью. Поблизости же возвышались еще две отдельные глыбы гнейса, со стертыми ледниковым льдом боками. На одной из них были заметны следы подобной же надписи, которая была почти стерта ветром и песком. Место это называется Тамга-таш, или Камень-печать.

С холма открылся вид на Малый Кара-куль, красивое горное озеро, окруженное доходящими до облаков горами отливающее голубыми и зелеными тонами. Только около южного берега была полоса тонкого льда. По озеру ходили волны с белыми гребешками, и на берегу нас встретил настоящий «бриз», чистый, свежий, морской ветер; волны звонко и мерно ударялись о берег.

Тропинка шла совсем близко от озера, отделяясь от него местами только низкими округленными холмами, остатками старых морен, как я констатировал в следующее посещение. Тогда, впрочем, я и не подозревал, что опять вернусь к этому озеру и что берега эти так мне полюбятся.

В некоторых местах скалы вдаются в озеро, и мы иной раз порядочные концы ехали то по воде, то по косогору, образовавшемуся из осыпавшегося щебня и камней. К югу от озера открывалась широкая долина реки Су-баши, где паслись большие стада косматых яков. Ветер перешел в настоящий ураган, густые облака пыли и песку и даже самого мелкого щебня летели нам прямо в лицо, так что время от времени приходилось останавливаться и поворачивать ветру спину. Во дворе крепости Су-баши как раз происходил осмотр только что доставленного продовольствия. Нас встретил внушительного вида всадник, начальник киргизов Су-баши, бек Тогдасын. Он принял нас приветливо и проводил меня в свою большую и прекрасно убранную юрту. Со временем он сделался одним из лучших моих азиатских друзей.

Как только мы разобрались в кибитке, явились с визитом все местные киргизы, а с ними и крепостные солдаты (между ними много дунган), и прием гостей продолжался без перерыва весь вечер. Кроме того, ко мне явились больные из окрестностей с просьбой о лекарствах. Одна древняя старуха страдала кокандской болезнью, другой пациент жаловался на зубную боль, у третьего болел нос, а один солдат-дунган жаловался, что у него всякий раз, как подует ветер, болит живот, и т. п. Все получили по небольшой дозе хинина, так как чем горче лекарство, тем более оно внушает к себе доверия в азиатце; вообще главную роль играет воображение.

На следующий день мы пригласили «на чай» знатнейших киргизов аула и нескольких китайских солдат. Вечером же я угощал ликером и игрой на небольшой шарманке самого бека Тогдасына, и этот почтенный человек пришел в неописанный восторг и стал клятвенно утверждать, что чувствует себя помолодевшим на двадцать лет и что не веселился так со времен владычества над Кашгаром великого Якуб-бека.

Он припомнил, что турецкий султан несколько десятков лет тому назад прислал последнему большую шарманку.

Занятый мыслью о предстоящей экспедиции на Мустаг-ату, я еще с самой долины Алая все выспрашивал на этот счет киргизов. Все в один голос говорили, что подъем туда невозможен: отвесные скаты и обрывы загромождают дорогу повсюду, бока гор одеты твердым, как сталь, льдом, и бури, которые одни только и хозяйничают в этой области, сметут нас, как песчинку, если мы осмелимся пойти на «великана».

Мустаг-ата считается священной горой. Киргизы становятся на колени и творят молитву, когда проезжают мимо или еще только завидят ее издали. Там покоятся 72 святых; уверяют даже, что гора эта громадный «мазар», или святая могила, в которой между другими лежат и Моисей и Али. Последний, почувствовав приближение смерти, предсказал окружающим, что, когда жизнь покинет его, с неба явится белый верблюд и унесет его тело. Действительно, по смерти святого мужа явился белый верблюд, взял его на спину и поспешил на Мустаг-ату. В то, что там почивает и Моисей, киргизы также верят незыблемо и нередко даже называют гору Хазрет-и-Муза, т. е. «святой Моисей».

В Су-баши киргизы рассказывали, что одному старому «ишану» удалось много веков тому назад взойти на гору. Он нашел там озеро и речку, на берегу которой пасся белый верблюд. Был там и сад, в котором росла в изобилии слива и расхаживали старые люди в белых одеждах. Ишан вкусил плодов от одного сливового дерева, и тогда один из старцев подошел к нему и сказал, что счастлив он, не пренебрегши плодами, — иначе и он, как другие, был бы обречен вечно оставаться на горе. Затем его взял к себе на седло всадник на белой лошади и спустился с ним по обрывам. Когда ишан вернулся к себе, у него осталось только смутное воспоминание о том, что было с ним.

С этой областью связана и другая легенда из времен знаменитого хана Ходжи, владившего над всей страной от Кашгара до Манаса. Китайцы отправили к нему двух послов, чтобы заключить с ним мир, но он не согласился; одного посла умертвил, другому обрубил нос и уши и в

таком виде отправил его обратно к китайскому императору. Император страшно разгневался и велел наполнить иглами три котла, обещая послать против Ходжи столько же воинов, сколько вместились в котлах иголок.

Хан Ходжа во главе войска в 70 000 человек отбивался под Манасом от бесчисленных китайских полчищ целый месяц. Под конец он победил и с 32 000 войска вернулся в Кашгар, а оттуда в Булюн-куль, где произошло новое сражение. С остатками войска направился он к Малому Кара-кулю, где китайцы и стали сильно теснить его. В самую решительную минуту с Мустаг-аты спустилось 40 всадников на вороных конях и решили битву в пользу хана Ходжи.

В войске его находился один батыр — Чум-кар-кашка, который получил от своего господина наказ — никогда не оглядываться в битве, иначе он никогда не победит. В трех битвах соблюдал он наказ и побеждал, но в четвертой обернулся и был мгновенно поражен стрелой. Могила его находится на большой высоте, около западного склона Мустаг-аты, и одна из вершин горы носит имя батыра.

Китайцы, однако, опять собрали необозримое войско и напали на хана Ходжу около Малого Кара-куля; тогда 40 всадников сочли за лучшее убраться восвояси на Мустаг-ату — трусость довольно неожиданная, раз дело идет о сказочных героях! Ходжа бежал к Ранг-кулю и Корней-тарты; китайцы преследовали его, принудили к битве и разбили. Войско его было все рассеяно, и в конце концов он остался в темноте с одним только трубачом. Хан приказал трубачу трубить, и остатки его войска мгновенно собрались вокруг него. Но их было уже слишком мало, чтобы противостоять китайцам, те погнали их через горы и долины и малопомалу перебили почти всех.

Всего с пятьюдесятью верными воинами достиг Ходжа Яшиль-куля — «зеленого озера» и там один успел взойти на высокую гору в то время как воины его были окружены китайцами. Тогда хан дал знак своим броситься в озеро, что те и сделали, и тут произошло новое чудо: они никак не могли потонуть, а китайцы никак не могли попасть в них, сколько ни стреляли. Но хан Ходжа умел выпутаться: взял горсть пыли, сотворил над ней молитву и бросил

в озеро, — герои тотчас исчезли в волнах! Сам же хан бежал в Бадахшан, но шах отрубил ему голову и отослал ее китайцам. Тело же его было отправлено друзьями в Кашгар, где и погребено около Хазрет-Апака.

Дальше киргизы рассказывали, что на вершине Мустаг-аты находится древний город Джанайдар, воздвигнутый в такие времена, когда все люди на земле были блаженны, и так как потом всякие сношения между городом и прочей землей были прекращены, то обитатели его и до сих пор блаженствуют. Там находятся сады, в которых круглый год растут чудеснейшие плоды и неувядающие цветы; женщины там не старятся и вечно остаются прекрасными. Все блага жизни предлагаются там в изобилии ежедневно; смерть, холод и мрак изгнаны оттуда навсегда.

Словом, Мустаг-ата, как и Демавенд и другие горы-великаны, окружена таинственным облаком преданий и фантастических легенд. Да и немудрено, что полудикие киргизы взирают на эту гору с благоговейным трепетом, если даже европеец бессилен перед ее чарами. Как мощный аванпост, преграждающий дорогу в Центральную Азию, возвышается Мустаг-ата, одна из высочайших гор Памира и всего земного шара, имеющая 7800 м высоты и являющаяся в то же время достойным продолжением мощных хребтов Гималайского, Куньлунь, Каракорума, Гиндукуша, собранных на «крыше мира». Гора эта представляет кульминационную точку идущего по меридиану хребта, охватывающего Памир с востока и носящего название Мус-таг, или Ледяные горы; имя Мустаг-ата, т. е. «отец ледяных гор», показывает ее превосходство перед хребтом.

Это действительно знаменательное имя: как настоящий отец, вздымает гора свою седовласую макушку над головами детей, хотя и они, как он, все рослые великаны, одетые в белоснежные плащи и ледяные брони. Словно гигантский маяк льет Мустаг-ата свое серебряное сияние далеко на необозримое пространство песчаного моря пустыни. Я много раз видел ее издалека, месяцами бродил по ее склонам, притягиваемый ее чарами.

Что же касается киргизов в Су-баши, то они менее пессимистически относились к подъему на Мустаг-ату, неже-

ли их соплеменники на Памире. Все соглашались сопровождать меня и стараться до последнего, но думали все-таки, что экспедиция не удастся. У охотников, которым случилось заблудиться на больших высотах, начинала кружиться голова от «тяжелого» воздуха, и даже ловкие и быстроногие архары, когда их загоняют к отвесным ледяным стенам, отступают назад. Даже у королевских орлов слабеют крылья на таких высотах.

Поэтому мы снарядились, как в настоящий поход, решившись во что бы то ни стало одолеть великана. Мы положили подстергать минуту, т. е. благоприятной погоды, в каком-нибудь укромном местечке и тогда сразу взять его приступом. Решено было разбить третий лагерь на возможно большей высоте, а оттуда уже производить рекогносцировки и наступление.

В продолжительных, богатых приключениями путешествиях часто, однако, бывает, что разные препятствия и превратности идут наперекор планам путешественника, сбивают его на другие пути, нежели по каким он решил следовать. Подобное поражение ожидало и меня на Мустаг-ате. Моим намерением было, если возможно, добраться до самой вершины горы и исследовать ее геологическое строение, ее ледяной покров и гигантские ледники, ползущие по склонам с быстротой маленькой часовой стрелки.

Вместо того чтобы осуществить этот план и насладиться сознанием, что находишься превыше всех земных царств и народов и попираешь ногами пять частей света, имея над собой только несколько вершин азиатских гор, я принужден был, ослабевший и полуслепой, вернуться в более теплые области.

Утром 17 апреля около моей кибитки выстроился готовый выступить живописный горный караван. Состоял он из шести киргизов в теплых бараньих тулупах, с посохами в руках, девяти больших черных добродушных яков и двух баранов. Яки были навьючены необходимым провиантом, кирками, заступами, топорами, канатами, тулупами, кошами и коврами, фотографическими аппаратами и проч. Хрупкие приборы и бинокли везли в саквояжах киргизы.

Остальные яки были под седлом. Мы уселись на них, простились с беком Тогдасыном и пустились в дальний путь. Управляют яками посредством бечевки, продетой в носовой хрящ. Впрочем, яком немного накомандуешь; он большей частью изволит идти, как ему самому вздумается, уткнув нос в землю, и его хрюканье раздается точно шум отдаленной лесопилки.

Мы прошли первый ледник, отливавший на склоне светло-зеленым цветом. У подножья его конечной морены лежала гигантская, разбившаяся пополам гнейсовая глыба. Место это называется Кемпир-кишлак, или Бабий поселок. Предание гласит, что, когда хан Шугнанский воевал с киргизами, все разбежались отсюда, кроме одной старухи, спрятавшейся здесь между двумя обломками глыбы.

К вечеру мы достигли свободного от снега местечка на высоте 4439 метров. Таким образом, мы поднялись от Су-баши, расположенного на высоте 3756 метров, почти на 700 метров. Здесь мы сделали привал и разбили свой простой бивуак. Из кошм и ковров, альпийских палок и веревок киргизы соорудили род ширмы, защитившей нас от южного ветра. Зарезав одного из баранов, киргизы произнесли молитву, и мясо еще не успело остыть, как уже было брошено в котел со снеговой водой, кипевшей над костром из сухого помета.

Вечером подошел киргиз с еще двумя яками, нагруженными терескеном. Развели чудесный огонь, вокруг которого мы и уселись трапезовать. Живое пламя прыгало и металось туда и сюда, словно легкомысленная танцовщица, целуя окружающих и обжигая бороду какого-нибудь зазевавшегося замерзшего киргиза, подавая тем повод к общему веселью. Из-за Мустаг-аты выплыл месяц, окруженный сияющим венчиком; огонь мало-помалу потух, и мы спокойно заснули под открытым небом на горе Хазрет-и-Муза.

На следующий день 18 апреля погода была неблагоприятная, холодная, ветреная, небо все в тучах, но мы все-таки решили сделать попытку. Взято было лишь три яка, так как киргизы захотели лучше идти пешком. По крутым извилистым тропинкам стали мы взбираться по склонам, становившимся все круче. Яки подвигаются с удивительной

уверенностью, но зато часто отдыхают. Когда тучи временами редели, глазам открывались чудные картины. Долина Сары-кол развertyвалась внизу, как на ладони; на севере виднелись Малый Кара-куль и Булюн-куль, на юго-западе горные хребты Мургаба, и глубоко внизу под нами на западе могила батыра Чум-кар-кашки; из долины она кажется лежащей на большой горе; отсюда же последняя смотрела ничтожным холмом.

Дойдя до ущелья ледника Ямбулак, мы остановились. Находились мы на высоте 4850 метров, т. е. выше всех европейских гор. С королевским величием выступает ледник из ворот своего дворца — глубокого и широкого ущелья. Выйдя из гор на открытое место, он становится втрое, вчетверо шире, зато во столько же раз тоньше. Старые и новые конечные морены, боковые и береговые, ледниковые дожа — все видны отсюда с высоты птичьего полета.

На высоте 5336 метров нас застиг буран, да такой жестокий, что несколько часов пришлось не двигаться с места, пока наконец мы решились с величайшей осторожностью повернуть назад по свежим сугробам, скрывавшим предательские ямы и каменные глыбы. Когда мы после многих мытарств и приключений вернулись в наш лагерь, мы нашли там кибитку, любезно доставленную мне беком Тогдасыном вместе с провиантом и топливом.

19 апреля буран разразился и на высоте, где был разбит лагерь. Ясно было, что хорошей погоды придется ждать долго, и я послал Куль Маметыева в долину запастись продовольствием на несколько дней. Сам же я предпринял экскурсию с Ислам-баем и двумя киргизами. Остальные, у которых сделалась накануне сильная головная боль и тошнота, — остались.

Экскурсия вышла в высшей степени интересной и поучительной; дошли мы до мыса ледника Ямбулака. Во время этого опасного странствия по льдам нам часто приходилось перепрыгивать через зияющие трещины.

Вечером был составлен план подняться на другой день с кибиткой на южный склон горы и оттуда сделать новую попытку. Тут, словно по мановению злого духа, у меня началось воспаление глаз, сопровождающееся сильной

болью. Все аптечные средства были испробованы тщетно, и на следующий день боль так усилилась, что мне пришлось оставить своих и вернуться в Су-баши. Грандиозный план разрушился, с таким трудом организованная экспедиция не удалась. Я рассчитался с киргизами, и Мустаг-ата, вся залитая теперь солнечным блеском и представлявшая чудное зрелище — для тех, кто не страдал глазами, — была оставлена на этот раз в покое.

Так как болезнь глаз, несмотря на отдых и тепло, все продолжала ухудшаться, то я дня через два счел за лучшее отправиться в Булюн-куль, где осталась половина моих вещей, двое людей и шесть лошадей. При отъезде жители аула и даже некоторые из китайских солдат распростились со мной истинно сердечным образом. Все население аула собралось на проводы и держало себя, точно на похоронах, тихо и молчаливо. Через час нас нагнала по дороге кучка солдат; служба помешала им проститься с нами, и они теперь явились пожелать нам счастливого пути. Они провожали нас добрых полчаса, распевая в нашу честь заунывные песни; в общем, похоже было, как будто караван наш — погребальное шествие, песенники эти — плакальщицы, а я сам — покойник.

Да, печально было наше шествие в это утро 25 апреля. Я напиринимался салицила и морфина и чувствовал себя и глухим и взбешенным. На левом глазу была плотная повязка, а на правом, еще здоровом, но страшно чувствительном к свету, двойное темное стекло очков. Весь путь до Булюн-куля мы сделали все-таки в один прием, проехав безостановочно десять часов. Около Кара-куля опять захватил нас буран, который к вечеру усилился, и, когда мы в темноте прибыли в Булюн-куль, вся местность кругом опять была в зимнем наряде.

Джан-дарын теперь вернулся из Кашгара, и я тотчас послал к нему гонца с просьбой доставить мне приличную кибитку, но гонец вернулся с ответом, что Джан-дарын пьян и его нельзя тревожить. Пришлось довольствоваться тем, что было, жалкой кибиткой, в которую сквозь щели проникал снег. 26-го около полудня явился посланный от Джан-дарына с приказанием удалиться из Булюн-куля рано утром

на другой же день — иначе мне помогут убраться его солдаты. Выбора не было, приходилось повиноваться. Спешу, впрочем, оговориться в пользу китайцев, что неприятный этот случай был единственным за все время моего путешествия по китайской территории. Тут мне пришлось иметь дело с грубым неотесанным мандарином, впоследствии же я узнал китайцев с совершенно другой стороны.

27 апреля я простился с Куль Маметыевым, который вернулся на Памирский пост и позже был награжден медалью от короля Оскара. Кроме того, за оказанные мне услуги получили знаки отличия и многие из офицеров укрепления, так что неудивительно, если русские считали меня переодетым принцем. Около Тарбаши (начало узкого прохода) мы свернули к востоку по глубоко врезавшейся в хребет Мус-таг долине Гез. Я почти все время ехал с завязанными глазами. По крутым головоломным тропинкам достигли мы во мраке итумане Уч-каппа (Три каменные хижины), где провели ночь.

На следующее утро предстоял трудный переход через реку Гез. Она здесь очень быстра и глубока и протекает вдоль стены скал по правой стороне долины. Ящики мои перевозили только на лучших лошадях, что очень и задержало нас, так как много времени ушло на перегрузку. Каждую лошадь сопровождали двое верховых. Чтобы помочь ей в случае, если ее опрокинет течением. Крайне жутко въезжать с лошастью в пенящуюся бурлящую реку, в которой не видно дна, так что не знаешь, чем оно покрыто, щебнем или гальками, не знаешь, мелка река или глубока. И надо строго держаться брода, если не хочешь выкупаться, что далеко небезопасно, если сидишь с ногами в стремених, а река неподалеку круто низвергается, образуя водопад в теснинах скал.

Местность эта пользуется дурной славой, как пристанище китайских и кашгарских разбойничьих шаек. Поэтому ночному караулу приказано было глядеть в оба за вещами и лошадьми. Люди посоветовали мне держать оружие наготове. Но о разбойниках не было ни слуху ни духу, и ночь прошла так же спокойно, как и все предыдущие.

30 апреля сделан был последний переход по горам. Местность становилась все ровнее, показались поросшие тра-

вой поля, и лошади забыли всякую дисциплину. Бедные животные, прошедшие на Памире через настоящее лечение голодом, не могли удержаться, чтобы не щипать мимоходом аппетитную траву.

Перейдя через три небольших моста, мы оставили долину Гез далеко влево. Последний мост был очень опасен, и мы чуть не лишились там одной лошади, которая застряла ногами между перекладинами. Лошадь развьючили и соединенными силами высвободили. Затем люди исправили мост, заткнув дыры комками земли.

Около Таш-мелыка (собственно, Таш-балыка, т. е. Каменной рыбы) находится небольшая китайская крепостца, комендант которой задержал нас просмотром паспортов. Последнюю ночь мы провели в городке Тарым и вечером 1 мая прибыли в Кашгар, где я нашел сердечный прием у моего старого друга консула Петровского и его секретаря Лючша.

IX. Воспоминания о Кашгаре

В Кашгаре я пробыл 50 дней, дожидаясь, пока поправятся мои глаза, и работая: приводя в порядок мои наблюдения и разрабатывая набросанные мной карты. Пребывание в гостеприимном доме консула являлось для меня приятным и необходимым отдыхом — все услуги цивилизации были тут в моем распоряжении.

Консул Петровский — один из милейших и любезнейших людей в свете; беседа с ним доставляла мне столько же пользы, сколько удовольствия, так как он человек науки в полном смысле слова и сделанные им окрестностях Кашгара открытия, которые он собирается опубликовать, имеют большое значение для археологии и истории. В библиотеке его собраны все лучшие труды по описанию Центральной Азии; рабочая комната его похожа на физический кабинет, обладающий самыми дорогими приборами. Лучшей, нежели этот дом, точки опоры для путешественника по Внутренней Азии нельзя было бы и представить себе.

Скажу несколько слов о европейцах и китайцах, с которыми мне пришлось здесь столкнуться. Начну с персонала русского консульства, состоявшего самого консула Петровского, его супруги, секретаря, двух офицеров, таможенного чиновника и 50 казаков. Кроме того, за столом консула ежедневно появлялось одно лицо, Адам Игнатьевич, поляк, прибывший в Кашгар десять лет тому назад в качестве католического миссионера. Это был видный старик, с чисто выбритым лицом и белоснежными волосами, носивший белое одеяние, а на шее четки с крестом; в общем он напоминал кардинала на покое. Мы часто подшучивали над ним за столом; но он на самые щекотливые вопросы отвечал добродушно-веселым смехом и гнался только за хорошим глотком водочки.

Никто, кроме него самого, и не верил в его миссионерство, — за все десять лет он не обратил никого, да и не пытался обратить. Сам он, впрочем, хвалился, что обратил на смертном одре одну сартскую старуху, но злые языки уверяли, что старуха была уже мертва, когда он обращал ее. В эту зиму Адам Игнатьевич частенько захаживал ко мне, и мы коротали в беседе целые вечера; иной раз, увлекаясь рассказами из его полной удивительных приключений жизни, мы засиживались далеко за полночь.

Между прочим, он рассказывал, что во время польского восстания помогал повесить одного русского священника и за то был сослан в Сибирь, где пробыл около тридцати лет. По рождению он принадлежал к польскому дворянскому роду Догвилло, но теперь доживал свой век почти без средств, одиноким, всеми забытым, заброшенным без друзей, без привязанностей, не имея никого, кто бы поплакал на его могиле, когда он умрет. Тем не менее он был всегда весел, приветлив и жизнерадостен. Мы сидели с ним, болтая у камелька, словно двое отшельников. Точно так же, как и Адам Игнатьевич, застрял в Кашгаре мой старый друг патер Гендрикс, во всех отношениях человек замечательный. По рождению голландец, он прожил в Азии двадцать пять лет, говорил на двадцати языках, неукоснительно следил за всеми событиями мира и был вообще богато одаренным от природы и всесторонне образованным человеком,

составляя в этом отношении прямой контраст с Адамом Игнатьевичем; проживал он в индусском караван-сараяе, в какой-то тесной конуре без окон, в крайней бедности и, по-видимому, давно забытый своими европейскими друзьями, так как почти не получал никаких писем.

Беседа же с ним доставляла большое удовольствие; он бывал остроумен и весел, пел французские песни так же хорошо, как латинскую обедню, и вообще являлся редким оригиналом; быстро шагая по мусульманским базарам в своем длиннополом одеянии, в шляпе с широкими полями, с посохом в руках, с длинной бородой и круглыми очками на носу, он напоминал монаха ордена Серых братьев. Одиночество было лозунгом и его жизни. В одиночестве аккуратно служил он обедню, на которой не присутствовало живой души, кроме него самого, одиноко сидел по вечерам с книжкой у дверей своей конуры, не замечая шума и гама

Городские ворота в Кашгаре

входящих и уходящих караванов, один готовил себе необходимую пищу, на какую хватало его ничтожных средств, одиноко бродил по улицам вечерами — вечно был одинок. Встречи с ним радовали меня, мы часто сживали и философствовали с ним вдвоем — я тоже был одинок, как и он.

Третий миссионер был крещеный магометанин по имени Иоганн. Он изучал Коран в Эрзеруме и вызывал с его минаретов: «Ла иллаха иль Алла, Мухаммед расул Улла!» (Нет Бога кроме Бога, и Магомет пророк его). Потом принял христианство, два года посещал миссионерскую школу в Швеции, а теперь переводил на кашгарско-тюркское наречие Библию и разыгрывал по вечерам на скрипке шведские псалмы.

В первое мое посещение Кашгара около Рождества 1890 г. я имел удовольствие встретиться здесь с тремя любезными и симпатичными англичанами: капитаном Юнгусбэндом и г. Мэкэртнеем. Первый уже возвратился в Индию, но второй оставался еще в Кашгаре и проживал в расположенном около общественного сада, прекрасном комфортабельном доме, где он не раз угощал нас с патером Гендриксом чудесными, веселыми обедами. Мэкэртней — агент индийского правительства в Китае, человек прекрасно воспитанный и основательно образованный, бегло говорящий на всех главных европейских и восточных языках, особенно на китайском. Занимаемое им положение далеко не соответствует его способностям и знаниям; он мог бы быть полезным своей стране и на более выдающемся посту.

Теперь остается упомянуть о наиболее выдающихся китайцах, с которыми я имел сношения.

Во главе каждой из 19 провинций Китая стоит губернатор, ближайшие помощники которого: вице-губернаторы, управляющий финансовой частью, начальник судебного ведомства и «дао-тай». Власть первых четверых простирается на всю провинцию, последний же имеет в своем ведении лишь известную область. Так, например, в новой провинции Синьцзян, которая охватывает весь Восточный Туркестан, Или, часть Джунгарии и часть Гоби, есть много «дао-таев», или «людей, показывающих правые пути». В Урумчи, главном городе провинции, свой дао-тай, в Ак-су — свой, в Кашгаре свой и т. д.

Если, таким образом, район власти дао-тая и меньше, зато самая власть его во многих отношениях значительно больше власти первых названных чиновников: он как бы контролирует их и может обжаловать их действия. Положение, занимаемое им, живо напоминает положение русских провинциальных прокуроров при Екатерине II, которые, однако, имели право лишь протестовать против действий высших чинов, тогда как китайские дао-таи иногда могут и распоряжаться.

Мой друг Шань, дао-тай Кашгарский, управляет обширной областью, которая на северо-востоке граничит с Ак-су и, кроме самого Кашгара, обнимает еще Марал-баши, Яркенд, Хотан, Керию и Черчен. Должность его почти исключительно гражданского характера, но власть его простирается и на военную область: он платит жалованье солдатам и наблюдает за интендантским ведомством. Сары-кол, или Восточный Памир — чисто военная область с временным управлением, организованным приблизительно по образцу русского и афганского управлений на Памире, носящих чисто военный характер. Дао-тай, однако, и в Сары-коле пользуется известным влиянием.

Дао-тай Шань в молодости был просто писцом у одного мандарина, но отличился в первое восстание дунган и мало-помалу, повышаясь в чинах, достиг нынешнего своего высокого положения. Он был поистине человеком честным и благородным. По наружности он, конечно, не был Адонисом, зато его шафранно-желтая телесная оболочка была обыкновенно облечена в роскошное одеяние из голубого шелка, в складках которого играли в жмурки золотые драконы и карабкались по причудливо извивающимся гирляндам золотые львы. На его шелковой шапочке торчал шарик, означавший, что он был «дарын» второго класса, а на шее он носил длинную цепь из твердых резных плодовых косточек.

Одной из первых моих обязанностей был, разумеется, визит к этому важному господину, который принял меня с отменной любезностью. Обитал он в обширном «ямене», где можно было запутаться в лабиринте четырехугольных дворов, с купами тутовых деревьев посреди и деревянными

ми верандами вокруг; столбы, поддерживающие веранды, были украшены китайскими письменами, а стены живописью, изображавшей по большей части драконов и других фантастических зверей.

Дао-тай встретил меня у первых ворот и, улыбаясь, повел в приемную залу, где мы уселись друг против друга за маленький четырехугольный деревянный стол и принялись пить чай и курить из серебряных трубок. У ворот стояли на страже солдаты с длинными алебардами. Важные чиновники с тщательно заплетенными косами и желтыми физиономиями, тоже с шариками на черных шелковых шапочках, стояли, точно статуи, по стенам залы и все время рта не раскрывали. Чтобы не отстать от дао-тая, разряженного согласно своему достоинству, я облекся в черную пару и явился в сопровождении казаков на белом как снег коне.

Битых два часа длился разговор, являвшийся, собственно говоря, состязанием в искусстве говорить друг другу любезности. Когда я на вопрос хозяина, как понравился мне его чай, ответил единственным китайским словом, которое знал: «Хао» (хорошо), он всплеснул руками и сказал: «Что за ученый человек наш гость!» Зато когда он затем сообщил мне, что воды Тарима, впадающего в Лобнор, через несколько тысяч «ли» снова выходят на свет Божий, чтобы образовать Хуанхэ, я отплатил ему восклицанием: «Как ваше превосходительство учены, все знаете!»

Но пришлось ему выслушать и немножко правды. Я напрямик высказал ему свое удивление, что, несмотря на имеющийся у меня китайский паспорт и рекомендательное письмо, я был так дурно принят в первом же китайском пункте, куда прибыл, в Булюн-куле, и прибавил, что буду жаловаться высшим властям; физиономия важного китайца сразу омрачилась, и он стал упрашивать меня не подымать истории, обещаясь лично пробрать Джан-дарына. Я обещал на этот раз не жаловаться, чего, конечно, в сущности, и не намеревался делать, а сказал это ради того лишь, чтобы поддержать свой престиж: в обхождении с китайцами вообще надо быть твердым и неуступчивым, иначе они же над вами посмеются.

В заключение он напомнил мне, что в Кашгаре два начальника: один он, а другой русский генеральный консул (о котором мусульмане говорят, что он истинный приемник хана Джагатая). Так как я по прибытии поселился у второго, то теперь справедливость требовала, чтобы я оказал ту же честь и ему, дао-таю. Но я только поблагодарил за такую честь.

На другой день дао-тай явился отдать мне визит с чисто азиатской пышностью и блеском. Сначала ехал герольд и через каждые пять минут бил в огромный гонг, за ним ехали всадники, вооруженные копьями и кинжалами, которыми они и угощали каждого, кто не сторонился немедленно перед таким важным господином. Сам последний ехал в небольшом, крытом, на двух высоких колесах экипаже с тремя окнами; надпряженным в экипаж мулом возвышался, для защиты от солнца, укрепленный на оглоблях балдахин. Экипаж окружали люди, несшие огромные зонтики и желтые флаги с черными письменами. Поезд замы-

Шань, дао-тай Кашгарский

кали солдаты в самых фантастических мундирах, ехавшие на прекрасных белых лошадях.

Не могу покончить с моими желтолицыми друзьями в Кашгаре, не упомянув о китайском обеде, которого никогда не забуду. Я едва успел опомниться от такого обеда у цзянь-далоя (нечто вроде бургомистра), как был со всем консульством приглашен на парадный обед к дао-таю.

Существуют рассказы о боге классической древности, похравшем собственного сына, о тролле Зохаке, который съедал в день по паре человеческих мозгов, об африканских дикарях, приглашающих миссионеров на обед, на котором гости сами попадают в котел, и о разных обжорах, глотающих одним духом разбитые бутылки, раскрытые перочинные ножи и старые сапоги. Но что все это в сравнении с китайским обедом, за которым подают до 46 блюд из самых удивительных продуктов растительного и животного царства, какие только можно представить себе! Копченая ветчина в сахаре не может быть особенно вкусной, не говоря уже о многом другом.

Приглашение на обед — маленькая карточка, посылаемая китайцами гостям за день, за два в огромном конверте; если гость принимает приглашение, он оставляет карточку у себя, если нет, отправляет ее обратно. Если к обеду звали в 12 часов, то нельзя являться раньше двух, иначе застанешь весь дом спящим и не найдешь ни гостей, ни поваров, ни обеденного стола. Когда у хозяев все готово, другой слуга обходит гостей с визитной карточкой хозяина, являющейся в данном случае сигналом, означающим: «Ну, теперь можете потихоньку одеваться».

Наше шествие вышло поистине блестящим. Во главе ехал аксакал из проживающих в Кашгаре русских купцов — сарт, одетый в красный бархатный халат; вся грудь была увешана русскими золотыми медалями. Затем ехал казак с шелковым флагом консульства из красных и белых полос с маленьким косым крестом в углу. За ним следовали в коляске консул Петровский и я в сопровождении двух офицеров и Адама Игнатьевича в его длинном белом балахоне, с четками и крестом на шее. Замыкали поезд двенадцать казаков, одетых в белые парадные мундиры и ехавших на горячих конях.

Таким торжественным образом, разодетые в парадные одеяния, ехали мы потихоньку по солнцепеку по узким и пыльным улицам Кашгара, через Регистанский рынок, где скучились сотни лавчонок с соломенными кровлями, подпертыми жердями, поставленными наискось, мимо мечетей, медресе, караван-сараяв и «толкучки», где продавалось поношенное платье. Время от времени мы сталкивались с караваном верблюдов или с вереницей ослов, несущих воду в маленьких бочонках, и наконец очутились в китайском квартале с его оригинальными лавками, изогнутыми крышами, намалеванными драконами и красными афишами. Мы въехали в широкие ворота «ямена» дао-тая, где навтыжку морщинистые, безбородые солдаты и где встретил нас сам хозяин.

Благодаря присутствию Адама Игнатьевича разговор уже за закусочным столом перешел на деятельность миссионеров в Китае. Дао-тай сказал, что христианские миссионеры, простившиеся со всеми удобствами цивилизации и ведущие полную трудов и лишений, далеко не завидную жизнь в чужой стране, достойны всякого уважения. Но, прибавил он с особенным ударением, они только сеют здесь рознь. В одном городе, например, часть населения перешла в христианство и во время китайских религиозных праздников держится особняком; остальная часть населения смотрит на них, как на изменников, и таким образом они становятся во враждебные отношения друг к другу. В одной семье сын принял христианство и восстает против родителей, в другой жена-христианка вечно воюет с мужем и т. п. Когда же я напомнил дао-таю о недавнем убийстве двух шведских миссионеров в Сангпо, то он сделал вид, как будто и не знал об этом. Потом хозяин провел нас и своих китайских гостей в маленький павильон в саду, где должен был состояться обед. Этикет требует, чтобы хозяин прежде, чем предложить гостям кубки, приложил их ко лбу; с такой же церемонией предлагаются и деревянные палочки, служащие для еды за столом. Кроме того, хозяин берется за каждый стул и трясет его, чтобы убедить гостей в его прочности, а также проводит рукой по сиденьям стульев, как бы для того, чтобы смахнуть пыль. Когда все это было проделано, мы уселись вокруг

большого красного лакированного стола. Вошла вереница слуг, каждый нес фарфоровую мисочку с каким-нибудь блюдом. Мисочки дюжинами были расставлены на столе и по мере опустошения заменялись новыми. Перед каждым гостем стояли, кроме того, маленькие чашечки с пряностями и соусами.

Если гости не угощаются сами, хозяин собственноручно накладывает им своих любимых блюд. В числе кушаний фигурировали чешуя, хрящи и плавники разных морских и речных китайских рыб, грибы, соленые ломтики бараньего сала, саламандры, ветчина в различных видах и множество диковинных блюд, истинной сущности которых я так и не узнал и которых не решился отведать по причине их подозрительного вида и скверного запаха. Финалом обеда были китайские конфеты, которые запивались чаем и китайской водкой, крепкой и страшно горячей.

Большинство подававшихся блюд были приготовлены из продуктов Собственного Китая и потому страшно дорогих здесь, в пустынях далекого запада. Дао-тай, обыкновенный стол которого очень прост, хотел, вероятно, принять нас самым отменным образом. Но мы не оказали чести китайской кухне.

Единственным человеком, поддержавшим престиж европейца, оказался Адам Игнатьевич, возбудивший всеобщее удивление. Он добросовестно отведал всех 46 блюд и выпил 17 чашек водки, этого питья, которое обжигало глотку — по крайней мере мою, словно раскаленные железные опилки в серной кислоте. Тем не менее к концу трехчасового обеда он смотрел как ни в чем не бывало, точно сейчас только сел за стол.

Я же вынес по отношению к китайским обедам такое убеждение, что нужно известное время для того, чтобы привыкнуть к этим необычайным блюдам. В конце концов я стал находить некоторые блюда вкусными и с удовольствием принимал приглашения. Самое тонкое блюдо — суп из ласточкиных гнезд, которое, однако, в этой отдаленной местности появлялось очень редко по своей дороговизне. На одной из стен павильона красовались какие-то черные каракули, означавшие: «Пей и рассказывай пикант-

ные анекдоты!» Но и без этого напоминания настроение за обедом было самое веселое, и мы, наверно, то и дело самым неприличным образом нарушали строгие постановления китайского этикета, и дао-тай с его туземными гостями должны были бы бледнеть от негодования, не будь они от рождения желтыми, как вяленые лещи.

Во время обеда, не переставая, играл оркестр музыкантов-сартов; гремели барабаны, свистели флейты, пели певцы, и под монотонную музыку плясало двое мальчиков, точно у нас и без того не шумело в голове.

Когда последнее блюдо съедено, гости, по требованиям этикета, должны немедленно выйти из-за стола, чему мы были поистине очень рады, так как жаждали выкурить по сигаре и запить ледяной водой с хересом этот диковинный обед.

Когда мы возвращались домой, на улицах и на рынке было уже пустынно и тихо; кое-где только попадались одинокие пешеходы — какой-нибудь дервиш или прокаженный нищий. Солнце село за западным краем Терек-давана, минутные сумерки предупредили о наступлении ночи, и восток снова заснул в своей собственной могиле.

Я с большим удовольствием вспоминаю часы, проведенные мною в обществе консула Петровского; как я уже говорил выше, он во всех отношениях человек незаурядный. Еще одна черта делала общество консула особенно приятным — его неизменно хорошее, веселое расположение духа; ничто так не оживляет и не подбодряет, как встреча с такими жизнерадостными людьми, видящими все в светлых красках и вполне довольными своей судьбой. Вместе с тем консул был философ и критик и бичевал маленькие слабости света с едким остроумием и иронией, особенно если дело касалось низкопоклонства и угодничанья. Ни один человек из встреченных мною во время моих странствий по свету не производил на меня такого незыблемо-глубокого впечатления, как именно он, и ни с кем также я не встречался бы почаще так охотно, как с ним.

Вообще пребывание в Кашгаре было для меня в высшей степени приятным. Я занимал уютный павильон в саду консула и после завтрака бродил в тени тутовых деревьев и платанов.

нов по террасе, с которой виднелись пустынные области, по которым я должен был скоро направиться на крайний восток. Несколько ласточек, свивших гнезда под крышей, составляли мне компанию и чувствовали себя здесь настолько дома, что то и дело влетали и улетали в постоянно открытые в такое тепло окна и двери павильона.

В Троицын день меня разбудил в моем павильоне серебряный звон церковного колокола, который накануне был привезен из Нарынска для строящейся русской часовни. В этом павильоне я работал с утра до вечера и написал несколько статей. Словом, лучше мне не могло житься нигде. Ветер что-то шептал в листьях платанов; я не понимал, что он говорил, но иногда воображал себе, что он мне приносит поклоны с родины. Тогда я не подозревал, что мне оставалось еще три года тяжелого странствования по Внутренней Азии.

Одиночества здесь мне не приходилось испытывать, так как консульство, кроме постоянного персонала, кишмя кишело приходящими по делам сартами, китайцами и слугами-магометанами. Кроме того, к живому населению консульства принадлежали триста кур, множество уток, гусей, индеек, мартышка, четыре попугая и четырнадцать собак. Я был в ладу со всеми, исключая мартышки, благосклонности которой мне не удавалось приобрести даже яблоками и грушами.

За эти семь недель, проведенных в Кашгаре, я не раз имел с консулом разговор о моих планах, о том, как бы так устроиться, чтобы, сообразуясь с временами года, сделать мои путешествия наиболее успешными и плодотворными. В конце концов мы пришли к выводу, что надо устроиться совершенно иначе, нежели я наметил первоначально. Вместо одной большой экспедиции мне следовало предпринять несколько отдельных, избрав исходным пунктом Кашгар и возвращаясь туда всякий раз для приведения в порядок собранных материалов, проявления фотографических снимков, отправки на родину коллекций и приготовлений к новому «походу».

Целью первой экспедиции должно было явиться озеро Лобнор, куда меня особенно влекло, но в начале июня про-

изошла быстрая перемена погоды, азиатское лето приблизилось быстрыми шагами, солнце палило, словно гигантский горн, температура доходила до 38° в тени, даже ночь не приносила прохлады, и каждый вечер прежняя столица Якуб-бека заволакивалась удушливым туманом от палящей жары и насыщенных песчаной пылью степных ветров. Чем дальше к востоку, в глубь Азии, и чем ближе к середине лета, тем сильнее должны были становиться жары.

Я с ужасом думал о насыщенном пылью и песком раскаленном воздухе, о смерчах на берегах Тарима и о 150 милях тяжелого долгого пути через бесконечные, безводные пустыни. Мы только что испытали 40° мороза на Памире, и тем чувствительнее должна была отозваться на нас жара. Поэтому в самую последнюю минуту я принял решение держаться летом нагорных областей и продолжать прерванные работы в Восточном Памире, а зимой или весной пробраться к Лобнору.

Я оставил Кашгар 21 июня вечером. Караван состоял из 6 вьючных лошадей, нагруженных продовольствием, приборами, рабочими инструментами, халатами, материями, разноцветными платками и остроконечными шапками для подарков киргизам, между которыми такие вещи служат ходячей монетой; затем — постельными принадлежностями, зимними одеяниями, войлоками, оружием и боевыми припасами. Для чтения были взяты только несколько научных сочинений да номера за полугодие одной шведской газеты, старой, как смертный грех, но тем не менее способной оживить и подбодрить читающего, так как каждая строка навевала воспоминания о Швеции.

Сопровождали меня: евангелический миссионер Иоганн, Ислам-бай из Оша, заместивший уволенного Рехим-бая, таранча Даод из Кульджи, исполнявший обязанности китайского толмача, и Экбар-ходжа, караван-баши из Ферганы, давший нам внаем лошадей. Кроме того, каждый дневной переход нас должны были сопровождать двое знающих дорогу киргизов; дао-тай в любезности превзошел самого себя: кроме двух больших пестрых рекомендательных писем, которые он вручил мне, он послал еще коменданту Сары-кола и Тагармы уведомление, что я равен

по чину мандарину 2-го класса и поэтому со мной должно обходиться, как с таковым. В противоположность тому, что было в первое мое посещение, китайцы вообще проявили на этот раз сравнительно большую предупредительность.

Медленно двинулся наш маленький караван под жгучими еще лучами заходящего солнца между рядами ив и тополей по широкому шоссе, проложенному Якуб-беком. По случаю базарного дня на шоссе было большое движение; ехали в своих маленьких голубых повозках, запряженных мулами, увешанными бубенчиками и погремушками мандарины разных классов, гарцевали на конях китайские офицеры и солдаты в пестрых мундирах, двигались в больших, с выпуклыми соломенными верхами арбах, запряженных четверьмя увешанными бубенчиками и колокольчиками лошадьми (из которых одна была впряжена в оглобли, а другие припряжены грубыми веревками впереди), целые компании сартов и китайцев, отправлявшихся в Янги-гиссар или Яркенд. Эти практические экипажи заменяют в Восточном Туркестане дилижансы; за ничтожную плату 10 тенег (приблизительно 1 рубль) можно таким образом доехать до Яркенда, т. е. сделать четырехдневный путь.

Караван следовал за караваном; около придорожных канав расположились калеки-нищие всех сортов, водоносы со своими большими глиняными кувшинами, пекари и торговцы плодами, а в мутной воде канав купались загорелые мальчишки. Мы проехали мимо ряда могил святых, памятника Адольфу Шлагинтвейту, разрушенного наводнением, развалин дворца Якуб-бека, мимо Кызыл-су, текущей, словно красная глиняная каша, под двойным мостом.

Китайский город Янги-шар остался влево, и мы вступили в пустынную и тихую местность, которая простирается к югу и востоку ровной полосой насколько хватает глаз. Стало темно, хоть глаз выколи, и мы в 9 часов вечера остановились в местечке Джигды-арык, чтобы поужинать и дождаться людей. Только в 2 часа утра достигли мы Япча-на, ближайшей цели нашего путешествия.

Х. Возвращение в Китайский Памир

22 июня температура была так высока, что мы предпочли держаться в тени; только к вечеру стало чуть прохладнее, так что мы могли снова выступить в путь. Вскоре нас встретил бек с двумя спутниками, высланный янги-гиссарским амбанем (правитель области), чтобы приветствовать меня, снабдить продовольствием, а также сделать все нужные распоряжения ради облегчения моего путешествия.

После краткого отдыха в Согулюке, где проезжие китайцы подняли ужасный гвалт, мы в темноте продолжали путь в Янги-гиссар, куда и прибыли рано утром. Для нас было приготовлено помещение в индусском караван-сарая. Наше прибытие произвело большой переполох, так как все постояльцы караван-сарая спали прямо на дворе под открытым небом.

23 июня меня разбудил один из мандаринов низшего класса, доставивший мне барана, двух кур, мешок пшеницы, мешок кукурузы, охапку сена и топлива — все от амбана, с прибавлением приветствий и уверений в безграничной дружбе. Весь день все три бека сидели у моих дверей, готовые к моим услугам по первому знаку.

В эти двое суток, проведенных мной в Янги-гиссаре, местный амбань продолжал осыпать нас любезностями. Когда же я в благодарность послал ему револьвер и перочинный нож, он прислал мне целый обед из удивительнейших китайских деликатесов, разложенных по блюдам и чашечкам, которые окружали жареного поросенка, красовавшегося посреди огромного подноса; последний был подвешен к большой толстой палке. Вместе с тем амбань поручил передать мне свое сожаление, что, по случаю нездоровья, не может сам принять участия в обеде. Это подало мне законный повод ответить, что так как один я не в силах справиться с таким обилием блюд, то и принужден вернуть их все обратно.

Я заподозрил, что все это внимание было хитростью, рассчитанной на то, чтобы связать меня долгом признательности, который бы принудил меня сделаться покорным

службой желаний господина амбаня. А желания эти клонились к тому, чтобы я отказался от своего намерения отправиться через Кинкол и Тарбаши, т.е. по тракту, находившемуся в его области. Он, очевидно, боялся, что я нанесу на карту эту область, которую до сих пор европейцы оставляли в покое. Он и советовал мне лучше отправиться через Яркенд, ссылаясь на разлитие горных ручьев, что угрожает моему каравану опасностями, а ведь ему, амбаню, в случае, если мой багаж будет попорчен водой, придется отвечать перед дао-таем. Стороной же мы узнали, что даже караваны ослов переходят через ручьи. Кроме того, самое время года мало располагало к долгому путешествию через чумной Яркенд.

Узнав о моем решении, амбань ответил, что позаботится о проводниках для меня, и так как ему, собственно, не о чем было больше спрашивать меня, то он послал ко мне бека узнать, как заставить «воду течь вверх». Я сделал модель ветряной мельницы из бумаги и приложил к ней более или менее легко понятные объяснения.

Около Янги-гиссара близость гор уже дает себя почувствовать некоторой волнистостью местности. Так, от города тянется на восток длинный узкий холм. В общем, он так ровен и правилен, что его можно было бы принять за старый крепостной вал, если б он не состоял из песка и конгломерата. К северу от него расположена главная часть города, дома и базары которого исчезают в густой листве садов; к югу же лежит только ряд глиняных мазанок с плоскими кровлями. У подошвы холма мы видели кладбище; над некоторыми могилами возвышались небольшие купола; от кладбища струился в эту жару неприятный трупный запах.

Вид же отсюда открывается широкий и чудесный. На юго-западе виднеется голубовато-стальная стена Мустаг-аты, седая макушка которой так и манит в более прохладные области. На запад и юг идут низкие холмы, а в противоположной стороне расстилается ровный, бесконечный, как даль морская, горизонт. Янги-гиссар не представляет каких-либо достопримечательностей; немногочисленные мечети и медресе не отличаются архитектурой. Одно из послед-

них основано, говорят, 60 лет назад. Оно обращено фасадом из голубого и зеленого каолина, украшенным двумя башенками, на открытую площадь с мутным бассейном посреди. Кара-чинак — мазар (т.е. могила святого) представляет небольшую типичную азиатскую мечеть, окруженную верандой со столбами; стены украшены простыми орнаментами, изречениями и флагами. На дворе возвышаются старые тополя с могучими стволами. Один из них остроумно приспособлен к роли минарета. Наконец, видели мы мазар Супурга Хэкима с зеленым куполом и четырьмя башенками.

Киргиз из Восточного Памира (Кара-джилга)

Город вообще грязен и похож на деревню; улицы узки и пыльны; базары защищены от солнца и дождя деревянными навесами и соломенными циновками. Мужчины ходят голыми или полуголыми; мальчишки совсем голешенькими, а девочки в красных рубашонках; головы же и ноги голы. Взрослые женщины, которые здесь редко носят чадры, часто сидят перед своими лавками на базарах или с корзинками плодов прямо на открытых площадях. Тип их красотой не отличается; густые черные волосы они, как и женщины других областей Восточного Туркестана, носят заплетенными в две косы.

Китайский город, который называется также Янгшаром (Новый город), расположен рядом с магометанским и защищен высокой зубчатой стеной с башнями и рвами. Здесь находится ямен амбаня; антуражем служат длинно-косые китайцы в длинных белых кофтах и широких голубых шароварах.

Индусский караван-сарай, где мы остановились, окаймлен галереей со столбами, внутри же находится небольшой четырехугольный двор; здесь проживают десять инду-

сов из Шикарпура, которые занимаются ввозом материй из Индии через Ле, Каракорум, Шах-и-дулах и Яркенд. Главное же занятие их ростовщичество, и они так ловко обделывают свои незаконные дела, что забрали все население в свои руки и большая часть доходов с полей остается в их карманах.

Медлить в Янги-гиссаре нам было некогда; ветер с гор тянул нас в путь, и много предстояло нам еще сделать, прежде чем опять расположиться на отдых. Хозяин наш ни за что не хотел брать платы за свое гостеприимство, но я выпутался из затруднения, подарив ему присланные амбанем барана и топливо, да перочинный нож в придачу.

От города Кара-баша (Черная голова) мы направились прямо на юг, оставив дорогу на Яркенд влево. Около двух часов ночи добрались до кишлака Игиз-яр, где и расположились во дворе.

На один «таш» (8 километров) к югу находится рудник Кок-буйнак, где добывается железная руда, которая затем отвозится в Игиз-яр для разработки по весьма примитивному способу. В сарае, из высушенной на солнце глины и досок, сложена печь, имеющая в высоту два метра, а в диаметре едва один метр. Печь до половины наполняется углем. Для тяги в нижней части ее проделаны шесть отверстий, перед которыми день-деньской сидят шесть человек, действуя мехами из козьих шкур. Поверх угля кладется слой руды в две ладони шириной, и к вечеру железо, расплавляясь, начинает стекать вниз под угли. Просовывая в небольшое боковое отверстие железный прут, удостоверяются в том, как идет плавление. После каждой топки печь должна быть очищена от шлака и золы. Добытое таким способом железо, разумеется, плохого качества, не годится дляковки и идет только на выделки самых простых земледельческих орудий, для подков же, например, не годно.

3 июня выдался особенно трудный переход. Там и сям выдавались из высоких почти отвесных скатов гор конгломератовые массы, угрожая обвалами, образуя стены и валы с трещинами, провалами, выемками и пещерами. За вилкообразной долиной Ямбулак (пещерный источник) проход еще более сузился, дно оказалось заваленным продуктами

выветриванья, и воды в реке, после того как несколько из ее притоков остались ниже, позади нас, поубавилось.

За Ямбулаком, где у дороги приютилась лачуга и где взор ласкают кусты свежего зеленого шиповника с белыми цветами, долина носит многозначительное название Тенги-тар; «тенги» обозначает «узкий проход» и «тар» также «узкий», т. е. «узкий — узкий проход». И действительно, прозвище это вполне оправдывается. Хотя проход сильно загроможден продуктами распада горных пород, растительность здесь не бедна; особенно часто попадаются березы, шиповник и боярышник.

Девушка-киргизка

Затем долина суживается в настоящий коридор с клинообразным разрезом. Дорога становится все более непроходимой, мы делаем бесконечные зигзаги, пробираясь между обрушившимися глыбами, и беспрестанно должны переходить через реку, которая теперь опять стала светлой и прозрачной.

Дальше ущелье Тенги-тар замыкается скалами. Из них бьют около Исык-булака, как показывает самое название, горячие ключи. Тремя брызжущими, но не особенно обильными струями бьет богатая серой вода из-под большой конгломератовой глыбы. Вода издает неприятный запах и окрашивает окружающие камни в желтый и коричневый цвет; чуть подальше уже идет богатая растительность. От струй источника поднимаются горячие пары; температура струй у самого выхода из-под земли $52,8^{\circ}$. Местечко это находится всего в семи метрах расстояния от берега реки.

За ключами ущелье имеет всего несколько метров ширины, образуя длинный прохладный коридор; на пороге его лежал лошадиный остов, предрекая нашим лошадям такую же участь. Река, сдавленная между отвесными

Бек Тогдасын

скалами и имеющая значительный угол падения, сильно пенится, пробираясь между рухнувшими глыбами, и образует маленькие водопады.

Природа здесь дикая и величественная. Над нами виднеется узенькая полоска неба. Впереди вьется оригинальная живописная ложбина, прорытая рекой в кварцитовых и гранитных скалах. Часто кажется, что горы впереди смыкаются и заграждают нам путь; но это означает лишь новый поворот, и от угла его открывается новая перспектива. В самых глубоких местах навалены камни и глыбы, образующие импровизированные мосты и переходы; все время приходится ехать по самой воде, и за белой пеной не видно, куда ступает лошадь.

Переходы эти очень опасны, так как вода размыва тонкий цемент, скрепляющий глыбы, и между ними зияют теперь огромные отверстия, в которые лошади часто попадают ногами и рискуют сломать их. Случалось, что лошади наши падали, и людям приходилось входить в воду, чтобы поднять их и спасти выюки. Душа уходит в пятки — того и гляди, что лошадь вместе с тобой угодит в холодную ванну.

Я живо помню одно особенно неприятное место, где несколько больших, круглых валунов с гладкими скользкими боками образовывали порог, лежавший поперек ложа реки. Двум из моих людей пришлось взобраться на два валуна и с обеих сторон поддерживать выюки проходивших между ними лошадей, чтобы он не потеряли равновесия. После того как лошади с трудом вскарабкались на крутой и голый гребень отрога, перед нами открылся чудный вид. Впереди расстилалась широкая ровная долина с отлогими боками гор, округленными возвышенностями, богатой растительностью и удобной тропинкой по берегу реки.

XI. Через Тагарму в Су-баши

Направляясь от Игиз-яра, мы пересекли обширные восточные склоны хребта Мус-таг, настоящий лабиринт гребней, вершин и долин. Из долины Кинкола мы попали в долину Чаарлина, из последней прошли к Пас-рабату, перевалив через два небольших гребня.

Там, где один из истоков последней из названных рек, под названием Тенги-тар, прокладывает себе русло в кристаллических горных породах, мы нашли дикую, глубокую долину, которая живо напомнила тип периферической области. За маленьким перевалом долина расширялась, и горы становились более отлогими, а относительные высоты понижались — в малом масштабе переходная область.

Итак, в природе нагорья уже замечались перемены. Мы констатировали, что уровень воды в руслах обыкновенно повышался к четверем часам дня и продолжал повышаться до вечера; это показывало, что воды, получающиеся при таянии горных снегов от полуденного солнца, достигают этих долин только спустя несколько часов. Около полудня уровень воды в реках поэтому самый низкий; самый же высокий бывает ночью. Прибыль воды идет, впрочем, не всегда одинаково правильно; колебания обуславливаются выпадением дождя. Эти-то бурные разливы и являются настоящими причинами размыва горных пород, от чего в свою очередь зависит мутность самых потоков. Днем вода отстаивается по мере того, как продукты размыва оседают на дно.

Около Булак-баши мы нашли шесть юрт с тридцатью жителями. Они обязаны жить здесь круглый год и нести караульную службу, т. е. помогать и давать приют проезжим китайцам, а также перевозить китайскую почту. Двое из киргизов, проживавших в ауле, считались баями, т. е. богатыми людьми, так как они имели по 100 голов овец, 200 коз, 100 яков, 30 лошадей и 30 верблюдов. Зимы, говорят, в этой местности бывают очень холодные, и реки повсюду, как только источники их в горах замерзнут, иссыхают. Снег выпадает здесь в течение пяти месяцев, но редко

бывает выше колена. В середине мая наступает настоящее время дождей, но и в течение всего лета и осени выпадают осадки.

6 июля выдался один из тяжелых дней, так как предстояло перевалить через главный гребень Мус-тага. Ночь была тихая и светлая, температура пала ниже нуля, и еще утром по краям ручьев виднелись ледяные каемки и застывшая вода. Чем выше, тем долина становилась шире, ближайшие отроги главного хребта становились все более плоскими, и лишь изредка попадались резко очерченные гнейсовые скалы.

Скоро мы очутились в овальной котловине, окруженной горами; некоторые из них были покрыты снегами. Перед нами возвышался порядочной величины кряж, и тут же к северу виднелся перевал Янги-даван (Новый перевал), через который ведет дорога в Ямбулак; пользуются этим путем, однако, лишь в тех случаях, если путь на Тенги-тар непроходим. Посреди этой ровной котлообразной долины находятся два небольших озера, около 500 метров в длину каждое. Они образовались из воды, получающейся от таяния снегов на примыкающих ледяных полях. Из этих хрустально-прозрачных озер вытекает речка Чичиклик-су, впадающая (через долину Шинди и Пас-рабат) в Яркенд-дарью. То же название Чичиклик носит и низкий перевал-порог, служащий водоразделом долин Тарбаши и Чичиклик.

Подъем от этого места идет не особенно круто к перевалу Кичик-кок-муйнак (Маленький Зеленый перевал) высотой в 4593 метра. Как этот последний, так и расположенный немного подальше Катта-кок-муйнак (Большой Зеленый перевал) в 4738 метров высотой не представляет затруднений для перехода. Между ними разворачивается веером долина, в которой из нескольких мелких ручьев образуется речка, приток Чичиклик-су. Оба перевала представляют округленные формы и покрыты зеленью; только кругом разбросаны голые гнейсовые глыбы.

Мало-помалу долина, называемая здесь Доршат, стала пошире, и наконец мы увидели находящиеся в ее устье горные ворота, открывающиеся в равнину; вдали, на заднем плане ее рисовались голубовато-белые горы — хребет Мус-таг.

После того как мы пересекли небольшой, почти отдельно лежащий холм, мы очутились в большой долине Тагарма, утопавшей в нежной зелени и в лучах заходящего солнца. Направо виднелась китайская крепость Бэш-курбан (пять крепостей), стены которой образовывали четырехугольник. Гарнизон ее, говорили, состоит из 120 человек. По ту сторону реки Тагармы нас встретили беки и юз-баши, учтиво приветствовавшие нас и сообщившие, что они получили от дао-тая письменный приказ быть к моим услугам.

Киргизы, обитающие в долине Тагармы, живут здесь и лето и зиму; у них насчитывается 80 юрт. В каждой юрте живет средним числом четыре человека. Около Бэш-курбана и Саралы поселились еще 20 семейств таджиков. Большинство здешних киргизов, однако, бедны, владея в общей сложности только 2000 голов овец и 200 яков. У многих вовсе нет или очень мало домашнего скота. Таджики в сравнении с киргизами богаты. Они оседлы, живут в глиняных мазанках, занимаются обыкновенно земледелием (сеют главным образом пшеницу и ячмень), но также и скотоводством и имеют нередко по 1000 голов овец.

Киргизы объясняли, что лет двадцать тому назад, при Якуб-беке, им жилось гораздо лучше, так как они пользовались большей свободой и могли, по желанию, переходить со стадами к западу на пастбища Памира, а теперь китайцы строго воспретили им переходить русскую границу. Наш хозяин Магомет-Юсуф был беком над всеми киргизами Тагармы.

Животное царство здесь очень богато; тут встречаются дикие козы, зайцы и другие мелкие грызуны, волки, лисицы, куропатки, гуси и утки и много разных плавающих и голенастых птиц, которые останавливаются здесь во время перелета.

7 июля мы продолжали путь на запад и северо-запад, вдоль подошвы группы Мустаг-аты, имея вправо от себя ту часть ее, которая называется Каракорум (Черный каменистый путь). Мы следовали по течению Кара-су, питаемой ледниковыми ручьями и ключами и дальше сливающейся с водами долины Тагармы, чтобы впасть в Яркенд-дарью.

На проезжей дороге, в местности, называемой Гиджак (скрипка), возвышается живописный «ту», или жертвенный холм, состоящий из кучи камней, в середину которой воткнута большая ветвь березы, обвешанная черепами и рогами диких баранов, хвостами лошадей и яков и белыми лоскутьями. Кроме большой ветви, между камнями укреплены несколько меньших березовых ветвей и палок, а вокруг разложены черепа лошадей и антилоп. Перед кучей камней лежала небольшая гнейсовая глыба с углублением, сделанным водой или льдом; углубление было покрыто копотью, и мне рассказывали, что тут обыкновенно зажигают жертвенный огонь (светильники с маслом) паломники.

Как раз около этого места впадает в долину идущая с запада маленькая боковая долина Каинды-мазар (святая могила под березками). Название свое она получила от находящейся здесь могилы святого, осененной березками. Известностью своей мазар обязан легенде, что здесь отдыхал после одного из своих походов храбрый хан Ходжа. Мазар представляет поэтому одно из почетнейших киргизских кладбищ.

8 июля нам остался всего день пути до Су-баши, причем надо было перейти через небольшой перевал Улуг-рабат. День выдался чудесный. Вершины гор направо отчетливо рисовались на ясном, чистом, светло-голубом небе резкими контурами, обведенными ослепительно белым снегом. Только на юге виднелись легкие перистые облачка. Словом, природа была в праздничном настроении, и я залюбовался с седла окрестностью.

Мы достигли перевала около часу дня и, взобравшись на небольшую кучку камней, обозревали местность с высоты 4230 метров. Мы были слишком близко, чтобы вершина горы производила на нас впечатление высокого правильного купола; лишь издали, с запада, например с Мургаба, ее благородные контуры видны ясно и отчетливо. На север также открывалась чудная панорама. На первом плане расстилается сравнительно ровная местность Су-баши, в верхней части которой находится караул Эрик-як; семь киргизов охраняют здесь ведущие в русский Памир перевалы Мус-куру и Тох-терек.

У подошвы северного склона Улуг-рабата расположен аул из девяти юрт, а недалеко и другой из пяти; оба находятся на берегу реки; вокруг пасутся большие стада. В первом приветливо встретил меня бек Тогдасын и проводил в свой аул, где старая юрта стояла на прежнем месте и была убрана, как и в первый раз. В нее тотчас же набралось одиннадцать грязных китайских солдат, которые долго палили на меня глаза, кричали, хохотали, показывали пальцами на мои вещи и страшно воняли. Затем явился секретарь коменданта Ши-дарына и попросил позволения посмотреть мой паспорт. Содержание последнего удовлетворило его; я пригласил его на чашку чаю, и он, в общем, оставил по себе сравнительно приятное впечатление.

Бек Тогдасын предполагал, что гарнизон крепости состоит из 66 человек, но я сомневаюсь, чтобы там было больше дюжины. По крайней мере, я больше не видал, а они, уж наверное, все побывали в моей юрте, чтобы удовлетворить свое любопытство. Бек сосчитал только лошадей и полагал, что столько же должно быть и людей. Китайцы в этой области применяют своеобразный прием при счислении своих войск: они не довольствуются определением числа самых солдат, но включают в общий счет и число лошадей, ружей, башмаков, панталон и проч., так что итог получается в несколько раз больший, чем следовало бы. По их рассуждению, ружье по крайней мере так же важно, как сам солдат, и последний кроме того не может идти на войну пешком или голым, так вот и считают все огулом.

Таким путем китайцы думают внушить легковерным киргизам, живущим по обе стороны границы, а также русским преувеличенное представление о численности и силе своих гарнизонов. Но горе киргизу, который бы вздумал сосчитать китайских солдат попросту, как считает своих овец! Один киргизский юз-баши, прибыв недавно в Таш-курбан, был спрошен тамошним комендантом Ми-дарыном, сколько солдат в гарнизоне Су-баши, и ответил: тридцать. Ми-дарын обратился к своему коллеге Ши-дарыну с письменным запросом о верности сообщения юз-баши. Ши-дарын призвал к себе последнего и задал ему трепку, спрашивая, как

мог он вообще осмелиться считать или вообще думать что-либо о численности гарнизона!

Вооружение гарнизона Су-баши состоит из полдюжины английских и стольких же русских ружей и затем из луков и пик. С европейским оружием солдаты обращаются дурно, и оно обыкновенно в плохом состоянии. Я видел, как двое солдат, перепрыгивая через ручей, опирались на свои ружья, воткнутое дулами в грязное месиво. Хороших лошадей наберется какой-нибудь десяток; остальные просто караванные клячи. Учение, стрельба в цель и проч. почти никогда не производятся, и бек Тогдасын говорил мне, что как сам комендант, так и весь гарнизон день-деньской ровно ничего не делают, только курят опиум, играют на деньги, едят, пьют и спят.

Гарнизоны время от времени сменяются новыми из Кашгара, Яркенда и Янги-гиссара; из этих же городов присылается раза 4—5 в год продовольствие в китайский Памир. Киргизы здесь свободны от подати, но аул обязан доставлять полдюжины баранов в месяц, за которых китайцы уплачивают только половину или даже треть стоимости.

К киргизам я мало-помалу стал питать большую симпатию. Я жил между ними четыре месяца и, хотя был тут единственным европейцем, не испытывал бремени одиночества, так как они проявляли по отношению ко мне неизменную дружбу и гостеприимство.

Они с удовольствием делили мою скитальческую жизнь; некоторые сопровождали меня во всякую погоду и участвовали во всех экскурсиях, странствиях по ледникам и восхождениях на горы. Постепенно я приобрел в долине Сарыкол известную популярность. В лагерь ко мне приезжали и ближние и дальние киргизы, дарили мне баранов уток, куропаток, хлеб, яковое молоко и сливки; в аулах меня везде встречали верховые киргизы и провожали в юрту бека, где отводили мне почетное место у огня и предлагали мне дастархан.

Особенно забавляли меня дети; многие из них были так милы, прыгая вокруг меня в своих разноцветных шапочках на головах, но без всякого признака другой одежды на теле, кроме разве огромных отцовских кожаных туфель,

что с трудом можно было оторваться от них. При первом взгляде на странное существо с очками на носу, в необыкновенном одеянии, малыши чаще всего обращались в бегство, прятались за юбки матерей или по углам юрты, но довольно было кусочка сахара, чтобы приобрести их доверие.

Киргизы скоро увидели, что и я смотрю на них как на друзей и чувствую себя хорошо между ними. Я жил в их юртах, ел их пищу, ездил на яках, кочевал с ними с места на место, словом, стал под конец совершенным киргизом. И они часто льстили мне словами: «сыз инды кыргыз болдыныз» — «теперь вы стали киргизом». Как я и мог ожидать после первой дружелюбной встречи три месяца тому назад, бек Тогдасын, старшина сарыкольских киргизов и представитель и заступник их перед Джан-дарыном, комендантом Булюн-куля, принял меня, когда я вторично прибег к его гостеприимству, как старого знакомого, осыпал меня всевозможными киргизскими любезностями и убедил меня в необходимости отдохнуть дня два в его юрте, прежде чем отправиться к его соседу Мустаг-ате, старшине, обитавшему в более высокой юрте и начальствующему над более рослым племенем. Я тем охотнее принял его приглашение, что мне как раз нужно было заняться наймом на лето киргизов и яков. 11 июля хозяин мой приготовил мне приятный сюрприз: желая показать мне весь аул Су-баши и яйлаки киргизов в полном блеске, он приказал устроить «байгу», или игрище, зрелище, которое, хоть и ничтожно в сравнении с «царским парадом», превосходит его своей невероятно эффектной сказочной обстановкой.

Утром весь цвет местной молодежи мчался кучками к югу, где около верхних аулов, на площадке Эрик-як должна была состояться дикая забава. Около полудня отправился и я, в сопровождении сорока двух киргизов в лучших халатах, всевозможных цветов, в пестрых кушаках, с кинжалами, ножами и бряцающими перевязями, на которых были нанизаны огниво, шило, кисет с табаком и проч., и в шапках разных фасонов, между которыми, однако, в это время года преобладали маленькие круглые шапочки с красной, желтой и голубой вышивкой. Находясь в центре такой пестро

разряженной толпы, я, в своем простом сером дорожном костюме невольно чувствовал себя чем-то вроде нищего-дервиша между богатыми людьми.

Самыми первыми между ними и по сану и по одеянию были бек Тогдасын, в ярко-желтом, отороченном золотой парчой парадном халате из Кашгара, полученном от меня накануне, и бек Тогда-Магомет, старшина киргизов, живущих к востоку от Мустаг-аты. Одевание последнего представляло самое смелое сочетание цветов, которые, конечно, только благодаря случайности могли столкнуться на одеянии одного человека: длинный синий халат с широким ярко-голубым кушаком и высокая лиловая остроконечная шапка с желтыми лентами. Сам обладатель этого костюма был типичный киргиз с косыми, узенькими глазками, выдающимися скулами, жиденькой черной бородкой и растрепанными усами; ехал он на громадной вороной лошади, не туземной породы. Если еще прибавить к этому кривую саблю в черных ножнах, то вот перед вами и настоящий азиатский Дон-Кихот.

Толпы всадников становились все гуще, что указывало на близость места игрища, и наконец мы остановились на особом, отведенном нам месте, посреди открытого поля. Тут поджидал нас 111-летний старец, бек Хоат, окруженный пятью сыновьями, тоже седовласыми стариками, и десятком-двумя других всадников; в седле он держался замечательно прямо, молодецки, даром что спина у него несколько сгорбилась под бременем лет. Одежда его состояла из мехового лилового халата, коричневых сафьяновых сапог и коричневого тюрбана. Борода у него была седая, короткая, нос орлиный, и глубоко сидящие серые глаза, которые, казалось, жили больше воспоминаниями прошедшего.

Все оказывали ему большой почет, и даже беки спешили слезть с коней, чтобы поклониться ему, а он принимал всеобщее поклонение спокойно, словно какое-то божество. Прежде старец был чон-беком, т. е. главным старшиной над всеми сарыкольскими киргизами; достоинство это переходило в его роде от отца к сыну в семи поколениях — и во время владычества чужеземцев, и в период независимости киргизов. Когда он не был погружен в свои думы, то

оказывался очень словоохотливым и, видимо, с удовольствием делился своими воспоминаниями и рассказывал о своей семье.

Детей у него было двенадцать человек: семь сыновей и пять дочерей; внучат сорок три человека и правнуков шестнадцать. Почти все они жили вместе, в большом ауле, который летом разбивал свои кибитки около Кара-куля, а зимой около Басык-куля. Самый старший из его сыновей бек Ошур, который мало-помалу стал одним из «моих», большой шутник, сообщал мне, что отец его в течение своей жизни имел сорок жен-киргизок, две из которых, девятистолетние старухи, живы еще, и, кроме того, около ста сартянок-наложниц, которых он время от времени покупал в Кашгаре, а затем увольнял в отставку.

Бек Хоат пришел в такой восторг от моих очков, что стал просить их у меня, но у меня не было с собой других, и я сказал ему, что если он обходился до ста одиннадцати лет без очков, то лучше так и продолжать. Потом я подарил ему разных материй, шапок и платков. Осенью старик с одним из сыновей отправился в Янги-гиссар, через перевал всего на сто метров ниже Монблана. У него в Янги-гиссаре была земля, и он хотел немножко развлечься в городе перед долгой зимней спячкой.

Перед нашими рядами был проведен баран, затем один из киргизов одним взмахом отрезал ему голову и дал стечь крови. Баранья туша должна была явиться предметом состязания — кто отобьет ее у всех других.

Один из всадников взял тушу на седло и умчался. Мы ждали несколько минут, потом вдаль показалась целая толпа всадников, несущихся к нам бешеным галопом; восемьдесят лошадей громыхали копытами по твердому полю — трава была дочиста объедена пасшимися здесь стадами овец. Топот становился все оглушительнее, к нему примешивался гул диких криков и бряцание стремян. Всадники промчались мимо нас в облаке пыли. Передовой бросил баранью тушу к передним ногам моей лошади.словно дикие гунны или опустошающая разбойничья шайка, пронеслись киргизы, описывая круг по полю, чтобы вернуться к нам через минуту. Тот, кому оказана честь бросанием

к его ногам бараньей туши, обязан ответить на нее приглашением на дастархан, что обыкновенно и делают киргизы, или горстью серебра, как сделал я.

Едва успели мы несколько податься назад, как дикая ватага вновь поравнялась с нами и набросилась на тушу бедного барана, еще не успевшую остыть. Завязалась борьба из-за обладания этой тушей, словно из-за мешка с золотом; люди, лошади, все смешалось в кучу в густом облаке пыли. Некоторые из передних лошадей упали, другие взвились на дыбы или пятились от страха. Всадники, продолжая крепко держаться в седле, с размаха перегибались туловищем к земле, стараясь схватить добычу. Некоторые сваливались совсем и рисковали очутиться под копытами лошадей; другие, свешиваясь с седел, подгибались под брюхо лошади, и все одинаково барахтались и боролись в этой общей свалке, чтобы ухватиться за шерсть туши.

Отставшие или вновь прибывшие всадники в карьер неслись к толпе, врзывались в нее, точно намереваясь проехаться по этой куче лошадей и людей, копошащихся в пыли и издающих дикие крики. Маленькие уловки были позволены. Норовя пробиться поближе к туше, состязающиеся схватывали чужих лошадей за узду, или били их по морде ручкой кнута, чтобы заставить их подняться на дыбы и попятиться, или старались выбить друг друга из седла.

Двое борцов, верхом на яках с острыми рогами, еще увеличивали смятение. Яки, попав в свалку, шекотали лошадей рогами, те лягались и еще сильнее раздражали яков, так что игра стала чем-то вроде боя быков. Наконец одному удалось крепко ухватить тушу и прижать ее правой ногой к седлу; вслед за тем он опрометью кинулся из толпы и вихрем помчался по полю, преследуемый остальными. Все исчезли вдали, но минуты через две опять возвратились. Снова послышался топот копыт по полю. Всадники неслись прямо на нас, не разбирая дороги; еще минута, и — мы были бы смяты; своротить нам было некуда. Но вот, в расстоянии всего двух шагов, они с еще большей стремительностью кинулись в сторону, опять бросив к нашим ногам тушу, представлявшую уже бесформенную массу. Затем борьба из-за нее возобновилась снова, и так раз за

разом. Я сказал беку Хоату, что с нас, пожалуй, и довольно этой забавы — стары уж мы для нее; он расхохотался и сказал, что был так стар, как я, лет сто тому назад.

А бека Тогдасына эта свалка так раззадорила, что он сам кинулся в нее и успел один раз отбить добычу, но, кувыркнувшись с лошади и получив несколько красных китайских иероглифов на лбу и на носу, присмирел и остался с нами.

Во время игры многие поснимали с себя халаты, некоторые даже разделись совсем до пояса. И мало кто выбрался целым и невредимым; многие с окровавленными физиономиями отправились к ближайшему ручью умываться; немало оказалось и хромящих лошадей. Поле было усеяно шапками и кнутами; владельцы подбирали их. Меня очень удивляло, что никто не был изувечен, но, конечно, это объясняется тем, что киргизы с пеленок вырастают в седле. Когда опасная игра была окончена, почетных гостей пригласили на дастархан в ближайшую кибитку бека, где нас увеселяли музыкой местные музыканты.

Тотчас после прибытия в Су-баши мне пришлось уволить моего китайского толмача, таранчу Даода, так как он оказался слишком «вольным» переводчиком, а теперь, чтобы увеличить список своих заслуг, начал играть в азартные игры с китайцами и в один прекрасный день проиграл 40 тенег. Так как нанятый в Кашгаре караван-баши отправлялся теперь обратно со своими лошадьми, то Даод и присоединился к нему. Из людей, бывших со мной в Кашгаре, остался у меня лишь верный мой Ислам-бай. Мы наняли поэтому на лето двух надежных киргизов, Иехим-бая и Моллу Ислама, которые отлично служили мне во время моих летних странствований, и еще нескольких на более короткие сроки. Они же должны были снабжать нас лошадьми.

XII. Вокруг Малого Кара-куля

Я избрал исходной точкой для всех местных экскурсий и съемочных рекогносцировок озеро Малый Кара-куль и 12 июля отправился туда, чтобы занять юрту, разбитую киргизами, согласно уговору, на южном берегу озера.

По пути мы присутствовали еще на одной байге, устроенной двумя меньшими аулами, и последняя байга оказалась, пожалуй, еще более дикой, чем первая. Всадник вихрем пронесся мимо нас с живым бараном на седле, одним ударом отрубил ему голову и начал с окровавленной тушей, перекинутой через седло, бешеную скачку вокруг аулов. Остальные неслись за ним в погоню, но у него была великолепная лошадь, и догонявшие настигли его только на третьем круге, отняли у него тушу и бросили ее к моим ногам, так что пыль взвилась столбом. И тут пошло головоломное кувыркание с лошадей; один бек раскровенил себе все лицо, но продолжал скачку и борьбу как ни в чем не бывало.

Когда мы после дастархана продолжали путь к озеру, дикая толпа сопровождала нас, все еще продолжая игру. Мы были очень довольны, когда они наконец оставили нас, и мы спокойно могли разобраться в своей одинокой кибитке.

Разбита она была на самом берегу, и перед нами расстилось уходящее в туман голубое озеро. Сопровождавшие нас бек Тогдасын и еще некоторые из моих друзей были приглашены на чашку чая и оставались с нами до самых сумерек. Веселью немало способствовал музыкант со своим кобусом (или кобызом). Победитель в байге явился с визитом и преподнес мне в медном кувшине кумыс, холодный, кисловатый и очень вкусный. Единственным недостатком нашей стоянки было то, что здесь водились мириады комаров, тучей носившиеся над песчаной равниной, усеянной озерами и ручейками, вытекающими из ледников.

13 июля было первым рабочим днем на озере. Найдя, что южный берег, изобилующий стоячими водами, представляет не особенно здоровое место для продолжительной стоянки, мы решили перебраться на восточный берег, и люди с утра стали собирать наши пожитки и перетаскивать их. Я же, вооружившись станком и диоптром, отправился с двумя киргизами производить съемку береговой линии вплоть до места новой стоянки.

Тропинка пошла по берегу около самого озера, и там, где выветрелые сланцевые скалы отвесно спускались прямо

в озеро, нам приходилось ехать по воде. Налево расстилась отливающая голубовато-зелеными тонами водная равнина, на которой видны были кое-где грязно-желтые полосы, обозначающие мели из ила, нанесенного сюда ручьями. На западном берегу возвышался мощной стеной хребет Сары-кол с отрогами, теперь едва видимыми в туманном воздухе.

Когда мы добрались до нового лагеря, там все было уже в порядке, кибитка разбита у самого берега на небольшой, поросшей сочной травой горной лужайке, где нашим лошадям было вдоволь корму.

Джолдаш (дорожный товариш), жалкая киргизская собака, приставшая к нам недавно, как прежде Джолчи (потерявшаяся в Кашгаре), была тут уже как дома и сторожила кибитку. Мы встретили эту собаку в один прекрасный день в обществе нескольких всадников-китайцев, которые, по-видимому, прилагали все старания, чтобы заморить ее голодом. Увидав наш караван, животное, вероятно, сообразило, что, кто бы мы ни были, мы, наверно, окажемся лучше китайцев, и увязалось за нами.

Бедняга смотрела такой худой, жалкой, что я хотел прогнать ее, но люди мои вступились за нового товарища, и он был оставлен. У нас собаке жилось хорошо, есть ей давали вволю; все объедки поступали в ее полное, безраздельное владение. Она скоро поправилась и стала очень красивым, славным животным, отличным сторожем и чудеснейшим товарищем; когда мы потом посетили русский Памир, Джолдаш своей резвостью и веселостью привлек общее внимание офицеров. Я скоро не мог обходиться без его общества, и грустно мне было потерять его, почти год спустя, — он околел от жажды в пустыне Гоби.

Мы купили барана, которого теперь зарезали, и скоро был готов солидный обед: Ислам-бай изжарил шашлык, киргизы снабдили нас яковым молоком, рис и чай у нас были — чего еще лучше?

Заход солнца был величественный и бросал своеобразный отблеск на облака и горы на западе, которые и представляли всевозможные оттенки от серого до желтого. Ветер сначала дул северный, а к вечеру сменился восточ-

ным; по волнам прыгали зайчики. Волны с мелодическим убаюкивающим плеском ударялись о прибрежные камни. Взошедший месяц озарил прелестную картину, температура была приятная, теплая (17°), и мы от души наслаждались нашей новой стоянкой у озера.

По наступлении сумерек у меня каждый вечер бывал большой прием. Из ближних и дальних аулов являлись гости-киргизы, всегда с желанными дарами в виде овец, куропаток, свежеепеченного хлеба, яковых сливок, молока. Я отдаривал деньгами или материями, шапками, ножами и проч., которые привез с собой для этой цели из Ташкента. Скоро у нас образовался целый кружок друзей, и мы чувствовали себя здесь совсем как дома.

Во время наших экскурсий мы всегда заходили в лежащие на пути аулы и обыкновенно встречали там одного, или нескольких из своих киргизских знакомцев. Самым близким нашим другом и покровителем оставался, однако, бек Тогдасын, который часто навещал нас и распоряжался доставкой нам всего нужного: яков, лошадей, палаток и проч.

Весь день 16 июля стоял густой туман; утром озеро представляло оригинальную картину: противоположного берега совсем не было видно, и казалось, что стоишь на берегу безграничного океана. Двое из моих киргизов разделись и вошли в мелкую воду собирать водоросли, полосой росшие у берега. Кстати, захватили с собой Джолдаша, которого основательно и выкупали, в чем он очень нуждался. Вода была как раз приятной для купанья температуры. В час дня температура равнялась $17,6^{\circ}$, но за ночь значительно понижалась. Около северного края озера мы нашли большую серпообразную мелководную бухту, с луговыми берегами. Над ними тучами носились комары и никоим образом не услаждали нашего пребывания здесь.

Когда мы вернулись в лагерь, нас посетил бек Ошур, сын бека Хоата; он принес мне пару живых диких гусей, пойманных около Басык-куля, хлеба, молока и масла.

17 июля утром дул южный ветер, поэтому вода около нашего берега не совсем чиста — волны нанесли ил из устья реки. Берега бухты несут явные следы влияния южного

ветра. Бухта имеет совершенно правильную, округленную береговую линию, окаймленную невысоким песчаным увалом; берега усеяны выброшенными волнами водорослями. Мы предприняли экскурсию, но были застигнуты бурей, так что пришлось вернуться. Местность эта известна своими постоянными ветрами; сильнее всего бывают северные и южные, так как не встречают никаких препятствий вдоль меридиональной долины. С запада, из Памира, ветер дует редко.

Неподалеку от нашего лагеря находились две небольшие лагуны, одна внутри другой. Наружная соединялась с озером узким, глубоким протоком, в который каждым порывом ветра вгоняло воду. Внутренняя лагуна отделялась от наружной полосой суши в шесть метров ширины, прорезанной глубоким узким проливом, так что уровень воды и в этой лагуне зависел от ветра. Отделялась наружная лагуна от озера покрытым дерном увалом в метр вышины, истрескавшимся, подмытым водой и угрожающим рухнуть; ясно видно, что в былые времена озеро занимало и лужайку, на которой разбит наш лагерь. Дно лагуны было покрыто мелким песком и водорослями; в спокойной, защищенной от волнений воде лагун водились головастики и водяные пауки.

После обеда шел сильный дождь, но около шести часов погода сразу стихла. Потом вдруг послышался вой, словно от приближающегося урагана. На противоположном краю пока еще спокойного, светлого озера показалась темная полоса, которая приближалась к нашему берегу. Над водой слышался свист и шум, и в следующую минуту над окрестностью разразился град, длившийся всего несколько минут; градины в 4—5 мм в диаметре, усыпавшие землю белой крупой, скоро растаяли под сильным ливнем.

18 июля мы закончили работы на восточном берегу Кара-куля и решили сегодня перенести стоянку на другое место. Людям приказано было перенести под присмотром Ислам-бая юрту и все вещи на удобное местечко на берегу Басык-куля. Я же, в сопровождении одного киргиза, должен был отправиться на съемку, а вечером вернуться в новый лагерь.

Мы пересекли гряду морен повыше, чем в последний раз, и затем спустились в аул Кен-шебер, состоявший из четырех юрт, разбитых на левом берегу Ики-бель-су; кругом расстилались прекрасные пастбища. В ауле проживало несколько наших друзей, которые и приняли нас очень радушно. По обычаю, нас встретил старейший из жителей, приветствовал нас, прижимая обе руки ко лбу, и проводил в свою юрту, которая быстро была прибрана как следует. На почетное место постелили небольшой ковер, положили несколько подушек и предложили мне сесть у огня.

Один за другим прибывали остальные обитатели аула и располагались вокруг огня, над которым кипел в железном котелке чай. Гостей угощают из деревянных или китайских фарфоровых чашек чаем и молоком с хлебом, и скоро завязывается оживленная беседа. Жены в своих высоких белых головных уборах и молодые девушки также присутствуют в юрте, но не вмешиваются в разговор. Они только важно восседают около огня, поддерживаемого высушенным яковым навозом, или хлопочут по хозяйству. Такие посещения всегда доставляли мне удовольствие и помогали добывать интересные сведения о дорогах и тропинках, о местном климате, о кочевках киргизов, их образе жизни и т. п.

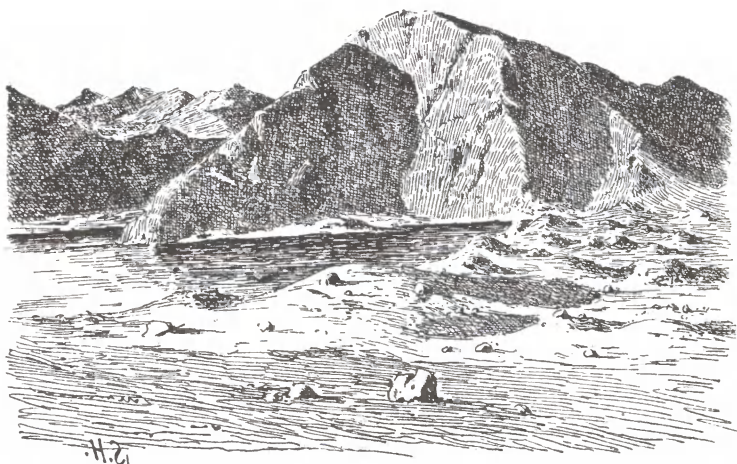
Неподалеку от аула, пониже, гряда морен заставляет реку сделать крутой поворот направо. На самом загибе река образует озеровидное расширение, на котором наблюдается водоворот, но затем река вновь быстро течет по своему глубокому руслу и с грохотом, слышным издалека, прорывает старые морены. Как раз напротив Кен-шебера, на правом берегу, находится другой аул из семи юрт. Обитатели его пасли днем свои стада на левом берегу и теперь, по наступлении вечера, должны были отправиться со стадами обратно. Вот возня-то пошла! Смотреть было забавно. Всадники брали к себе на седло по две овцы и длинной вереницей переезжали через реку. Овец было много, и такая переправа длилась, верно, долго, пока все стадо не очутилось на своем берегу.

Пора и нам было подумать о возвращении в лагерь, так как в сумерки заниматься съемкой трудно. Переправив-

шись через Ангыр-куль, мы достигли места нашей новой стоянки на нижнем Басык-куле, посреди которого высовывается островок с моренным холмом. Обе наши юрты были разбиты на лугу; кругом открывалось обширное новое поле для исследований.

Первый же день на Басык-куле вышел, однако, неудачным; с утра до вечера лил дождь и дул сильный ветер; капли так и барабанили по крыше юрты. На вольном воздухе никакой работы нельзя было предпринять, но у меня, к счастью, накопилось столько «кабинетной», что такой невольный домашний арест был совсем не лишним. Явился с визитом бек Тогдасын; я угостил его чаем и китайской водкой, которой запасся специально для этой цели, а также музыкой на шарманке, не перестававшей повергать киргизов в беспредельный восторг и удивление. Больше всего, однако, поражали их наши ружья. Киргизы находили механизм ружей до того сложным, что, по их мнению, подобное оружие не могло быть делом рук человеческих, но самого Бога.

Бек Тогдасын сообщил, что китайские гарнизоны в Долине Сары-кол с некоторым беспокойством следят за всеми

Верхний Басык-куль. Вид на юго-запад, на первом плане старые морены

моими действиями и через посредство киргизских шпионов ежедневно узнают обо всем, что я делаю и где бываю. Они все добивались узнать, кто я: урус (русский) или ференги (европеец), долго ли намереваюсь оставаться тут, какая, собственно, цель моих топографических съемок, для чего я откалываю куски горных пород. В самом деле, они были поставлены тут, чтобы стеречь границу русского Памира, и вдруг является какой-то чужеземец, по их мнению, русский, и беспрепятственно высматривает расположение страны! Но благодаря паспорту, полученному мной от дао-тая, они не осмеливались беспокоить меня.

В течение следующих дней была исследована местность вокруг нового лагеря и нанесен на карту левый берег Каракуля. Однажды, вернувшись после одной из экскурсий в лагерь, мы заметили, что несший топографические приборы Иехим-бай потерял медный диоптр. Киргизу было внушено, что если он не найдет потерянного, то навсегда утратит мое благоволение, и он тотчас отправился на поиски. Наконец он узнал от одного знакомого киргиза, что странная металлическая штука найдена на дороге и отправлена к коменданту китайской крепости Булюн-куль Джандарыну, который полагал, что сыграет со мной шутку, удержав у себя эту вещь. Я послал к Джандарыну гонца сказать, что если он не вернет мне находки, то будет иметь дело с дао-таем. Диоптр был возвращен мне немедленно.

24 июля был исследован верхний Басык-куль. Почти у самой середины южного берега в озеро вдается мысом уступ горы, довольно круто спускающийся в воду, так что низом по кособоку можно пробраться только пешком, а нам, ехавшим верхом, пришлось подняться на гребень уступа. Под нами во все три стороны от мыса расстилалось маленькое озеро, нам были видны его островки и дно.

При беглом обзоре получается впечатление, что верхнее озеро не имеет стока, и поэтому можно было бы ожидать найти в нем соленую воду. Между тем оно содержит совершенно пресную и чистую воду. Стоит, однако, взглянуть на карту, чтобы понять это обстоятельство. Нижнее озеро не принимает никакого видимого притока, но из него вытекает ручеек. Таким образом, озеро должно принимать

в себя какой-то невидимый приток, разумеется вытекающий из верхнего озера, излишек воды которого, вероятно, просачивается под моренным мысом. Абсолютная высота Басык-куля 3726 метров, а Кара-куля 3720 метров.

От главного гребня хребта Сары-кол идут прямо на восток несколько значительных отрогов, и их поперечные долины открываются по направлению к озеру. Главнейшие из них: Кара-джилга (Черная долина), Ялан (Голая) и Хамалды (Сизая); последняя имеет собственный ручей, изливающийся в бухту, между тем как ручейки двух первых долин соединяются с другими ручейками в один, который неподалеку от озера делится на два рукава, образующих дельту.

В трех названных долинах находятся более или менее хорошие пастбища; лучшие отводятся под овец, поплотнее под яков. Аул бека Хоата, населенный родом найман-киргизов, проводит здесь три зимних холодных месяца. Через Кара-джилгу идет подъем на перевал Кок-ала-чокур (Зелено-пестрый-глубокий); здесь, однако, можно подняться только на яках или пешком. Ведет перевал к Ранг-кулю; пользуются им редко; главным образом киргизы, отправляющиеся в русский Памир без разрешения китайских властей.

В 4 часа дня начался дождь при северном ветре. Спустился полтора часа мы наблюдали поистине редкое явление. По течению ручья пронесся слабый шум, и понеслись бурые волны, бурля между камнями русла и наполняя углубления. Скоро между сильно подмытыми крутыми берегами, окаймленными слабой растительностью, несся целый поток. Явление это повторяется в это время года регулярно каждый вечер; вода, образующаяся при таянии снегов в горах хребта Сары-кол, только к вечеру достигает озера.

25 июля мы снялись с привала и отправились в Кеншебер, откуда намеревались начать исследование области Мустаг-аты. На южном берегу Басык-куля мы прошли необычайно красивую, расположенную цирком морену, имевшую около 100 метров в диаметре. Посреди находилось маленькое круглое озерко, охваченное кольцом белых отложений соли, в свою очередь окруженным кольцом рас-

тельности; самое же наружное кольцо образовывал увал с проходом по направлению к озеру. Хотя озерко лежит на уровне озера и непосредственно на самом его берегу, так что с полным основанием можно было бы предполагать подземное соединение вод, вода в озерке горько-соленая, откуда и название его Шор-куль (Соленое озеро). Киргизы уверяют, что стоит овцам напиться этой воды, как у них делаются судороги и они околевают.

Около Тамга-таша мы встретили бека Тогдасына, желавшего сделать мне сюрприз и поднесшего барана и кринку якового молока. Он проводил нас до Кен-шебера, где провел с нами ночь. Вечером барана зарезали, и все обитатели аула были собраны на пир. В это время налетел страшный вихрь, который угрожал снести нашу юрту. Все люди повывежали, одни ухватились за остов кибитки, а другие принялись укреплять ее веревками и подпирать шестами.

XIII. Странствования по ледникам

На следующий день мы отправились вверх по северному склону Мустаг-аты и пересекли мощный гребень морены на левом берегу Ики-бель-су. Подъем был очень крут, пока мы не добрались до волнистого нагорья. Почва была здесь покрыта песком, щебнем, гальками и небольшими валунами.

По ту сторону гребня морены мы снова попали в область бассейна озера Кара-куль; по неглубокой широкой долине протекал крошечный холодный ручеек, который, вытекая из долины Контой, впадает в озеро Кара-куль. Около этого ручейка раскинулся на высоте 4124 метра яйлак Кош-Кортюс, избранный нами исходным пунктом для странствований по ледникам.

Киргизы этого аула прибыли сюда три месяца тому назад и располагали пробыть еще три. Зимние же шесть месяцев они проводят в Контой-джилге. У киргизов каждая семья или род имеет свои традиционные кишлаки и яйлаки, и отступления от традиций допускаются лишь с общего согласия.

Обитатели этого местечка принадлежат, как и большинство киргизов, обитающих в долине Сары-кол, к роду кара-теит. Аксакал их, Тугул-бай, был 96-летний живой, симпатичный старик, владеющий всеми умственными способностями. Подвижная жизнь и постоянное пребывание на свежем воздухе укрепляют здоровье киргизов, так что они обыкновенно достигают глубокой старости.

И сегодня опять лил дождь, а в горах грохотал гром. Вскоре за тем со склона донесся сильный шум. Хозяева наши пояснили, что после сильного дождя всегда бывает такой шум, — потоки дождевой воды стремятся вниз по крутизнам.

Первым нашим делом здесь было уволить обоих киргизов Нур-Магомета и Палевана, которые хоть и были хорошими слугами, но не знали ледников и не имели яков. Вместо них мы наняли двух местных киргизов и вечером занялись осмотром их яков, единственных животных, которые могут пробираться по этим крутизнам, загроможденным моренами.

Верхом на чудесном черном яке отправился я 27 июля в сопровождении двух киргизов, знающих все ходы и выходы в ледниках, на восток к первому леднику Горумды, который предстояло исследовать. Мы ехали себе потихоньку, благодумствуя, по горному склону, спускающемуся к северу и прорезанному тремя небольшими ледяными потоками. Направо осталась резко очерченная группа скал — отрог Мустаг-аты, а за нею виднелся небольшой ледник, имеющий в верхней своей части очень крутое падение; истоком служило незначительное фирновое поле.

Дальше на восток виднелось много подобных скалистых отрогов, гигантских диких горных массивов, между которыми прорезываются ледники, словно указывая на север пальцами. Самый большой из них называется Горумды-баши (Голова каменистого пути); питаемый им ручей, принимающий также воды из остальных ледников, протекает по резко очерченному руслу и соединяется дальше с Икибель-су.

Большой ледник Горумды так изобилует в нижнем своем течении щебнем и вообще продуктами выветривания, что во многих местах его с трудом можно отличить от окружа-

ющих пород. Ледник Малый Горумды разветвляется, благодаря острову-скале, на два рукава; из них левый окаймлен параллельными боковыми моренами. Между крайней из последних, достигающей 10—15 метров высоты, и мягким поросшим травой увалом, по которому мы ехали, бежал ручей, протекающий выше через небольшое треугольное озерко, приютившееся между увалом, моренами и ближайшими скалами Мустаг-аты.

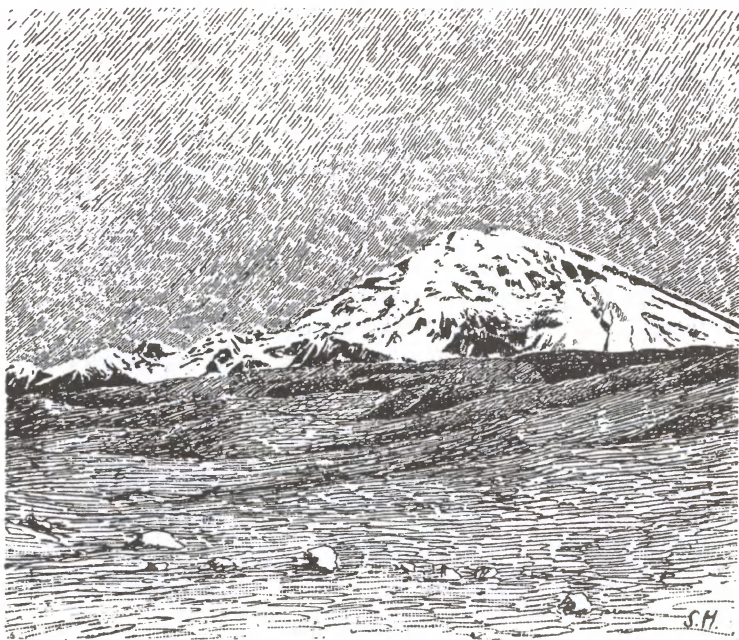
На обратном пути нас во многих местах поражало богатство красок альпийской флоры. Цветы, произраставшие зачастую между бесплодными моренами, отличались почти кричащей роскошью красок. Чем выше мы подымались, тем ярче они становились; нет сомнения, что малое поглощение атмосферой световых лучей на этой значительной высоте имеет непосредственное благотворное влияние на растительное царство.

Еще один день был посвящен Большому Горумды. С поросшего травой увала мы пустились верхом на яках вверх по бугристым моренам, по ужасно тяжелой дороге: глыбы громоздились одна возле другой, и яки то и дело оступались в ямы, но все-таки не падали. На каждом шагу представлялся случай удивляться умению этих животных прокладывать себе путь. Надобно иметь, однако, некоторую привычку, чтобы чувствовать себя вполне спокойно в седле. Тяжеловесное животное то балансирует по острому краю какой-нибудь глыбы, то ловко перепрыгивает через черную зияющую яму, тотчас же твердо упираясь ногами в следующую глыбу, то съезжает, оседая на задних ногах, с крутого щебневого увала, откуда двуногое существо непременно полетело бы кувырком.

Единственное, что испытывает ваше терпение при езде на яках, это флегматичность и лень животного, слишком часто находящего излишним продолжать путь; тогда приходится напоминать ему об его обязанностях палкой. К кнуту як совершенно нечувствителен, принимая удары им за ласку, на которую отвечает дружелюбным сопением. Только основательная затрещина палкой в состоянии убедить яка, что мы выехали не для забавы, и заставить его с глухим хрюканьем потрусить дальше.

Оказалось, что пояс морен с левой стороны большого ледника был гораздо шире, чем мы полагали; мы ехали, поднимаясь с одного гребня морены на другой, часа два. Наконец мы достигли небольшого моренного озера с мутно-зеленой водой; в него впадала делящаяся на несколько рукавов, весело пенящаяся речка, которая перепрыгивала по камням поверх одной из крайних морен; из нанесенного ею ила образовался целый конус, который и разделял течение речки на рукава.

От озера мы направились к югу между двумя колоссальными грядами морен. Долина между ними расширилась мало-помалу в поросшую редкими кочками, диким ревенем и другими злаками равнину, которую справедливо называют Гульча-яйлак (Пастбище диких баранов), так как и здесь и дальше по леднику мы находили помет диких баранов.

Вид на Мустаг-ату с севера

Так как дальше морены становились все непроходимее, представляя циклопические стены, сложенные из глыб, то мы слезли с яков и пешком отправились по леднику. Миновав последнюю боковую морену, которая находится еще в периоде образования, мы вступили в область компактного твердого льда, который, однако, в начале почти всюду покрыт валунами и щебнем и лишь кое-где выступает прозрачными ледяными пирамидами. Боковая морена ледника имеет здесь в ширину 450 метров и круто обрывается, открывая белый лед края ледника.

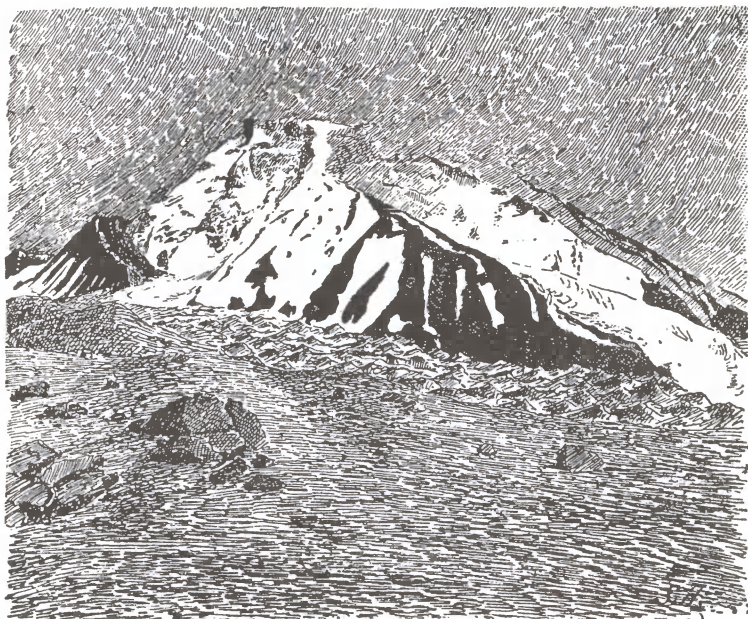
Лед на этом краю представляет здесь настоящий хаос пирамид и конусов, не имеющих, однако, острых очертаний, а скорее округленные; верхний слой образующего их льда — пористый, влажный лед, цветом напоминающий мел и похожий в общем на снег. Происходит это, разумеется, от разъедающего влияния на лед атмосферы и тепла; всюду слышится журчанье вод, получающихся при таянии льда и снега, пробирающихся струйками между камнями и валунами и стекающих в трещины или маленькие лужи на поверхности льда. В леднике слышится треск и грохот, то тут, то там с шумом скатываются в зияющие провалы гальки и щебень, а издали слышится грохот падения ручья, который, пока греет солнце, получает обильное питание со всех сторон.

29 июля мы решили перенести лагерь на новое место, откуда ближе было к ледникам, идущим на запад, которые нам предстояло исследовать. Погода стояла холодная, туманная; временами подымалась вьюга. Мы достигли перевала Сарымеха (Желтый самострел), который играет важную роль в рельефе местности, образуя проход через мощный гребень отрога, идущего от Мустаг-аты на северо-запад и отделяющего ледники и ручьи северных склонов от западных.

Если бросить с перевала взгляд на мощную группу Мустаг-аты, то перед вами разворачиваются справа налево следующие картины. На первом плане скалистые отроги с небольшим, покрытым снегом ледником; затем идет между двумя, частью покрытыми снегом, отрогами гор еще меньший ледник, который в верхней своей части очень чист, но в ниж-

ней запружен темно-серым, мелким щебнем, так что голубой лед проглядывает только в изломах трещин. В среднем течении преобладают поперечные трещины, в нижнем — продольные. Язык ледника опоясан колоссальными моренами с множеством гребней. Между третьим отрогом скал и той областью Мустаг-аты, по которой мы странствовали в апреле, врезывается глубокая, резко очерченная впадина. По ней движутся ледники Сарымех и Кемпир-кишлак, разделяющиеся мощной одетой снегом стеной скал. Первый из названных ледников загроможден моренами, второй чист. Наконец, на юге виднеется перевал Улуг-рабат, а на западе хребет Сары-кол с редкими снежными полями и пятнами, частью окутанный красивыми, белыми облаками, резко выступающими на фоне сине-стального холодного неба Памира.

Склон перевала очень крут, и мы ехали по руслу ручья, питаемого ледником Сарымех и весело прыгающего, обра-

Вид с перевала Сарымех на ледники Сарымех и Кемпир-кышлак

зую водопады, по своему каменистому ложу. Затем мы перешли через пять ручейков, питаемых тающим снегом, между которыми шли к долине Сары-кол длинные, низкие увалы, продолжение горных отрогов, расходящихся подобно радиусам и разделяющих русла ледников. Двое из людей, отправившихся вперед с караваном, уже разбили новый лагерь, несколько пониже того места, где мы стояли в апреле, на сочном, хорошо орошенном лугу, представлявшем отличное пастбище для наших яков.

Вечером пошел сильный снег, и на следующее утро горы были одеты тонким снежным покровом. Киргизы сказали, что зима уже вступила в горы и что теперь со дня на день будет холоднее. 30 июля и настала настоящая зима. Весь день шел снег; время от времени вьюга окутывала всю окрестность густыми облаками мелкой снежной пыли, так что не видно было и признака гор или лежащей в глубине долины. Было темно холодно и неприятно, словом, у Ямбулака-баши природа встретила нас так же негостеприимно, как и в апреле Нечего было и думать предпринимать в этот день какие-либо экскурсии — в нескольких шагах все уже было застлано снежной мглой. Пришлось прибегнуть к зимнему облачению, достать из тюков тулупы, меховые куртки, шапки и валенки.

Чтобы избавиться от лишней возни, мы захватили с собой лишь маленькую юрту, где я и провел весь день за черчением и писаньем, согреваясь время от времени стаканом чаю; люди же, укутавшись в тулупы, сидели на корточках, в защите от ветра, около ближайшей гнейсовой глыбы и слушали Моллу Ислама, читавшего вслух из старой книжки со сказками. Когда вьюга усилилась, я впустил их в юрту, и чтение продолжалось.

31 июля погода была сносная, и мы могли предпринять экскурсию на ледник Ямбулак. Поверхность его теперь вся белела от покрывавшего ее рыхлого влажного снега. Нам попались два ледниковых стола и широкая и глубокая поперечная трещина; она чуть было не преградила нам дальнейшего пути, да, к счастью, местами была достаточно узка, так что можно было перейти через нее. В боках трещины лед отливал чистой лазурью, а на дне ее сугробами лежал снег.

Когда мы прошли по леднику 400 метров, что по нашим определениям составляло третью часть всей его ширины, нам преградило путь непроходимое место, настоящий хаос ледяных конусов, пирамид, трещин и ручейков, которые размывали себе глубокие русла под коварными ледяными сводами.

Если взглянуть с этого пункта вверх на ворота, образуемые отвесными стенами скал, т. е. на восток, то окажется, что ледник замкнут с трех сторон, а именно с севера, с юга и запада, — спереди и с обоих боков. По выходе из ущелья он спускается со значительной высоты, затем ползет по выпуклой поверхности и поэтому в нижнем своем течении весь перекороблен и изрезан бесчисленными поперечными трещинами.

Вид ледника был на этот раз совершенно иной, нежели в апреле месяце. Трещины казались не так глубоки, так как отчасти были наполнены обрушившимися продуктами выветриванья, края их не так остры, а линии изломов в общем более мягки и округленны. Словом, ясно было, что ледник находится в периоде усиленной деятельности, причем обычные факторы — атмосфера и вода стремились сгладить резкие формы и заполнить углубления. Мы направились вдоль правой береговой морены к мысу ледника, но не успели дойти туда, как поднялся сильный ветер с юга и разразился хлеставший нам прямо в лицо град, который принудил нас искать убежища под нависшей глыбой. Град, как обыкновенно, сопровождался ливнем, и только спустя час удалось нам продолжать путь.

Вечером сильный град принялся хлестать горные склоны; град так барабанил по кровле юрты, что принудил нас заткнуть дымовое отверстие и загасить костер. Джолдаш, неусыпно стороживший вход в юрту, жалобно выл на морозе. Непогода не унималась и весь следующий день 1 августа, но большую часть дня шел дождь, и снежный покров исчез; выйти, однако, так и не удалось, и я целый день просидел дома, работая над картами.

2 августа посвятили ледникам Кемпир-кишлак. Предстояло взобраться на большой ледник Кемпир-кишлак. Мы направились по моренам, идущим вдоль левого его берега.

Непроходимость легк.

Болит
пупок

Съёмъ пружины.

Неджен
мекенге.

0
number.

Heurda
-mmmmmm.

intermittent.

Детали

1. 2017-2018

~~Don't know my marks~~

Ледник Чал-тумак

Подъем был так крут, что пришлось сойти с яков и продолжать путь пешком; так мы достигли скалы из кристаллического сланца, находящейся у левого края ледниковых ворот. Небо было все затянуто облаками; опять пошел град, но ему не удалось выбелить почву, так как градины с треском скатывались в бесчисленные трещины и впадины в морене; когда же град прекратился, мокрые камни быстро высохли в сухом воздухе.

Мыс ледника, вдающийся в долину, напоминает формой длинную, узкую, плоскую ложку, повернутую ручкой книзу и всюду окаймленную моренами. Поверхность ледника на всем его протяжении в общем довольно ровная, плоско-волнистая. Здесь не видно было поперечных трещин, но, напротив, несколько очень длинных и узких продольных, тянувшихся посередине мыса, весь же левый берег ледника был точно в зазубринах от краевых трещин. Сойдя на лед, мы могли воочию убедиться в том, как образуются боковые морены. Стоило сделать один шаг, чтобы скатиться на двадцать по рыхлым продуктам выветривания, которые образуют здесь оползни. Как только мы миновали краевые трещины, открылся удобный путь по льду, покрытому толстым слоем снега. Последний зато скрывал продольные трещины, которых мы и остерегались, ощупывая путь палками.

3 августа мы снова отправились на ледник Ямбулак, чтобы поставить измерительные шесты, по которым мы, спустя известный срок, могли определить скорость поступательного движения ледника. Нелегко было добыть шесты, годные для такой цели. Во всей Сарыкольской долине не было других деревьев, кроме купы кривых чахлах березок, около Каинды-мазара, которых к тому же, разумеется, нельзя было трогать, так как они осеняли могилу святого. Наконец Иехим-баю удалось добыть связку жердей, какие употребляются для остова кровли юрты.

Обычный град разразился около 4 часов дня. Сначала гонимые северным ветром легкие облачка неслись, словно пар, над долиной, глубоко под нашими ногами, затем они быстро поднялись по склонам гор и сразу окутали нас густой пеленой. Стало холодно и темно, град хлестал о лед;

оставалось только искать защиты от ветра за высокой ледяной пирамидой и переждать. Поздно, усталые и замерзшие, вернулись мы в лагерь.

Следующий день, для разнообразия, подарил нас прекрасной погодой, и мы совершили чудесную экскурсию на ледник Кемпир-кишлак — нам осталось еще исследовать его правый берег. Оказалось, что от ледника отделяется мощный рукав, который образует высокий (30 метров), почти отвесный ледяной утес, отличающийся чистотой и прозрачностью.

Около устья ледника зиял черный грот в 4 метра высотой и 3 метра глубиной; происхождением он был, вероятно, обязан более быстрому нагреванию здесь поверхности. С края ледника низвергались четыре ручейка из растаявшего снега и множество мелких струек, рассыпавшихся прелестными каскадами. Самый крупный из них имел 20 метров высоты, причем так врезался в лед, что падал не с самой вершины мыса. Другой врезался в лед на целых 6 метров, и так как русло его во льду было уже затянуто сверху тонкой ледяной корой, то похоже было, что струя бьет из отверстия в ровной стене.

Мы обогнули ледниковый мыс и стали подыматься по правому его берегу. Недалеко от места, где один из каскадов с шумом ниспадал в лужу, образованную им же самим около подошвы ледника, Кемпир-кишлак подходит так близко к морене своего соседа, Сарымеха, что еле можно пробраться сквозь отделяющий их друг от друга узкий проход.

XIV. Восхождения на Мустаг-ату

Во время пребывания на этой значительной высоте, уступавшей немногим из альпийских вершин, мы все время стерегли удобный случай поймать Мустаг-ату врасплох и взобраться на нее. Но погода все ставила нам препятствия. То шел снег, то град, то дул пронизывающий северный ветер, отнимавший всякую охоту стремиться в высшие сферы, где ветер взвивал снег столбом.

Бывало, что солнце улыбалось на минуту с ясного неба, но в следующую погоду портилась и расстраивала все наши планы. Бывало несколько раз, что мы уже навьючивали яков, делили ручной багаж между носильщиками и готовились выступить, как вдруг начинался ветер и позволял нам совершить, чтобы день не совсем пропал даром, лишь небольшую экскурсию на ледники.

Так продолжалось до 5 августа. Мы уже успели убедиться, что на этой высоте зима — ранний гость и что времени у нас в запасе немного, и поэтому решили на следующий день быть готовыми во что бы то ни стало отправиться в поход. 5 августа посвятили отдыху, и в юрте царствовала торжественная тишина. Наши яки за последнее время сильно изнурились, и пришлось отправить их вместе с их хозяевами обратно, а Ислам добыл нескольких свежих отличных животных. Седла, палки с железными наконечниками, канаты, веревки, продовольствие, приборы — все приготовлено с вечера.

Погода весь день стояла хорошая, но в сумерки начался обычный град и ветер. Вершина Мустаг-аты, только что ослепительно сиявшая своим снежным венцом, окуталась густыми облаками, а вечером духи ветра начали бешеный хоровод вокруг одного из высочайших тронов божества ветра.

Оставив Ислам-бая сторожить лагерь, я выступил 6 августа с Иехим-баем, Моллой Исламом, тремя другими киргизами и семью превосходными яками. День выдался чудесный, совершенно ясный, так что от самой подошвы видны были все очертания Мустаг-аты, до мельчайших подробностей, а самая вершина казалась близехонько; склоны заслоняли выступы и отроги, что и вводило в заблуждение. В воздухе не шелохнулось, на небе не было ни единого облачка.

В 8 часов мы были на высоте Монблана и немного спустя достигли на высоте 4950 метров снеговой линии. Вначале снег попадался небольшими клоками между кучами щебня, затем разостлался сплошным ковром, из-под которого кое-где проглядывали отдельные камни. Снег был мелкозернистый и плотный, но без наста. Только когда мы поднялись еще метров на 200 выше, снеговой покров оказался покры-

тым тонкой, твердой корой; мягкая кожаная обувь моих людей не оставляла на ней никаких следов; наст только слегка похрустывал, но животные ни разу не поскользнулись.

Чем выше мы поднимались, тем снег становился глубже, но особенно больших сугробов еще не встречалось. Толщина снегового покрова от нескольких сантиметров возросла до одного дециметра, а на самой высшей, достигнутой пока нами точке пала опять до 35 сантиметров. Причинами, мешающими образованию больших сугробов, являются обычный здесь сильный ветер, усиленное испарение и легко обнажающаяся ветрами куполовидная форма рельефа. Снег сверкал на солнце тысячами искр, и я, несмотря на консервы* с двойными стеклами, сильно страдал от этого блеска, разлитого повсюду кругом. Люди мои, у которых совсем не было очков, жаловались, что у них все вертится, а временами и совсем темнеет в глазах.

Приходилось все чаще и чаще делать передышку. Я, пользуясь остановками, делал наброски, производил измерения с компасом и ориентировался. Мы следовали непосредственно по краю высокой скалистой стены, откуда нам открывался чудный вид на весь ледник в глубине. Выше, в ущелье, где оба его скалистые бока постепенно понижаются (по сравнению с поверхностью ледника), несколько расходятся и в конце концов сливаются с округленным гребнем, соединяющим обе высочайшие вершины группы Мустаг-ата, ясно виднелось фирновое поле.

На высоте 5100 метров Молла Ислам и двое других киргизов оставили своих яков, уверяя, что лучше идти пешком. Они не прошли, однако, более 200 метров, как в изнеможении, жалуясь на сильную головную боль, упали на снег и заснули мертвым сном.

Я продолжал путь с двумя остальными киргизами и двумя яками. Моего яка постоянно вел один из людей, которые чередовались между собой; свободный из них ехал на другом яке. Они также жаловались на страшную головную боль и почти задыхались. Я чувствовал себя хорошо, если не счи-

* Здесь «консервы» — специальный термин, обозначает очки для защиты глаз от яркого света, пыли, ветра и т. п. — *Прим. ред.*

тать ломоты в голове, которая все усиливалась по мере подъема; одышку же я чувствовал, только когда слезал с яка и принимался за наблюдения. Когда надо было опять влезть на седло, я готов был задохнуться от этого небольшого усилия, и у меня начиналось сильнейшее сердцебиение. Зато движения яка, становившегося все упрямее и подвигавшегося все с большими усилиями, не причиняли мне никаких неприятных ощущений.

На менее значительных высотах Демавенда я страдал гораздо больше, но туда я взбирался пешком, а все дело в том, чтобы по возможности меньше утомлять себя и ехать верхом. Если это возможно, то даже очень значительные высоты достигаются без особенно болезненных ощущений. Вот и теперь все киргизы чувствовали себя плохо, некоторые заявляли даже, что того и гляди умрут, я же все время чувствовал себя сравнительно бодрым. Люди мои не послушались моего совета, оставили своих яков и утомили себя карбканьем по крутизнам, так что уже не в силах были бороться с расслабляющим влиянием разреженного воздуха.

Между тем поднялся свежий ветер, мелкий снег закрыло вихрями, небо покрылось тучами. Мы все так утомились, что решили сделать привал. Достали хлеб, чай, топливо, чтобы развести костер, но стоило нам взглянуть на еду, чтобы нас затошнило; так никто ничего и не взял в рот. Нас только мучила жажда, и мы все глотали снег; даже яки проглатывали большие комки.

Вид с высоты 6300 метров был поистине восхитительным и величественным. Нам открывалось, через хребет Сары-кол, все пространство до самого Заалайского хребта и живописных снеговых гор Мургаба. Ниоткуда не могли быть лучше видны ледяные потоки и выпаханные ими глубокие борозды в горных склонах. Мощные потоки ледников Ямбулака и Чум-кар-кашки идут параллельно до самого ложа долины, покрытого стальными-серыми отложениями этих потоков.

Вверху виднелись еще четыре отрога скал, а за ними северная вершина Мустаг-ата, казавшаяся нам совсем близенько и охваченная до самой высшей точки фирновым кольцом, представлявшимся нам в перспективе плоским.

Мы стали держать военный совет. День клонился к концу, и становилось холодно; киргизы были так изнурены, что не могли идти дальше; яки пыхтели, высунув языки; мы находились как раз у подошвы куполовидной возвышенности, которая постепенно переходит в плоскую макушку вершины. На склонах ее снег лежал еще более толстыми плотными слоями, а трещины и оползни указывали на возможность образования лавин.

Киргизы предостерегали от восхождения по этим крутым, готовым обрушиться снежным склонам, где яки своей тяжестью легко могли произвести обвал, и мы тогда, скорее, чем желательно, очутились бы внизу, но в довольно жалком виде. Люди мои говорили, что внизу из долины видали иногда такие обвалы на этих склонах.

С грустью решился я вернуться, и мы быстро заскользили вниз по старым своим следам, переходя все в более теплые и мягкие слои воздуха, подобрав по пути отставших людей и яков, которые так и не двигались с того места, где мы их оставили, и благополучно достигли лагеря около семи часов вечера. В лагере уже ожидало нас несколько друзей-киргизов с приношениями съестных припасов.

Помимо того что эта экскурсия помогла нам отлично ориентироваться, дала возможность произвести много наблюдений, она научила нас, что вследствие значительности самого расстояния, отделяющего нас от северной вершины группы Мустаг-аты, однодневный срок оказывается

Привал на склоне Мустаг-аты

недостаточным для ее достижения и что единственно верным средством будет разделить экскурсию на два дневных перехода, переночевать в юрте первую ночь на значительной высоте, а на следующее утро со свежими яками и легким багажом продолжать путь до вершины. Киргизы и Исламбай вполне одобрили этот план и готовы были при первом удобном случае сделать такую попытку. Нам, однако, предстояло еще исследовать три больших ледника дальше к югу, и мы 8 августа перенесли стоянку к Терген-булаку.

Поблизости находился аул (или кочевье) из четырех юрт. Старшина, бек Тогда-бай, славный таджик важного вида, тотчас же явился с визитом и сообщил, между прочим, что аул имеет всего 25 жителей, что одна юрта принадлежит семейству таджиков (арийское племя, говорящее на персидском языке), а три остальные найман-киргизам и что они круглый год проводят в этой местности, лишь меняя яйлаки, — где поживут месяц, где два. Зимой здесь бывает ужасно холодно, снегу выпадает много, и овцам трудно бывает находить подножный корм. После продолжительного снега накопившиеся громадные запасы его сползают по бокам гор в виде лавин, увлекая за собой камни и щебень.

Симпатичный старик принес нам барана и кувшин молока и выразил полную готовность доставить нам все нужное, жалея лишь о том, что по причине своих преклонных лет не может сопровождать нас в наших экскурсиях в горы. Он тоже рассказал нам старинное предание о восходившем на Мустаг-ату шейхе, видевшем там белобородого старца и белого верблюда и принесшем оттуда большой железный котел, который теперь хранится в мазаре в долине Шинди. Мы долго беседовали о предполагавшихся новых экскурсиях, и старик отправился в обратный путь, в свое одинокое жилище среди морен, только поздно вечером.

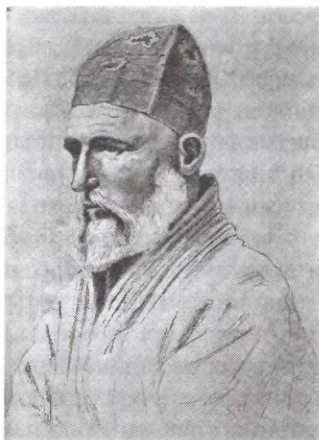
9 августа мы исследовали левую сторону ледника Чалтумака. Поднявшись по моренам, мы достигли местечка на склоне горы, откуда открылся чудесный вид на правильную структуру ледника. Он весь покрыт сетью трещин, частью поперечных, частью продольных, образовавших целую систему ледяных пирамид. Моренные камни и глыбы падают в трещины, которые походят на черные канав-

ки и делают ледник похожим на решето. Назад мы пробирались по ложбине между ледяными пирамидами и боковой мореной; по ложбине текла, словно масло по намыленному металлическому желобу, горная речка, подмывая основания некоторых пирамид, которые и угрожают ежеминутно рухнуть.

В заключение нашей экскурсии мы посетили бека Тогда-бая, который созвал почетнейших обитателей аула и предложил нам дастархан. Аул расположен на берегу ледниковой речки; кругом расстилались луга, где паслись яки, верблюды и лошади бека. Женщины доили овец. Некоторые из таджикских женщин были очень красивы и имели бойкий, веселый вид; одеты они были очень живописно, но небрежно и частенько подходили к юрте поглядеть в щелочку на чужестранца.

10 августа мы отправились вверх по ручью, на берегу которого был разбит наш лагерь. Яки осторожно и лениво подвигались по глубокой ложбине ручья между моренами и колоссальным увалом из щебня, образовавшимся около подножья находящейся к северу от него отвесной стены скалы. На вершине ее лежал массивной броней лед, который местами спускался с нее, образуя круто обрывавшийся край с бахромой сталактитов, длиной до 10 метров.

Непосредственно из-под самого ледяного покрова сбегает с острого выступа скалы четыре больших и несколько маленьких каскадов; эти хрустально прозрачные, сверкающие струи падают с такой высоты, что силой ветра обращаются в мелкую густую водяную пыль, отливающую на солнце цветами радуги. Более сильными порывами ветра пыль прибивается к стене скалы, по которой вода и стекает вниз, а затем частью по щебневому увалу, частью под ним пробивается тысячью струек в реку.

Бек Тогда-бай

Ледник Терген-булак спускается тремя потоками. Средний поток гораздо больше и толще двух боковых и господствует над местностью. Справа впадает в него поток поменьше, который вырыл себе такое глубокое ложе, что ледяные массы главного потока значительно возвышаются над ним.

Между этими двумя потоками находится мощный кряж, и в углу, образованном ими, под крайним скалистым выступом этого кряжа находится воронкообразное углубление, наподобие наблюдаемых в речных руслах за мостовыми быками.

Слева от ледяного покрова отделяется небольшой отрог из светлого, чистого льда, втиснутый узким клином между стеной скалы и главным потоком. В ледяных массах слышится треск и грохот, камни и глыбы с шумом проваливаются в трещины. Повсюду слышится журчание струек; верхний слой льда порист и хрупок, — все говорит, что и этот ледник находится в периоде живой деятельности.

Спускаясь с горы, мы видели двух больших серых волков, кинувшихся бежать по моренам. Волки здесь обычное явление и иногда режут молодых яков. Бек Тогда-бай умно поэтому сделал, приставив к своим стадам стаю злых собак. Этот почтенный старик доставил нам маленькую походную юрту и другие необходимые вещи для двухдневной экспедиции на Мустаг-ату, на которую мы намеревались взойти 11 августа.

Ранним утром, когда мы снова готовились взять великана приступом, Мустаг-ата была еще окутана ночным туманом; минимальный термометр показывал $-4,8^{\circ}$. Погода выдалась замечательно благоприятная: на небе не было ни единого облачка, и слабый ветерок скоро улегся совсем. Нам предстояло подняться на высоту приблизительно 6000 метров, ночевать там, а на следующий день продолжать подъем и достигнуть возможно большей высоты. Поэтому мы брали с собой маленькую юрту, четыре больших связки терескена для топлива, шесты, веревки, топоры, тулупы и продовольствие; все это было навьючено на девять сильных яков.

Я решил как можно меньше утомлять себя, чтобы сберечь свои силы к следующему дню, когда предстоял настоящий подъем с легким багажом и всего с тремя людьми. Поэтому я с самого начала стал изображать собой как бы выюк на моем яке: один из киргизов, верхом или пешком, все время тащил его вперед за веревку, продетую в ноздри, а другой понукал его сзади палкой всякий раз, как животное находило мои стремления слишком высокими и останавливалось, чтобы поразмыслить — к чему, собственно, ведет это вечное карабканье.

Таким образом, я не тратил сил даже на понуканье яка, что вообще довольно-таки утомительно. Наш маленький караван медленно, упорно подымался вверх, делая сотни извилин по склону горы вдоль левого бока ледника Чал-тумак; склон этот был не слишком крут. Яки пыхтели и сопели, высунав свои синие языки.

Это был тот же самый покрытый щебнем кряж, по которому мы шли 9 августа, и на том месте, где мы тогда остановились, мы сделали теперь первый роздых. Сейчас к югу от этого места ледяной покров образует выступ с крутыми боками; у подножия его обрушившиеся куски льда смерзлись в длинную ледяную глыбу. В час дня мы достигли приблизительно 5200 метров высоты. Снег был рыхлый, мокрый, таявший на солнце, так что почва местами была сыра.

Наконец голый кряж сузился в настоящий клин, уходивший под ледяной покров. Последний не обрывается здесь круто, и самый край его настолько тонок, что мы без труда взобрались на него и двинулись по льду, запорошенному снегом. Яки сначала скользили и спотыкались, но скоро верхний снеговой покров стал настолько толст, что они шли по нему так же твердо и ровно, как недавно по щебню.

Вдруг, справа, с другой стороны ледника Чал-тумак, послышался оглушительный грохот. Это оторвалась от нависшего здесь края ледяного покрова глыба и покатила вниз. Громадная голубоватая ледяная глыба разбилась о выступ скалы в мелкий белый порошок и, как мукой, обсыпала поверхность ледника. В воздухе долго стоял гул, словно после удара близкого грома; эхо повторяло его на сотни голосов

между отвесными стенами скал, пока наконец не замерли последние отголоски и не наступила обычная тишина. Но легкая ледяная игольчатая пыль долго еще носилась в воздухе.

Нам представился прекрасный случай наблюдать за деятельностью этого маленького ледника. Тяжелый ледяной покров сползает с краев скал, раскалывается по трещинам, и мощные глыбы время от времени рушатся вниз, чтобы, как мы сейчас видели, превратиться в ледяную пыль и посыпать поверхность главного ледяного потока, на котором, таким образом, возникает ледник-паразит.

Перед нами и над нами расстилалась пустынная, ослепительно белая ледяная поверхность. Мы знали, что ледяная кора нас сдержит, но все-таки было жутко вступать в эту неведомую, никогда не знавшую человеческих следов область, где, может быть, ожидало нас много опасностей, свойственных этому царству льда.

Скоро мы наткнулись на систему поперечных трещин; ширина их большей частью, однако, не превышала одного фута. Иной раз мы давали крюку, чтобы обойти их, — обыкновенно они суживались клином в обе стороны, иногда же переходили через них по снежным мостам, а иногда яки прямо переступали через них. Киргизы настаивали, чтобы мы шли по следам коз; мы так и сделали; часто снежные мосты выдерживали, но часто также снег, выдержавший легких, быстроногих коз, проваливался под тяжелой ступней яка.

Ледяной покров был весь в буграх и холмах, образуя волнистую поверхность. Мы то и дело то спускались, то подымались, и вот как раз когда мы находились на сравнительно плоской макушке одного такого холма, як Моллы Ислама, которого последний вел во главе каравана, вдруг упал и провалился. Из-под снега торчали только правая задняя нога, рога и связка терескена.

Як провалился в совершенно занесенную сверху снегом трещину в метр ширины и висел над зияющей пропастью, сопя и жалобно мыча; полная неподвижность его показывала, что он вполне сознавал опасность своего положения, так как, шевельнись он только, он бы ушел совсем в суживавшуюся книзу трещину.

Произошла долгая остановка. С величайшими предосторожностями киргизы обмотали вокруг рогов и туловища яка веревки, привязали их к остальным якам, затем люди ухватились за веревки и принялись тянуть изо всех сил; едва-едва удалось вытащить тяжелое животное. Немного дальше повторилось то же самое с той лишь разницей, что яку удалось вовремя удержаться и выкарабкаться самому. Затем провалился один из киргизов и повис над трещиной на руках. Тут уж мы сочли за лучшее остановиться и произвести предварительно рекогносцировку по этому изрезанному предательскими трещинами льду.

Оказалось, что вся макушка холма, на которой мы находились, была покрыта целой сетью трещин, идущих по всем направлениям и преграждающим нам путь на все стороны. Хуже всего было то, что мы открыли трещину в 3—4 м шириной и 6 м глубиной; на дне ее были нагромождены большие сугробы снега. Мы осторожно заглянули в глубь трещины и увидали, что она идет в обе стороны, подобно громадному рву, на севере достигает ложа ледника Чал-тумака, а на востоке подошвы одного из высочайших ледяных выступов. Перейти через нее или обойти ее было невозможно. Мы остановились и стали держать совет.

День клонился к вечеру, и я еще раз должен был решиться отступить. Пытаться совершить на другой день от этого места подъем на Мустаг-ату было очевидно невозможно без особых вспомогательных снарядов, а их-то у нас и не имелось. Над нами высилась высочайшая из вершин горной группы, по крутым склонам которой сползал фирн, частью чтобы образовать общее поле, питающее ледники, частью чтоб нагромоздиться на уступах и неровностях настоящими торосами, стенами, башнями и кубами прозрачного льда. Пробраться через этот хаос не было, как казалось, никакой возможности.

Таким образом, на этот раз мы достигли только 5820 метров абсолютной высоты, тем не менее восхождение наше дало важные результаты для картографии. Отсюда нам были превосходно видны высшие пояса, округленный купол горы и ледяной покров, который трудно разглядеть снизу; отсюда мы могли проследить отношения этого ледяного

покрова к ледникам. Последние, являющиеся на самом деле колоссальными ледяными потоками, кажутся с этих высот ничтожными белыми полосками.

Воскресенье 12 августа мы посвятили отдыху. Я, по обыкновению, прочел утром главу из Евангелия, а затем штудировал «Ледниковедение» Гейма. Погода мало располагала к экскурсиям; в воздухе стоял туман, дул сильный ветер, и гора была окутана густыми облаками. Всех своих людей я отпустил в гости к беку Тогда-баю. Дома оставались только я с Джолдашем, наслаждаясь нашим мирным отдыхом, который кажется еще слаще, когда за дверями юрты воет буря и ветер свистит между глыбами морен. Среди этих пустынных ледников, где один день в общем был похож на другой, я никогда, однако, не страдал от одиночества.

Да и некогда было думать об этом; я был занят по горло, и единственное, что мучило меня, была мысль, что лето быстро уходит и что я едва ли успею выполнить всю намеченную программу. Дни казались мне слишком короткими

Встав поутру и одевшись, я прежде всего проверял метеорологические приборы, а Ислам-бай в это время приготовлял поднос с утренним завтраком, который обыкновенно состоял все из одних и тех же изысканных блюд: шашлыка, рисового пудинга и хлеба; последний мы или доставали у киргизов, или пекли сами. Шашлык мне вскоре до того надоел, что мне глядеть на него было тошно, и я питался одним рисом да хлебом. Таким меню предстояло мне довольствоваться еще два с половиной года, вплоть до того, как я добрался до Пекина.

Иногда я вскрывал какую-нибудь коробку с консервами, но запас их был у меня незначителен, а времени оставалось еще много, почему и приходилось расходовать эти деликатесы поэкономнее. К счастью, рис и чай мне не надоели, и я чувствовал себя отлично на этой простой диете. Чай всегда подавался с яковым молоком или сливками, на которые, к нашему благополучию, нечего было скупиться. Табаку у меня был взят из Ташкента обильный запас; сигары составляли наименьшую его часть; главным образом

взят был табак для набивания трубок и папирос. Признаюсь, я плохо бы чувствовал себя, не будь со мной во время странствований по ледникам моей верной спутницы-трубочки.

В те дни, когда погода не выпускала нас из дому, у меня всегда находилось довольно домашней работы над картами, набросками, записками и проч.

Юрта внутри была так уютна, что я чувствовал себя совершенно «в своем углу». Посреди горел прямо на полу небольшой костер из терескена и якового помета; остальная часть пола была устлана войлоками. Против входа стояла моя постель, состоящая из двух палок, прикрепленных концами к ременным ушкам ягданов, и натянутой между палками парусины. Вдоль стен был расставлен остальной багаж: ящики, мешки с продовольствием, посуда, оружие, седла, приборы и проч. Ел я только два раза в день. Вечером подавалось то же самое, что и утром. Улегшись в постель, я обыкновенно читал еще несколько времени при свете старинной свечи какой-нибудь номер шведской газеты, старой-престарой и тем не менее казавшейся мне в высшей степени интересной. Каждый столбец в ней приковывал мое внимание. Затем я засыпал и спал, словно убитый — как бы там ни бушевал ветер и ни выл по волкам Джолдаш — вплоть до утра, когда меня будил Ислам-бай.

XV. Лунная ночь на высоте 6300 метров над уровнем моря

Я надеюсь, что не слишком утомляю читателя этим, может быть, несколько однообразным описанием ледников. Мне казалось, что я обязан развить эту тему поподробнее, так как дело идет здесь о совершенно неизвестной области, где каждый шаг открывал что-нибудь новое. Только ледник Ямбулак был однажды в 1889 г. посещен геологом Богдановичем. Мне же хотелось исследовать и нанести на карту все ледники Мустаг-аты.

13 августа было посвящено исследованию ледника Чумкар-кашка. На льду здесь множество луж, достигающих метра в диаметре, имеющих несколько дециметров глубины и даже дном затянутых тонкой ледяной корой. В этих лужах легко поэтому принять ножную ванну. Мы поставили здесь измерительные шесты, чтобы определить со временем скорость поступательного движения ледника. 14 августа мы двинулись вверх вдоль левой береговой морены ледника Терген-булака, а затем по несомой ледником боковой морене, по которой потом и спустились обратно к конечной. Терген-булак работал вовсю и трещал по всем швам. Треск и выстрелы не умолкали, большие глыбы со страшным грохотом обрушивались в трещины, время от времени образовывались новые расщелины, а между ледником и боковыми моренами бежали, пенясь, резвые, обильные водой ручейки.

Мы прямо запутались в этом лабиринте моренных увалов, ледяных пирамид и ущелий. Пересекши морену, мы должны были пересечь среднее течение ледника, и началось полное приключений странствование в сумерках, быстро сменившихся темнотой. Дорога стала такая тяжелая, что мы предпочли спешиться и принялись перепрыгивать через трещины и ручьи. Киргизы гнали яков перед собой, и любо было смотреть, с какой ловкостью те карабкались по крутым ледяным уступам, высотой в метр; нам, чтобы взобраться на них, приходилось вырубать во льду ступеньки. Наконец мы достигли правой боковой морены; тут мы нашли на льду много маленьких озер. Обе боковые морены заходят за середину ледяного потока, так как прикрываемый ими лед, защищенный от растопляющих лучей солнца, дольше не тает. Внизу у края ледника нам предстояло пересечь целый ряд старых конечных морен, напоминающих крепостные валы и прорезанных рекой.

Стало темно, и мне приходилось следовать по пятам за одним из киргизов, чтобы видеть, куда ступаю. Другой киргиз подгонял яков, а третий разыскивал одного из них, отставшего и заблудившегося между моренами; нашли его, однако, только на следующий день. После многих мытарств и усилий мы таки счастливо добрались до лагеря.

Между прочим, в летнюю программу входила и экскурсия на Памир, и так как теперь некоторые продукты продовольствия, главным образом чай и сахар, подходили к концу, то мы и решили соединить научную экскурсию с фуражировкой и заглянуть на Памирский пост. На такую экскурсию должно было пойти не меньше месяца, так что раньше нам не удалось бы вернуться назад к Мустаг-ате, поэтому мы и задумали предварительно сделать еще одну попытку достигнуть вершины в два дневных перехода.

15 августа мы отправились по хорошо знакомому пути к месту старой нашей стоянки и, прибыв туда, несмотря на сильный град и ветер, занялись приготовлениями к выступлению на следующее утро.

Взяв с собой все нужное на два дня, десять яков и шестерых киргизов, не считая моего верного Ислам-бая, я 16 августа в четвертый раз попытался взойти на Мустаг-ату, по тому же склону, по которому мы поднимались 18 апреля и 6 августа. Достигнув снеговой линии, мы отправились по старым нашим следам, служившим нам некоторой гарантией против несчастных случаев. Тропу было ясно видно. Она шла зигзагами круто вверх, по краю правой стены ледникового ущелья.

Так как снеговой покров был вначале тонок, то наши старые следы обратились в круглые проталины, в которых проглядывал щебень. Пovyше каждый след был затянут голубовато-зеленым ледком, а еще выше последний был запорошен снежной пылью. В некоторых местах и тропа оказывалась заметной, но различить ее все-таки было можно. Во все эти десять дней снегу здесь, следовательно, не выпадало.

С Ислам-баем и одним из киргизов достиг я того места, где мы остановились 6 августа. Остальные потихоньку тащились сзади с Иехим-баем во главе. Когда все были в сборе, мы посоветовались и решили заночевать тут, около выглядывавших из снега небольших каменистых островков. Яков привязали к сланцевым глыбам, и затем киргизы расчистили, насколько было возможно, от щебня, повсюду покрытого снегом, местечко для юрты. Последняя была очень миниатюрна; места для сна в ней хватало всего

на троих, дымового отверстия вовсе не было, конусообразный остов ее состоял попросту из жердей, связанных верхними концами вместе.

Как мы ни старались уровнять лопатами почву, юрта все-таки очутилась на покатоности, и ее пришлось прикрепить арканами к двум глыбам сланца. Вечером в течение часа дул слабый ветер, время от времени обдававший юрту облаками крутящейся снежной пыли, набивавшейся во все щели и отверстия нашего убежища. Киргизы поэтому обнесли юрту валом из снега.

Сначала мы чувствовали себя хорошо; мы развели большой костер из терескена и якового помета; огонь отлично согрел нас, и наши застывшие члены отошли. Зато юрта наполнилась удушливым дымом, который ел глаза и очень медленно выходил в открытое входное отверстие. Снег на полу в юрте растаял, но, когда костер погас, все покрылось ледяной корой.

Киргизы начали жаловаться на головную боль, и двое стали проситься назад; я разрешил им это тем охотнее, что они, очевидно, не годились для дальнейшего трудного странствования. Из других болезненных симптомов надо отметить неумолчный звон в ушах, некоторую глухоту, ускоренный пульс, понижение температуры тела, полную бессонницу (вызванную, вероятно, головной болью, которая под утро стала нестерпимой) и, наконец, приступы одышки.

Киргизы стонали всю ночь. Тулупы казались страшно тяжелыми, дышать в лежащем положении становилось затруднительно, сердце билось неровными сильными толчками. На чай и хлеб охотников не нашлось, и, когда нас сразу охватил мрак ночи, в киргизах стало заметно глухое неудовольствие. Они ведь не больше моего привыкли проводить ночи на высоте 20 000 футов, в 21 раз превосходящей высоту Эйфелевой башни.

Более величественного места стоянки у меня, однако, никогда не было; мы находились на покрытом снегом склоне одной из высочайших гор в свете, у подножия которой лежали окутанные покрывалом ночи ледниковые мысы, ручьи и озера, и вместе с тем на пороге одного из самых

фантастических ледяных царств. Стоило сделать несколько шагов, чтобы свалиться в зияющую ледяную пропасть глубиной в 400 метров.

Я вышел ночью из юрты прогуляться и полюбоваться восхождением полной луны. Мы были недалеко от царства бесконечного простора, начинающегося за вершинами высочайших гор, и царица ночи сияла здесь таким ослепительным блеском, что с трудом можно было глядеть на нее. Тихо, величественно плыла она над темными крутыми уступами скал на противоположном берегу ледника. Последний лежал в тени, глубоко в пропасти. Время от времени слышался словно глухой выстрел трескавшегося льда или грохот оторвавшейся от края ледяного покрова глыбы.

Луна лила серебряный свет на наш лагерь и производила чисто фантастический эффект. Черные силуэты яков, с понуренными головами, резко выделялись на белом снегу, неподвижные и молчаливые, как те камни, к которым они были привязаны; время от времени слышался только лязг их челюстей или хруст снега под их копытами. Трое киргизов, которым не хватило места в юрте, развели себе огонь между большими глыбами, а когда он погас, завернулись в тулупы и прикорнули вокруг, подогнув колени и уткнув голову в снег, напоминая летучих мышей в зимнее время.

Когда я вошел в юрту, Ислам-бай и Иехим-бай молча сидели, закутанные в тулупы, возле тлеющего костра. Мы все трое стучали зубами от холода, снова развели костер, а юрта опять наполнилась едким дымом. Когда вечерние наблюдения были закончены, мы закутались в тулупы и войлочные ковры, огонь погас, и только луна любопытно заглядывала во все щели юрты.

Казалось, конца не будет этой долгой, тяжелой ночи. Как мы ни ежились, упираясь коленами в самый подбородок, невозможно было сохранить теплоту тела. Холод становился все чувствительнее, тем более что юго-западный ветер с часу на час усиливался. Никто глаз не сомкнул во всю ночь. Только уже под утро я как будто впал в дремоту, но то и дело пробуждался от недостатка воздуха и делал

судорожные вдыхания. Люди мои стонали, точно на ложе пытки, и не столько от холода, сколько от все усиливавшейся головной боли.

Наконец взошло солнце, но озаренный им новый день оказался для нас крайне неудачным. Юго-западный ветер перешел почти в ураган, взвивал густые облака мелкого снега. Киргизы, проводшие ночь вне юрты, чуть не окончели совсем и еле втащились в юрту, где был разведен большой костер. Все были больны, унылы, никто не говорил, никто не ел. Я даже едва дотронулся до чаю, которого так и не удалось сделать горячим. Яки не двигались, точно застыли на своих местах с вечера.

Вершина горы была окутана непроницаемой пеленой снежных вихрей. Нечего было и думать продолжать сегодня подъем; это значило бы искушать Бога. Нам пришлось бы пробираться в ужасный буран по неведомой местности, может быть усеянной трещинами, и чего доброго, заблудиться и погибнуть. Я сразу убедился в невозможности покорить на этот раз горного великана, но все-таки хотел испытать своих людей, велел им готовиться к подъему. Никто не вымолвил слова, все разом встали и начали приготовления, но, видимо, были очень обрадованы, когда я отменил приказ.

Стоило кому-нибудь высунуть нос из юрты, чтобы тотчас же живо спрятать его опять. В юрте, по крайней мере, мы были защищены от ветра, который пронизывал до костей сквозь все тулупы, меховые шапки и валенки. Я, однако, крепко надеялся, что выюга уляжется к полудню и можно будет продолжать подъем. Увы! Она все усиливалась, и в полдень стало ясно, что день пропал. Три киргиза должны были заняться уборкой палатки и навьючиванием яков, а я, Ислам и Иехим, напялив на себя все, что только нашлось под рукой, сели на яков и быстро покатали вниз по сугробам. Яки неслись по крутизнам прямо без оглядки, ныряли, точно выдры в сугробах, и, не смотря на всю свою тяжеловесность, ни разу не поскользнулись, не упали.

Сидя верхом на яке, чувствуешь себя едущим в сильные волны в валкой ладье, и надо уже пенять на себя, коли

не тверд в коленях. Часто приходится совсем опрокидываться назад, спиной на спину яку, и балансировать всем корпусом в такт неожиданным, но всегда ловким, уверенным движениям животного. Как приятно было, оставив за собой последние сугробы снега, снова завидеть наш лагерь, лежавший внизу в глубине. Там ждали нас давно желанный обед и горячий чай, вернувшие жизнь нашим членам; затем мы улеглись каждый в своем углу и заснули крепким сном. Весь следующий день мы, однако, чувствовали себя, точно выздоравливающие после продолжительной болезни.

Итак, я четыре раза неудачно пытался взойти на вершину Мустаг-аты, но не могу сказать, чтобы это было абсолютно невозможно. Совершить этот подъем с того склона, с которого пытались мы 11 августа, действительно невозможно без особых приспособлений. Но за крутым выступом, которого мы достигли 18 апреля, 6 и 16 августа, не виднелось — насколько я мог различить в бинокль — никаких непреодолимых препятствий к подъему. Оттуда, имея здоровые легкие, можно добраться до северной вершины, однако не самой высокой в группе Мустаг-аты, но соединяющей-

Высочайшая вершина Мустаг-аты. Вид с запада

ся с таковой отлогим гребнем. Между этими вершинами и под ними простирается огромное фирновое поле ледника Ямбулака. Насколько доступна для перехода эта область — другой вопрос. По всей вероятности, она изрезана трещинами, а самый фирн образует такой мощный покров, что переход через него занял бы несколько дней. Счастливые обитатели сказочного Джанайдара отгородились от остального мира непреступными укреплениями.

Опыт научил нас, что невозможно в один день совершить подъем на вершину, но мы убедились также и в том, что крайне непрактично ночевать на высоте 20 000 футов, — такая ночь сильно отзывается на физическом и нравственном самочувствии. Лучшим средством достигнуть вершины было бы, без сомнения, отправиться ясным тихим утром в начале июля из лагеря на 5000 м высоты и совершить подъем в один день. Яками следует пользоваться до последней возможности, а когда они откажутся идти, продолжать путь пешком. К сожалению, я не мог больше повторять своих попыток отчасти из-за позднего времени года, отчасти из-за дурной погоды.

Если бы на подъем отважился бывалый и хорошо подготовленный альпинист в сопровождении закаленных и опытных проводников-швейцарцев, он наверное достиг бы очень значительной высоты, а может быть, и северной вершины. Но даже и проводник-швейцарец, как бы он ни был опытен, очутится здесь совершенно в неизвестных для него условиях, так как вершина Мустаг-аты на 9000 футов выше высочайших вершин Европы.

Итак, прощай, отец ледяных гор, мощный властелин великанов Памира, являющийся узлом высочайших хребтов света и шпилем на «крыше мира», точкой, где Куньлунь, Каракорум, Гиндукуш и Тянь-Шань протягивают друг другу руки. Продолжай сиять маяком для блуждающих по пустыне. Посылай освежающее веяние со своих снежных вершин изнывающему от летнего зноя в пустыне страннику, и пусть оживляющие источники, рождающиеся в твоём лоне, журчанье которых я слышу сейчас, продолжают тысячелетия свою отчаянную борьбу с все душащим песком!

XVI. Новое путешествие по Памиру

18 августа последний раз побывали на леднике Ямбулак. Надо было проверить положение шестов, водруженных нами в лед 3 августа. Оказалось, что они едва-едва продвинулись за эти две недели. Чем ближе к середине ледника, тем, однако, передвижение их сказывалось заметнее. Внешний вид льда сильно изменился. В последнее наше посещение ледник был покрыт снегом и крупой; теперь он был обнажен и выставлял наружу острые ребра, глубокие впадины, просверленные всосавшимися в лед камнями; идти по леднику было поэтому очень скользко и затруднительно.

Зная, что китайцы зорко следят за мной, чуть ли не считая меня шпионом, я не хотел давать лишней пищи их подозрениям и решил перейти границу тайком, ночью, в необерегаемом караулом пункте и таким же путем вернуться обратно. Сопровождать меня должны были только Исламбай да двое киргизов: всех остальных я отпустил. С помощью бека Тогдасына мы распространили слух, что я направился к Каракоруму, южному склону группы Мустаг-аты.

Вечером 19 августа я отправил все свои вещи и коллекции к одному из моих киргизских друзей, старику Иехимбаю, который отлично спрятал их под коврами и кошмами. По возвращении из Памирского поста мы узнали, что китайцы, удивленные моим исчезновением, производили разведки по всей местности. Умный Иехимбай счел за лучшее препроводить весь мой багаж в более надежное укромное местечко и скрыл его под большой глыбой в конечной морене ледника Кемпир-кишлака, предварительно хорошенько окутав сундуки войлоками, чтобы предохранить от сырости.

В кибитке Иехимбая мы сделали все приготовления к бегству. Добыли четверку хороших лошадей, упаковали все нужные приборы, кошмы и ковры и продовольствие на три дня, так как нам предстояло ехать по совершенно неизвестной местности 130 верст.

Часа два мы сидели возле огня, болтая, распивая чай с яковыми сливками и закусывая бараниной. Потом, на восходе луны, люди навьючили лошадей, и в 11 часов вечера

мы, хорошенько закутавшись, так как дул сильный ветер, отправились гуськом между грядями старых морен Мустагаты.

Часа через два мы спустились в долину Сары-кол. Как раз внизу, в долине, нам и предстояло миновать опаснейшее место; здесь расположен китайский караул, оберегающий русско-китайскую границу. Мы ехали тихо и медленно и проехали так близко от караула, что киргизы своими соколиными глазами видели юрты, но никто не окликнул нас, даже собаки не залаяли, хотя с нами был Джолдаш. Люди мои сильно трусили и ободрились, только когда мы оставили караул далеко позади, — они знали, что, если бы нас захватили, им пришлось бы отведавать китайских бамбуковых палок. Около 4 часов утра 20 августа мы счастливо достигли перевала Мус-куру, где были сделаны некоторые наблюдения, во время которых нас захватила вьюга. Отсюда местность медленно понижается к западу. Мы ехали по широкой долине Нагара-кум (Барабанный песок). Дно ее усыпано большей частью мелким желтым летучим песком, который около склонов гор образует красивые дюны. Песок наносится сюда западными и юго-западными ветрами, которые почти постоянно бушуют над Памиром. Но они не могут переступить порога, образуемого хребтом Сары-кол, и поэтому песок накапливается у подошвы хребта.

В сумерки достигли Мургаба, который в эту пору являлся величественной рекой; привал сделали на маленькой лужайке на правом берегу реки, где и провели ночь прямо под открытым небом. Несколько слов о моем верном Джолдаше! Он был моим дорожным товарищем и в этом путешествии по Памиру, переносил самые тяжелые лишения без ропота, неуклонно нес при нас ночную сторожевую службу и при этом всегда был в прекраснейшем расположении духа. Когда мы, бывало, по пути приближались к какому-нибудь аулу, он стрелой мчался вперед и тотчас заводил драку с собаками аула. Несмотря на всю его ловкость и увертливость, ему, разумеется, всегда задавали трепку, и тем не менее он никогда не обнаруживал ни малейшего страха перед неприятелем, хоть бы последний и был вдесятеро сильнее его.

Во время этого форсированного марша на Памирский пост Джолдаш стер себе задние лапы. Люди сшили ему кожаные чулки, в которых он стал похож на «Кота в сапогах». Презабавно было смотреть, с какой осторожностью он испытывал это диковинное приспособление. Сначала он перебирал только передними лапами, тащась на обеих задних вприсест. Потом заковылял на трех ногах, попеременно пуская в ход то ту, то другую из задних лап, и в конце концов вполне убедился в целесообразности обуви, защищавшей задние лапы от новых поранений.

На следующее утро мы перебрались на левый берег Мургаба и продолжили путь вдоль по реке к западу. Наконец мы перешли кулисообразные скалистые высоты, которые выступают в долину, и тут перед нами вдруг открылось расширение долины, где впадает в Мургаб Ак-байтал и где расположен Памирский пост.

Мы ехали целый день форсированной рысью. Около 5 часов дня на фоне темных гор обрисовался голубоватый дымок, а спустя час мы въезжали во двор укрепления.

Мальчики-киргизы

Все было тихо и безмолвно; не было видно ни одного офицера; только часовой крикнул: «Кто идет?» Оказалось, что вчера приехал в крепость молодой офицер из Петербурга и крепостные офицеры устроили сегодня в честь его пикник где-то неподалеку.

Общество, впрочем, скоро вернулось с моим старым другом капитаном Зайцевым во главе. Зато из молодых офицеров, служивших прошлой зимой под его начальством, не осталось никого; все ушли с генералом Ионовым в поход в Шугнан на афганцев. Их сменили другие, которым предстояло служить под командой капитана генерального штаба Скерского. Еще, со времени моего пребывания, в укреплении произошли две перемены. В этом глухом местечке, которое один из моих ферганских друзей назвал райским уголком, потому что тут нет женщин, появилась теперь молодая супруга нового коменданта, немка по происхождению, очень симпатичная дама, самым любезным образом исполнявшая роль хозяйки за столом. Конечно, у всякого свой вкус, но, по-моему, теперь крепость более заслуживала названия рая, чем прежде. Затасканные военные сюртуки и нечищенные сапоги уступили место более тщательному туалету. Смягчающее облагораживающее влияние женщины сказывалось во всем. Затем, в крепости появился оркестр из 12 человек, который играл ежедневно во время обеда под окном «офицерского собрания», или «клуба», как называлась теперь зала казино, стены которого были увешаны картами Памира и планами крепости.

27 августа я отправился на Яшиль-куль; меня любезно сопровождали весь первый день (40 верст) капитан Зайцев и молодой поручик. К несчастью, киргизы около Ша-джана дали нам дурной совет перейти через реку в 10 верстах ниже, так как, по их словам, там правый берег был удобнее для езды и воды в реке было значительно меньше. Когда мы добрались до указанного места, один из киргизов отправился вперед показать самый брод. Посреди реки вода, однако, дошла до 120 сантиметров глубины; лошадь потеряла опору под ногами, и течением ее понесло вниз по реке. К счастью, ей опять удалось попасть на мелкое место, и она вышла на другой берег с мокрым до пояса всадником. После того

как брод перешли еще двое киргизов, капитан Зайцев тоже бросился с лошастью в воду и достиг другого берега, но до того вымок при этом, что считал за лучшее стащить с себя полные воды сапоги и высушить их и нижнее платье на солнышке. У меня не было никакой охоты искупаться, поэтому я дождался трех верблюдов, навьюченных нашими пожитками, взобрался на самого высокого из них и перебрался сухим.

Затем мы продолжали путь и в сумерки достигли устья долины Агалхар, где разбили лагерь в защите торчащей из земли скалы. Зайцев захватил с собой полный обед и пару бутылок красного вина, и мы весело поужинали при свете пестрых китайских фонарей и ярко горящего костра. Было произнесено много более или менее подходящих к случаю речей, спето, хоть не совсем верно, множество песен и даже целых опер, будивших, однако, крайне негармоничное эхо между скал. К счастью, других слушателей, кроме нас самих да киргизов, не было; последние стояли вокруг и глядели на нас с изумлением, вероятно опасаясь — не повыскочили ли у нас в пути из голов кое-какие винтики. Лишь далеко за полночь пение уступило место приятным сновидениям.

На следующий день мы остановились в Агалхаре, где капитан Зайцев с успехом сеял ячмень, пшеницу и сажал репу и редиску, несмотря на то что место это находится на высоте 11 000 футов. В течение дня я нанес на карту часть течения реки к западу. Проведя вместе еще один веселый вечер, мы расстались рано утром 2 августа; мои русские друзья вернулись на Памирский пост, а я с моими людьми продолжал путь по долине Агалхар.

В течение двух дней мы перевалили через хребет Базар-дере, в котором открыли новый перевал на высоте 4869 метров и назвали его перевалом Зайцева. Значения большого он не имеет, так как труднопроходим: подъем очень крут, и оба склона покрыты мелким сланцевым щебнем, по которому лошадям трудно ехать. Едва заметная тропинка через перевал свидетельствовала, что им пользуются только дикие козы да архары.

По южную сторону хребта местность медленно понижается, переходит в Мус-джилгу и затем в широкую продол-

ную долину Аличур, лежащую почти на 2000 футов выше долины Мургаба. В ней разбросано 120 киргизских кибиток. Еще два дня пути, и мы были в Сюме на восточном берегу Яшиль-куля. По дороге перешли через реку Ак-балык (Белая рыба), иначе называемую Балык-мазар (Рыбная святыня); в темно-синей, прозрачной воде водится множество больших (1 фут длиной) жирных рыб с черной спиной. Они живо заинтересовали нас с кулинарной точки зрения, и мы сделали долгий привал у бассейна, чтобы наловить их. То обстоятельство, что у нас не было с собой никаких рыболовных снарядов, разумеется, мало смущало нас. С помощью бечевки, крючка от часовой цепочки и кусочка баранины мы скоро выловили три рыбы. На ночевке в Босале киргизы поджарили их на яковом масле, и у нас заранее текли слюнки. Но рыбы оказались несъедобными, имели противный терпкий вкус. Одному Джолдашу они пришлось по вкусу, но ему пришлось раскаяться в своей жадности, должно быть, расстроил себе желудок и выл всю ночь.

На левом берегу реки Аличур нам попалась одинокая могила, обнесенная каменной оградой. Здесь погребены семь афганских солдат, павших два года тому назад в бою с русскими. Тут же валялись лохмотья кошм и шесты от кибиток, в которых они жили. Шесты пополнили наш запас топлива, хотя Иехим и протестовал против ограбления могилы.

Ночь на 2 сентября мы провели в рабате Сюме, который представляет три гумбеза (башенки ульеобразной формы), возведенные ханом Абдуллахом, а на следующее утро мы побывали на бившем неподалеку горячем серном источнике, а также прошли взглянуть на «тамга-таш» (камень-печать), говоривший, что было время, когда китайцы считали себя господами Памира. На верхней стороне камня есть углубление, в которое была прежде вставлена каменная плита с надписью, увезенная в Петербург.

Затем мы отправились на запад по северному берегу Яшиль-куля, расположенному на высоте 3799 метров. Долина Аличур суживается здесь так, что ширина озера не превышает 3 километров, длина же его равняется 23 километрам. Вода в нем голубовато-зеленая, но не такая прозрачная,

как в Малом Кара-куле. Воды долины Аличур под именем Гунта прорезывают узкую крутую и дикую долину и впадают в реку Пяндж.

Через Аличурский Памир и перевал Найза-таш (4155 метров) я вернулся еще раз на Памирский пост. Сюда дошел слух, что бек Тогдасын получил 300 ударов за то, что не донес Джан-дарыну о моем переходе через границу, и что бек лежит теперь при смерти. Опасаясь, что китайцы секвеструют оставленные мною вещи и коллекции, я поспешил, сердечно распростившись с гостеприимными русскими офицерами, через перевал Сары-таш (4434 метра) к Мустаг-ате, и 16 сентября мы благополучно достигли ее западного склона.

Тут мы узнали, что слух насчет бека Тогдасына был неверен. Старик был здоров и весел и в тот же вечер навестил нас. Насчет моих вещей китайцы так ничего и не узнали, несмотря на все свои разведки у киргизов, бывших у меня в услужении; вещи были хорошо припрятаны в скалах под глыбами.

За время нашего отсутствия зима подвинулась гигантскими шагами. Снеговой покров гор значительно спустился вниз; весь Сарыкольский хребет был покрыт тонкой белой пеленой; горные речки сузились в крохотные ручейки, и вся природа точно готовилась погрузиться в долгий зимний сон. Мустаг-ата вздымалась над нами ледяная, холодная, грозная, и у нас пропала уже всякая охота атаковать великана.

Моим намерением было обойти вокруг Мустаг-аты, следуя около самой ее подошвы, а затем продолжать путь к северу и северо-западу, назад к озеру Малый Кара-куль. К сожалению, по словам киргизов, это было невозможно, так как восточные склоны, представляющие хаос крутых и зубчатых гребней, были непроходимыми даже для пешеходов. Чтобы убедиться в этом, я предпринял разведочную экскурсию до истоков реки и убедился, что киргизы правы.

Оставалось поэтому одно — обогнуть горную группу по старому пути через Гиджак и Улуг-рабат. 30 сентября мы и очутились снова на хорошо знакомом восточном берегу Малого Кара-куля.

XVII. На Малом Кара-куле

На этот раз мы пробыли на Малом Кара-куле с конца сентября до 9 октября. Нам нужно было отдохнуть. Неподалеку находился аул из шести кибиток. Я и привлёк к совещанию относительно способа промера глубины озера всех мужских обитателей аула, бека Тогдасына и еще нескольких из наших киргизских друзей. Лодки, разумеется, негде было достать; да и понятие-то о лодке вообще имел только один из всех киргизов, видевший таковую на верховьях Аму-дарьи. Другие же и не знали вовсе, что это за штука такая и как ее сделать. Материала для лодки также негде было взять — во всей долине Сары-кол растут только шесть тощих березок около Каинды-мазара, да и тех нельзя было трогать, не совершив святотатства. До ближайшей же роши было около 15 миль пути.

Единственным материалом под рукой являлись слегка выгнутые жерди, служащие для остова юрт, да шкуры животных. Но как смастерить из этого лодку, не мог придумать и умнейший из киргизов. Тогда я сделал из палочек и промасленного холста небольшую модель лодки с парусом, рулем и килем; модель эта, к большому удовольствию киргизов, отлично плавала по озеру.

Но бек Тогдасын заявил, что если смастерить такую лодку в больших размерах, то прогулка в ней наверняка будет стоить мне жизни, и советовал лучше подождать заморозков, когда озеро станет, чего надо было ожидать, по его словам, неделю через шесть. Уже теперь температура падала ночью до -10° , и маленькие береговые лагуны каждое утро подергивались тонким ледком, который таял к полудню. На Кара-куле же сильное волнение не давало воде застыть, и, кроме того, в течение всех девяти дней нашего пребывания на озере с утра до вечера дул по направлению к Булюнкулю сильный южный ветер. Но мы не унывали: я велел разбить юрту всего в двух метрах расстояния от самого берега, чтобы поближе слышать музыку волн, а рядом с юртой устроил и верфь, на которой мы стали сооружать лодку. Гибкие жерди связывались и переплетались креп-

кими бечевками, и через несколько часов остов лодки был готов; в длину он равнялся всего двум метрам, а в ширину метру.

Лошадь, околевшая накануне, да одна овца ссудили нас шкурами для обтяжки остова. Воздвигнута была и мачта с красным, как огонь, парусом; затем с каждой стороны около бортов прикрепили по два надутых козых бурдюка да около кормы один — корма уже начала было подозрительно погружаться. Весла соорудили тоже из жердей, расщепленных на одном конце наподобие двузубых вил; между зубьями же натянули козью кожу.

Рулем служила попросту укрепленная на корме лопата.

3 октября эта своеобразная лодка была спущена. По правде сказать, она не делала чести шведскому судостроительству; судну нашему совершенно недоставало правильной округленности форм, чем так славятся наши катера. Своими кривыми, косыми боками оно напоминало скорее поломанную коробку из-под сардинок; когда же его спустили на воду и оно закачалось около берега на своих надутых бурдюках, то походило на какое-то допотопное животное.

Бек Тогдасын прибыл ранним утром поглядеть на чудовище. Остановившись в почтительном расстоянии, он скорчил невыразимо комичную гримасу, обозначавшую, должно быть: «Так вот какие бывают лодки! Не ожидал!» Но он тактично промолчал, а я кусал губы, чтобы не рассмеяться. Позже я пригласил его прокатиться вместе, он согласился после нескольких отговорок, и на деле оказалось, что он далеко не так боялся воды, как все его сородичи.

В день спуска судна к нам съехались и ближние и дальние киргизы. Я спросил стариков, как они думают, удержался ли бы от смеху сам Джан-дарын, если бы мы погрузили его на наше судно и покатали по озеру, и старики чуть не лопнули со смеху.

Никогда чистые, голубые волны не плескались о борта более жалкого судна. Оно нисколько не гордилось тем, что было первым судном на Кара-куле и на такой значительной высоте над уровнем моря. Напротив, оно боязливо качалось на резвых волнах, которые словно играли с ним, и, хотя остов его был обтянут лошадиной, овечьей и козьей шку-

рами, делало самые неуклюжие повороты, притом именно тогда, когда меньше всего ожидали этого.

Лодка наша соглашалась идти и на север и на юг, но только с попутным ветром, иначе преспокойно повертывала туда, куда дул ветер, словом, была настоящим яком по упрямству. И так как все время дул южный ветер, то нам оставалось только каждый раз перетаскивать лодку на южный берег и затем уже, плывя по ветру, производить промер. Впервые этот способ был применен 4 октября; лодку на лошади перевезли по мелкой воде на южный берег; там я уселся в нее с Магометом Турды. Ветер был не сильный, но холодный, и я поэтому надел тулуп.

Мы были еще не особенно далеко от берега, как налет шквал и развел сильное волнение. Мы убрали парус и крепко схватились за борта, так как лодка прыгала словно взбесившаяся лошадь. Положение было критическое: лодка, быстро очутилась на середине озера и до обоих берегов было далеко.

Я правил «рулем»; вдруг корма нырнула в волны, вода наполовину наполнила лодку и основательно вымочила нас. Оказалось, что бурдюк, поддерживавший корму, оторвался и поплыл себе по волнам один. Каждая новая волна, настигавшая нас, обдавала нас новым душем, хотя я и старался лопатой разрезать волны, а киргиз изо всех сил вычерпывал воду.

Положение становилось серьезным, особенно ввиду того, что оба остальные бурдюка быстро худели— воздух выходил из них со свистом. Лодка накренилась на бок. Волны лезли в нее со всех сторон, словно бешеные морские тролли в белых шапках.

Я сильно опасался, как бы и остальные четыре бурдюка не оторвались и не уплыли или как бы из них не вышел весь воздух прежде, чем мы успеем добраться до берега, и я уже измерял глазами расстояние, соображая, смогу ли я проплыть его.

Настроение наше, конечно, не выигрывало от того, что Магомет Турды начал испытывать приступы морской болезни. Бедняга раньше понятия не имел о том, что такое кататься в лодке и что такое морская болезнь, и поэтому не в шутку

воображал теперь, что пришел его последний час.

Киргизы, и пешие и конные, собрались на ближайшем к нам берегу и ждали с минуты на минуту, что лодка потонет. Нам, однако, посчастливилось продержаться с нею на воде и добраться до мелкого места у берега. Тут у нас гора свалилась с плеч. Промокшие насквозь, но здоровые и невредимые, мы наконец очутились на берегу, поспешили в лагерь и велели развести большой костер, чтобы высушиться. Итак, первая же научная экскурсия на лодке потерпела фиаско.

В течение следующих дней, нам удалось без особых приключений провести три хорошие промерные линии. 8-го мы отплыли от западной части южного берега. В этот день мы нарочно выехали попозднее, выжидая, чтобы ветер немного утих, и медленно поплыли по озеру, не ставя паруса, чтобы не помешать точности промера. Час проходил за часом, стало смеркаться и уже стемнело, пока мы успели выгрести на мелкое место; до северного берега нам оставалось каких-нибудь сотни две метров.

На мгновение наступило полное безветрие, но вслед за тем с силой задул северный ветер и погнал лодку, как скорлупку, на середину озера. В перспективе было целое озеро и целая ночь. Мало толку было, что мы работали веслами изо всех сил, — ветер брал верх, и нас все несло на середину. Пока не взошел месяц, было совершенно темно; на берегу Ислам-бай, обеспокоенный нашим долгим отсутствием, развел большой костер, служивший нам маяком. Северный ветер продолжался, к счастью, недолго, и к полуночи мы с помощью весел добрались-таки до нашего лагеря.

Хаза-Гюль, молодая замужняя
женщина-киргизка

Большим преимуществом здешнего фарватера являлась невозможность столкновения в темноте с другим судном. Мы были полными хозяевами на Кара-куле, и лодке нашей открывался полный простор.

Посмеявшись над нашим славным судном, надо все-таки и похвалить его. Меня очень огорчило, что, по окончании навигации за выполнением всех работ и наступлением неблагоприятной погоды, пришлось разобрать нашу увеселительную яхту на части и вернуть материалы по принадлежности вместо того, чтобы целиком доставить ее в Северный музей, где она, без сомнения, привлекла бы общее внимание. Как бы то ни было, наша лодка научила киргизов, что за штука такая лодка, хотя и не внушила особенно высокого понятия о шведском навигаторском искусстве.

Киргизы уверяли, что в озере не водится никакой рыбы, и в самом деле я нашел всего одну маленькую мертвую, плававшую поверх воды. Рыбка принадлежала к той же породе, как и сохраненный мной экземпляр из близлежащего Басык-куля, и была, вероятно, занесена сюда какой-нибудь птицей. Но несправедливо было бы назвать Кара-куль безжизненным озером. Во время моих топографических работ на берегах я часто вспугивал целые семейства почтенных диких гусей или уток, которые мирно побрякивали в прибрежном тростнике, а при нашем приближении подымались и улетали на озеро. По ночам мы часто слышали крик диких гусей, сзывавших гусят или летавших над нашей юртой. Некоторым семействам приходилось делиться с нами своими членами, чтобы внести некоторую перемену в наше чересчур однообразное меню.

Не без грусти покинул я это маленькое прекрасное горное озеро, на которое привык смотреть почти как на свою собственность; мы провели здесь много мирных, обильных наблюдениями дней! Покинули мы его 9 октября. Выл бешеный южный ветер; волны пели свою обычную грустную, убаюкивающую песню, которую никогда не устанешь слушать, но скоро она замерла вдали, а мы еще раз направили свой путь к ледяному царству Мустаг-аты.

XVIII. Возвращение в Кашгар

Прежде чем повествовать о возвращении с Памирского нагорья в Кашгар, позволю себе посвятить несколько слов киргизам, среди которых я прожил столько времени.

Я уже дал описание байг, играющих такую важную роль в их однообразной жизни. Вообще же интересы жизни киргизов сосредоточиваются на скотоводстве да на связанных с этим перекочевках с места на место. Лето киргизы проводят в яйлаках (летние кочевья), расположенных на склонах Мустаг-аты и гор Памира; в кишлаки же, или зимние стоянки, расположенные в долинах, они возвращаются, когда в горах выпадает снег и становится холодно.

Каждый аул состоит большей частью из семейств, принадлежащих к одному роду, и у каждого аула есть свои определенные яйлаки и кишлаки, на которые никакой другой аул уже не имеет права посягнуть без общего на то согласия.

На другой день после рождения ребенка все родственники являются с поздравлением. Закалывают барана, сзывают гостей и совершают моление. На третий день мулла дает ребенку соответствующее дню его рождения имя, беря его из книги, в которой каждый день отмечен особым именем. К этому имени прибавляется имя отца ребенка и слово «оглы», т. е. сын, например, Кенче-Сатовалды-оглы.

Когда молодой киргиз захочет жениться, родители высматривают ему подходящую невесту, которую он и должен волей-неволей взять. Последняя, напротив, может отказаться от брака, если жених ей не понравился, хотя и тут в большинстве случаев дело вполне в руках родителей. Если же жених сирота, он сам выбирает себе невесту. Каждый жених обязан внести родителям невесты «калым», или выкуп. Богатые киргизы платят до 10—12 ямб (1 китайская ямба стоит 80—90 рублей), бедные — пару лошадей или яков. Родители поэтому всегда ищут для дочерей «баев», т. е. богатых женихов, а для сыновей некрасивых и бедных невест, за которых не потребуют большого калыма. За красивых, молодых девушек берется всегда очень большой калым.

В области Мустаг-аты проживала одна замечательная красавица киргизка Невра Хан, к которой сваталось множество женихов из ближних и дальних аулов. Но отец ее требовал такой несообразный калым, что она все еще сидела в девках, хотя ей и было уже 25 лет. Один молодой киргиз, смертельно влюбленный в нее, просил меня ссудить его требуемой суммой, родители жениха и невесты тоже пытались склонить меня к этому, но, конечно, напрасно.

Когда дело слажено, самая помолвка может быть отложена на неопределенное время, пока не будет выплачен весь калым сполна. Как только это сделано, сооружают новую юрту и сзывают гостей на свадьбу. Гости угощают бараниной, рисом и чаем; мулла читает жениху и невесте наставление о взаимных обязанностях, устраивается байга, все надевают лучшие свои халаты, невесту тоже разряжают в пух и прах. Если жених из другого аула, свадьбу играют в ауле невесты, откуда затем все гости провожают новобрачных в их новое жилище.

Когда киргиз умирает, тело его омывают, облачают в чистые белые одежды, обвертывают холстом и войлоками и, как можно скорее, относят на кладбище. Яма выкапывается в метр глубины; от нее идет в бок горизонтальный ход, в который тело и всовывается. Затем могила закапывается и прикрывается камнем или небольшим куполом на четырехугольной подставке, если погребенный был «баем», т. е. богатым человеком. Родственники навещают могилу до сорокового дня.

Имущество киргизской семьи обыкновенно не велико, и при перекочевках для перенесения его достаточно нескольких яков. Наиболее громоздкой частью его является самая юрта — деревянный остов ее и толстые кошмы — седла и попоны, постельные принадлежности и ковры. Затем идет хозяйственная утварь: главнейший предмет — «казан», т. е. большой железный котел, фарфоровые чашки (чине и пиале), плоские деревянные блюда (табак), железные или медные кувшины и котелки с ручками и крышками (кунганы и чугуны), деревянные чашки (чечук) и крынки (челек). Кроме того, в зажиточной юрте нет недостатка и в прочих предметах домашнего обихода, как то: ткацких станках,

корытах, ситах, топорах, мешках для зерна и муки, колыбелях, музыкальных инструментах, треножниках для котла, шипцах и проч.

Большая часть этих предметов покупается в Кашгаре, Янги-гиссаре или Яркенде; кроме того, среди киргизов водятся и свои кузнецы и столяры. Древесный материал для юрты привозят из долин, граничащих с восточными склонами Мустаг-аты, так как в самой сарыкольской области нет деревьев.

В каждой кибитке существует особое отгороженное отделение, «аш-хана» (кладовая), где хранятся молоко, сливки и другие съестные припасы. Любимый напиток киргизов — «айран» — вскипяченное молоко с водой, которому дают скиснуть; питье это, особенно летом, действует освежающе. «Каймак» — густые пресные яковые сливки превосходного качества, желтого цвета и миндального вкуса; «сют» — обыкновенное молоко. Все молочные продукты сохраняются в козьих бурдюках. Питаются киргизы главным образом яковым молоком и бараниной. Раз или два в неделю закалывают барана, и все население аула плотно наедается. Все собираются в юрту и усаживаются вокруг огня, над кото-

Замужние женщины-киргизки из Мургабского аула

рым варится в котле мясо; затем куски делятся между присутствующими. Каждый вынимает нож и срезает со своей порции куски мяса до самой кости. Последнюю затем раздробляют, чтобы добраться до мозга, считающегося самым лучшим лакомством. Как перед трапезой, так и после происходит омовение рук. По окончании ее все проводят рукой по бородам и в один голос восклицают: «Аллаху экбер!» (Господь велик!) Пять установленных Кораном ежедневных молитв аккуратно читаются старшиной в каждом ауле.

В ежедневном обиходе самый тяжелый труд выпадает на долю женщин. Они ставят и снимают кибитку, ткнут ковры и ленты, вяжут веревки, сучат нитки, доят коровяков и коз, ходят за овцами, за детьми и ведут все хозяйство. Стада стерегут необыкновенно большие, злые собаки, питающиеся отбросами.

Мужчины, в сущности, ничего не делают; сидят большей частью день-деньской вокруг огня или много-много пригоняют яков с горных пастбищ; часто ездят в гости к соседям, покупать и менять скот. Зимой же почти с утра до вечера сидят и беседуют вокруг костра из якового навоза в то время, как снаружи снег крутит вокруг юрты и воет буря.

Так мирно и однообразно протекает жизнь киргизов; один год похож на другой, проходит в тех же занятиях и перекочевках. Старится киргиз только под бременем годов, видит, как дети его уходят и основывают свои семьи, видит, как седеет его борода, и, наконец, отправляется на вечный покой возле ближайшей могилы святого, у подножия покрытых снегами гор, в области которых он и его родичи прожили свою бедную радостями, но и беспечальную жизнь.

Мое долгое пребывание в их среде было поэтому интересным перерывом однообразия их жизни. Им еще никогда не случалось раньше видеть так близко «ференги» (европейца), сопутствовать ему, наблюдать за всеми его непонятными работами. Они в толк не могли взять, зачем мне непременно нужно было посетить каждый ледник, зачем я все срисовывал, а иногда даже выламывал камни из гор и прятал себе в ящики; им все окружающее казалось таким простым, естественным и неинтересным!

Понятия их о внешнем мире очень скудны. Они знают только, зато превосходно, область, в которой кочуют, дороги через Памир и в западные города Восточного Туркестана; весь остальной мир для них — хаос. О России, Англии, Китае, Персии, КанджUTE, Кашмире, Тибете, Индостане, Большом Кара-куле, Лобноре и Пекине они знают понаслышке.

Только от странствующих купцов или из ближних городов доходят до них иногда новости шумного света, но мало интересуют их, не затрагивая непосредственно их самих и их жизни. Для них Земля — плоскость, окруженная водой, и Солнце ходит вокруг Земли; как ни старайся внушить им истинные понятия, они ничего не могут взять в толк и преспокойно отвечают, что по крайней мере их область стоит неподвижно.

Старые киргизы часто рассказывали мне о своем житье-бытье, и рассказы их всегда были очень интересны и поучительны, даже по самому языку. Жизнь одного старика киргиза бека Булата из области Ранг-куль является, например, настоящей эпопеей.

Во время правления Якуб-бека он двенадцать лет занимал в Тагарме должность юз-баши (сотник). После смерти Якуб-бека в 1878 г. Кашгаром овладели китайцы, а два года спустя пришел из Маргелана в Таш-курбан Хаким-хан-Тюря с тысячью людей, и бек Булат с братом и 500 сарыкольцами примкнули к нему. Несмотря на недельную осаду, таджики, обитатели Таш-курбана, не сдались. На подавление восстания двинулось большое китайское войско, и Хаким-хан-Тюря послал в Таш-курбан киргиза Абдуррахмана-датху в качестве парламентаря, но таджики умертвили его. Тогда Хаким-хан-Тюря направился со своими людьми к Чакырагылу у начала долины Гез. Пока они стояли там, к брату бека Булата, Куруши-датхе, был прислан гонец от китайцев с извещением, что все киргизы, участвовавшие в восстании, будут преданы казни, если не выдадут Хакима. Тогда Куруши покинул своего предводителя и ушел на Малый Каракуль. Здесь он получил приказ присоединиться к китайцам и напасть на Хакима около Мужа. Последний, преследуемый китайцами, бежал через Кызыл-арт, потеряв много людей.

Предводителем уцелевших киргизов стал бек Булат; когда же и эти остатки были рассеяны, он отправился к Ранг-кулю, брат же его был взят китайцами в плен и обезглавлен в Кашгаре. Опасаясь такой же участи, бек Булат бежал к Ак-байталу, где его нагнали и взяли в плен 50 преследовавших его китайцев, которые затем отправили его с семейством в Турфан. Там он жил в изгнании девять лет.

Бек Турфанский, магометанин, предоставил ему, однако, свободу и возможность беспрепятственно заниматься торговлей. Затем ввиду того, что он все время вел себя смирно, китайские власти разрешили ему вернуться на родину. Кроме того, китайцы, оценившие его деловитость, предложили ему бекство в Восточном Памире, но он отказался, говоря, что не хочет служить людям, убившим его брата. После того в Памир вступили русские, и старый бек Булат живет теперь в бедности и не у дел около Ранг-куля.

Мы часто беседовали с ним далеко за полночь, при свете голубых огоньков, перебежавших по углям костра, слабо освещавшего внутренность юрты, едва позволяя различать резкие черты сидящих на кошмах киргизов.

Не знаю, скучали ли обо мне киргизы, когда мы расстались; сердца у них жесткие, невосприимчивые к сердечным чувствам. Суровая, бедная, скупая природа, окружающая их и доставляющая им впечатления, не способна воспитать в них подобные чувства. Но вслед мне раздавалось много дружеских «хош» (прошай), «худа иол версун» (с Богом!) и «Аллаху экбер», и долго стояли киргизы на берегу Кара-куля, провожая удивленными взглядами мой караван. Пожалуй, многие задавали себе вопросы: «Откуда он явился к нам, куда отправился и что ему нужно было здесь?»

9 октября. Вечером мы остановились в ауле Турбулюн, жители которого собирались в скором времени отправиться на зимовку к Малому Кара-кулю. Около Турбулюна зима бывает очень суровая, бураны обычное явление, и постоянными обитателями являются здесь только волки, лисы да медведи.

11 октября, когда мы были в ауле, разбушевался страшный ветер, и киргизы жгли факел за факелом, подымая их к дымовому отверстию и восклицая «Аллаху экбер!», чтобы отвлечь ветер. При особенно сильных порывах ветра они все вскакивали и крепко схватывались за юрту, которая была, кроме того, укреплена веревками и шестами. Мы все-таки сделали экскурсию на Караджилгу, где расстилались сочные пастбища и где водились горные козы и архары. Исламбай застрелил на леднике одного архара, но, к сожалению, животное упало в трещину, и достать его не удалось.

Девочка-киргизка
из Сары-кола

12 октября мы перебрались через пользующийся дурной славой перевал Мерки-бель. Западный склон, по которому мы подымались, был не особенно крут, но снеговой покров достигал сорока сантиметров глубины. Это очень своеобразный перевал. Самый гребень его очень широк, куполообразен и покрыт тонким ледяным покровом, по которому мы проехали два километра. Лошади тут беспрестанно спотыкались, и мы предпочли идти пешком. К счастью, у нас были на этот раз наняты вьючные яки. Мало-помалу склон стал более отлогим, и мы благополучно достигли долины Мерки.

В течение следующих дней мы быстро подвигались к равнинам Туркестана. В долинах восточных склонов шел снег, а 13-го дул также сильный ветер, и мы весь день ехали в облаках крутящегося снега. Оставив 16-го устье долины Кинкол направо, мы снова очутились на знакомом тракте и вечером остановились в Игиз-яре в том же караван-сараяе, в котором останавливались в первый раз. То-то славно было освободиться от всех своих неудобных, тяжелых зимних одеяний, ставших излишними в этом теплом воздухе, и отведать за обедом плодов, кашгарского хлеба и яиц.

19 октября я опять сидел в своей комнате в доме консула Петровского в Кашгаре, где накопились для меня за лето целые горы писем и газет.

Наступило время желанного отдыха, которому я и отдался, пользуясь обществом моего благородного друга консула. Я не стану долго задерживать внимание читателя на моих кашгарских воспоминаниях, хочу только привести несколько из них. Первой моей работой было разобрать собранные мной на Мустаг-ате образцы горных пород и снабдить их ярлычками, а также привести в порядок фотографические снимки. Затем я написал несколько научных сообщений о летних работах.

В начале ноября мы получили новости из Европы. Тайный советник Кобеко, инспектировавший русский Туркестан, продолжил свой маршрут к нам. Это был очень симпатичный и начитанный человек, и неделя, проведенная в его обществе, промелькнула незаметно.

Я никогда не забуду вечера 6 ноября, когда мы сидели за чаем вокруг большого стола, беседуя под аккомпанемент шумящего самовара о политике и о будущем Восточного Туркестана. Вдруг вбежал без доклада запыхавшийся курьер-казак и подал Кобеко телеграмму с последней телеграфной станции Гульча. Телеграмма принесла весть о смерти государя Александра III.

Все встали и перекрестились; на глазах выступили слезы, и могильная тишина долго не нарушалась никем. Конечно, было известно, что здоровье государя в последнее время было неудовлетворительно, но никто не подозревал, чтобы положение его было так серьезно и кончина так близка. Поэтому горестная весть поразила всех, как громом. В какие-нибудь пять дней она проникла в сердце Азии. По закону солдаты тотчас же должны были принести присягу новому государю, но в Кашгаре не было православного священника, и потому сочли за лучшее дожидаться приказа от ближайших властей. Кобеко только прочел вслух дрожащим от волнения голосом перед 58 казаками самую телеграмму; казаки выслушали ее с опущенными, обнаженными головами. На следующий день к консулу явились дао-тай и цзянь-далой засвидетельствовать свое соболез-

нование. Их пестрые парадные одеяния, гонгонги, барабаны, зонтики и флаги — вся пышность их шумного появления составила такой резкий контраст с царствовавшей в консульстве тихой скорбью.

Резкие, климатические переходы, которым я подвергался в этой кочевой жизни, наградили меня лихорадкой, разыгравшейся в ноябре месяце настолько серьезно, что я слег на месяц в постель. Другую беду навлекло на меня посещение русской бани, куда меня проводили двое казаков и Ислам-бай. Я пробыл там довольно долго, когда казаки решили, что будет с меня, вошли и нашли меня без чувств. В печке лопнула какая-то труба, и я угорел. Меня немедленно перенесли в мою комнату, где я понемногу пришел в себя, но голова болела страшно еще дня два.

Вот и Рождество пришло. Рождество! Сколько грусти, воспоминаний, тоски и надежд связано с одним этим словом! В сочельник шел легкий снег, тотчас же таявший и испарявшийся в сухом воздухе, не успевая даже выбелить землю. На улицах и площадях слышался звук колокольчиков, но это были караванные колокольчики, которые звонят тут круглый год. И здесь на небе горели звезды, но не тем волшебным блеском, каким горят на нашем северном зимнем небе. В окнах жилищ виднелись кое-где огоньки, но это были не елочные свечки, а светильники с кунжутным маслом, столь же примитивные, как и во времена Спасителя.

Можно ли было выбрать более подходящее время для визита шведскому миссионеру Гёгбергу, прибывшему с семьей в Кашгар этим летом? Я и отправился к нему после обеда в сопровождении английского агента Мэкэртнея и патера Гендрикса, захватив с собой маленькие подарки дочке хозяина. Были прочитаны тексты из Евангелия, про-

Девочка-киргизка
из Турбулюна

петы рождественские псалмы под аккомпанемент органа, а вечером я и Гендрикс отправились к Мэкэртнею, где ждал нас пунш и другое рождественское угощение. Незадолго до полночи патер ушел: он спешил в свое одинокое жилище, чтобы встретить полночь за обедней, служимой в одиночестве. Вечно, вечно одинок!

5 января 1895 г. в Кашгар прибыл англичанин Георг Литледэль в сопровождении своей отважной супруги и родственника Флетчера. Мы провели в их обществе много приятных часов. Литледэль необычайно симпатичный человек, мужественный, но без всякой претенциозности; меня особенно радовало, что в лице его я познакомился с одним из отважнейших и умнейших путешественников по Азии. Сам он смотрел на свои путешествия весьма критически, отличаясь большой скромностью. Он чистосердечно признавался, что путешествует ради удовольствия, охоты, спорта, предпочитая богатую разнообразием жизнь путешественника лондонским обедам и ужинам. Тем не менее путешествием своим, начатым в 1895 г., он неизгладимыми буквами вписал свое имя в список путешественников-пионеров, рядом с именами своих знаменитых соотечественников Юнгусбэнда и Боуэра.

В середине января англичане покинули Кашгар; поезд их, состоявший из четырех больших, убранных коврами арб, представлял очень живописную картину. В Черчене Литледэль снарядил большой караван, с которым и прошел Тибет с севера на юг.

Наступило и русское Рождество, 12 днями позже нашего, и консульство снова ожило. Казаки утром в первый день праздника разбудили меня заунывным пением, а у консула состоялся большой вечер.

Для меня было большой радостью найти в этот приезд в Кашгаре земляков. Миссионер Гёгберг прибыл сюда с женой, маленькой дочкой, одной шведской миссионершей и крещеным персом мирзой Жозефом. Со стороны миссионера было рискованно приехать с двумя дамами, так как магометане приняли их за его жен, и то обстоятельство, что мирза Жозеф женился затем на шведке-миссионерше, сильно и надолго повредило успеху миссии Гёгберга. В гла-

зах кашгарцев мирза Жозеф все оставался магометанином, а магометанам, по закону пророка, запрещается жениться на неверных.

Я охотно обошел бы молчанием все толки и неудовольствие, возбужденные этим браком, если бы случай этот не служил печальным примером того, как легко представители миссионерского общества иногда относятся к возложенной на них ответственности. В заключение несколько слов о самом миссионерстве. Репрессалии европейских государств в ответ на убийство в Китае миссионеров, по-моему, большая несправедливость, потому что раз миссионеры отваживаются на такое рискованное дело, они сами и должны нести за то ответственность и быть готовыми на все случайности. И разве возможно распространять христианство с помощью казней и кровопролития? Враги христианства, еще со времен Нерона, старались подобными средствами противиться распространению христианства и то тщетно, само же христианство никогда не нуждалось в помощи насилия. Правда, за смерть миссионеров мстят не как за смерть христиан, а только как за смерть европейцев, но насилие и кровопролитие во всяком случае отзовутся неблагоприятно на результатах деятельности христианских миссионеров в Китае. Народы, стоящие на различных ступенях цивилизации, имеют и различные религиозные потребности, и кто же может утверждать, что китайцы или магометане созрели теперь для христианства?

А вот этого-то обстоятельства многие из современных, часто малообразованных миссионеров и не могут понять. Беря за образец первого миссионера, апостола Павла, они не раздумывают, что он трудился на почве, богато возделанной наукой и искусством, где человеческий дух уже созрел для восприятия высшей религии, так как наиболее развитые классы общества уже стали сомневаться в старых богах. И если сравнить с результатами деятельности Павла результаты деятельности сотни тысяч миссионеров на протяжении новейшего времени, то первая воссияет еще большим блеском.

Причина громадной разницы между деятельностью Павла и современных миссионеров лежит, конечно, и в самом

образе действий апостола. Он странствовал с места на место, подобно дервишам Востока, жил своим трудом, оставался неимушим и неженатым, что облегчало ему непосредственные сношения с народом и изучение чужих языков, а также делало его независимым от всяких миссионерских обществ, от доброхотных пожертвований и проч. Кроме того, он не прибегал ни к каким репрессалиям против гонителей христианства. Я еще ни разу не слышал ни об одном миссионере, который бы в наше время следовал принципам жизни апостола Павла. Для этого нужна большая любовь к делу, истинное бескорыстие, готовность пожертвовать всеми благами цивилизации и комфорта.

Но даже если бы они и шли по стопам апостола, дело их не могло бы увенчаться таким же успехом по причине упомянутых религиозных и социальных препятствий, которые не должны никого удивлять. Для правоверного мусульманина посягательство на его веру со стороны самодовольного чужеземца представляется несправедливым, как посягательство на самое дорогое наследство, перешедшее к нему, мусульманину, от родителей. Главные азиатские религиозные учения не поддаются уничтожению. Духовные и социальные течения имеют в истории свое время и место, и отклонить их или остановить нельзя, как нельзя остановить прилив в море. Худы или хороши они, они непременно возьмут свое.

Что до наших шведских миссионеров в Кашгаре, я скажу, что все они необычайно солидные и достойные люди, с которыми очень приятно встречаться, что, к сожалению, бывало не часто, так как они жили за городом в жилищах, практически устроенных по азиатскому образцу. Гёгберг умно рассудил, что было бы опасно немедленно начать миссионерскую проповедь, и вместо того занялся изготовлением разных полезных предметов домашнего обихода и ремеслами, полезными для кашгарцев. Так, он сделал чудесную машину для обработки сырца, изготавливал прялки, мехи и т. д. к большому удивлению и восхищению населения.

Встречи с Гёгбергом и его женой всегда были мне приятны, так как и они, подобно другим миссионерам, с кото-

рыми я сталкивался, были очень любезны и гостеприимны. И смотрели в будущее светлым взором. Нельзя не питать уважения к людям, которые убежденно борются за торжество своей веры.

XIX. В Марал-баши и Лайлык

В 11 часов утра, 17 февраля, я в сопровождении Ислам-бая, миссионера Иоганна и Хашим-ахуна выступил из Кашгара и направился на восток, в Марал-баши. Караван наш состоял из двух больших арб, на высоких колесах с железными шинами; каждую арбу тащила четверка лошадей. Первая арба, в которой ехал я с Иоганном, имела соломенный верх, а внутри была выложена кошмами; заднее отверстие туннелеобразного кузова мы также завесили кошмой, чтобы по возможности уберечься от дорожной пыли. На дно арбы мы набросали ковров, подушек и тулупов, так что сидеть было мягко и удобно, хотя экипаж наш и кидало по неровной дороге из стороны в сторону, точно лодку в бурю, а грохот раздавался такой, что впору было оглохнуть.

Владельцы арб также ехали с нами, и каждый экипаж имел, таким образом, своего возницу, который то шел пешком рядом с лошадьми, то примачивался на передке со своим длинным кнутом в руках и посвистывал. В другой арбе ехали Ислам-бай и Хашим; в ней же помещался весь мой багаж. Обе собаки наши, Джолдаш и Хамра, были привязаны сзади моей арбы.

С грохотом и скрипом повлекли нас арбы по большой дороге, вдоль левой стены города, к «Песочным воротам» — Кум-дервазе, откуда нам осталось еще почти два часа пути до Янги-шара. Там приключился с нами комический эпизод. Какой-то китайский солдат кинулся к нам и остановил лошадей, утверждая, что Хамра его собака. Нас вмиг окружила целая толпа зевак. Я велел вознице ехать дальше, но китаец кричал, жестикулировал и бросался плашмя перед колесами арбы, требуя свою собаку.

Пришлось пойти на компромисс. Порешили, что, если Хамра пойдет за китайцем, значит, она его, а если за нами —

наша. Едва собаку отвязали, она стрелой кинулась по дороге вперед и исчезла в облаке пыли. Храбрый китаец остался с носом, и наградой за хлопоты был ему только всеобщий смех.

18 февраля, миновав несколько местечек, достигли мы Файзабада (обитель благодати), самого значительного пункта на тракте между Кашгаром и Марал-баши. День пришелся как раз базарный, и узкие улицы, наполненные пестрой, суетливой толпой, отличались необычайным оживлением. Сюда стекались жители всех окрестных селений, чтобы запастись всем необходимым на целую неделю.

По дороге мы также встречали и нагоняли множество пеших и конных людей с разными продуктами сельского хозяйства, с овцами, козами, курами, плодами, сеном, топливом, разной утварью и проч. На длинной базарной улице стоял шум и гам, толкотня и брань, слышались громкие выкрики торговцев. Там и сям мелькали женщины в больших белых тюрбанах с белыми чадрами, виднелись китайцы в голубых кофтах, пробивались сквозь толпу караваны ослов — настоящий муравейник.

Файзабадский базар замыкается на обоих концах деревянными воротами, но самое местечко стенами не обне-

Одна из моих арб в кашгар-дарьинских лесах

сено. Всего в нем, если считать и разбросанные кругом дворы, дворов 700—800. Большая часть населения принадлежит к сартскому племени; кроме того, здесь много дунган и небольшое число китайских поселенцев. Местечко производит хлопок, рис, пшеницу и проч., яблоки, груши, виноград, дыни, огурцы и разные другие овощи.

19 февраля. Вокруг нас расстилается ровная серовато-желтая бесконечная равнина, покрытая толстым слоем сухой, мелкой пыли (лёсса), которая взвивается столбом от малейшего дуновения ветерка и набивается повсюду, даже в шубы, в мешки, находящиеся внутри арб, и слоями оседает на их крышах. Чтобы защититься от нее, мы накрыли арбу парусиной от палатки; полы ее были спущены спереди настолько, чтобы не закрывать нам вида. Ехать по этой мягкой настилке мягко, точно по перине; колеса арб так и тонут в ней. Поэтому подвигаемся в наших тяжело нагруженных экипажах очень медленно.

Вскоре после полудня мы сделали четырехчасовой привал в караван-сарая Янги-абада (Новое место). Во дворе стояло множество арб, нагруженных топливом, нарубленным в ближайшем джунгле (лесу). Затем мы ехали впотьмах всю ночь от 5 часов вечера до 5 часов утра. Качка арбы скоро убаюкивает, и мы спали, зарывшись в подушки, тулупы и войлока.

Ночью мы сбились с пути, так как и возницы ухитрялись временами вздремнуть. После шумных поисков дороги, гиканья, тпруканья, едва-едва не перевернувшись вместе с арбами, мы выехали на настоящую дорогу. Около города Кара-юлгун (Черный тамариск) мы переехали по деревянному мосту через Кашгар-дарью. Город Яй-булак (Летний источник) получил свое название от того, что река здесь выходит летом из своих ровных, низких берегов и заливает их на далекое пространство. И теперь на равнине виднелись густо обросшие камышом замерзшие болота. В теплое время года большая проезжая дорога и делает значительный крюк, во избежание затопленных мест. Около пяти часов пополудни мы доехали до места, где дорога пересекалась таким замерзшим разливом реки. Лошади бежали во всю прыть, выехали на лед, и он затрещал и подломился под нашей

арбой, а сама последняя завязла по ступицы. Выпрягли лошадей из другой арбы, припрягли их сзади арбы, и после долгих усилий удалось-таки вытащить ее на сушу.

Попробовали затем перебраться по льду в другом месте, и моя арба переехала благополучно, но другая врезалась в лед одним колесом. Пришлось вытаскивать из нее весь багаж и переносить его на руках на другой берег. Погода была холодная, неприятная, и Ислам-бай развел для меня на другом берегу большой костер, у которого я и грелся, пока остальные возились еще с час с арбой. В два часа утра мы добрались до местечка Урдаклика, где и остановились.

Станционные дворы с кучами топлива и сена, сараями и арбами часто бывают очень живописны. Рогатый скот, овцы, кошки, собаки и куры очень оживляют их; яйца, молоко и хлеб можно достать везде. На этом тракте преобладают караваны ослов, перевозящих между Кашгаром и Ак-су хлопок, чай, ковры, кожи и пр. Расстояние между этими двумя городами достигает почти 550 верст, разделенных на 18 «эртенгов» — станций или дневных перегонов. Караван или арба не может за день сделать больше одного эртенга. Китайская почта, если везет важные депеши, проезжает, однако, весь этот путь в 3 ½ дня.

На каждой станции есть китаец-смотритель, заведующий почтой, и три магометанина курьера; один из них обыкновенно исполняет обязанности слуги при смотрителе, а два других несут почтовую службу. Почтовая сумка доставляется только до ближайшей станции, откуда ее тотчас же отправляют с новым курьером до следующей и т. д. На каждой станции держат более 10 лошадей, и вообще почта отличается быстротой и аккуратностью.

Почтовое сообщение между Кашгаром и Ак-су, а также между этим последним, Карашаром и Урумчи, Хами, Са-чжоу и Лянь-чжоу-фу, однако, потеряло свое значение с проведением китайским правительством, по требованию Англии, телеграфной линии. И странно видеть вытянутые правильной линией телеграфные столбы в этой азиатской глуши. Когда китайцы проводили линию, их сопровождали целые обозы; сарты снабжали работающих и продовольствием и орудиями.

23 февраля. Лес прерывается на значительном расстоянии от Марал-баши, и дорога портится, а ландшафт оголяется и теряет всякую живописность. Еще раз переехав сухое теперь русло Кашгар-дарьи по узкому деревянному мосту, мы миновали китайскую крепость Марал-баши, обнесенную зубчатой стеной из обожженного кирпича, с башенками по углам; гарнизон крепости состоит, говорят, из 300 чел. Главная базарная улица идет с запада на восток, очень длинна, прямо и грязна. По обе стороны ее тянутся китайские и сартские лавки и ворота караван-сараев. Мы нашли пристанище себе и своим мешкам в какой-то жалкой лачуге.

В Марал-баши вместе с окрестными кишлаками насчитывается до тысячи дворов. Место это называется иначе Долон, и на южных трактах это название в общем употреблении. Обозначает оно: «дикий лесной тракт», т. е. область, лишенная городов. Жители гордятся тем, что они «долоны»*, но по языку, обычаям и религии это те же восточные туркестанцы.

Я прогулялся по этому ничтожному городку, который имеет двое маленьких ворот; одни ворота называются Кашгар-дервазе, другие — Ак-су-дервазе. Обе главные мечети имеют простые глиняные фасады и деревянные галереи, обращенные во двор; называются мечети: одна — Долон, другая — Музафир. Долон расположена вблизи ворот Ак-су-дервазе, за которыми находится кладбище. Тут же оказалась и Кашгар-дарья; воды в ней было очень мало, и та почти стоячая. Из нее выведено несколько арыков, приводящих в движение мельницы.

Мы посетили одну из них. Это был попросту соломенный навес на столбах. В одном углу его мололось зерно между горизонтальными жерновами, привезенными из Кашгара. В другом углу обдирали рис (шалы — сырой рис с шелухой; груч — очищенный, белый рис без мякины). Водяное колесо на горизонтальной оси приводит в движение деревянные молотки, ударяющие в косо поставленные желоба, куда кладется рис; непрерывным постукиванием молотка-

* У Пржевальского «дуланы». — Здесь и далее прим. перев., кроме особо оговоренных случаев.

ми рис и очищается от шелухи. Просеяв рис, его опять кладут в желоба, и так до трех раз, пока вся мякина не будет выброшена.

В этой местности возделывают много рису, маису и пшеницы. Утром нас посетили китайский чиновник и четыре бека, приветствовавшие меня от имени амбана. Беки были очень учтивы, разговорчивы и нашли мой план пересечь пустыню Такла-макан выполнимым. Они рассказали, что некогда в пустыне между Яркенд-дарьей и Хотан-дарьей был большой город Такла-макан, но уже давно засыпан песками. Теперь всю пустыню называют его именем, сокращенно же иногда попросту Такан. Кроме того, они сообщили, что в пустыне, по слухам, «не чисто» и что там есть башни, стены и дома, в которых навалены слитки золота и серебра. Но кто отправится туда с караваном и навьючит верблюдов золотом, никогда не выберется из пустыни — духи пустыни не выпустят. Только побросав все золото, можно еще спастись. Беки полагали, что, запасшись водой и следуя, сколько можно, вдоль Мазар-тага, удастся пересечь пустыню; но лошади скоро околеют.

Из Марал-баши я сделал экскурсию на лежащий в дне пути к востоку отдельный кряж Мазар-тага. Неподалеку от северо-восточного подножия кряжа находится Улуг-мазар (Большая могила), окруженный серой стеной из высушенного на солнце кирпича. Сначала попадаешь на большой четырехугольный двор; посреди растет куст, а вокруг него ряд воткнутых в землю шестов. Как последние, так и куст увешаны маленькими флагами — красными, голубыми, белыми с красными каемками, резаными зубцами и фестонами и проч.

Через воротаходишь в ханка, или дом молитвы, устланный половиками. В глубине его деревянная перегородка, и за нею самая могила — обыкновенный могильный камень посреди четырехугольного темного помещения, украшенного тугами, флагами, рогами оленей и диких баранов. Самое здание, увенчанное куполом, возведено из обожженного кирпича; каждую пятницу его посещают благочестивые пилигримы. На наружном дворе находится ашпаз-хана, или кухня, где пилигримы трапезуют.

Мы нашли приют в одном гостеприимном доме в кишлаке Мазар-алды (Перед святой могилой), где нас посетили местные жители, от которых мы получили много важных сведений. Они сообщили, что Яркенд-дарья делится здесь на два рукава и что поблизости есть три больших богатых рыбой озера, которые сильно разливаются во время половодья.

В часе езды к северо-западу от станции Тумшук находятся развалины, известные под названием Эски-шар (Старый город); мы посетили их. Лучше всего сохранилось какое-то четырехугольное здание; каждая из его стен, обращенных одна к северу, другая к югу, третья к востоку и четвертая к западу, имела в ширину 10 метров; в стене, обращенной на юг, были ворота. Материалом для этой постройки, должно быть мечети, послужил обожженный твердый кирпич. Внутренние углы были украшены лепными орнаментами, а ворота орнаментами, высеченными на кирпиче и бывшими, вероятно, в былое время покрытыми эмалью.

Один 80-летний старик, услышав, что мы собираемся отправиться в пустыню Такла-макан, явился ко мне сообщить, что знал в молодости одного человека, который дорогой из Хотана в Ак-су сбился с пути, углубился в пустыню и набрел на древний город; в развалинах домов он нашел бесчисленное множество китайских башмаков, но как только дотрагивался до них, они рассыпались прахом. Другой путник отправился из Аксак-марала в пустыню и тоже набрел на развалины города, где и нашел много слитков серебра. Он набил ими карманы и мешок, но, когда хотел направиться в обратный путь, откуда ни возьмись выскочила целая стая диких кошек и так перепугала его, что он побросал все и убежал. Когда страх его прошел, он хотел опять попытать счастья, но уже не мог найти того места: песок снова поглотил таинственный город. Мулла из Хотана оказался счастливее. Он запутался в долгах и отправился в пустыню искать смерти. Вместо того он нашел там золото и серебро и стал богатым человеком. Бесчисленное множество людей отправлялись с той же целью в пустыню и больше не возвращались. Старец уверял, что прежде нужно отогнать злых духов и тогда только искать скрытых сокровищ;

злые духи околдовывают несчастных смельчаков: голова у них начинает кружиться, и они, сами того не зная, бродят все вокруг одного места, по своим следам. Так они ходят, ходят, пока не выбьются из сил и не умрут от жажды.

Откуда же берутся такие легенды? Чем объяснить эти согласные указания на погребенные в пустыне города и на большой древний город Такла-макан? Случай ли создал эти сказания, переходящие из уст в уста по всей области от Хотана — через Яркенд и Марал-баши — до Ак-су? Без всяких ли оснований все называют древний город этот одним и тем же именем? Что побуждает туземцев с такими подробностями описывать виденные ими развалины домов, уверять, что прежде в глубине пустыни были большие леса, где водились мускусные кабарги и другие животные? Одно желание заинтриговать чужестранцев?

Не думаю, чтобы все рассказы были игрой случая; они должны иметь основание и источник. За ними, где-то далеко, наверно, скрыта истина, служащая им основанием, и нельзя пренебрегать ими.

Я заслушивался этих легендарных рассказов, как ребенок; они придавали все большую и большую заманчивость опасному путешествию, на которое я решился. Они гипнотизировали меня, я стал глух и слеп ко всем опасностям, я был околдован духами пустыни! Даже песчаные вихри, бравшие начало в глубине пустыни, казались мне величественными, очаровательными.

2 марта, уладив все дела, я покинул Марал-баши и направился на юго-запад в селение Хамал (Ветер), расположенное на левом берегу Яркенд-дарьи. Дорога шла по слегка пересеченной местности, покрытой травой, кочками и редким кустарником. В Хамале живут 30 семей, которые возделывают пшеницу и маис; орошаются поля арыками.

Наши скрипучие экипажи уносили нас все дальше и дальше вдоль левого берега Яркенд-дарьи. Марал-башинский амбань заранее распорядился, чтобы он-баши (десятники) разных местечек и городов встречали меня на всем пути подобающим образом. Так и было. Всюду, где мы останавливались, нам отводили помещение и снабжали всем необходимым.

Путь шел по обширному болоту, по которому китайские власти лет семь тому назад велели проложить дорогу. Материалом для гати послужили сваи, брусья, прутья и земля. Местами гать прерывается, и дорога идет по деревянным мостам, перекинутым через протоки, поддерживающие сообщение водой. Иногда, в июне, в июле и в августе, дорогу все-таки заливают, и тогда едут через Кашгар. Болото является, в сущности, мелкой лагуной, и никто не помнит даже, когда оно образовалось. Называется оно Чирайлык-тограктасы-куль (Красивое озеро с тополями).

5 марта ехали 10 часов по крайне неудобной дороге, местами залитой водой; колеса арб глубоко вязли в песке и иле. Миновали три селения, а в четвертом, Майнете, остановились в необычайно опрятном лянгаре (постоялый двор). На стене было вывешено крупных размеров объявление на китайском и тюркском языках следующего содержания: «Я (император) слышал, что некоторые беки обложили народ непомерными налогами, захватили в свои руки рыбную ловлю, и желаю, чтобы на такие превышения власти жаловались ближайшему дао-таю. Если же последний не внемлет жалобам, пусть народ обратится прямо ко мне. Куанг-Тси».

6 марта мы ехали несколько километров по довольно большому тополевому лесу, затем выехали прямо на реку, текущую здесь двумя большими и несколькими маленькими рукавами. Она была покрыта рыхлым льдом; только около берегов виднелась открытая вода. Лайлык (Грязное местечко) — цель сегодняшнего дня — последнее селение на этом тракте, подчиненное власти марал-башинского амбана.

Лайлык стал нашей главной квартирой, так как нам предстояло сделать разные приготовления к предстоявшему путешествию по пустыне. Главной нашей заботой было обеспечить себе верблюдов. Кашгарские купцы надули нас, уверяя, что в Марал-баши легче всего найти хороших верблюдов, — мы во всем городе едва ли видели одного верблюда. Оставалось попытаться добыть верблюдов в Кашгаре, что я и поручил Магомет-Якубу, которого все равно надо было послать в Кашгар отвезти мои письма и привезти оттуда корреспонденцию на мое имя. В Яркенде верблюд

среднего достоинства стоил 500 тенег, а в Кашгаре 400. Якуб повез письма консулу и аксакалу консульства с просьбой помочь в закупке нужных мне верблюдов. Через 10 дней Якуб должен был вернуться обратно в Лайлык с 8 верблюдами и 2 людьми.

Ислам-баю я поручил съездить в Яркенд закупить разных нужных предметов: железных резервуаров для воды, хлеба, рису, веревок, разных инструментов, как, например, кирок, топоров, затем кунжутного масла и кунжутных отжимок. Масло это идет на корм верблюдам в пустыне. Если давать верблюду в день по $\frac{1}{2}$ литра масла, он месяц может обходиться без другой пищи. Но еще лучше, разумеется, если по пути найдется подножный корм, на котором животные могли бы немного подкрепиться. Кроме того, именно в марте и в апреле верблюды неохотно идут без воды долее трех дней; зимой же, да по ровной местности, идут и шесть и семь дней, если нужно.

Свиту мою, таким образом, словно ветром развеяло; остался один миссионер Иоганн.

XX. Паломничество

Желая с пользой употребить время, пока мои люди были в отсутствии, я решил предпринять с опытным проводником экскурсию на мазар Урдан-Падшах, находящийся в песчаной пустыне в двух днях пути на запад от Лайлыка.

Мы сели на лошадей и рысью пустились сначала по лесу, который мало-помалу редел и сменился кустарником, затем по степи, которая в свою очередь перешла в песчаную пустыню. Песок здесь, однако, еще не глубокий, барханы незначительной высоты; крутые склоны их обращены на запад, что указывает на господство здесь в это время года восточных ветров.

Было очень интересно проехать по тракту, на который еще не ступала нога европейца. Оставив большое селение Могол (Монгол) вправо, мы сделали привал в Тариме; местный бек предоставил в наше распоряжение свое жилище. Места нам, впрочем, немного было надо, так как мы

взяли с собой в путь лишь самое необходимое да пару лошадей. Селения Тарим и Могол имеют каждое по 200 дворов; управляются беком и 8 он-баши; кроме того, в одном из них проживает китайский сборщик податей. «Тарим» означает «пашня», т.е. возделанное место, и жители говорят, что в былые времена местность эта действительно славилась богатыми жатвами и обильным орошением. Сюда со всех сторон стекались люди для закупки зерна. Изменение этих условий, без сомнения, находится в связи с изменением течения реки.

10 марта в 8 часов утра мы покинули Тарим и направились дальше к западу, по степи, пустырям или болотам. Поблизости находится могила святого, называемая Кызылджи-ханым. Название это возбуждает интерес, так как встречается у Эдризид*. Около того места, где, собственно, начинается песчаная пустыня и барханы имеют уже около 8 метров высоты, находится незначительное селение Лянгар. Здесь проживает во время больших годовых праздников дервиш, который берет под свой присмотр лошадей пилигримов.

В часе пути от мазара мы обогнали партию в 45 пилигримов — мужчин, женщин и детей, шедших из Лянгара на поклонение святыне. Пятнадцать мужчин несли «туги» — длинные шесты с разноцветными и белыми лоскутьями в виде знамен. Во главе ехал музыкант, игравший на флейте, а по сторонам его шли два барабанщика, изо всех сил колотившие по своим инструментам. Время от времени все пилигримы разом восклицали во все горло: «Алла!» Дойдя затем до места, они с теми же дикими возгласами: «Алла!» поклонились шейху, а несшие «туги» столпились около самого мазара и стали исполнять религиозный танец. В сумерки мы добрались до ханка (дом молитвы). Тут же находилось селение, обитаемое 25 семьями, большинство из которых, однако, проживает здесь лишь временно; только четыре семьи живут здесь круглый год для присмотра за могилой. Главный шейх, в ведении которого находится также могила Хазрет Бегам, был в настоящее время

* Арабский географ XII в.

в Янги-гиссаре. Так как он должен постоянно переезжать с места на место, то в каждом пункте и имеет по жене.

Один из постоянных здешних жителей говорил мне, что за зиму на могиле перебивает 10—12 тысяч пилигримов, летом же только тысяч 5, что объясняется летними жарамы и недостатком воды. Пилигримы, пришедшие с нами из Лянгара, принесли пару мешков маиса, который и был высыпан в большой котел, находящийся в особом помещении при молельне. Маис пошел затем на обед сторожам и пилигримам, но самый акт этого жертвоприношения должен был обеспечить пилигримам урожайный год.

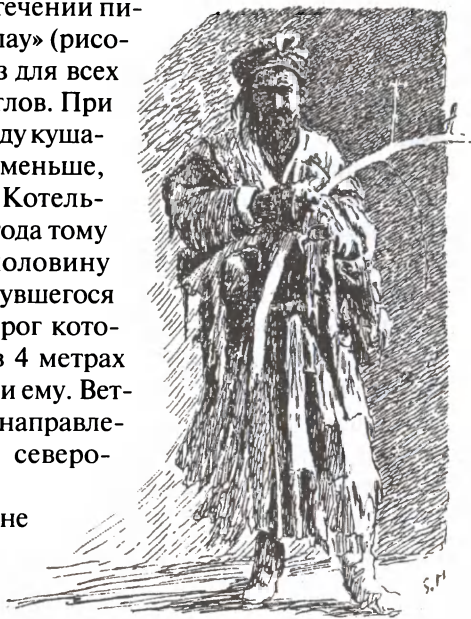
Мне отвели необычайно уютную комнатку в верхнем этаже странноприимного дома. В комнате было окно с деревянной решеткой, из которого открывался вид на юг, на песчаное море. Всю ночь на улице шла невероятная суетня и шум. Пилигримы расхаживали в торжественной процессии взад и вперед, играли на флейтах, распевали, били в барабаны и размахивали руками. Шум, впрочем, мало беспокоил меня. Я спал хорошо, и только утром меня разбудил бешеный песчаный вихрь, влетевший ко мне сквозь решетку окна и закрутившийся по комнате.

11 марта посвящено было ближайшему ознакомлению с этим оригинальным пунктом паломничества. Кроме главного шейха постоянный персонал священного места составляют имам, мутеваллий и двадцать супи, или слуг. Содержатся они исключительно на счет пилигримов. Последние жертвуют по мере сил и средств лошадей, овец, коров, кур, яйца, хлеб, плоды, халаты и другие полезные вещи. Все пожертвования, исключая животных, кладутся в самый большой жертвенный котел, называемый Алтын-даш, или Золотой камень.

Всех же жертвенных котлов пять; они вмазаны в глиняный шесток в Казан-хана, или Котельном доме. Алтын-даш из бронзы и имеет полметра в диаметре. Говорят, что он сохраняется со времен самого Урдана-Падшаха. Затем идет красивый медный котел, одного метра в диаметре, пожертвованный на могилу Якуб-беком, который сам являлся сюда на поклонение три раза. Остальные котлы поменьше и разной величины.

При значительном стечении пилигримов «аш» или «палау» (рисовая каша) варится зараз для всех в самом большом из котлов. При меньшем стечении народу кушанные варятся в котлах поменьше, глядя по числу ртов. Котельный дом выстроен два года тому назад; старый же наполовину засыпан песком надвинувшегося бархана, серповидный рог которого находится всего в 4 метрах от нового дома и грозит и ему. Ветры, обуславливающие направление барханов, дуют с северо-запада.

Нанаветренной стороне ближайшего бархана из песка выглядывает до половины могильный холм с тугами. Говорят, что холм этот существует

Дервиш из Восточного Туркестана

710 лет и скрывает прах шаха Якуб-шейха. Судя по тому направлению, по которому движутся барханы, могила скоро должна выступить из-под них совсем. Барханы имеют в ширину самое большее 120 метров, а в высоту 5 метров и, таким образом, превышают кровли всех домов в местечке.

Ханка, или дом молитвы, включает зал для молитвы с обращенной на восток галереей о шестнадцати колоннах. Около северной окраины селения бьет пресный ключ Джевад-ханым, образующий довольно чистый водоем, обнесенный деревянной загородкой. Раз в год водоем очищается от песка. Ключ бьет слабой струей, и при большом стечении народа в праздники воды не хватает; приходится прибегать к находящемуся в десяти минутах ходьбы дальше солоноватому источнику Чешме (персидское слово, обозначающее источник)

В двадцати минутах дальше на северо-запад возвышается самый мазар, высокое, оригинальное сооружение. Это,

в сущности, частокол из нескольких тысяч тугов с флагами, имеющий форму Эйфелевой башни и стремящийся к небу. Видно его издалека, так как он стоит на гребне песчаного холма, в 12 метров высоты. Холм этот попытались закрепить, натывав в песок вокруг мазара вязанок камыша; попытка эта удалась лишь до некоторой степени, так как та часть холма, на которой находится мазар, образует на северо-западе, т. е. с наветренной стороны, выступ, которому теперь угрожает ближайший соседний бархан.

Песчаный вихрь все продолжался, и тысячи флагов на тугах развевались и хлопали так, что треск стоял. Туги приносятся сюда пилигримами, и частокол все растет да растет. Чтобы его не повыдергало ветром, он закреплен поперечными перекладинами. Частокол из туг поменьше образует вокруг могилы наружную четырехугольную ограду, высотой в 30 метров.

Имам сообщил, что Урдан-Падишах, настоящее имя которого султан Али-Арслан-хан, воевал 800 лет тому назад с народами Тогда-рашид и Нокта-рашид, желая обратить его в ислам. В самый разгар битвы «кара-буран», или черный песчаный ураган, похоронил его и все его войско. В истории восточнотуркестанских сказочных героев Урдан и доныне играет большую роль.

12 марта мы сели на коней рано утром. Солнце так и не показывалось; небо было желто-огненного цвета, переходившего местами в пепельный. Миновав поселок Кёттеклик (Мертвый лес), мы наконец достигли Тарима; как мы, так и лошади наши были совершенно серы от насевшей на нас пыли. Пришлось ехать рысью девять часов по алакуму, т. е. по местности, где степные участки перемежаются песчаными. Неподалеку от реки мы переехали по мосту через большой Ханды-арык, выведенный из Яркенд-дарьи в одном дневном переходе отсюда и снабжающий водой много селений. Девять лет назад он был исправлен по приказанию китайских властей; говорят, над ним работало одиннадцать тысяч человек.

Сооружение этого гигантского канала, вероятно, было значительно облегчено тем обстоятельством, что он проложен по одному из прежних русл Яркенд-дарьи. Между

арыком и рекой ясно видно несколько старых береговых линий, и здешние жители уверяли меня, что река прежде текла подле самого города, находящегося теперь в расстоянии трех километров от нее. Они, впрочем, очень довольны таким капризом реки, так как могут расширить свои поля за счет речных наносов.

14 марта мы повернули на северо-восток, к Лайлыку. Первая половина пути лежала через целый ряд селений. Затем местность приняла пустынный характер, сохранявшийся до самого леса около Лайлыка, куда мы прибыли тотчас после полудня и нашли все в наилучшем порядке под присмотром Иоганна.

Настало время долгого испытывающего терпение ожидания. День проходил за днем, а о верблюдах не было ни слуха ни духа. Я мог бы совершенно обойти эти 25 дней молчанием, но нахожу в своем дневнике несколько записей, не лишенных интереса.

Пользуясь временем, мы собирали всевозможные сведения о пустыне, находящейся на восток. Однажды нам рассказали о двух жителях селения Янтак, которые несколько лет тому назад отправились по правому берегу реки прямо на восток, захватив с собой продовольствия на 12 дней. На третий день они пришли к очень глубокому, каменистому речному ложу, через которое был перекинут полуразрушившийся деревянный мост. Переход по мосту был невозможен, и они сперва порешили идти вверх по руслу; по пути они видели много залежей нефрита.

В легендах живет таинственный город Шар-и-катак, или попросту Ктак, также волнующий фантазию местных жителей. Местоположение его указывается различно. В Лайлыке утверждали, что он лежит в расстоянии 5 потаев (потаи — собственно путевые знаки, отстоящие друг от друга приблизительно на четыре версты) на запад от селения и что один человек много лет тому назад видел там его развалины. По рассказам лайлыкских жителей, только один Аллах может указать путь к этому городу; иначе его не найти и во веки веков.

Затем мне сообщили, что как раз на этих днях намеревалась выступить из Яркенда в пустыню партия из 12 чело-

век на поиски золота. Для таких экскурсий вообще выбирают весеннее время, полагая, что весенние песчаные вихри обнажают золото. Месяц тому назад отправился туда еще один человек, но до сих пор не вернулся. В Яркенде рассказывают, что путники время от времени слышат в пустыне голоса, зовущие их по имени.

Интересно сравнить эти рассказы с тем, что говорит о великой пустыне Лоб венецианец Марко Поло: «Об этой пустыне рассказывают диковинные вещи, например, что, если кому из путников случится ночью отстать или заснуть и т. п., то, догоняя затем товарищей, он слышит голоса духов, разговаривающих голосами его товарищей. Иногда духи называют его по имени, и путник, сбитый ими с толку, часто совсем теряет следы товарищей. Таким образом погибают многие».

Вернулся из Яркенда Ислам-бай и привез четыре челека (железные водохранилища), шесть бурдюков, масла и кунжутных отжимок для верблюдов, керосина, хлеба, талкана (поджаренная мука), гомана (макароны), меда, мешков, лопат, кирок, кнутов, уздечек, посуду — все в надлежащем количестве.

19 марта мы собрались в большое селение Меркет на правом берегу Яркенд-дарьи, откуда предполагали выступить с караваном в пустыню. Утром и явилась целая толпа жителей Меркета, чтобы проводить нас в свое селение. Сам бек Магомет-Нияз явился с дарами — курицей, яйцами и дастарханом. Это был высокий человек, с жиденькой белой бородой и строгим энергичным взглядом. Для перевозки нашего багажа были взяты выючные лошади, и, щедро расплатившись и деньгами и подарками с лайлыкским он-баши и его славной женой, которые оба оказывали мне всякое внимание во время моего пребывания в их гостеприимном доме, мы направились к парому, который и перевез нас с нашей многочисленной свитой и багажом в четыре приема.

Через четверть часа езды в юго-восточном направлении мы миновали селение Ангытлык, орошаемое восточным рукавом Яркенд-дарьи. Через час мы были в селении Чамгырлык, а еще через три четверти часа прибыли в Меркет. Местный бек предоставил в наше распоряжение свой дом,

и мы расположились по-домашнему в большом, удобном, усталом ковчеге с нишами в стенах.

Меркет вместе с окрестными кишлаками насчитывает тысячу дворов; 260 из них расположены вблизи базара. В селении Янтак, лежащем неподалеку, 300 дворов. Вместе с Ангитлыком и Чамгырлыком Янтак составляет бекство, тогда как Меркет имеет своего отдельного бека.

В Меркете живут два сборщика податей, десять китайских купцов и четыре индусских ростовщика из Шикарпура. Область эта плодородна; здесь хорошо растут пшеница, маис, овес, бобы, репа, огурцы, дыни, свекла, виноград, абрикосы, персики, тутовые ягоды, яблоки, груши и хлопок. В урожайные годы большое количество зерна всякого рода вывозится в Кашгар и Яркенд, зато в неурожайный приходится привозить хлеб из Яркенда.

Меркет, хотя и лежит так близко от Яркенд-дарьи, не пользуется для орошения своих полей и каплей воды из нее, получая всю нужную влагу из реки Тызнапа, текущей параллельно Яркенд-дарье. Когда приток воды незначителен, река эта доходит только до Янтака, в другое же время она течет далеко на север и образует два небольших озера, которые лишь в половодье наполняются водой.

Замечательно, что Меркета до сих пор никогда не посещал ни один европеец. Самое название его впервые встречается в описании путешествия генерала Певцова* (он пишет «Мекет»), который, однако, не мог пробраться туда по случаю высокой воды. Китайцам же это место давно известно; оно упоминается в изданном в 1823 г. труде «Си-юй-шуй-дао-цзи» под именем Май-ге-те. По китайской транскрипции Янтак (или Янтаклык) становится Ян-ва-ли-ке, а Тызнап — Тин-ца-бу. Автор китайского труда сообщает, что река эта (Тызнап) соединяется с Яркенд-дарьей. Так оно и должно было бы быть, если бы воды ее не отводились арыками и не терялись в маленьких озерах. 80 же лет тому назад описание китайцев и могло соответствовать истине. И тут есть золотоискатели. Один человек рассказывал,

* «Труды Тибетской Экспедиции», изд. Русского Географического Общества, т. I, стр. 77.

что он вместе с другими целых 20 дней бродил пескам. Они взяли с собой провизии и воды на ослах. Человек этот, как и многие другие, каждый год отправлялся в пустыню попытать счастья, но пока еще не находил ничего. Тут называли пустыню «Такла-макан» и полагали, что с хорошими, сильными верблюдами мы наверно пройдем ее поперек до Хотан-дарьи.

Вечером у нас был общий прием. Бек Ниаз и он-баши из Ангытлыка, Тогда-ходжа, подарили нам по барану, а индусы щедро снабдили нас картофелем и маслом, особенно желанными для нас продуктами. Кроме того, нас угостили музыкой, меланхолическими звуками цитры и калына (род гуслей).

Тогда-ходжа, славный почтенный человек, навещал меня очень часто и засиживался в беседе со мной целыми часами. Когда я, все не слыша ничего о верблюдах, начинал терять терпение, он успокаивал меня, повторяя самым спокойным и убежденным тоном, не допускающим никаких возражений: «келхеды, келхеды» (придут, придут). Но они все не приходили, а дорогое время уходило. Я с горечью предчувствовал, что мы таким образом сами накликаем беду на свои головы, так как весна все более и более вступала в свои права, а в жаркое время пустыня становится раскаленной печью. Тогда-ходжа снабжал меня тем временем ценными сведениями. Так, однажды он сообщил мне, что жители Меркета долоны и, как по языку, так и по типу, те же кашгарцы; лишь некоторые слова у них различны. Но зато Тогда-ходжа находил, что жители Меркета очень не похожи на своих соседей нравом. Они жестоки, холодны и так злопамятны, что какая-нибудь пустячная ссора вырастает с годами в настоящую вражду. Религиозные постановления ислама соблюдаются строго. Так, один человек в последний базарный день, пришедшийся в середине поста, поел до захода солнца. Его тотчас же арестовали, наказали палками и затем со связанными руками на веревке провели по всему базару, чтобы все могли смеяться и глумиться над ним вдоволь. На каждом углу базара ему предлагали вопросы: «Ты ел?» — «Да!» — «А ты будешь еще так делать?» — «Никогда!» Иногда такому грешнику

еще вымазывают сажей все лицо, прежде чем вести его по улицам.

21 марта я посетил базар. Он очень обширен, каждому товару отведено свое место. Раз в неделю, в базарный день, прилавки и лотки с товарами выносят из домов и расставляют на площадях перед ними. На площадках сидят также массы женщин и шьют. Женщины ходят здесь без покрывал, обыкновенно с непокрытыми головами, и носят свои длинные густые черные волосы заплетенными в две косы; иногда надевают также маленькие круглые шапочки. Особенно любимое занятие их — искать друг у друга в голове, и часто видишь, как то одна, то другая уткнется головой в колени товарки.

22 марта наконец вернулся из Кашгара Магомет-Якуб с объемистой почтой, но без верблюдов. Итак, мы не продвинулись ни на шаг с начала месяца. Тут уж вступил в дело мой славный Ислам-бай. На следующий же день он отправился в Яркенд, решив, что не вернется без верблюдов. Счастье еще, что метеорологические и астрономические наблюдения, привезенная почта и старый Тогда-ходжа помогли мне коротать время.

Миссионер Иоганн, напротив, доставлял мне мало радости. Он принадлежал к числу современных болезненно религиозных людей, которые не допускают, чтобы истинное христианство могло уживаться с жизнерадостностью и хорошим настроением духа. Вероятно, причиной таких взглядов являлось отчасти то обстоятельство, что он был обращенный в христианство магометанин; такие прозелиты часто становятся куда нетерпимее своих учителей. Вообще же он был малый услужливый, но, по-видимому, очень скучал.

Несколько дней спустя у меня сделалась мучительная опухоль в горле — «горкак», обычная здесь болезнь. Полоскание, по совету бека, теплым молоком не помогало, и бек предложил мне прибегнуть к содействию заклинателей — «пери-бакши». Я сказал, что не верю в такие фокусы-покусы, но что во всяком случае готов принять «пери-бакши».

В сумерках, когда комната моя освещалась только светом углей на шестке, ко мне вошли трое высоких боро-

датых мужчин в длинных белых покрывалах. У каждого было по барабану («дуфф»), обтянутому крепкой телячьей кожей. Они выбивали на барабанах дробь пальцами, ударяли по ним ладонью плашмя и колотили кулаками, производя в общем такой шум, что, я думаю, за версту было слышно.

Они обрабатывали свои барабаны с необычайной быстротой, притом удивительно дружно. Так, после некоторого перебирания пальцами они все разом хлопали ладонью, а затем несколько раз равномерно ударяли кулаками, опять перебирали пальцами и т. д. без малейшего перерыва, не сбиваясь с лада. При этом они то сидели, то вдруг, воодушевляясь своей своеобразной музыкой, вскакивали и пускались в пляс, то подбрасывали барабаны кверху и с треском ловили их. Каждый такой прием продолжался пять минут, и следовали они в известном порядке, что и обуславливало стройность исполнения. Для того же, чтобы обратить в бегство злого духа, надо проиграть весь мотив девять раз, и, раз заклинание началось, невозможно остановить заклинателей прежде, чем они доведут его до конца.

Услугами заклинателей пользуются, главным образом, больные женщины и родильницы, так как женщины куда суевернее мужчин. Заклинатель, входя в помещение, где находится больная, внимательно вглядывается в пламя светильника, по которому, как он говорит, он узнает, одержима ли женщина злым духом. Затем он начинает обрабатывать свой барабан в присутствии родных и друзей больной, толпящихся в помещении и за дверями.

Церемония этим не кончается. После того как отбит последний такт, заклинатель остается наедине с больной и накрепко вгоняет в земляной пол палку, верхушка которой обмотана привязанной к потолку крепкой веревкой. Больная изо всех сил тянет за веревку, а заклинатель продолжает барабанить. Наконец ей удастся оборвать веревку, и, значит, злой дух выгнан.

Такую же силу приписывают соколам, почему и называют их «куш-бакши» (сокол-заклинатель). «Пери», или злые духи, боятся его. Рассказывают, что женщина во время родов видит, как вокруг нее вьются злые духи, причиняю-

шие ей мучения; другой же никто не может видеть их, кроме сокола; его поэтому впускают в комнату, и он сразу изгоняет их. Дело, вероятно, попросту в том, что как сокол, так и барабаны и веревка с палкой отвлекают внимание больной от ее страданий и она до некоторой степени забывает о них.

26 марта. Бек Ниаз держит на дворе суд и расправу, и иногда довольно громко. Сам он сидит около столба, подпирающего крышу галереи, и ведет допрос с ужасно строгим видом. Рядом, на площадке, сидит его «мирза» и записывает показания, вокруг стоят слуги и исполнители правосудия с длинными прутьями, а перед беком сами преступники.

Сегодня разбиралось несколько своеобразных дел. У одного человека было пять жен. Самая младшая, молодая, красивая, крепко сложенная женщина, взяла да бежала от мужа в Кашгар с другим. Бек уведомил кашгарские власти, женщину задержали и отправили обратно в Меркет. После того как женщина призналась в нарушении супружеской верности, бек дал ей две пощечины, и женщина принялась вопить. В оправдание свое она могла сказать одно: что ей невмочь было уживаться с четырьмя другими женами. У нее был при себе нож, и бек спросил, для чего она его носит; на это женщина ответила, что решила умертвить себя, если ее принудят вернуться к мужу. В наказание ее отправили на некоторое время к мулле для исправления, а потом пусть с миром вернется домой.

Затем была приведена молодая женщина с окровавленным, исцарапанным лицом; ее сопровождал муж. И эта бежала от мужа, но он сам поймал ее и жестоко расправился с нею. Многие свидетели утверждали, что у него при этом была в руках бритва, но он отрицал это. Чтобы заставить его признаться, бек приказал связать ему руки за спиной и подвесить за руки к ветке дерева. Виновный не замедлил сознаться. Тогда его сняли и угостили 40 ударами по мягким частям. Но так как он утверждал, что и жена била его по спине, то его раздели и, не найдя знаков, прибавили еще порцию.

Вообще правосудие в этом глухом углу вещь очень растяжимая. Если обвиняемый может хорошо заплатить, то

он избегает наказания, а бек во всяком случае получает несколько тенег за труды. Если жалобщик не доволен судом, он может прибегнуть к высшей инстанции — ближайшему китайскому мандарину, которому бек и должен дать отчет. Китайцы вообще поступают умно, предоставляя туземцам самоуправление по местным законам и обычаям, установившимся еще в правление Якуб-бека.

Нарушения супружеской верности, однако, нередки и не особенно строго наказываются. Обыкновенно женщине вымазывают сажей все лицо, сажают на ослицу, лицом к хвосту, связывают ей на спине руки и провозят по всем улицам и базарам. Одноженство вообще правило; многоженство — редкое исключение. Женщина, вступившая в брак с китайцем или европейцем, считается оскверненной, и по смерти ее не хоронят на общем кладбище: труп жившей с тем, кто «ел свинину», может осквернить другие могилы.

«Калым» здесь также узаконен обычаем, как и у киргизов. Размеры его зависят от средств и положения жениха; уплачивают его родителям невесты. Богатый жених платит 2 ямбы (около 180 рублей). Бедный жених отделяется угощением и платьями невесте. Размер калыма определяют родители невесты по своему усмотрению; красота и другие физические достоинства невесты играют меньшую роль, нежели у киргизов. Если молодые люди полюбили друг друга и хотят жениться, а родители не дают согласия, то парочка часто перебирается в другое селение. Через несколько месяцев они, однако, в большинстве случаев возвращаются к родителям и приглашают их к себе в гости, после чего все улаживается к общему удовольствию.

В другой раз беку пришлось судить двух людей, игравших на деньги. У одного из них была глубокая рана около уха и лицо все в крови. Оказалось, что он проиграл другому семь тенег и обещал добыть деньги на базаре, но выигравший требовал их немедленно. Тогда проигравший выхватил нож и ударил себя в ухо, крича: «Вот тебе вместо денег!» Бек присудил выигравшего к хорошей публичной порке; другого же порка ожидала после того, как заживет рана. Выигрыш, разумеется, пошел в пользу бека.

XXI. В пустыню

8 апреля наконец вернулись Ислам и Якуб. Больших хлопот и торгов стоило им купить в Каргалыке восемь отличных, тщательно выбранных верблюдов по 120 крон (около 60 рублей) за голову. Местные жители узнали о том, что верблюды нам необходимы, и подняли цены вдвое-втрое, что очень и затруднило покупку.

Кроме того, требовались именно верблюды, привычные ходить по пустыне, по песку, по жаре, без воды и корма. Поэтому люди мои не столько обращали внимание на наружный вид и общие достоинства верблюдов, сколько именно на указанные специальные качества. Утром я дал верблюдам имена и измерил их, опоясав туловище между горбами, чтобы знать потом, как отзовется на них странствование по пустыне. Вот перечень их:

	Возраст	Объем туловища*
Ак-тюя (белый верблюд)	8 лет	2.37
Богра (верблюд двугорбый)	4 «	2.35
Нэр (самец)	2 «	2.25
Баба (старик)	15 «	2.28
Чон-кара (большой черный)	3 «	2.23
Кичик-кара (маленький черный)	2 «	2.22
Чон-сарык (большой желтый)	2 «	2.30
Кичик-сарык (маленький желтый)	1½ «	2.14

Мало подозревали мы тогда, что лишь один верблюд Чон-кара переживет это путешествие. Правда, и Ак-тюя прошел через пустыню, но околел от изнурения. Это был славный белый верблюд, выступавший во главе каравана, позванивая колокольчиком с большим тяжелым железным языком. Богра, мой верховой верблюд, был удивительно статен, вынослив и кроток. Нэр был забияка, порывавшийся укунить или лягнуть каждого, кто подходил к нему. Баба, самый старый из верблюдов, серой масти, пал первым.

* Имеется в виду туловище в обхвате, в м. *Прим. ред.*

Остальные три верблюда были молодые резвые животные, которые долго отдыхали и теперь, видимо, охотно пользовались случаем поразмяться.

Все верблюды находились как раз в периоде линяния; густая теплая шуба сваливалась с них большими клоками, что очень безобразило их. Все были оседланы большими, мягкими выючными седлами, набитыми сеном и соломой. Ислам-бай купил также целую связку арканов (веревки из верблюжьей шерсти) для перевязывания выюков и три больших караванных колокольчика.

Верблюды стояли на привязи во дворе бека и отъедались — в последний раз в жизни — сочным сеном. Приятно было смотреть на своих собственных чудесных верблюдов, жевавших душистое сено, и видеть в их больших черных глазах выражение полнейшего благополучия. Собаки наши, Джолдаш и Хамра, были, однако, другого мнения. Они, в особенности Джолдаш, терпеть не могли верблюдов. Последний лаял на них до хрипоты, кидался на них и был, по-видимому, очень доволен самим собой, если ему удавалось выхватить у них клочок шерсти.

В Яркенде Ислам-бай нанял двух надежных людей. Один был Магомет-шах, 55-летний старик, с седой бородой, опытный вожак верблюдов; его одного только неукротимый Нэр и подпускал к себе, не кусая. У него были в Яркенде жена и дети; пустыни он не боялся ничуть и вообще был отличный, надежный человек. Я, как сейчас, вижу его перед собой. Чисто философское спокойствие не оставляло его никогда; он продолжал сохранять свое хорошее расположение духа и какую-то добродушную усмешку вокруг рта и тогда, когда над нашим умирающим караваном спустились грозовые тучи несчастья. Даже когда он лежал в предсмертном бреду, глаза его светились тем же неземным спокойствием, а от высохшего коричневого лица веяло миром.

Другой — Касим-ахун, 48 лет, неженатый, уроженец Ак-су, проживавший в Яркенде, караван-баши по ремеслу. На нем лежала обязанность помогать в уходе за верблюдами. Роста он был среднего, крепкого сложения, с черной боро-

дой, серьезный, никогда не смеялся, в обращении был ласков и задушевен, но нередко нуждался в напоминании о своих обязанностях.

Нам, однако, нужен был еще один человек, и бек Низаз нашел нам Касима-ахуна из Янги-гиссара. Он был одних лет с Магомет-шахом и шесть лет подряд хаживал весной дней на 10—14 в пустыню искать золота. Всякий раз он брал с собой хлеба на выючном осле и не заходил в пустыню дальше таких мест, где еще можно было дорыться до грунтовой воды. Звали мы его то Джолчи, то Кумчи (Пустынножитель) в отличие от другого Касима. В Меркете, куда он переселился несколько лет тому назад, у него были жена и взрослые дети.

Голова
верблюда-самца

Ему отчасти были мы обязаны тем, что с нами случилось. Он был груб, горяч, и остальные товарищи, которыми он пытался командовать, скоро невзлюбили его. В силу своего знания пустыни он принял властный тон, особенно не жаловал Ислам-бая за то, что тот считался «караван баши», или предводителем каравана, а другие должны были подчиняться ему. Многие из жителей Меркета предостерегали нас насчет этого человека, говоря, что он несколько раз был наказан за воровство. Но было уже поздно; мы, кроме того, нуждались в нем, так как он один во всем селении знал пустыню по опыту.

Кроме верблюдов и собак, мы брали с собой трех овец, десять кур и петуха, который будил нас по утрам. В первые дни мы всегда находили по одному, по два яйца в куриной клетке, возвышавшейся на одном из выючных верблюдов, но, когда у нас оказался недостаток в воде, куры перестали нестись. Петух был большой живчик и весельчак; ему не нравилась езда на верблюде, и он во время пути всег-

да ухитрялся высвободиться из клетки. Постояв с минутой, раскачиваясь на верхушке, он с громким криком слетал на землю. На бивуаках кур всегда выпускали погулять, и они очень оживляли наш лагерь в пустыне, разыскивая в песке брошенные им зерна.

9 апреля были сделаны последние приготовления. Пара мешков с заказанным заранее хлебом были увязаны, четыре железных резервуара наполнены свежей, речной водой. В них входило: 80, 86, 87 и 122 литра да в бурдюки 80 литров, итого 455 литров, которых должно было хватить на 25 дней пути. Эти продолговатые четырехугольные резервуары, употребляющиеся для перевозки меда из Индии в Яркенд, помещаются в крепких деревянных решетчатых ящиках, чтобы предохранить тонкое листовое железо от пробоин. В ящики люди насовали травы и тростника, чтобы вода не так скоро согревалась на солнце.

В заключение несколько слов о самом плане путешествия. Пржевальский, Кэри и Дальглейш были первыми европейцами, видевшими (1885 г.) кряж Мазар-таг на левом берегу Хотан-дарьи. Первый пишет об этом так: «Через три небольших перехода (от Тавек-кэля) вниз по Хотан-дарье мы достигли того места, где в восточный берег описываемой реки упирается обрывистым мысом невысокий хребет, или, правильнее, горная гряда, известная туземцам под именем Мазар-тага. Эта гряда в восточной части имеет не более $1\frac{1}{2}$ —2 верст в ширину, при высоте около 500 футов над окрестностями, и состоит из двух параллельных резко по цвету между собой различающихся слоев: южный — красная глина с частыми прослойками гипса, северный — белый алебастр. В тех же горах, верстах в 25 от Хотан-дарьи добывают, как нам говорили, кремнь, который и вывозится на продажу в Хотан. Описываемая двухцветная гряда уходит из глаз в песчаную пустыню, заворачивая притом к северо-западу и повышаясь немного к середине, и тянется, по словам туземцев, до укрепления Марал-баши, на реке Кашгарской. Растительности в Мазар-таге нет вовсе; притом горы эти снизу засыпаны до половины песком; обнаженная же их часть, в особенности красная глина, сильно разрушается».

Сообщения туземцев дали Пржевальскому повод нанести на свою карту хребет гор, тянувшихся наискось поперек пустыни. Ошибка эта вполне естественна, так как Пржевальский слышал, что около Марал-баши тоже находится кряж Мазар-таг, вследствие чего и мог предположить, что этот кряж является продолжением хотан-дарьинского Мазар-тага. Кэри осторожнее; он нанес на свою карту Мазар-таг лишь на таком протяжении, на каком его видно с реки. Я и полагал, что если мы из Меркета направимся к востоку или к северо-востоку, то рано или поздно наткнемся на Мазар-таг. Вместе с тем я разделял мнение туземцев, что мы найдем у подошвы кряжа подветренную сторону, где песок не накаплиется и где нам удастся делать ежедневно большие концы по твердому и голому грунту, найдем источники и растительность, а также, быть может, следы древней цивилизации.

Путь по прямой линии через пустыню занимает, согласно имеющимся картам, протяжение в 287 километров, или около 290 верст, и, если бы мы могли проходить хотя бы по 20 верст в день, на всю экспедицию пошло бы не более 15 дней. Таким образом, мы брали с собой воды более чем достаточно.

Такие расчеты очень подбодряли нас, и мы смотрели на всю экспедицию, как на пустячное дело. В действительности путешествие заняло 26 дней; путь оказался вдвое длиннее.

10 апреля еще задолго до восхода солнца на дворе начались суетня и движение. Люди вытащили весь наш багаж и ящики с продовольствием, чтобы приготовить равные по весу парные вьюки для верблюдов и перевязать веревками. Затем вьюки были расставлены попарно в таком расстоянии друг от друга, чтобы между ними прошел верблюд. Последних заставляли ложиться между двумя вьюками, и вьюки крепко привязывались с обеих сторон к вьючному седлу. После того как верблюд вставал, вьюки, ради осторожности, перехватывали еще веревкой, обвивавшей накрест туловище животного, и закручивали узел, вставляя в него палку. Снаряжение наше было очень сложное; продовольствия мы брали на несколько месяцев, особенно

риса и хлеба, консервов, сахару, чаю, зелени, муки и проч. Затем взяты были зимние одежды, тулупы, войлока, так как у меня было намерение от Хотан-дарьи направиться в Тибет. Кроме того, я брал с собой все свои приборы, два фотографических аппарата, около тысячи пластинок, несколько книг, номера шведской газеты за целый год — я каждый вечер намеревался прочитывать по одному номеру, — походную кухню, посуду, и металлическую и глиняную, три ружья, шесть револьверов, боевые припасы в двух ящиках и много разных мелочей. Так как мы взяли еще запас воды на 25 дней, то верблюды наши были навьючены довольно тяжело.

Во время выючения я определил первый базис для измерения расстояния: 400 метров мой Богра проходил в $5\frac{1}{2}$ минут. Определять базис приходилось ежедневно снова, так как грунт то и дело менялся, а один и тот же конец по более или менее глубокому песку брал различное время.

10 апреля явилось знаменательным днем в летописях Меркета. Весь наш двор, соседние улицы и забор были усеяны народом, желавшим присутствовать при нашем выступлении в путь. «Не вернуться им больше! Верблюды слишком тяжело навьючены, им не пробраться по глубокому песку!» — раздавались голоса.

Такие зловещие предсказания, однако, ничуть не пугали меня. Я сгорал желанием поскорее выступить, и впечатление от дурных пророчеств изгладилось совершенно, когда индусы в самую минуту выступления бросили мне через голову несколько горстей «да-цян» (китайская бронзовая монета), крича: «Счастливый путь!»

Верблюды были связаны по четыре вместе веревкой, которая была привязана одним концом к палочке, продетой сквозь носовой хрящ одного верблюда, а затем завязана узлом на хвост шедшего впереди верблюда так, что, если животное падало, узел развязывался сам собой. На другом конце палочки, продетой в носовой хрящ животного, находится шарик, чтобы она не выскочила.

Четыре молодых верблюда открывали шествие, затем ехал я на Богре, за нами шли Баба, Ак-тюя и Нэр. Богру все время вел Магомет-шах, так что мне нечего был забо-

титься о том, как идет животное, и я мог сосредоточить все свое внимание на компасе, часах и на наблюдениях за изменениями грунта и рельефа.

Ислам-бай отлично приладил выюк на моем верховом верблюде. Богра нес оба ящика с наиболее хрупкими приборами и вещами, которые мне надо было иметь под рукой на каждом бивуаке. Между горбами и поверх обоих ящиков были настланы кошмы, ковры и подушки, и я сидел точно в кресле, спустив ноги по обе стороны переднего горба.

Когда все было готово, я простился с беком Ниазом, щедро вознаградив его за гостеприимство, с миссионером Иоганном и Хашимом. Миссионер еще в Лайлыке поговаривал, что боится следовать за мной в пустыню; тут же, в виду последних приготовлений, мужество окончательно покинуло его, и он во второй раз оставил меня в самую серьезную минуту. Со всей своей показной благочестивостью он, очевидно, страдал недостатком истинной веры, без колебаний поручающей себя Богу. Какая разница в сравнении с Ислам-баем, идеалом самоотвержения и преданности! Этот за все время ни разу не поколебался последовать за мной куда бы то ни было, даже, когда я кидался в опасности, которых благоразумие советовало бы избегать.

Признаки вступавшей в свои права весны давали себя знать за последние дни все больше и больше. Температура медленно, но правильно подымалась с каждым днем, и минимальная температура держалась куда выше нуля. Днем солнце припекало сильно, весенние ветры так и шумели, поля были засеяны и затоплены, мухи и другие насекомые жужжали в воздухе. И вот в это роскошное в Азии время года, время надежд, мы выступили в поход в область, где жизнь окована тысячелетним сном, где каждый бархан является могильным курганом; в сравнении с царящей там жарой самая жестокая зима могла бы казаться нам улыбающейся весной.

Спокойно, величественно, с высоко поднятыми головами выступали наши верблюды длинной вереницей по узким улицам селения, между густыми толпами народа. Торжественное настроение охватило всех, и толпа молчала, словно на похоронах. Вспоминая теперь наше выступление,

я и не могу сравнить его ни с чем иным, как именно с погребальным шествием. Я, как сейчас, слышу мерный, глухой, зловещий звон караванных колокольцев — настоящий похоронный звон. И в самом деле, смерть ожидала большинство участников нашего похода, смерть в далекой пустыне, тихая безмолвная могила в вечных песках!

Местность была ровная. Дома селения разбежались между многочисленными тополями, хлебными полями, рощами, садами и арыками. Шли мы спокойно с полчаса, как вдруг случилось происшествие. Два самых молодых верблюда точно взбесились, разорвали веревки, сбросили с себя вьюки и бешено понеслись по полю, подымая пыль столбом. На одном из верблюдов были навьючены два резервуара с водой, и один дал течь, но у самой крышки, так что беду легко было поправить. Беглецов скоро изловили и навьючили снова. Их повели затем отдельно — в услужливых руках недостатка не было, так как до окраины селения нас сопровождало до сотни всадников.

Немного погода вырвалось два других верблюда; часть вещей рассыпалась, ящик с порохом съехал набок. Магометшах сказал мне, что верблюды после долгого отдыха всегда немного бесятся, а после нескольких дней форсированного марша опять присмиреют, как ягнята. Ради осторожности мы и решили, что пока каждого верблюда поведет один из людей.

Как и всегда, в первый день пути случилось немало разных непредвиденных задержек. То оказывалось, что левая половина вьюка перевешивает правую, и приходилось ее облегчить, то замечали, что какой-нибудь мешок с рисом грозит выскользнуть из-под веревки, и надо было перевязать вьюк, и т. д. Но на другой день, когда, пользуясь опытом предыдущего дня, уравнировали все вьюки, навьючили наиболее дорогие предметы и, главное, резервуары с водой на самых смиренных из верблюдов, все пошло, как по маслу.

Мне, восседавшему на значительной высоте над уровнем почвы, открывался чудесный вид во все стороны. Сначала от езды на верблюде кружится голова, но затем скоро свыкаешься с этим равномерным покачиваньем, колыханьем. На меня они не действовали, но человеку, подверженно-

му морской болезни, они, наверное, показались бы очень неприятными. Почва состояла сначала из тонкой, подвижной пыли, частью с отложениями соли, затем пошел один песок, образовывавший маленькие низкие барханы, дальше опять пошла растительность — камыш и тополя. Тут мы и сделали привал на краю оврага.

В полчаса верблюды были развьючены и связаны в круг, чтобы не дать им лечь, — иначе они становятся тяжелыми на подъем. Часа через два их пустили бродить на свободе в густой заросли камыша. Бивуак наш вообще вышел очень живописным. Я обновил свою палатку, разбитую под тополем; это была красивая индийская офицерская палатка, которую подарил мне мистер Мэкэртней. В этой палатке умер молодой лейтенант Дэвисон на пути с Памира в Кашгар. С тех пор она успела проветриться, да к тому же я не суверен. Земляной пол в палатке был устлан пестрым ковром. По стенам были расставлены мои сундуки, ящики с приборами, фотографические аппараты и моя постель. Остальной багаж, мешки и резервуары с водой были размещены на воле.

Люди развели огонь, вокруг которого и уселись варить обед: рисовый пудинг и яйца; рису и яиц было у нас запасено вдоволь. Овец пустили пастись, а куры чувствовали себя, по-видимому, совсем как дома, роясь в отбросах у костра. Собаки получили по куску мяса и принялись гоняться друг за другом. Словом, картина была самая оживленная.

Когда стали рыть колодец, земля скоро сделалась влажной, и на глубине 108 сантиметров уже показалась вода. На вкус вода была солоновато-горькая, но собаки и овцы пили ее с жадностью. Верблюдам же дали напиться только на следующее утро, незадолго до выступления. Этой же водой воспользовались для варки яиц, для стирки и мытья посуды; запас пресной воды с самого начала приходилось беречь да беречь. Магомет Якуб, провожавший нас до этого первого лагеря, сделал нам сюрприз — преподнес пару медных кувшинов с речной водой, так что все люди могли напиться досыта, не дотрагиваясь до нашего запаса.

Подкрепившись продолжительным, спокойным сном, я проснулся на рассвете. Погода оказалась неблагопри-

ятной. Норд-ост так и выл, воздух был насыщен пылью; из пыльного тумана выступали только ближайшие предметы; остальное все тонуло в серой мгле. Верблюды артачились во время выючения. Растительность снова исчезла, и мы запутались в лабиринте барханов. Мы пытались по возможности обходить их, но приходилось и перебираться через некоторые вершины; взбираясь на один из гребней, два верблюда, несшие резервуары с водой, упали, но, к счастью, удачно, на колени передних ног. Пришлось все-таки развьючить их и потом навьючить снова. Спускаются же они с таких гребней, скользя и тормозя задними ногами.

Около полудня мы заблудились между такими высокими барханами, что пришлось сделать большой крюк к северу, чтобы из них выбраться. Джолчи объяснил, что, если бы мы, пошли к востоку, мы все равно принуждены были бы вернуться назад, так как в ту сторону тянется нескончаемый «чон-кум» (большой, глубокий песок). Дневной переход и образовал извилистую дугообразную линию вдоль края «чон-кума».

Северо-восточный ветер продолжался весь день, небо хмурилось, и в воздухе чувствовалась сырость. В сумерки мы сделали привал, пройдя за день 21,3 километра. Лагерь разбили на этот раз на ровном, твердом бархане, на сухом чистом грунте. Поблизости нашлись несколько засохших тополей, которые пошли на топливо, и чахлый камыш, пригодившийся для верблюдов. Они вспотели от продолжительной ходьбы, и их с час водили взад и вперед, чтобы они остыли понемногу и не простудились.

12 апреля мы сделали 23,7 километра вдоль края «большого песка», отпрыски которого направлялись к северу. Временами песок перемежался узкими степными участками с редко разбросанными твердыми, как стекло, высохшими травяными кочками, которые с каким-то звоном разлетались вдребезги, когда до них дотрагивались.

Твердый, ровный, песчаный грунт удобнее всего для ходьбы; но иногда такой грунт покрыт слоем пыли, в которой резко отпечатываются следы верблюдов. Слой этот мягок, как хлопок, и в некоторых местах так глубок, что верблюды тонут в нем по колени. Случалось также, что ровный пес-

чанный грунт был покрыть тонкой коркой соли, хрустевшей под ногами.

Медленно, важно шествовали верблюды, вытягивая свои длинные шеи, чтобы достать на ходу травяные кочки; они точно предчувствовали, что им предстоит пост. Когда был разбит третий по счету лагерь, двое из людей, по обыкновению, немедленно принялись рыть колодец. Вырыта была яма, глубиной в 178 сантиметров, а воды все еще не было, и больше рыть они не могли. Часа через два вода, однако, показалась сама собой, и на дне ямы образовалась небольшая лужица. Собаки и куры следили за рытьем колодца с особенным вниманием; им всегда очень хотелось пить, и они знали, в чем тут дело.

Пока, следовательно, все шло хорошо, и мы могли беречь свой запас воды. Запас корму для верблюдов тоже оставался нетронутым; верблюды обходились камышом и солоноватой водой из колодцев. Собак кормили хлебом, кур зерном и яичной скорлупой. В первый день снесли яйца три курицы, во второй две, в третий одна. Потом яйца стали появляться все реже и реже, но у нас был взят с собой большой запас яиц в плетушке с рубленной соломой.

День был теплый. Собаки тщетно искали воды, суясь носом в каждую ямку или ложбинку, похожие на те, в которых люди обыкновенно рыли колодцы. За неимением лучшей защиты от солнечных лучей они искали тени под каждым тополем, мимо которого мы проходили, сгребали лапами верхний слой горячего песка и растягивались на нижнем, еще сохранявшем прохладу с ночи.

Ислам-бай ехал на первом верблюде, которого вел Джолчи, наш лоцман в этом песчаном море. Но так как Исламубаю с верблюда было виднее, то он часто и подавал первому советы и предлагал другое направление. Это сердило необузданного «сына пустыни», и он несколько раз в гневе швырял повод, бросался ничком на песок и говорил, что пусть в таком случае Ислам и ведет караван.

На ночевке между ними разыгралась серьезная ссора. Джолчи пришел ко мне в палатку и сказал, что хочет вернуться, так как Ислам все «учит» его и, кроме того, скупится на хлеб и на воду. Он, однако, опешил, когда я спокойно

выразил свое согласие, поставив лишь одно условие — возвращение месячного жалования в 100 тенег, полученного им вперед. Золотоискатель принялся смиренно просить прощения, и оно было ему дано на условии во всем слушаться Ислама.

Я боялся, что такие ссоры чем дальше, тем будут чаще, так как однообразие и уединение портят настроение. Но все с тех пор обходилось мирно. Джолчи молчал, затаив злобу на Ислама, и злоба эта все росла втихомолку. Он шел всегда отдельно, не разговаривал с другими людьми и даже спал один в отдалении от них. К бивуачному костру он подкрадывался тогда лишь, когда другие ложились отдыхать. Остальные люди подозревали его в том, что он нарочно вел нас по ложному пути. В таком случае он и сам попал в яму, которую рыл другим, так как и он погиб от жажды в пустыне.

Вода показалась на глубине 1,15 метра. Собакам так страшно хотелось пить, что они пытались было спуститься в самый колодец, и пришлось их привязать.

В первый день Пасхи 14 апреля мы прошли только 18,5 километра. В одном месте подветренная сторона барханов была серо-стального цвета; оказалось, что песок здесь был покрыт тонким налетом слюды. Кроме того, мы убедились, что тополя могут расти только в защите барханов. Где исчезали эти последние, пропадали и тополя.

Затем мы достигли настоящей бесплодной пустыни, с плоским, твердым, бурым грунтом и низкими барханами, торчащими, как чурбаны. Они казались желтыми на буром фоне грунта, часто усеянного гальками.

Во время пути мы в первый раз наткнулись на следы дикого верблюда. По крайней мере, так утверждал Джолчи, но я не вполне был уверен в этом. Дальше такие следы попадались часто. Впрочем, мало вероятия было, чтобы заблудились в пустыне домашние животные. Видели мы также лошадиные следы и помет, и Джолчи уверял, что в этой части пустыни водятся дикие лошади. Мы остановились на вершине одного бархана, чтобы рассмотреть в бинокль стадо, пасшееся в камышовой заросли к северу, но как только мы остановились, стадо скрылось по направ-

лению к северу, не дав нам времени определить — лошади это или антилопы.

Собаки были очень беспокойны и бежали далеко впереди каравана. Раз они совсем пропали на четверть часа и вернулись мокрыми по брюхо — видно, нашли воду. Пройдя 18,5 километра, и мы наткнулись на лужу. Я попросил Касима попробовать, какова вода на вкус. «Сладкая, как мед», — ответил он, хлебнув здоровый глоток. Мы и расположились тут бивуаком. Люди, собаки, овцы и куры — все спешили утолить жажду, донимавшую всех в такую жару.

Вода была ключевая, прозрачная, совершенно пресная, скоплавшаяся в небольшой впадине. Здесь водилось множество водяных пауков и жуков. Последние кружились в воздухе над водой, и куры устроили настоящую охоту за ними.

Мы зарезали с обычными церемониями первую овцу, и собаки поживились внутренностями и кровью. Приятное местоположение лагеря манило отдохнуть здесь денек, в чем нуждались и люди и животные. Все спали долго, а затем день прошел в разных делах. Резервуары долили ключевой водой, белье выстирали, седла и упряжь привели в порядок. Воды мы могли пить, сколько душе хотелось, не чувствуя при этом никаких угрызений совести. Верблюды и собаки так усердствовали, что видно было, как бока у них раздувались от воды. Куры снесли в этот день отдыха четыре яйца.

Собаки лаяли всю ночь и кидались по тому направлению, откуда мы пришли и где видели следы диких верблюдов. Вероятно, обитатели пустыни подходили ночью напиться, но останавливались в подобающем расстоянии, видя, что место занято.

16 апреля прошли 24,7 километра. Песчаные холмы в 5 метров высоты часто сменялись высохшими степными участками, поросшими камышом. Тростник хрустел и распылялся под ногами верблюдов. Миновали два водоема, похожие на первый. Все три лежали на прямой линии и, должно быть, являлись остатками разливающегося в половодье рукава Яркенд-дарьи.

17 апреля мы увидели на северном горизонте очертания довольно высокой горы, рисовавшейся вдали тенью, похо-

жей на облако. Час за часом ехали мы в этом направлении, а гора все как будто оставалась в том же расстоянии. Пройдя в общем 28,4 километра, мы разбили лагерь в тени двух густолиственных тополей. Мы основательно рассудили, что рыть здесь колодца нет надобности, так как неподалеку должна быть вода. К северу шел довольно густой тополевый лесок. Мошки, мухи и ночные бабочки так и реяли в воздухе. Бабочки вечером сотнями вились около моей свечки.

XXII. Райский уголок

18 апреля. День начался свежим северо-восточным ветром; палатку снесло бы, если б ее еще ночью не укрепили веревками и кольями. Небо заволокло на целый день, и мы избавились от полуденной жары. Мы решили идти напрямик к горе, полагая достигнуть ее к вечеру, и углубились в лес. К нашему удивлению, здесь оказались следы людей и лошадей и остатки костра. Ясно было, что мы достигли тех мест, где долоны весной пасут свои стада, а жители Марал-баши берут топливо.

Меня несколько раз чуть не сбросило с седла ветвями тополей; пришлось слезть и идти пешком. В засохшем молодом лесочке мы и совсем завязли. Люди должны были прорубить просеку топорами. С большим трудом и потерей времени удалось нам наконец выбраться на ровное открытое место, где мы и разбили лагерь на одиноком бархане, рога которого указывали на юг и на юго-запад.

Чтобы узнать, нет ли тут где неподалеку людей, от которых можно было бы получить сведения, мы разложили у подошвы бархана большой костер из сухих тополевых ветвей. Пламя бросало отсвет далеко вокруг, но людей не пригласило. Утомленные дневным переходом (25,5 километра), мы рано улеглись на покой. Верблюдам жилось пока как нельзя лучше; ни одного дня не пришлось пробыть без свежего корма и воды.

19 апреля. Снимаясь с лагеря и разобрав палатку, мы нашли под ковром скорпиона, четырех сантиметров в длину, который отчаянно завивлял хвостом, когда его потревожили.

Теперь мы направили путь к небольшому кряжу, ясно выступавшему на востоке; он все понижался по направлению к юго-востоку и наконец исчезал в тумане. Дорога шла по степной местности, изобиловавшей оврагами и болотами. Кряж вырисовывался все яснее и оказался сильно разрушенным выветриванием; на северных склонах возвышались песчаные барханы, довольно значительной высоты. У северной подошвы лежало несколько маленьких озер с пресной водой, отделенных друг от друга длинными перешейками. Проток, впадавший в самое большое из них, свидетельствовал, что они питаются водой из реки и летом, по всей вероятности, сливаются в одно большое озеро.

Закололи вторую овцу, и собаки, давно постившиеся на одном хлебе, опять полакомились кровью и внутренностями. Какой-то сокол очень заинтересовался курами, но его спугнули неудачным выстрелом.

20 апреля. Место стоянки слишком располагало к отдыху, чтобы мы не разрешили себе пробыть здесь еще денек. Жара стояла ужасная, хотя всю ночь и все утро дул свежий ветер. Ислам-бай пошел на охоту и убил на озере пару гусей, но не мог достать их.

Пока я сидел на вершине холма, наслаждаясь вечерней прохладой и чудесным видом, ветер понемногу улегся, солнце село, и окрестность заволоклась дымкой тумана. Стояла полная тишина; слышалось только жужжание мошек и комаров; изредка квакали лягушки, да издали доносился крик гусей и позванивание верблюжьих колокольчиков в чаше камыша. Но сумерки в этих местах непродолжительны, и время было вернуться в лагерь. Люди все еще спали. Один Ислам-бай был на ногах, занятый приготовлением обеда для меня: супа из баранины, жареной картошки и чая. Термометр показывал 20°, но за ночь понизился до 10,4°, и чувствовалась изрядная свежесть.

Мы продолжили путь на юго-восток. Идти по удивительно ровной поверхности с твердым грунтом было очень удобно. Верблюды двигались мерно, в такт позванивая колокольчиками. Около восточной подошвы кряжа лежало длинное, узкое озеро, на берегу которого, к нашему полному изумлению, паслись три лошади.

Надо было разыскать их владельца, и двое из моих людей пошли по свежим следам, которые вели между барханами к западной подошве горы. Скоро люди вернулись с одним из жителей Марал-баши. Он рассказал нам, что время от времени приезжает сюда добывать горную соль, которой изобилует кряж. Соль эта отличного качества, и он продает ее на базаре в Марал-баши; такой промысел давал ему, по-видимому, хорошие барыши. Местоположение Марал-баши он указал на северо-западе и сказал, что до него всего два неполных дня пути. О расстоянии до Хотан-дарьи он ничего не знал наверное, но слышал, что к югу идет сплошной песок, воды нет ни капли и что пустыню эту называют Такла-макан.

Мы простились с одиноким путником и продолжили путь. Грунт был теперь глинистый, твердый и сухой, изрезанный бесчисленными трещинами; летом, как видно, его заливало. Мы все держались береговой линии озера. К югу оно суживалось, затем образовывало значительное расширение — болото, которое и заставило нас сделать большой обход. Длинные узкие заливы, словно пальцы, указывали на юг, где небольшое поднятие местности ставило предел дальнейшему разлитию воды. Замечательно, что все эти небольшие озера мы находили как раз у подошвы кряжа. Остановились мы на восточном берегу озера.

Предвидя, что это будет последняя наша стоянка со свежей пресной водой, мы решили посвятить весь день 22 апреля отдыху. Верблюды и последняя наша овца еще раз полакомились камышом на берегу. Я прошелся на вершину холма, у подошвы которой лежало озеро, и оттуда мне открылся вид на всю окрестность.

Кряж простирался в юго-восточном направлении, врезываясь в песчаное море пустыни длинной косой. Последним же его отпрыском вдали являлся совсем ничтожный скалистый холм, выглядывавший из песку. Более не было видно никаких возвышенностей. Мы находились, следовательно, у самой юго-восточной точки Марал-башинского Мазар-тага.

В течение этого дня отдыха мы и держали между собой совет. Джолчи уверял, что отсюда до Хотан-дарьи четы-

ре дня пути на восток. По лучшим русским картам, которые у меня имелись, расстояние это равнялось 120 верстам; делая по 20 километров в день, мы, следовательно, могли пройти этот путь в 6 дней, но уже в расстоянии двух дней пути необходимо было бы вырыть колодец, как мы это делали в области Яркенд-дарьи. Я и приказал людям запастись водой на 10 дней, т.е. наполнить наши резервуары только наполовину, чтобы облегчить верблюдам путь по глубокому песку.

С таким запасом мы считали себя вполне обеспеченными; его должно было хватить, чтобы напоить верблюдов два раза в эти шесть дней. Все расчеты казались такими простыми, ясными. Налить в резервуары воды поручено было Джолчи и Касиму. Они занялись этим под вечер, и я слышал, как драгоценная влага, булькая, лилась в водохранилища. Вечером же привели в порядок все выюки, чтобы утром можно было выступить пораньше.

23 апреля день выдался жаркий, но верблюды успели отдохнуть накануне, и мы сделали 27,5 километра. Стали попадаться оригинальные песчаные образования. Подобно тому, как волны, при встрече двух течений, громоздятся друг на друга и достигают двойной высоты, так и встречные барханы, образованные различными ветрами, скрещива-

Среди песчаного моря

ясь, громоздились в пирамидальные массы, превышавшие по высоте остальную часть барханов. Верблюды, однако, карабкались удивительно уверенной, твердой поступью по крутым склонам, тогда как люди беспрестанно скатывались вниз.

Хотя это нагромождение имело лишь незначительную относительную высоту, вид с вершины открывался широкий. И если я не побледнел от страха, когда мой взор потонул в этом безбрежном море с гигантскими волнами желтого песка, то, пожалуй, потому лишь, что я слишком верил в свою счастливую звезду, до сих пор всегда ярко сиявшую над моей головой. Это песчаное море даже казалось мне бесконечно прекрасным; тишина и мир, царствовавшие здесь, возвышали душу. Это было дивное величественное зрелище.

Но скоро барханы стали еще выше, достигая 18—20 метров над уровнем поверхности. Пробираясь по ним становилось очень трудно. Верблюды спускались со скатов очень осторожно; раз только упал один из несших резервуары с водой; пришлось его развьючить. Иногда нам преграждал дорогу чересчур крутой склон; приходилось останавливаться, брать в руки заступы и прокладывать дорожку со ступеньками для животных.

Высота барханов дошла наконец до 25—30 метров. Караван, проходивший по краю вершины такого бархана, казался, если глядеть на него от подошвы, совсем крохотным. Для перевалов мы выбирали округленные с отлогими склонами вершины, но часто приходилось спускаться и с крутого склона, которого нельзя было обойти. Все, не отрывая глаз, следили тогда за движениями верблюдов, которые после минутного колебания начинали спускаться по глубокому рыхлому песку, так и осыпавшемуся вслед за ними, засыпая им ноги по колена.

Здесь уже не было тех площадок с твердым глинистым грунтом, какие попадались нам в первые дни пути; кругом был один песок. Скоро мы оставили за собой и последние кустики тамариска, еще противостоявшие жаркому дыханию пустыни. Нигде не виднелось ни былинки, ни листика — один песок, желтый, мелкий песок. Целые горы песку тянулись непрерывными грядами насколько хватал глаз,

вооруженный полевым биноклем. Птицы не оживляли более воздушного пространства, следы газелей и антилоп тоже исчезли. Временами крайний выступ косы Мазар-тага исчезал в насыщенном пылью воздухе.

Бедные собаки больше всех страдали от жары в своих теплых шубах. Особенно выла, пищала и отставала Хамра. Мы уже с час тщетно искали в сумерках удобного места для привала, когда наконец увидели небольшую площадку с твердым глинистым грунтом, на которой росли два последних кустика тамариска. Верблюды живо общипали их. С этих же пор животным предстояло довольствоваться кунжутными маслом и отжимками. Люди начали было рыть колодец; вырыли яму глубиной в 70 сантиметров, но земля все оставалась сухой, и рытье бросили.

Хватились Хамры; ее не было; стали звать, свистать, собака так и не явилась. Магомет-шах сказал, что видел еще на полпути, как она вырыла себе ямку в песке, в тени кустов тамариска, и улеглась там. Люди полагали, что собака издохла от солнечного удара. А может быть, умное животное, соскучась бегать по песку, догадалось, что и впереди хорошего ждать нечего, и рассудило за лучшее повернуть назад к последнему озеру, чтобы напиться и выкупаться там, а затем вернуться к Марал-баши. Чтобы попасть туда, собаке, однако, предстояло переплыть Яркенд-дарью. Прибыв в Кашгар, я наводил о ней справки, но она, как в воду канула. Джолдаш остался нам верен и пал жертвой своей преданности.

С каким-то странным, необъяснимым чувством разбили мы наш первый лагерь в самой пустынной, бесплодной из всех пустынь света. Люди мало разговаривали, никто не смеялся; около огня, поддерживаемого корнями тамариска, образовался необычайно молчаливый кружок. Верблюдов привязали на ночь в самом лагере, чтобы они не вздумали уйти назад к озеру, где, знали, есть хороший подножный корм.

Могильная тишина царствовала кругом. Иногда замирал и звон колокольчиков, и слышалось только тяжелое медленное и мерное дыханье верблюдов. Вокруг пламени свечки в моей палатке вилось еще несколько заблудших ночных бабочек, вероятно занесенных сюда нашим караваном.

XXIII. Царство могильной тишины

24 апреля. Я проснулся в три с половиной часа утра от страшного западного урагана, гнавшего в палатку целые тучи песку и угрожавшего снести самую палатку. Порывы ветра налетали со всех сторон, так как лагерь наш был разбит как бы в котловине, окруженной барханами. На севере возвышался уходящий на восток и на запад песчаный увал. К югу от лагеря возвышался бархан, почти параллельный увалу. Крутые склоны были обращены к югу и к западу; отлогие же к востоку и северу, что, разумеется, представляло крайне невыгодные для нас условия.

Несмотря на ураган, небо оставалось совершенно ясным; впрочем, это был западный ветер, а пыльным туманом сопровождается лишь восточный. День стоял жаркий, но ветер несколько прохлаждал. Вокруг нас крутились песчаные смерчи, иногда окутывая нас сплошным облаком. Высота их вдвое превосходила человеческий рост. Воздушная синева над головой сохраняла свой яркий цвет, и солнце пекло беспрепятственно; горизонт же был окутан в желто-огненный туман от летучего песку, набивавшегося всюду, и в рот, и в нос, и в уши. Он проникал даже сквозь одежду, и в теле ощущался неприятный зуд, к которому, впрочем, скоро привыкаешь.

Люди выступили сегодня в путь, питая надежду набрести до вечера на местечко, где барханы будут не так высоки и где найдется грунтовая вода, а может быть, даже подножный корм и топливо. Но вместо того песок становился все глубже, и мы все больше и больше углублялись в неведомую область.

Ислам-бай стал нашим лоцманом и исполнял свою обязанность превосходно. Легкими шагами шел он далеко впереди каравана с компасом в руках. Иногда он исчезал внизу за барханами, но затем опять показывался на вершине. Караван медленно двигался по его следам, которые шли зигзагами между вершинами, соединявшимися иногда посредством небольших поперечных барханов, представлявших довольно сносные переходы.

Все падали духом, когда Ислам вдруг останавливался, всходил на пирамидальную вершину бархана и, приставив руку к глазам, высматривал перевал или проход. Мы понимали тогда, что путь становится все труднее. Иногда Исламбай уныло возвращался назад и кричал: «Хич йол йок! Хер тараф яман кум» («Нет дороги; всюду дурной песок!») Или: «Кум-таг!» («Гора песку!») Тогда приходилось делать большие обходы к северу или югу, чтобы миновать непроходимое место.

Люди все шли пешком, босые, молчаливые, усталые, вялые от жары, мрачные, и часто останавливались, чтобы напиться. Вода имела температуру почти 30° от непрерывного плесканья о раскаленные стенки железных резервуаров, не защищенных более камышовой прокладкой между ними и переплетом ящиков. Камыш давно был дочиста вытаскан верблюдами. Но и такую воду пили с жадностью, так как питье усиливало выделение пота и ветер сильнее прохлаждал тогда тело.

Мы все сбились в кучу, и караван полз вперед точно улитка. С каждой возвышавшейся над прочими вершины мы осматривались кругом, но, кроме безжизненного однообразного песку, нигде ничего не было видно. Барханы громоздились один возле другого. Это было безбрежное море, по которому шли настоящие горные хребты из тонкого желтого песку.

Верблюды подвигались еще удивительно твердым шагом, то взбираясь на крутые склоны, то спускаясь с них; нам, впрочем, часто приходилось прокладывать для них дорожки заступами.

Мы сделали продолжительный привал на высоком бархане, чтобы оглядеться и напиться. Напоили и бедного Джолдаша, и овцу, умиравших от жажды. Джолдаш просто с ума сходит, когда дело коснется воды. Как только кто-нибудь дотрагивается до резервуаров, он уж тут как тут и умильно виляет хвостом. Последняя овца идет за нами неотступно, терпеливо, как собака. Люди очень к ней привязались и говорят, что лучше умрут с голоду, чем зарежут ее.

Между тем верблюды начали уставать, а трудные для перехода места становились все чаще. Если животным случалось

упасть на крутых склонах, они уже не могли подняться без помощи. Одного верблюда, который упал, немного не доходя до вершины, пришлось развьючить вплоть до седла и общими силами скатить вниз во впадину между барханами, 20 метров глубины; лишь там животному удалось встать на ноги.

Пройдя всего 13 километров, мы разбили лагерь на небольшой площадке с таким твердым сухим грунтом, что не стали и пытаться рыть колодец. Теперь уже нигде не было и следа человеческой жизни. Вокруг моей свечки больше не порхали ночные бабочки, ни один оборванный ветром пожелтевший листок не нарушал угнетающего однообразия пустыни. Верблюды были привязаны и получили свой скудный ужин.

Покончив со всеми хлопотами, люди уселись и стали разговаривать о событиях дня и о том, что ожидало нас завтра. Приятно было слушать, как Ислам-бай старался внушить мужество остальным; он рассказывал им о наших прежних приключениях, о снежных сугробах в долине Алая, которые куда хуже песчаных, о ледниках Мустаг-аты и о наших подъемах на гору.

25 апреля. Утром я сделал печальное открытие. Я заметил, что вода в железных резервуарах плещется как-то подозрительно гулко, и вздумал осмотреть их. Оказалось, что воды в них оставалось только на два дня. Я спросил людей, почему они не исполнили моего приказа запастись водой на десять дней, и они ответили, что Джолчи распоряжался заготовлением воды. Я начал его упрекать за такое важное упущение, но он стал успокаивать меня, уверяя, что от последнего озера всего четыре дня пути до местности, где можно опять дорыться до грунтовой воды.

Его показания совпадали с указаниями карт, и я поверил ему, тем более что все его указания до сих пор оказывались верными. Вообще, все мы были уверены, что где-нибудь неподалеку на востоке или на западе есть вода, поэтому никто и не заикнулся о возвращении к последнему озеру. А между тем от скольких страданий и горестей избавили бы мы и самих себя, и тех, кто беспокоился о нашей судьбе, если бы мы вернулись назад!

Перевал через гребень бархана
(с рисунка Д. Люнгаля)

Пока мы решили расходовать воду возможно бережливее. Я поручил по секрету Ислам-баю не выпускать из вида резервуаров, в которых еще оставалась драгоценная влага. Верблюдам так и не удалось больше удовлетворить своей жажды.

В воздухе было прохладно благодаря пыльному туману, в котором смутно рисовались вершины барханов какими-то фантастическими тенями: желтыми дельфинами с изогнутыми спинами, чудовищами, которые словно смеялись над нашей дерзостью. Туман вводил также в заблуждение относительно расстояния. Часто, например, мы неожиданно-негаданно оказывались около самой подошвы высокого бархана, который, благодаря неясности очертаний, казался нам еще далеко. Повсюду кругом виднелся песок, сплошной песок; дно каждой впадины было также покрыто слоем песка. Мы, видимо, находились в самой худшей части пустыни, и нам становилось как-то жутко.

Я весь день шел пешком, частью, чтобы поберечь моего славного Богу, частью, чтобы подбодрить людей.

Баба беспрестанно останавливался, обрывая веревку. Он как будто и не чувствовал боли в губе. Наконец он лег и, как его ни погоняли, не встал, пока его не развяючили. Шел он, однако, все медленнее, останавливался все чаще, и пришлось его вести за повод. В конце концов его выюк разделили между другими верблюдами, и он одиноко потащился далеко позади каравана. Вид крушения одного из кораблей пустыни, без которых мы бы погибли, еще усиливал жуткое чувство.

Мы с нетерпением поглядывали на восток. Напрасно! Куда ни взгляни — горы песку. Но стоило взяться откуда-то весело жужжавшему около верблюдов оводу, чтобы все воспрянули духом в надежде на близость «земли». Но, вероятно, этот обманщик сопровождал нас давно, притаившись в шерсти которого-нибудь из верблюдов.

Баба все задерживал нас, и мы решили остановиться на часок, чтобы дать ему передохнуть. Ему дали литр воды и охапку сена из его собственного вьючного седла; он проглотил все это с жадностью. Когда седло с него сняли, на спине у него оказалась открытая рана; болезненное пожел-

тевшее мясо терлось о неровности изнанки седла. Кроме того, животное хромало, и язык у него совсем побелел. Жаль было смотреть на беднягу. Караван продолжал путь, но Магомет-шаху пришлось остаться с Бабой, рев которого долго доносился до нас издали.

Мы прошли 20 километров, как вдруг Чон-кара отказался идти дальше, и пришлось разбить лагерь № 13. Верблюдам отдали остатки седла Бабы. У нас оставался еще запас сена и соломы в седлах остальных шести верблюдов.

Мои обеды становились все проще; я довольствовался чаем, хлебом и консервами. Люди пили чай, ели хлеб и талкан. Насчет топлива было туговато; небольшой запас, взятый в дорогу, истощился, и приходилось жертвовать некоторыми менее нужными деревянными ящиками.

Вечером составили совещание. Все оказались того мнения, что до Хотан-дарьи самое большее три дня пути; кроме того, мы надеялись, что еще раньше попадем в полосу леса. В палатке моей жужжали два комара; занесли ли мы их сами, или их принесло ветром из близко лежащего леса?

26 апреля. Пока люди были заняты приготовлениями к выступлению, я на восходе солнца отправился пешком один к востоку, чтобы наметить дорогу. С тех пор я и продолжал весь путь до Хотан-дарьи пешком, так что не мог более измерять расстояния шагами верблюда, как делал вначале. Теперь я считал число собственных шагов, и это занятие приковывало мое внимание не меньше. К тому же я смотрел на каждые пройденные 100 шагов как на своего рода победу, и каждая пройденная тысяча шагов подкрепляла во мне надежду на спасение.

С компасом и биноклем в руках я торопливо шагал прямо на восток, так как в этом направлении, скорее всего, можно было ожидать встретить реку. Скоро лагерь и верблюды исчезли за вершинами дюн. Одна муха, на которую я взирал с необычной благосклонностью, составляла мне компанию. Не будь ее, я был бы окончательно одинок среди этой могильной тишины, этого желтого моря с песчаными волнами-барханами, очертания которых сглаживались и редели по направлению к востоку. Более торжественного безмолвия и мира не могло царить даже в воскресный день

на кладбище; для полного сходства с последним здесь не доставало только крестов.

Около полудня я был готов упасть от усталости и жажды; солнце жгло, как раскаленная печь. Я не в силах был идти дальше, но тут муха взлетела кверху с таким веселым жужжаньем, что я воспрянул духом. «Попытайся пройти еще конец! — шептал мне внутренний голос. — Доберись хоть до ближайшей вершины, пройди еще хоть тысячу шагов! Ты все-таки будешь ближе к Хотан-дарье!»

Я прошел еще тысячу шагов и упал на вершине бархана. Хорошо было отдохнуть, тем более что на вершине бархана было прохладнее от ветра. Я впал в дремоту и забыл все злополучие нашего положения. Мне грезилось, что я отдыхаю на сочной лужайке в тени густолиственного серебристого тополя, листочки которого колеблются от легкого ветерка. Я слышал журчанье и плеск волн о берега; волны подкатывались к самым корням дерева; в ветвях его пела птица...

Это был чудный сон. Я бы хотел наслаждаться им подольше, он уносил меня далеко, далеко... Но глухой звон караванных колокольчиков разом пробудил меня к ужасной действительности. Я приподнялся и сел. Голова моя была словно налита свинцом, глаза слепило от горячего блеска желтого песка.

Верблюды подходили неровной заплетающейся поступью; глаза их были тусклы, взгляд покорно-равнодушен; они, казалось, уже и не помышляли больше о подножном корме; дышали они тяжело, и запах дыхания их был еще неприятнее обыкновенного. Пришло всего шесть верблюдов с Ислам-баем и Касимом; остальные двое людей остались с Бабой и Чон-карой, у которых ноги отказались служить еще в самом начале пути. Магомет-шах и Джолчи должны были прийти на место стоянки после, глядя по тому, как позволит состояние больных верблюдов.

Теперь характер местности снова изменился. Между барханами там и сям пролегали плоские, ровные участки, покрытые мелким подвижным материалом, настоящей пылью, в которой ноги наши тонули, как в трясине, почему и приходилось тщательно избегать таких мест. Между двумя

барханами мы наткнулись на крайне неожиданную находку: остатки скелета осла или, как полагали люди, дикой лошади. Сохранились только кости ног, белые, как снег, и настолько хрупкие, что рассыпались в прах при малейшем прикосновении. Копыта, сохранившиеся лучше всего, были слишком велики, чтобы принадлежать осла, и слишком малы для обыкновенной лошади.

Зачем попало это животное в пустыню и как давно лежит оно здесь? Песок пустыни не давал на эти вопросы ответа. Пожалуй, скелет этот лежал тут тысячи лет, так как впоследствии я убедился, что мелкий сухой песок обладает несомненным свойством сохранять органические тела. Таким образом, нет ничего невероятного в том, что скелет этот был погребен под песком в течение веков и обнажен, вследствие передвижения барханов, только недавно.

Все изнемогали от усталости и жажды, а мы прошли еще только два с половиной километра. Привал сделали на небольшой твердой глинистой площадке. И здесь мы нашли диковинки: белые, хрупкие раковинки маленьких улиток, несколько мелких галек, из которых некоторые представлялись округленными и как бы полированными водой, кремней, обломок большой двустворчатой раковины и множество трубочек извести, подобных известковым осадкам, образующимся вокруг стебельков камыша.

Магомет-шах и Джолчи добрались до лагеря только в сумерки, усталые, истомившиеся от жажды, опираясь на посохи. Верблюдов они бросили на произвол судьбы, так как те отказались идти. Оживленные ночной прохладой животные, однако, дотащились до лагеря около полуночи.

В лагере в этот вечер царил необычайное оживление: в бинокль мы открыли, что к востоку барханы становятся все ниже; кроме того, около самого лагеря они имели уже только 10—15 метров высоты. Мы могли, следовательно, надеяться, что завтра, может быть, даже разобьем лагерь в лесах Хотан-дарьи! Эта радостная мысль оживила всех.

Моей палатки больше не разбивали. Нам надо было беречь свои силы. Все спали под открытым небом. Джол-

чи продолжал сторониться других и говорил, только когда к нему обращались с прямым вопросом. Вид у него был ехидный, и на душе становилось легче, когда он не попадался на глаза.

Чаще всего в течение дня слышалось слово «яман» (худо). Но иногда давал себя знать и юмор — юмор приговоренного к повешению, как говорится на Севере. Так, например, когда мы проходили по кремням, кто-то из людей советовал другим поискать золота. И вообще, как бы ни приходилось худо днем, все подбадривались, когда предстояло сделать привал: ночь с ее прохладой и отдыхом от трудов и разбитых надежд дня всегда была желанным другом, печалиться же о завтрашнем дне мало было толку.

Около шести часов вечера мне вдруг пришло в голову — не попробовать ли все-таки вырыть колодец? Ислам-бай и Касим изъявили живое сочувствие моему плану, и, пока первый готовил мне обед, второй немедленно взялся за дело. Он засучил рукава, поплевал на руки и принялся рыть кетменем, сартским заступом, сухую, скрипевшую под ударами глину, распевая песню.

Когда к нам присоединились и остальные двое людей, все трое стали рыть по очереди. Джолчи на мое обращение к нему презрительно рассмеялся и ответил, что, конечно, вода там внизу есть, но только на глубине 30 кулачей (саженей). Его, однако, пристыдили, и он принялся работать с тем большим рвением, что смешанная с песком глина стала на глубине одного метра сыроватой.

Это открытие оживило нас всех. Я наскоро проглотил свой обед и поспешил с Ислам-баем к колодцу. Теперь мы стали работать все пятеро. Касим рыл так, что заступ визжал. Скоро землекоп скрылся в яме с головой, и ему стало неудобно выбрасывать песок на поверхность. Привязали веревку к ручке ведра и спустили ведро в яму. Один из остальных подымал и опоражнивал ведро по мере надобности. По краям колодца образовался понемногу высокий вал из вырытого материала, и я старался разгрести его по поверхности, чтобы расчистить место пошире.

Песок, хотя и медленно, становился все сырее. Джолчи полагал, однако, что до воды было еще далеко. На глу-

бине 2 метров вырытый материал оказывался уже настолько сырым, что из него можно было лепить колобки, и руки от прикосновения к нему становились влажными. Как приятно было прижаться к нему пылающим лбом!

Так прошло часа два. Люди устали. Пот катился по их обнаженным спинам. Они все чаще и чаще делали передышки и утоляли жажду глотком воды. В этот вечер мы пили, не мучась угрызениями совести, в надежде на колодец, который должен был пополнить наши пустые резервуары.

Тем временем стемнело; в стенах колодца сделали углубления, и в них вставили огарки свечей. Инстинкт привлек всех животных к краям колодца. Верблюды вытягивали шеи, чуя влажность песка, на котором распростерся Джолдаш. Время от времени подходили наведаться и куры.

С отчаянным напряжением продолжали мы работать — ради спасения нашей жизни. Надежда на спасение придавала нам силы. Мы не хотели сдаваться и готовы были, коли на то пошло, оставаться здесь и рыть весь следующий день.

Мы как раз говорили об этом, стоя вокруг зияющей ямы и глядя на Касима, который был на дне ее; его обнаженная до пояса фигура, слабо освещаемая светом огарков, принимала какие-то фантастические очертания. Вдруг он внезапно перестал рыть, выпустил заступ из рук с каким-то сдавленным криком и словно окаменел. «Что такое? что случилось?» — с изумлением спрашивали мы все. «Курук-кум!» («Сухой песок!») — раздался голос, как будто выходявший из могилы. Несколько ударов заступом убедили нас в том, что песок действительно вдруг стал сухим, как трут. Предательская влажность объяснялась, может быть, ливнем или растаявшим тут зимой снежным сугробом.

Только теперь почувствовали мы, что устали и что понапрасну потратили столь нужные нам силы. У нас просто руки опустились; всеми овладело мрачное, тяжелое настроение. Избегая глядеть друг на друга, мы печально побрели каждый к своему ложу, чтобы забыться тяжелым долгим сном от удручающих разочарований дня.

Но прежде, чем лечь, я имел с глазу на глаз совещание с Ислам-баем. Мы не скрыли друг от друга одолевавших нас забот, но условились до конца не падать духом и поддерживать бодрость духа в остальных. До Хотан-дарьи, согласно картам, было уже недалеко, но тем не менее нам следовало подготовиться ко всему худшему. Трое остальных уже спали, когда мы освидетельствовали последний резервуар с водой. Там оставалось воды на один день. Надо было беречь ее, как золото. Да, если бы мы только могли купить воды еще на один день, мы отдали бы за нее весь наш запас китайского серебра.

Последний остаток воды надо было разделить на порции по каплям. Тогда являлась возможность протянуть еще три дня. На каждого приходилось в таком случае по два стакана в день. На долю верблюдов, не получавших в течение последних трех дней ни капли воды, и нельзя было уделить ничего. Джолдашу и овце до сих пор выдавали по чашке воды в день, так что они были еще молодцами.

Наконец улеглись и мы, а терпеливые, кроткие, как жертвенные ягнята, верблюды все стояли в тщетном ожидании около зияющего пустого колодца.

XXIV. Воды нет!

На восходе солнца 27 апреля для верблюдов было сделано все, что только возможно было, чтобы поддерживать в них силы еще хоть на короткое время. Из одного вьючного седла было вытащено все сено и разложено перед ними. Они съели сено с жадностью и стали искать воды. Мы помочили им губы и дали по глотку промочить горло. На десерт же они получили целый мешок старого хлеба с кунжутным маслом. На месте стоянки были брошены печка, моя походная кровать, ковер и другие менее важные предметы.

Наскоро выпив чаю, я поспешил отправиться вперед, по тому же направлению на восток. Я сгорал от нетерпения выбраться на ровную дорогу — барханы стали ниже, достигая лишь 10 метров высоты. Я, однако, заметил, что

бурая подпочва, проглядывавшая там и сям между барханами, обнаруживает слабую неровность. Меньшая высота барханов, следовательно, могла объясняться волнистостью первоначальной поверхности почвы — песок меньше скопился на возвышенностях, нежели вокруг них.

Предположения мои сбылись. Через час я опять был окружен высокими труднопроходимыми барханами. Ни следа жизни, ни кустика тамариска на горизонте, ничего, что указывало бы на близость «земли»! У меня просто голова кружилась среди этого пустынного моря песку. Вооружась биноклем, я напрягал зрение и высматривал с вершины каждого высокого бархана — не покажется ли на горизонте темная полоса лесов Хотан-дарьи; нет, ничего!

Опускаясь по одному склону, я увидел какой-то предмет, похожий на корень. Я наклонился, чтобы ощупать его, но предмет вдруг побежал. Это оказалась ящерица одного цвета с песком. Она скрылась в маленьком отверстии в утрамбованной поверхности бархана. Чем она жила тут? Неужели она никогда не нуждалась в капле воды?

День выдался прекрасный; небо было затянуто легкими облачками, и жара не особенно донимала, так что и выделение пота было менее обильно, чем обыкновенно. Через три с половиной часа меня нагнал наш караван, который весь день шел бодро. Магомет-шах с двумя больными верблюдами опять отстал.

Завидели двух гусей, летевших на значительной высоте по направлению к северо-западу. Они снова оживили наши надежды, так как мы решили, что они летят с Хотан-дарьи к маленькому озерку у подошвы кряжа. Это был, собственно, самообман с нашей стороны: если гуси летят высоко, то, значит, предприняли дальний перелет, да и что для них перелететь через пустыню в 300 верст в поперечнике?

С час я опять ехал на своем славном Богре, безропотно принявшем такое увеличение своего груза. Я чувствовал ужасную усталость, но, когда заметил, что у верблюда дрожат колени, предпочел слезть и идти пешком.

Барханы в этот день достигли максимальной высоты — 60 метров. Измерял я высоту их на глазомер следующим

образом: я останавливался в значительном расстоянии от крутого склона бархана, по гребню которого проходил караван, измерял высоту верблюда, приставив к глазу карандаш, на котором были отмечены маленькие деления, а затем таким же путем измерял высоту бархана, высчитывая, во сколько раз она больше высоты верблюда. Верблюды казались просто крошками в сравнении с барханами, походившими на настоящие горы.

Подвигались мы по этим гигантским волнам не быстро, так как то и дело приходилось делать большие обходы. Иногда обходы эти вели к западу, и таким образом мы теряли понапрасну много шагов.

Джолдаш взвизгивал и выл, держась поближе к резервуарам, где остатки воды булькали свою лебединую песнь. Когда мы останавливались в нерешимости на несколько минут, Джолдаш начинал лаять, визжать и рыть лапами песок, как бы желая напомнить нам, что ему страшно хочется пить и что пора бы вырыть колодец.

Когда я отдыхал, собака садилась передо мной и долго-долго глядела мне прямо в глаза, как бы спрашивая, есть ли еще надежда? Я ласкал ее, притворяясь спокойным, и указывал рукой на восток — там-де есть вода. Джолдаш наостривал уши, вскакивал и кидался по указанному направлению, но скоро возвращался унылый, словно обманутый.

Мы решили продолжать путь, пока все шесть верблюдов не остановятся. Случилось это в 6 часов вечера на бархане, обращенном отлогим склоном к северу, и мы разбили здесь лагерь № 15; кругом расстилалась все такая же труднопроходимая местность. Вскоре явился и Магомет-шах, сообщивший, что оба больные верблюда отказались идти еще в самом начале пути и он бросил их. Один из них нес два дорожных резервуара из-под воды, которые тоже были брошены, а другой шел порожним. Будь я там, я бы пристрелил животных, так как, по мнению Магомета-шаха, им оставалось жить много-много дня два. Он, однако, полагал, что если бы мы нашли воду к вечеру, их еще можно было бы спасти. Но воды не было, и они, значит, были обречены на гибель. Можно было только пожелать, чтобы

они не мучились слишком долго, одинокие, брошенные, напрасно ожидая помощи!

Известие, принесенное Магометом-шахом, произвело на меня удручающее впечатление. Это была моя вина, что погибали невинные животные; я нес ответственность за все ужасные мгновения, за все страдания и муки и людей и животных моего каравана! Я не присутствовал при оставлении первых верблюдов на произвол бездушной песчаной пустыни, но сцена эта стояла перед моими глазами, и я не мог отделаться от нее, она давила меня кошмаром по ночам, не давала спать.

Бабу Магомет-шах оставил уже лежащим, но черный верблюд еще держался на ослабевших ногах и, вытягивая голову с прорванными ноздрями, печально глядел блестящими глазами вслед уходившему каравану, который мало-помалу скрылся из вида. Я представлял себе, как Чонкара затем медленно повернул голову к своему товарищу и улегся рядом с ним. Потом они, верно, вытянули шеи и легли головой на песок, полузакрыв глаза и тяжело дыша. Мало-помалу изнеможение все увеличивалось, и они легли на бок, вытянув ноги. Кровь обращалась в их жилах все медленнее и медленнее, смертный сон овладевал всеми членами... Может быть, им грезились чудные часы, проведенные в камышах около подошвы Мазар-тага! Промежутки между вздохами становились все продолжительнее, и наконец — дыханье прервалось совсем.

Баба, наверно, испустил дух первым, — он был слабее. Но как долго все-таки тянулась агония? Этого мы никогда не узнали. Я весь холодел от ужаса при мысли, что они, пожалуй, прожили еще долго и были заживо погребены смерчем, разразившимся через день. Теперь они спят вечным сном под движущимися могильными холмами пустыни.

Поздно вечером завидели мы на западе тяжелые дождевые тучи сине-стального цвета. Там была вода и жизнь — здесь жажда и смерть. Тучи росли и сгущались. Это зрелище точно гипнотизировало нас, приковав к себе все наше внимание. Надежда на дождь все росла. Мы выставили пустые резервуары, растянули на песке парусину от палат-

ки, а люди приготовились схватиться за концы ее. Мы ждали дождя с минуты на минуту, но тучи понемногу уплыли к югу, не подарив нам ни капли.

Ислам-бай в последний раз испек для меня хлеба. Магомет-шах объявил, что мы стали жертвами злых духов пустыни, т.е. заколдованы и теперь уже не выберемся из пустыни. Ислам-бай с удивительным спокойствием, точно это было самым естественным делом в свете, заметил на это, что сперва падут один за другим верблюды, а потом уж и мы. Я возразил ему, что, напротив, уверен в нашем спасении.

Джолчи глумился над моим компасом, который-де вожил нас за нос вокруг одного и того же места. По его мнению, какие бы концы мы ни проходили, все равно дальше не уйдем, а только задаром будем истощать силы — мы осуждены умереть через несколько дней от жажды.

28 апреля мы проснулись при сильном урагане. Желто-серые смерчи в дикой пляске взбирались на барханы, опрометью сбежали на подветренную сторону и продолжали там свой дикий танец. Атмосфера была до крайности насыщена пылью и песком; не видно было даже ближайших барханов. Сегодня действительно невозможно было руководиться солнцем: ни один луч на небосклоне не указывал его местонахождение. Это был самый ужасный песчаный ураган за все наше странствование по пустыне, один из тех «кара-буранов», которые превращают день в ночь.

Идти в этот день было очень трудно — не видно ни зги, неизвестно куда и идешь. Зато воздух был прохладен, и ветер помогал забывать жажду. Сегодня я, разумеется, не мог идти вперед — следы тотчас же заметало. Приходилось держаться вместе; потеряв других из виду, невозможно было бы дать знать о себе ни криком, ни ружейным выстрелом — шум урагана заглушал все звуки. Различать можно было только самого ближайшего из верблюдов, остальные исчезали в непроницаемой мгле. Лишь своеобразный свист и шум давали знать, что мимо несутся мириады песчинок. Может быть, этот-то шум и повлиял на фантазию Марко Поло, заставив его описывать ужасы великой пустыни таким образом: «Иногда голоса духов слышны и днем;

время от времени раздаются точно звуки множества различных музыкальных инструментов, чаще всего звуки баранов. Поэтому путешественники обыкновенно держатся поближе друг к другу. Всем животным же вешают на шеи колокольчики, чтобы они не так легко отбились. Перед тем как расположиться на ночлег, ставят значок, указывающий направление завтрашнего пути. Таким образом переходят пустыню».

Мы как раз взбирались на вершину бархана, когда ураган налетел с удвоенной яростью. Джолчи вел умирающего верблюда в хвосте каравана. Восточный склон бархана спустился в долину, где песок на небольшом расстоянии образовывал ровную поверхность. Тут присоединился к нам запыхавшийся Джолчи, боявшийся потерять нас из виду. Верблюд же не осилил подъема, упал, не дойдя до вершины, сразу лег на бок, и нельзя было заставить его подняться.

Я скомандовал привал и послал двух людей поглядеть, что случилось с верблюдом; они на несколько минут скрылись в туман, но затем вернулись, говоря, что и следов наших уже не осталось и что они побоялись отбиться от каравана. Таким образом мы потеряли третьего члена нашего каравана.

Мало-помалу чувства наши притупились, и мы стали равнодушными к таким потерям. Дело шло теперь о спасении нашей собственной жизни! И, выступая в путь утром, я думал обыкновенно: чья-то очередь сегодня отправиться в последний путь?

В 6 часов мы, пройдя 20,6 километра, сделали привал. После краткого совещания мы решили бросить все, кроме самого необходимого, и я с Ислам-баем пересмотрел весь наш багаж. Запас провианта на 3 месяца: сахар, мука, мед, рис, картошка, разная зелень, макароны, консервы — все было разобрано и лишнее отложено в сторону. Отложили также несколько шуб, войлоков, подушек, книги, большой тюк с газетами, походную кухню, котел, фарфоровую посуду и многое другое.

Уложив все эти предметы в ящики, мы покрыли их циновками и поставили между двумя барханами; на ближайшей высокой вершине, видной издалека, водрузили шест,

а к нему вместо флага привязали номер шведской газеты. Мы полагали вернуться сюда, если найдем воду, поэтому мы вечером нащепали из крышки одного из ящиков десятка два лучинок и к каждой прикрепили по номеру газеты, с тем чтобы втыкать их по дороге на вершинах барханов. Эти путевые знаки должны были указать нам путь обратно к лагерю № 17, где мы оставили наши ящики.

Запасаясь в путь консервами, я выбирал преимущественно содержащие влагу, вроде шампиньонов, омаров, сардин. Люди мои, убедившись, что в моих коробочках нет свиного мяса, охотно лакомились этими деликатесами. Остаток консервов и был взят нами из лагеря 17 и съеден в течение следующих дней.

Остаток воды, около двух литров, сохранялся в двух железных кувшинах. Последнюю пару железных резервуаров мы решили взять с собой на случай, если найдем воду. Верблюдов удовлетворили, пожертвовав еще одним седлом. Но они ели неохотно — у них пересохло в горле. Я в последний раз напился чаю и закусил основательной порцией консервов.

29 апреля. На восходе солнца мы выступили в путь с пятью верблюдами, которые еще держались на ногах. Ислам-бай грустно сообщил мне новость: один из железных кувшинов оказался пустым. Все подозревали Джолчи, который ночью ползал вокруг и рылся в темноте. Но доказать его виновности нельзя было.

Наши подозрения увеличились, когда он подполз ко мне, плача и жалуясь на боли в груди и в желудке. Мы полагали, что он притворяется. Но на мне лежало подавать добрый пример и поддерживать в других мужество, и я отдал ему половину своей порции. Затем мы потеряли его из вида, и только на следующее утро он опять присоединился к каравану.

Путешествие наше стало безнадежным блужданием, тщетным высматриванием «земли». Не видно было и признака жизни. Песчаное море, казалось, не имело границ. Барханы тянулись на север и на юг, а крутые склоны их были обращены к западу, что еще более затрудняло наше движение.

Весь день мы шли по глубокому песку. Погода стояла тихая, но воздух был еще насыщен пылью. Люди справедливо говорили, что это просто Божья благодать, что погода в последние дни прохладная, — по крайней мере, мы не страдали от солнцепека, иначе верблюды бы давно пали, да и мы находились бы на краю смерти. Мы сделали целых 27 километров. По-прежнему не замечалось, чтобы барханы на востоке редели; море песчаных волн по-прежнему сливалось на краю горизонта с небом, взору не на чем было отдохнуть.

30 апреля. Минимальный термометр упал за ночь до +5,1°, и даже утром было довольно свежо. Тонкая пыль все еще носилась в воздухе, но атмосфера все-таки прочистилась настолько, что светлая полоса показывала высоту солнца. Верблюдам скормили еще одно седло и весь запас масла, так что рассчитывали поддержать их силы еще на день.

В кувшине оставалось всего два стакана воды. В то время, как другие люди были заняты навьючиванием верблюдов, Ислам-бай поймал Джолчи, который, стоя спиной к товарищам, приставил к губам кувшин с водой. Тут произошла одна из тех тяжелых сцен, которые неизбежны в таких случаях. Ислам-бай и Касим с яростью бросились на Джолчи, повалили его, били по лицу, пинали ногами и убили бы его до смерти, если б мне наконец не удалось остановить их.

Воды уцелела половина, около $\frac{1}{6}$ литра. В полдень я позволил людям помочить губы, остаток же мы должны были разделить вечером на 5 равных частей. Мы соображали — сколько дней можем мы пробыть таким образом, и Магомет-шах припомнил, что он много лет тому назад целых тринадцать дней то брел, шатаясь, то полз по безводной дороге в Тибете.

Вот опять зазвенели колокольчики, и караван выступил в путь по направлению к востоку. Уже в самом начале пути мы спохватились, что Джолчи нет с нами. Люди полагали, что ему не под силу было идти дальше. Все были озлоблены против него. Это он уверил, что нужно запастись у последнего озера водой только на четыре дня, и ручался, что мы найдем в этот срок колодезную воду. Люди даже подозревали, что он с самого начала составил себе план

погубить нас, нарочно завел нас в такую часть пустыни, где мы должны были погибнуть, и хотел еще украсть остаток воды, чтобы спасти себя самого, добраться до населенных трактов, набрать там шайку таких же золотоискателей и вернуться ограбить оставленные нами сундуки. Нельзя было знать наверное, насколько такие предположения были основательны.

Я все еще каждый вечер делал чернилами нужные отметки в моем дневнике, и эти записи и послужили основой для подробного описания этого ужасного путешествия. Последние строки, которые могли буквально стать «последними», были написаны вечером 30 апреля. Привожу их здесь. «Остановились на вершине высокого бархана, где верблюды упали в изнеможении. Мы исследовали в бинокль всю местность к востоку: горы песку всюду, нигде ни былинки, ни признака жизни. О Джолчи ни слуха ни духа. Люди думают, что он вернулся к оставленному нами багажу, чтобы там, питаясь консервами, дожидаться помощи. Ислам считал его погибшим. Утром осталось еще около стакана воды. Половину отделили, чтобы помочить губы около полудня. Вечером, когда хотели разделить последний остаток между всеми, оказалось что Касим и Магомет-шах, которые вели караван, выпили его. Все мы, и люди и верблюды, слабы до крайности. Боже, помоги нам!»

В течение следующих дней я набрасывал только самые краткие заметки чернильным карандашом на сложенном листе бумаге. Но я ни разу не упустил записать показания компаса и число пройденных шагов. И первой моей заботой, когда я оправился на берегу Хотан-дарьи от испытаний последних дней, было дополнить на свежую память эти краткие заметки.

XXV. Караван распадается и гибнет

1 мая. Ночь была холодная; минимальная температура оказалась +2,2°, т. е. самая низкая за все время наше-го странствования по пустыне. Воздух был чист, звезды сверкали удивительно ярко. Утро обещало чудную, ясную

и тихую погоду; на небе не было ни облачка; ни малейшего вейня не проносилось над барханами. Вскоре по восходе солнца стало жарко.

Рано утром явился в лагерь считавшийся погибшим Джолчи. Он опять ожил и не постеснялся уверять, что сегодня мы непременно найдем воду. Остальные не хотели и говорить с ним. Все сидели молчаливые, печальные и ели старый хлеб, облитый остатками кунжутного масла, взятого для верблюдов.

Меня страшно мучила жажда — накануне я не имел во рту ни капли воды, — я и выпил рюмку отвратительной китайской водки, употреблявшейся, собственно, для аппарата Примус. Она обжигала горло, словно серная кислота, но что из этого! Все-таки в организм было введено немного влаги.

Джолдаш, увидев, что я пью, подошел ко мне и завизжал хвостом. Когда я убедил его, что это не вода, он отошел, повесив хвост и жалобно взвизгивая. Люди, к счастью, не захотели отведать водки, и я с отвращением швырнул бутылку в песок.

Караван медленно двинулся в путь, к востоку. Силы между тем совершенно покидали меня, и ноги отказывались служить. Звон колокольчиков раздавался сегодня в чистом, неподвижном воздухе яснее обыкновенного. Мы оставили позади себя уже три могилы; сколько воздвигнется их еще на нашем пути?

Ислам-бай шел впереди с компасом в руках. Верблюдов вели Магомет-шах и Касим. Джолчи шел за последним верблюдом, погоняя его. Я, полумертвый от жгучей жажды, шатаюсь, плелся далеко позади каравана. Он исчезал то за одним барханом, то за другим, потом опять показывался на вершине. Колокольчики звучали все слабее и медленнее, наконец звон их замер вдали...

Я тащился шаг за шагом, падал, опять вставал, делал несколько шагов и опять падал. Стояла полная тишина; колокольчиков не было слышно, но следы каравана виднелись ясно, и я шел по ним, все продолжая считать свои шаги. Наконец я увидел караван на привале перед новой грядой барханов. Все пять верблюдов легли, истощив последние силы. Старый Магомет-шах лежал, уткнув-

шись лицом в песок, шепча молитвы и призывая на помощь Аллаха. Касим сидел в тени одного из верблюдов, закрыл лицо руками и прерывисто дыша. Он сказал, что старик Магомет свалился и не может больше сделать ни шагу. Всю дорогу он бредил, говорил о воде.

Ислам-бай ушел далеко вперед. Мы позвали его. Он чувствовал себя крепче нас всех и опять предложил поспешить вперед с кувшинами за водой. Он полагал, что за ночь может сделать 50 верст. Но, увидав мою слабость, он замолчал.

Стало ясно, что продолжать по солнцепеку это безнадежное блуждание невозможно. Магомет-шах все бредил: то смеялся, то плакал, говорил несообразные вещи и играл с песком, пропуская его между пальцами. Идти он не мог, и нельзя же было бросить его.

Решили оставаться здесь, пока жар не спадет, а затем продолжать путь, пользуясь вечерней и ночной прохладой. Верблюдов оставили лежать, где они сами расположились, и только освободили их от вьюков.

Ислам и Касим еще раз разбили палатку, внутри которой мы могли найти хоть какую-нибудь тень. Разостлали в палатке последний наш ковер, пару войлоков и положили мешок вместо подушки. Я в буквальном смысле слова вполз в палатку, разделся донага и растянулся на этом ложе.

Ислам и Касим последовали моему примеру; Джолдаш и овца тоже укрылись в палатке, Джолчи поместился в тени ее у входа, но Магомет-шах остался там, где лежал.

Только куры не падали духом, бродили себе по солнцепеку, поклеывая вьючные седла и мешки с провиантом.

Никто никогда не ожидал солнечного заката с большим нетерпением, нежели мы первого мая 1895 г. Я совсем изнемог и едва был в состоянии повернуться на своем ложе. В моей памяти стали проноситься картины из моих прежних путешествий. Я много лет странствовал по Азии, словно дервиш. В первое путешествие, десять лет тому назад, я восторгался дворцом «Сорока колонн» в Испагани, прислушивался к плеску волн о мраморные столбы мостов Шаха Абасса, вдыхал прохладный воздух в усыпальнице Кира, познал в храмах и галереях Ксеркса и Дария в Персе-

поле истину слов певца: «Все прекрасное на земле — добыча тлена».

Как прекрасны тенистые финиковые пальмы Басры! О, хоть бы несколько капель из мутных вод Тигра! Чего бы я теперь ни дал тому водовозу, который за грош привозил по тесным улицам Багдада целый бочонок живительной влаги!

Мне вспоминались приключения, пережитые в стране, где сказки «Тысячи и одной ночи» ежедневно становятся действительностью. Я выехал из Багдада с караваном арабских купцов и пилигримов, направлявшихся в Мекку. В кармане у меня было только 50 франков, которых должно было хватить до Тегерана. Однообразие и медленность путешествия подвергли мое терпение слишком большому испытанию, и я в одну темную ночь бежал от каравана в компании с одним арабом, получившим остатки моего капитала.

Усталые лошади наконец примчали нас в Керман-шах, где проживал один богатый арабский купец, ага Магомед Гассан. Я помню, как заблестели его глаза, когда я сообщил, что я из страны Карла XII. Он готов был удержать меня у себя в гостях хоть полгода, но я мог остаться всего несколько дней. Зато в течение этих дней я вел жизнь Нурредина-Али из «Тысячи и одной ночи». Перед домом был разбит очаровательный садик, где росло множество кустов цветущей сирени и благоухающих роз. Дорожки были выложены мраморными плитами, а посреди садика красовался белый мраморный бассейн с хрустальной водой; она била высоко в воздух тонкой струей, блестевшей на солнце, как нить паутинки. Когда же я прощался со всем этим великолепием, хозяин мой сунул мне в руки кошелек, набитый серебряной монетой.

Потом, как живой, встал перед моим взором благородный и умный шах Наср-Эддин в осыпанном драгоценностями наряде, в котором он принял меня, посланца короля, в своем дворце в Тегеране.

Так лежал я весь день с открытыми глазами, поднятыми к белому потолку палатки, с блуждающим в пространстве взором. Временами взор мой мутился, мысли путались,

и я погружался в полузабытье. Тогда мне опять грезились свежая, зеленая лужайка, осененная серебристыми тополями. Как горько было всякий раз очнуться!

Кто-то умрет из нас первым, кто-то, несчастный, останется последним. Только бы уж все кончилось поскорее, не пришлось бы слишком долго переживать все эти нравственные и физические муки! Время шло страшно медленно. Я часто смотрел на часы, каждый час казался мне вечностью.

Но что это! Приятной, ласкающей прохладой повеяло на мое тело! Под слегка приподнятые полы палатки потянуло около полудня ветерком. Этого было довольно, чтобы произвести свое действие на изнывавшее от жары тело. Ветерок все усиливался, и около трех часов дня стало так свежо, что я набросил на себя кошму.

Тут случилось нечто похожее на чудо. Силы стали возвращаться ко мне по мере того, как солнце закатывалось, и к тому времени, когда оно, похожее на раскаленное пушечное ядро, остановилось над вершиной песчаного холма на западе, я успел вполне оправиться. Тело мое обрело прежнюю гибкость, я почувствовал себя готовым идти пешком день и ночь и сгорал нетерпением отправиться в путь, — *я не хотел умирать.*

Я решил напрягать в течение следующих дней свои силы до последней крайности, идти, тащиться, ползти все прямо на восток, если бы даже все остальные давно погибли. Когда устанешь до смерти, отдых покажется таким сладким. Скоро впадешь в дремоту и уснешь безболезненно долгим вечным сном. Одна мысль об этой дремоте искустельна, но теперь она потеряла надо мной всякую власть — я вспомнил о своих близких.

Касим и Ислам-бай также оживились с наступлением вечерней прохлады. Я сообщил им свое решение, и они согласились со мной. Магомет-шах все лежал на том же месте; Джолчи тоже лежал на спине; оба бредили, ни один из них не отзывался на наши вопросы. Только в сумерки Джолчи пришел в себя. Вместе с сознанием проснулся в нем дикий зверь. Он подполз ко мне, сжал кулаки и закричал глухим, свистящим и угрожающим голосом:

— Воды, воды, дай нам воды, господин!

Потом он начал плакать, упал на колени и стал молить о капле воды. Что мог я ответить ему? Я напомнил ему, что он сам украл последние капли, что он пил последним и получил воды больше всех, а потому дольше всех и должен бы теперь крепиться. Глухо всхлипывая, отполз он прочь.

Неужели нельзя было, прежде чем оставить это злополучное место, подкрепиться хоть каплей влаги? Мы невыносимо страдали от жажды, люди еще куда больше, чем я.

Тут попался мне на глаза петух, важно разгуливавший между курами. Можно напиться его крови! Взмах ножа перерезал ему глотку, и оттуда медленно засочилась кровь. Но ее было слишком мало. Надо было добыть побольше. Приходилось пожертвовать еще одним невинным существом — овцой. Люди долго колебались, жалея нашу верную спутницу, бежавшую за нами, как собачка, делившую с нами все невзгоды. Но я сказал им, что теперь дело идет о нашей собственной жизни, которую можно поддержать кровью животного.

С болью в сердце Ислам отвел овцу на несколько шагов, повернул ее головой к Мекке, взял в руки нож и, когда Касим опутал бедняжке ноги веревкой, сильным ударом вонзил ей нож в глотку до самых позвонков.

Кровь полилась широкой темно-красной струей в ведро, где почти сейчас же и запеклась. Она еще была теплой, когда мы стали черпать ее ложками и ножами. Мы осторожно попробовали ее — какой отвратительный вкус и какой ужасный запах!

С трудом проглотил я чайную ложку и больше не мог; люди тоже оказались не в состоянии ее пить и отдали Джолдашу. Тот лизнул раз и отошел. Мы стали каяться, что задаром загубили нашего верного товарища, да поздно.

Тут пришлось мне убедиться, что жажда делает людей просто невменяемыми. Ислам и другие собирали в кастрюлю урину верблюдов, густую, оранжевого цвета и отвратительного запаха жидкость, и теперь, перелив ее в железный куб, положили туда сахару и уксусу, зажали себе носы и выпили эту омерзительную смесь. Они предлагали и мне,

но меня тошнило от одного запаха. Касим тоже не стал пить, и хорошо сделал, так как у других через час сделалась страшная рвота, истощившая вконец их силы.

Джолчи, исхудавший, с безумно вытаращенными глазами, уселся около палатки и принялся жевать сырые легкие убитой овцы. Руки и лицо у него были запачканы кровью; вид его был ужасен.

Только я да Касим годились еще на что-нибудь. Ислам, впрочем, после рвоты немного оправился, и мы с ним стали в последний раз осматривать наш багаж. Теперь надо было бросить большую часть его. Сам я отобрал то, что считал самым необходимым: мои наброски, съемки маршрутов, образцы горных пород, песку, карты, приборы, перья, бумагу и другую мелочь, Библию и книгу шведских псалмов.

Исламу я предоставил отобрать то, что он считал наиболее необходимым: провиант на три дня — муку, чай, сахар, хлеб и несколько коробочек с консервами. Я хотел бросить здесь весь наш запас китайского серебра, составлявший половину обычного верблюжьего व्यюка, ценностью равнявшийся почти 2500 рублей. Мне казалось, что теперь впору было только заботиться о спасении нашей жизни. К тому же если б мы нашли воду, то могли бы вернуться сюда и взять мешки.

Но Ислам непременно хотел захватить мешки с серебром с собой, и впоследствии оказалось, что он был прав. Он отстоял также два мешка с сигарами и папиросами, несколько горшков, взятых из лагеря № 17, оружие, небольшой запас патронов и кое-какую мелочь, вроде фонаря, свечей, ведра, заступа, веревок и проч.

В числе оставляемых предметов находились: два тяжелых ящика с боевыми припасами, палатка с последним ковром и постелью, несколько ящиков с разной мелочью, материи, шапки и халаты, взятые для подарков туземцам, несколько справочных книг, оба фотографических аппарата с тысячей пластинок с лишком, из которых до сотни было проявленных, затем седла, дорожная аптечка, рисовальные принадлежности, чистые записные книжки, запас моего платья, валенки, шапки, рукавицы и проч.

Все вещи были уложены в восемь сундуков, и последние поставлены в палатку, причем концы ее пол были подсунуты под сундуки, чтобы палатку не опрокинуло ветром. Мы рассчитывали, что если вернемся в эти места, то белая палатка, возвышающаяся на вершине бархана и видная издалека, послужит нам маяком.

Необходимые же вещи мы запаковали в пять маленьких «курчин» — переметных сум из парусины и перекинули их на спины верблюдов, освобожденных от вьючных седел. Один из верблюдов нес большой вьюк: ружья, заступы и т. п., завернутые в кошму и перевязанные веревками.

Мы вскрыли еще пару коробочек с консервами, но, хотя последние и содержали влагу, мы с трудом могли пропустить их в пересохшее горло.

В течение всего дня верблюды лежали на том месте, где легли утром; только их прерывистое тяжелое дыхание и нарушало могильную тишину. Вид у них был равнодушно-покорный; широкие пасти их посинели и пересохли. С большим трудом удалось заставить животных подняться на ноги.

В 7 часов вечера колокольчики зазвенели в последний раз. Чтобы поберечь свои силы, я ехал на белом верблюде, который был бодрее прочих. Ислам-бай, ослабевший от рвоты, медленно вел караван между барханами. Касим шел сзади и понукал верблюдов. И вот мы направились от лагеря смерти к востоку, прямо к востоку, где катила свои воды между лесистыми берегами Хотан-дарья.

Когда мы покидали это ужасное место, Джолчи заполз в палатку и завладел моим ложем. Он все жевал легкие овцы, с жадностью высасывая из них весь сок.

Старый Магомет-шах лежал на том же месте. Прежде чем уехать, я подошел к нему, провел рукой по его лбу и назвал по имени. Он поглядел на меня широко раскрытыми мутными, блуждающими глазами; на лице его отражалось неземное спокойствие и какое-то просветление, как будто он уже видел перед собой раскрытые райские врата.

Магометанский «Бехишт» (рай), о радостях которого он столько раз читал в Коране, может быть, манил его

уже несколько дней, и мысль о нем, без сомнения, облегчала минуты освобождения духа из тела. Старик как будто лег отдохнуть после тяжелых трудов; теперь ему не надо было больше возиться с верблюдами, не надо на старости лет ходить с караванами из города в город. Он выглядел таким изнуренным, разбитым, весь как-то съежился, стал таким маленьким, только лицо по-прежнему сохраняло свой яркий бронзовый оттенок.

Дышал он тяжело; изредка в горле слышалось предсмертное хрипение и клекотанье. Я еще раз провел рукой по его морщинистому сухому лбу, уложил его голову поудобнее и, по возможности умеряя свое волнение, сказал, что мы хотим поспешить на восток, чтобы поскорее найти воды, и затем тотчас же вернемся сюда с полными кувшинами; он же пусть лежит тут, пока не оправится немножко, а тогда подвигается вперед по нашим следам, чтобы сократить расстояние.

Он попытался поднять одну руку и что-то пробормотал. Я разобрал только одно слово: Аллах. Я, однако, отлично понял, да и он, верно, тоже, что нам больше не свидеться в этой жизни. Едва ли ему оставалось жить больше нескольких часов. Взор его все тускнел, дремота скоро должна была перейти в смертное забытие, и затем его ожидал вечный сон среди этого величественного безмолвия пустыни, где совершают свое загадочное странствование к неведомой цели барханы. С сердцем, обливающимся кровью, терзаемый угрызениями совести, упрекавшей меня за смерть этого человека, оставил я умирающего.

Затем я простился и с Джолчи, уговаривая его идти по нашим следам, так как это было для него единственным средством к спасению.

Шесть кур, продолжавших оживленно кудахтать, с видимым удовольствием расклеывая внутренности убитой овцы, производили и грустное и вместе с тем комичное впечатление.

«Почему вы не умертвили этих бедных созданий?» — спросит, пожалуй, какая-нибудь сердобольная читательница. Да, почему? А почему мы не умертвили заодно обоих умиравших людей, чтобы избавить их от лишних стра-

даний? Бывают положения, которые трудно обсуждать со стороны. Я убедился, что в минуты общей смертельной опасности мы менее чувствительны к страданиям ближних, нежели при обыкновенных обстоятельствах. Все мы давно были на краю смерти, и весьма естественно, что слабейшие падали первыми. Каждая новая смерть уже не поражала нас, а только возбуждала вопрос: чья очередь теперь?

Умерщвление же человека, даже умирающего, все-таки убийство. Покидая верблюдов, мы всякий раз питали слабую надежду скоро вернуться к ним с водой и спасти их. Что же до кур, то я рассчитывал, что они сослужат нам службу, если мы вернемся отыскивать палатку, и полагал, что они могут прожить еще долго, питаюсь убитой овцой. Предположение мое и подтвердилось, год спустя. Но не буду забегать вперед.

Мы медленно двинулись в путь. Верный Джолдаш, худой, как скелет, следовал за нами. На вершине первого бархана я обернулся назад, чтобы бросить прощальный взгляд на лагерь, где остались умирать два наших товарища. Палатка резко вырисовывалась треугольником на фоне ясно-го неба. Я почувствовал невольное облегчение, когда она наконец скрылась от наших взоров за барханами, и больше уже не оборачивался назад. Впереди была тьма, в которой тонуло коварное песчаное море. Но я чувствовал прилив сил и желание жить. Я не хотел умереть в пустыне, я был слишком молод, мне казалось, что я слишком много теряю с жизнью, она еще сулила мне впереди так много!. Никогда не ценил я жизни так, как именно теперь! И я решил бороться за жизнь до последней крайности, хотя бы пришлось ползти по песку, как червяку.

Подвигались мы медленно, отчаянно медленно, но все-таки оставили за собой несколько высоких песчаных гряд. На одной из них упал один из наших пяти верблюдов и тотчас же принял положение умирающего, вытянув ноги и шею. Сумки, которые он нес, перекинули через спину Ак-тьюи, который смотрел бодрее других. Веревку, связывавшую упавшего верблюда с передним, развязали, но оставили умирающему его шейный колокольчик. Покинув

беднягу во тьме одного, мы продолжали путь с остальными четырьмя верблюдами.

Ночь была темная, хоть глаз выколи. Звезды, правда, сияли ярко, но свет их был слишком слаб, чтобы мы могли различать неровности поверхности, и мы то и дело натыкались на стены песку.

Силы верблюдов подходили к концу. Даже прохлада ночи не освежала их. Они ежеминутно останавливались, то один, то другой отставал от каравана. Мы не замечали иногда, как веревка развязывалась, и, только пройдя уже порядочный конец, спохватывались отставших. Приходилось останавливаться, поджидать их или идти за ними назад.

Ислам-бай совсем изнемогал, жалобно стонал и часто останавливался, схваченный припадком жестокого кашля, который ослаблял его тем больше, что желудок у него был пуст. Ужасные боли заставляли иногда беднягу кидаться на песок и извиваться как червь.

Так мы ползли в темноте, словно улитки. Ясно было, что брести таким образом почти наугад между исполинскими барханами мало толку. Я слез с верблюда, зажег фонарь и пошел вперед отыскивать более удобные переходы. Компас указывал мне, где восток, а слабый свет фонаря позволял различать крутизны и неровности. Но мне беспрестанно приходилось останавливаться и поджидать других — звон колокольчика последнего верблюда доносился все глуше и глуше.

Около 1 часу он замер совсем, к непроглядной тьме прибавилась могильная тишина вокруг. Я поставил фонарь на вершине бархана и прилег отдохнуть, но сон бежал от моих глаз. Затаив дыхание, я прислушивался — не раздастся ли какой-нибудь звук вдали, напряженно вглядывался во тьму по направлению к востоку — не мелькнет ли огонь пастушьего костра на берегах Хотан-дарьи. Нет! Тьма и безмолвие, ни признака жизни. В этой тишине я мог слышать биение собственного сердца.

Наконец опять послышался звон колокольчика. Удары его языка раздавались все реже, но все ближе. Когда же караван подошел к вершине бархана, Ислам-бай, шатаясь, добрел до фонаря и упал, прохрипев, что больше не может сделать шагу. Силы окончательно оставили его.

Я понял, что настал последний акт этой страшной драмы в пустыне, что это начало конца, и решил бросить все, чтобы спешить к востоку, пока хватит сил. Ислам едва слышно прошептал, что не может идти со мной. Он хотел остаться с верблюдами и умереть тут, где лег.

Я простился с ним, ободряя его, уверяя, что силы вернутся к нему, когда он отдохнет часа два, и приказывая ему тогда бросить верблюдов и весь багаж и одному идти по моим следам. Он уже не отвечал, лежа, раскинувшись на спине, и глядя в пространство блуждающим взором. Мне сдавалось, что жизнь готова была погаснуть в нем.

Касим был еще бодр, так как благоразумно воздержался от омерзительного напитка, который отравил Ислам-бая. Я взял с собой только два хронометра, колокольчик, компас, перочинный нож, карандаш, лист бумаги, коробку спичек, носовой платок, коробочку консервированных омаров, круглую жестянку с шоколадом и — скорее машинально, чем сознательно — сунул в карман десяток папирос.

Касим нес заступ, ведро и веревку — все, что нужно для рытья колодца. В ведре у него лежал курдюк убитой овцы, немножко хлеба и кусок запекшейся овечьей крови. Но впотьмах он забыл шапку, и я отдал ему свой носовой платок, которым он повязал голову, чтобы не подвергнуться солнечному удару.

От съестных припасов мало было толку: слизистая оболочка рта и глотки пересохла так, что глотанье сделалось невозможным. Если мы пытались съесть что-нибудь, кусок останавливался в горле и душил. Приходилось торопиться выбросить его назад. Чувство голода вообще совсем заглушается чувством жажды, которая, особенно в первые дни, так мучительна, что доводит почти до исступления. Но затем, когда тело перестает испускать испарину или когда испарение, во всяком случае вследствие сгущения крови делается почти незаметным, наступает постепенно увеличивающаяся слабость, которая и приводит к концу.

Ровно в полночь мы с Касимом покинули последние остатки нашего, недавно столь великолепного каравана. Мы, словно потерпевшие крушение среди моря, бросили

обломки нашего корабля, чтобы попытаться вплавь достигнуть берегов, но мы даже не знали, как далеко находится берег.

Четыре последних верблюда лежали все с тем же терпеливо-покорным видом, тихие, смиренные, как жертвенные ягнята. Они тяжело дышали, вытянув шеи на песок. Ислам-бай и не взглянул нам вслед, но Джолдаш проводил нас удивленным взглядом. Он, верно, думал, что мы скоро вернемся; быть может, с водой, так как караван ведь оставался на месте, а мы вообще никогда не отделялись от каравана. С тех пор я больше не видал своей верной собаки и долго тосковал по ней.

Фонарь остался гореть около Ислама и некоторое время служил нам маяком, помогая определять пройденное расстояние и контролировать наше направление. Но вот слабый свет его погас за гребнями барханов, и нас со всех сторон обняла темная ночь.

XXVI. Спасены

2 мая. Покинув умирающий караван, я стал свободнее, ничто не стесняло, не задерживало теперь моего движения, и все дело было теперь в том, чтобы идти, идти, по возможности по прямому направлению. Мы с Касимом и шагали безостановочно два часа. Наконец ходьба по глубокому песку так изморила нас, что мы прилегли. Одеты мы были легко. Касим в одной куртке, в белых шароварах и сапогах; я в шерстяных исподних, в костюме из тонкой белой бумажной материи, в русской фуражке с козырьком и в высоких непромокаемых сапогах.

В 4 часа утра холод заставил нас очнуться; мы чуть не заочнели совсем. Быстрым маршем продолжали мы путь и шли пять часов без остановки. В 9 часов мы присели отдохнуть на час. Поднялся свежий ветер с запада, и благодаря навеваемой им прохладе мы могли пройти еще конец. Но в половине двенадцатого жара стала невыносимой; у нас просто темнело в глазах. В изнеможении упали мы на песок и целый день провели на обращенном к севе-

ру крутом склоне бархана, где песок не успел еще особенно нагреться.

С помощью заступа Касим вырыл яму под самым гребнем бархана и накопал охладившегося за ночь песку. Мы разделись донага, зарылись в этот песок, воткнули заступ у себя в головы и повесили на него наши платья, устроив подобие ширм для защиты от солнца. Теперь стало хорошо, прохладно. Но понемногу песок согрелся от теплоты нашего тела и от воздуха. Тогда мы сбросили с себя этот слой песку, и Касим, накопав свежего, сыпал им мое тело. Какая прохлада! Я как будто принял холодный душ в этой раскаленной атмосфере. Мы опять совсем зарылись в песок, из которого торчали только наши головы, которые мы тщательно прятали в тень, чтобы не получить солнечного удара. Комар и две мухи составили нам компанию; вероятно, их принесло ветром издалека.

Так мы лежали весь день молча, но заснуть не могли. В 6 часов вечера мы встали, оделись и еле поплелись дальше без сомнения, расслабленные этой сухой песочной ванной. Тем не менее мы шли с маленькими остановками до 1 часу ночи, когда опять свалились в изнеможении и заснули.

Первые кусты тамариска

3 мая. Подкрепившись сном, мы двинулись снова в 4½ часа утра. Утро до восхода солнца вообще самое лучшее время для ходьбы: прохладно и можно, не отдыхая, делать большие концы.

Сегодня наша утасяющая надежда оживилась, и мы подбодрились. Касим вдруг остановился, схватил меня за плечо и молча указал рукой на восток. Я, сколько ни напрягал зрение, не видел в том направлении ничего необычайного. Касим же своим соколиным взором разглядел на горизонте зеленый кустарник тамариска. На нем сосредоточились теперь все наши упования.

Мы направили курс прямо на кустарник, ни на минуту не теряя его из виду. Когда мы спускались в котловину, он исчезал, но, поднявшись на вершину бархана, мы видели его снова. Мало-помалу мы все подвигались к нему. Добравшись наконец до кустарника, мы возблагодарили Бога, набросились на свежую зелень и стали, точно животные, жевать сочные иглы. Кустарник действительно был *живым*! Корни его, видно, достигали до грунтовых вод, значит, и открытая вода была теперь не за горами, до нее возможно было добраться.

Кустарник рос на вершине бархана, и поблизости нигде не было видно участков обнаженной твердой почвы. Удивительное растение — тамариск! Он купает свои крепкие гибкие ветви и ствол — высотой не более 2 метров — в лучах палящего солнца, а корни посылает в неведомую глубь высасывать влагу грунтовых вод. Корни служат как бы насосами, снабжающими влагой все растение, которое покоится на подвижной волнистой поверхности песчаного моря, словно кувшинка на поверхности вод.

Один вид этого кустарника приводил нас в восхищение. А что за наслаждение было растянуться на часок в его скудной тени! Он явился для нас масличной ветвью, свидетельствовавшей, что это море песку имеет-таки границы, которые подают потерпевшему крушение мореплавателю надежду на близость берегов! Я взял с собой несколько веток тамариска и с наслаждением вдыхал их свежий аромат. Надежда на спасение была во мне теперь сильнее, чем когда-либо, и мы с новым подъемом мужества продолжа-

ли путь к востоку. Барханы стали пониже, едва достигая 10 метров, а в промежутке между двумя из них мы нашли два небольших жиденьких пучка дырису или чия* и принялись жевать стебельки. Надежда не обманула нас: в 9½ часа вечера мы увидели еще куст тамариска, а дальше к востоку их виднелось много.

Но силы наши были парализованы жарой, и мы просто свалились на песок под тенью тамариска. Целых девять часов лежали мы, как мертвые; Касим с трудом мог набросать на меня свежего песку. В 7 часов вечера мы, шатаясь, двинулись дальше. Через три часа — Касим снова остановился и воскликнул: «Тограк!» («Тополь!») Что-то темное рисовалось за ближайшими барханами. Оказалось, что это действительно были три великолепных тополя с сочной листвой. Листья эти, однако, так горьки, что не очень-то тянет жевать их; но мы натирали ими кожу, пока она не становилась влажной.

Совершенно разбитые усталостью, мы лежали часа два, прежде чем собрались с силами исследовать местность. Мы начали было рыть колодец около корней дерева, но сил наших не хватило: заступ буквально валился у нас из рук. Песок оказался только слегка влажным, и до воды, видно, было еще далеко. Мы, впрочем, не упали духом и принялись рыть прямо голыми руками, но скоро должны были отказаться от попыток дорыться до грунтовой воды.

Вместо того мы собрали в кучу все сухие ветви, разбросанные кругом, и зажгли громадный костер, бросавший отблеск далеко кругом. Окружающие барханы выступали из мрака, словно зловещие призраки.

Огонь должен был послужить сигналом для Ислам-бая, если он еще оставался в живых, в чем я сильно сомневался. Кроме того, мы надеялись привлечь этим сигналом внимание людей в случае, если кто-нибудь ехал вдоль левого берега Хотан-дарьи по дороге, соединяющей Хотан с Ак-су. В виду этой важной цели мы, выбиваясь из сил, поддерживали огонь в течение 2 часов.

* Одна из многих разновидностей ковыля.

Касим поджарил на огне кусочек курдюка овцы, который и проглотил с большими усилиями; для меня оказалось не легче справиться с омарами. Остатки «провианта» мы бросили; незачем было понапрасну таскать их с собой. Но пустую жестянку из-под шоколада я решил сохранить: из нее я мог напиться воды, зачерпнутой в Хотан-дарье! После того мы заснули около тлеющего костра, умерявшего своей теплотой ночной холод.

4 мая. Тащились до 9 часов утра. Тут снова разверзлась перед нами песчаная пучина, как будто со злорадством ожидая момента, когда можно будет окончательно поглотить нас. Тополей больше не попадалось, а кустарники тамариска были разбросаны так редко, что их и не видно было друг от друга. Мы сильно упали духом, опасаясь, что опять пойдет бесконечный песок. В 9 часов мы пластом упали у корней тамариска и целых 10 часов лежали на солнцепеке. Весь день мы не перемолвились словом, да и о чем было говорить? Думали мы оба об одном и том же, боялись одного и того же. Да мы и не в состоянии были говорить, а только хрипели или шептали.

Но и этот тяжелый день подошел к концу; солнце еще раз приблизилось к западному горизонту. Напрягая последние силы, я встал, стряхнул песок с тела, которое вместо кожи было, казалось, обтянуто коричневым пергаментом, оделся и позвал Касима. Он прохрипел, что не может двинуться с места, и жестом, полным безнадёжного отчаяния, дал мне понять, что, по его мнению, все кончено.

Я двинулся один. Стояла могильная тишина; тени от барханов казались чернее обыкновенного. Иногда я отдыхал на барханах. Теперь только я окончательно остался одинок, наедине со своей совестью и звездами, которые горели, словно электрические лампочки. Только они одни составляли мне компанию, только их я еще узнавал, только они убеждали меня в том, что я еще не в царстве мертвых. Прохладный воздух не шелохнулся, малейший звук был бы слышен издалека. Я приложился ухом к песку и прислушался, но, кроме тиканья хронометров да слабого медленного биения собственного сердца, ничего не услышал.

Тут я отвел душу, закулив последнюю папироску. Остальные мы выкурили в предыдущие дни; куренье до некоторой степени притупляло муки жажды. Я всегда начинал первый, выкуривал половину папироски, а доканчивать отдавал Касиму. Тот долго наслаждался ею, выкуривая даже часть мундштука гильзы, и говорил, что от папироски и на душе становится как-то легче. В этот вечер мне пришлось самому докурить папироску.

5 мая. Я шел ночью до 12½ часов, когда свалился около куста тамариска. После нескольких тщетных попыток развести костер я заснул.

Но что это? Песок захрустел под чьими-то шагами, и в темноте вырисовался темный силуэт мужской фигуры. «Этоты, Касим?» — спросил я. «Я, господин», — ответил он. Ночная прохлада немножко подкрепила его, и он притаился по моим следам. Встреча подбодрила нас обоих, и мы с час еще шли в темноте, борясь с усталостью и одолевавшим нас сном. Крутые склоны барханов были теперь преимущественно обращены к востоку. Каждый раз, спустившись с такого ската, я затем долго полз на четвереньках. Мы оба были разбиты усталостью и как-то вяло равнодушны, но все еще боролись за жизнь.

Можно представить себе наше изумление, когда мы на отлогом склоне одного бархана нашли следы человеческих ног! Мы припали к ним и стали разглядывать их. Ясно было, что тут проходили люди и что мы, следовательно, были недалеко от реки. С какой стати, в самом деле, забралась бы люди в глубь пустыни? В одно мгновение сон и усталость с нас как рукой сняло. «А следы-то как будто свежие!» — с удивлением заметил Касим. Меня же это не удивило, так как в течение нескольких дней не было ветра. А может быть, эти следы были оставлены каким-нибудь пастухом, который, увидав вчера огонь нашего костра, сделал крюк, забрав от дороги в пустыню, чтобы узнать, в чем дело.

Мы поднялись по следам на песчаную гряду, где песок был плотно спрессован и где следы отпечатались отчетливее. Припав к следам, Касим вдруг едва слышным голосом промолвил: «Это наши собственные следы!»

Я всмотрелся и убедился в справедливости его слов. На песке явственно отпечатались подошвы наших сапог, а там и сям виднелись и ямки от заступа, на который Касим опирался при ходьбе. Печальное открытие! Сколько же времени мы так кружили? Должно быть, не особенно долго, так как я лишь в течение последнего часа, одолеваемый усталостью, забыл про компас. Это соображение несколько успокоило нас, но вообще с нас довольно было на этот раз, и мы улеглись и заснули около наших следов. Было 2½ часов утра.

На заре мы проснулись и в 4 ч. 10 м. потащились дальше. На Касима страшно было взглянуть: распухший, совершенно сухой и белый язык, посиневшие губы, ввалившиеся щеки и какие-то стеклянные глаза. Его мучила похожая на предсмертную судорожная икота, от которой содрогалось все его тело; он с трудом держался на ногах, но все-таки тащился за мной.

Около 5 часов мы достигли «дере» (собственно долина) — впадины в песке, и я скоро убедился, что это старое речное русло. На дне его в изобилии росли тополя; следовательно, грунтовые воды не могли находиться на особенно большой глубине. Еще раз попытались мы пустить в дело заступ, но сил опять не хватило, и мы поплелись дальше к востоку. Когда солнце взошло, на восточном горизонте явственно обозначилась горизонтальная полоска с едва заметными неровностями. Мы даже вздрогнули при виде ее вместо обычной зубчатой линии, образуемой бесконечными грядами барханов. Через некоторое время мы открыли на горизонте черную полосу. Какая радость, какое счастье! Эта полоса обозначала лес на берегу Хотан-дарьи, которая наконец перестала убегать от нас! Пройдя узкую полосу неглубокого бесплодного песка, мы в 5½ часов утра вступили в частый, сплошной лес, где под густолиственными вершинами деревьев, стоявших в свежем весеннем уборе, царилась тень и прохлада. Схватившись рукой за лоб, я стоял, точно очарованный этим чудным зрелищем. Я старался собраться с мыслями, как будто только что пробудившись от ужасного мучительного кошмара. Ведь мы только что целые недели медленно умирали среди раскаленных песков, тащились по долине мертвых, а теперь...

Куда ни взгляни кругом — жизнь, весна, птицы, цветы, зелень всех оттенков, тень, а дальше, между бесчисленными стволами деревьев, следы зверей и дичи: тигров, волков, лисиц, оленей, антилоп, газелей и зайцев! В воздухе жужжали мухи и комары, гудели, проносясь стрелой, жуки, звучали утренние песенки птиц! Лес становился все чаще; там и сям стволы тополей были обвиты лианами. Иногда нам преграждали путь непроходимые баррикады из упавших деревьев, сухого валежника и куч хвороста.

В 7 часов 10 м. мы заметили, что лес поредел; между деревьями ясно виднелись следы людей и лошадей, лошадиный помет. Определить их давность, однако, было невозможно — в чаще леса они были защищены от песчаных буранов и могли сохраняться очень долго. Но какая радость, какое счастье! Теперь ясно было, что мы спасены.

Спотыкаясь, пошатываясь, побрели мы к югу, но уже в 9 часов утра тропическая жара сломила наши силы, и мы легли в тени тополей. Руками вырыл я себе яму между корнями и целый день пролежал в ней, ворочаясь от жары с боку на бок; заснуть мне так и не удалось ни на минуту. Касим лежал неподвижно на спине, широко раскрыв глаза и рот, и бредил, что-то бормотал, стонал и не отвечал мне, как я ни тряс его.

Только в 7 часов вечера я был в состоянии одеться и позвал Касима идти за водой. Но он только замотал головой и жестами дал мне понять, чтобы я шел один, напился и скорее вернулся к нему с водой, не то он умрет, где лежит.

Тогда я взял заступ и снял железный налопатник с древка: последнее должно было послужить мне посохом и оружием для защиты, а налопатник я повесил на ветку, свешивавшуюся над тропинкой, чтобы мне легче было потом найти это место. В то же время во мне вновь пробудилась надежда, что нам удастся спасти и оставленные в пустыне вещи, если мы с этого места отправимся назад по прямому направлению на запад. Трех оставленных нами людей я, напротив, считал погибшими.

Я двинулся по лесу по направлению к востоку; лес не редел, и я несколько раз чуть не завяз в чаще, изорвал

в клочья одежду, исцарапал руки. Упадок сил заставлял меня беспрестанно присаживаться отдохнуть то на пень, то на ствол свалившегося дерева. Стало смеркаться, потом стемнело, и я еле преодолевал сонливость, пробираясь то пешком, то ползком.

Вдруг лес разом пресекался, точно обрезанный лесным пожаром, и к востоку протянулась равнина, покрытая, плотно спрессованным песком и глиной. Так как равнина лежала приблизительно на два метра ниже полосы леса и на ней не было и следа барханов, то я сразу понял, что это не что иное, как русло Хотан-дарьи.

Я убеждался в этом еще больше, находя там и сям высохшие тополевые стволы или ветви, до половины высовывавшиеся из почвы, а также борозды — глубиной до 1 фута — с острыми краями, видимо проложенные потоками воды. Но песок здесь был такой же сухой, как и в пустыне, — речное русло было сухо в ожидании летнего притока вод с гор.

Я, однако, не мог допустить, чтобы мне суждено было умереть от жажды около самого русла реки, и, раскидывая умом и соображая свое положение, припомнил уклонение Яркенд-дарьи к востоку, а также старое речное русло, которое мы перешли прежде, чем достигли полосы леса. Может быть, и тут были однородные условия, может быть, и Хотан-дарья льнет больше к правому берегу, около которого я, следовательно, могу ожидать найти наиболее глубокие места русла. Я и решился поэтому пересечь равнину, прежде чем отчаиваться.

Твердой поступью, подпираясь древком, шел я по прямой линии к юго-востоку, как будто меня вела чья-то невидимая рука. Временами меня одолевало искушение заснуть, отдохнуть. Пульс бился слабо, еле заметно, я напрягал все силы, чтобы не поддаться сну. Я боялся, что он будет слишком крепок и я уже не проснусь больше.

Я не сводил глаз с месяца, ожидая — не заблестит ли под ним серебристая полоска воды. Но ничего такого не показывалось; восток тонул в холодном ночном тумане.

Пройдя $2\frac{1}{2}$ километра, я различил темную линию леса, окаймлявшего другой берег. По мере моего приближения

к ней опушка леса выступала все яснее; тут оказалась густая заросль кустов и камыша; полусвалившийся тополь наклонился над углублением в речном ложе. Мне оставалось всего несколько шагов до самого берега, как вдруг передо мной с шумом взлетела испуганная утка. Я услышал всплеск и в следующее мгновение стоял на краю небольшой, всего 20 метров в длину, лужи со свежей, чистой восхитительной водой!

Напрасно было бы пытаться описать мои чувства в этот момент. Я вынул из кармана жестянку из-под шоколада, зачерпнул воды и стал пить. О том, как вкусна может быть вода, никто, не умиравший от жажды, не имеет и понятия. Я тихонько подносил сосуд ко рту и — пил, пил, пил! Какое наслаждение, какое блаженство! Никакое вино, даже сам нектар богов не могли быть вкуснее! Итак, надежда не обманула меня: моя счастливая звезда продолжала ярко сиять над моей головой.

Я не боюсь преувеличить, говоря, что в течение 10 минут выпил 3 литра. В жестянку входил не совсем полный стакан, а я опорожнил ее 21 раз. В те минуты я и не думал о том, что, пожалуй, вредно пить так много после столь продолжительного воздержания. Но я и не чувствовал никаких дурных последствий. Напротив, вместе с этой холодной, свежей, прозрачной водой в меня как будто вливалась жизнь, влага словно проникала во все сосуды и ткани тела, впитывавшего ее в себя, как высохшая губка.

Никогда жизнь не казалась мне прекраснее, богаче, дороже! Будущее было залито морем света! Жить на свете *стоило*. Все толки о том, что земля юдоль печали, казались мне пустой басней. Словом, я был в восторженном состоянии, и мне чудилось, что какое-то небесное существо провело меня среди ночного мрака к этой лужице; я как будто еще слышал над собой шум его крыл.

Когда я напился и пришел понемногу в более нормальное состояние, мысли мои вернулись к действительности, а внимание устремилось на ближайшие предметы. Лужа эта уцелела с прошлого года в глубокой борозде, проложенной течением вдоль отмели правого берега. Вода скопилась в небольшом углублении в этой борозде, поэтому

я и не мог заметить ее раньше, нежели подошел к углублению вплотную.

Пройди я от него шагах в пятидесяти вправо или влево, я бы никогда не нашел его, а до ближайших луж в обе стороны было, как я убедился впоследствии, довольно далеко. Купцы, проходящие весной с караванами по дороге между Хотаном и Ак-су, знают каждую лужицу и всегда останавливаются около них на ночевки. Не наткнись я на эту лужу, я, пожалуй, заблудился бы, а может быть, у меня и сил не хватило бы дойти до следующей.

На восточном берегу виднелась густая заросль сухого, пожелтевшего прошлогоднего камыша; между старыми стеблями пробивались и зеленые молоденькие отпрыски. За камышовой опушкой грозно вставал темный лес; серп месяца точно повис, зацепившись за верхушку тополя. Я сидел около самой лужи, блестящая зеркальная поверхность которой казалась совсем черной от тени, наводимой на нее темным лесом.

Вдруг в камышовой заросли послышался шорох и шуршанье. Это мог быть тигр, но меня теперь и страх не брал — недаром же мне была вторично дарована жизнь! Я даже рад был бы увидеть высунувшуюся из чащи голову тигра с горящими глазами. Я бы посмотрел ему прямо в эти глаза и спросил: посмеет ли он взять мою такой дорогой ценой купленную жизнь! Шорох и хруст сухих стеблей камыша, однако, прекратились. Тигр или какое другое животное, пробиравшееся к луже напиться, по-видимому, сочло за лучшее держаться в почтительном расстоянии, пока место было занято человеком.

Тут я вспомнил об умиравшем в лесу Касиме; он не в силах был двинуться с места, не то что идти целых три часа до воды. Ему нужна была скорая помощь. Но жестянка была слишком мала; принесенной в ней воды хватило бы ему только помочить губы. Как же быть? В чем снести ему воды?

Сапоги! Разумеется, в моих высоких, непромокаемых шведских сапогах! Какой сосуд еще лучше, практичнее? С бульканьем погрузились сапоги в воду, затем я продел в ушки ручку заступа, перекинул последнюю через плечо,

как коромысло, и быстрыми шагами направился назад по собственным следам. Сапоги были до краев полны драгоценной влагой, которая должна была вернуть Касима к жизни. Во время моей быстрой ходьбы часть воды расплескалась, но сквозь кожу не просочилось ни капли. Стокгольмскому сапожному мастеру Шенстрёму вряд ли когда прежде приходилось выпускать в свет сапоги, которые не только должны были спасти жизнь человеку, но еще исколесить всю Азию вдоль и поперек. Зато они и приобрели некоторую известность.

Месяц все еще бросал слабый свет на речную долину, и я легко мог держаться своих следов. Идти было также не трудно: усталость мою как рукой сняло, я почти летел к лесу, окаймлявшему левый берег. По лесу пробираться стало труднее. Чулки на мне были очень тонкие, и мне в ноги то и дело вонзались иглы и щепочки. Но хуже всего было то, что месяц заволокло тучами, в лесу стало темно и я потерял свои следы. Я чиркнул спичкой, попытался прибегнуть к помощи компаса, но напрасно; крикнул: «Касим!» — но оклик мой замер в чаще, и я не получил никакого ответа. Некоторое время я шел почти наугад, продолжая звать

Автор несет воду Касиму

моего слугу изо всех сил. Наконец я понял всю бесполезность этого блуждания во тьме — я только все более и более запутывался в чаще леса — и решил остановиться и дождаться зари.

Наткнувшись на целую баррикаду из ветвей и упавших стволов, я поджег ее, и образовался огромный костер. Сухой хворост и валежник так и трещали; снизу отлично поддувало, и пламя так и свистело, поднимаясь столбом кверху и облизывая стволы тополей. Стало светло, как днем; какой-то зловещий, багровый отсвет озарил темную до того чашу леса.

По моим предположениям, Касим не мог не видеть пламени и не слышать треска огня, так как должен был находиться неподалеку. Я опять принялся звать своего слугу и искать своих следов при свете костра, но опять тщетно и скоро растянулся на мягком песке. Полубовавшись яростью огня, я заснул и спал спокойно часа два в таком расстоянии от костра, чтобы огонь не достал до меня, но и не позволил подойти ко мне какому-нибудь зверю.

Занималась заря, когда я проснулся; огонь значительно ослабел, остановленный свежими тополями, полными соков; стволы деревьев, однако, почернели и обуглились, и густой черный дым стлался над лесом. Из сапог, прислоненных к дереву, не вытекло ни капли, земля под ними была суха. Я глотнул воды, снова принялся искать свои следы и скоро нашел их.

Когда я добрался до Касима, он лежал все в том же положении. Сначала он смотрел на меня безумно вытаращенными глазами, но, когда узнал меня, сделал усилие подползти ко мне и прошептал: «Умираю!» — «Хочешь воды?» — спросил я спокойно. Он только качнул головой и бессильно опустил на землю. Он и не подозревал, что было в сапогах. Я взял один сапог и, наклоня его из стороны в сторону, дал Касиму послушать, как переливается в нем вода. Касим вздрогнул, испустил нечленораздельный звук, а когда я поднес к его губам край голенища, припал к воде и одним духом выпил всю сначала из первого сапога, а потом и из второго.

6 мая. После того как и Касим подвергся тому же превращению, как я накануне вечером, и снова пришел в себя,

мы посоветовались и решили отправиться к луже, чтобы отдохнуть там как следует, напиться и вымыться— этой роскоши мы не могли позволять себе в течение последних недель.

Касим был, однако, еще так слаб, что не мог поспевать за мной, шел, пошатываясь, как пьяный, и беспрестанно присаживался. Так как он находился на верной дороге к воде, а я пока не мог сделать для него ничего больше того, что было уже сделано, то я и поспешил вперед один, еще раз напился воды, выкупался и ждал Касима с час. О нем все не было ни слуха ни духа.

Тут дал себя знать голод. Теперь важнее всего было отыскать людей; во-первых, можно было раздобыть у них пищи, а во-вторых, попытаться с их помощью вернуться в пустыню и спасти Ислама и наши пожитки. Я и предоставил пока Касима самому себе, а сам быстрыми шагами поспешил вдоль правого берега русла прямо на юг. Сапоги мои были так мокры, что я не мог надеть их и шел босой.

После трехчасовой безостановочной ходьбы опять меня начала мучить жажда. От горячего летучего песка и ветра просто дух захватывало, и я вошел в лес, росший на правом берегу, чтобы отдохнуть в чаще и поразмыслить о своем положении. Тут пришло мне в голову, что до ближайшей лужи, пожалуй, несколько дней пути и что с моей стороны неблагоразумно было покинуть первую, найденную мною столь чудесным образом. К тому же лучше было бы соединиться с Касимом — вдвоем веселее.

Итак, я повернул назад и пошел по берегу к северу, но не прошло и получаса, как случай привел меня к новой луже, едва метр в окружности; вода в ней оказалась мутная, чуть солоноватая. Я с жадностью напился. Усталость одолевала меня, и я не знал хорошенько, на что решиться. Воду я нашел, а без Касима могу пока и обойтись. Продолжать путь к югу я был не в силах. Самое лучшее было подождать тут, пока буря уляжется, а тогда развести костер: по лесной тропинке, по левому берегу могут проходить люди, огонь и привлечет их.

Я и отыскал около лужи чашу, в которой можно было отлично укрыться от бури. Тут я улегся, подложил под голо-

ву вместо подушки фуражку и сапоги и заснул крепким долгим сном — в первый раз с 1 мая. Когда я проснулся, было уже темно, но ветер все еще выл в лесу. Было 8 часов вечера. Напившись воды из лужи, я развел большой костер и долго просидел, глядя на пламя.

Голод опять начал мучить меня. Я нарвал немножко травы, молодых побегов камыша и наловил в луже головастика, чтобы обмануть голод. Головастики были горьки, но я глотал их целиком. После такого «ужина» я набрал целую охапку хвороста, чтобы поддерживать огонь ночью.

Будь со мной мой Джолдаш! А может быть, он жив еще и пробрался к реке по нашим следам? Я принялся пронзительно свистать, но Джолдаш так и не явился, и я наконец опять заснул.

7 мая. Буря стихла, но воздух все еще насыщен пылью. Этот «черный буран» наваял на меня тяжелые, мрачные мысли. Это был первый буран, разразившийся после гибели каравана. Он набросал теперь первые горсти праха на тела моих слуг и верблюдов! Он замел все наши следы, и Исламбай, если он жив еще, ни за что не найдет нас даже с помощью компаса. Да и нам, если мы найдем людей, которые согласятся отправиться с нами в пустыню на розыски палатки, будет стоять больших трудов найти ее, так как и мы не можем более руководствоваться нашими следами.

Потом мне пришло в голову другое. Эта местность казалась совершенно безлюдной. Может быть, этой дорогой вовсе и не пользуются в жаркое время года? Дожидаясь тут помощи, я, пожалуй, успею умереть с голоду! Когда я в последний раз смотрел на карту Пржевальского, я высчитал, что мы достигнем реки около Буксама, расположенного в 250 верстах от Хотана. Отправиться разве в Хотан? Я могу пройти это расстояние в 6 дней.

Решено и приведено в исполнение. В 4½ часа утра я отправился в путь и зашагал, держась по возможности прямой линии, посредине речного русла, которое почти не делало изгибов. Ширина его колебалась между одним—тремя километрами. На всякий случай я взял с собой запас воды в сапогах. После нескольких часов ходьбы ноги у меня

просто онемели и покрылись пузырями. Я обвернул ступни сложенными вдвое чулками и привязал последние длинными бинтами, изорвав для этого рубашку.

В следующей попавшейся мне луже вода опять оказалась пресной, и я заменил ею взятую с собой солоноватую. Затем я стал придерживаться левого берега и к своей величайшей радости набрел на обнесенный плетнем загон для овец. Я тщательно осмотрел его и убедился, что он давно в забросе. Пониже, в самом речном ложе, виднелись следы колодца.

8 мая я поднялся еще до восхода солнца и двинулся дальше, опять держась левого берега. Странно! Людей все не попадалось! Но, может быть, дорога шла лесом и я мог таким образом разминуться с путниками? Чтобы ориентироваться, я пересек лес в западном направлении. Ширина его оказалась всего в один километр, и за его опушкой предо мной предстало зловещее желтое песчаное море, столь хорошо мне знакомое.

Отдохнув часа два, я продолжал свое одинокое путешествие к югу. Приблизительно в 300 метрах дальше на сухом песчаном ложе реки показались два островка, покрытые кустарником и тополями. Между южным островком и берегом я открыл незадолго до солнечного заката следы двух босых людей и четырех ослов; следы вели в противоположную сторону, т. е. к северу!

Человеческие следы! Я ожил. Значит, я более не одинок в этой пустынной местности! Следы были так свежи, так отчетливы, что, очевидно, прошел самое большее день с тех пор, как люди эти проходили здесь. Странно, каким образом я не встретил их; но, может быть, они шли ночью, а днем отдыхали.

Откуда и куда они шли? Где они в последний раз делали привал? Может быть, около человеческого жилья? Или только около какой-нибудь лужи? Возвращаться назад по их следам не стоило — они, конечно, успели уже уйти так далеко, что мне не догнать их. Оставалось только идти туда, откуда шли следы, что я и сделал, продолжая с любопытством разглядывать эти отпечатки человеческих ног. Руководимый ими, я, следовательно, шел все к югу, вдоль правого берега Хотан-дарьи.

XXVII. Две недели в беседке

Начинало уже смеркаться, когда мне около края выдающейся мысом части леса послышался звук, заставивший меня остановиться и прислушаться, затаив дыханье. Звук не повторялся, и я подумал, что это был дрозд или какая-нибудь другая птица, которые не раз заставляли меня вздрагивать и останавливаться. Но нет! В следующую минуту я уже ясно услышал крик и мычанье коровы. Звуки эти в данную минуту показались мне слаще самого чарующего пения примадонны.

Поспешно надел я на себя мокрые сапоги, чтобы не походить на какого-то полоумного, и в сильнейшем волнении поспешил на звуки, продираясь сквозь чащу, перепрыгивая через поваленные стволы, спотыкаясь и падая. Чем дальше, тем яснее слышался людской говор и мычанье коров; наконец через просеку в чаще я увидел на поляне пасущееся стадо и пастуха с длинным посохом в руках. Он был немало поражен при виде появившегося из чащи человека в лохмотьях и синих очках.

Пожалуй, он принял меня за лесного тролля или за одного из злых духов пустыни, заблудившегося в лесу; по крайней мере, он как будто окаменел от испуга и только тараторил на меня. Я приветствовал его дружеским: «Селям алейкум!» («Мир вам!») и вкратце объяснил ему, как попал сюда. Но тут пастух мой вдруг бросил стадо, кинулся бежать и исчез в чаще.

Вскоре, однако, он вернулся с другим пастухом, постарше, который оказался рассудительнее. Я встретил и этого тем же приветом и стал подробно рассказывать о наших приключениях. Услышав, что я неделю не ел и прошу немного хлеба, пастухи повели меня в низенький шалаш из ветвей, находившийся неподалеку.

Тут я расположился на рваной кошке, и младший пастух поднес мне деревянный лоток со свежим маисовым листовым хлебом. Я поблагодарил, отломил кусок и стал есть; съев небольшой ломтик, я почувствовал, что уже сыт. Пастухи предложили мне еще овечьего молока, которое я выпил

с удовольствием. После того оба пастуха куда-то исчезли, а со мной остались только две большие собаки, которые все время лаяли на меня.

Когда уже стемнело, пастухи вернулись, приведя с собой в шалаш еще третьего. Поблизости от шалаша находился загон, куда и загнали стадо на ночь, чтобы оно было в безопасности от нападения тигров и волков; мы же, разведя большой костер, заснули все четверо прямо под открытым небом. Таким образом, я был спасен от смерти, от голода и жажды.

9 мая. На рассвете пастухи ушли со своими стадами, и я опять остался один. Шалаш был расположен на холме около опушки леса, и между деревьями открывался вид на русло Хотан-дарьи. Неподалеку от шалаша река образовывала заливчик, и в нем находилась лужа с прозрачной водой; чтобы обеспечить себя запасом свежей холодной воды, пастухи, кроме того, вырыли в речном ложе колодец. Около полудня они вернулись, чтобы провести со стадами жаркую пору дня около колодца. Во время этого полуденного отдыха я и имел случай поближе свести знакомство с моими хозяевами. Одного из них звали Юсуф-бай, другого Тогда-бай и третьего Паси-ахун; пасли же они 170 овец и коз и 60 коров, принадлежавших одному хотанскому баю.

Проводили они тут в лесу и лето и зиму и получали за свой однообразный труд все вместе 20 тенег (около 4 рублей) в месяц да известное количество маисовой муки для хлеба. Когда подножный корм на одном месте истощался, они переходили на другое и возводили себе новый шалашик, если там не оставалось старого с прежних лет. Хотя жизнь они вели, по-видимому, крайне однообразную и бедную радостями, вид у них был веселый и довольный. Тогда-бай был женат, но жена его оставалась в Хотане. Я спросил его, почему он не берет ее с собой в лес, и он сказал, что проезжие китайцы не дают спуска туземным женщинам и поэтому пастухи предпочитают жить бобылями. Раза два в год ему удается навестить жену в городе.

Имущество их было невелико. Прежде всего надо упомянуть надетое на них платье: на плечах рваный чапан — халат,

на голове тельпек, т. е. косматая баранья шапка, вокруг талии бельбаг, или пояс, в котором запрятан запас чая, и на ногах, вместо сапог, лоскутья овечьей шкуры, прикрепленные ремешками, а вместо чулок онучи. Остальное добро заключалось в большой деревянной чашке — казане, средней — аяге и маленькой — джаме, котелке, тыквенной бутылке для воды — кабаке, ковше, или чумичке, грубо выдолбленном из тополевого корня, кошмы — кигизе и трехструнной гитары — джевабе. Самым же важным предметом из всего хозяйственного скарба считался топор — балта, топорщице которого образует с лезвием прямой угол; этим орудием они рубят себе шалаши, топливо, прорубают просеки в чаще и очищают весной с деревьев молодые ветви и побеги на корм овцам и козам.

Необходимой вещью в их быту является также огниво — чакмак. Разведя по прибытии на место костер, который поддерживают, между прочим, сухим пометом скота, они уж не дают ему погаснуть все время, пока остаются на этом месте. Утром они прикрывают угли золой, а вечером, подложив несколько сухих веток, снова раздувают уголья. Мешок с маисовой мукой они прячут вместе с некоторыми другими предметами на крыше шалаша, чтобы не стащили собаки.

Пастухи рассказывали мне, что по лесному тракту, ведущему к Хотану по обоим берегам реки, кочует много пастухов со стадами, и чем выше вверх по реке, тем стойбища пастухов попадают чаще. Вблизи же самого Хотана нет пастбищ, и «баи», владельцы больших овечьих отар, оставляют свои стада круглый год в лесах около Хотан-дарьи. В это время года, когда русло реки еще сухо, все ходят и ездят по самому руслу, представляющему ровную, твердую дорогу, но, когда оно наполняется водой, приходится держаться лесной дороги.

После обеда пастухи подняли стада и ушли в лес. В это время мимо прошел из Хотана в Ак-су караван, состоявший по крайней мере из сотни навьюченных рисом ослов. Караван-баши проехал мимо, не заметив меня, но, когда караван нагнал пастухов, Паси-ахун поговорил с купцами насчет меня.

Я только что ушел в шалаш, чтобы отдохнуть, как услышал чужие голоса и бряцанье уздечек и стремян и поспешил выйти. Со стороны Ак-су ехали на отличных конях трое зажиточных с виду купцов. Они быстро неслись по лесу прямо к шалашу и тут, соскочив с коней и учтиво поклонившись, без малейшего колебания направились прямо ко мне, точно меня-то именно и искали.

Я пригласил их сесть, и один из них, хорошо одетый, чернобородый человек, вступил со мной в разговор и сообщил крайне радостное известие. В расстоянии одного дня пути к северу от Буксама, на левом берегу реки, они наткнулись вчера на человека, скорее мертвого, чем живого, лежащего около белого верблюда, который усердно щипал траву на опушке леса.

Они, как евангельский самарянин, остановились и спросили человека, что с ним. Тот в ответ прохрипел: «Су, су!» («Воды, воды!») Они тотчас послали верхового с кунганом к ближайшей луже, и умиравший от жажды человек (в котором я сразу узнал Ислам-бая) выпил воду одним духом. После того ему дали орехов, изюму и хлеба, он поел, оправился и сообщил, как попал туда.

В заключение он попросил их поискать меня — хотя и не знал, жив ли я еще, так как вот уже два дня потерял мои следы, — и в случае, если найдут, дать мне одну из их лошадей, чтобы я мог добраться до Хотана. Купцы все и искали меня, пока наконец не нашли.

Они предложили мне сесть на одну из их лошадей и ехать с ними в Хотан, но я, не колеблясь ни минуты, решил, что мне следует дожидаться Ислама-бая. Если ему посчастливилось добраться с одним из верблюдов до реки, то, пожалуй, удалось и спасти кое-что из наших пожитков — быть может, мои записные книжки и съемки маршрута по пустыне. Следовательно, может статься, нам удастся вновь организовать караван.

Будущее опять прояснилось передо мной. Еще утром я полагал пристать попутчиком к первому проезжему купцу, направлявшемуся в Хотан, а из Хотана добраться до Кашгара и оттуда уже телеграфировать в Европу о высылке мне новых приборов и прочих предметов снаряжения.

По получении их я мог на остаток моего капитала, уцелевший в Кашгаре, побывать на Лобноре и через Сибирь вернуться на родину.

Теперь же узнав, что Ислам-бай жив и даже спасся один из верблюдов, я был уверен, что нам удастся разыскать и палатку, и весь багаж погибшего каравана. Таким образом, я вместо того, чтобы сузить свой план, мог еще расширить его.

Трое купцов отправились дальше, снабдив меня изрядным количеством белого хлеба и дав мне взаймы 18 серебряных тенег. В Хотане, где мы условились встретиться, я мог расплатиться с ними. Теперь пастухи вполне уверились в истине моих рассказов и получили также надежду, что не останутся без награды за оказанные мне услуги.

10 мая. Сильный северо-восточный ветер поднял густую пыль, и я весь день пролежал и проспал в шалаше. На закате солнца меня разбудил рев верблюда, и я поспешно выскочил из шалаша. Паси-ахун вел Ак-тую, а за ними шли Ислам-бай и Касим. Славный мой Ислам-бай бросился, рыдая, к моим ногам и стал обнимать их. Я поспешил поднять и успокоить его. Да, он так же, как и я, почти потерял надежду, что мы свидимся снова.

Вьюк белого верблюда состоял из двух переметных сум; в одной находилась большая часть моих приборов, мои заметки, съемки маршрута, бумага, перья и пр., а в другой, наш запас китайского серебра, фонарь, чайник, папиросы и пр. Оба ружья, завернутые в кошму, тоже оказались целы.

Успокоившись и съев кусок хлеба, Ислам рассказал следующее. Оставленный нами в ночь на 2 мая, он лежал на месте несколько часов, но потом потихоньку потащился по нашим следам, ведя четырех уцелевших верблюдов, которые, впрочем, шли вперед очень неохотно. Поздно вечером 3 мая он видел наш большой сигнальный костер около трех топей: это очень его ободрило: значит, мы были живы и добрались до опушки леса, а может быть, даже нашли воду.

4 мая, после полудня, он достиг места нашего привала и видел следы нашей попытки вырыть колодец. Так как день был страшно жаркий, то Ислам и остановился в тени

тополей. Глубоко вонзив в один из тополей топор, он собрал из дерева целую чашку сока, выпил его и таким образом подкрепил свои силы. Здесь пришлось ему бросить вьюк одного из верблюдов.

5 мая он продолжал путь по нашим следам и на следующий день достиг старого пересохшего русла реки, где нашел следы нашей новой попытки вырыть колодец; тут от него убежал освобожденный от вьюка верблюд, который и направился на собственный страх прямо на восток. Здесь же исчез Джолдаш, до сих пор неотступно тащившийся за Исламом; последний полагал поэтому, что собака околела.

7 мая свалился мой Богра, а вскоре и Нэр, несший приборы для измерения абсолютной высоты, сигары, чай, сахар, свечи и макароны. Ислам с одним белым верблюдом дошел до берега реки, но, найдя русло сухим, окончательно впал в отчаяние, лег и стал ждать смерти.

Было это утром 8 мая, а около полудня, словно чудо какое послало на его путь трех купцов, которые и спасли его. Вскоре за тем он встретился с Касимом, который сообщил ему, что я живехонек, но куда направился, неизвестно. Честный Касим в простоте душевной полагал даже, что я отправился пешком к северу, в Ак-су. К счастью, Ислам оказался умнее и решил искать меня на дороге к Хотану. Паси-ахун, которого я послал ему навстречу, дал ему верные сведения, и вот он добрался сюда.

Ислам-бай, таким образом, совершил настоящий подвиг. В противоположность Касиму и мне, он не думал только о самом себе, но приложил все старания спасти и часть багажа, которую считал наиболее ценной, перегружая вещи с других верблюдов на белого, более бодрого, чем остальные. Итак, я мог продолжать свои научные работы.

Вечером мы устроили около пастушьего костра на стоящий пир. После многих отговорок Паси-ахун согласился продать нам овцу, которую сейчас же и закололи. Я угостился почками, поджаренными на углях, а другие сварили себе лакомые куски в котелке.

11 мая. Между двумя деревьями люди устроили мне живую беседку из густых ветвей, дававшую отличную тень.

Грунт в беседке уравниали и покрыли войлоком. Вместо изголовья должна была служить мне холщовая денежная сумка, а вместо стола ящик с папиросами. Около одного из стволов были разложены в порядке приборы, карты, записные книжки и письменные принадлежности. При настоящих обстоятельствах нельзя было и желать лучшего; я устроился в своей беседке очень уютно, не хуже, чем у себя в кабинете в Стокгольме.

12 мая. Во втором часу дня увидели мы вдаль небольшой караван. Оказалось, что это были четверо хотанских купцов, которые тринадцать дней тому назад оставили город Куча, куда они перед тем привезли виноград из Хотана и где взамен приобрели 10 лошадей, несколько ослов и корову, которых и вели теперь на продажу в Хотан — там животные были в цене.

Мы налетели на этих купцов, как коршуны, и в полчаса сторговали у них трех отличных лошадей. Кроме того, мы купили три вьючных седла, уздечки, мешок маиса для корма лошадям и мешок пшеничной муки для нас самих, сапоги Исламу, который с последнего нашего лагеря ходил босиком, небольшое количество чая, кунган и пару фарфоровых чашек. Теперь можно было обойтись и без помощи из Хотана; мы полагали, что с тремя лошадьми и одним верблюдом нам удастся спасти вьюки последних павших верблюдов.

Вечером к нам явилось двое молодых охотников с длинными ружьями, снабженными трезубцем. Они недавно пришли в леса Буксама стрелять маралов, рога которых китайцы охотно покупают для приготовления из них лекарства. Мы немедленно завербовали охотников на службу; они отлично знали всю местность, и я решил, что они отправятся с Исламом и Касимом разыскивать последний наш роковой лагерь.

13 мая купцы продолжали путь в Хотан. Оба охотника скрылись в лесу и через час вернулись с оленем (марал, «богу»), которого застрелили вечером накануне. Оленя освежевали, и Ислам сварил из его нежного вкусного мяса отличный суп.

Сегодня пришел отец обоих молодых охотников, Ахмет-Мерген (т.е. охотник), типичный туземец, с крупным

носом, бородой клином, высокий, стройный и широкоплечий. Он принял деятельное участие в приготовлениях к «спасательной экспедиции». Для нас он был настоящей находкой; никто лучше его не мог пригодиться нам в данном случае. Он припомнил, между прочим, что, увлекшись однажды охотой, забрался очень далеко в пустыню и видел те три одиноких тополя, возле которых мы с Касимом жгли сигнальный костер.

Утром сборы были закончены, и в час дня «экспедиция» выступила. Отправились: Ислам-бай, Касим, Ахмет-Мерген и один из его сыновей. Караван состоял из трех лошадей и верблюда. Из запасов были взяты: хлеб, мука, мясо, три «кабака» (тыквенные бутылки) и «мишь» (козий бурдюк) с водой.

Перед выступлением Ахмет посоветовал мне лучше перебраться на остров, находившийся в самом русле реки, так как тут, где я расположился, водились скорпионы. Но мне было так хорошо в моей беседе, что я решил махнуть рукой на скорпионов.

14 мая я проснулся в 5 часов утра. Сегодня по войлоку, служившему мне подстилкой, прополз большой желтый скорпион, который яростно защищался, когда я напал на него с целью убить. Удивительно, как это во время моего одинокого блуждания по лесу, когда я спал в чаще, прямо на земле, меня ни разу не побеспокоили эти насекомые. В том состоянии полного ослабления, в котором я тогда находился, я бы, пожалуй, не отделался обычной злокачественной опухолью.

Замечательно, что мне пришлось три дня брести вдоль русла реки, не встречая людей, тогда как теперь здесь то и дело проходили караваны из Ак-су в Хотан и наоборот. Купцы обыкновенно заходили ко мне в беседку. Слухи о нашей экспедиции и чудесном спасении успели уже облететь всю область от Ак-су до Хотана, и один купец из последнего города сообщил мне, что о нас толкуют на всех базарах и с нетерпением ждут нашего прибытия.

В сумерки 21 мая вернулся Ислам с остальными людьми. Известия они привезли не особенно утешительные. Выйдя из лесу, они направились прямо на запад,

но, ввиду все усиливавшегося зноя, не отважились углубиться в пустыню до того места, где была оставлена нами палатка. Единственное, что им удалось спасти, был вьюк, оставленный Исламом около трех тополей и содержавший сравнительно менее важные предметы. Отвратительный запах трупа моего Богры руководил ими в поисках этого места.

Странное дело, однако, что они не нашли ни трупа Нэра, ни его вьюка, содержавшего три анероида, гипсотермометры, полевой бинокль, два револьвера, 200 сигар, 50 патронов и проч. Место, где Ислам оставил Нэра, они легко могли узнать по кусту тамариска, к которому Ислам привязал свой пояс. Самый тамариск они нашли, но вместо пояса Ислама ветви его оказались перевязанными лоскутком войлока. Кроме того, около куста виднелись следы человеческих ног в сапогах, тогда как Ислам шел босиком.

Посланцы мои обыскали все места поблизости, но ни верблюда, ни его драгоценного вьюка так и не нашли; всякий след их исчез. Но кто же был этот человек, который унес пояс и оставил лоскут войлока? Я спросил Ислама, не думает ли он, что это Джолчи, который, может быть, опять ожил после того, как мы оставили лагерь с палаткой? Но Ислам не мог допустить этого, ссылаясь на то, что Джолчи в таком случае давно догнал бы его, так как он по двигался вперед очень медленно.

Может быть, это был один из трех купцов, которые нашли Ислама на дороге и напоили его, а мне дали 18 тенег? Нет, расставаясь с Исламом, они отправились прямо к Буксаму, чтобы отыскать меня, да и как вообще могли они отыскать брошенного на окраине пустыни верблюда? Как мы ни ломали себе головы, загадка так и осталась неразгаданной. Если человек этот, кто бы он ни был, нашел верблюда живым и довел его до воды и подножного корма, то — будь он человеком честным — непременно отвел бы животное к нам. Если же он решил украсть верблюда и вьюк, то, во всяком случае, не мог исчезнуть бесследно, так как перед ним лежало только две дороги: на север в Ак-су и на юг в Хотан. Если бы он отправился в Хотан, мои пастухи заметили бы его, так как зорко следили за каж-

дым путником. Оставалась, следовательно, дорога в Ак-су, и подозрения наши насчет того, что тут дело нечисто, все росли.

Читатель, может быть, удивится, что я так подробно трактую обо всех этих обстоятельствах, но я это делаю отчасти потому, что благодаря им расстроился весь план моего путешествия, отчасти потому, что эти события завершились год спустя довольно-таки драматическим эпилогом.

Отправиться теперь же в Тибет, как я предполагал, оказывалось невыполнимым, так как у меня не было приборов для измерения абсолютной высоты, да и вообще от всего богатого снаряжения нашей экспедиции сохранились только жалкие остатки.

23 мая в 7½ часов я со своим караваном был готов к выступлению. Поблагодарив пастухов за гостеприимство и дав им 30 тенег, чем они остались очень довольны, мы двинулись в путь с двумя верблюдами и тремя лошадьми. Последний наш колокольчик звенел теперь так громко, весело, не напоминая о погребении, но призывая к надежде, к воскресению.

XXVIII. По руслу Хотан-дарьи.

Возвращение в Кашгар через Ак-су

Достигнув русла реки, партия наша разделилась: Исламбай и двое молодых охотников направились по лесной дороге по левому берегу, чтобы поискать следов пропавшего верблюда, а я с Ахмет-Мергеном и Касимом, который вел обоих верблюдов, двинулся по самому руслу. Вечером мы поравнялись с маленькой лужей, спасшей мне жизнь. Я и остановился здесь, чтобы еще раз напиться этой чудесной благословенной воды. Ахмет-Мерген назвал лужу «Ходаверды-куль» (Богоданное озеро). Через десять часов мы вновь соединились с Исламом на лесном тракте Куяндеклек (Заячье урочище), где паслись стада овец. Ислам так и не нашел следов.

25 мая славный наш Ахмет-Мерген отправился обратно в свое родное селение Тавек-кэль около Хотана, и с нами поехал дальше только один из сыновей его — Касим.

26 мая. Касим, сын Ахмета, боялся сопровождать нас дальше, чтобы не удалиться от Куяндеклека более чем на один день пути — небезопасно было провести ночь одному среди леса, так как здесь приходилось остерегаться и волков и разбойников. Итак, мы продолжали путь втроем с Исламом и Касимом без проводников. Русло реки становилось все более извилистым, и мы решили сделать конец по острову, представлявшему степные участки вперемежку с низенькими барханами и маленькими рощицами. Но оказалось, что идти по руслу было удобнее, и мы опять свернули туда. По берегам русла шел густой лес, и часто казалось, что идешь просто по дорожке парка или по аллее с прозрачным сводом из ветвей деревьев.

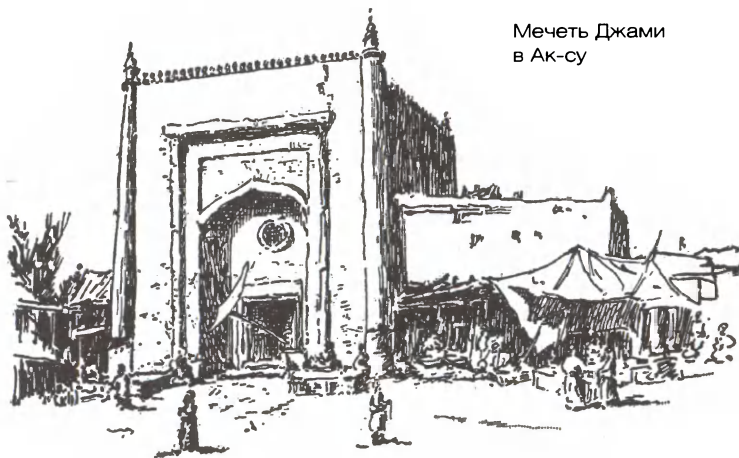
27 мая. Река разделилась на два рукава: левый — Янгидарью (Новая река) и правый — Кохне-дарью (Старая река). Вечером встретилось нам чудесное озерко, в 400 кв. метров величиной, самое большое из попадавшихся нам до сих пор. На пригорке мы развели костер и любовались открывавшимся оттуда видом. Течением промыло глубокую борозду вдоль берега, и в этой борозде мы на следующий день нашли ряд небольших луж. Озерко около нашего привала оказалось настолько глубоко, что, купаясь, нельзя было достать до дна.

28 мая. В 6 часов вечера мы находились как раз посреди-не русла, и Ислам-бай поехал было вперед отыскать удобное место для привала; неожиданно горизонт на западе стал заволакиваться густой изжелта-серой мглой, подымавшейся все выше и выше от земли к небу. По лесу пронесся гул отдаленного урагана, который затем стал быстро приближаться; послышался треск ломающихся ветвей, все сильнее, сильнее... На северо-западе весь лес утонул во мгле, по руслу реки покатались, словно кулисы на невидимых подставках с колесиками, пыльные и песчаные смерчи. Наконец ураган налетел и на нас, и мы были окутаны непроницаемым облаком «черного бурана».

Песок мелся по земле какими-то длинными хвостами, напоминающими хвосты комет; дорога, борозды, земля и воздух — все слилось в один вихрь... Голова кружилась, думалось, что вот-вот он подхватит и тебя. Наступила черная ночь, и мы долго стояли как вкопанные на месте. Ислам сразу пропал из вида и нашел нас лишь случайно, заведя во мгле какую-то черную движущуюся массу, которая и оказалась нашим караваном.

29 мая ветер продолжался, и атмосфера так была насыщена пылью, что с трудом можно было ориентироваться. К счастью, мы шли около самого берега и как-то нечаянно заметили путевой знак — лошадиный череп, насаженный на кол и прикрепленный к тополи. По ближайшем расследовании оказалось, что как раз около этого места дорога сворачивает в лес. Я сообразил, что это и есть дорога в Ак-су, и мы свернули по ней.

31 мая вечером мы достигли базара в Абате, селении, имевшем около 1000 домов. Здесь проживал бек и китайский сборщик податей. Приют мы нашли в опрятном караван-сараяе, содержимом одним индусом. Хозяином он оказался гостеприимным, но, в общем, был большой плут и ростовщик, обиравший местных жителей.

Мечеть Джамии
в Ак-су

1 июня. Весь день мы ехали словно по одной бесконечной улице, с канавами по обе стороны, обсаженной тузовыми деревьями и ивами. На следующий день вступили около селения Вэш-арык-устэн (Арык с пятью рукавами) на проезжую дорогу, соединяющую Кашгар с Ак-су, и, переправившись через Ак-су-дарью, миновали китайский город Янги-шар (Новый город), обнесенный пестрыми крепостными стенами. Я послал было к главному начальнику области, дао-таю, человека с моим паспортом и моей визитной карточкой с китайской надписью, но получил уклончивый ответ, почему и не считал нужным посетить мандарина, пользовавшегося репутацией заносчивого обжоры и пьяницы.

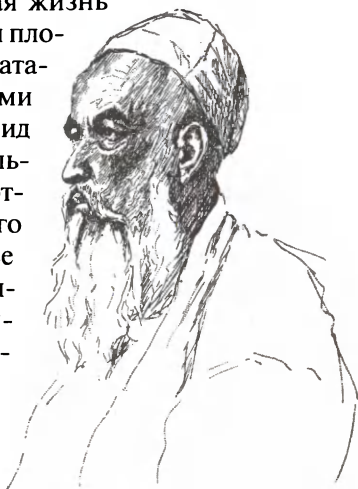
3 июня мы были уже недалеко от магометанского города Ак-су, где аксакал восточнотуркестанских купцов, Магомет-Эмин, принял нас очень радушно и приютил в своем уютном, опрятном жилище, а верблюдов и лошадей наших поместил в караван-сарая по соседству.

4 июня. В течение трех последних дней Ак-тюя, мой белый верблюд, начал худеть, перестал есть траву и только лениво пожевывал пшеничный хлеб. Вчера, однако, он еще прошел, не останавливаясь, небольшой конец между Новым и Старым городом (между Янги-шаром и Ак-су), но, когда к нему подходили, он жалобно ревел, точно опасаясь, что ему хотят причинить боль. Ночью он не дотронулся до еды, и сегодня Касим с грустью сообщил мне, что Ак-тюя болен. Я поспешил на двор караван-сарая и нашел животное лежащим на боку, с вытянутой шеей; дышал Ак-тюя тяжело, прерывисто и после нескольких глубоких, судорожных вздохов околел на моих глазах.

Ак-тюя спас важнейшие предметы нашего снаряжения, и немудрено, что я относился к нему с особенным расположением. На каждом привале во время пути в Ак-су я подходил к нему и гладил и ласкал его. Но животное отворачивало голову, издавая недовольный рев, опасаясь, может быть, что я потяну его за веревку, и словно подозревая, что это я был виной всех его страданий.

Околел он утром в первый день Байрама, и во дворе караван-сарая стояла праздничная тишина. Движение

караванов приостановилось, деловая жизнь на время замерла. Все гуляли. Улицы и площади кишели яркими пестрыми халатами, ослепительно белыми тюрбанами и шапками самых кричащих цветов. Вид у всех гуляющих был веселый, довольный: даже самый последний из работников получает в этот день от своего хозяина подарок. С минарета звучнее обыкновенного раздавались молитвенные возгласы муэдзина. Какой контраст представляла эта пестрая картина праздничного уличного веселья со сценой на тихом дворе караван-сарая! С таким же достоинством, с каким он недавно шел по убийственным пескам пустыни, по сухому руслу Хотан-дарьи и ее тенистым лесам, Ак-тюя окончил теперь свое земное странствие, путь, полный страданий, лишений, тяжелого труда под властью тирана-человека. Он надорвал свои силы во время трудного перехода через пустыню и околел теперь среди полного изобилия и корма и воды.

Магомет-Эмин

Товарищ его, молодой верблюд Чон-сарык, настоящий великан среди верблюдов, оставил свои ясли и, руководимый инстинктом, приблизился к белому верблюду, внимательно и удивленно посмотрел на него, но затем спокойно вернулся к яслям и вновь с аппетитом принялся жевать зеленую сочную траву. Он один уцелел из всех наших 8 верблюдов. У меня духа не хватало продать его, не зная, в чьи руки он попадет; к тому же люди в караван-сараях полагали, что и этот верблюд, если заставить его работать, недолго протянет после перенесенных им лишений и трудов. Я и подарил его Магомету-Эмину, который обещал дать ему отгуляться летом на сочных лугах около подошвы Тенгри-Хана.

Мы провели в Ак-су три дня, набирая небольшой временный караван для возвращения в Кашгар — мой главный опорный пункт в сердце Азии. Таким образом, я имел время

бегло познакомиться с городом, носящим такое оригинальное название («Ак-су» — «белая вода»), вследствие изобилия чистой, прозрачной воды, текущей с ослепительных снежных полей и ледников.

Пришлое население Ак-су состоит из большого числа китайцев, сотни «андижанцев», т. е. купцов из русского Туркестана, и 3 афганцев, проживающих здесь 20 лет. Аксакал русских туркестанцев Магомет-Эмин, родом из Ташкента, живет в Ак-су уже 12 лет. Русские туркестанцы ведут торговлю шерстью, хлопком и кожами.

Достопримечательностей в городе, кажется, никаких нет. Главная мечеть, носящая обычное название — Мечеть-Джами, т. е. Мечеть пятницы, не представляет ничего особенно замечательного по архитектуре, но расположена довольно живописно на открытой площади, к которой ведет с главной базарной улицы небольшой переулок. Площадь эта самый центр городской жизни. В базарные дни здесь бывает настоящая давка; вся площадь покрывается палатками и лотками. Особенно бойко торгуют в жаркое время льдом, нагроможденным большими прозрачными плитами. Я тоже был одним из усердных покупателей этого товара.

В первые дни Байрама здесь, как и во всем магометанском мире, принято сзывать гостей и задавать пиры. Я в компании с аксакалом побывал на нескольких. Угощение состоит из аша (пилава) и шурпы (суп с зеленью и макаронами), подаваемых в невероятных количествах.

Больше всего мне понравилась пирушка у самого аксакала, на которой я был единственным гостем. Мы отправились с ним в его сад, Соха-баши, расположенный в трех километрах от базара и изобилующий виноградом, абрикосами, дынями, сливами, вишнями и проч. Расположились мы под тенью тутовых деревьев, на берегу арыка с чудесной водой. Слуги закололи барана, и сам аксакал по всем правилам искусства приготовил рисовый пилав с бараниной. Лучшие куски грудинки и почки были поджарены в масле в котле, куда затем всыпали промытого, белого, как сахар, риса, сбобренного луком. Хорошо приготовленный пилав — превосходное блюдо.

Аксакал является как бы агентом консульства, и во всех городах Восточного Туркестана, где проживают русские купцы, есть свой аксакал, подчиненный русскому консулу в Кашгаре. Друг мой, аксакал Магомет-Эмин, один из симпатичнейших магометан, которых я когда-либо встречал; этот седобородый старик 60 лет, всегда веселый и приветливый, превосходно знал страну, и рассказы его отлично помогли мне ориентироваться.

Еще до моего прибытия в город он распорядился, чтобы по всем трактам, ведущим в Ак-су с юга, были наведены справки о таинственно исчезнувшем верблюде; все розыски ни привели, однако, ни к чему. Затем он собирался оказать мне еще большую услугу — проводить меня до Кашгара по хорошо знакомому ему пути. В сущности, он не мог отлучаться со своего поста без разрешения консула, но я, зная любезность консула Петровского, брал ответственность на себя.

До Кашгара было 450 верст, но спешить нам некуда было, и мы решили сделать этот путь «с прохладцей». 7 июня все было готово к выступлению. Магомет-Эмин достал нам новые сартские ягданы и весь нужный провиант: чай, сахар, рис, зелень, мед и проч. Баранину мы могли доставать по пути по мере надобности.

Ислам-бай и Касим — оба получили денежную награду за свою службу и, кроме того, были заново экипированы с головы до ног. Лишась всего запаса одежды, я и сам должен был облечься в одеяние смешанного китайско-сартского стиля и, таким образом, один раз за все путешествие поступиться престижем европейца, поддерживаемым европейским платьем. К трем имевшимся у нас верховым лошадям мы наняли еще четырех.

По пути мы наслаждались после перенесенного нами зноя пустыни свежим горным воздухом, который в эту пору дождей был особенно прохладен — отчасти от изобилия атмосферных осадков, отчасти от западных и восточных ветров, проносившихся по узкой долине. 21 июня наконец прибыли в желанный Кашгар.

Три недели, проведенные здесь, прошли в усиленных хлопотах. Старый друг мой, консул Петровский, произве-

денный теперь в генеральные консулы, а вскоре, за свои неоценимые услуги моей экспедиции, награжденный от короля Оскара командорским крестом шведского ордена, очень обрадовался моему благополучному возвращению и сделал все от него зависящее, чтобы облегчить мне работы по снаряжению новой экспедиции.

Узнав от хотанского аксакала о нашем злополучном странствовании по пустыне, консул Петровский тотчас отправился к дао-таю и заявил, что если тот не примет немедленно мер к разысканию следов пропавшего верблюда, то будет иметь дело с Цзунг-ли-яменом Пекине. Даотай сделал все, что мог, и можно представить наше изумление, когда он, пригласив нас на обед, поднес нам шведский офицерский револьвер, находившийся во вьюке Нэра! Оказалось, что оружие было подарено неизвестным всадником одному жителю селения Тавек-кель.

Розыски продолжались с усиленной энергией, но китайским чиновникам так и не удалось напасть на след вора, да я и не особенно заботился об этом, поглощенный снаряжением новой экспедиции.

На другой день по моем прибытии в Кашгар был отправлен курьер в Ош, с письмами и телеграммами от меня. Между ними была телеграмма в Берлин моему учителю и другу, барону Рихтгофену, содержащая просьбу о высылке мне новых приборов — анероидов, гипсотермометров и т. п. Другой телеграммой в Ташкент я просил о высылке мне одежды, провианта и табаку. Патроны и порох мы добыли у казаков, состоявших при консульстве. Раньше трех месяцев нельзя было ожидать прибытия затребованных из Европы предметов, между тем сидеть в Кашгаре столько времени без дела мне вовсе не улыбалось, тем более что летний зной заставлял меня томиться по летней прохладе гор.

Через две недели предварительное снаряжение экспедиции было закончено. Я никогда не забуду любезности и содействия, оказанных мне в этом деле консулом Петровским, г. Мэкэртнеем и шведским миссионером Гёгбергом, соперничавшими между собой в готовности помочь мне.

Первые двое одолжили мне anerоиды и гипсотермометр, а последний снабдил меня многими весьма полезными предметами. Кашгарский портной изготовил для нас из китайских материй одежду и палатку. Седла, продовольствие мы купили на базаре, и в конце концов, выступая 10 июня из Кашгара, я едва верил себе, что всего два месяца тому назад потерпел такое крушение, которое считал окончательным.

Я выбрал целью этой небольшой экспедиции именно Памир, намереваясь продолжать наблюдения, начатые прошлым летом, и провести жаркое время года в горах-великанах, стерегуших «крышу мира».

Книга
ВТОРАЯ

I. Через перевал Улуг-арт

10июля я с Ислам-баем, двумя другими слугами и шестью лошадьми выступил из Кашгара. Верный спутник мой в пустыне Касим остался сторожем в консульстве. Из лошадей одна — небольшой пегий жеребчик — была куплена еще у хотанских купцов, в то время как я проживал в беседке, в лесу, на Хотан-дарье. Это была славная лошадка, веселая, ласковая, ручная, точно собачка. Для себя лично я купил превосходную рослую верховую лошадь, которой и предстояло носить меня больше года по азиатским пустыням. Все пять новых лошадей стоили только 124 рубля. Лошади в Кашгаре дешевы.

11 июля мы продолжали путь на юго-запад до большого селения Упал (2000 дворов), являющегося вместе с тем крепостью, с гарнизоном в 200 человек и резиденцией двух мандаринов низшего ранга. Весь день лил дождь, и лёссовый грунт, по которому вела дорога, размяк, обратился в скользкую, липкую грязь. Вымокшие до костей, заехали мы в один из дворов около базара и развели большой костер, чтобы обсушиться.

Немного спустя, по нашем прибытии в селение, мне пришлось наблюдать еще не виданное мной, но обычное здесь в дождливое время года явление. После продолжительного дождя горные ручьи сливаются в один мощный поток, переполняющий русло речки и производящий иногда большие опустошения. Этим-то мощным скоплением вод, известным здесь под названием «зиль», и промыто такое глубокое русло, ограниченное глинистыми террасами.

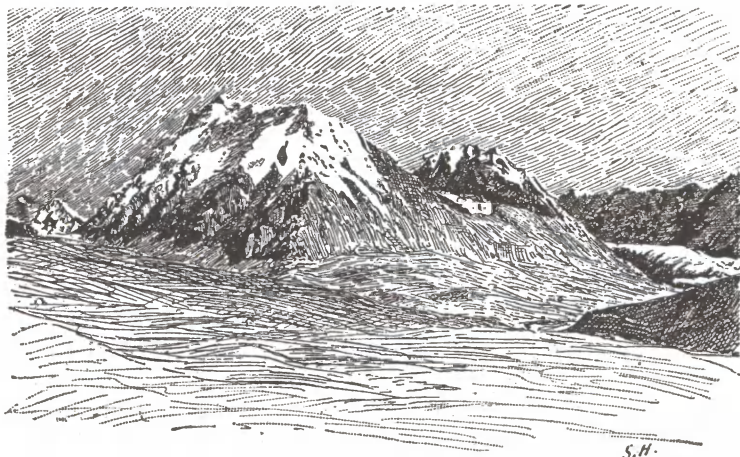
В 7 часов мы услышали отдаленный шум, который, все приближаясь и разрастаясь, превратился наконец в оглушительный грохот. Словно кипящая, шипящая глиняная

каша, дико неся поток, захвативший в своем стремлении массу землистых частиц с гор, и переполнил русло. Население с криками и жестами ужаса разбежалось кто куда. Я с Исламом взлез на крышу сакли.

Минуту спустя аллеи из ив и тополей по обоим берегам стояли затопленные водой, почва дрожала под тяжестью вырвавшейся из берегов водной массы, волны так и кипели грязной пеной, брызги стояли столбом, точно туман. Стволы деревьев, обрубки, ветви, хворостины, копны сена и другие предметы так и плясали по волнам, ударялись о берега, ныряли, всплывали снова и уносились по течению. Деревянный мост, соединявший берега речки, разом был смыт и тоже поплыл, треща и кряхтя всеми бревнами.

Вода все прибывала, затопила лучшую улицу и ворвалась в низкие домишки; переполошившиеся жители с криками взбирались со своими пожитками вверх по скату на террасы. Некоторые торопились набросать лопатами перед своими жилищами валы из глины, чтобы преградить путь воде. Вся нижняя часть базара в какие-нибудь две минуты была под водой. Оглушительный грохот потрясал воздух, наводя на всех ужас.

Матери бежали по пояс в воде, таща на руках детей. Все крыши были покрыты перепуганными людьми; те же, кому

Гинду-куш. Вид около перевала Упранг

S.H.

нечего было терять, видимо, любовались величественным зрелищем. К счастью, двор, на котором мы остановились, лежал так далеко от берега, что нашим пожиткам не угрожало никакой опасности.

После того как все, что можно было спасти, было спасено, внимание всех устремилось на бахчу со спелыми дынями. По бороздам между грядками уже быстро ползли змейками струи воды. Обыватели устремились туда, набирали полные охапки дынь, спешили к подножию террасы и переносили дыни другим, которые укладывали их в кучи.

Часть дынь, однако, так и погибла, унесенная водой; десятка полтора саклей также были смыты целиком. Можно было бы думать, что туземцы, наученные опытом, остерегаются разлива, повторяющегося ежегодно. Ничуть не бывало. Едва вода спадет, они возводят новые домишки на тех же местах, где стояли старые.

Утром 12-го речка приняла уже свой обычный вид. Сообщение между берегами восстановилось. С них было смыто все дочиста.

От Упала дорога идет отлого поднимающейся бесплодной степной равниной, прорезанной глубокими и широкими оврагами, на дне которых растет сочная трава и пасутся стада овец. Затем мы въехали через ущелье в долину, высокие отвесные бока которой состояли из черных и зеленых сланцев. Вечером небо потемнело; в горах начало гроыхать. Западный ветер погнал над долиной тяжелые дождевые тучи, и полил холодный дождь. Мы, закутавшись в шубы, продолжали путь по становившемуся все круче подъему к аулу Улугарт, который примостился с правой стороны долины.

Из аула открывался вид на всю долину. Смотреть на нее приходилось почти с высоты птичьего полета. Ручеек, значительно увеличившийся в размерах, издавал какое-то металлическое бульканье. Повалил снег и покрыл все кругом белой пеленой. Большие тяжелые хлопья медленно падали, кружась в воздухе; плотные снежные облака заволокли всю панораму. Можно было подумать, что стоит середина зимы, а не середина июля. В селении полагали, что перевал будет непроходим после такого снега дня три, а может статься, закроется и на целый год, если снег будет

продолжаться. Даже в ясные дни на перевале, случалось, тонули в снегу лошади.

17 июля мы выступили в путь в сопровождении десяти киргизов, которые взяли с собой двух лошадей и запаслись провиантом и топорами. Подъем вел по узкой извилистой балке, на дне которой журчал между гнейсовыми и сланцевыми валунами крохотный прозрачный ручеек. Наконец мы достигли корытовидной ложбины у подножия перевала и принялись взбираться на крутизну. Последний конец пути был особенно тяжел. Весь багаж пришлось нести на руках, и киргизы поочередно взваливали себе на спину тяжелые ягданы. Каждый ягдан нес один человек, а другой шел рядом, поддерживая ношу то с боков, то сзади. Лошадей вели поодиночке.

В 11 часов я пешком достиг гребня перевала, где возвышается мазар Хазрет-Улуг-арта — небольшая куча камней с шестью, украшенными тряпицами. Киргизы считают погребенного здесь святого господином перевала и погоды и покровителем путников, поэтому имя святого не сходило с уст моих проводников, особенно в наиболее трудных местах.

Подъем был труден, но спуск по западному склону оказался прямо головоломным. Пройдя небольшой конец по очень отлогому западному склону, мы очутились у края обрыва, представлявшего настоящий хаос скал, высовывавшихся из-под снега, пробираясь между которыми нам и предстояло спускаться в буквальном смысле и пешком и ползком, цепляясь за что попало руками и ногами.

Аул в долине
Сары-кол

S.H

Снег достигал здесь 2 футов глубины. Киргизы вырубили в обледенелой снежной коре ступеньки, по которым осторожно и сводили лошадей. При этом один держал лошадь за хвост, чтобы затормозить в случае, если животное поскользнется и покатится вниз. Первый, самый крутой спуск миновали с лошадьми благополучно. Теперь очередь была за ящиками. Их обвязывали длинными веревками и сталкивали по скату вниз, не выпуская из рук концов веревок, чтобы направлять спуск.

У подножия скал лошади были предоставлены самим себе. Пегий жеребчик с Хотан-дарьи поскользнулся, скатился на несколько сот метров вниз, сломал спину и тут же испустил дух. Улуг-арт вообще крайне опасен и по трудностям перехода не может сравниться ни с одним из пройденных мной перевалов.

Гигантский ледник Улуг-арт выступает из ущелья в верхней части долины слабо изогнутой дугой. Мы подвигались вниз по крутому спуску между краем льда и правым берегом долины и миновали на пути еще одно озеро. Вода его отличалась светло-зеленым цветом, и в ней плавали оторвавшиеся и упавшие сверху ледяные глыбы. Отвесная боковая стена ледника была прозрачна, словно сделана из стекла, и спускалась прямо в воду, отражаясь в ней, как в зеркале.

На следующий день, 18 июля, мы достигли яйлака Мужу, с 60 юртами найман-киргизов, пасших здесь своих овец, коз, яков, лошадей и верблюдов. Пройду молчанием наш путь по известным уже местам через Бульон-куль, Кара-куль, Су-баши и через Гиджак. 26-го мы вступили в новые области. Мы пересекли здесь реку Тагарму, впадающую в реку Карасу, которая берет начало на южных склонах Мустаг-аты.

Миновав селения Чашман (145 дворов) и Тызнап (200 дворов), мы очутились в широкой долине Тагдумбаш; перед нами расстилались поля и луга, на которых паслись овцы, козы и рогатый скот. Направо возвышалась терраса, на верху которой находится селение и крепость Ташкурбан (каменная крепость). По расположению она напоминает Памирский пост.

Для меня было большой, но очень приятной неожиданностью встретить здесь моего друга, мистера Мэкэртнея,

который внезапно получил от индийского правительства приказ присоединиться к англо-русской комиссии, обсуждавшей вопрос о границах на Памире. Я разбил свою палатку рядом с его, и мы провели вместе очень приятный вечер.

27 июля мы с Мэкэртнеем посетили Таш-курган. И селение, и крепость имели жалкий вид. Большинство жилищ представляли одни развалины после землетрясения; уцелевшие дома были испещрены трещинами сверху донизу. Правда и возведены-то они были из крайне непрочного материала, обломков конгломерата; цементом же служили просто комья земли. Множество трещин виднелось и на поверхности земли. Китайский гарнизон и жители селения размещались частью в юртах, частью во временных палатках.

Осмотрев селение, мы посетили коменданта крепости Ми-дарина и нескольких других мандаринов, которые все приняли нас очень приветливо. Для нас были поставлены в юрте стол, стулья и ложа, на которых занимают места курильщики опиума. Угощали нас всячески. Я затынулся раза два из трубки с опиумом, но никакого особенного наслаждения не испытал.

Нам предстояло еще раз пересечь пустыню Такла-макан, чтобы разыскать следы древнейшей буддийской культуры

Аул таджиков
в Тагдумбаш-Памире

и погребенных в этом песчаном море городов, посетить диких верблюдов на их бесплодной родине и разыскать следы озера Лобнор, отмеченного на китайских картах. Оттуда же предстояло форсированным маршем пройти сотни миль обратно до Хотана, проникнуть через северные нагорья Тибета в Цайдам и познакомиться с монголами, тангутами и тибетцами, чтобы затем через Гань-су, Ала-шань, Ордос и Северный Китай добраться после трех с половиной лет странствования до цели моего путешествия, до Пекина.

II. Между русскими и англичанами на Памире

Друг мой, мистер Мэкэртней, отправившийся к озеру Виктории (Зор-куль), чтобы примкнуть к пограничной комиссии, уговаривал меня присоединиться к нему, но я, имея намерение исследовать верховья Яркенд-дарьи, отклонил его приглашение. После нескольких дней совместного пути мы и расстались с ним 30 июля около Гуджатбая, как полагали, навсегда, так как Мэкэртнею предстояло затем отправиться с английской комиссией в Индию. Он направился к западу вдоль Тагдумбаш-дарьи, а я к югу вдоль Хунджур-аба и через несколько дней достиг северной подошвы Гиндукуша.

В продолжение двенадцати дней я предпринимал разные экскурсии, исследовал наиболее значительные долины, которые снабжают водой реку Хунджур-аб, и восходил на перевал того же имени (4810 метров), чтобы взглянуть, как воды, вытекающие из-под одного из ледников, находящихся на перевале, направляются частью в Индийский океан, а частью в Яркенд-дарью и Лобнор. Пытался я также, но тщетно пробраться через перевалы Упранг, Кара-су и Илы-су к верховьям Яркенд-дарьи, называющейся здесь Заравшаном или Раскем-дарьей. Повсюду мне говорили одно и то же: добраться до реки можно в несколько дней, но перебраться через нее летом нигде нельзя. Узкое, глубо-

кое ущелье Илы-су так было исковеркано последним землетрясением, что стало недоступным даже для яков, и пробраться через него можно было лишь пешком.

Итак, я попал в глухой закоулок. Только к западу открывались передо мной неизвестные области Памира, я и решил направить путь к истокам Аму-дарьи.

17 августа мы достигли Чакмактын-куля (Огниво-озеро), откуда вытекает река Ак-су (или Мургаб). Зная, что большая англо-русская комиссия, назначенная для проведения пограничной линии от озера Виктории до китайской границы, как раз работала теперь в Михман-джолы (Дорога в гости) — небольшой поперечной долине, всего в одном дне пути к северо-востоку, я не мог отказать себе в удовольствии побывать там.

Я, однако, не желал нагрязнать на занятых разрешением таких щекотливых вопросов комиссаров врасплох, словно вор ночью и поэтому предварительно написал двум главным комиссарам письмо, в котором спрашивал, примут ли они меня. Получив от них с моим же курьером любезные приглашения, я выступил 19 августа в путь, к вечеру того же дня прибыл в Михман-джолы и разбил палатку на нейтральной почве, между киргизской юртой русских комиссаров и индийской палаткой англичан.

Русский комиссар, генерал Повало-Швейковский, губернатор Ферганы, был моим старым знакомым и покровителем, поэтому первый мой визит я считал долгом сделать ему. Но попасть в русский лагерь можно было, только проехав через английский, а тут перехватил меня мистер Мэкэртней, передавший мне приглашение к обеду от генерала Джерарда, главного английского комиссара.

Таким образом, я очутился между двух огней. Единственным средством спасти свой нейтралитет было сослаться на давнишнее знакомство с русским главным комиссаром и на свой непрезентабельный костюм.

Генерал Швейковский встретил меня с распростертыми объятиями, мы засиделись в беседе за полночь, и хозяин мой, не слушая моих протестов и ссылок на нейтралитет, велел поставить для меня чудесную юрту с постелью. Я давно уже отвык от такой роскоши.

На следующее утро я сделал визит генералу Джерарду, который принял меня с таким же радушием и тут же перезнакомил со всеми членами комиссии. Ближайшим помощником генерала был полковник Гольдиш, который за свои тригонометрические и астрономические труды при исследовании пограничных областей Индии был награжден большой золотой медалью английского Королевского географического общества. Остальные члены: майор Уохэб — топограф, капитан Свайней, бегло говоривший по-русски, доктор Алькок — директор музея в Калькутте и профессор Калькуттского университета, и, наконец, мой друг, мистер Мэкэртней. Кроме того, англичане привезли с собой для производства съемок трех пундитов.

Между русскими я нашел много знакомых из Туркестана: полковника Залесского — астронома, капитана Скерского — нового коменданта Памирского поста, и старого знаменитого топографа Бендерского, который исколесил всю Западную Азию и был прикомандирован к посольству, отправленному русскими в Кабул при эмире Шир-Алихане.

Ближайшими помощниками русского главного комиссара были: господин Панафидин, бывший русский консул в Багдаде, где у нас с ним нашлись общие друзья, и полковник Галкин, путешествовавший по Восточному Туркестану. Остальные члены: доктор Вельман и четверо молодых офицеров.

Эскорт русских составляли 40 казаков, военный оркестр из 18 человек и масса туземцев — джигитов и караванных проводников. У англичан было с собой до 200 солдат индийской армии, индусов, афридиев и канджутцев.

Я не стану касаться важных задач комиссии, упомяну только, что нельзя и представить себе более товарищеских и приятных отношений, нежели отношения, установившиеся между этими двумя лагерями, которые отстаивали столь противоположные интересы. Здесь всегда господствовало такое веселое, откровенно дружеское отношение, что посторонний человек, не предупрежденный заранее, ни за что не догадался бы, что тут, в сущности, идет серьезная борьба интересов двух государств: русским хотелось отодви-

нуть пограничную линию как можно дальше к югу, а англичанам, наоборот, к северу.

Русские устроили «офицерское собрание» в большой прекрасно убранной юрте, англичане — в огромной изящной палатке. Часто то те, то другие приглашали своих иностранных коллег на обед, что же до меня, то я один день бывал гостем русских, другой англичан и находился в самых дружеских отношениях и с теми и с другими.

Большинство офицеров говорили по-французски, и вообще, по правде сказать, оба государства не могли найти более способных, дельных и образованных людей для выполнения такой задачи, как проведение пограничной линии на Памире. Для меня же, одиноко блуждавшего в пустынях Азии около двух лет, было настоящим воскресением из мертвых очутиться, словно по мановенью волшебного жезла, среди такого избранного общества.

Вскоре по моем прибытии генерал Швейковский дал вечер. В 9 часов явились англичане в своих красивых и практичных мундирах. Перед каждой из русских юрт стояли казаки с факелами, бросавшими багровый отблеск на берег Ак-су.

Гости собрались в приемной юрте из белого войлока. Внутреннее убранство ее состояло из восточных материй и пестрых кашгарских ковров. Стол ломился под обилием бутылок с европейскими винами и ликерами и подносов литого серебра с фруктами — виноградом, апельсинами и грушами дюшес из собственного сада губернатора в Маргелане.

Мы разместились на мягких и удобных походных стульях и импровизированных пуфах. Некоторые из гостей сели

Солдат-афридий
из английского конвоя

за карты, но большинство предпочло живую, непринужденную беседу на разных языках. Военный оркестр исполнил разнообразную программу, составленную из русских мотивов, популярных маршей и английского гимна. После ужина генерал при свете факелов проводил своих гостей до их лагеря.

29 и 30 августа, к великому удовольствию нижних чинов и киргизов, офицеры обоих лагерей устроили для них грандиозное тамаша (зрелище). 29-го праздник начался стрельбой в цель на расстоянии 250 шагов, в которой приняли участие и некоторые из офицеров. Стрельбище представляло великолепную, пеструю картину: из индийских солдат особенно выделялись афридии из области, расположенной около Пешавера, красивые, рослые молодцы с воинственным взглядом. Между ними еще сохраняется страшный обычай кровавой мести. В числе зрителей находился со своей свитой и афганский комиссар Гулам-Мохеддин-хан. Этот типичный афганец, представитель эмира Абдурахмана, явился в парадном одеянии, весь в золоте и побрякушках.

Генералы лично раздавали за стрельбу призы, состоявшие из серебряных чарок, серебряных приборов (вилки, ножа и ложки), халатов, материй, рублей и рупий. Затем генерал Швейковский предложил гостям роскошный завтрак, на котором шампанское лилось рекой и провозглашались тосты за все на свете, даже за моллюсков Индийского океана — специальность доктора Алькока.

Второе отделение разнообразной программы прошло также очень весело. Началось оно состязанием в силах. Две партии, по 8 человек в каждой, изю всех сил тащили каждая к себе один из концов веревки, стараясь перетянуть противников. Сначала «тягались» казаки с афридиями, и первые победили, потом киргизы с канджутцами, и опять победила русская партия. Борьба между двумя последними была особенно упорной и продолжительной; зрители следили за ее перипетиями с напряженным вниманием.

Потом состоялся бег взапуски, свободный и в мешках, с перепрыгиванием, вернее, перекувыркиванием через протянутую веревку, и бег взапуски между «сиамскими близнецами», т.е. попарно связанными людьми. Затем канджут-

цы исполнили красивый воинственный танец с саблями, напоминающий подобный же танец у китайцев. Зрителей все время угощали разными прохладительными напитками и пуншем.

30 августа состоялись «скачки». Около 200 — 300 всадников собрались на равнине, около соседнего Кызыл-рабата. Были установлены в одну линию трое ворот (столбы с перекладинами); к перекладинам подвесили картофелины, и наездники должны были, проносясь в карьер под воротами, расцечь на всем скаку одним ударом сабли любую из картофелин пополам, что и удавалось многим.

Следующий номер был еще труднее. Картофелины заменили железными кольцами, четыре сантиметра в диаметре; их надо было, также на всем скаку, поддеть и снять кончиком сабли. Это состязание вел сам генерал Джерард, который, поймав два кольца, и остался победителем.

Следующий номер — скачки на верблюдах и яках — вышел очень комичным. Непривычные к спорту верблюды с диким ревом ринулись галопом в ряды зрителей, произведя немалый переполох. Яки, напротив, отнеслись к делу чересчур равнодушно и ни за что не хотели проникнуться праздничным настроением. Двое из них не двинулись с места, несмотря на то что дубинки киргизов так и гуляли по их бокам, один тотчас же повернул назад и отправился в совершенно противоположную сторону, некоторые потрусили в разные стороны, и только двое-трое направились со спокойствием философов по намеченному пути.

На следующий номер смотреть даже было страшно, а участвовать в нем, наверное, и вовсе не сладко. 20 киргизов верхами двинулись в одну сторону от зрителей, 20 в другую и оставили между собой пространство приблизительно в 250 метров. Затем, по данному знаку, они разом ринулись друг другу навстречу, столкнулись, причем некоторым как-то удалось проскользнуть сквозь неприятельский строй целыми и невредимыми, большинство же сшиблось, перепуталось, и образовалась настоящая каша. Диво, что пострадала всего-навсего одна лошадь.

Только к сумеркам успели закончить всю программу, и как только пестрая толпа всадников направилась к лаге-

Мальчик-индус
из английского лагеря

рям, поднялась вьюга, засыпавшая поле состязания снегом.

Оба лагеря представляли замечательно живописную картину. Разбиты они были на ровном поле у подошвы конгломератовой террасы, на левом берегу Ак-су. Англичане со своими индусскими солдатами занимали шестьдесят белых палаток, русские — дюжину отличных больших юрт. Кругом расположились афганцы, караванные проводники разных национальностей и ваханцы. Вобщем, выходила богатейшая картина, предлагавшая ряд эскизов для изображения сцен из восточной народной жизни. Художник нашел бы

здесь неистощимый запас сюжетов. Даже такой дилетант в живописи, как я, работал целыми днями, — я ведь, к сожалению, утратил свои фотографические аппараты в пустыне.

Оба генерала участвовали на своем веку во многих жестоких схватках, и генерал Повало-Швейковский был неистощим по части рассказов и анекдотов из эпохи турецкой войны, а генерал Джерард, знаменитый охотник на тигров, рассказывал много интересного о своих охотничьих приключениях. В течение своей службы в Индии он собственноручно убил 216 тигров. Сам генерал смотрел на охоту на тигров, как другие смотрят на охоту на зайцев, — как на моцион или приятное препровождение времени, но в рассказах его выступали моменты, поистине захватывающие, приковывавшие внимание слушателей.

Каждый вечер в 8 часов казаки собирались на молитву, и в разреженном воздухе гулко раздавались, в исполнении военного оркестра, торжественные задушевные звуки молитв и национального гимна. Там и сям пылали костры, у которых готовили себе ужин нижние чины и прочий

народ, но костры погасали куда раньше, чем воцарялась тишина в офицерских палатках.

Из-за быстро пронесившихся облаков время от времени выглядывал месяц, освещая обширную, открытую долину Ак-су, которую с севера ограждает хребет Императора Николая II с высшей точкой, именуемой пиком Сольсбюри, а с юга хребет Мус-таг. Особенно эффектная картина получалась, когда месяц скрывался за плотными облаками, погружавшими лагерь во мрак, тогда как серебристый лунный свет обливал своим сиянием вечные снега отдаленных гор.

Дни проходили между тем, как часы, и я сам удивился, когда начало сентября застало меня все на том же месте, в этом веселом обществе. Я много раз порывался уехать, но оба гостеприимные генерала, расположение которых я успел приобрести, уговаривали меня остаться еще день-другой. Делать нечего, пришлось прибегнуть к «военной хитрости». В один прекрасный день я велел Ислам-баю приготовить все к выступлению, а сам отправился проститься к генералу Повало-Швейковскому, причем сообщил ему, что караван мой готов уже выступить. Генерал на это сказал, что мне следовало бы переждать еще денек — случится нечто замечательное. Военная хитрость моя не привела ни к чему, я остался и не на денек, а на несколько.

На следующий же день действительно случилось нечто замечательное, а именно получена была от лорда Сольсбюри телеграмма с последней станции на северной границе Индии. Телеграмма содержала важную новость, что Англия приняла предложенные русскими условия относительно проведения границы.

Известие это было принято в обоих лагерях с живейшим удовольствием. Всюду виднелись довольные радостные лица. Комиссия выполнила свою задачу, установила определенную границу между русскими и английскими владениями в Памире недалеко от Гиндукуша, и теперь можно было вернуться по домам.

Оставалось только одно. Члены комиссии проработали вместе три месяца подряд, и представителям двух государств нельзя же было расстаться, не задав друг другу про-

шальных обедов. Я был торжественно приглашен на оба обеда, и так как подобные званые обеды должны считаться в числе диковинок Центральной Азии, то я ради них с удовольствием пожертвовал еще двумя днями.

11 сентября состоялся русский обед. Генерал Джерард и я были посажены один по правую, другой по левую руку хозяина. Мой порядком потертый дорожный костюм, без всякого признака манжет или воротничков, резко выделялся среди парадных мундиров генералов, полковников, капитанов и дипломатических агентов, мундиров, украшенных вдобавок орденами и медалями за храбрость. Но я, покидая Кашгар, не подозревал, что попаду в такое изысканное общество, и не взял с собой парадного костюма. Я, впрочем, не унывал, а военные лстили мне, уверяя, что мой поход по пустыне стоит иных военных походов.

Обед представлял ряд гастрономических сюрпризов, казавшихся прямо невероятными при мысли, что дело происходит у подножия Гиндукуша. Обильная закуска состояла из икры, консервов, швейцарского сыра, страсбургских паштетов и прочих деликатесов. За обедом подавали, между прочим, раковый суп, майонез из омаров, спаржу и проч. Единственное блюдо, не вызвавшее удивления, было мороженое: льду было вдоволь на «крыше мира».

Вина подавались не туркестанские, а французские. Шампанское на Памире! Первый тост провозгласил хозяин за императора Николая II и королеву Викторию. Второй тост был за эмира афганского; третий — за короля Швеции и Норвегии, который также имел на обеде своего представителя.

Официальная часть праздника закончилась к полудню, когда англичане стали качать хозяина. Руки у них были сильные, а до потолка на «крыше мира» было высоко! Затем следовал неофициальный оживленный эпилог, на вольном воздухе, вокруг костра. Говорили речи, пели песни, покрываемые громким «ура» и английской песнью: «For he is a jolly good fellow, that nobody can deny».

На следующий день дал обед генерал Джерард; этот обед прошел так же весело и с таким же длинным рядом тостов. Между прочим, капитан Свайней провозгласил горячий

тост за дам, и кому-то пришла в голову оригинальная идея заставить меня отвечать от имени этих отсутствующих дам. Я повиновался, закончив свой тост следующими словами: «Если эти далекие дамы так же любезны и гостеприимны, как их мужья и женихи, с которыми я имел удовольствие познакомиться здесь, то они, наверное, уже не земные существа, а небесные и общество их сулит рай здесь на земле».

По окончании обеда нас ждал приятный сюрприз. Около самого лагеря был разложен громадный костер, дрова для которого были доставлены специально на этот случай из Канджута, лежащего по ту сторону Гиндукуша! Костер зажгли, и пламя его озарило всю окрестность с белыми палатками.

При этом свете представители всех народностей, подвластных англичанам и входивших в состав их эскорта, исполнили свои национальные танцы; танец с саблями произвел при зареве костра особенно сильное, почти жуткое впечатление. Мы созерцали зрелище, сидя на расставленных полукругом стульях и попивая пунш и другие напитки, которые разносились слугами с тюрбанами на головах.

13 сентября рано утром английские пундиты сняли нас всей группой, и затем начались крепкие прощальные рукопожатья. Англичане направлялись к югу через проход Даркот в Кашмир и дальше в Индию, а русские к северу. Генерал Джерард последовал за своим русским коллегой, имея в виду совершить путешествие по России, а лейтенант Майльс, стоявший в Гильгите, получил позволение отправиться на Памирский пост. В этот день мы сделали только 22 версты до киргизского аула Ак-таш, где снова разбили лагерь и провели еще один приятный вечер.

Я не мог принять любезного приглашения генерала Повало-Швейковского сопровождать его в Маргелан, — это уж слишком выходило из рамок моей программы. И как ни интересно было бы целый месяц путешествовать по Памиру при таких необычайных условиях и затем присутствовать при торжественной встрече, ожидавшей, как я знал, английского гостя в Маргелане, я устоял против искушения, вспомнив о том, что прибыл сюда не ради

удовольствия и что мне уже знаком тот путь, по которому направится генерал.

В высшей степени заманчивым было и любезное приглашение генерала Джерарда отправиться вместе с англичанами и полковником Гольдиш в Индию. Я не знаю, что привлекало меня в данном случае больше — самая страна, окутанная дымкой легенд, или общество полковника, знаю только, что мне очень трудно было преодолеть это искушение, и я расстался с полковником, в котором успел оценить благородного, любезного и полного достоинств человека, с чувством живейшего желания поскорее встретиться с ним вновь.

Итак, чувство долга восторжествовало, и я направился к востоку. Меня ожидало много дела в пустынях, около Лобнора, в Северном Тибете, да и почта из Швеции, ждавшая меня в Кашгаре, притягивала меня немало. 14 сентября я сердечно распрощался с обоими генералами и офицерами, которые скоро скрылись вдаль, и направился со своим караваном к пустынным безмолвным горам, составляющим восточную границу плато Памира.

Теперь все эти события — достояние истории англо-русской политики в Центральной Азии. Оба государства стали теперь бок о бок на Памире, где не осталось больше областей «без хозяина», никаких нейтральных «буферов», и киргизы, так же, как и афганцы, не могут уже без паспорта переходить новую пограничную линию.

Последняя ли это была комиссия, окончательно ли решен вопрос об англо-русской границе в Центральной Азии? Можно надеяться, но... судьба Персии еще не решена, да и как знать вообще, какие перемены несет с собой будущее?

III. Через четыре горных хребта

Из Ак-таша мы направились к востоку и в тот же день перешли через перевал Лакшак (4645 метров) в Сарыкольском хребте, а заночевали в Кен-шебере по ту сторону перевала, где стоял караул из восьми таджиков и двух китайцев.

Тропинка, то и дело исчезающая между рухнувших глыб, ведет на северо-восток через Шинди, поперечную долину, глубоко врезавшуюся в Сарыкольский хребет. Дорога прескверная. Часто мы едем под нависшими сводом скалами, испещренными бесчисленными трещинами и готовыми рухнуть. То и дело приходится переезжать через прозрачный голубоватый ручей, журчащий между гнейсовыми глыбами. Наконец пошел гранит, впадина Шинди открылась треугольником в широкую долину Тагдумбаш, ручей разделился на множество рукавов, орошающих поля, и мы разбили палатку неподалеку от крепости Таш-курган.

Итак, мы оставили позади себя первую из меридиональных горных цепей, точно бастионы ограждающих Памир с востока, а 16 сентября — и вторую, перевалив через Сергек. Добыть проводника оказалось не так-то легко. Таджики отказывались под предлогом полевых работ, а на самом деле опасались гнева Ми-дарина, если проведут европейца через этот перевал, имеющий важное стратегическое значение. Наконец нам удалось найти человека, который последовал за нами пешком, но и тот отстал, как только мы достигли перевала, и больше о нем не было ни слуха ни духа.

Ландшафт опять совершенно изменился. Со всех сторон окружили нас пологие холмы, покрытые песком и щебнем — продуктами выветриванья сланца. Но там и сям виднелись глубокие овраги, зигзагообразно прорезывавшие холмы. Воды нигде не было ни капли, но борозд, промытых дождевыми потоками, попадалось очень много. Дорога вела все время с горки на горку, то вниз, то вверх, и нам пришлось перейти через множество второстепенных перевалов, прежде, чем мы добрались до высшей точки хребта — 4032 метра высоты.

Отсюда открывался такой широкий вид, что можно было ориентироваться. На юге возвышались мощные снеговые горы, составлявшие прямое продолжение хребта, на котором мы находились, и отклонявшиеся к юго-востоку, к Тибету, чтобы перейти в хребет Куньлунь. На севере же эти горы упирались в Мустаг-ату и таким образом составляли прямое продолжение Мус-тага, или Кашгарского хребта.

Глубоко внизу под нами виднелась на востоке долина Ичиз, упирающаяся в Тагдумбаш-дарью.

Мы остановились в поселке Малый Бельдир; в поселке всего один двор. Проживающий здесь юз-баши, однако, старшина над 50 домами, разбросанными по долине. Жители все таджики; занимаются скотоводством и земледелием, лето проводят здесь, но зимой уходят дальше вниз, доходя до того пункта, где Ичиз сливается с Тагдумбаш-дарьей, чтобы затем под прямым углом повернуть к востоку, к Яркенд-дарье.

Около слияния рек расположено селение Большой Бельдир, где река Ичиз известна под названием Бельдир-дарьи; а Тагдумбаш-дарья зовется в долине, которую прорывает, Шинди, и по причине отвесных скалистых берегов переход через нее здесь невозможен. Бельдир находится, таким образом, как бы в тупике.

Значительная абсолютная высота местности и суровая природа заставляют большинство здешних таджиков вести образ жизни, сходный с жизнью киргизов; таджики также владеют большими стадами овец, коз, яков, лошадей и ослов. Часть населения живет в юртах и палатках, часть, главным образом земледельцы, в саклях из высушенной на солнце глины и камней, с плоскими деревянными кровлями. Сами таджики арийского племени и говорят по-персидски; жилища их также немало напоминают персидские; некоторые сакли имеют балконы.

Таджики пекли чудесный хлеб; несколько молодых девушек явились ко мне в палатку без покрывал и принесли мне хлеба, за что получили куски материи из Кашгара.

20 сентября снег шел до 11 часов. Выступив в путь, мы обрели двух спутниц, молодых женщин, ехавших верхом на яках в долину за топливом. Обе были превеселые и прехорошенькие, с черными волосами, густыми резко очерченными бровями, тонкими чертами лица и большими, живыми цыганскими глазами. Они самым непринужденным образом, как будто оно так и следовало, помогали нам подгонять наших вьючных животных, покрикивая своими звонкими серебристыми голосами так, что эхо отдавалось в горах. Тонкое тряпье обвивалось вокруг их стана,

а смуглые шея и грудь не были ничем прикрыты от обильно падавшего снега.

Несколько подальше долина сузилась и сделалась труднопроходимой, напоминая овраг, усеянный глыбами, между которыми извивался и журчал прозрачный и холодный ручеек. Через него то и дело приходилось переезжать, причем часто грозила опасность принять холодную ванну. В небольших расширениях долины виднелись березовые рощицы. Одна из них называлась Тирсек. По словам наших проводников, роща дальше внизу прерывалась, и нам, если мы хотели развести на ночь хороший костер, следовало остановиться здесь. Палатку разбили под плакучими березками с уже пожелтевшей листвой.

Привал вышел необычайно приятным. Жаль только, что небо было все в облаках и густой туман заволок вершины гор. Женщины и проводники наши набрали хворосту, который нагрузили на яков, и повернули обратно домой.

Перевал Арпа-таля, через который нам предстояло перейти через несколько дней, представляет демаркационную линию религий. К востоку обитают сунниты, а к западу шииты. Обе мусульманские секты живут здесь, однако, дружно, ничуть не враждуя, как, например, турки и персы. Здешние шииты и сунниты даже роднятся между собой. В настоящее время таджики несут только натуральную повинность, доставляя китайцам топливо и съестные припасы, но во времена Якуб-бека налоги были довольно чувствительны, на что, впрочем, жители не роптали, так как он был мусульманин.

Юрта таджиков
в Тагдумбаш-Памире

Ми-дарин, комендант
крепости Таш-курган

22 сентября мы миновали по пути восемь селений, состоявших всего из нескольких дворов и окруженных полями и садами, где росли грецкие орехи, абрикосы, яблоки, дыни и проч. Запах только что сжатых хлебов казался нам особенно приятным после нашего путешествия по бесплодным нагорьям. Яков здесь не держат, верблюдов тоже; видны только коровы, ослы, лошади, овцы и козы. Самое красивое из селений — Тонг; плодовые сады и живописные сакли его красиво выделяются на фоне голых скалистых стен. Старшина селения Гассан-бек, настоящий патриарх с виду, отличался

большой оригинальностью и невероятной рассеянностью и то и дело вполголоса разговаривал с самим собой.

В следующем, находившемся неподалеку, селении Кандалакш мы сделали привал, расположившись на террасе дома местного мин-баши (тысяченачальника), где нас и посетили все именитые местные жители. Отсюда всего несколько километров расстояния до Яркенд-дарьи, которая около Тонга зовется попросту Дарьей (т. е. рекой) или Тонгнын-дарьязы (река Тонг). Наименование Раскема или Заравшана она принимает выше.

Надо было переправиться через эту реку, преграждавшую нам путь. На берегу нас ждали шесть сучи в просторных шароварах и с привязанным к груди толумом, т. е. надутым козьим бурдюком. Они приготовили плот, с виду внушавший мало доверия; это были обыкновенные носилки, под которые подвязали двенадцать надутых бурдюков. Лошадей развьючили. Сначала на плот погрузили ящики с провиантом. Одну из лошадей привязали за хвост к плоту, а один из «сучи» повел ее за повод вброд между круглыми

отшлифованными камнями, покрывавшими дно у берегов. Остальные «сучи» поддерживали равновесие плота на воде.

Лошадь скоро потеряла точку опоры под ногами и погрузилась в воду почти с головой. Тогда «сучи» обвинили ее за шею правой рукой, а левой принялся грести по нужному направлению. Всю компанию подхватило течением, и они, гребя руками изо всех сил, быстро понеслись вниз по реке, забывая, однако, к противоположному берегу.

Как раз напротив нас, на правом берегу, высились отвесные скалы, о которые с яростью разбивались волны, но ниже по течению находилась маленькая защищенная бухточка. Сюда-то и держали «сучи» и наконец осторожно причалили к берегу.

После того как весь багаж в четыре приема был переправлен, пришла моя очередь. Я ожидал переправы с нетерпением и почти с таким же жутким чувством, с каким в детстве, бывало, собирался купаться, не умея еще плавать. Плот был очень неустойчив, колебался из стороны в сторону на надутых бурдюках, и там, где течение было особенно сильно, можно было с минуты на минуту ожидать, что он вот-вот перекувырнется. Оно так и случилось бы, не поддерживай его со всех сторон «сучи».

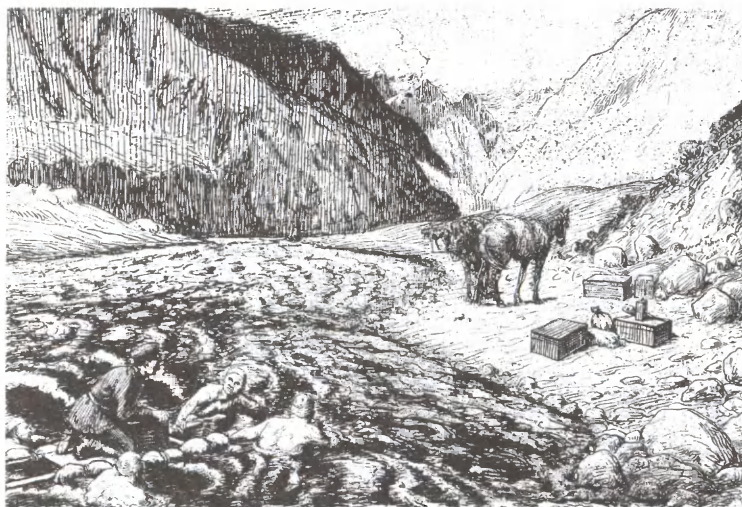
Я предпочел обойтись без лошади, и «сучи» подхватили плот-носилки за палки со всех четырех концов. В следующую минуту течение понесло нас вниз по реке. С непривычки кружилась голова; скалы противоположного берега как будто бежали мимо вверх по течению, панорама беспрестанно менялась, словно я смотрел из окна курьерского поезда. «Сучи» изо всех сил работали и руками и ногами, чтобы выбраться из течения, и наконец мы попали в сравнительно спокойные воды бухты и пристали к берегу.

При обратной переправе с плотом на левый берег «сучи» удалось пристать к берегу только гораздо ниже места переправы, и пришлось вести туда плот по воде с помощью лошади, которая шла по берегу. Остальные лошади переправились вплавь с помощью «сучи».

Ислам-бай предпочел переплыть через реку на лошади, но во время переправы растерялся, голова у него закружи-

лась, он позабыл, какого направления держаться, и чуть не потопил свою лошадь, слишком наваливаясь на нее. Его понесло вниз по реке, и я страшно боялся, что его увлечет к водопаду и он разобьется. Но ему удалось—таки пробиться к берегу. То-то хорошо было очутиться наконец всем вместе с багажом целыми и невредимыми на правом берегу Яркенд-дарьи! «Сучи» получили 100 тенег за труды, а старший из них еще шапку и нож, и все остались очень довольны.

Лошадей опять навьючили, и мы продолжали путь по правому берегу вниз по реке. Скоро, однако, дорогу преградила скала, отвесно спускавшаяся в воду. Таджики вырубали в скале, должно быть в очень уже отдаленное время, тропинку, вроде карниза; край ее сильно выветрел и стал покатым в сторону обрыва и пенящейся реки. Тропинку кое-как уравнили с помощью кольев, ветвей и каменных плит, зато в некоторых местах она стала так узка, что навьюченным лошадям не пройти было — вьюки терлись и задевали за стену скалы, подымавшуюся справа. Мы чуть было не потеряли одну из лошадей, которая зацепилась вьюком на самом узком месте и неминуемо полетела бы вниз, если бы Ислам-бай не успел уцепиться за нее, а остальные в ту

Опасная переправа (с рисунка Линдберга)

же минуту не освободили ее от вьюка. Весь багаж пришлось перенести через опасные места на руках.

24 сентября мы двинулись по долине Арпа-таля; на пути нас захватил град, и мы разбили лагерь в поле около селения Сугетлык, а на следующий день перешли через перевал Арпа-таля (3838 метров). Дорога повела к селению Онгур-лук (Овраги), где как раз происходила молотьба. Способ молотьбы здесь крайне примитивный: десять быков ходят, тесно сомкнувшись в ряд, вокруг столба, по разбросанному по земле зерну. Сеют здесь маис, пшеницу и овес, причем поля засевают не каждый год, а через год.

В течение следующих дней мы через селения Кок-рабат и Кызыл, Янги-гиссар и Япчан достигли Кашгара, куда прибыли 3 октября и где меня с обычным гостеприимством принял генеральный консул Петровский. Здесь, в этой низменной области, погода стояла еще теплая, мягкая. Резкие переходы из одного климата в другой отозвались на мне сильной лихорадкой, от которой я отделался лишь в середине ноября.

Все потери, понесенные мною во время злополучного перехода через пустыню, были теперь пополнены. Из Берлина мне прислали ящик с тремя превосходными анероидами, гипсотермометрами, психрометрами и термометрами; все прибыло в полной исправности благодаря тщательной упаковке в Берлине и заботливости шведского консула в Батуме, отправившего эти хрупкие вещи дальше в Азию.

Из Ташкента пришли три ящика с разными необходимыми вещами: одеждой, консервами, табаком и проч. Таким образом, я был опять во всеоружии, как и в начале моей экспедиции.

IV. Верхом до Хотана

Оправившись от лихорадки и организовав новый караван, я окончательно покинул самый западный из городов Китая. Выступление наше, означавшее долгую разлуку с крайней станцией европейской цивилизации на востоке, было обставлено большой торжественностью. Дао-тай сле-

лал мне прощальный визит собственной персоной с большим блеском и помпой, в сопровождении остальных моих китайских друзей.

Караван, состоявший из 9 лошадей и 3 людей, под начальством моего испытанного Ислама, выступил к югу рано утром 14 декабря 1895 г.; сам же я выехал верхом с двумя остальными слугами в полдень. На дворе собралось проводить меня целое общество: сам генеральный консул, его любезная супруга, Адам Игнатьевич, 60 казаков с двумя офицерами и, наконец, туземцы — писаря, толмачи и слуги консульства. Когда я простился с этим гостеприимным домом, где провел столько приятных и поучительных часов, мы сели на коней и поехали рысцей по улицам в сопровождении офицеров, Адама Игнатьевича и казаков, распевавших солдатские песни, которые будили громкое веселое эхо в узких, как коридоры, улицах.

Около дома шведского миссионера я остановился, чтобы проститься с симпатичной и умной г-жой Гёгберг и ее детьми; сам Гёгберг поехал провожать меня. Под конец к нам присоединился еще в своей голубой повозке русско-китайский переводчик, наш общий друг Ян-Да-ой, и легко себе представить, что за пестрая кавалькада понеслась по пыльной широкой дороге к Янги-шару! В Янги-шаре мы обменялись последними приветствиями. Я громко крикнул казакам: «Прощайте, ребята!» — и они в унисон прокричали: «С Богом! Счастливый путь!»

И вот я остался один между азиатов. Но когда зубцы башен Кашгара скрылись за горизонтом и песня казаков замерла вдаль, я все-таки вздохнул с облегчением при мысли, что как-никак, а я теперь «на пути домой». Сладость этой мысли не умерялась даже тем соображением, что на пути этом лежала целая половина Азии и что меня отделяли от Стокгольма полтора десятка тысяч верст.

500 верст, отделявших нас от Хотана, мы проехали в тринадцать дней.

20 декабря въехали мы в двойные ворота Янги-шара (Новый город), китайской части города Яркенда, а в некотором расстоянии оттуда через ворота Алтын-дервазе (Золотые ворота) в Кохне-шар (Старый город), магометанскую

часть. Обе эти части Яркенда лежат друг от друга всего в одном километре, и на всем этом расстоянии между воротами их, через которые пролегает большая кашгарско-хотанская дорога, тянется длинная широкая базарная улица, крытая деревянным навесом. По этой улице даже поздно вечером не прекращается оживленное движение при мигающем свете масляных фонарей.

В общем, улица напоминает бесконечный туннель, стены которого образуют лавки и лари. По тесноте, сумятице, множеству верблюжьих караванов, крику и гаму, царствующим здесь, сразу заметно, что находишься в большом городе. Яркенд и есть самый

большой город Восточного Туркестана; в нем с его предместьями насчитывается 150 000 жителей.

Проехав Алтын-дервазе, мы пересекли целый лабиринт извилистых улиц и переулков, пока наконец достигли дома, который отвел в наше распоряжение аксакал андижанских купцов.

В течение следующих дней мы оставались в Яркенде, частью чтобы дать лошадям отдохнуть, частью чтобы хорошенько ознакомиться с городом и его ближайшими окрестностями. Я, между прочим, посетил в сопровождении аксакала здешнего амбана, ямен которого был гораздо пышнее, чем ямен амбана кашгарского.

В ямен вели трое высоких, пестро расписанных и покрытых лепными украшениями ворот живописной архитектуры. На дворе собралась толпа туземцев, явившихся искать китайского правосудия. Тут были и сельские жители, жаловавшиеся на то, что их обделили водой из оросительных каналов, и слуги, жаловавшиеся на хозяев, которые не заплатили им жалованья, и пойманные воры, ожидавшие суда и расправы.

Ли-дарин, амбань
каргалыкский

Амбань Пан-дарин был пожилой человек, высокого роста, дородный, с седой козлиной бородкой. Принял он меня с любезной улыбкой и милостиво. Поинтересовался моими планами. Вечером он прислал мне в дар маиса и пшеницы, а от меня, явившись ко мне на следующий день с визитом, получил револьвер.

Обозревая город, я осмотрел между прочим главные медресе и мечети. Самое большое из первых — Кок-медресе (Голубое медресе), «пиштак», или сводчатый фасад, которого, выложенный голубыми и зелеными изразцами, не может, однако, сравниться даже с самыми простыми образцами этого рода архитектуры в Бухаре. На дворе медресе находятся мазары разных святых.

В северо-восточной части Яркенда возвышается холм Науруз-дун (Новогодний холм), с которого открывается вид на весь город. Лежит холм у самой городской стены; стена эта, зубчатая, тонкая, хрупкая, из высушенной на солнце глины, извивается по старым береговым террасам и окружает город. На вершине холма возведен минарет — собственно, помост на высоких деревянных столбах; с высоты его раньше, чем откуда-либо из города, бывает видно новолуние, разрешающее правоверных от Рамазана (поста).

Внутри обнесенного стеной круга, внизу под нами, раскинулась настоящая мозаика из четырехугольных крыш; узкие извилистые линии переулков едва заметны, зато резко выделяются базары, сады и одинокие ивы. По ту сторону стены взор теряется в лабиринте полей, оврагов и каналов, а подальше, на северо-востоке, видна Яркенд-дарья, змеей убегающая в пустыню, стремясь к своей далекой цели Лобнору.

Хотя город находится вблизи самой большой реки Центральной Азии, яркендцы пьют не воду, а настоящий яд. Выведенная из реки каналами в город и скопляющаяся здесь в прудах и бассейнах речная вода застаивается и заражается всевозможными миазмами, так что все эти бассейны и пруды истинные очаги всякой заразы, кишашие бактериями. В этих бассейнах купаются, моют грязное белье и посуду, купают собак и скот, в них же валят всякие отбросы, из них же и берут воду для кушаний и для питья.

Следствием такого неряшества и беспечности является обычная в Яркенде болезнь, «бугак» — зоб, или опухоль кадыка. Опухоль эта бывает величиной с кулак, а иногда и с целую голову и придает своему обладателю уродливый, отталкивающий вид.

Можно с уверенностью сказать, что около 75 процентов коренных жителей города страдают в большей или меньшей степени этой болезнью, которая в большинстве случаев и сопровождает своих обладателей в могилу. Встречая в другом каком-нибудь городе человека с таким зобом, можно почти быть уверенным в том, что он яркендец, равно как можно принять за правило, что попадающиеся на базарах Яркенда люди с нормальными шеями — приезжие из Кашгара, Хотана или из какого-либо другого города.

Яркендцы ничем не лечатся от этой болезни, которая, впрочем, иногда, вероятно от перемены места, проходит сама собой. Индусы, говорят, знают от нее средство, но, как и андижанцы, не страдают ею, так как употребляют лишь колодезную воду.

О происхождении болезни сложилась легенда, гласящая, что, когда Салих-пейгамбер проезжал через Яркенд, какие-то воры украли его верблюда, перерезали ему горло и бросили его труп на берегу Яркенд-дарьи. Святой человек и проклял всю местность, наслав на жителей на вечные времена «бугак». Труп верблюда отравил воду в реке и посеял в нее семена заразы.

Китайский «потай» по дороге в Хотан

В городе проживают до 40 андижанских купцов, которые ввозят сюда материи, шапки, халаты, сахар, спички и проч., и вывозят отсюда шерсть, войлока и проч. Барыши они получают хорошие и выстроили себе, 26 лет тому назад прекрасный караван-сарай. Яркендцы не любят их так же, как и китайцев. На улицах их сейчас же узнаешь по их сравнительно опрятным одеждам и наружности. Жилища их отличаются чисто убранными комнатами и опрятными дворами. Афганские и индусские купцы имеют свои караван-сарай.

Город делится на 24 больших «махалля», или квартала; каждый находится под управлением своего юз-баши, в помощь которым приставлены по два или более он-баши. Кроме того, порядок в Яркенде и в окрестностях поддерживается немалым числом беков.

23 декабря мы переправились на пароме через Яркенд-дарью. Следуя по густо населенным, плодородным трактам, через целый ряд селений, которые я все и занес на карту, достигли мы в сочельник города Каргалыка (Вороний город), где ничто не напоминало о значении дня — не было ни снега, ни елок; одно радушие жителей придало дню праздничный оттенок. Мы остановились у купца из Коканда, который предложил нам вечером обильный «дастархан» из груш, апельсинов, изюму, миндаля и разных сладостей. В общем, вышло что-то похожее на рождественский стол, хотя самого стола-то и не было — подносы ставились прямо на пол. Позже явились приветствовать меня десять городских беков в китайских парадных одеяниях, с косами, а под конец и сам амбань Ли-дарин изволил прислать мне «гостинцев на елку»: рису, баранины, пшеничной и маисовой муки, топлива и корму для лошадей.

Как только гости ушли и я покончил со своими заметками, я тотчас же улегся спать, чтобы скорее забыться сном и уйти от тоски, которая в этот день сильнее, чем когда-либо, глодала сердце одинокого путника.

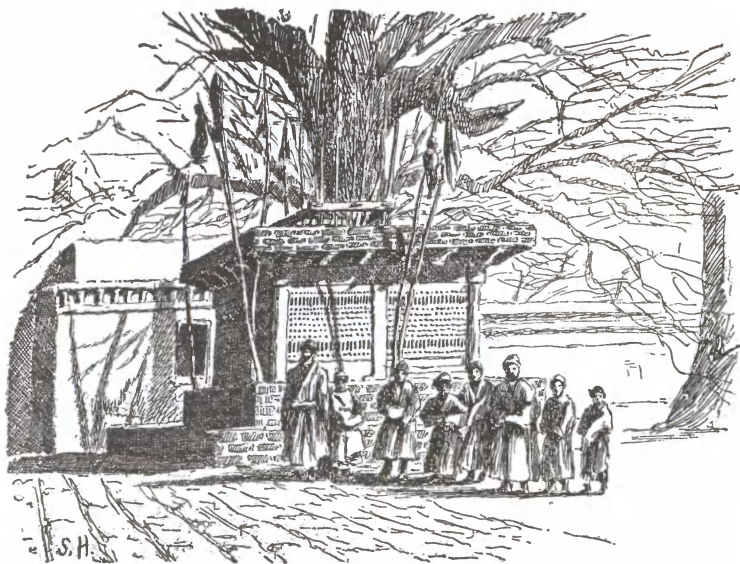
Если яркендский амбань был олицетворением любезности, то каргалыкский положительно превзошел всякие ожидания своей любезностью. Я не успел еще собраться к нему, как он уже явился ко мне с визитом сам, рано утром, в первый день Рождества; я еще был в постели. Когда же я явил-

ся отдать ему визит, меня приветствовали во дворе ямена троекратным залпом из пушки; я чуть не полетел кувырком с лошади, которая не привыкла к таким приветствиям.

Амбань был славный, чистенький человечек, лет 50, с небольшими седыми холеными усами и большими круглыми стеклянными глазами. По окончании обеда, на который я был приглашен, я нарисовал портрет хозяина, и вдруг, к моему немалому изумлению, к нам вышла его молодая желтая супруга, балансируя на своих крохотных, едва в пять сантиметров длиной, ножках, и попросила меня нарисовать и ее портрет, который она хотела послать родителям своим в Пекин. Разумеется, я поспешил исполнить столь лестную просьбу.

26 декабря я оставил Каргалык. Амбань снарядил мне в провожатые одного бека, поручив ему заботиться о моих удобствах в пути. А когда мы выехали из восточных ворот города, в честь мою снова грянули три пушечных выстрела.

Через небольшой промежуток времени мы миновали последние селения и очутились в пустынной местности,

Мазар в Гуме, окруженный тугами с хвостами яков

где дорога, обыкновенно выделяющаяся светлой полосой, совершенно заматывается во время буранов. Для того чтобы путешественники не сбивались с пути, китайцы и распорядились установкой столбов, указывающих направление дороги. Столбы расставлены на расстоянии 80–90 метров друг от друга, и, таким образом, их всегда видно впереди 5–7 штук зараз. Во время самого бурана от них толку немного; зато, когда буран прекратится, они очень полезны и даже необходимы; пока их не было, говорят, многие путешественники, сбившись с пути, пропадали бесследно. Глядя на эти столбы, вспоминаешь слова Марка Поло: «А перед тем, как расположиться на ночной отдых, ставят сигнальный шест, чтобы он указывал направление завтрашнего маршрута».

От оазиса Бэш-арык (Пять каналов) тянется ровная бесплодная равнина вплоть до Кош-лянгара (Две станции), караван-сарай которого, обсаженный ивами, виден издали; находясь на возвышении, он как будто парит над горизонтом. Этот «лянгар» отличная постройка из серо-зеленого кирпича, возведенная еще в начале правления Якуб-бека. Внутри находится большой четырехугольный двор, вымощенный крупными кирпичами. В «лянгаре» десять отдельных помещений для путников; полы в этих помещениях также вымощены кирпичами, а свет проникает сквозь небольшое оконце в сводчатой крыше.

Рядом с этой солидной каменной постройкой, резко отличающейся от глиняных лачуг, к которым мы привыкли, находятся службы и конюшня из обыкновенной глины, с бревенчатыми крышами. Тут же с юго-восточной стороны «лянгара» находится и большой водоем, в который собираются воды, стекающие с гор весной, и который, таким образом, служит запасным водохранилищем на жаркое, сухое время года. Вокруг водоема растет несколько красивых ив.

Соответственно континентальному климату местности зима здесь бывает суровая, а лето страшно знойное. В конце марта начинается время песчаных буранов, продолжающееся до конца лета. Средним числом в год бывает до пятнадцати жестоких буранов. Бураны бывают необычайно свирепы; случается, что вихрем уносит овец, пасущихся около

селений или отбившихся в тумане от стада. По здешнему обычаю, пастухи и отвечают перед хозяевами лишь за овец, пропавших в тихую погоду. Сторож «лянгара» рассказывал, что особенно сильными буранами переносит ворон и других птиц из Каргалыка до Гумы или наоборот, причем птицы часто убиваются насмерть о попадающиеся на пути предметы.

Насчет упорного ветра сложилась такая легенда. Около Чулак-лянгара один святой человек несколько сот лет тому назад вырыл колодец, теперь давным-давно занесенный песком. Когда святой вырыл яму в 80 сажен глубины, земля под ним вдруг разверзлась, оттуда поднялся страшный вихрь и унес его на небо. Из колодца же с тех пор и выходят все ветры, дующие в этой местности. Другая легенда, основывающаяся на наблюдении, правдоподобнее. Она гласит, что, если последний буран пронесется из Каргалыка, следующий пронесется из Гумы и что это или тот же самый буран, возвращающийся обратно, или другой, отправляющийся к первому в гости.

Улица и канал
в Гуме

Весь путь от Кашгара до Хотана, как и путь от Кашгара до Ак-су, китайцы разметили «потаями», или путевыми знаками. Поэтому и магометане обыкновенно измеряют здесь расстояния «потаями», а не так, как в других местностях, где «потаяев» не существует, «ташами» (камень), «джолы» (дорога), или «чакырымами» (окрик). «Потай» — усеченные глиняные пирамиды, высотой в 6—7 метр. Средним числом между двумя станциями приходится по 10 «потаяев».

Я несколько раз измерял расстояние между двумя «потаями», и всякий раз получались разные цифры: то 3720, то 3687, то 3502 метра. Я, таким образом, и не знаю, чем руководствуются китайцы, воздвигая свои пирамиды именно на таких-то и таких-то пунктах; видно, однако, что особенной точности при измерении они не придерживаются. Мы с нашей обычной караванной скоростью проезжали расстояние между двумя «потаями» в три четверти часа.

Проехав пустынную степную местность, мы достигли небольших глинистых террас с разбросанными по ним могилами. Мы раскопали некоторые. Внутри они были обшиты досками и прутьями, и в глубине ям, наполненных песком и пылью, мы нашли побелевшие кости и черепа. Как форма могил, так и положение их относительно киблы указывали, что они хранили прах джагатай-тюрок. Некоторые скелеты были завернуты в лохмотья, распадавшиеся в прах при одном прикосновении.

Судя по всему, кладбище это не особенно древнего происхождения; вероятно, ему не более двух-трех веков. Расположение кладбища, а также развалин домов и стен указывает на то, что обитавшие здесь некогда люди принуждены были отступить перед надвигавшимся песком дальше к югу. Такое отступление перед песком пустыни происходило, вероятно, в течение тысячелетий, и барханы пустыни Такла-макан скрывают под собой, без сомнения, много достопримечательностей.

О гораздо древнейшей культуре говорят миллионы мелких черепков, остатков глиняных сосудов и обожженного кирпича, разбросанные по всей местности, по обеим сторонам большой дороги. По рассказам туземцев, это следы древнего города Назара. Время от времени находят и древ-

ние монеты, кольца, бронзовые украшения и осколки стекла. Я тоже нашел здесь несколько стеклянных осколков светло-голубого и зеленого цвета.

Достоинно внимания, что нынешние обитатели местности не умеют выделывать стекла. Черепки и осколки, попадающиеся не только около Муджи, но и в других местах в Восточном Туркестане, свидетельствуют об упадке местной промышленности. До некоторой степени упадок этот объясняется изменением климатических условий. Всюду, где климат ухудшается, недостаток воды и количество бесплодного песку увеличивается, там и культура идет назад, и население теряет жизненную энергию и убывает.

Вид разбросанных по песку бесчисленных черепков сначала приводит даже в недоумение: начинаешь копать — ничего, кроме песку и пыли, никаких признаков кипевшей здесь жизни, кроме этих черепков! Причиной — ветер. Он сметает песок и пыль, но оставляет на месте черепки в силу их веса и формы. Можно предполагать, что ветер в течение тысячелетий сдул массу слоев песку и пыли, содержавших черепки, благодаря чему последние и оказались на теперешней поверхности.

Гума

Красные глиняные кувшины, черепки которых попадают тут, представляли, как видно, следующие различные формы: совершенно шарообразные с двумя ушками, иногда поставленными горизонтально, иногда вертикально, круглые с расширенным горлышком и яйцевидные с высоким узким горлышком. Попадают здесь и черепки толстых мисок из твердой, словно камень, голубой обожженной глины. Некоторые черепки были покрыты зеленой эмалью. Стекланные осколки были, как видно, остатками небольших бутылок и блюдец, а также цветков лотоса.

На следующий день пустынная дорога привела нас к Ак-лянгару (Белый постоянный двор), расположенному в двух с половиной «потаях» от края пустыни. Изредка встречались нам другие путники, по большей части небольшие партии купцов, ехавших из Хотана верхом, с небольшим багажом на седле; попадались и земледельцы, направлявшиеся из одного оазиса в другой; иногда они гнали ослов, нагруженных зерном или зеленью.

Ак-лянгар, как и все оазисы, расположен на берегу ручейка, направляющегося с юга на север; русло его, однако, содержит воду не всегда, а только после продолжительных дождей в горах. В остальное время здесь пользуются водой из колодца глубиной 38,47 метра. Два или три раза в год колодец чистят, так как глинистые стенки его осыпаются. Один человек обвязывает себе вокруг пояса веревку, его спускают в колодец, и он вычерпывает деревянным ведром глину и ил. Когда ведро наполняется, его вытаскивают посредством ворота. Вычерпанная глина кучами лежит вокруг колодца, который закрывается деревянной крышкой с подъемной дверцей; крышка защищает колодец от заноса песком.

Кстати, упомяну здесь, что колодец около Кызыла (между Янги-гиссаром и Яркендом) имеет 36,3 метра глубины и что вода в нем совершенно пресная и постоянно сохраняет температуру 16,6°. Туземцев же сбивает с толку изменение температуры воздуха, и они уверяют, что вода в колодце летом холодная, а зимой теплая.

4 января. Проехав два «потая», мы попали в полосу песка, нагроможденного довольно высокими непрерывными бар-

ханами. Посреди этой полосы возвышался глинистый холм, на котором росло несколько тополей и торчали «туги», обозначавшие, что тут находится мазар. Около восточной подошвы холма мы нашли несколько деревянных лачуг; самая большая из них пряталась под нависшей деревянной крышей, подпертой четырьмя столбами.

Мазар этот, один из наиболее интересных из всех виденных мной, носит название, по имени погребенного здесь святого, Имам Хакир, но более известен под именем Кумрабат-пашахым (Постоялый двор моего короля в песке) или попросту Кептер-мазар (Голубиный мазар). Особенность этого мазара в том, что он дает кров и пропитание тысячам чудесных голубей всевозможных оттенков оперения: тут и желтые, и сизые, и белые, и бурые, и зеленоватые, и мраморные, и пр. Путников голуби ничуть не боятся.

Здесь исстари и установился обычай, что каждый путник, заезжающий в «лянгар», жертвует голубям хоть небольшое количество маисовых зерен, что считается вместе с тем жертвоприношением самому погребенному здесь святому. Запасы зерна все растут, и голубям голодать не приходится, но не будь этого обычая, им пришлось бы плохо, так как в этой местности ничего не родится, а голуби далеко от гнезд не улетают.

V. Несколько дней в Хотане

6 января мы проехали последний конец пути, отделявший нас от Хотана. Дорога шла по прелестной тополевой аллее, 15 метров в ширину; по обеим сторонам тянулись арыки, селения и пахотные поля. Мы проехали целый ряд крупных селений: Кум-арык, Шейдан, Гульбаг, Ак-сарай, Чинакла с мазаром в тени 280-летних тополей, Сура, Шума, Буразан, Безин и Тозанла, пока не достигли ворот Янгигиссара (т. е. «Нового», китайского города), а вскоре за тем и главной базарной улицы Хотана.

Хотанский амбань еще утром отправил мне навстречу своего толмача вместе с аксакалом западнотуркестанских купцов. Они проводили нас в большое, красивое, распо-

ложенное в тихой части города и самое опрятное из виденных мной в стране жилище с деревянными перегородками и живописной крышей.

Древнейшая история Хотана исчезает во мгле преданий, восходя к тому времени, когда бассейн Тарима еще не превращался в песчаную пустыню. Европе город стал известен благодаря Марко Поло, венецианскому купцу, который во время своего знаменитого путешествия по Азии 625 лет тому назад совершил путь из Самарканда в Хотан через Яркенд по той же дороге, по которой мы только что проехали. В новейшее время Хотан был взят Якуб-беком у прежнего его властителя Ходжи Падишаха. В 1878 и 1879 гг. китайцы вновь отвоевали Хотан вместе со всем Восточным Туркестаном и мирно владеют им и до сих пор.

В Китайской империи Хотан с древних времен играл значительную роль, находясь в тесных торговых, хотя и прерывавшихся время от времени, сношениях со столицей «Срединного царства». Главное значение города связано с нахождением коренных нефритовых месторождений в его окрестностях, в горах по берегам рек Кара-каша и Юрун-каша; в размытом виде нефрит находят в русле Юрун-каша.

Нефрит (по-китайски «юй-тянь», по джагатай-тюркски «каш-таш») чрезвычайно ценится в Китае; из него делают ларцы, кувшины, чашки, мундштуки для трубок, браслеты и проч. Одни из пекинских ворот так и называются «нефритовыми», так как через них драгоценный камень ввозится в город.

В настоящее время Хотан незначительный город, вмещающий в своих стенах не больше 5000 жителей-магометан и 500 китайцев. Хотаном называется, собственно, весь оазис с тремястами селений. Самый же город зовется обыкновенно Ильчи; кроме того, в оазисе еще два города, Кара-каш и Юрун-каш.

Торговое сообщение с Китаем поддерживается отчасти по пути вдоль Хотан-дарьи через города Ак-су и Тур-фан; частью через Яркенд и Марал-баши и весьма редко через Лобнор. Торговля с Россией ведется через Кашгар, с Индией через Ле в Ладаке. На базарах в Хотане встретишь купцов

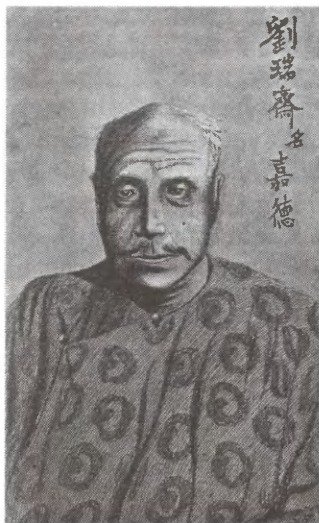
со всех концов Азии: китайцев, афганцев, индусов, западных туркестанцев и даже татар из Оренбурга.

Девять дней пробыли мы в Хотане. Местный амбань Лю-дарин принял меня с истинным радушием и всякий раз, как я посещал его ямен, приветствовал меня троекратным пушечным выстрелом. Мы в первый же день обменялись церемониальными визитами и дарами.

После первого знакомства я часто и охотно посещал Лю-дарина, который оказался, даже по европейским понятиям, человеком честным, здравомыслящим и справедливым, и между нами возникла настоящая дружба. Это был высокий 70-летний старик с решительным выражением лица, маленькими умными глазами, жидкими белыми усами и маленькой косичкой. Из всех азиатов, с которыми мне приходилось сталкиваться во время моей экспедиции, я охотнее всего вспоминаю Лю-дарина и с большим удовольствием встретился бы с ним опять.

Лю-дарин часто приглашал меня к себе и в это, и в следующее мое пребывание в Хотане; не раз приходилось мне и обедать у него в обществе главных чиновников города, причем нас всякий раз угощали такими деликатесами, которые одобрил бы любой европейский гастроном. На больших обедах, между прочим, постоянно подавался суп из ласточкиных гнезд, отличающийся необыкновенно ароматным запахом.

Обеды у Лю-дарина вносили желанное и приятное разнообразие в мое однообразное будничное меню, состоявшее из риса, баранины и хлеба. Вообще, кушанья, которыми угощал амбань хотанский, были не то что протухлые утки

Лю-Дарин,
амбан хотанский

и засахаренная ветчина друга нашего дао-тая кашгарского. У Лю-дарина я ел, как настоящий китаец, и чувствовал себя потом отлично, не так, как после обедов у дао-тая.

О современном Ильчи остается сказать не много. Место крайне не интересное. Тот же хаос жалких ничтожных домишек, узких улиц и переулков, как и в Яркенде. Семь медресе, двадцать мечетей и множество мазаров, усердно посещаемых правоверными. Базар здесь, как и во всех магометанских городах, средоточие городской жизни. В улицы упирается множество невероятно узких, извилистых и грязных переулков. Там и сям виднеются и открытые площади с прудами, обсаженными деревьями.

Старый татарин Магомет Рафиков из Оренбурга устроил здесь настоящий кожевенный завод. Рафиков живет в Хотане уже десять лет и выстроил себе хорошенький дом около базара, завод же расположен около реки Юрун-каш и состоит из огромного навеса-амбара и небольшого домика русского типа. Старик рассказывал, что он каждый год в феврале месяце приказывает сносить все эти постройки, как будто желая прекратить дело и вернуться на родину. Тогда хотанцы начинают торопиться сбыть ему побольше кож и отдают товар за самую сходную цену. Но в мае он вновь возводит свой завод, и так в течение десяти лет. Я выразил удивление, как это хотанцы до сих пор не раскусили такой хитрости, но старик возразил, что они для этого слишком глупы и ленивы.

11 января я предпринял экскурсию. За Таш-агылом (Каменное селение) начинается пустыня с редко разбросанными барханами и балками, промытыми горными потоками. Затем почва становится каменистой, и мы скоро заметили, что попали в старое русло реки, по всей вероятности, Юрун-каш, которая некогда протекала здесь; река эта, следовательно, в противоположность общему закону, уклонилась отсюда к западу.

Это старое русло и является одним из главнейших местонахождений нефрита. Повсюду виднеются вырытые ямы, глубиной метра в два, шириной в несколько метров и длиной самое большее в 10 метров. Материал, извлекаемый из этих ям, состоит из валунов, гальки, песку и глины.

Между этими валунами и попадает нефрит. Мне рассказывали, что нередко искатели нефрита роются по несколько месяцев, не находя ничего, а то вдруг в течение нескольких дней добывают столько нефрита, что сразу богатеют или, во всяком случае, делают блестящую аферу.

Цены на нефрит различны в зависимости от цвета, чистоты и цельности камня. Желтый или белый нефрит с темно-красными жилками считается редким и дорогим; шероховатость камня, называемая «гуш» (мясо), еще увеличивает его ценность. Одноцветный нефрит, напротив, совсем не в цене. Мне предлагали пару прекрасных камней за 100—140 сэр (80—112 рублей), но кошелек мой был слишком тощ.

Из Кашгара я взял с собой в качестве секретаря «мирзу» по имени Искандер. С его помощью я во время путешествия узнавал, записывал и переводил названия разных местечек, рек, гор и проч., не только находившихся непосредственно на нашем пути, но и далеко за пределами его.

На пути между Кашгаром и Хотаном я нанес на мою карту свыше пятисот названий, из которых другими путешественниками упомянуты лишь главнейшие. Большинство путешественников, совершающих свои экспедиции на курьерских, упускают из вида это дело, между тем оно представляет большой интерес и значение. Прежде всего, собирание и записывание названий дает отличную практику языка. Восемьсот названий, состоящих почти сплошь из существительных с прилагательными, например Каракаш (Черный нефрит), могут доставить порядочный запас слов. Кроме того, местные географические названия всегда характерны и дают известное понятие о продуктах или природе данной местности. Наконец, между 800 таких названий найдется всегда несколько, которые своим звуком невольно наводят мысль на давно прошедшие времена и могут натолкнуть на важные исторические открытия или вопросы.

В связи с этим я придаю также большое значение самим расспросам. Личные наблюдения должны, разумеется, всегда быть на первом плане. Я всегда предлагал одни и те же вопросы в одном и том же порядке: о числе жителей,

о местных продуктах, мазарах, мечетях, легендах, сеют ли здесь яровые хлеба, или озимые, или и то и другое, засеивают ли одно и то же поле два раза в год, или только раз, или даже через год, о торговле, о торговых сношениях, дорогах, расстоянии от пустыни и гор, о количестве воды в реках, о времени их замерзания и вскрытия, о том, куда они впадают, о системе орошения и местных запасах воды, колодцах, о преобладающих ветрах, буранах, дождях, снеге и пр. и пр.

Один вопрос ведет за собой другой. Обыкновенно на расспросы уходило часа два-три, затем я все записывал. Поэтому в обитаемых местностях я редко ложился спать раньше полуночи, когда люди мои давным-давно храпели. Часто ответ на какой-нибудь из моих вопросов являлся причиной, что ранее составленный мной план путешествия совершенно изменялся. Я никогда бы и не отважился на новый переход по пустыне, если бы из расспросов не убедился, что могу сделать это в полном расчете на успех.

VI. Находки около Буразана

9 января я предпринял из Хотана экскурсию за несколько верст к западу, в селение Буразан, которое, благодаря находимым около него остаткам древней культуры, является для археологов одним из интереснейших пунктов Центральной Азии. Верхний почвенный слой здесь лёссовый, мощностью до 8 метров.

Ручеек, питаемый отчасти ключами, размыл мягкий лёсс, и русло ручья глубоко врежется в твердые конгломераты. Весной и летом, когда тает снег на северных склонах Куньлуня, ручей раздувается в значительную горную реку, водная масса которой смывает и сравнивает лёссовые террасы.

Осенью, когда вода спадает, на месте смытых террас находят разные образчики древнего искусства: изделия из терракоты, изображения Будды из бронзы, драгоценные камни с резьбой, монеты и пр. Для жителей Хотана подобные вещицы, раз они не из благородного металла,

не имеют никакой цены, и они отдают их детям, в игрушки. Но для археолога эти предметы представляют большую ценность, так как доказывают, что облагороженное влиянием греков древнеиндийское искусство проникало в самое сердце Азии.

Посетил я Буразан, как сказано, в начале января. Ручей в это время сузился в ничтожную канавку, так как ключи, питающие его, замерзли. Последняя жатва находок была уже собрана хотанцами, которых привлекает сюда, собственно, надежда найти золото или другие сокровища.

Я нашел поэтому лишь весьма незначительное число древних вещей. Коллекция, привезенная мной домой и заключающая 523 предмета, не считая монет и рукописей, составлена главным образом путем покупок в Хотане и у местных жителей, которым я поручил искать для меня древности, пока я путешествовал на Лобнор.

Поводом к тому, что я вообще заинтересовался этой отраслью науки, послужило то обстоятельство, что я еще в Кашгаре у консула Петровского видел подобную коллекцию. Он составил ее из вещей, привезенных ему из Буразана западнотуркестанскими купцами. Коллекция эта описана вкратце Кизерицким в «Записках Императорского Русского археологического общества».

Я позволю себе дать здесь лишь некоторые общие сведения о своей коллекции, детальная же разработка передана компетентному исследователю. Труд Кизерицкого служит мне в данном случае исходной точкой, так как предметы описания однородны и найдены на одном и том же месте. Кроме того, я пользуюсь превосходным трудом Грюнведела «Буддийское искусство в Индии».

Терракотовые изделия, о которых идет речь, исполнены с большим искусством из тонкой пластичной глины и, видимо, подвергнуты затем действию сильного огня, судя по их ярко-красному кирпичному цвету и необычайной твердости. В общем, вещицы эти можно разделить на две группы: памятники искусства натуралистического и памятники искусства стилистического.

Первая группа вообще говорит не очень-то много, а о времени происхождения самих памятников и вовсе ничего.

Она свидетельствует только, что прежние обитатели Буразана, как и нынешние обитатели оазиса Хотана, пользовались для верховой и вьючной езды лошадьми и двугорбыми, или бактрийскими, верблюдами. Дромадеры же, или одногорбые верблюды, были, как и теперь, неизвестны в этих местах. Мы находим их только в Персии, где географическая область их распространения соприкасается с областью распространения бактрийского верблюда. Изображения верблюдов без вьюка и без всадников или седел, конечно, не обозначают, как то полагали, диких верблюдов. Напротив, есть все основания полагать, что дикие верблюды, водящиеся ныне в пустыне Гоби, к северу от Хотана, одичали в период, сменивший период процветания области Буразан. Одна китайская летопись сообщает, что в 746 г. по Р. Х., т. е. в правление династии Тан, посланцы из Хотана явились к императору китайскому и привели «дикого верблюда, быстрого, как ветер».

Но в одном отношении и эта группа имеет значение, так как говорит нам о происхождении людей, выделявавших такие вещицы. Особенное значение в этом смысле имеют изображения людей и обезьян. Индусский тип бросается в глаза с первого взгляда: миндалевидные глаза, благородный изгиб бровей, полные щеки, орлиный нос, малоразвитой подбородок и часто та же самая прическа, что у женских изображений на рельефах Барахаты и Сангии и на мавзолее-ступе Амаравати. Последние относятся к эпохе царя Ашоки, или эпохе персидского влияния, расцвет которой начался приблизительно около 300 г. до Р. Х.

Характерная мужская голова, 12 сантиметров в длину с длинной, клинообразной, тщательно расчесанной бородой, горизонтально поставленными глазами и большим орлиным носом, представляет совсем иной тип и поражает сходством с изображениями Ахеменидов в развалинах Персеполя. Резкую дисгармонию с этими отличительными чертами персидского типа составляют присущие индийскому искусству длинные уши и знак на лбу. Знак этот, или «урна», на изображениях Будды часто заменяющийся вставленным в углубление драгоценным камнем, служил, согласно свидетельству Грюнведеля, для соединения бровей, так

как люди со сросшимися бровями считались избранными натурами, богато одаренными духовно. Можно предполагать, что голова эта изображает какого-нибудь персидского царя или героя, но является произведением индийского мастера или же изображает какого-нибудь буразанского вельможу и является произведением мастера, находившегося под влиянием персидского искусства.

Достоверно мы не знаем, когда именно началась и кончилась политическая связь Персии с Индией, но из персидских мидо-скифских и вавилонских клинообразных надписей, найденных в Западной Персии, мы знаем вполне достоверно, что в состав 23 сатрапий Дария, царствовавшего с 521 по 485 г. до Р. Х., входили и два племени: гинду, жившее около Инда, и гандхара, арийское племя, жившее к югу от реки Кабула.

В начале своего царствования царю Дарию пришлось бороться с возмущившимися вассалами, но затем, согласно Геродоту, он начал исследование больших пространств Азии. Одна из посланных им экспедиций, под начальством Скилака, отплыв из Карианды по Инду, обогнула вокруг Аравийского полуострова по Аравийскому морю до Суэцкого залива.

Геродот сообщает еще, что сакии, или скифы, и каспики платили царю ежегодную дань в 250 серебряных талантов. Эти сакии проживали в нынешней Кашгарии, где и поныне многие географические названия — Секи, Сокуташ и др. несколько напоминают о прежних обитателях страны.

Изображения львиных голов, так же как и изображения обезьян в моей коллекции, носят ясные следы антропоморфизма. Кизерицкий признает в подобных изображениях мифического народного вавилонского героя Издубара; но нельзя и отрицать в них известного сходства с древнегреческими сатирами.

Во второй группе особенный интерес представляют изображения грифов (грифонов). В них мы находим формы, развившиеся из туземных древнеиндийских изображений Гаруды, фантастической птицы, считавшейся конем богов. Вместе с тем они обнаруживают сходство с типом

греческих грифов, бывшим в употреблении около III в. до Р. Х.

Двадцать два года тому назад Куртиус, опираясь на имевшиеся у него в руках материалы, пришел к заключению, что влияние греческого искусства проникло в Индию вместе с победоносным шествием Александра Великого и основанием греческих царств у границ Индии, когда после смерти Александра могущественное царство великого македонца распалось (IV и III в.). Вероятно, изделия из терракоты, находимые около Буразана, принадлежат тому времени, когда преемники Александра основали царства около северных границ Индии. От Пешавера греческие идеи, видимо, распространились далеко вокруг и, как мы видели, достигли Хотана.

В Хотане мне посчастливилось приобрести также несколько литых бронзовых и медных изображений Будды, найденных в Буразане и относящихся, без сомнения, к позднему периоду, когда туземное искусство окончательно освободилось от греческого влияния. Древность этих бронзовых изделий, вероятно, надо определить IV или V в. по Р. Х.

Хотан, в окрестностях которого найдены эти древности, сам очень древний город. По-санскритски он назывался Кустана, и название это нельзя считать, как то полагали многие, тождественным с монгольским словом «хотен» — город. Китайцы уже во II в. до Р. Х. называли его Юй-чин. В китайской летописи «Тай-цзинь-и-тун-цзи» находится много сведений о древнем Хотане. Из них мы узнаем, что император Ву-ди из династии Хань, царствовавший в 140—87 гг. до Р. Х., был первым императором, пославшим своих военачальников в Хотан, а в царствование императора Минь-ди город был подчинен китайскому владычеству (в 73 г. по Р. Х.) и с тех пор оставался в большей или меньшей зависимости от Китая.

Интересен для нас факт, что промышленность хотанцев стояла на очень высоком уровне развития. Одно из многочисленных посольств, посылавшихся из Хотана ко двору китайских императоров, привезло императору в числе прочих даров несколько стеклянных ваз. Я лично не только около Хотана, но и во многих местах в Восточном Туркеста-

не находил стеклянные осколки тарелок, небольших кувшинов, чашек и украшений в форме цветка лотоса. Летописец рассказывает, что хотанцы были искусны в тканье и выделке медных кувшинов и что печатки были у них в общем употреблении. Я в окрестностях Хотана нашел десятка два таких печаток.

Около 400 г. по Р. Х., согласно той же китайской летописи, в Хотан прибыл китайский путешественник Ши-Фа-Хиан, чтобы «изучить начертания законов». Этот-то Ши-Фа-Хиан и описал религиозные празднества хотанцев, или «процессии с изображениями богов»:

«В первый день четвертого месяца в городе начинается всеобщая чистка. Улицы, площади и переулки поливают водой. Городские ворота убирают коврами, надушенными тканями и разными другими украшениями, и под образовавшимся балдахином занимают места князь с супругой и приближенными женщинами.

Кью-Ма-ди, верховный лама храма, идет впереди главной статуи. Когда они приближаются к городу на расстояние 3—4 ли, берут четырехколесную повозку в 30 футов высоты, похожую на обыкновенные телеги, украшают ее драгоценностями, лентами, флагами и ставят на нее статую между двумя изображениями Фо-са, окружают ее изображениями других богов, а также множеством украшений из золота, серебра и мрамора.

Когда статуя находится уже в 100 шагах от ворот, князь снимает с себя свой венец, накидывает на себя новую мантию, выходит босиком из города и направляется навстречу изображениям, держа в руках цветы и благовония. Приблизившись к статуе, он бросается ниц перед нею и кладет к ее подножию благовония и цветы.

Когда повозка со статуей приближается к городским воротам, где восседает супруга властителя со своими женщинами, они все начинают осыпать статую и повозку цветами. Повозок столько же, сколько храмов, т. е. 14, и для каждой процессии отводится особый день, так что первая процессия приходится на первый день четвертого месяца, а последняя на четырнадцатый. По окончании процессии князь с супругой возвращаются во дворец.

В 7 или 8 ли от города находится монастырь, именуемый Новым княжеским храмом. Строили его 80 лет, и целых три князя посвятили ему свои заботы. Высота его равняется 250 футов; он изукрашен живописью и надписями, вырезанными на металле, а также золотом, серебром и разной драгоценной резьбой. Храм венчает башня; Будде посвящена особая молельня; балки ее украшены драгоценнейшей резьбой, колонны, двери, окна и ставни обиты золотыми листами. Для жрецов возведены особые кельи, тоже очень красивые и богато украшенные».

Таким образом, из китайской летописи мы узнаем, что Хотан еще в 400 г. был богатым городом, где процветал буддизм.

В другом месте летописи говорится, что вокруг города расположено множество храмов и башен со жрецами и жрицами. Обилие изображений Будды, находимых в лёссе около Буразана, подтверждает верность сообщений китайской летописи. Без сомнения, Буразан, по-индусски Барасана, в течение веков являлся одним из центров буддизма, наиболее посещаемым паломниками. Об этом свидетельствуют и находимые здесь терракотовые изображения 700-летней древности, относящиеся к периоду, когда Хотан еще не находился в зависимости от Китая.

Но позже 400 г. город в течение столетий все падал и падал. Летопись говорит еще о посланниках хотанских властителей к китайским императорам, но уже не упоминает о блестящих религиозных празднествах. К 632 г. относится легенда об одном изображении Будды, находившемся в городе Пиме, к западу от Хотана. Статуя эта, из сандалового дерева, имела 20 футов высоты, отличалась чудодейственными свойствами и испускала сияние. Еще в древние времена она была привезена в лежащий к северу от Пимы город Хо-ляо-ло-кия, богатые жители которого предавались веселой жизни и пренебрегали святыней.

В город прибыл рахан, или ученый, чтобы поклониться святыне. Жители города разгневались на него за это и закопали его в песок по самый рот. Один благочестивый человек, который тоже почитал статую Будды, однако, тайком приносил закопанному ученому пищу. Когда рахан нако-

нец освободился и собрался в обратный путь, он сказал своему избавителю: «Через семь дней пойдет дождь из песку и земли и погребет весь этот город, так что, кроме тебя, никто не спасется». Избавитель его предостерег своих родственников, но все только осмеяли его. Тогда он сам укрылся в одной пещере, и на седьмые сутки после полуночи пошел дождь из песку, который засыпал весь город. Когда дождь кончился, человек этот вышел из пещеры и отправился в Пиму. Но статуя Будды была там уже раньше его.

Мне один хотанец рассказывал, что он однажды нашел в пустыне погребенный город, в домах которого видел трупы людей в таком положении, в каком застигла их смерть; по его рассказам выходило, что они были засыпаны песком, как жители Помпеи пеплом. Замечательно это общее убеждение местных жителей, что города были засыпаны песком внезапно и даже в течение всего нескольких минут.

В том, что легенды и предания эти имеют реальную подкладку, я имел случай убедиться, открыв два погребенных в пустыне Такла-макан древних буддистских города. Можно, однако, быть уверенным, что надвижение песков не было делом мгновенья, но совершалось в течение десятков тысячелетий.

После 632 г. китайской летописи уже нечего рассказывать о культе Будды. Но 1094 — 1097 гг. отмечены в ней сообщением, что обитатели Хотана, арабы, римляне и др., посылали дань императору. Арабы давно уже владели городом. В 712 г. один из арабских вождей Кутейба-ибн-Муслим взял приступом Коканд в Западном Туркестане, затем завоевал весь Восточный Туркестан и распространил там ислам. Около могил святых имамов находят рукописи, так называемые «тезкере», содержащие изложение этих событий.

Мне посчастливилось добыть одну такую «тезкере» около могилы, или мазара, имама Джафара Садыка, находящегося к северу от Нии. Арабам пришлось воевать целых 25 лет, прежде чем удалось навязать жителям оазиса Хотан новую религию. Может быть, тогда же арабы и сровняли с землей величественный храм, описанный в 400 г. до Р. Х., так как магометане не терпят языческих храмов. Если же что

и уцелело от разрушения арабами, то, наверное, постарались разрушить до основания монголы, завоевавшие город под предводительством Чингисхана в 1220 г.

Как бы то ни было, достоверно то, что в настоящее время в Хотане не осталось и следа древних архитектурных памятников. Их, по-видимому, не существовало уже и во времена Марко Поло. Венецианский путешественник посетил город в 1274 г. и говорит о нем лишь следующее: «Жители города подвластны великому хану (т.е. Хубилай-хану) и исповедуют религию Магомета. В стране множество городов и селений, но главный город Готан самый великолепный из всех, и по имени его называется и все Царство. В этом городе можно получить в изобилии всякие продукты, даже хлопок. Жители имеют виноградники, сады и пахотные поля. Живут торговлей и промышленностью, но воинственны». Это краткое описание знаменитого венецианца и ныне еще согласуется с действительностью; разница лишь в том, что ныне Хотан подвластен императору китайскому.

Марко Поло сообщает, что в Кашгаре и Яркенде нашел христиан — несторианцев и якобитов, «которые имели свои храмы», говоря же о Хотане, он не упоминает о христианах. Поэтому приобретенная мной в Хотане древняя медаль является в высшей степени интересной находкой. Медаль эта свидетельствует, что христианские миссионеры заходили в древние времена и сюда. Она, вероятно, служила орденским знаком какого-нибудь католического братства. На одной стороне медали изображение монаха, с сиянием вокруг головы, молящегося перед распятием; вокруг идет надпись *S. Andrea Avelin*. На другой стороне изображение святой Ирины также с венчиком вокруг головы; в руках же у нее пальмовая или лавровая ветвь. Я нашел в Хотане и другие эмблемы христианства: миниатюрного серафима из золота и медный крест. В коллекцию мою входят также несколько византийских золотых монет.

Таким образом, этот древнейший город видел в своих стенах три мировые религии, сменявшие одна другую. Победит ли когда-нибудь здесь крест и луну, как эта последняя в свое время победила священный лотос Гаутамы Будды?

VII. Еще раз через Такла-макан. Помпея в пустыне

11 января 1896 г. я оставил Хотан с небольшим, тщательно подобранным караваном, состоявшим из четверых людей и трех верблюдов. Кроме того, я взял с собой двух ослов, чтобы испытать их пригодность для форсированного перехода по пустыне. Спутниками моими были: Исламбай, Керим-Джан, тоже ошский уроженец, и два охотника, Ахмет-Мерген и сын его Касим-ахун, которые помогали нам в розысках после крушения в пустыне нашего первого каравана.

Наученные опытом первого тяжелого перехода, мы теперь знали, что снаряжение экспедиции должно быть по возможности несложным и легким. Поэтому мы на этот раз взяли с собой лишь самое необходимое, что составило три легких выюка для наших трех отличных верблюдов-самцов. Таким образом, если бы нам опять пришлось бросить караван на произвол судьбы, потеря была бы не так чувствительна.

Намерением моим было исследовать Мазар-таг, затем отправиться к востоку через пустыню к Керии-дарье и посетить по пути развалины древнего города, о котором мне рассказывали в Хотане. Обратный путь я рассчитывал сделать, направившись к югу по руслу Керии-дарьи, и затем через город Керию вернуться в Хотан. Этот первоначальный скромный план разросся, однако, не на шутку, и вышла крупная экспедиция, богатая неожиданными важными открытиями, как читатель узнает из следующих глав.

Худо было лишь то, что я не захватил с собой китайского паспорта и раз чуть было не попал из-за этого в большую беду; но и это приключение окончилось благополучно. Составляя свой план, я и не помышлял, что нам придется прийти в столкновение с китайскими мандаринами.

Для моих вещей и инструментов понадобился один ягдан, для кухонных принадлежностей другой; кроме того, понадобилось несколько переметных сум для муки, хлеба,

риса, сушеной зелени, макарон, котлов и кастрюль, сахара, чая, свечей, фонарей и пр. Наконец, мы взяли с собой шубы и большой спальный мешок из козьего меха, несколько войлоков, два топора, две лопаты, заступ, оружие и боевые припасы.

Такие предметы, как палатка и кровать, были сочтены излишней роскошью. Я спал, как и мои люди, в продолжение всего путешествия, завернувшись в шубы, прямо на земле, даже зимой при 22° мороза. В топливе не предвиделось недостатка, да и весна была не за горами.

Мой новый друг Лю-дарин полагал, что трех верблюдов было мало, и хотел на свой счет подкрепить караван еще двумя верблюдами и двумя людьми. Но я пуше всего-то и опасался обременить себя слишком большим караваном и постарался отговорить его. Лю-дарин удовлетворился тем, что отправился вперед нас в лежавшее на нашем пути селение Хазрет-Султан, где и велел разбить большую красную палатку. Внутри палатка была убрана на китайский манер стульями и столом и вся задрапирована красной материей.

На виду огромной массы народа мы побеседовали здесь часок, покурили, напились чаю и расстались. Я сел на своего верхового верблюда, и под звон колокольчиков мы продолжали путь к северу, следуя по левому берегу реки Юрункаш. В течение четырех дней мы ехали по пустынным местам, прорезанным лесными участками, пока не добрались до Ислам-абада, последнего населенного пункта на этом берегу; здесь мы перебрались через реку по крепкому льду.

Мы шли обыкновенно не больше пяти-шести часов в день, чтобы не переутомить животных. Расположившись лагерем, мы принимались за обычные занятия: двое рыли колодец, двое других выкапывали корни тамариска для костра, Ислам-бай готовил мне обед, а Керим-Джан развьючивал и убирал верблюдов. Я сам усаживался в шубе и валенках на войлочном ковре и делал заметки, набрасывал эскизы, измерял углы падения барханов, высоту их, направление и пр., а затем направлялся к колодцу, который к тому времени почти всегда был уже вырыт.

Скоро мы привыкли распознавать, стоит копать на данном месте колодец или нет. Если поблизости растет свежий тамариск (юлгун) или тополь (тограк) и верхний слой чисто песчаный, влажный почти до самой поверхности, можно быть уверенным, что пресная вода покажется приблизительно на глубине двух метров. Мы только на таких местах и разбивали лагерь, поэтому к концу дневного перехода я всегда высылал вперед кого-нибудь из людей отыскать наиболее подходящее место для стоянки.

На гребне каждого перевала мы делали продолжительный привал, чтобы высмотреть, в каком направлении можно найти наиболее удобный путь. Если впереди виднелся тамариск, мы направлялись прямо к нему. Он то и дело нырял за барханами, но показывался опять. Часто он казался нам совсем близехонько, но добраться до него оказывалось не так-то скоро.

В одной впадине мы нашли два тополя с засохшими, истрескавшимися стволами; ветви, однако, еще жили и готовились покрыться почками, но, увы, не пришлось им дожидаться этого, — наши верблюды и ослы общипали их с жадностью. Для животных переход этот был настоящим курсом голодовки; хорошо еще, что время как раз было такое, когда верблюды едят мало, но зато кипят задором и все рвутся в драку; через несколько дней пути они, однако, уходились и присмирели.

Базар в Тавек-кэле

Около полудня мы достигли впадины, где кётек, т. е. мертвый лес, или высохшие деревья стали попадаться в изобилии. Низкие стволы и пни, серые, хрупкие, как стекло, перекоробившиеся ветви, корни, выбеленные солнцем, — вот все, что осталось от прежнего леса. Лес этот шел вдоль впадины по направлению с юга к северу и, без сомнения, отмечал пересохшее русло реки — ясное дело — Керии-дарьи. Как я уже имел случай отметить, восточно-туркестанские реки обыкновенно стремятся переместиться к востоку.

Живых тополей оставалось всего два-три; это были последние представители вымершего рода, оставленные лицом к лицу с все умерщвляющим песком, как бы брошенные товарищами, переместившимися вместе с рекой к востоку. Для нас эта полоса высохшего леса представляла большое значение, так как проводники наши хорошо знали, что старый город, который они называли Такла-макан, расположен около восточного края этой лесной полосы. Судя по поверхности почвы, они заявили, что мы уже недалеко от развалин, в чем убеждали нас и найденные глиняные черепки. Мы расположились на привал. Вырыв колодец и найдя воду, мы послали проводников отыскивать самые развалины.

24 января, оставив наш лагерь на месте, мы все отправились к развалинам с лопатами и топорами. Я ехал на своем славном верблюде. Ехать пришлось, впрочем, недалеко, развалины оказались совсем близко. Из всех урочищ Восточного Туркестана, где мне до сих пор пришлось побывать, ни одно не было похоже на этот оригинальный город, остатки которого лежали теперь перед нами. Обыкновенно местные развалины представляют остатки стен и башен из сырца или в лучшем случае из обожженного кирпича. Здесь же все дома были построены из дерева (тополя), и не было и следа каменных или глиняных построек.

Большинство жилищ представляло форму небольшого квадрата, заключенного внутри квадрата побольше, или прямоугольников, разделенных переборками на несколько небольших помещений. От них остались лишь столбы в два-три метра высоты, с заостренными верхушками,

истрескавшиеся, изъеденные ветром и песком, твердые, но тем не менее хрупкие, как стекло, и разлетающиеся вдребезги от удара.

Таких остатков домов насчитывались здесь сотни. Из расположения их нельзя, однако, было вывести заключение о плане города или определить улицы, базары или открытые площади. Причиной то, что весь город целиком, занимающий обширную площадь в три-четыре километра в поперечнике, погребен под высокими барханами. Лишь остатки тех домов, которые были расположены на возвышенностях первоначальной поверхности или приходились теперь во впадинах между барханами, высовываются из песка.

Пытаться отрыть что-нибудь из-под сухого песку — безнадежный труд. Песок тотчас же осыпается назад и снова заполняет копаемую яму. Надо снести целиком весь бархан, чтобы обнажить то, что скрывается под ним, а это не по силам человеческим. Лишь бураны способны кое-что сделать. Мне, однако, посчастливилось наткнуться на такие находки, которые помогли мне составить понятие относительно общего характера древнего города.

Открытая мечеть-
павильон в Тавек-кэле

От одной постройки, которую люди называли «будхана», или храмом Будды, уцелели между вертикальными столбами стены вышиной приблизительно в метр. Стены были заплетены из камыша и обмазаны глиной, смешанной с рубленой соломой. Как с наружной, так и с внутренней стороны тонкие стенки эти были, кроме того, покрыты белой штукатуркой.

Самая штукатурка была украшена живописью, изображавшей полуодетые коленопреклоненные женские фигуры со сложенными, как на молитву, руками; черные волосы их были закручены в узел на макушке головы; брови сходились над переносьем, носившим такую же метку, какая и до сих пор в обычае у индусов.

Были тут изображены и мужчины с черными бородами; арийский тип их сразу бросался в глаза; одеяния же напоминали современные персидские. Затем были здесь изображения собак, лошадей, кораблей, качающихся на волнах, — картина, производившая своеобразное впечатление среди этой песчаной пустыни! Наконец, на одной фреске находился ряд овалов, и в каждом изображении сидящей женщины с четками в руках. Особенно же изобилвала эта стенная живопись изображениями цветов лотоса.

Увезти кусок такой стены было невозможно. Самая стена выдержала бы путешествие, но штукатурка с живописью рассыпалась бы в прах. Я поэтому лишь срисовал узоры и некоторые изображения и отметил размеры и цвета.

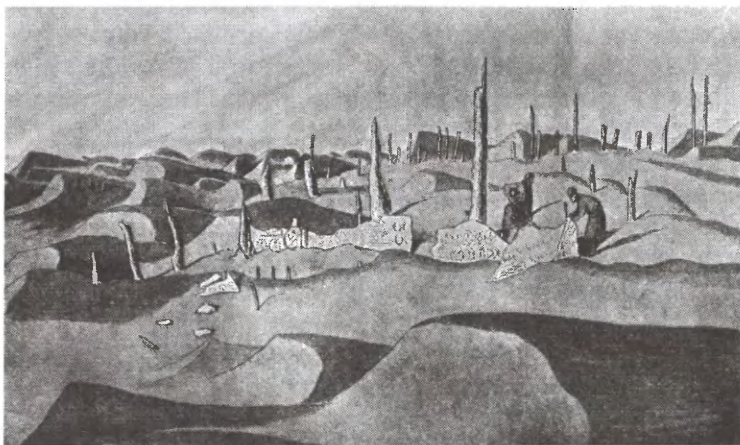
Отрывая из-под песку верхние части стены, мы нашли клочок бумаги с непонятной для нас надписью, большей частью хорошо сохранившейся. Кроме того, мы нашли гипсовый слепок с человеческой ноги в натуральную величину, изобличавший, как и живопись, руку тонкого мастера. Видимо, нога эта принадлежала статуе Будды, и предположение людей, что мы находимся в древнем буддийском храме, было весьма правдоподобно. О том же говорили местоположение развалин на возвышении и живопись на стене, изображавшая молящиеся фигуры.

Больше тут искать нечего было, и мы перешли к развалинам другой постройки. Наружные стены ее были разрушены, да и из столбов уцелело немного. На верхушках

двух из них, повыше других, были четырехугольные отверстия, которые в связи с другими приметами обнаруживали, что дом был двухэтажный или, как персидские жилища и вообще многие дома в Хотане, Каргалыке и Яркенде, обнесен вокруг крыши галереей или балконом. Здесь же, в неглубоком песке наши лопаты отрыли целую массу гипсовых горельефных фигур, величиной в один-два дециметра, с плоской изнанкой; ясно было, что это были лепные стенные украшения. Изображали они частью сидящих Будд с головой на фоне лепестка лотоса или окруженной сияньем, частью стоящих Будд, у которых одна рука была опущена вниз, а другая прижата к груди; широкие одеяния спадали богатыми складками, рукава спускались очень низко, а ворот одеяния был вырезан и позволял видеть ожерелье на шее.

Лица были почти круглы, волосы закручены узлом на макушке, уши очень длинные, отвислые, как и у современных изображений буддийских божеств, миндалевидные глаза поставлены косо; голову окружало кольцо в виде сиянья.

Остальные фигуры изображали женщин с обнаженной грудью и дугообразной гирляндой на голове. Наконец,

Уцелевшие стены дома в древнем городе

мы нашли еще много разнообразных фриз, обломков колонн, карнизов и цветов — все из гипса. Все эти находки были рассортированы, сделан строгий выбор, и кое-что я взял с собой.

Еще в нескольких домах нашли мы разную мелочь, например длинный резной деревянный карниз (я срисовал узор), шелковичную куколку, ось от колеса, по-видимому, от прялки или тому подобного орудия, черепки и ручки от глиняных кувшинов, хорошо сохранившуюся простую спираль или деревянный винт и жернов из порфира, почти в два аршина в диаметре.

Между многими барханами виднелись еще следы садов. Пни обыкновенных тополей тянулись рядами, показывая, что тут шли некогда тенистые аллеи. Росли здесь когда-то и абрикосовые и сливовые деревья.

Итак, этот погребенный в песчаной пустыне город лежал во время оно на берегу Керии-дарьи, и вдоль его домов и храмов струились воды арыков. Под самым городом, по берегам реки, росли великолепные леса, подобные ныне растущим по берегам Керии-дарьи; в летние жары жители города наслаждались тенью в своих фруктовых садах. Здесь же текли мощные потоки, которые могли приводить в движение тяжелые жернова. Здесь процветали шелководство, садоводство и промышленность, здесь жил народ, умевший художественно, со вкусом украшать свои жилища и храмы.

Мои проводники называли этот город Такла-макан, мы и сохраним за ним это название, так как с ним связано множество загадок, вопросов и задач, разрешение которых дело будущего. До сих пор никто и не подозревал о существовании этого города. Кто мог в самом деле думать, что в сердце пустыни Гоби, в той ее части, которая является пустынейшей из всех пустынь земли, находятся развалины больших городов и остатки богатой культуры? И вот я стоял тут, посреди обломков минувшего, среди развалин домов, в которых хозяйничали теперь лишь песчаные бураны! Я стоял здесь, словно принц в очарованном лесу, я нарушил тысячелетний сон города, пробудил его к новой жизни в человеческом знании.

Нет также сомнения в том, что город был буддийский, и мы можем поэтому с полной достоверностью сказать, что он древнее 700 г., т.е. года вторжения в Туркестан арабов под предводительством Кутейбы-ибн-Муслима. Можно с уверенностью утверждать, что жители города, исповедовавшие буддийскую религию, были арийского происхождения. Вероятно, они явились из Индостана и, может быть, и подали повод к многочисленным легендам о народах Тогда-рашид и Нокта-рашид, против которых по преданиям воевал Сеид Арслан (Урдан-Падшах). Может быть, этот город процветал в одно время с Буразаном.

В старом городе распростились с нами наши проводники, ставшие ненужными, и повернули назад по нашим следам с тем, чтобы останавливаться на привалы около вырытых нами колодцев.

25 января мы прошли 8 даванов (барханов); под вечер нашли воду на глубине 1,87 метра. На следующий день песок стал глубже, идти становилось все труднее, но мы все-таки прошли 8 даванов. Перевалив через восьмой, мы нашли во впадине массу кустов тамариска и умирающего камыша, что весьма и соблазняло нас разбить лагерь, хотя мы и прошли в этот день еще немного. К востоку высился колоссальный даван, казавшийся в тумане далекой горой. Посоветовались и решили, однако, посмотреть, что будет за этим даваном. Высота его равнялась 40 метрам, и переход через него оказался страшно трудным. Люди упали духом, верблюды еле брели, ослы порядком отставали.

Наконец мы достигли гребня. Вот так сюрприз! Впереди ни одного давана больше! Далеко-то, впрочем, мы не могли видеть из-за пыльного тумана, носившегося в воздухе после последнего бурана. Скоро мы наткнулись на след лисицы, нашли мертвую утку; кусты тамариска и другие растения пустыни попадались все чаще. Мы с радостью замечали, как толща песку становилась все тоньше; вот показались следы лошадей и людей, мы вышли на равнину, поросшую тополевым лесом, наткнулись на брошенный шалаш, состоявший из крыши, покоящейся на нескольких столбах, и наконец расположились на ночлег на берегу, около скованной толстым льдом Керии-дарьи.

VIII. В лесах Керии-дарьи. Безвестное пастушье племя

Итак, мы благополучно совершили переход через эту часть пустыни и достигли реки. Тучная растительность береговой полосы восхищала наши взоры, не встречавшие в течение целой недели ничего, кроме желтого песка. Ширина реки около нашего лагеря равнялась 32 метрам; река была покрыта толстой ледяной корой; мы прорубили в ней колодец, и верблюды напились ледяной воды всласть.

Закололи последнего барана, развели бивуачные огни, и все чувствовали себя прекрасно; хорошее расположение духа не нарушалось даже тем, что густая пыльная мгла скрывала от нас окрестность и звездное небо. Шалаш служил кому-то приютом не далее, как вчера, если судить по чуть тлевшимся еще угольям от костра и свежим следам, которые ветер не успел замести. Но людей нигде не было видно.

На следующий день, 27 января, мы направили путь к северу, вдоль левого берега реки, занятые одной мыслью — поскорее найти проводника, чтобы добиться от него сведений относительно этой реки, на которой до сих пор не бывал ни один европеец и течение которой к северу от города Керии обозначается на наших картах лишь пунктиром.

Но нигде не было и признака человеческого существования. Час за часом подвигались мы по густому тополево-му лесу, продирались сквозь частые кустарники, шагали по кучам валежника и засохшего тростника, обходили барханы, которые порой подступали к самому берегу, окаймляя лесную полосу. Вдруг послышалось блеяние овец, и мы увидели большое стадо, рассыпавшееся в камышах, достигавших высоты человеческого роста. Тут наконец должны были найтись и люди. Мы принялись кричать и свистать, но никто не отзывался, никто не показывался.

Тогда все четверо людей разбрелись по лесу, а я остался ждать около верблюдов. Прошло с полчаса, и Ахмет-Мерген вернулся, ведя с собой пастуха и его жену. Оказалось, что

они, испугавшись нашего появления, сломя голову кинулись в чашу и спрятались. Скоро, однако, они успокоились и проводили нас к своей сатме (шалаш из камыша), где мы все вместе и провели ночь. Пастух был осыпан вопросами, весь небогатый запас его сведений был исчерпан до дна и занесен в мою записную книжку.

«Тебя как зовут?» — спросил я и услышал в ответ: «Гуссейн и Гассан!» Я был удивлен двойным именем, и пастух объяснил, что имя Гассан принадлежит, собственно, его брату-близнецу, живущему в Керии, но он, ввиду того, что они близнецы, пользуется обоими именами. Гуссейн сообщил также, что вдоль всего течения реки к северу идут расположенные друг от друга в значительных расстояниях стойбища пастухов, пасущих стада керийских баев.

Стада состояли из 300—2000 голов. Каждый пастух имел свой лесной участок, за пределы которого не имел права выходить. В этом участке он проводил круглый год, переходя с места на место и оставаясь на каждом от 10 до 20 дней, пока хватало подножного корму для стада. В распоряжении Гуссейна было свыше 13 агылов, или стойбищ, расположенных друг от друга в расстоянии двух дней пути.

Владелец стада проживал в Керии и наезжал в лес два раза в год, весной и осенью, для стрижки и счета овец. Вместе с тем он привозил для пастуха маисовую муку и прочее продовольствие на полгода. Сам же Гуссейн бывал в городе раз в два года, хотя город и находился от того пункта (Кочкор-агыл), где мы достигли реки, всего в 4 днях пути. Дальше по течению реки мы встречали пастухов, которые бывали в Керии всего раз в жизни; попался даже один такой, который, несмотря на свои 35 лет от роду, ни разу не бывал в городе и не мог даже представить себе, что такое город или базар.

В лесах Керии-дарьи проживает, таким образом, около 150 человек, живущих в своем особенном замкнутом мире, вдали от проезжих дорог, от всякого начальства. Пастухи видят только своих ближайших соседей да баев, проезжающих в свои агылы, и поэтому крайне робки и полудики, настоящие лесные дикари. Они не знают и не умеют ниче-

го другого, кроме как пасти стада, стричь овец, отыскивать для них хорошие пастбища, срезывать для них молодые побеги, доить их и вовремя отнимать ягнят от маток. Еще они умеют печь листовой хлеб, мастерить себе шалаши и рыть колодцы, когда река пересыхает или когда они со стадами заходят далеко от нее. Кетмень (заступ) и балта (топор) поэтому у них главные орудия. Топор они всегда носят за спиной, заткнутым за пояс.

В области Хотан-дарь пастухи живут бобылями без жен и детей, которые остаются в Хотане, что меня очень удивляло. Но по Хотан-дарье идет торговый, хотя и не очень бойкий, тракт. Там ездят китайцы, и пастухи побаиваются со стороны последних слишком вольного обращения с туземными женщинами.

На Кери-дарье дело обстоит иначе. Тут не пролегает никакого пути, и пастухи живут здесь со своими семьями. Жизнь Гуссейна с женой — бездетной четы — напоминала своей уединенностью и простотой жизнь прародителей Адама и Евы, с той лишь разницей, что пастух и его подруга ходили с головы до пят одетыми в овечьи шкуры.

Относительно реки Гуссейн сообщил, что воды ее повыше Кери распределяются на множество арыков, которые орошают окрестные поля, вследствие чего самая река почти пропадает. Это-то обстоятельство отчасти и послужило причиной, что никому из путешественников, посещавших Керию (Пржевальский, Певцов, Громбчевский, Дютрейль-де-Рин, Литледэль), и не вздумалось сделать экскурсию вниз по реке. На картах все они, кроме Певцова, и показали ее течение чересчур коротким.

В июне и июле, когда снег и лед тают в горах Тибета, по руслу реки струится масса воды, но глубина ее все-таки так невелика, что повсюду найдутся места, где можно перейти реку вброд. Эта масса воды не попадает в арыки и называется «ак-су», т. е. белая вода, так как происхождением своим обязана горным снегам и в противоположность «кара-су» — черной воде, которую приносят источники. Осенью вода в реке быстро спадает, а в конце ноября покрывается льдинами, которые громоздятся одна на другую, так что река кажется шире, чем есть на самом деле.

Теперь река находилась как раз в таком периоде. Ожидали, что она тронется недели через три, если погода простоит ясная и тихая; иначе лед мог продержаться еще дольше. Во время вскрытия разлив воды причиняет иногда немалые опустошения. После того русло в течение нескольких месяцев остается сухим, так что пастухам приходится выкапывать колодцы. Одним словом, Керия-дарья отличается теми же свойствами, как и ее соседка, Хотан-дарья, но далеко уступает последней обилием воды и протяжением.

Гуссейн отправился к югу, мы к северу, держась русла, оставленного рекой шестнадцать лет тому назад; река проложила себе в трех километрах новое, по которому и течет на протяжении полутора дней пути. Итак, и эта река обнаруживает стремление переместиться к востоку.

Новый рукав проложил себе путь в бесплодном песке; вся растительность — леса и камышовые заросли остались около старого русла, питаюсь грунтовыми водами. Но настанет время, когда корни уже не будут доставать до нее, когда песок возьмет верх и лес умрет, превратится в «кётек», какой нашли мы около развалин. Новое же русло обрастет малопомалу молодым леском.

Отдохнув день, мы продолжали путь дальше на север. Теперь недостатка в проводниках не было, и нас постоянно вел через лес какой-нибудь пастух. Часто приходилось

Деревянный фундамент,
сохранившийся в древнем
городе около Кара-дун

нам продираться сквозь такие чаши, где верблюды еле пробирались, а мне то и дело приходилось остерегаться, чтобы какая-нибудь ветка или сук не содрали с меня кожу.

30 января миновали место, где старое и новое русло снова соединяются. Река представляла здесь величественное зрелище; ширина ее превосходила 100 метров; лед местами блестел как зеркало, местами был слегка запорошен пылью. Атмосфера в течение десяти дней оставалась насыщенной этой тончайшей пылью, которую вздымают первые весенние ветры; она долго носится в воздухе, прежде чем опять оседет на поверхность земли.

Пыльные туманы в это время года — обычное, но мало-приятное для пастухов явление. Пыль покрывает тончайшим налетом каждую былинку, и у овец, поедающих пыльную траву, начинает першить в горле. Пыль проникает всюду и покрывает все предметы. Желтые песчаные барханы становятся от нее белыми, и следы, оставленные на песке, бывают видны издали, выступая темной линией.

1 февраля река явно выразила стремление завернуть к северо-востоку. У меня же был план пересечь всю эту часть пустыни Гоби с юга на север и попытаться достигнуть реки Тарим, поэтому я с некоторой тревогой наблюдал уклонение реки вправо. Быть может, чем дальше, тем оно будет сильнее; пожалуй, в конце концов река пойдет параллельно Тариму к Лобнору, но, разумеется, не достигнет этого озера! С каждым днем вопрос все обострялся: удастся ли наша экспедиция, или мы принуждены будем вернуться обратно по собственным следам?

В этот день мы достигли области Юган-кум, вполне оправдывающей свое название: мощный песок. Высокие голые барханы отвесно спускаются здесь в реку. У южной же их подошвы простиралась степь, где мы снова встретили пастухов. Один из них проводил нас дальше, до лесной области Тонкуз-басте (Подвешенный кабан). Здесь проживали две пастушьи семьи, образовавшие настоящий лагерь дикарей вокруг костра, под открытым небом. Матери были окружены ребятишками, все одеяние которых состояло из распахнутого тулупчика. Поблизости лагеря паслось

300 овец. Еще имелся в лагере петух, три курицы, голубь и пара собак.

Тут же на земле были разбросаны их пожитки: разная деревянная посуда для печения хлеба, доения овец и трапез. Вода хранилась в кожаных мешках и ведрах, выдолбленных из тополевых пней. Муку держали в мешках. Лежали здесь еще пара кунганов, несколько ножей, ножницы, деревянные ложки, «дутар» (двухструнный инструмент), войлочные ковры, котел, сито из конских волос для процеживания молока и кое-какая одежда.

Магомет-бай

Двое из мужчин носили оригинальную обувь, которую нам пришлось видеть здесь впервые: подошвы дикого верблюда целиком с когтями. Пастухи и их семьи скоро перестали дичиться нас и позволили срисовать с себя портреты. Эти пастухи дали нам важное указание, что в дне пути к северо-западу погребены в песке развалины еще одного древнего города. Они называли его Кара-дун (Черный холм): некоторые из барханов поросли кустами тамариска, которые издали смотрятся черными силуэтами на желтом песке.

2 и 3 февраля мы посвятили экскурсии на развалины. Этот город занимал меньшую площадь, нежели первый, но относился к тому же времени. Мы нашли здесь такие же образчики стенной живописи, но менее хорошо сохранившиеся, ту же архитектуру и тот же строительный материал. Одна почти квадратная постройка, стены которой имели в длину 85 и 76 метров, напоминала караван-сарай; внутри находился двор, а посреди двора еще четырехугольная постройка меньших размеров. От другой постройки удивительно хорошо сохранились стропила. Чего-нибудь особенно замечательного мы не нашли, но хорошо познакомились со способом постройки домов, связью стропил

и устройством очага. Ось от арбы свидетельствовала, что здесь когда-то пролегла проезжая дорога. Нашли также множество черепков глиняной посуды.

Пастухи и охотники из области Хотан-дарьи знали эти развалины; так, однажды ходил сюда с Хотан-дарьи мой слуга Касим и провел в пути 5 дней. Но удивительное дело! Им никогда не приходило в голову продолжать путь к востоку еще в течение одного дня — тогда бы они нашли воду, людей, говоривших одним с ними языком, овец, хлеб и все, в чем нуждались. Им удавалось проводить на развалинах, где они, по обыкновению, искали сокровищ, не более дня, так как они не могли захватить с собой воды и хлеба на одном осле более чем на 10 дней. Обитатели лесной полосы около Кери-дарьи тоже бывали на развалинах, но никогда не встречались там с хотандарьинцами. Этим отчасти и объясняется, что первые не слыхали о Хотан-дарье, а вторые не знают Кери-дарьи.

Вернувшись к реке, мы продолжали путь вниз по ее течению. 6 февраля мы достигли Сарык-кетме, где река имела 79 метров ширины, и, судя по ее общему виду, можно было думать, что ей еще долго конца не будет. Замечательно, что мощная Хотан-дарья, которая летом катит через пустыню Такла-макан такие огромные массы воды и, соединяясь с Яркенд и Ак-су-дарьей, образует Тарим, зимой так иссыхает, что узкая ледяная лента ее совсем обрывается к югу от Буксама, т. е. около того пункта, где я в прошлом году достиг реки. Дело в том, что она питается исключительно горными потоками, получающимися при таянии снегов и ледников Северного Тибета, тогда как менее значительная Керия-дарья даже осенью и зимой получает значительное подкрепление из источников.

Тем не менее и этой реке, которая была для нас до сих пор неоценимым путеводителем в пустыне, вскоре предстояло быть побежденной песками. Достигнув 7 февраля лесной области Катак, мы узнали, что нам остается идти по реке всего в течение полутора дней, а затем мы вступим в область голого песку.

Мы остановились здесь на день, пользуясь гостеприимством старого Магомет-бая, истинно комического персона-

жа, который всю свою жизнь провел в лесу и даже не знал, кто теперь владеет страной — Якуб-бек или китайцы. Эти лесные жители свободны от податей и вследствие этого от всякого сношения с китайскими властями. Пожалуй, китайцы и не подозревают, что леса Керии-дарьи населены, иначе, наверное, и эти туземцы не избегли бы посещения сборщиков податей.

Совершенно отрезанный со своей семьей — женой, сыновьями и внучатами — от внешнего мира, Магомет-бай, однако, сохранил свою магометанскую религию и неукоснительно исполнял все ее обряды. «Не делай я этого, — пояснял он, — волки или дикие кабаны давно бы покончили с моими овцами».

Покровителем своим эти лесные жители считают Хазрет-и-Музу (Моисея), который, по преданиям, сам был пастухом, и ежедневно молятся ему. Они не знают названий месяцев и дней, но родного языка, который сопровождает людей на край света, не забыли; по разговору они почти и не отличаются от своих родичей, разбросанных по всей стране. Можно подметить лишь некоторые особенности выговора и сравнительную бедность языка.

9 февраля мы направились дальше к северу. Река, которая еще около Катака имела в ширину 84 метра — правда, в месте, где она образует озеровидное расширение, — сузилась теперь до 15 метров и текла между непроходимыми лесными чащами медленно, крупными извилинами. На следующий день последний наш проводник повернул обратно, а мы продолжали путь, руководясь этой иссыхающей полоской воды, продираясь с помощью топора сквозь чащи тамариска, пересекая небольшие камышовые заросли или шагая между поросшими редкой растительностью барханами.

Сердце у меня сжалось, когда мы наконец дошли до того места, где река погибала в неравной борьбе с песками и где полоска хрупкого пористого льда обрывалась. В течение целого дня мы, однако, еще без труда руководились сухим руслом реки, которое наполняется водой лишь в летнее половодье. Русло это было узко и глубоко; по берегам рос лес, настолько частый, что путь в нем можно было проложить лишь огнем.

Там и сям в чаше виднелись проходы, вроде туннелей, проложенные к реке дикими кабанами. Ландшафт несколько напоминал каналы, вырытые между сплошными рядами темных финиковых пальм около Басры.

Вечером мы расположились лагерем в самом русле, где вырыли колодец и нашли воду на глубине 1,85 метра, здесь же в последний раз слышали мы, как ветер шуршал желтой, высохшей листвой, опавшей с тополей осенью. Затем опять со всех сторон объял нас вечный песок; нам предстояло еще раз помериться с ним силами.

IX. Родина диких верблюдов

Странствуя по этой сказочной стране, я все время горел желанием хоть раз увидеть дикого верблюда. Но я и не мечтал никогда познакомиться с этим замечательным животным так близко, как это удалось мне теперь. Вообще, хоть я и видел в петербургском музее Академии наук чучело дикого верблюда, привезенное Пржевальским, и знал, что Литледэлю, Певцову и его офицерам случалось подстреливать диких верблюдов, я как-то не мог освободиться от некоторого скептицизма по отношению к этому животному, и оно все оставалось для меня почти мистическим существом.

Чтобы таким торжественным вступлением не ввести в заблуждение читателя, который, пожалуй, сочтет меня каким-то Немвродом, спешу добавить, что сам я не застрелил ни одного дикого верблюда. Во-первых, я вовсе не охотник, что, впрочем, отчасти и хорошо, так как можно употреблять время с большей пользой, во-вторых, я близорук, что представляет большое неудобство: дичь успевает скрыться прежде, чем я успею уловить тень ее; наконец, в-третьих, будь я даже охотником, я вряд ли решился бы произвести выстрел в такое животное, как дикий верблюд.

Но, приближаясь к обетованной земле диких верблюдов, самой внутренней и непроходимой части пустыни Гоби, я, конечно, не желал упустить случая приобрести шкуру этого животного, которую надеялся когда-нибудь привезти в Стокгольм.

Моя собственная непригодность как охотника с избытком возмещалась охотничьими способностями Ислам-бая и двух из моих людей, взятых с Хотан-дарьи. Они были отличными стрелками и сгорали желанием узреть это животное, о котором лишь слыхали. Во время странствования по лесам Керии-дарьи у нас только и разговору было, что о диких верблюдах.

«Происходят дикие верблюды от домашних, которых держали в древних городах», — с уверенностью объяснял мой славный Ахмет-Мерген, и я, при всем моем уважении к Пржевальскому, склоняюсь на сторону Ахмета. Если судить по собранию найденных мною около Буразана терракотовых изображений верблюдов, изображений, которым, по всей вероятности, не менее 2 тысяч лет, верблюд уже и в те древние времена считался одним из главнейших домашних животных.

Вполне правдоподобно, что погребенные в пустыне Такла-макан города вели с Китаем и Индией караванную торговлю на верблюдах. Когда же песок стал грозно надвигаться на города, душить растительность и запружать каналы, корабли пустыни, вероятно, находили массу удобных случаев освободиться от ярма, надетого на них человеком. Размножившись на свободе, они теперь и водятся в изобилии и в этой и в других частях пустыни Гоби. Как ни рискованно с моей стороны высказывать такое предположение, я все-таки скажу, что, если бы удалось проследить по восходящей линии род нынешних диких верблюдов, мы не далее как в сотом поколении вернулись бы к домашним. Приведу некоторые доводы в пользу этого предположения.

Пржевальский нашел диких верблюдов в области Астын-тага и около Лобнора и выводит из своих наблюдений заключение, что нынешние дикие верблюды происходят прямо от диких предков, но что, вероятно, несколько раз скрещивались с домашними верблюдами, убежавшими на волю. Эти последние и оставили в тех случаях, когда были способны к производительности, потомство, которое в следующих поколениях уже ничем не отличалось от типа диких. В том же духе высказывается и доктор Е. Ган в своей книге «Домашние животные».

Все сказанное относится, разумеется, лишь, к тем верблюдам, которых Пржевальский видел сам. Он, ясное дело, не мог ничего сказать о верблюдах, водящихся в области нижнего течения Керии-дарьи, так как не подозревал об их существовании здесь, определив район распространения диких верблюдов следующим образом: «По единогласным утверждениям жителей области Лобнор, настоящей родиной диких верблюдов должна считаться песчаная пустыня Кум-таг, к востоку от Лобнора. Водится он и в области нижнего течения Тарима и в Курук-таге; в области Черчен-дарьи встречается редко, а к западу от Хотана и вовсе не попадается».

В зоологическом отношении различие между домашним и диким верблюдом, во всяком случае, крайне незначительно, и доктор Ган говорит: «Дикий верблюд отличается от домашнего только отсутствием жировых отложений на горбах, присущих домашнему». Что же до меня, то я нашел у трех застреленных нами диких верблюдов совершенно ясно выраженные жировые отложения на горбах, хотя и не столь сильно развитые, как у домашних.

Впервые услышали мы о керии-дарьинских диких верблюдах 1 февраля в области Тонкуз-басте. Пастухи, проживающие в этой области, не видали самих верблюдов, но видали их следы на песке, прилегавшем к опушке леса. С тех пор дня не проходило, чтобы мы не узнавали чего-нибудь нового об этих замечательных животных.

Многие пастухи, жившие дальше вниз по реке, видали верблюдов, бродящих в одиночку или стадами по пяти-шести голов. Они точь-в-точь походили на домашних своих родственников: та же величина, та же поступь, те же привычки. Время течки наступает и для диких верблюдов в январе—феврале; и даже следы их подошв на песке оказались совершенно одинаковыми со следами, оставленными домашними.

Мне говорили, что дикий верблюд очень пуглив и, замечая, что его преследуют, несется, как ветер. Особенный ужас наводит на него дым от костра, и пастухи утверждали, что, зачуяв запах горящего дерева, он также обращается в бегство и исчезает надолго. Проживающие недале-

ко от устья реки пастухи держали однажды пару домашних верблюдов, и, когда последние паслись на свободе, дикие, завидев их, убегали от них, как от чумы, считая их за таких же врагов, как волков или тигров.

Пастухи рассказывали, что дикий верблюд мгновенно замечает отверстие в носовом хряще, а также палочку и веревку, посредством которых управляют домашними верблюдами. Дикий верблюд сразу угадывает также, что домашний родственник его носит выюки — будь то мука, мясо, шерсть или тому подобное, — по сплюснутым горбам.

Старик Магомет-бай, последний пастух, которого мы встретили по течению Керии-дарьи, знал повадки своих диких соседей так же хорошо, как повадки своих овец. Его маленький агыл, с населением из 10 человек, питался в течение зимних месяцев главным образом мясом диких верблюдов. Так, в нынешний год он застрелил трех верблюдов.

Ружье у него было такое, что попадать из него можно было лишь в 50 шагах, и он поэтому забирался в засаду, становясь против ветра, и терпеливо поджидал верблюда. Если же верблюд завидит врага, то пускается прочь галопом, и догнать его нечего и думать, так как он бежит, не останавливаясь, дня два.

В прошлом году Магомет-баю удалось поймать недельного детеныша, который всю весну и лето пасся на свободе вместе с овцами и скоро стал совсем ручным. К сожалению, он недолго пожил.

Дикий верблюд легко становится ручным. Зато, с другой стороны, и домашние верблюды тоже удивительно быстро дичают и забывают, что они рабы человека. Когда мой караван в прошлом году погиб в пустыне, один из верблюдов спасся, убежав в лес на берегу Хотан-дарьи, и я уже упоминал, как трудно было охотнику поймать одичавшее в течение двух недель животное, убежавшее со всех ног при его приближении.

Вообще домашний верблюд злонаправен и далеко не кроток. Его никогда не удастся приручить так, как лошадь. Вздумаешь потрепать его по ребрам, он того и гляди лягнет тебя, начнешь гладить по голове, он сердито кричит и плюется. Один мой верховой верблюд составлял исклю-

чение из общего правила. Мы с ним очень сдружились. Но он знал, что я никогда не прибую его, не дерну за веревку, продетую в носовой хрящ.

Относительно дикого верблюда мы узнали еще, что он держится в самом сердце пустыни и в хорошо знакомых ему впадинах, кое-где поросших кустами тамариска и тополями. Летом обильная водой река течет далеко за пределы последних людских поселений. Дикие верблюды время от времени и ходят тогда стадами к реке напиться и хорошенько попить в камышах. Зимой же дикий верблюд вовсе не пьет, как уверял меня Магомет-бай.

Дикий верблюд боится леса и никогда не забирается в чащу, где нельзя видеть во все стороны и где ему нет простора разбежаться, спасаясь от нападения. Он любит открытые песчаные пространства, и если домашнего верблюда зовут «кораблем пустыни», то дикого можно уподобить «летучему голландцу», который «носится, носится и никогда не тонет» даже в этих ужасных областях, где домашний «корабль пустыни» терпит крушение.

От кери-дарьинских пастухов я слышал такую легенду о происхождении дикого верблюда. Аллах послал на землю одного из небесных духов, превратив его в дервиша и велел ему отправиться к Хазрет-Ибрагиму (патриарху Аврааму) и попросить у того часть его домашних животных. В течение 20 дней Авраам ежедневно давал бедному дервишу по тысяче голов скота; в первый день — овец, на второй — коз, потом яков, лошадей, верблюдов и т. д. Аллах спросил затем дервиша, исполнил ли Авраам его просьбу, и узнал, что Авраам отдал весь свой скот и сам стал бедняком. Тогда Аллах повелел дервишу вернуть Аврааму всех животных. Но Авраам отказался, говоря, что не берет обратно того, что раздал. Дервиш передал Аллаху ответ Авраама, и Аллах повелел дервишу выпустить всех животных на волю и предоставил каждому желающему право ловить и убивать их. Овцы превратились в архаров, козы в диких коз, кииков и маралов, яки убежали в горы и одичали, лошади стали куланами, а верблюды ушли в пустыню.

11 февраля мы шли по переходной области, где русло реки становилось все менее заметным, лес понемногу редел,

кусты тамариска попадались все реже, а песок становился все толще, но еще не особенно затруднял наш путь. Следы диких верблюдов попадались теперь в такой изобилии, что мы уже не обращали на них внимания.

Под вечер достигли мы области, где старое русло стало опять заметнее, а кусты тамариска многочисленнее. Вдруг Касим, который с ружьем на плече всегда шел впереди, чтобы высматривать удобные переходы, остановился как вкопанный, съехался, как кошка, подал нам знак не трогаться с места и, словно пантера, бесшумно шмыгнул в кусты тамариска.

Тут и мы все увидели в расстоянии шагов двухсот стадо диких верблюдов. Бинобль у меня, по обыкновению, был под руками, и я отлично мог проследить всю сцену охоты. Касим был вооружен своим примитивным кремневым ружьем, а Ислам-бай, последовавший за ним, русской берданкой.

Когда раздался выстрел Касима, верблюды вздрогнули, внимательно смотрели в течение нескольких секунд в нашу сторону, потом круто повернули и пустились к северу, но не особенно быстро, вероятно еще не вполне придя в себя от удивления или не понимая хорошенько, в чем дело. И тот верблюд, в которого стрелял Касим, потрусил рысцей, но тяжело и медленно, так что мы настигли его почти в ту же минуту, как он упал. Он еще дышал, но удар ножа в горло сразу прервал его агонию.

Что было лихорадочного оживления, болтовни и возни в этот вечер! Мы ведь почти уже потеряли надежду даже увидеть дикого верблюда, и вот он лежал перед нами — чуть было не сказал: живехоньким!

Приступили к разглядыванию и исследованию животного. Оно оказалось самцом, лет двенадцати, и той же величины, как и наши верблюды. Но шерсть на нем, исключая нижней стороны шеи, макушки, горбов и наружной стороны лопаток, была короткая, и в сравнении с нашими верблюдами он смотрелся голым. Длина его от верхней губы, вдоль туловища и до хвоста равнялась 3,3 метра; обхват (между горбами) 2,14 метра. Подошвы передних ног имели 21 сантиметр ширины и 22 сантиметра длины, мозоли на них были жестче и менее стертые, чем у наших верблю-

дов. Копыта тоже были длиннее и более похожи на загнутые когти, так что следы, оставляемые ими на песке, выходили резче, нежели оставляемые нашими верблюдами. Верхняя губа была не так сильно раздвоена и короче, нижняя не отвисала. Горбы были меньших размеров и правильной формы, образуя прямо торчащие конусы, тогда как у домашних верблюдов вследствие ношения тяжестей и жировых наростов они свешиваются на стороны. Убитый верблюд был красновато-бурой масти, несколько светлее, чем у домашних. Шерсть была замечательно тонкая, мягкая и без всяких изъянов.

Солнце опускалось все ниже, и вечерняя свежесть становилась все ощутительнее. «Надо спасти шкуру», — объявил я. Но Ислам основательно заметил, что она составит еще целый верблюжий выюк, а как раз теперь-то меньше всего и следовало обременять верблюдов — нам предстоял переход через песчаное море, и надо было еще захватить с собой запас воды. Минутному колебанию был положен конец, когда Касим, застреливший верблюда, решительно объявил, что шкуру надо взять, хоть бы ему самому пришлось нести ее на плечах.

Закипела работа. Ислам и Ахмет принялись снимать шкуру, Касим стал копать колодец, а Керим-Джан устраивать лагерь и развьючивать верблюдов, которых на эту ночь оставили связанными из опасения, чтобы они не вздумали отправиться в пустыню разыскивать своих диких родственников. Я занялся приготовлением себе ужина, а затем принялся за свой дневник.

Поздно вечером все снова собрались вокруг костра. Шкура оказалась такой тяжелой, что трое людей еле доложили ее до лагеря. С головы и с ног шкура, впрочем, еще не была снята, и работа продолжалась при свете костра. Но не скоро-то удалось закончить ее и расстелить всю шкуру целиком на песке. Шкуру посыпали теплым песком, который в течение ночи несколько раз заменяли новым. Песок впитывал в себя влажность, и шкура к утру значительно убавилась в весе.

Рытье колодца, напротив, дало менее утешительные результаты. Касим рыл неумоимо, но и на глубине 3,2 метра

песок оказался лишь чуть сыроватым, и он бросил попытки. Мы положили остаться на этом месте весь следующий день: опыт научил нас, что пускаться в глубь пустыни без достаточного запаса воды — значит, идти на гибель. У нас решено было идти к северу лишь до тех пор, пока в запасе будет вода, во всяком случае, не идти, не найдя воды, долее одного дня. В таком случае возвращение наше было обеспечено. Но, конечно, перспектива вернуться назад по тому же пути была нам очень не по вкусу.

Попытка вырыть колодец в другом месте, предпринятая на следующее утро 12 февраля, также не удалась. Тогда Касим стал продолжать рыть начатый накануне колодец и нашел-таки воду на глубине 4,16 метра. В колодец спустили наскоро смастеренную лестницу и стали черпать ведром воду, медленно сочившуюся из песчаного слоя, находившегося между двумя слоями глины.

Сначала дали напиться всласть верблюдам и ослам, потом в течение дня наполнили водой четыре козых бурдюка и 13 февраля могли снова с легким сердцем пуститься в путь. Верблюжья шкура стала после обработки ее теплым песком такой легкой, что ее мог нести даже осел, но, само собой, вечно отставал от других.

Тотчас после того, как мы оставили за собой ясно выраженную борозду речного русла, налево от нас показалось стадо из шести верблюдов. Некоторые паслись, другие отдыхали. Один был самец, двое детенышей и три самки. К удивлению нашему, мы могли подойти к ним почти на 200 шагов, наблюдая за всеми их движениями; это было тем легче, что солнце стояло высоко и воздух был чист. Большой самец лежал совершенно спокойно около тополя; остальные стояли в выжидательной позе и смотрели на нас с большим вниманием, не проявляя ни малейшего намерения обратиться в бегство.

Мы медленно продолжали свой путь, а Ислам в это время, забрав в обход, подкрался к ним на 50 шагов. Животные, однако, почуяли опасность. Самец встал, и стадо медленной рысью пустилось к северо-востоку, причем им предстояло пересечь наш путь и пробежать мимо тамариска, за которым притаился Ислам.

Раздался выстрел, самец сделал еще шага три и упал. Когда мы приблизились к нему, он был уже мертв. Пуля попала в горло, и отверстие, пробитое ею, было так невелико, что мы с трудом нашли его, — излияние крови задерживалось густой шерстью.

Это был великолепный экземпляр; но нам предстоял переход через пустыню, и нельзя было терять время на снятие шкуры. Люди удовольствовались тем, что вырезали из горбов жир, который отлично пригодился для сдабривания рисовой каши. Сняли также с животного порядочное количество шерсти; из нее мы потом свили веревки, в которых нуждались.

У этого верблюда горбы были очень сильно развиты. Передний горб упирался на семь спинных позвонков, задний на шесть. У первых из этих позвонков дуги были сильно развиты, у других же дуги почти не выдавались из хребта. Между позвонками были натянуты крепкие желтые жилы, а жировые отложения горбов связывались с туловищем только соединительной тканью, так что их легко было срезать.

Остальную тушу всю бросили, уготовив «роскошный дастархан волкам и лисицам», как выразился Ахмет-Мерген. Первый убитый верблюд, с которого сняли шкуру, застыл за ночь так, что обратился в твердую замороженную глыбу. Без сомнения, дикие верблюды долго будут обегать места, где лежали убитые их товарищи.

Мы успели пройти не особенно большой конец, как наткнулись на третье стадо из пяти голов: одного самца, двух самок и двух детенышей. И эти оказались не особенно пугливыми. Они отбежали только шагов на пятьдесят, подпустили нас к себе довольно близко, после чего опять отбежали, и так до трех раз. Тут Ислам выстрелил прежде, чем я успел остановить его, в самку. Пуля попала ей в колено правой передней ноги. Она сразу упала, приняв обычную позу лежащих верблюдов. Затем она склонила голову на левый бок, открыла пасть, уткнулась мордой в песок и дико заревела от боли.

Она не смотрела на нас, но мне почудилось в ее потухающем взоре выражение ненависти к мучителям ее родичей.

Не успели воткнуть ей нож в горло, как она испустила дух. Мне совестно было за это жестокое, бесполезное убийство, и я строго запретил впредь стрелять в диких верблюдов.

Итак, рассказы пастухов о необычайной пугливости диких верблюдов не подтвердились. Животные не проявили также на наших глазах ни особенной осторожности, ни быстроты и не допускали нас к себе очень близко. Застрелить же дикого верблюда оказалось вовсе не трудно: он падал от первой пули, куда бы она ни попадала: в спину, шею или ногу. Как то обстоятельство, что они не были настороже, так и худоба их ясно указывали, что они находились в периоде течки.

Преинтересно и презабавно было наблюдать за нашими тремя верблюдами-самцами. Они замечали диких куда раньше, чем мы, и начинали глухо реветь, бить хвостом по спине, а пена так и клубилась у них изо рта. При виде же умирающей самки они совсем взбесились, так что пришлось их привязать; пена бежала у них изо рта, и они дико вращали свои обыкновенно столь спокойные глаза.

В течение следующих дней мы видели еще несколько стад, а иногда и одиночек. Под конец мы так привыкли к этому зрелищу, что перестали обращать на него внимание. Животные паслись, поедая сухую листву тополей и кусты тамариска; убегая же, они всегда направлялись в глубь пустыни, к высоким барханам, на гребни которых взбегали с удивительной легкостью. Бегали они почти такой же неуклюжей рысью, как и домашние верблюды, так же неграциозно вскидывая на ходу своими длинными ногами. Но у домашних верблюдов горбы на бегу колеблются и качаются, у диких же горбы остаются неподвижными и торчат прямо вверх. Рев диких верблюдов по звуку и жалобному тону вполне схож с ревом домашних.

Вопрос о воде вдруг неожиданно разрешился. Вечером 13-го мы нашли чистую пресную воду уже на глубине 1,53 метра.

14-го мы сделали большой переход. Песок стал громоздиться выше, живые тополи и кусты тамариска попадались реже, но мертвый лес в течение всего дня почти не прерывался. Местами твердые побелевшие стволы шли так часто,

что напоминали кресты на кладбище, и мы медленно лавировали между ними. Если верблюды стучались о них выюками, они разбивались вдребезги, звеня, точно стекло.

О том обстоятельстве, что мы все еще шли по старому речному руслу, свидетельствовал мертвый лес, глинистые откосы и гряды, которые попадались между барханами и некогда ясно отмечали русло реки. Но чем дальше мы подвигались к северу, тем более прежние неровности поверхности оказывались сглаженными наносным летучим песком.

15 февраля мы очутились между барханами, достигавшими 30 метров высоты. Почти весь день тополи и кусты тамариска попадались крайне редко, но к вечеру мы опять набрали на полоску растительности. От нашего лагеря мы могли насчитать впереди до 42 живых тополей.

16 февраля. Медленно продолжаем подвигаться к северу. Каждый день точно высчитываем пройденное расстояние. Утром барханы стали ниже, и мы с нетерпением искали на северном горизонте темной линии, обозначающей лесную полосу Тарима. Оазис с семьюдесятью свежими тополями манил нас отдохнуть, но тут Ахмет-Мерген открыл след пантеры и сказал, что вряд ли этот зверь удаляется от воды более чем на день пути. Мы и продолжали путь, не допуская мысли, чтобы пантера эта могла явиться с юга, с Керии-дарьи.

Между тем барханы опять достигли 15 метров высоты, ландшафт оставался мертвым, и только раза два попался на дороге помет диких верблюдов. Тем временем уже смерклось, и мы расположились лагерем около одинокого тополя, ветви которого скоро были общипаны нашими верблюдами. Ослы наши во время перехода по этой части пустыни питались главным образом пометом диких верблюдов.

17 февраля. Ландшафт не меняется, песок все так же мощен и трудно проходим. Мы сделали привал около двух тополей, так как рассчитывали найти здесь воду, и действительно нашли ее на глубине 1,63 метра. Это было тем более кстати, что запас воды у нас вышел еще вчера.

18 февраля. Вода просачивалась так медленно, что нам удалось наполнить всего один толум (козий бурдюк), с чем

мы и выступили в путь. Путь становился все затруднительнее. Один даван оказался 40 метров высоты. Мы медленно взбирались по уступам барханов и наконец достигли вершины. Но даже и с этой возвышенной точки не было видно ничего, кроме бесплодного песку. Вид напоминал западную часть пустыни Такла-макан.

Мы были необычайно молчаливы в этот день. Раз только Ахмет-Мерген рассмеялся, когда я, указав ему вниз с вершины одного бархана на циркообразную впадину между рогами барханов, спросил, не хочет ли он скатиться туда, присев на корточки, и принести оттуда водицы. Ислам и я побывали в худшей переделке, и наше спокойствие действовало на других, которые начали уже падать духом. Запас воды выпили вечером и утром. Верблюды были голодны и принялись за свои седла.

Больше всего ободряло нас то, что мы в течение дня два раза пересекли следы лисицы, которая забегала в пустыню и затем вернулась к северу. И что ей понадобилось тут? Искала здесь зайцев? Пожалуй, но она могла найти их поближе. В том же направлении пролетела ворона. Ахмет полагал, что она летала на запах мертвых верблюдов и теперь летела назад, чтобы созвать на пир своих подруг. Может быть, но ветер в последние дни дул все с севера.

Итак, вода у нас вышла. Что ж, и здесь ожидала нас такая же ужасная пустыня и горькая участь, как в западной части Такла-макан? Нет, на этот раз надо быть умнее. Мы составили совет и решили продолжать путь к северу еще в течение одного дня. Лисица не могла забежать далеко от Тарима; но ведь лиса хитрый зверь, коварный путеводитель, и даваться ей в обман не следовало.

Х. По лесам Тарима. Курля. Кара-шар

19 февраля. После двухчасового пути по барханам снова увидели на севере кое-какую растительность. Оказалось, что она состояла главным образом из столь известного в закаспийской области саксаула, на кашгарском наречии «сак-сака», на хотанском «курука», а по-латыни *Anabasis*

ammodendron. Саксаул, по-видимому, вытеснил тамариск, так как последнего не было видно.

Вдруг послышался крик Ислам-бая, который шел впереди: «Су, су!» («Вода, вода!») Действительно, в глубокой, извилистой борозде находился настоящий пруд, затянутый толстым льдом. Мы прибавили шагу, и, когда добрались до места, люди немедленно прорубили прорубь, припали к воде и стали пить. Тут же, в роще из старых великолепных тополей, разбили лагерь. Люди устроили два больших костра, которые и осветили весь лес.

Теперь все опять было хорошо, но еще лучше стало, когда мы расслышали вдали лай собак. Ахмет и Касим поспешили в ту сторону. Возвратились они не скоро, но зато с тремя людьми. На следующий день мы продолжали путь с проводником к северо-востоку и перешли около Тереса через Яркенд-дарью (Тарим), имевшую здесь 156 метров ширины. Лед был довольно крепок, но под тяжестью верблюдов поддавался и трещал. Их переводили поэтому поодиночке, и видно было, что они сами опасались провалиться и выкупаться. Чтобы распределить тяжесть на большую поверхность, они инстинктивно вытягивали ноги как можно дальше, а голову пригибали к самому льду, чтобы не разбиться об лед, если б случилось провалиться.

В селении Чимен мы снова нашли кров в примитивной лачужке. Ахмет и Касим были вознаграждены за свои большие услуги мне и должны были вернуться отсюда по руслу Хотан-дарьи в Тавек-кэль. Я привязался к этим славным охотникам, и мне тяжело было расстаться с ними. Кроме платы китайским серебром, я отдал им обоих ослов и дал продовольствие на весь обратный путь до Тавек-кэля. Я поручил им также доставить в Хотан шкуру дикого верблюда, и они честно исполнили поручение.

Вступив 23 февраля в Шах-яр, мы закончили 41-дневный переход через пустыню Такла-макан, во время которого сделано было много неожиданных открытий. Я до малейших деталей занес на карту течение Керии-дарьи, установил факт существования диких верблюдов в пустыне к северу от Керии-дарьи, нашел полудикое пастушье племя и открыл развалины двух древних городов. Если первое мое

странствование по пустыне Такла-макан было несчастливо, то второе представляло целый ряд удач. В первое путешествие мы напрасно искали какие-либо следы древней культуры, зато во второе мы убедились, что бесчисленные предания о погребенных в пустыне сокровищах и городах не совсем пустые басни.

В Шах-яре мне пришел в голову смелый план: отправиться прямо на Лобнор вместо того, чтобы возвращаться по знакомой уже нам Хотан-дарье, и, таким образом, сразу же выполнить одну из главнейших задач моей программы.

Разумеется, осуществлению этого плана мешало многое. Снаряжение нашей экспедиции было рассчитано только на 50-дневную экскурсию. Хуже же всего было то, что я не догадался захватить с собой ни одной карты Лобнора и оставил свой китайский паспорт в Хотане. К счастью, амбань хотанский выдал мне местный паспорт, действительный в Хотанской области. Намереваясь только пересечь пустыню, я считал этот клочок бумаги бесполезным, но впоследствии он мне очень и очень пригодился. В сравнении с этими важными пробелами недохватки по части одежды и обуви — у нас была взята с собой лишь зимняя, да валенки, — письменных принадлежностей, чаю и табаку можно было считать пустяками.

Но нужда научит извернуться! Я знал наизусть карту Лобнора, составленную Пржевальским. Решил я также избегать всяких сношений с китайскими мандаринами, которым могло прийти в голову докучливое желание спросить у меня паспорт. Летнее платье мы могли сшить себе сами в Курле и там же на базаре купить себе кожаную обувь. Бумагу оказалось возможным приобрести в Шах-яре, правда дрянную, но набросанные на ней заметки и эскизы не потеряли от этого своего значения.

Кок-чай, или зеленый чай, тоже нетрудно было достать здесь, а в нужде можно было обойтись и китайским табаком, стертым со зловонным маслом и глиной из какой-то горы в Китае, ради придачи табаку особого привкуса. Ислам купил пшеничной муки, рису, хлеба, яиц и сахару и возобновил вычужные седла верблюдов. Отдохнув два дня в Шах-яре, мы готовы были снова выступить в поход.

Но сначала несколько слов о Шах-яре. Маленький городок этот орошается водами, текущими с гор Тянь-Шаня. Муз-арт-дарья (Ледяного перевала река), текущая оттуда к юго-востоку, делится несколько севернее города на два рукава; один из них направляется в Пяснын-куль (Низменной области озеро), другой течет чуть севернее города, который и орошается выведенными из этого рукава арыками. Около места разделения реки на рукава находится плотина, которая летом принуждает полую воду направляться в озеро, чем и предупреждается наводнение; зато когда вода в реке спадает до минимума, затворы открывают, и вода из озера течет к городу на пользу окрестным селениям и полям.

Шах-яр (Царская терраса) управляется беком, двумя мин-баши и несколькими юз-баши. Первый из названных, Темир-бек — «железный предводитель», заговорил со мной свысока, так как у меня не было паспорта, пытался помешать мне продолжать путь и запретил подвластным ему жителям служить мне проводниками. Мы, однако, перехитрили его благодаря магической силе китайского серебра.

26-го караван наш из трех верблюдов и четырех людей оставил Шах-яр. Когда возделанные окрестности города остались позади нас, мы вступили в обширную степную полосу, где в изобилии попадались стада с пастухами. Сначала мы направились к юго-востоку и достигли Тарима, называемого здесь Уген-дарьей. 27 февраля мы шли то лесом, то открытыми луговинами, покрытыми пастушьими стойбищами, направляясь к лесной области Иолбарсбаши (Начало местопребывания тигров). Здесь мы заночевали около пастушьей «сатмы». Один из пастухов сообщил нам, что далеко в глубине пустыни находятся развалины города, которого никто не видал, но о котором ходят рассказы. Называется он Шар-и-кётек, т. е. «Город в мертвом лесу».

28 февраля. Мы ежедневно видели множество диких гусей, но около места дневной нашей стоянки на лесной поляне мы наблюдали их в необычайном количестве. Чуть не каждую минуту над нашими головами пролетала по направлению к востоку, должно быть на Лобнор, стая в тридцать—пятьдесят гусей.

Временами пролетали и небольшие стаи из четырех-пяти гусей — вероятно, отставшие. Пока солнце стояло высоко, птицы летели так высоко, что в небе виднелись лишь маленькие черные точки, но после заката они большей частью летели на высоте всего нескольких десятков метров, часто кружились около вершин тополей и иногда тихонько перекрикивались, словно совещаясь насчет удобного ночлега. Некоторые стаи, впрочем, и ночью держались на значительной высоте. Летевшие низко, видно, сделали более продолжительный перелет, чем другие, и намеревались усесться на ночной отдых.

Чутье местности развито у диких гусей прямо поразительно. Без сомнения, они руководятся в пути бесчисленными приметами и задолго перед тем, как сесть, начинают уже спускаться с высоты, чуя близость отдыха. Раз в год они совершают перелет из Индии в Сибирь и обратно; такой путь взял бы у человека целый год и стоил бы больших трудов.

5 марта мы остановились в лесу Чон-тукай (Большой лес), чтобы дать отдых верблюдам, купить барана и произвести астрономические наблюдения. 6 марта мы направили путь к северо-востоку в сопровождении одного пастуха из Чон-тукая. Лес поредел и перешел в редкий кустарник; кусты тамариска и саксаула росли на буграх, остовом которым служат корни растений. Там и сям выступали маленькие барханы, и еще до конца дневного перехода мы опять очутились среди песчаной пустыни. Здесь, как нам говорили, находятся развалины древних городов, но указания были, по обыкновению, очень неопределенны, и все наши находки свелись к лезвию каменного ножа да черепкам обожженной глиняной посуды.

Мы набрали в толум воды и разбили стоянку в старом, высохшем речном русле, по берегам которого высились барханы в 6—8 метров высоты. Это русло с его поперечными извилинами, направлявшимися главным образом к востоку, служило некогда истоком некоторых из рек, оставленных нами теперь позади, и представляло новое доказательство сильной изменчивости течения вод в этих равнинах.

На следующий день мы вступили опять в частый тополевый лес. Здесь нам предстояло перейти через рукав Чар-

чак, шириной в девять метров. Через него был переброшен мост из колеблющихся бревен. Два больших верблюда перешли, как всегда, спокойно и уверенно, хотя мост так и плясал под ними. Но самый молодой, который вообще доставлял немало хлопот, ни за что не хотел вступить на мост. Уперся, как столб, и ни дерганье веревки, продетой в нос, ни палки, обрабатывавшие его бока, не могли заставить его сдвинуться с места. Пришлось пуститься с ним в обход и перейти через реку по более надежному мосту, через который упрямый верблюд и перебрался в два неуклюжих прыжка.

10 марта мы наконец прибыли в Курлю. Наши три верблюда, привыкшие к безмолвию и тишине пустынных областей, были просто перепуганы шумом и гамом, наполнявшим узкие улицы. Целая толпа мальчишек с криком и хохотом следовала за нами по пятам и, по-видимому, очень забавлялась, глядя на меня. Я торчал на спине высокого верблюда и, без сомнения, представлял довольно комичную фигуру.

На базаре нашлось-таки несколько купцов из русского Туркестана. Аксакал их, Куль-Магомет из Маргелана, принял меня с изысканной учтивостью и предоставил в мое распоряжение два больших помещения, которые, однако, пришлось делить с полчищем крыс, топавших по ночам вокруг моего ложа.

Китайцы не удостаивают Курлю назначением особого амбана, и она подчинена в административном отношении Кара-шару; здесь стоит только лянцза (гарнизон в 250 человек) под начальством Ли-далоя. Даже новая телеграфная линия из Пекина в Кашгар (через Лян-чжо-фу, Урумчи, Кара-шар и Ак-су) минует городок.

Зато Курля лежит на большом торговом и караванном тракте, связывающем Пекин с западными провинциями, и видит проездом много знатных, богатых китайцев. Для меня интерес города сосредоточивался на том обстоятельстве, что он расположен на реке Конче- или Курлядарье, вытекающей из самого большого озера внутренней Азии, Баграш-куля, в сравнении с которым Лобнор лишь затхлое болото.

Сообщу один эпизод из пребывания в этой области. Со слугой моим Ислам-баем случилось следующее. Сидел он в одной лавке на базаре и разговаривал с андижанским купцом, как вдруг на улице показались верхом пять солдат-китайцев, и старший держал древко с эмблемой власти и могущества императора. По китайским законам при виде этого значка все должны отдавать ему честь: сидящие вставать, а всадники слезать с коней и тем свидетельствовать свои верноподданнические чувства.

Но Ислам-бай, в качестве русского подданного, не считал нужным подчиниться этому правилу и остался сидеть. Солдаты остановились, соскочили с лошадей, схватили его, стащили с него чапан, и в то время, как четверо держали его, пятый отстегал до крови. Частью для того, чтобы доставить удовлетворение моему верному слуге, частью для того, чтобы поддержать престиж европейца, я тотчас же написал начальнику солдат Ли-далою такое письмо: «Во время моего отсутствия ваши солдаты избили моего слугу, русского подданного. Если вы мне предъявите соглашение между Россией и Китаем, предоставляющее китайским солдатам такое право, я оставляю это дело, если же нет, я требую, чтобы вы подвергли насильников аресту и публичному наказанию на площади. Если же вы этого не сделаете, я телеграфирую из Кара-шара об этом случае русскому консулу в Урумчи, а также и Фу-таю (генерал-губернатору Восточного Туркестана, проживающему в Урумчи)».

Эффект от письма получился мгновенный и поразительный. Ли-далой явился сам и смиренно, со слезами в голосе, стал уверять, что исполнит все мои требования. Затем он исчез, но скоро вернулся с сообщением, что не мог найти виновных и что никто даже не слышал об этом происшествии. Тогда Ислам показал свою спину и заявил, что полововавший его кнутом солдат имел глубокий шрам на левой щеке.

По моему требованию вся «лянца» была прислана на двор караван-сарая, где мы остановились. «Вот он!» — закричал Ислам, когда мимо нас прошел солдат со шрамом, схватил его за шиворот и подтащил к Ли-далою. Тут последний проявил необычайное рвение и молниеносную

распорядительность. Последовавшей затем сцены жители Курли, я думаю, долго не забудут. Они битком набили весь двор и заняли даже все соседние крыши.

Виновного растянули на земле, двое из его товарищей держали его за руки, двое за ноги, а пятый освободил нижнюю часть его тела от прикрытия, после чего солдат получил воздаяние той же монетой, какой он наградил Ислама. Через несколько минут я объявил, что теперь довольно и что мы удовлетворены.

Сцена эта, разумеется, была далеко не из приятных. Я вообще люблю действовать добром, но нельзя же было оставить безнаказанным избиение моего ни в чем не повинного слуги.

В тот же день я отправился к Ли-далою поблагодарить его за его распорядительность и был по дороге предметом особого внимания и почтения: все прохожие сторонились, давая мне дорогу, и мальчишки больше не осмеливались насмехаться надо мной. Сидя у Ли-далоя, я все время думал об одном обстоятельстве. Будь он похитрее, он бы, в ответ на мои требования, потребовал от меня паспорта и удостоверения, что Ислам-бай действительно русский подданный; что бы я стал делать? Пришлось бы тогда мне сократиться. Но, к счастью, Ли-далой не подумал о паспорте.

Аксакал андижанских купцов Куль-Магомет вел в Курле торговлю уже много лет и находился здесь во время смерти Якуб-бека. Рассказ аксакала об убийстве Якуб-бека значительно отличается от других рассказов об этом убийстве. Завоеватель пил вечером чай у своего наперсника, могущественного бека хотанского Ниаз-Хаким-бека. Ниаз-бек, соперничавший со своим повелителем, влил ему в чай яду, и яд быстро подействовал.

Курля и 55 окрестных селений отправляют в Ак-су и Дурал шерсть, овечьи и лисьи шкуры, хлопок, шелк и рис, а также пшеницу, маис, ячмень, гранаты и множество других плодов. Желтые сладкие местные груши, тающие на языке и называемые «нэсбет», славятся по всему Восточному Туркестану. Пшеницу сеют обыкновенно в марте; вызревает она в течение четырех месяцев. В селениях же

с плохим орошением ее сеют осенью. Рис сеют в апреле, и вызревает он в течение двух месяцев.

По величине город принадлежит к одному разряду с Марал-баши, Янги-гиссаром, Гумой и Шах-яром; здешний базар не особенно богат продуктами, но самое расположение города на берегу хрустально-прозрачной реки, бегущей под небольшими мостами, можно назвать счастливым. Ради сбережения места в городе многие жилища воздвигнуты на сваях у самой реки. Некоторые из них имеют очень живописный вид. Сквозь щели пола виднеется темно-голубая вода, текущая тихо и плавно, словно масло.

XI. Древний Лобнор

В Курле мы прибавили к нашему каравану двух людей, возобновили запас продовольствия и наняли двух отличных проводников, которые проводили нас до Тык-келика, небольшого селения, расположенного на нижнем течении Конче-дарьи в том месте, где в нее впадают два разветвленных рукава Тарима. Ведут туда три дороги: одна вдоль Конче-дарьи, другая вдоль подошвы хребта Курук-таг (Сухие горы) и третья, между двумя первыми, по песчано-каменистой пустыне. Я выбрал последнюю из названных дорог и открыл во время следования по ней две древние, но хорошо сохранившиеся китайские крепости и целый ряд так называемых «потаев», высоких усеченных пирамид из дерева и глины, отмечающих расстояния, измеряемые китайской мерой «ли». Это открытие представляло большой интерес, так как доказывало, что тут в древности пролегал важный проезжий тракт.

Только что упомянутый тракт, без сомнения, и вел к древнему Лобнору, а когда озеро по причинам, которые укажу ниже, высохло, тракт этот был заброшен. О прежнем его немаловажном значении свидетельствуют «потаи»; китайцы и в нынешние времена утруждают себя возведением этих путевых знаков только на важнейших трактах.

Пржевальский первый из европейцев отправился на розыски Лобнора и нашел, что озеро лежит на целый

градус южнее, нежели показывают китайские карты, и что вода в нем пресная, а не соленая. Вследствие этого между Пржевальским и немецким географом Рихтгофеном завязалась полемика. Рихтгофен доказывал, что такое внутреннее озеро, как Лобнор, не имеющее стока в океан, должно быть соленоводным. И раз открытое Пржевальским озеро оказалось пресноводным, а китайские топографы, никогда не заносящие на свои карты того, чего не видели своими глазами, поместили свой Лобнор на целый градус к северу от найденного Пржевальским, то Рихтгофен считал, что последнее новейшего происхождения, т. е. образовалось уже после того, как китайцы занесли на карту древний Лобнор.

Пржевальский, отправляясь на Лобнор, следовал по большой дороге между низовьем Тарима и Конче-дарьей и, таким образом, не мог убедиться — находится ли дальше на восток какое-нибудь озеро или хоть остатки озера, или нет. Чтобы решить этот вопрос, необходимо было следовать по восточной стороне Конче-дарьи, от которой, может быть, отделялся рукав, впадавший в древний Лобнор. В полемике, которую вели два великих путешественника, оба они, как я постараюсь доказать, были правы.

Европейцы, побывавшие на Лобноре после Пржевальского — Кэри и Дальглейш, принц Орлеанский и Бонвало, Певцов, его двое помощников Роборовский и Козлов, геолог Богданович и, наконец, Литледэль с супругой, — все шли по следам русского генерала. За исключением Певцова, они и не могли поэтому прибавить каких-либо ценных добавлений к добросовестному и мастерскому описанию этих трактов, составленному Пржевальским.

Если я теперь, отправляясь на Лобнор, желал видеть и узнать что-нибудь новое, что помогло бы мне решить спорный вопрос, я прежде всего должен был избегать пути, по которому прошли уже мои предшественники. Наоборот, мне следовало отыскать те области, где должно было, по свидетельству китайских авторитетов и согласно Рихтгофену, находиться древнее озеро Лобнор.

Со свежими силами и надеждой на успех оставил я 31 марта селение Тыккелик и направился прямо к восто-

ку. Сопровождали меня Ислам-бай, Керим-Джан и двое людей, хорошо знакомых с местными путями. Они еще в Тыккелике сообщили мне, что далеко к востоку находится целая цепь озер.

Уже в начале пути мы увидели, что Конче-дарья к северу от Тыккелика впадает в озеро-болото Малтык-куль. Большая часть вод Конче-дарьи затем снова вытекает из этого озера,

Кунчикан-бек

соединяется с двумя рукавами Тарима и течет уже под именем Кунчекиш-тарима (Восточного потока) частью в Чивилик-куль, а оттуда обратно в Тарим, частью прямо в Тарим, в который впадает, уже потеряв, вследствие испарения, большую часть своих вод, около переправы Арган, или Айрылган, как называет Пржевальский. Остальная часть вод Конче-дарьи впадает — согласно показаниям китайцев и Рихтгофена — в длинное озеро, по восточной береговой линии которого мы и следовали в течение трех дней. В настоящее время озеро почти заросло камышом, но всего несколько лет тому назад местные жители еще ловили здесь рыбу.

Это длинное озеро представляет, без сомнения, остатки древнего Лобнора. Пржевальский, оспаривая, по возвращении из второго своего путешествия на Лобнор в 1885 г., существование какого-либо озера к востоку от Тарима, был случайным образом прав, так как сухие русла вновь наполнились водой лишь три года спустя. Но Рихтгофен был еще более прав, подозревая в этой области существование озера; оно действительно существовало, хотя в то время и находилось в периоде пересыханья.

Найдя, что остатки бассейна древнего Лобнора в течение последних девяти лет вновь наполнились водой, тогда как новый Лобнор в течение последних двенадцати лет превратился в ряд болот, мы не только вправе, но в силу данных обстоятельств прямо принуждены утверждать, что оба

водных бассейна находятся в чрезвычайно тесной зависимости друг от друга, иными словами, что в то время как Северный Лобнор увеличивается, Южный, напротив, уменьшается.

Не могу не привести еще нескольких доказательств в подтверждение той теории, что Южный Лобнор, открытый Пржевальским, самого новейшего, с точки зрения геологов, образования. По берегам всех рек Восточного Туркестана растут густые тополевые леса. Даже на Керии-дарье, которая теперь уже отрезана от речной системы Тарима песками, мы местами нашли непроходимые леса. Ввиду того что лес начинается всегда там, где притоки Тарима выходят на ровную местность, лес принадлежит одному и тому же климатическому поясу. И так как река является одним из вернейших проводников растительности, то можно было бы с полным основанием ожидать, что около пункта слияния всех рек в одну растительность окажется особенно густой и мощной. Вместо этого мы находим, что лес вдруг прерывается около этого пункта. Озеро лежит среди совершенной пустыни. Около Северного Лобнора я, напротив, нашел и мертвый и живой лес.

За объяснением этого бросающегося в глаза распределения лесной растительности не далеко ходить: Южный Лобнор столь недавнего происхождения, что лес еще не успел дойти до его берегов. К этому чисто физико-географическому доказательству присоединяется еще несколько исторических. 625 лет тому назад Марко Поло посетил «город Лоб». Если бы в те времена там находилось какое-нибудь озеро, знаменитый венецианец навряд ли не заметил бы его. Правда, он не упоминает также о Яркенд-, Хотан- и Черчендарье, хотя все эти реки и лежали на его пути. Но во всяком случае, то обстоятельство, что Марко Поло ни словом не обмолвился об *озере*, а, напротив, подробно описал *пустыню* Лоб, которая «так велика, что для перехода через нее нужен целый год», — не лишено значения.

Старый бек Кунчикан, проживавший в Абдале, большой приятель Пржевальского, а также мой, которому самому уже больше 80 лет, рассказывал мне, что дед его Нумет-бек жил около большого озера к северу от нынешнего Лобно-

ра; на месте же последнего тогда была одна песчаная пустыня.

Южный Лобнор начал образовываться, когда Нумету было около 25 лет от роду. Река Тарим отыскала себе тогда новое русло, и северное озеро, на берегах которого Нумет провел свою молодость и в котором его предки ловили рыбу, стало высыхать. Нумет-бек тогда и основал селение Абдал, где теперь живут его потомки. Случилось же это, по моим расчетам, около 1720 г.

К. Козлов, участник нескольких экспедиций Пржевальского и Певцова, выступил из Тыккелика вдоль левого берега Кунчекиш-Тарима и открыл озеро Чивилик-куль. Как исследования Козлова, так и мои значительно увеличили сведения относительно области Лобнор. Теперь имеется уже довольно точная карта ее, так как наши открытия дополнили сделанные Пржевальским.

Исследуя берега перемещающегося озера, мы узнали, что гигантская водная система, питающая весь центральный бассейн Внутренней Азии, недостаточно обильна для образования постоянного озера в сердце Азии. Для этого оказывается недостаточно соединенных вод реки Кызыл-су, вытекающей из вечных снегов Терек-давана, реки Раскемдарьи, которую питают ледники Восточного Памира, Гиндукуша и Северо-Западного Тибета и реки Хотан-дарьи, прорезывающей всю пустыню Такла-макан и с непреодолимой силой прорывающейся под песчаными барханами.

Названные реки не в состоянии образовать такого озера даже в соединении с Ак-су и Таушкан-дарьей, через которую мы за год до этого в то же время года еле переправились верхом с помощью 10 сучи, с Черчен-дарьей, несущей в долины часть снеговых вод Северного Тибета и так разливающейся летом, что она иногда прямо прерывает сообщение между Хотаном и Лобнором, и, наконец, с Конче-дарьей.

Большая часть вод Конче-дарьи идет на наполнение северной группы озер, где она и испаряется. Песок пустыни словно губка всасывает в себя другую часть, да и жаждающая атмосфера, относительная влажность которой в этих областях так ничтожна, вбирает в себя невероятное коли-

чество воды. Все эти факторы, словно жадные волки, оспаривают друг у друга воду. Около рыбацкого селения Кумчапкан, так сказать, могила Тарима. Здесь мощная пустыня, в которой гибнут и люди и воды, произносит свой неумолимый приговор: «Здесь успокоятся твои гордые волны!»

XII. Экскурсия на челноке по Илеку, Тариму и Южному Лобнору

4 апреля мы открыли ту часть древнего Лобнора, которая по имени одного туземца называется Авулу-куль, и в течение трех дней следовали вдоль восточного берега этого озера. Местами, где песок несколько отступал от воды, по берегу рос тополевый лес, а где барханы были низкие, показывались кусты тамариска, возвышающиеся на вершинах бугров, остовом которых служили корни самых растений. Эти тамарисковые бугры иногда были расположены так часто, что мы оказывались в настоящем лабиринте и нередко даже предпочитали делать небольшие обходы по пустыне.

Лишь с вершин высоких барханов можно было видеть открытую воду в самой середине. Мы несколько раз и пробовали в тех местах, где вода была мелкая или совсем высохла, продираться сквозь тростник, хотя он вдвое превышал рост верблюдов и образовывал чащи, вроде стен туземных жилищ. Один из наших проводников шел вперед и высматривал дорогу. За ним люди вели верблюдов, которые своими мощными громоздкими туловищами раздвигали тростник и приминали его ногами, так что кругом стоял треск и хруст. Идешь за ними по образовавшемуся тесному коридору и ждешь не дожدهшься, когда наконец опять выйдешь на простор.

Верблюды были так изнурены этим продираньем сквозь чащи тростника, что пришлось им дать день отдыха 6 апреля. Мы разбили стоянку, по обыкновению, под открытым небом, на высоком бархане, под тенью старых тополей, недавно одевшихся свежей зеленью.

Отсюда нам открывался обширный вид на Кара-куль, а вдаль на западе виднелась чаша тростника, окружавшая, как стеной, озеро Чивилик-куль. Жара уже стояла удушливая, в воздухе не шелохнулось, что бывает здесь редко в это время года. Особенно донимали нас в эту тихую погоду комары. Во время перехода эти ненавидимые насекомые вились около нас тучами, а когда мы располагались на привал, они набрасывались на нас миллиардами с такой бесцеремонностью, точно мы только для этого и явились в эти страны, чтобы предложить им ужин. Удобно ли, спрашивается, писать, когда в одну руку тебе впиваются тысячи жал, а другая должна безостановочно махать во все стороны тряпкой? И мало удовольствия окружать в такую жару свой лагерь цепью горящих костров и задыхаться от дыму!

Около Кара-куля мы, однако, додумались до утонченного способа разделаться с комарами. На закате мы подожгли сухой прошлогодний тростник; огонь разросся в настоящий степной пожар, охватив большую часть озера, а дым легким облаком стлался над нашим лагерем. Я до полуночи лежал с открытыми глазами, любясь великолепным зрелищем и наслаждаясь злорадной мыслью, что дым гонит сонмы комаров, словно шелуху, на край света. Вообще же мне по ночам приходилось, ради целостности моей бедной кожи, прибегать к неприятному средству: я натирал руки и лицо табачным соком.

По поводу пожара в тростнике проводники мои рассказали, что раз тоже подожгли таким образом тростник на Кара-куле в ветреную погоду и пожар свирепствовал три лета и три зимы. Разумеется, рассказ этот был не более как басней, сочинять которые азиатские народы, как известно, горазды, но вообще-то действительно нелегко потушить огонь, разгулявшийся в сухом тростнике. Огонь пожирает его до самой поверхности воды, и тростник трещит, стреляет и разбрасывает искры, а длинные хвосты из дыма и сажки так и вьются по воздуху.

В течение недели мы не видали ни души человеческой. 9 апреля мы разбили лагерь около Кум-чеке, где на берегу Илека проживали три рыбацких семьи. Хрустально-прозрачная, темно-синяя река, воды которой прошли

Лоплык в своем челноке

сквозь фильтр камышей, струилась по глубокому руслу по направлению к югу, чтобы затем снова слиться с Таримом в двух днях пути отсюда, образовав по пути еще цепь мелких озер.

Отсюда я послал Ислам-бая с караваном вперед к месту слияния рек, а сам с двумя гребцами отправился по реке в челноке и в восемь дней, не считая дней отдыха, добрался до самого конца нового Лобнора, или Кара-кошуна.

Прогулка вышла чудесная. Никогда ни одно судно не носило на себе более благодарного пассажира. Что за отдых, что за спокойствие после тяжелого, трудного душевного перехода по песку!

Туземцы, проживающие около нового Лобнора, как и проживающие около старого, называют себя лоплыками, а челноки свои кеми; слово это означает и лодку, и паром, и вообще судно. Челноки, разумеется, бывают различной величины. Самый большой из виденных мной имел почти 8 метров в длину и $\frac{1}{4}$ метра в поперечнике. Челнок, в котором я совершил свою экскурсию, имел едва 6 метров длины и не более $\frac{1}{2}$ метра в поперечнике.

Выдолбить годный для плавания челнок из хорошего, свежего, не дуплистого тополевого ствола могут при усердии трое людей в пять дней. Парусов туземцы никогда не употребляют, но ловко управляют одним веслом. Последнее имеет тонкую, широкую лопасть и называется «гиджак» (то же слово обозначает несколько схожую с ним формой скрипку). Плывая по открытой воде, гребец стоит обыкновенно в челноке на коленях, но, попадая в тростниковую заросль, он выпрямляется во весь рост, чтобы лучше различать фарватер, поворачивается лицом к носу судна и держит весло в воде вертикально. На каждом челноке бывает обыкновенно по двое гребцов, и находящийся на корме стоит, так как иначе передний мешал бы ему править.

Сделав в день отдыха несколько пробных экскурсий на челноке, чтобы узнать среднюю его скорость, другими словами, найти единицу времени для определения проходимого пространства, мы отправились в путь 11 апреля. Один из гребцов занял место на носу, другой на корме, а я посреди челнока, где расположился на своих подушках

Лоплыкский мальчик
с берегов Садак-куля

и войлоках. Дневник, компас и перо были у меня под руками, а во все свободные уголки челнока насованы разные приборы, лишь для промера глубины и продовольствие дня на два.

Приятным товарищем в пути оказался для меня Джолдаш № 3, щенок китайской породы, яркого цвета, взятый мной из Курли. Он не мог угнаться за караваном во время долгих утомительных переходов, и поэтому его сажали в особую корзину, подвешенную к верблюду. В первые дни пути щенок страдал от морской болезни, потом привык. Устав бежать вприпрыжку, он преспокойно садился около какой-нибудь кочки, дожидаясь, пока кто-нибудь из людей не вернется за ним и не отнесет его в корзину.

Эта собака составляла мне самую приятную компанию в течение всего остального путешествия по Азии и не разлучалась со мной почти никогда. И теперь она плыла со мной в челноке, по-видимому очень довольная новым удобным способом передвижения. Потом Джолдаш совершил со мной длинный путь обратно в Хотан, затем по Тибету, Цайдаму, Китаю, Монголии и Сибири. Большую часть этого огромного пути он проделал вприпрыжку и тем не менее в здравии прибыл в Петербург.

К сожалению, законом воспрещено ввозить в Швецию собак из России, и мне в самую последнюю минуту пришлось покинуть моего верного спутника. Но столь много путешествовавший пес здравствует и сейчас, найдя счастливый приют у директора Пулковской обсерватории г. Баклунда. Там Джолдаша скоро отучили от его азиатских повадок, и он с нетерпением дожидается следующего путешествия по бесконечным пустыням.

Когда все было в порядке, гребцы погрузили весла в воду, и челнок легко и быстро, точно угорь, заскользил по извиляющейся темно-синей реке. Но тут тихой погоде настал конец. Как раз в эту ночь поднялась с востока «черная буря», заволокшая все небо и заставившая старые величественные тополи смиренно поникнуть головами. Пока мы плыли по реке, мы были в безопасности, так как ее глубоко врезавшееся в почву русло ограждено от ветра и песку стеной камыша.

По реке, однако, нам предстояло плыть всего несколько часов, а затем тянулись почти до самого конца открытые озера. Их-то и боялись мои гребцы, и мне, стоило больших трудов убедить их в том, что бояться нечего. Впрочем, мы все трое умели плавать, и Джолдаш также.

Итак, мы быстро подвигались по торной речной дороге. Тростник окаймляет реку узкой, но густой зарослью, и река часто становится похожей на пустынную улицу-канал в Венеции. В некоторых местах мы останавливались, чтобы сделать промер глубины. Раз гребцы остановились, не дожидаясь моего приказа, и сообщили, что «как раз тут» в то время, когда река и озера были еще сухи, «находилась соленая лужа».

Один из моих гребцов, охотник Курбан, который бродил в этих местах в течение пятидесяти лет, т. е. и тогда, когда здесь еще была пустыня, и тогда, когда, девять лет тому назад, сюда вновь прибыла вода, рассказал мне, что Пржевальский посылал в эти места его и еще нескольких охотников из Абдала, чтобы добыть шкуры диких верблюдов. Они застрелили одного и за его шкуру получили богатые подарки и деньгами и кожами и пр. С тех же пор, как сюда вместе с водой вернулись и люди, дикие верблюды исчезли бесследно, найдя себе более безопасные убежища в глубине пустыни к востоку отсюда.

Между тем мы уже скользили по первым озерам, пенящиеся волны которых катились к западу. Тут гребцам надо было глядеть в оба за вертлявым челноком, так как озера очень мелководны, а если бы челнок ткнулся о голое песчаное дно, он непременно перевернулся бы под напором бури и волн. Мы поэтому старались держаться по возмож-

ности поближе к восточному берегу — с той стороны мы были защищены от ветра высокими барханами.

Мало-помалу мы счастливо добрались до безымянного селения у начала Садак-куля, где проживало в камышовых хижинах несколько семейств. Они приняли меня с безыскусным радушием, приготовили для меня свежую рыбу и угостили утиными яйцами, нежными молодыми побегами тростника и хлебом. Когда я принялся за этот простой, но в высшей степени вкусный ужин, меня окружила целая толпа веселых, болтливых лоплыков разного пола и возраста. Даже молодые девушки, не стесняясь, показывали свои цветущие, но далеко не красивые лица.

Это необычайное отсутствие всякого страха и застенчивости объяснялось очень просто. Они никогда не видели европейца и представляли его себе совсем иным, наслушавшись рассказов о Чон-тюре — Большом господине, т. е. Пржевальском, который явился к их южным родичам в сопровождении двадцати вооруженных с головы до ног казаков, длинного каравана верблюдов и вообще в полном блеске европейского престижа.

А тут вдруг они увидели меня одного, как перст, без слуг, без каравана, прибывшего на челноке с двумя из их родичей; я говорил на их языке, ел их пищу и казался почти таким же неимущим, как и они. Они, верно, нашли, что разница между лоплыком и европейцем на самом деле не так уж велика!

12 апреля буря так свирепствовала, что мы не могли отправиться в путь. Но день спустя она немного поутихла, так что мы могли спустить челнок на воду. По окончании плавания челнок обыкновенно вытаскивают на берег и опрокидывают вверх дном; время от времени его поливают водой, чтобы он не дал трещин. Больше десяти лет челнок редко может прослужить.

Водная поверхность сильно волновалась. Волны так и кипели вокруг челнока и обдавали нас брызгами и клоками пены. Надо было глядеть в оба. Мы снимали с себя лишнюю одежду, чтобы, в случае нужды, было легче плыть. Приходилось также сильно балансировать всем телом и веслами, чтобы сохранить равновесие челнока среди этих волн,

и зорко следить за тем, не стережет ли нас где предательская мель.

Пока, однако, все обходилось благополучно. Мы проплывали один залив за другим. Только посреди большого озера Нияз-куль пришлось нам с час стоять на месте, держась в защите небольшого песчаного островка. Но затем озера стали уменьшаться, и наконец мы опять очутились на реке Илек. По ее спокойным водам мы плыли до селения Ширга-чапкан, где уже с нетерпением и тревогой ожидал нас Ислам-бай с караваном.

После двухдневного отдыха караван продолжал путь посуху, а я на лодке по реке. Чон-Тарим все время делает самые причудливые завороты и извилины, иногда описывая чуть ли не полный круг, так что курс приходилось держать попеременно на все четыре стороны света. Буря свирепствовала с удвоенной яростью, и мои гребцы, отправляясь в путь, приняли меру предосторожности, связав вместе два челнока. Последние были поставлены бок о бок, но с расстоянием в один фут, и с борта одного перекинули на борт другого два шеста, которые затем прикрепили к самым бортам. Такой парный челнок, называющийся кош-кеми, требовал уже четырех гребцов, которым и приходилось в бурю напрягать все свои силы, так как судно на заворотах реки к западу, подхватываемое ветром, летело мимо берегов с головокружительной быстротой.

Проведя ночь в селении Чай, мы проплыли в течение следующего дня при чудной погоде 60 километров (по прямой линии всего 39,8 километра) по Тариму, который к востоку становится все уже и глубже; пустынные берега его были почти совсем лишены растительности. Вечером, когда мы достигли Абдала, на берегу собралось все население. Я, выходя на берег, указал на маленького старичка, которого видел в первый раз, и воскликнул: «А вот и Кунчикан-бек!» — чем привел всех в немалое изумление. Но его характерные черты нетрудно было узнать по портрету, помещенному в описании четвертого путешествия Пржевальского. Кунчикан-бек со своей стороны встретил меня, как старого знакомого и повел в прибранный «покой» в своей просторной камышовой хижине.

Кунчикан-бек был поистине славный старик. Он говорил без умолку и сообщил много интересных сведений. Пржевальский подарил ему свой портрет и несколько фотографий, изображавших сцены из морского быта, а также рыбачьи сети, котел и много других полезных вещей. И старик хранил все эти драгоценности в песчаном бархане к северу от Абдала; там они были в безопасности от пожара и от грабителей-дунган.

Когда я стал описывать ему наши лодки и наш способ грести, он отмахнулся рукой и воскликнул самым уверенным тоном: «Да я давно уже знаю все это. Чон-тюря уж рассказывал мне. Я отлично знаю, как у вас там на родине; я сам стал чуть ли не таким же русским, как вы!»

21 апреля мы сделали экскурсию по реке до довольно большого селения Кум-чапкан, причем старик Кунчикан-бек — «вождь восходящего солнца» сам действовал одним веслом с такой же силой и ловкостью, с какой, вероятно, действовал и 65 лет тому назад... Я мог всласть нежиться на своих коврах и подушках, прислушиваясь к шепоту тростника, плеску воды о борта челнока и любясь перегибами прозрачной воды, отливавшей в глубоких местах цветом морской воды, а в мелких, вследствие рефлексов от желтого камыша, цветом желе из рейнвейна.

XIII. Возвращение в Хотан.

Правосудие Лю-дарина

Итак, первые четыре месяца года мы целиком провели в дороге, все более и более удаляясь на восток от Хотана. В конце концов мы очутились у конца лобнорской цепи озер, в тысяче верст с лишком от названного города, где я оставил почти все свои пожитки и свои деньги. В течение этого долгого путешествия мне посчастливилось разрешить поставленные мной себе задачи. Мы побывали на развалинах древних городов, следовали по течению Керии-дарьи до самого ее конца, пересекли пустыню Гоби, уяснили себе сложную речную систему Тарима и загадку, представля-

емую озером Баграш-куль, и, наконец, исследовали Лобнорскую область.

Форсированный, трудный переход по пустыне порядком истощил наши силы; приближалось лето с удушливыми жарами, тем более неприятными для нас, что мы захватили с собой лишь зимнюю экипировку; все мы и горели желанием отдохнуть в Хотане. Будь у нас крылья, мы бы с радостью перелетели туда по воздуху, так как оба пути вдоль северной подошвы Куньлуня исследованы и описаны Пржевальским, Певцовым, Дютрейль-де-Рином и Литледэлем, да и кроме того, представляют мало интереса. Тем не менее выбора не было, и приходилось ехать. 25 апреля, сердечно распрощавшись с престарелым Кунчикан-беком, мы с караваном из трех верблюдов и двух лошадей оставили Абдал.

Приятно все-таки было сознавать, что находишься на пути к западу; по благополучном возвращении в Хотан мне оставалось выполнить только еще одну задачу моей программы — исследовать Северный Тибет. Кроме того, в Хотане, как я узнал из сообщения, посланного мне в Карашар генеральным консулом Петровским, меня ждала солидная кипа писем из Швеции. Эти письма магнитом тянули меня на запад. И как только мы выехали из Абдала, поднялся упорный ветер с востока, гнавший нам вслед тучи песку и пыли, словно само небо подгоняло нас к западу.

В такую бурю нельзя чувствовать себя в седле особенно прочно: ветер, того и гляди, сорвет тебя. Лошадь шатается, как пьяная, а верблюды широко расставляют ноги, чтобы не потерять равновесия.

Хотя, вследствие бури, Кара-буран и стал обильнее водой, мы все-таки пересекли озеро, т. е. те его части, которые со времени Пржевальского успели высохнуть. Затем мы достигли низовья речки Чакалык, которая впадала бы в Кара-буран, если бы не иссякала раньше в низменной равнине. Буря и эту речку заставила свернуть в сторону от русла и залить всю низменность кругом, так что исчезла под водой и тропа.

Мы поэтому ехали больше наугад по воде. Всюду, куда ни погляди кругом, волновалось настоящее море. Пена так и кипела вокруг нас, водяные брызги взлетали на воздух

и рассыпались мелкой пылью. В течение целых трех дней буря не стихала ни на минуту, и температура не поднималась выше 15—18°, так что нам было довольно прохладно.

27 апреля вечером мы прибыли в Чакалык, небольшой городок, населенный сотней семейств. Прежде всего нам предстояло сбыть здесь своих трех верблюдов, сослуживших нам с того времени, как мы оставили Хотан, неоцененную службу. Истинными философами шагали они целые месяцы по ужасной пустыне, величественно рассекали мощные заросли и чащи, безбоязненно шли по воде и болотам, никогда не роптали, никогда не причиняли нам никаких затруднений и часто еще ободряли нас самих своим спокойствием. Но мы слишком уж использовали их силы, и им теперь нужен был отдых; тащить их с собой до Хотана было бы варварством — верблюдов никогда не употребляют в дело летом, но дают им полные каникулы, которые они и проводят на подножном корму в горах.

Особенно мне было жаль расстаться с моим верховым верблюдом, великолепным самцом 10 лет. Как я уже упоминал, верблюды не любят людей и никогда так не приручаются, как лошади. Но у нас с моим верблюдом была большая дружба. Зато, когда к нему подходили мои люди, которые обыкновенно вели его за веревку, продетую в нос, он сердито ревел и плевался. Убедившись, что я никогда не трогаю веревки, он уже встречал меня совершенно иначе. Я мог гладить его по морде и по лбу, и он не выказывал при этом ни малейшего неудовольствия. Каждое утро я давал ему два больших ломтя маисового хлеба, и он под конец так привык к этой подачке, что в известный час сам подходил к моему войлоку и напоминал о себе. Иногда он даже будил меня, изрядно толкнув мордой.

И вот теперь приходилось расстаться с этими тремя заслуженными слугами, делившими с нами и горе и радость. Купил их у меня один андижанский купец за полцены против заплаченной нами, а мы взамен приобрели еще четырех лошадей. Но я почувствовал себя просто осиротевшим, когда покупатель увел наших верблюдов; двор опустел без них.

К счастью, у меня оставался Джолдаш, который постоянно лежал рядом со мной в лачуге, где я помешался. Раз

я сидел на своем войлоке и писал, вдруг Джолдаш вскочил и начал ворчать, тыкая носом в землю. Я сначала не обращал на него внимания, но он мало-помалу приблизился ко мне вплотную, выказывая все признаки сильнейшего беспокойства.

Тогда я стал осматриваться и почти у самых ног своих увидел двухвершкового отвратительного скорпиона, который вилял своим ядовитым хвостом, защищаясь от собаки, которая, однако, инстинктивно остерегалась укусить его. Скорпион был раздавлен, а Джолдаш награжден куском мяса и ласками, показавшими ему, что он вел себя молодцом.

Чакалыком правит китайский амбань Ли-дарин. Кроме того, со времени вспыхнувшего в декабре 1894 г. в области Си-нин-фу дунганского восстания китайцы держат в городке гарнизон из 265 солдат, вооруженных старыми, забракованными английскими ружьями 60-х годов. По своему обычаю и соблюдая долг вежливости, я немедленно по прибытии послал Ли-дарину мою китайскую визитную карточку и местный паспорт, выданный мне Хуэнь-даринем карашарским, и поручил осведомиться, когда я лично могу сделать амбаню визит.

На это Ли-дарин через своего переводчика ответил, что предварительно требует от меня большого, годного и для здешних областей паспорта. Я попросил переводчика, оказавшегося любезным беком-мусульманином, объяснить амбаню, что мой большой паспорт из Пекина и Кашгара остался в Хотане, так как, выезжая оттуда, я не предполагал забираться так далеко, и что я лучше сумею объяснить все это при личном свидании с амбанем.

Ответ гласил, что лицо, не имеющее настоящего паспорта, является субъектом подозрительным, что амбань меня не примет и что южная дорога в Хотан для меня закрыта, но что я, в силу имеющегося у меня местного паспорта, могу получить разрешение вернуться в Кара-шар и затем направиться в Хотан той же дорогой, какой пришел.

Вот так славно! Употребить в летнюю жару целых три с половиной месяца на путешествие по пустыне, по уже исследованному пути, тогда как по южной дороге через Чер-

чен мы могли добраться до Хотана в один месяц! Я и поручил переводчику передать своему амбаню, что, во-первых, я презираю его, а во-вторых, что я во всяком случае завтра же выступлю в Черчен. Лаконическим ответом было: «Выезжайте, но я арестую вас и с десятью солдатами отправлю в Кара-шар!»

Тут надо было подумать да подумать! Скоро, однако, я сообразил свое положение и принял следующее решение: выступить в Черчен на следующий день и дать Ли-дарину арестовать себя и отправить в Кара-шар; оттуда я отправлюсь в Урумчи и там с помощью русского консула не только добьюсь свободного пропуска через Черчен в Хотан, но и устрою, что Ли-дарин получит заслуженный нагонный и должен будет возместить мне убытки, причиненные задержкой и лишней дорогой.

Согласно с этим я и условился, что упоминавшийся выше андижанский купец побережет наши пожитки и наших лошадей. Сопровождать меня должен был один Ислам-бай; крохотный багаж наш поместился позади нас на седлах.

Сначала я был очень рассержен перспективой такой значительной задержки в пути, тем более что ни силой, ни хитростью ничего нельзя было поделатъ с упрямым мандарином, у которого имелось под руками 265 солдат. Но к вечеру мысли мои прояснились, и путешествие в Урумчи представилось мне совсем в ином свете. Отделявшие нас от него 700 верст сулили мне новые пути и интересные области; я мог ознакомиться с главным городом китайской части Внутренней Азии, который кишит знатными мандаринами и в котором находится небольшая русская колония. Все это было очень заманчиво, хоть сердце и болело по письмам с родины.

Но моя счастливая звезда оказалась сильнее Ли-дарина, амбаня чакалыкского. Поздно вечером во двор к нам явился мандарин лет 50, с тонкими интеллигентными чертами лица, и назвался Ши-дарин, комендантом гарнизона. Он сообщил мне, что получил приказ арестовать меня завтра и явился теперь выразить мне свое сожаление по поводу грубого поступка Ли-дарина, обещаясь при этом постараться уговорить последнего.

Беседа перешла на другие предметы. Ши-дарин очень заинтересовался моим путешествием и расспрашивал меня обо всем. Когда я рассказал ему о своей первой попытке пересечь Такла-макан, он вскрикнул и чуть не бросился мне на шею. «Так это вы были? Я как раз находился тогда в Хотане и слышал разговоры о вашем несчастном путешествии. Лин-дарин тоже рассказывал о вас, и мы оба надеялись увидеть вас в Хотане».

Этот Лин-дарин был не кто иной, как Павел Сплингерт, бельгиец, который находился в Хотане 30 лет, четыре года разделял, в качестве переводчика, экспедиции Рихтгофена и теперь был влиятельным мандарином в Са-чжоу. Он в конце концов стал настоящим китайцем, женился на китайке и имел от нее одиннадцать детей. Некоторые из них были отданы в католическую миссионерскую школу в Шанхае.

Сплингерт и Ши-дарин имели поручение от урумчийского генерал-губернатора обревизовать Восточный Туркестан, особенно южные его границы, и ознакомиться с условиями добывания золота. В течение тех недель, которые я провел в лесах Буксама, они находились в Хотане. Когда же они прибыли в Кашгар, я только что выступил оттуда в Памир, а когда я осенью вернулся в Кашгар, они уже успели выехать оттуда. Мне давно хотелось встретиться со Сплингертом, тем более что я привез ему поклоны от Рихтгофена. Но удалось мне это лишь год спустя, когда мы встретились с ним в русском посольстве в Пекине. Сплингерт собирался тогда переселиться в Тянь-цзинь, где Ли-Хунг-Чанг давал ему выгодное место.

Поговорив о наших общих знакомых, мы с Ши-дариним подружились так, как будто знали друг друга много лет. Он просидел у меня до полночи. Мы поужинали вместе, закурили трубки и продолжали беседу. Я показал ему свои маршруты и эскизы и развил перед ним весь лобнорский вопрос, который заинтересовал его тем более, что он сам знал, что озеро в прежние времена имело иное положение.

Вместо того чтобы отправиться в Урумчи, мы остались на другой день в городе, и я отдал визит Ши-дарину. Он принял меня как нельзя любезнее и показал мне собствен-

норучно выполненные съемки своих маршрутов по горным областям к югу от Чакалыка и Черчена. Я был просто поражен. Не будь на картах китайских надписей, никто бы не поверил, что это сделано не европейцем; горы были нанесены на карту по современным методам.

Затем Ши-дарин показал мне свои английские компасы, диоптры, измерительные приборы и пр. и пр. Наконец, он повел меня осматривать крепость, склады амуниции и оружия и во время обхода выказал себя совершенно свободным от всяких предрассудков; словом, это был необычайный китаец. Он скорее производил впечатление европейца, нежели сына Поднебесной империи. Он долго служил в Кульдже, где свел знакомство со многими русскими, что дало ему возможность научиться, как должно, ценить преимущества цивилизации. Долговременные сношения со Сплингертом только укрепили его взгляды на Европу.

За обедом я нашел своевременным спросить, как же теперь насчет моего ареста. Ши-дарин сообщил, что все утро провел у амбана, но тот стоит на своем, говоря, что имеет приказ на все время восстания дунган охранять дорогу в Черчен и Хотан. Ши-дарин старался втолковать ему, что тут нет никаких дунган, а есть только мирный европеец. Но амбань заявил, что не может знать, кто я, так как у меня нет паспорта.

«Ну, так придется, пожалуй, отправиться в Урумчи!» — сказал я.

«В Урумчи? Вы в уме?! — воскликнул Ши-дарин и принялся хохотать. — Нет, отправляйтесь преспокойно в Черчен, я отвечаю за последствия! Амбань, правда, приказал арестовать вас, но ведь я начальник гарнизона и не дам ему для этой цели ни одного солдата. А если он захочет арестовать вас с помощью туземных беков, я дам вам охрану из своих солдат».

Кто бы мог надеяться на такой оборот дела! Те же самые солдаты, которые по приказу надменного Ли-дарина должны были арестовать меня, употребив в случае надобности даже силу, становились теперь моей защитой! Случаи такого разлада между представителями гражданской и военной власти, однако, нередки в Китае. В Кашгаре и в Хотане я наблюдал такие же обостренные отношения.

На другой день все было готово к отъезду. Ши-дарин, как будто мало сделал для меня, прислал мне богатый запас сахару и табаку, в чем я как раз нуждался, а взамен получил несколько мелких вещей и карт, без которых я мог обойтись.

Затем мы выступили на запад. В роще на окраине города стояли трое бывших наших верблюдов, пощипывая листву. Мы послали им грустное «прости», но они не удостоили нас даже взглядом, продолжая свою сочную трапезу.

Миновав Ваш-шари, где посетили развалины и купили у одного земледельца старинный медный кувшин, мы достигли Черчен-дарьи и по ее редким лесам направились к городу Черчену. Из Черчена ведут две дороги в Керию. Следуя по северной, пустынной, которую, по-видимому, избрал Марко Поло, можно достигнуть Кери в 10 дней. Но так как в это время года она являлась совершенно безлюдной, вода в колодцах была соленой и нас всю дорогу донимали бы полчища комаров, то мы выбрали более южную дорогу, ведущую вдоль хребта Куньлунь и лежащую средним числом на тысячу метров выше северной.

Мы направились к золотым приискам Копы, где туземцы, ищущие счастья и золота, роют колодцы (кан) до 50 саженей глубиной, пока не дойдут до жилы. Узкие туннели, похожие на подземные ходы кротов, идут по направлению старого речного русла, в котором и находится золотой песок. Проехав через Соургакское золотое поле, мы опять спустились в низменные области и пустыню, где чудеснейшим убежищем от песков явился маленький оазис Яс-улгун (Летний тамариск).

27 мая мы прибыли в Хотан, здоровые, но усталые, с несказанным чувством удовольствия предвкушая отдых на некоторое время.

Читатель, без сомнения, помнит, что мы в несчастное наше странствование по пустыне в апреле и начале мая 1895 г. оставили между барханами палатку, почти весь наш багаж стоимостью до 5000 крон и двух людей, умиравших от жажды. Вдовы последних являлись ко мне в Кашгаре и с плачем и рыданием просили вернуть им покойников. Я помог им по возможности деньгами, потом собрался

в новое путешествие, и новые приключения почти стерли из моей памяти события первого.

Летом 1895 г. неожиданно вынырнул на свет Божий шведский офицерский револьвер, находившийся во вьюке Нэра, и у нас зародились подозрения. И генеральный консул Петровский, и дао-тай послали приказы в Хотан о новых розысках, но розыски эти не привели ни к чему. В начале января 1896 г. я вернулся в Хотан и снова выступил оттуда, оставаясь в полной уверенности, что палатка, багаж и оба умершие были давно засыпаны песком. Судите же о моем удивлении: в самый день моего прибытия в Хотан 27 мая Лю-дарин прислал на мою квартиру значительную часть пропавших у меня вещей, которых я не видал уже больше года.

Спешу прибавить, что, принимая вещи, я испытывал самые смешанные чувства. Ясно было, что с находкой этой связано было разоблачение интриги и что мы были обмануты. И действительно, открылась целая запутанная история, настоящий уголовный роман, о котором я расскажу вкратце, так как он освещает характер туземцев-мусульман не меньше, чем правосудие китайских властей.

Купец Юсуф, напоивший умиравшего Ислама водой, вернувшись в Хотан, подарил шведский револьвер аксакалу западнотуркестанских купцов Сейд-Ахрам-баю, с явным расчетом обеспечить себе его доверие и молчание. Но аксакал, вовремя предупрежденный Петровским, не дался в обман. Он подверг Юсуфа строгому допросу, и купец наконец признался, что получил револьвер от Тогда-бека, управлявшего селением Тавек-кэль. Аксакал передал затем револьвер Лю-дарину, который через дао-тая доставил его мне в Кашгар. Когда Юсуф увидел, что дело возбудило некоторые подозрения, он счел за лучшее уехать в Урумчи. Так как больше о нем не было ни слуха ни духа то у аксакала зародились новые подозрения, и он послал в Тавек-кэль лазутчика с поручением следить за Тогда-беком и его домом. Одетый в рубище лазутчик так хорошо сыграл свою роль, что Тогда-бек взял его к себе в услужение, в пастухи. В качестве пастуха лазутчик и бродил по области со стадами бека, выполняя свои обязанности к полному удовольствию нового хозяина.

Плату он получал небольшую, но вот раз явился он в жилище бека за своим ничтожным жалованьем и уже ступил на порог, как бек вдруг выскочил к нему со сжатыми кулаками и прогнал. Пастуху, однако, большого и не требовалось; он успел заметить, что бек с тремя охотниками (нашими проводниками), Ахмет-Мергенем, Касим-ахунем и Тогда-шахом, и с Якуб-шахом, который водил нас на первые развалины в пустыне, сидели на корточках вокруг каких-то сундуков. Кругом, на ковре, разложены были разные вещи, которые могли принадлежать только европейцу.

Лазутчик не подал и вида, получил жалованье и побрел своей дорогой. Но едва он отошел подальше, как вскочил на первую попавшуюся лошадь и в карьер помчался в Хотан, чтобы донести о виденном аксакалу. Последний доложил сейчас же обо всем Лю-дарину, и этот послал в Тавек-кэль двух чиновников с несколькими солдатами, чтобы обыскать дом бека и арестовать вещи.

Бек, однако, скоро хватился пастуха, обнаружил в то же время исчезновение лошади, понял, что дело не ладно, и отправил погоню. Но лазутчик имел слишком большое преимущество во времени, да и понимал, кроме того, что тут дело идет о его голове, и поэтому не шадил лошади. Бек увидал, что попал впросак, но выпутался, как настоящий дипломат: уложил все вещи в сундуки и отправил их в Хотан. Сюда он прибыл вместе с посланными Лю-дарина и доставил все пожитки амбаню, объясняя, что они были найдены всего несколько дней тому назад.

Охотники тоже отправились в Хотан и поселились в одном караван-сараях с беком. Но и тут у аксакала был лазутчик, который скоро и донес ему, что бек по вечерам обучает охотников, как и что им говорить Лю-дарину на допросах.

Аксакал принялся за охотников, тех самых, которые с Ислам-баем ходили на розыски нашей палатки, но ничего не нашли. Они и сообщили аксакалу, что зимой вернулись к трем тополям и оттуда шли несколько дней дальше к западу по следам лисицы. Наконец они достигли пункта, где лисица остановилась и рылась в песке, бывшем на взгляд белым, как мел. Песок этот оказался мукой. Охотники

принялись копать и наконец нашли палатку, занесенную песком на целый фут выше ее подпорок. Мало-помалу они повытаскали оттуда одну вещь за другой и на ослах перевезли их к реке.

Это сообщение было интересно само по себе. Оно свидетельствовало, что бархан, на котором была поставлена палатка, вырос на 2 метра. В немалой степени это зависело, конечно, от того, что с подветренной стороны палатки громоздилось немало песку уже в то время, когда мы ее оставили. Летом 1898 г., видимо, дули сильные ветры, но зимой погода стояла, по обыкновению, почти все время тихая, и следы лисицы виднелись явственно.

Вероятно, лисицы еще летом почуяли кур и провизию и отправились на поиски добычи. Скелет одной курицы охотники нашли на поверхности бархана недалеко от лагеря, но скелетов двух людей не видали. Возможно, что умиравшие отползли за ночь на некоторое расстояние от лагеря. Аксакал приступил к дальнейшим расспросам: почему они тотчас же не препроводили вещей к Лю-дарину, не дожидаясь, пока о них узнает шпион? Оказалось, что о вещах проведаль Тогда-бек (бывший юз-баши при Якуб-беке и уже тогда ненавидимый за свою жестокость и дурные качества) и уговорил этих, в сущности, честных и хороших людей припрятать все вещи и продавать их по частям, оставив себе лишь то, что может пригодиться.

Поэтому я теперь и получил обратно лишь такие вещи, которые оказались бесполезными для туземцев: приборы, штатив, аптеку, ульстер, сигары, керосиновую кухню и два фотографических аппарата. От последних, впрочем, было мало толку, так как жители Тавек-кэля применили пластинки к делу, вставив их вместо стекол в свои решетчатые окна. Пришлось поэтому и впредь довольствоваться собственными набросками.

Охотники поддались уговорам бека и успели уже растратить часть вещей, приблизительно на 1000 рублей. Ахмет-Мерген и Касим-ахун, сопровождавшие нас на Керию-дарью, во все время путешествия и виду ни о чем не подавали, но, вероятно, совесть их все-таки мучила, так как они всегда, как только речь заходила о нашей несчаст-

ной экспедиции, говорили, что пропавшее еще отыщется и что они на возвратном пути будут продолжать розыски.

Понял я теперь и причину, почему бек во время моего пребывания в Тавек-кэле поместил меня в частном доме и ни разу не пригласил к себе. Похищенные вещи лежали у него под коврами и войлоками и могли быть нечаянно обнаружены.

Лю-дарин вызвал охотников к допросу и, увидав, что так тщательно запертые мной сундуки оказались взломанными, спросил людей, как они осмелились на такое дело; разве они не знали, что и китайские законы, и магометанский «шариат» запрещают присваивать себе чужое добро? На это охотники отвечали, что сундуки были слишком тяжелы и они принуждены были выгрузить из них все и перевезти частями.

Вся эта история разыгралась месяца за два до моего прибытия в Хотан. Охотников допрашивали «с пристрастием», чтобы вынудить у них полное признание, высекли и засадили в темницу. Лишь хитрый бек остался на свободе.

По моем возвращении в Хотан следствие возобновилось. Судьба воров была теперь в моих руках; из рук китайского правосудия люди выходят уже калеками, и бедным заключенным, ожидавшим своей участи в тюрьме, нельзя было позавидовать. Я, разумеется, с самого же начала решил отпустить их с миром; довольно с них было страха, какого они натерпелись.

Лю-дарин приступил теперь к исполнению обязанностей судьи. Он потребовал перечня вещей, находившихся в сундуках, и обозначения их стоимости. Вооружившись этими данными, он собственной персоной отправился в Тавек-кэль, где дело было снова поднято, чтобы продолжаться затем в Хотане. Собранные на месте данные сильно противоречили одно другому. Лю-дарин хотел поэтому прибегнуть к пыткам. Но так как я воспротивился этому самым категорическим образом, то он решил пустить в дело только розги. Тогда я объяснил, что, если такой приговор состоится, я должен буду удалиться, так как, по обычаям моей родины, считается несправедливым обращаться так даже с преступниками. Лю-дарин обещал сообразоваться с моими желаниями.

Охотники продолжали утверждать, что они оставили все вещи у Тогда-бека и что если чего-нибудь не хватает, то это его дело; бек же утверждал, что недостающие вещи утащили сами охотники. Лю-дарин, как истый Соломон, и постановил следующее решение: «Так как обе стороны врут и нельзя добраться которая, то я присуждаю обе стороны в течение двух дней выплатить нашему гостю стоимость растраченных вещей — 5000 тенег (1000 рублей)».

Я тотчас после произнесения приговора и в присутствии обвиняемых заявил, что нахожу приговор справедливым, но не желаю брать денег с обвиняемых, как они там ни виноваты. Лю-дарин с твердостью возразил, что, если даже я не нуждаюсь в деньгах, китайским властям крайне важно показать своим подданным, что они не могут безнаказанно грабить европейских гостей, иначе грабеж повторится при первом же удобном случае, когда в этих областях появится путешественник.

Я не имел никаких доказательств, что и оставленный около реки верблюд был ограблен теми же людьми; кроме того, охотники уверяли, что часть вещей так и осталась на месте; поэтому я постарался сбавить сумму взыскания до 1000 тенег (200 рублей). Таким образом, если я не извлек иных выгод из этого дела, то, по крайней мере, заслужил общее одобрение и благодарность виновных.

Проявленные Лю-даринем справедливость и энергия в защиту интересов европейца были поистине необычными для китайского чиновника. Но я уже говорил, что Лю-Сюй-Цзай (его полное имя) был на редкость хорошим человеком; последнее можно подтвердить следующими данными. Весь хотанский оазис уплачивает Китаю ежегодную подать приблизительно в 3000 ямб (300 000 рублей). Амбани сменяются здесь, как и в других восточнотуркестанских городах, каждые три года, и в течение этого срока успевают скопить себе до полумиллиона и больше, так как добрая часть собираемых податей прилипает к их рукам. Лю-дарин был амбанем три года и каждый год отсылал всю сумму полностью в Пекин. Его честность обратила на него внимание в Урумчи, и его назначили амбанем в Яркенд, куда он и должен был выехать в тот же день, как я оставлял Хотан.

Славное время провели мы в Хотане. Первый богач в городе Алим-ахун предоставил, по приглашению Лю-дарина, в мое распоряжение свою великолепную летнюю резиденцию. Все было готово к нашему прибытию. Сначала меня провели в ворота, потом через два двора и, наконец, уже в обширный, обнесенный высокими стенами четырехугольный сад.

Дорожка, выложенная кирпичом, вела в середину сада, где возвышался сложенный из кирпичей дом. В доме была только одна большая комната в 15 окон, деревянные решетчатые переплеты которых могли подыматься и опускаться, как жалюзи. Терраса была окружена глубоким рвом, в котором журчала вода, пробегая под четырьмя мостиками.

Ни один луч солнца не проникал сквозь густую сень развесистых ив, окружавших этот дом, построенный для Якубека. Вода журчала в каналах, ветер шелестел в ветвях ив, полуденная жара, доходившая на солнце до 38 градусов, не распространялась сюда, и температура оставалась здесь 10 градусами прохладнее. Даже песчаные бураны, обычные в этих местах в это время года, не нарушали моего покоя.

В доме была всего одна дверь. Вдоль остальных трех внутренних стен комнаты шел широкий деревянный помост в метр вышины, так что оставалась свободной только середина комнаты с каменным полом. Этот помост мы убрали коврами и моими сундуками. В одном углу устроили мне на помосте постель, на помосте же я и сидел, поджав по-азиатски ноги, перед моим письменным столом — одним из сундуков и работал часто далеко за полночь. В общем, выходило что-то вроде кабинета ученого; разбросанные дорожные предметы придавали комнате живописный вид.

Кухня помещалась в маленькой мазанке около входных ворот сада, и, чтобы не мешать мне без надобности в моем уединении, Ислам-бай провел звонок между обоими помещениями. Ел я всего два раза в день. Прежде всего являлся Ислам-бай и провозглашал: «Аш-таяр, тюря!» («Пилава готов, господин!»), накрывал скатертью местечко около меня на помосте и подавал кушанья. Они состояли из пилавы, т. е. риса с луком и бараниной, шурпы, т. е. супа с зеленью и мозгом, свежего хлеба, кислого молока, чаю с сахаром

и сливками, яиц, огурцов, дынь, винограда и абрикосов. Да, мне жилось, как у Христа за пазухой!

Обыкновенно все общество мое составлял Джолдаш. Туземцы почтительно величали его «Джолдаш-ахун», т. е. *господин* дорожный товарищ. Он караулил мой дом и заискивающе вилял хвостом, когда появлялся Ислам с подносом.

Как я наслаждался покоем в этом чудном саду, среди полной тишины, куда не достигал ни один звук с шумного базара, ни единое дуновение ветра из нездорового, антисанитарного города! Испытываемому мной чувству полного наслаждения жизнью немало способствовало, вероятно, то обстоятельство, что нынешнее мое существование представляло такой огромный контраст с переходами по пустыням, и то, что письма с родины содержали одни добрые вести.

После обеда я гулял некоторое время по саду, вдыхая аромат зреющих тутовых ягод и персиков и пышных роз. Иногда ко мне подбегала и заигрывала со мной ручная лань с голубым бантиком и бубенчиком. Словом, это был самый чудный уголок для отшельника, чистый рай, в котором не хватало только Евы.

В конюшне ржали пятнадцать вновь приобретенных нами лошадей. С лета 1895 г. у нас оставалась только одна моя верховая лошадь, но мы не брали ее с собой на Лобнор. Животные набирались теперь сил для будущих трудов. Лю-дарин снабжал нас в изобилии маисом и другим кормом. Я было заявил ему, что это принудит меня возможно скорее уехать, чтобы не злоупотребить его гостеприимством, но из этого не вышло толку. Лю-дарин упрашивал меня оставаться и уверял, что это долг каждого настоящего китайца обходиться так со своим гостем. Мало того: когда мы выступали, он снабдил меня и мой караван продовольствием на целый месяц. Словом, всех услуг и любезностей этого славного человека и не перечечь.

Но надо упомянуть еще об одной вещи. Лю-дарин рекомендовал мне также одного переводчика, молодого, очень симпатичного китайца, по имени Фонг-Ши, который свободно писал на родном языке, бегло говорил по джагатай-

тюркски и — не курил опиуму. В Хотане оставалась у него жена и дети, Лю-дарин взял на себя все заботы об их существовании. Фонг-Ши, впрочем, получил жалованье вперед за три месяца и оставил его жене. Он взялся учить меня в свободные часы китайскому языку, и мы начали заниматься еще до отъезда. Вечером Ислам опускал жалюзи, зажигал две стеариновые свечи, и я ложился спать только часа в два ночи. Однажды темной и бурной ночью я проснулся от неистового лая Джолдаша, кидавшегося к окну. Никакого подозрительного шума, однако, не было слышно из-за рева бури. Я прокрался к веревке звонка, но она оказалась оборванной.

Я вышел на террасу; собака бешено прыгала между кустами, в которых как будто мелькнули две тени и скрылись по направлению к садовой стене. Я поспешил к Ислам-баю, у которого хранилось оружие, и мы дали два выстрела наудачу. На следующее утро мы нашли около стены лестницу, которую воры — без сомнения, это были воры — в переполохе не успели захватить. С тех пор я всегда клал рядом с постелью заряженный револьвер, а в саду поставили двух сторожей, и я мог спать спокойно.

Но время шло. Больше месяца нам нельзя было предаваться отдыху, и скоро мы заскучали по жизни на воле. В конце июня все было готово к выступлению. Ислам-бай, все время пользовавшийся моим неограниченным доверием, нанял новых слуг и закупил все нужное. Базарный швец парусов сшил большую палатку для моих людей. Для себя же я сохранил возвращенную мне теперь мою старую походную палатку, с которой были соединены такие печальные воспоминания.

В последний вечер нашего пребывания в Хотане люди мои справили себе торжественные проводы. Один из маленьких дворов был кругом обвешан цветными фонариками, оркестр из барабанщиков и флейтчиков наигрывал вовсю, под музыку кружилось двое плясунов, один из которых был одет женщиной, а вокруг восседали правоверные и восторженно хлопали в ладоши. Затем было предложено угощение: пилав и чай, и только под утро замолкли звуки прощальной музыки.

XIV. К северной подошве Куньлуня

29июня мы с зари были уже на ногах, и мой мирный приют в саду опустел. Привели лошадей и принялись их выючить. Некоторые из лошадей стали за долгий срок отдыха норовистыми и пугливыми, так что в течение первых дней путешествия каждую пришлось вести в поводу особому человеку.

Пока люди снаряжали караван, я отправился проститься с Лю-даринном и подарил ему золотые часы, купленные мной у одного богача купца из Ладака. Военный начальник города, подаривший чудесный ковер для моей палатки, получил от меня все ненужное нам боевое снаряжение и револьвер. Алим-ахуну, моему хозяину, я вручил часы и халат, а всем людям, оказавшим нам разные услуги, сделал денежные подарки.

Татарин Рафиков взял на себя отправку в Швецию моих археологических коллекций, шкуры дикого верблюда и массы купленных в Хотане ковров. Благодаря его стараниям, а также заботам генерального консула Петровского все эти вещи в полной целостности достигли места назначения.

Только в 10 часов утра все было готово, и длинный караван из 20 лошадей и 30 ослов, сопровождаемых целой толпой слуг пешком и верхом, выступил из города и направился к востоку. Через какой-нибудь час мы были на левом берегу Юрун-каша. Река теперь имела совсем иной вид, нежели месяц тому назад. Теперь она делилась на четыре рукава, из которых ближайший к правому берегу был наиболее многоводный. Вода прибывала с такой силой, что почва дрожала под нашими ногами. Пришлось прибегнуть к услугам двадцати «сучи», которые переправили лошадей, навьюченных продовольственными запасами, палаткой и менее хрупкими вещами. Тут стояла к услугам путешественников неуклюжая лодка, напоминавшая формой длинный, тяжелый, угловатый ящик. Я поместился в ней со всеми своими ящиками, содержавшими более хрупкие вещи, и с Джолдашем, находившим переправу в такой валкой лодке крайне неприятной.

Проведя ночь в прекрасном доме в Сампуле, мы 30 июня миновали последние юго-восточные селения хотанского оазиса. Около Котас-лянгара (Постоялый двор яка) протекал последний арык этой оросительной системы, и тут же растительность разом прекращалась, словно ошпаренная кипятком. Ни единой былинки не переходило через границу искусственно орошенной области. Перед нами расстилался твердый, желтый, с пологим подъемом и совершенно бесплодный сай, образующий переходную ступень между пустыней и горами и знакомый уже нам по областям Копы и Соур-гака.

Между этой полосой сая и песчаной пустыней мы нашли узкую и прерывающуюся полосу оазисов и караванных путей. Сай прорезывается небольшими речками, текущими по глубоким руслам с северных склонов Куньлуня. Главнейшие из них, которые нам предстояло перейти: Уллу-сай, Керия-дарья, Ния-дарья, Толан-ходжа, Бостан-тограк, Мольджа и Кара-муран.

В тех местах, где реки эти выступают из гор, находятся небольшие селения, жители которых сеют ячмень и занимаются скотоводством. Таким образом, можно различить три типа оазисов в Восточном Туркестане: оазисы, идущие по течению рек, оазисы, лежащие у границ пустыни и орошающиеся искусственными арыками, — к этим оазисам принадлежат все города — и, наконец, оазисы, находящиеся около пунктов выхода рек из гор и также очень богатые травяной растительностью.

В Котас-лянгаре мы сделали небольшой привал, чтобы напоить караванных животных. Здесь же простились с нами аксакал Мирза-Искандер и вся кавалькада провожатых из Хотана. Первый захватил мою корреспонденцию, и отныне я не мог уже больше сообщаться с Европой. Только в Пекине разорванная связь возобновилась.

В течение следующих дней мы ехали по чудесным, прохладным областям около подошвы хребта. Первоначально я намеревался отсюда попытаться пробраться на Тибетское нагорье, но это оказалось невозможным, так как необычайный разлив Керии-дарьи преградил узкую, трудную горную дорогу. Другого не оставалось, как снова спуститься к севе-

ру на большой караванный тракт, которого мы и достигли около Керии. Тут мы остановились на четыре дня и лишь здесь могли переправиться через реку.

Через Ой-тограк и Аврас добрались в три дня до Нии, небольшого городка с 500 уйлыками (домами); управляли им бек, два юз-баши и четыре он-баши. Значение Нии в том, что в двух днях пути от нее к северу лежит в песках мазар Имама Джафар-Садыка, который ежегодно, особенно в конце лета и осенью, привлекает до 3—4 тысяч богомольцев. Последние приносят сюда, как и на могилу Урдан-Падишаха, дары натурой и деньгами, идущие на содержание мазара, пяти шейхов и прочих служителей святыни. Мазару принадлежат между прочим до 4000 овец, пасущихся в лесах Нии-дарьи.

Из Нии, которую мы оставили 18 июля, мы направились снова вдоль подошвы гор к реке Толан-ходжа. По дороге туда с нами приключилась неприятность. Ислам-бай, ехавший несколько впереди, привязал свою лошадь, а сам прокрался по балке к стаду пасшихся антилоп и выстрелил в них. Убить он никого не убил, а наших выючных лошадей перепугал так, что они опрометью кинулись по сильно пресеченной и поросшей кочками степи и скоро исчезли из вида.

К счастью, лошадь, навьюченную ящиками с моими дорогими приборами, всегда вели под уздцы, и таким образом она не могла принять участия в этой бешеной скачке. Остальные лошади остановились тогда только, когда выюки их сбились на сторону, сползли и стали мешать их бегу. Многие ящики оказались разбитыми, один из кухонных разлетелся в куски, причем все содержимое рассыпалось и фарфоровая посуда разбилась вдребезги.

В области Кара-сай мы в первый раз услышали о перевале через Куньлунь, находящемся, как говорили, к югу от Далай-кургана, в одном дне пути к юго-востоку от Копы. Мы решили поэтому вернуться в Копу за точными сведениями и за проводниками.

Для нашего путешествия по Северному Тибету нам нужны были несколько верблюдов, и я поручил Парпи-баю, одному из лучших моих слуг, отправиться вперед к реке Моль-

дже — в яйлаках, расположенных по ее верховью, пасется масса верблюдов — и присмотреть нужных нам животных. Парпи выполнил поручение с честью, и, прибыв 28 июля к реке, мы нашли здесь 15 отличных верблюдов и их хозяев. Мы заблаговременно послали также курьера к беку Копы Тогда-Магомет-беку, который прибыл сюда и помог нам купить верблюдов по сходной цене. Мы приобрели шесть верблюдов-самцов из породы, привыкшей к горным дорогам.

Прежде чем выступать в путь со всем караваном, я решил произвести рекогносцировку и отправился 1 августа, в сопровождении Фонг-Ши, Ислам-ахуна, Рослака и двух таглыков, по долине Далай-курбан к перевалу того же названия (4367 метров). На следующий день я продолжал путь к востоку до главного перевала (4932 метра), с которого открывается величественный вид на целое море скал. Подъем на перевал с запада очень крут, но мы все-таки полагали, что верблюды осият его.

Восточный склон перевала представлял гораздо большие трудности. Посоветовавшись между собой, мы решили все-таки попытаться перейти перевал. Багаж можно было спустить на веревках по откосу, лошади и ослы могли про-

Толан-ходжа

браться сами, а верблюдов, если они не могут спуститься, мы решили окутать войлоками и спустить вниз волоком.

6 августа наш внушительный караван двинулся к перевалу Сарык-кол. Долина все суживалась, подъем становился круче. Верблюды осторожно пробирались по скользкому щебню. Лошади и ослы часто падали, приходилось их развьючивать, потом снова навьючивать, и они потом спешили догнать остальных. Я, как всегда, ехал верхом позади каравана, чтобы мне виднее было все происходящее вокруг, и только тогда вздохнул свободно, когда последние животные скрылись за перевалом.

Южный склон был значительно менее крут. Придерживаясь небольшого ручейка, спустились мы к широкой долине Лама-чимен и уже готовились свернуть налево к находившемуся на востоке перевалу Чокалык, как вдруг аксакал, предводитель наших проводников-таглыков, объявил нам — несколько поздно, — что есть другой, более удобный перевал Япкаклык около верховьев Митта. Таким образом, он лгал, уверяя нас сначала, что Чокалык — единственный перевал.

Дело в том, что он, боясь китайцев, не смел указать нам неизвестный до тех пор новый путь в Тибет. Теперь же, когда мы уже забрались сюда, он наконец набрался храбрости и сказал нам правду. Я дал ему хороший нагоняй за обман, заставивший нас сделать такой крюк через перевалы Далай-курган, Чокалык и Сарык-кол.

Близ подошвы конгломератовой террасы, на правом берегу, мы разбили лагерь. Перед нами был безвестный пустынный Северный Тибет, и только через два месяца предстояло нам вновь прийти в соприкосновение с людьми. Здесь мы сожгли наши корабли, испытывая при этом приятное чувство от сознания, что находимся вне сферы влияния китайских мандаринов. Отныне мы должны были, однако, подвигаться ускоренным маршем и отдыхать лишь в таких областях, где могли найти подножный корм.

Сведения, полученные на этот счет от таглыков, были малоутешительны. Они единогласно утверждали, что вся страна к югу совершенно бесплодна. Это утверждение согласовалось с опытом, вынесенным экспедицией Певцова из путешествия по восточным областям страны, и я

уже приготавливался к тому, что животные наши мало-помалу падут от изнурения и истощения. Для нас же, людей, я не видел ничего опасного в этой экспедиции, надеясь, что в худшем случае мы сможем пешком добраться до населенных местностей — на севере или на юге.

Точно так же остались теперь позади и области, обыкновенно посещаемые таглыками и обозначенные у них географическими названиями. Мне пришлось с этих пор отмечать места на своем маршруте и в дневниках буквами и цифрами. Замечательно, что как раз в этой области многие географические названия указывали на монгольское происхождение, например Калмак-чап (Балка монголов), Калмак-ютургён (Монгольская лодка), Кара-муран (Черная река), Далай-курган (Далайская крепость) и Лама-чимен (Пастбище ламы).

Животные наши в последний раз спокойно и мирно наслаждались сочным подножным кормом, не подозревая, что ждет их впереди. Два месяца спустя большинство их погибло на северных нагорьях Тибета, а караван наш при выступлении в путь был немаленьким. Мы взяли с собой 17 лошадей, 12 ослов и 6 верблюдов, не считая временно нанятых животных. Около Сарык-кола наш караван увеличился еще 4 лошадьми и 17 ослами. Ослы были навьючены мешками с маисом для корма животным.

Всего, значит, было у нас 56 животных; из них достигли окраинных гор Цайдама три изнуренные, полумертвые лошади да один осел, иными словами, 90 процентов пало. Поэтому можно, судить чего довелось натерпеться бедным животным. Для нас, однако, эти потери, в сущности, не имели большого значения, так как теряли мы животных постепенно и почти в соответствующей прогрессии с убылью продовольствия, но было мучительно видеть их страдания.

Тогда Магомет-бек

В Сарык-коле мы купили 12 овец и 2 козы, предназначая их на убой по мере надобности. Я хотел купить 20 овец, но слуги мои объяснили, что на значительных высотах, по которым нам предстояло странствовать, мы не так охотно будем есть мясо, как рис. Купленных овец, однако, только-только хватило на половину пути, а затем нам пришлось пробавляться мясом диких яков.

К нашему походному зверинцу принадлежали еще три отличные собаки. Прежде всего мой верный Джолдаш из Курли, постоянно спавший рядом со мной и стороживший палатку с таким усердием, что никто, кроме Ислам-бая, не смел и войти в нее. Далее Джолбарс (тигр) из Карасая, большой, желтый, лохматый пес, и, наконец, черный с белым Буру (волк) из Далай-курмана. Две последние собаки постоянно держались около людской палатки, подымая по ночам страшный шум и ворча на караванных животных, если те отходили слишком далеко от лагеря.

Во время перехода все собаки, играя и обгоняя друг друга, бежали то впереди каравана, то позади, то принимали экскурсии в стороны, в горы, за дичью. В общем, они очень развлекали нас во время наших странствований и оживляли лагерь. При переходе через нагорья собаки чувствовали себя лучше всех животных и людей. Разреженный воздух как будто не оказывал на них ни малейшего влияния, аппетит у них всегда был прекрасный, и они отлично справлялись со своей порцией, а она была не маленькая, так как в их пользу поступали все остатки от заколотых овец, застреленных яков и куланов и, за недостатком лучшего, павшие лошади, верблюды и ослы, которых мы потом теряли на каждой стоянке.

Постоянных слуг у меня было восемь: Ислам-бай — наш караван-баши, Фонг-Ши — китайский переводчик, Парпигбай из Оша, Ислам-ахун из Керии, Гамдан-бай из Черчена, Ахмет-ахун — полукитаец, Рослак из Карасая и Курбан-ахун из Далай-курмана. В Далай-курмане я нанял 17 таглыков, под предводительством их аксакала. Они были взяты только для того, чтобы помочь нам перебраться через самые трудные перевалы, а через несколько недель могли вернуться обратно.

Двое таглыков, бывших со мной на рекогносцировке, бежали утром из боязни наказания за то, что заставили нас напрасно перейти трудный перевал. Они исчезли по прибытии на то место, где аксакал решил показать нам дорогу к Япкаклыку, но мы не хватились их, пока не остановились на привал. Таким путем они, конечно, избегли заслуженного наказания, но лишились и платы за лошадей, которых доставили нам для рекогносцировки.

Переход был поистине чудесным; несмотря на значительную высоту, на солнышке было так тепло, что я ехал, одетый по-летнему. Но едва дневное светило скрылось за западным хребтом гор, как ночная прохлада дала себя знать, и пришлось прибегнуть к пальто и зимней шапке.

Из другой палатки доносился веселый говор, достигший своего апогея, когда подали дымящийся пилав. Мои слуги-туркестанцы не желали есть из одной посуды со случайными нашими проводниками-таглыками, к которым — и основательно — не питали особенного доверия. Таглыки поэтому оставались под открытым небом и ели отдельно.

За едой разговор шел о предстоящем путешествии. С особенным вниманием прислушивались к речам Парпи-

Наш лагерь в долине Сарык-кол

бая, который несколько раз пересекал Тибет. Он участвовал в экспедициях Кэри и убитого Дальглейша, Бонвало и принца Орлеанского, также убитого Дютрейля-де-Рина и Гренара и в некоторых русских экспедициях, но не мог указать, в каких именно. Он был для нас настоящей находкой — никто лучше его не знал этих областей. Злые языки говорили, что у него в каждом местечке оставалось по жене, которых он покидал, как только они ему надоедали. Ислам-бай находил дурным предзнаменованием, что он находился на службе у двух европейцев, которых убили в пути.

На службе у меня Парпи-бай все время вел себя отлично, был всегда вежлив и полон достоинства и пользовался большим уважением всего каравана не только за свою опытность, но и за лета: ему было около шестидесяти лет.

Теперь он как раз рассказывал о том, как падали одно за другим животные каравана Бонвало, как редел караван Дютрейля-де-Рина и как нападение туземцев около Тамбудды уничтожило его вконец. При этом повествовании другие люди отвернулись и заметили, что, значит, счастье будет, если мы выйдем из опасного путешествия целыми и невредимыми.

Нашу стоянку на берегу Митта таглыки основательно называли Лайка, т.е. глинистая, так как река отложила здесь на большом пространстве слои глинистого ила. Еще в течение одного дня тракт был знаком таглыкам, и они называли нам наиболее выдающиеся места, но дальше уже спасовали. Они сообщили, что долина реки Митт, прорезывавшая горный хребет, который мы пересекли по перевалу Сарык-кол, очень глубока, узка и непроходима во все времена года. Она представляет глубокую балку с отвесными боками, по которой между рухнувшими обломками скал дико пенится река, тесно прижимаясь к скалам.

Напротив, на западе, находился удобный для перехода перевал Пеласлык, ведущий к верховьям Кок-мурана и в область, богатую подножным кормом и потому носящую название Чимлык. Выше в долине Митта находятся «каны», или колодцы, т.е. ямы, которые роются золотоискателями не глубже высоты человеческого роста. Там находились теперь несколько золотоискателей из Керии, кото-

рым не посчастливилось в Копе; они и направились сюда в надежде на большую удачу.

Эти золотоискатели ежегодно отправляются в долину Митта, но работают там не более шести недель, частью потому, что не могут запастись продовольствием на более продолжительное время, частью потому, что уже в начале сентября почва замерзает и нельзя более рыть. Оттаивает она снова в начале июня. Песок промывают в корытах, и добыча золота бывает не велика, так что каждый работник добывает золота не более

Один из наших таглыков

как на сумму 2 тенег в день. Так как область, где они работают, совершенно лишена растительности, то вьючных ослов, привезших продовольствие, отводят в Лама-чимен, где они и пасутся на свободе, пока хозяева их работают.

С непривычки к ночным холодам мы порядком померзли в первый раз. Но как только взошло солнце, стало опять тепло. Утром сбежали еще двое таглыков, и аксакалу снова досталось за то, что он не умел поддерживать дисциплину среди своих людей. У нас оставалось еще 13 таглыков, и этого было достаточно; вообще же нам требовалось порядочно людей, так как караван шел, разбившись на пять кучек.

Верблюды, шествовавшие медленно, выступали из лагеря первые под надзором Гамдан-бая и в сопровождении 2 таглыков. Затем выступал лошадиный караван с моими вещами: палаткой, кухней и проч. — под надзором Ислама, Парпи-бая и еще нескольких туркестанцев. Этот караван подвигался быстрее всех и приходил первым на место стоянки, выбор которого и был поручен Исламу. Ослы под надзором остальных людей выступали вслед за лошадьми, но скоро отставали и приходили на место привала обыкновен-

но с верблюдами. Еще позже являлось стадо овец со своими пастухами.

Я и Фонг-Ши ехали в сопровождении одного таглыка, которому местность была знакома, еще на протяжении нескольких дней пути. Мы ехали последними, так как я всю дорогу занимался съемкой маршрута, а также геологическими и гипсометрическими наблюдениями, набросками эскизов и проч. Это имело свое преимущество: приезжая в лагерь спустя несколько часов после лошадей, мы находили уже палатку разбитой, а чай и кушанье кипящими над огнем; таким образом, мне не приходилось ждать, пока мне приготовят кров и постель.

И славно было после долгого трудного пути очутиться в своей уютной палатке, высланной дорогим ковром, подаренным мне на прощанье хотанским комендантом. У одной продольной стены помещалась моя постель, состоявшая из шуб, войлоков и пары подушек; у другой стояли мои сундуки.

Джолдаш, весь путь вертевшийся около меня, взял привычку, едва завидит вдаль палатки, лететь к ним стремглав и располагаться на моем ложе. Когда я в свою очередь подъезжал к палатке, собака показывалась у входа в палатку и приветствовала меня, помахивая хвостом, словно она, собственно, была хозяином палатки, а я гостем. Ей, однако, приходилось довольствоваться ковром, когда я сам располагался на мягком ложе и принимался за дневник и прочие свои дела.

Фонг-Ши вел себя прекрасно. Я очень дорожил его обществом; образованный китаец стоит в умственном отношении куда выше магометанского муллы. В свободные часы, а часто и во время пути мы занимались с ним китайским языком и вели беседу по-китайски, насколько позволял мне мой скудный запас слов.

Одно горе: слуги мои, магометане, питали зависть к нему за то, что он так часто составлял мне компанию и во время уроков сидел в моей палатке. Они насмешливо называли его Кичик-тюря, т. е. барчуком, и досадовали, что они — правоверные мусульмане должны готовить кушанье китайцу-язычнику. Несколько раз мне приходилось вмешиваться в их ссоры и водворять мир.

XV. Первые дни путешествия по Северному Тибету

7 августа выдался долгий и трудный переход. Сначала путь наш вел по правой береговой террасе реки, у подошвы хребта, где гранит сменился черным сланцем; затем через отвесный холм и дальше под гору, к речке Кызыл-су, которая течет из широкой долины налево. Направо осталась у нас широкая открытая долина Митты, а наш путь пошел через широкую, с отлогим подъемом долину Япкаклык, заключенную между двумя мощными горными отрогами. В эту долину открывалось несколько боковых. Правая из них вела к Ак-чалык-тагу, т. е. Белым диким скалам. Другая вела к золотым копям, где десять человек золотоискателей нашли в последнее время столько золота, что могли бросить работу и вернуться домой.

Долина постепенно заворачивала к востоку. Далеко на юге виднелись мощные горы, гребни и снежные вершины. По «саю» (слово это обозначает также каменистое речное русло) Япкаклык струилась мутная горная речка, принимавшая притоки из соседних долин. Сай был очень широк и мелок и занимал добрую половину ложа долины; остальная часть ложа состояла из рыхлого материала, скудно поросшего травой.

Мало-помалу долина суживается, и ложе ее все более и более загромождается щебнем. Подъем на перевал Япкаклык становится все круче. Но все животные нашего каравана, включая и верблюдов, шли удивительно бодро. Мы ожидали, что на последнем крутом подъеме нам придется нести весь багаж на руках, но, к счастью, животные не спавали и тут. Я с двумя спутниками достиг перевала раньше, чем караван, казавшийся в глубине рядом черных точек. Самый перевал представляет не особенно острый гребень, покрытый продуктами выветриванья и черными обломками сланца, и напоминает в этом отношении Чакалык, но несравненно более удобен для перехода. Погода стояла чудесная, и термометр показывал в 1½ часов пополудни 14,2° тепла.

Спуск по восточной долине был нетруден, хотя в верховье ее и пришлось пройти несколько ущелий. Дальше долина расширилась, и по середине ее зажурчала небольшая речка. На левой береговой террасе мы спугнули чудесного кулана (дикий осел), который с быстротой ветра понесся от собак вниз по долине, но время от времени останавливался и оглядывался на нас. Потом мы узнали, что люди, сопровождавшие караванных лошадей, которые шли впереди, видели стадо куланов в 20 голов. Ислам-бай выстрелил в них, одно животное и отбилося от стада.

Было уже темно, когда мы добрались до нашего лагеря, разбитого у подошвы отвесной скалы, близ берега Карамурана, теперь крайне бедного водой. На берегах не росло ни былинки, и пришлось выдать животным порции маиса и ячменя. У всех, кроме меня, болела голова, и всех клонило ко сну после долгого перехода. Ислам-бай и Фонг-Ши сильно страдали от припадков «горной болезни» и принуждены были немедленно лечь. Я же закончил свои обычные работы только к полуночи; съемка маршрута заняла целых пять листов.

Ночь была тихая и холодная (минимальный термометр показал 2,4°), но мы в наших шубах и войлоках не зябли. Рано утром начался сильный западный ветер. Ураган в одно мгновение опрокинул мою палатку. По счастью, все приборы были уже уложены, так что беды никакой не случилось.

Пятеро таглыков, в том числе и лживый аксакал, получили расчет и повернули восвояси пешком, радуясь, что им не надо идти с нами дальше.

Местность эту таглыки называли Булак-баши (Начало ключей). Это было последнее записанное мной в Азии тюркское название. В моих дневниках я также называю это место лагерем № I, а место нашей стоянки 8 августа, около истоков Кара-мурана, лагерем № II.

В верхней части долины мы снова направились к югу. Мы ехали по бесконечной песчаной площади; песок был покрыт рябью, но не выказывал стремления образовать барханы. Кругом подымались невысокие горы и узкие гребни, не образывавшие, однако, цепей в каком-нибудь определенном направлении. Несмотря на всю беспорядочность их

расположения, ясно было, что они представляли последние остатки древнего, разрушившегося мало-помалу хребта.

В 4 часа разразился снежный буран. Мелкий зернистый снег хлестал нас в спину и, крутясь облаками по направлению к востоку, скрывал из глаз все окрестности. С большим трудом могли мы различать следы каравана. Снег, впрочем, скоро таял на нагретой за день поверхности.

Наконец впереди замелькали белые силуэты палаток. Караван остановился на привал у подошвы незначительного изолированного кряжа из песчаника. Небольшой источник снабдил нас водой; кругом росли реденькие кусты япкака, которым наши животные и принуждены были удовольствоваться. Местность вообще была мертвенно-пустынная. Высота равнялась 4739 метрам. Людям, видимо, было не по себе, и вечером наши провожатые, таглыки, вступили между собой в оживленную беседу по поводу того, кому из них сопровождать нас далее до тех пор, пока мы вернемся к человеческим жилищам. Каждый хотел повернуть обратно. Эти негостеприимные нагорные области не представляли для них никакой притягательной силы.

9 августа. Ночь, по обыкновению, выдалась тихая; минимальный термометр показал -7° , и к утру чернила в моей походной чернильнице замерзли. Настоящая зима в начале августа!

Приятель мой Фонг-Ши имел удрученный вид, жаловался на ужасную головную боль, бессонницу и рвоту. По его просьбе я позволил ему вернуться обратно, если днем не станет лучше.

За ночь никто не бежал, и караван двинулся в прежнем порядке. Овцы и две козы отлично шли под надзором особого пастуха. Козы были нам особенно полезны; они всегда бежали во главе стада, увлекая за собой более вялых овец. Кроме того, я каждое утро пользовался чашкой козьего молока к чаю.

По причине все усиливавшегося холода палатку мою подвергли некоторой переделке, сложив нишу, изображавшую будуар, отчего задняя стена стала плотнее и непроницаемее для ветра. Края же пол палатки стали подтягивать под войлочный ковер и придавливать багажными ягданами. Таким

образом, уничтожался сквозняк, и палатка стойко держалась даже при сильном ветре.

Далее путь наш пошел слегка в гору. Грунт был настолько рыхлый, что копыта лошадей уходили в него целиком, поверхность же такая ровная, что, если бы не русла, оставленные дождевыми потоками, едва ли можно было бы определить, в какую сторону она имеет уклон. Вдобавок почва была пропитана сыростью после недавно выпавшего снега, и животным нашим стоило большого труда подвигаться по ней.

Дождевые борозды направлялись к западу, пока мы не достигли небольшого озера, имевшего в ширину всего несколько сот метров. Вероятно, оно является одним из истоков Кара-мурана, но теперь было совершенно отрезано от верховьев реки. По следам, оставленным водой на берегах, видно было, что в половодье уровень воды в озере повышается. Вода в озере была слегка солоноватая; в расстоянии нескольких футов от воды вокруг озера шло кольцо выцветов соли.

Отсюда мы повернули к юго-востоку. Недолго шли мы по новому направлению, как наткнулись на небольшой источник, где и решили, ради верного обеспечения водой, разбить лагерь. Окрестность была совершенно безжизненной. Только кое-где высывал свои походящие на войлок кусты неприхотливый япкак, и наши проголодавшиеся животные с жадностью принялись поедать их.

Вода сочилась из почвы по каплям, и в нескольких метрах дальше источник уже иссякал в песке. Люди вырыли небольшую яму, в которой понемногу и скопилась вода. Животных напоили по очереди. Сегодня мы сделали 21 километр, а в два предыдущих дня 26,7 и 28,7 километра.

10 августа запись в дневнике гласит: «Лихорадка Фонг-Ши все усиливается, пульс достигает 120 ударов в минуту, голова болит ужасно. Он смотрит совсем умирающим и думает, что с каждым днем ему будет все хуже. Я решил отослать его обратно. Ислам тоже опасается, что Фонг-Ши умрет, если мы потащим его за собой дальше, или что его болезнь причинит нам долгую и гибельную в этих местах задержку.

Да, насколько прежде общество Фонг-Ши было приятно, настолько же тягостно оно стало в последние дни, когда он непрерывно стонет и жалуется на свои недуги.

Но как же теперь быть с китайцами? Забраться вовнутрь Китая без переводчика не особенно приятная перспектива. К счастью, я уже успел извлечь некоторую пользу из общества Фонг-Ши, заучил важнейшие слова, а остальному нужда выучит.

В общем Фонг-Ши обошелся нам не дешево. Он уже получил жалованье вперед за три месяца, а теперь мне предстояло еще оплатить его обратный путь да снабдить его лошастью, продовольствием, запасом хинных облаток, шубой и провожатым на случай, если он сляжет дорогой. Он решил немного отдохнуть в Далай-кургане и простился со мной растроганный и благодарный.

Горделивые мечты молодого китайца въехать в ворота Пекина, узреть резиденцию своего баснословно могущественного императора и, быть может, с моей помощью добиться там положения и наконец сменить свою оставленную в Хотане супругу тюркского происхождения на кровную китайку, — все эти мечты рассеялись, как дым у подножия Арка-тага. Молчаливый, грустный стоял Фонг-Ши среди этой пустынной местности, глядя вслед нам, стремившимся к желанной, далекой цели!»

Ночью шел порядочный снег, и почва была еще совсем сыра, когда мы двинулись по долине, где стояли лагерем. Решили, что лошадиный караван, подвигавшийся быстрее, будет впредь выбирать направление, причем Исламу было только внушено держать курс по возможности на юг, чтобы мы наконец могли перейти через Арка-таг. Вообще же он должен был сообразоваться с условиями поверхности и с силами караванных животных. Мне никогда и не случалось быть недовольным его выбором, так как у него был зоркий, верный глаз и он отлично соразмерял силы верблюдов.

Мало-помалу долина расширилась и перешла в волнистую нагорную равнину. Налево от долины показалась удивительно живописная горная страна, представлявшая собрание сплюснутых и плоских конусов с зубчатыми боками. Конусы состояли частью из красноватого песчаника,

частью из необычайно твердой, кирпично-красной горной породы, похожей на брекцию.

Вершины этих конусов были покрыты горизонтальными слоями черного туфа. Слои туфа явно защищают лежащую под ним горную породу от выветривания. Отдельные вершины видны были издалика, напоминая бакены, разбросанные по этой равнине. Вокруг подножий конусов лежали большие и малые обломки туфа, упавшие с вершин. Мелкие обломки туфа мы продолжали находить на красном песке на довольно большом протяжении по равнине. Около подошвы горного массива эти обломки рисовались на красном фоне черными пятнами.

Около подошвы хребта мы пересекли направлявшийся к востоку сухой сай, довольно значительных размеров, но, видимо, несущий воду лишь после обильного выпадения атмосферных осадков. К юго-востоку от него простирался кряж, формой напоминавший опрокинутую ложку; такая форма поверхности попадалась нам потом часто. Затем шла небольшая впадина, сухое дно которой белело соляными отложениями. Подобные соляные озерки также составляют характерную особенность местности.

Воздух был ясен. Далеко впереди, словно черные точки, двигались караванные лошади, и я по ним мог определить верные пеленги в полмили. Единственным растением, способным произрастать на скудной почве, являлся япкак, но многочисленные следы показывали, что области эти посещаются время от времени антилопами-богу. Ислам-бай, однако, тщетно выслеживал это быстроногое животное, которого ему так ни разу и не удалось застать врасплох.

Небо большей частью было покрыто необыкновенно красивыми, пушистыми и причудливыми белыми облаками, которые, словно живые существа, плыли совсем близко над поверхностью земли и кое-где только открывали чистую лазурь неба.

По небольшой ложбине, сырой от последнего выпавшего снега, мы поднялись на новый гребень, более значительный, нежели предыдущие. С его слегка выпуклой вершины нам открылось столь же неожиданное, сколько отрадное зрелище. Перед нами расстилалась неглубокая впадина, покрытая

светло-зеленой растительностью, без сомнения, скудной, но тем не менее желанной для наших постившихся уже четыре дня животных. Особенно проголодались лошади и теперь нетерпеливо ржали в ожидании подножного корма.

Эмин-Мирза, славный таглык, сменивший Фонг-Ши в должности моего секретаря, с удивлением указал мне, что караван наш не выказывает намерения остановиться. Ислам, видимо, хотел сыскать воду — необходимое условие для разбивки лагеря. Низенькая, тоненькая и редкая травка представляла не очень-то завидное пастбище; надо было много терпения, чтобы накормиться тут. Многочисленные следы свидетельствовали, что место это было знакомо антилопам. Водились здесь и полевые мыши, питавшиеся травой и ее корнями. Мы видели только корни, а самих мышей не видели.

На следующее утро трое людей оказались больными и просили день отдыха. Я согласился тем охотнее, что животные были истомлены шестью тяжелыми переходами и что здесь у нас были под руками и подножный корм, и вода. Только насчет топлива было туговато. Япкак рос лишь кое-где, и люди бродили по окрестностям, собирая его корни.

Всю ночь и все утро шел снег; вся поверхность побелела. Но как только взошло солнце, снеговой покров растаял, чему много способствовала и сухость воздуха. Снег был зернистый, твердый и весело барабанил по парусине палатки.

Отдых для всех нас был желанным. Кругом было тихо, животные разбрелись далеко от лагеря, отыскивая подножный корм получше.

Недомоганье людей, однако, усилилось в течение дня. Большинство из них жаловалось на головную боль; даже Ислам-бай лежал и стонал, и так как он был караван-баши, то другие тем более упали духом.

Погода тоже не способствовала поднятию духа; небо хмурилось, снег с небольшими перерывами продолжался весь день. После трех часов дня подморозило, и поверхность побелела. Западный ветер дул порядком, и немудрено, что меня не тянуло на воздух. Я предпочитал сидеть в палатке, закутавшись в шубы, и заниматься разработкой своих набросков или чтением.

Закололи овцу, но, хотя нас и было много, мясо осталось несъеденным — горная болезнь уменьшает аппетит. Мне баранина перестала нравиться, так как ее никак нельзя было уварить до мягкости. Пилав тоже выходил невкусным — рис оставался жестким. Приходилось довольствоваться бульоном из баранины да окаменелым хлебом.

Меню было все одно и то же, повторяясь дважды в день, и скоро эти трапезы так надоели мне, что я приступал к ним с некоторым содроганьем и успокаивался только тогда, когда, одолев свою порцию, закуривал трубку. В общем же я чувствовал себя хорошо, хотя мы и находились на 4968 метрах высоты.

Утомление сказывалось только одышкой и сердцебиением. Закутанный в шубы и войлока, я часто просыпался ночью от неприятного и жуткого чувства стеснения в груди. Зато головная боль, мучившая меня в первые дни, совершенно прошла.

На закате погода прояснилась. Тяжелые черные тучи уползли к востоку. Небо в зените было ярко-синее, на западе же было объято заревом, словно от далекого степного пожара; ближайшие горные склоны отливали резким багрянцем. На севере горы были еще окутаны густыми облаками, которые весь вечер то и дело прорезались молниями.

Спустились мы с перевала на другую сторону по резко очерченной долине. Пресеченное ложе долины было сухо, подножного корму не росло никакого. Поблизости нигде не представлялось удобного перехода через Арка-таг, и мы продолжали следовать по долине. По обе стороны долины рисовались легкими тенями отроги хребта, а на заднем плане возвышался мощный хребет, продолжение Арка-тага, весь окутанный серебряным снегом. Снег сиял такой ослепительной белизной, что мы сначала приняли его за белые облака на горизонте.

Оставив широкую долину влево, мы стали медленно подыматься по нижнему склону Арка-тага, пересекая бесчисленные овраги и балки, по которым в большинстве случаев текла вода, направляясь в главную долину. На севере местность была открытая, без холмов. Перед нами лежало

обширное пресеченное плато, ограниченное вдали на севере мощной горной цепью с множеством снежных вершин; это была южная сторона Токкуз-давана.

Вдали сиял раздвоенный пик Арка-тага, к которому мы час за часом подвигались, но все как будто не приближались. Теперь надо было отыскать удобное место для стоянки, где бы нашелся подножный корм. Пройдя 29 километров, мы разбили палатки около порядочного ручейка, по берегам которого росла сносная трава. Абсолютная высота равнялась 4975 метрам. Животные имели еще бодрый вид, но людям, особенно Ислам-баю, приходилось плохо. 13 и 14 августа нам пришлось оставаться в лагере № V. Поводом к такой остановке послужил печальный факт. Сначала люди уверяли меня, что животные нуждаются в отдыхе, но утром 13-го мне доложили, что Ислам-баю очень плохо. Славного моего слугу мучило, что я должен буду пожертвовать хотя бы одним днем из-за него, и он просил других сослаться на усталость животных. У него была сильная лихорадка, пульс бился ускоренно, голова страшно болела. Он не думал, однако, что причиной недомоганья была лишь горная болезнь: он харкал кровью и был так слаб, что не мог шевельнуть ни одним членом. В дневнике моем записано следующее: «Ислам попросил других попытаться уговорить меня продолжать завтра путь, а его с двумя таглаками, также больными, оставить здесь. Он хотел поручить ключи, ягданы и все продовольствие и боевые припасы Парпи-баю, а сам, если ему будет лучше, думал попытаться перевалить через Токкуз-даван, пробраться до Черчена и дальше на родину через Кашгар.

Я дал ему хины и морфину, после чего он проспал несколько часов, затем я поставил ему горчичники, чтобы оттянуть кровь от головы. По-видимому, ему очень плохо. Было бы страшно тяжело лишиться его. Я бы почувствовал себя тогда воистину одиноким. Он был моим спутником с самого начала, делил со мной все лишения и опасности, не шадил сил и был для меня истинной опорой.

Кто, как не он, всегда набирал и организовывал караван, нанимал надежных людей, обдумывал и закупал продовольствие и следил за всем самым разумным и обдуман-

ным образом. Десять человек не стоили его одного; он был незаменим. И вот теперь он лежал, словно старик, сломленный недугом, похожий на умирающего. Как горько было бы, если б он погиб теперь, на третьем году своей самоотверженной службы мне, на которую сменял свое спокойное житье-бытье в Оше; эта последняя тяжелая экспедиция была уже седьмой, совершенной нами вместе.

Болезнь Ислам-бая, тревожащая меня уже сама по себе, имеет еще то пагубное последствие, что другие люди окончательно пали духом, увидав своего караван-баши в таком жалком положении. Им уже кажется, что смерть у них за плечами. Только мое спокойствие еще ободряет их. Вообще же они неразговорчивы; не слышно более и веселых песен».

Сам по себе день отдыха прошел спокойно. В полдень ручей раздулся и принял кирпичный оттенок, но к вечеру вода снова сбыва и стала прозрачной. Воздух был удивительно чист и прозрачен. Горы на самом горизонте видны были в малейших подробностях крайне отчетливо.

Днем были посланы разведчики к юго-востоку. Они нашли глубокую большую балку, которую Гамдан-бай считал балкой одного из притоков Черчен-дарьи — Патка-клыка (Илистая река). Он полагал, что Литледэль перешел Арка-таг, следуя по верхнему течению этой реки. Гамдан-баю, казалось, можно было довериться, так как он сопровождал Литлэделя, но позже выяснилось, что он ошибался.

Парпи-бай предполагал, что недели через две мы опять нападём на хороший подножный корм. Жалкая трава вокруг лагеря № V была горька, и лошади не стали бы есть ее, не будь они так голодны. Зато здесь и не видно ни следа куланов; эти быстроногие животные, верно, умеют отыскать более тучные пастбища.

Вечером Ислам-бай получил 4 грамма морфина, хорошо спал ночь и утром 14 августа почувствовал себя значительно лучше. Он мог уже проглотить немножко хлеба с чаем и немного погулял в шубе, а на следующий день надеялся быть в состоянии сопутствовать нам. Погода стояла неприятная. От 12 до 4 часов шел град, потом полил дождь.

Верблюды каждый вечер потешают нас настоящим представлением: как раз на закате они величественно, медленно, словно боги, мерно раскачивая горбами, направляются к палатке за обычной меркой маиса. Маис рассыпают на куске парусины, разостланной на земле, верблюды располагаются вокруг и с жадностью поедают лакомство.

XVI. К подошве Арка-тага

15 августа. К счастью, сегодня Исламу стало легче, и мы могли в обычное время выступить. Одна из лошадей околела; это была первая наша потеря, за которой, к сожалению, последовали и другие.

Небо было покрыто легкими облаками, которые задевали за относительно невысокие гребни гор и как-то давили всю окрестность, словно низкий потолок комнату. Казалось даже, что на востоке нельзя будет пройти под этими облаками. Мы продолжали путь к востоку, следуя по широкой и правильной продольной долине, вдоль северной подошвы Арка-тага.

Около полудня на западе собрались тяжелые облака. Облака быстро стягивались кольцом вокруг нас. Только на самом востоке виднелся еще быстро таявший клочок лазури, а то везде, куда ни догляди, стояли темные свинцовые зловещие тучи. Скоро позади нас послышался слабый вой. Он все приближался и усиливался. Поднялся сильный ветер с запада, и разразился ужаснейший град, хлеща землю и бока гор.

Мигом настал полумрак, загремел гром, раздававшийся как будто прямо у нас над ухом, но молний не было видно. Окрестность совершенно потонула во мгле. Градины были не больше маисовых зерен, но, подхваченные ветром, били с такой силой, что удары их ощущались даже сквозь шубы и меховые шапки.

На лошадей это незаслуженное бичеванье навело страх, и мы принуждены были с четверть часа не трогаться с места, не зная даже, куда ехать. Вот мы и сидели на лошадях, повернув ветру спины и подняв воротники до ушей. В какие-нибудь несколько минут веселая, смею-

шаяся, залитая солнцем местность превратилась в полярную область; грунт весь побелел и подмерз.

Несколько времени ничего нельзя было предпринять, но, когда самая грозная туча пронеслась, мы слезли с коней и поспешно принялись за разбивку палаток. Град продолжался еще с час, покрыв землю толстым, белым ковром в вершок толщины. До вечера он, однако, успел растаять, так как за градом, по обыкновению, следовал ливень. Мы успели основательно промокнуть прежде, чем попали под крышу. Бедные животные остались на дожде и холоде. Только верблюдам все было нипочем, и они сразу принялись щипать траву.

16 августа мы рано выступили в путь. Накануне вечером мы посылали разведчиков вверх по узкой балке, на краю которой мы разбили лагерь. Вернувшись, люди сообщили, что в верхней части балка очень крута, узка и камениста, мы и предпочли продолжать путь к востоку по продольной долине. Не без труда перешли мы глубокую балку и направились дальше по холмистой поверхности и мимо небольшого озера с прозрачной пресной водой; дюжина гусей отдыхала тут на пути в Индию.

Большей частью мы подвигались почти наугад, не зная, окажется ли возможным продолжать путь по долинам, в которые мы вступали. Постепенно мы заворачивали к юго-востоку, и направо от нас оказалась мощная горная вершина. Следуя несколько времени к востоку, мы затем свернули направо по одной из подобных поперечных долин, которая скоро стала очень крутой. В устье ее можно было наблюдать в высшей степени оригинальные образования. Она была покрыта слоем тонких продуктов выветривания, в котором терялись мелкие ручейки; грунт был так мягок и рыхл, что копыта животных тонули в нем, и это очень утомляло животных.

Понемногу мы все-таки пробирались вверх по все суживавшейся долине и затем по крутым склонам до перевала — как мы надеялись, через главный гребень Арка-тага. С большими усилиями лошади взобрались на вершину. Но тут нас окутало непроницаемым туманом, пошел град, и поднялась метель. Так как дороги не было видно и, кроме того,

нам не хотелось упустить случая ориентироваться в этой горной области, для чего этот возвышенный пункт представлял такие благоприятные условия, то мы, посоветовавшись, решили разбить лагерь на самом перевале, абсолютная высота которого доходила до 5253 метров. За день мы сделали 26, 8 километра.

Быстро разбили палатки. Погода была ненастная, холодная и неприятная; малейшее усилие причиняло сердцебиение и одышку. Ветер пронизывал насквозь, град так и хлестал. Подножного корму не было никакого, ни единого кустика для топлива, и за водой людям пришлось спуститься глубоко в расщелину.

Около 5 часов дня прояснилось настолько, что на юге и юго-западе можно было различить резкий, освещенный красным светом и одетый снегом гребень, через который, по-видимому, не вело ни одного доступного перевала. К югу от нашего перевала, который вел лишь через отрог Арка-таг и для достижения которого мы напрасно употребили столько усилий, виднелось глубокое ущелье, в которое стекали воды с целого лабиринта скал и цепей.

Пожар в тростнике на озере Кара-куль

На востоке нам мерещились слабые очертания Аркатага, и в этом направлении тянулась извилистая продольная долина. Вокруг нас в хаотическом беспорядке высились вершины и кряжи, некоторые черного цвета, другие кирпично-красного или зеленого и самые высокие совершенно белого — от снега. Относительная высота их была в большинстве случаев невелика, и нам казалось, что мы находимся на одном уровне со многими из них.

Скоро, однако, вся панорама заволоклась густыми облаками и снежной вьюгой. Плотные, тяжелые массы облаков быстро неслись над гребнями, волочась бахромой своих краев по неровной их поверхности и, словно кистью, нанося на нее белые полосы снега. Гром гремел так, что мы почти оглохли, молнии то и дело прорезали облака. Почва дрожала от сильнейших раскатов, и было как-то жутко стоять на самом перевале. Я велел поэтому отодвинуть палатку так, чтобы линия гребня пришлась десятью метрами выше. В этот вечер нам пришлось долго ждать наших верблюдов и ослов. Мы послали двух людей отыскивать их. В сумерки животные наконец показались, и люди с трудом втащили их на перевал. Ужин мой был на этот раз скуднее обыкновенного. Чтобы вскипятить чаю, пожертвовали ящиком, без которого можно было обойтись. Посоветовавшись с таглыками, мы решили продолжать путь к востоку по крутому восточному ущелью перевала, так как на юге не представлялось никакого прохода.

Утром топлива не оказалось, и мне пришлось довольствоваться замороженным какао. Оказалось еще, что верблюды и ослы рано утром ушли назад по той же дороге, по которой мы пришли. Я все-таки пустился в путь в сопровождении Эмина-Мирзы по направлению, выбранному еще с вечера. Сделав около 14 километров, мы увидели в некотором расстоянии наших ослов, пасущихся на высокой террасе, на левом берегу хрустально-прозрачного потока, по руслу которого мы следовали.

Сносный подножный корм и голодовка накануне побуждали нас к однодневному отдыху. Когда наконец сюда прибыл с верблюдами Гамдан-бай, он узнал местность и в каких-нибудь десяти минутах ходьбы к северу нашел то место, где

останавливался на привал Литледэль год тому назад. Литледэль пришел сюда с севера и провел здесь несколько дней, чтобы высмотреть перевал через Арка-таг.

Но так как ему в этом отношении посчастливилось не больше нашего, то он направился по долине, открывавшейся на восток, где и нашел удобный перевал, который вел к небольшому озеру, к югу от Арка-тага. Мы решили воспользоваться этим открытием, и Гамдан-бай взялся вести нас к перевалу Литледэля.

18 августа посвятили отдыху. Я только посетил место стоянки Литледэля; между закоптевшими камнями еще заметно было место, где был разведен костер. Кругом в изобилии валялся помет караванных животных, и мы, таким образом, обрели хороший запас топлива. Кое-где можно было даже различить тропинку, протоптанную животными, а на берегу речки валялась брошенная негодная рубашка.

Вечером распорядился с таglyками таким образом. Троим было выдано жалованье за все время их службы и дано позволение вернуться обратно по той же дороге. Из прочих же двое должны были сопровождать меня через Арка-таг и затем уже вернуться домой, а остальным троим таglyкам вместе с моими постоянными слугами из Западного и Восточного Туркестана предстояло следовать с караваном до тех пор, пока мы не доберемся до заселенных трактов, когда бы это ни случилось.

Таglyки, которые должны были сопровождать меня дальше, попросили у меня вперед половину жалованья, на что я немедленно согласился. Некоторые же из восточнотуркестанцев, оставившие семьи в Керии и Хотане, решили воспользоваться случаем и послать значительную часть полученного ими жалованья с тремя возвращавшимися домой таglyками, которые утром должны были выдать расписки в получении денег и обязательства доставить их по адресу.

Когда с расчетами было покончено, мы улеглись на покой. Таglyки, как всегда, спали под открытым небом, в защите бруствера из мешков с маисом и прочих пожитков.

Проснувшись утром 19 августа около 6 часов, слуги мои, к удивлению своему, не нашли в лагере таglyков. Все они, за исключением моего секретаря Эмина-Мирзы, бежали.

Ислам немедленно разбудил меня и доложил о случившемся. Мы собрали военный совет.

Люди мои спали всю ночь, как убитые, и не слышали никакого подозрительного шума. Они полагали, что таглыки бежали еще около полуночи, чтобы выиграть время и таким образом обеспечить себя от погони. Они хорошо знали, что для нас в этих скудных подножным кормом областях каждый день был дорог.

Когда же мы обрели караван и наши пожитки, оказалось, что исчезли еще 10 ослов, пара лошадей и добрый запас хлеба, муки и маиса. Но хуже всего было то, что таглыки получили вперед жалованье и забрали еще деньги других людей без всяких расписок.

План бегства, без сомнения, был обдуман заранее, и они хитро выманили у меня вперед жалованье. Особенно удивляло нас то, что они могли выбраться из лагеря так бесшумно. Некоторые из моих людей, правда, слышали около полуночи лай собак, но полагали, что собаки лают на верблюдов, которые обыкновенно удалялись по ночам от лагеря, бродя в темноте, словно призраки.

Но нас не так-то легко было провести. Мы обыскали ближайшие окрестности лагеря, чтобы по следам определить, в какую сторону направились беглецы. Оказалось, что они ушли по разным направлениям, разбившись на кучки; сборным же пунктом явилась подошва северного хребта; они, видимо, хотели с самого же начала сбить нас с толку. Двое воров шли пешком, двое ехали на лошадях, остальные на ослах.

Так как ослы наши были сильно изнурены, то импровизированный караван не мог подвигаться особенно быстро. Поэтому я распорядился немедленно пуститься за ним в погоню и во что бы то ни стало вернуть беглецов со всем добром назад, в лагерь № VIII. За такой гнусный обман следовало наказать их. Парпи-баю, дельному малому, было поручено руководить погоней, а в подмогу ему были даны Гамдан-бай и Ислам из Керии. Вооружась ружьями и револьверами и сев на лучших наших верховых лошадей, они пустились во всю прыть по следам беглецов через перевал и скоро скрылись из вида. В случае отказа

беглецов вернуться преследователи могли дать несколько выстрелов для острастки, но им строго было запрещено ранить кого-нибудь.

Нам, остальным, пока оставалось только терпеливо ждать. День и ночь прошли, не принеся ничего нового. Я начал уже опасаться, что преследователи заблудились; эта беда была бы горше первой.

В шесть часов вечера на следующий день Парпи-бай и Гамдан-бай вернулись на вконец измученных лошадях и сообщили следующее. Они ехали по следам безостановочно весь день и вечер. Лошади, не обремененные поклажей и успевшие уже отдохнуть накануне, шли отлично. Миновав места наших лагерей № VII и № VI, преследователи около полуночи заметили вдаль огонь и направились к нему. Достигнув места, они увидели около костра нескольких людей; это, разумеется, были наши беглецы. Две лошади и ослы паслись неподалеку. Пятеро из людей расположились около костра, остальные уже легли спать. Все, и люди и животные, были, видимо, истомлены вконец долгим переходом. Несмотря на преимущества, которые давало им то обстоятельство, что они перед выступлением отдохнули день, и то, что дорога вела теперь под гору, а не в гору, они были настигнуты погоней, так как большинство из них шло пешком.

Когда Парпи-бай с двумя спутниками подъехал к костру, беглецы повскакали и кинулись в разные стороны. Но Парпи-бай выстрелил на воздух и крикнул, что если они тотчас же не вернутся на место, то все будут перестреляны. Тогда они повалились на землю, прося пощады. Беглецов всех перевязали, и Парпи отобрал от них все забранные ими у меня деньги.

После двухчасового сна рано утром караван двинулся обратно. Только трое таглыков, получивших от меня окончательный расчет, были отпущены на все четыре стороны. Предводитель беглецов, сорокалетний таглык, организатор всего дела, был принужден, как вор, идти всю дорогу пешком со связанными руками.

Только в 10 часов вечера добрались связанные беглецы под надзором Ислама из Керии до нашего лагеря. Мне были

возвращены все отобранные у них деньги. Но, кроме того, они отняли у нас два дорогих дня, и этой потери ничем было не возместить. Предводителя подвели ко мне, а остальные расположились полукругом.

Я заявил ему, что он вор и что, если бы он попался при таких обстоятельствах в руки китайского амбана, ему пришлось бы плохо. Теперь же он, дабы внушить ему и его товарищам, что нельзя безнаказанно так обходиться с европейцем, присуждался лишь к двенадцати ударам розгами. В этом я разошелся с моими верными слугами, которые находили, что ему следовало задать основательную порку. Кроме того, я заявил, что воры должны искупить свое недостойное поведение трудом и ночи, ради безопасности, будут проводить связанными. Далее, они обязаны были: заплатить Парпи-баю, Гамдан-баю и Исламу из Керии жалованье за потраченные на погоню три дня, сопровождать нас, пока нам это будет нужно, и при расчете вполне подчиниться моим условиям: я заплачу им столько, сколько они заслужат своим поведением.

Сцена суда вышла очень живописной. Люди стояли перед палаткой, молча, закутавшись в шубы, слабо освещенные светом луны и отблеском от свечи. Мало радости было наказывать беглецов, но они заслужили наказание, и их последующее безукоризненное поведение доказало, что мой приговор пошел им в пользу.

Разумеется, и люди и животные, участвовавшие в побеге и в погоне, изнемогали от усталости, и нам пришлось из-за них пожертвовать еще одним днем. Таким образом, в лагере № VIII мы провели целых три дня. Погода становилась зимней. После полудня в течение нескольких часов шел снег, а после 3 часов задул сильный северо-восточный ветер, опрокинувший мою палатку. Веревки так трещали и дергались, что я уже приготовился к такому казусу, и ничто в палатке не пострадало. В 8 часов по бокам палатки забарабанил дождь, потом опять все стихло.

Вечером вся окрестность оказалась под белым покровом снега. Только в речном русле выделялась в сумраке черная, извилистая линия реки. Всю ночь дул сильнейший северо-восточный ветер, палатку понемногу до того занос-

сило снегом, что мне несколько раз приходилось выходить и сбивать снег, который к утру и образовал вокруг нее настоящий вал. Снег, однако, заметно задерживал тепло в палатке и уменьшал сквозняк. Только поздно утром 22 августа снежный буран прекратился, и мы могли выйти и поразмяться.

Прошли 22-го необычайно мало: всего 3,6 километра. Столь поспешный привал объяснялся тем, что мы хотели воспользоваться последним пастбищем. Держась левой стороны открывавшейся с востока долины, мы поднялись на площадку, где останавливался со своим караваном Литледэля, и здесь разбили палатки. Караванные животные Литледэля оставили здесь столько помета, что в топливе недостатка не предвиделось. Помет сохраняется в этих областях удивительно хорошо, и мы сначала приняли его за свежий помет куланов. А между тем он лежал тут более года. Это доказывало, что в этих высоких поясах никогда не выпадает дождя, а только снег и град. Иначе помет скоро измельчился бы, высох и его развеяло ветром.

И сегодня около часу дня начался град. Злейший наш враг, однако, ветер, который подымается почти всегда в одно и то же время дня ежедневно, приносит градовые тучи и продолжается до вечера, а часто даже и всю ночь. Холодные струи его проникают в палатку и грозят задуть огонь, как ни стараешься защитить его. Да и ложе становится таким холодным, что, заползая в него, попадаешь как будто в ледник и долго, долго лежишь и шелкаешь зубами, пока наконец не согреешься.

23 августа. Рано утром меня разбудила выюга. Я разбудил людей, и скоро караван был готов. Сегодня нас ожидал трудный переход. Предстояло перейти через Арка-таг по перевалу Литледэля, к которому взялся проводить нас Гамдан-бай.

Тихо подвигались мы гуськом по речной долине. В двух местах долина разветвлялась. Около первого разветвления нашли остатки одного из членов экспедиции Литледэля: высохший труп осла. Его мумиеобразное тело не подверглось разложению; целость его свидетельствовала также, что ни волки, ни хищные птицы не знали сюда дороги.

Итак, ясно было, что до сих пор мы от самого лагеря № VII шли по пути Литледэля.

Я с Эмин-Мирзой взошли на небольшой второстепенный перевал (5580 метров), находившийся севернее или левее первого; мы, к изумлению нашему, увидели, что следы наших лошадей, по обыкновению шедших вперед, направлялись к северу по боковой долине. Я тотчас понял, что Гамдан-бай, бывший теперь путеводителем, ошибся. Караван, однако, был уже настолько далеко, что окрики наши не могли достигнуть до слуха людей.

Гамдан-бай был очень смущен своей грубой ошибкой. Не думая ни о чем, они шли, пока не наткнулись на свои же собственные утренние следы, описав таким образом полный круг, да еще зря перейдя через перевал. Гамдан уверял, что Литледэль как раз здесь ненадолго уклонился к северу и что он, Гамдан, сворачивая в долину, был уверен, что она скоро снова завернет к востоку и югу. Мне еще не приходилось видеть такого неумения ориентироваться, и я дал нагоняй и Гамдану и другим за то, что они, как бараны, пошли за ним.

Вечер, против обыкновения, выдался чудесный; воздух был совершенно прозрачен. Снеговой покров и легкие облачка сияли при свете месяца ослепительной белизной. Во мраке тихо, величественно бродили, подобно призракам, наши верблюды, освобожденные от вьюков и тщетно искавшие подножного корма. Лошадей и ослов привязали, так как их нельзя кормить, пока они не отдохнут часа два. Люди, исключая поваров, тоже прилегли отдохнуть после того, как разбили палатки.

Когда подошел час кормежки лошадей и ослов, они принялись ржать и топать. Им подвесили торбы с маисом, и они с хрустом стали пережевывать сухой, жесткий маис. Затем их отпустили до утра бродить на свободе.

Как тихо, безмолвно на этих высотах. Мы здесь словно гости на чужой планете. Темно-голубая мировая бездна сияет перед нами за снежной вершиной Арка-тага. Лишь мерцание ночных звезд, медленный полет облаков и сверканье снежинок вносят оживление в этот мертвый пейзаж. Единственный звук здесь — металлический плеск струй речки о льдинки.

XVII. Через Арка-таг. Первое соленое озеро

Только 24 августа совершилось радостное событие — перевал через Арка-таг. Двинулись мы в путь только после того, как Гамдан-бай, убедившись сам, уверил нас, что маленькая долина вела действительно к гребню хребта. Перевал оказался, однако, не тем, по которому перешел Литледэль; тот находился несколько западнее. Обстоятельство это Гамдан-бай мог констатировать тем легче, что на том перевале люди Литледэля сложили небольшой холмик из камней. Вероятно, в этой части хребта много удобных для перевала пунктов. Каждая долина ведет, по-видимому, к какому-нибудь перевалу. Разница в высоте между самым перевалом и соседними частями гребня незначительна. Абсолютная высота равнялась 5544 метрам.

Мы двинулись вниз по южному склону перевала. Мы вступили на почву Северного Тибета, этого высочайшего горба земли. К востоку от нас простиралась безвестная страна; нам только в двух местах предстояло пересечь маршруты: 1) Бонвало и принца Генриха Орлеанского и 2) Дютрейля-де-Рина и Гренара. Последний из названных маршрутов шел, должно быть, где-нибудь по соседству, но нам так и не удалось с достоверностью определить его положение. Маршрут Литледэля мы уже покинули. Но до областей, воды которых стекают в Тихий океан, было еще далеко. Еще долго предстояло нам пробыть в областях, не имеющих стока вод в океан.

Скоро разразился настоящий ураган. Все мои люди ухватились за веревки палатки, которую иначе унесло бы. Град посыпался с такой силой, что в воздухе засвистело. Животные наши, испуганно озираясь, перестали щипать траву. Но через пять минут все прошло. Ураган пронесся к востоку. На западе не виднелось новых туч. Спокойствие восстановилось, и настал чудный звездный вечер. Но и это продолжалось недолго: к полуночи окрестность окуталась необычайно густым туманом, который скрыл от нас даже гору, у подошвы которой расположен был наш лагерь.

25 августа. Мы направились к юго-востоку и подвигались более трех часов по почти ровной поверхности; лишь текущий к юго-западу ручей выдавал незначительный уклон местности по направлению маленького озера. Мы перешли через три ледниковых потока, разветвлявшихся на множество мелких, то расходившихся, то опять сливавшихся ледяных струек. Ни одна из них не вырыла себе сколько-нибудь определенного, значительного русла. Около каждой струйки почва была пропитана сыростью настолько, что так и хлюпала под ногами лошадей, которые часто вязли в грязи.

Следующий, пересекавший нам путь, ручей уже тек к востоку; таким образом, мы перешли водораздел, даже не заметив его. Там и сям попадались небольшие площадки с подножным кормом, на которых часто виднелся помет куланов и антилоп. Впереди виднелось озеро, крайне неправильной формы, не больше двух километров в длину и со всех сторон изрезанное длинными, узкими заливами. Сюда впадали все окрестные ручьи. Это был второй бассейн, встреченный нами на пути, и мы уже с уверенностью могли заключить, что вся область к востоку между Арка-тагом и южной горной цепью представляет ряд таких небольших изолированных бассейнов.

Мы продолжали путь в том же направлении. Позади нас и налево от нас еще сияли ледники Арка-тага, и расстояние между ими и нами увеличивалось крайне медленно. Южная цепь гор была теперь видна лишь с вершин холмов. Ручьи струились в разные стороны, словно сами не знали хорошенько, куда течь. Выступал здесь лишь кое-где черный сланец; плиты его высывались иногда из земли, словно могильные камни.

Дальше мы достигли довольно значительной долины с рекой, на берегу которой пасся дикий як, первый увиденный нами. Река делала удивительно крутые завороты к востоку, югу и юго-западу, омывая гору с очень крутыми склонами. Взойдя на ее вершину, мы не знали, в какую сторону направиться, так как всюду виднелась сильно пересеченная поверхность — настоящий лабиринт гор и холмов, между которыми по всем направлениям извивались ручьи. В конце концов они, однако, сливались, образуя поря-

дочную реку; река эта, вырыв себе глубокое русло, текла к юго-западу. На нас, привыкших в Восточном Туркестане к одному определенному направлению всех ручьев и рек, стремившихся к одной цели — Лобнору, эта неправильность и разнообразие орографических условий производили странное впечатление. Здесь воды текли то к востоку, то к западу, то к югу, то к северу.

Поэтому мы и не могли составить себе точного представления о том, куда затем направится последняя река. Но мы все-таки спокойно продолжали путь к юго-востоку, поднимаясь по крутой речной долине. На скудно поросших травой склонах в таком изобилии валялся помет яков и куланов, что топлива тут хватило бы на целые годы. Не было недостатка и в свежих следах животных.

Наконец мы достигли вершины этой возвышенности, и внизу, под нами, развернулась поразительно величественная картина. Вид открывался широкий. На юго-востоке виднелись снежные горы. К югу от озера поверхность, по-видимому, становилась менее пересеченной, зато там виднелись еще три маленьких озера. Почва между ними была сырая, топкая. Поэтому я поручил Ислам-баю направиться к востоку по берегу озера, чтобы узнать, может ли там пройти наш караван. Возвратившись, Ислам донес, что никаких препятствий нет.

Едва мы улеглись на покой, как поднялась обычная буря с запада, сопровождавшаяся на этот раз ливнем. До сих пор нам не приходилось страдать от недостатка воды, чего мы опасались, выступая в путь. Вода повсюду находилась в избытке, да и подножный корм попадался не так уж редко, как уверяли нас таглыки, может быть желая нас напугать. Около вновь открытого озера трава росла сравнительно недурная.

Люди попросили разрешения отдохнуть здесь денек. Желание их было тем основательнее, что некоторые из лошадей и ослов были порядком изнурены, а одного из верблюдов и вовсе пришлось покинуть на полпути около пресноводной лужи. Гамдан-бай, присматривавший за верблюдами, полагал, что у животного лихорадка, так как оно дрожало всем телом, кашляло и четыре дня не дотрагива-

лось до маиса. Двоим из людей поручено было в течение дня отдыха вернуться к оставленному верблюду и посмотреть, в каком он положении. Утром больной верблюд был приведен в лагерь № XII и стал есть маис.

Парпи-бай настаивал, что это не то озеро, мимо которого прошел Дютрейль-де-Рин. Но я, хоть и немного знал о его путешествии, полагал все-таки, что это то самое.

После обеда погода испортилась и помешала экскурсии на запад к устью реки. Ливень и град не переставали до самых сумерек. Окрестность была окутана осенним туманом; нельзя было даже видеть, что находится на берегу большого озера.

Таглыков, бежавших из лагеря № VIII, мы каждый вечер связывали и укладывали спать под толстыми кошами, между мешками с кормом для животных; мы постоянно могли ожидать, что они вторично попытаются сбежать от нас. Вожак их так настойчиво просился теперь домой, что я, не имея в нем особенной нужды, согласился отпустить его. Я только опасался, что он не осилит долгого пути, но он сказал, что отыщет на северных склонах Арка-тага золотоискателей. Я выдал ему порядочный запас хлеба, муки, денег, подарил осла, и он остался очень доволен.

Остальные таглыки предпочитали сопровождать нас до Цайдама и оттуда уже через Чимен-таг или Бокалык вернуться восвояси. Поведение их в последнее время было так удовлетворительно, что я велел с этих пор оставлять их спать на свободе.

27 августа мы выступили в путь к востоку, следуя по северному берегу озера, а уволенный таглык, нагрузив на осла продовольствие, рассчитанное на две недели, один, как перст, побрел на запад по нашим старым следам. Мне жаль было бедняка, которому предстоял такой длинный путь в одиночестве, но сам он был рад отвязаться от нас. Что ж, он сам попал в яму, которую рыл другим; оказалось, что нас не так-то легко было ограбить, как он думал.

Как и все озера, открытые нами впоследствии, это озеро было длинно и узко. Чем дальше мы подвигались на восток, тем более неправильной и изрезанной становилась береговая линия. Там и сям встречались небольшие лагуны

с илистыми берегами. Наконец озеро сузилось в залив; вода в нем была изжелта-красноватого цвета от ила, приносимого рекой. Перевалив через несколько холмов, мы достигли реки, которая впадала в озеро множеством маленьких и больших рукавов, образовывавших дельту.

На левом берегу возвышались красноватые, рыхлые и бесплодные холмы, и мы направились по ним к юго-востоку, но скоро почва стала настолько рыхлой, что животные еле могли подвигаться по ней со своими вьюками. Мы поэтому направились по боковой долине к реке и затем вдоль по реке до водораздела. По ту сторону его вода текла к востоку. Здесь застигла нас обычная непогода, продолжавшаяся с час.

В течение дня мы имели по левую руку, т. е. на севере, свободные от снега горы, отроги Арка-тага. Но из лагеря № XIII, который мы разбили вечером в защите одного из холмов, мы увидели ослепительно белую раздвоенную вершину, господствовавшую надо всеми остальными.

Куланов мы видели множество, но они держались от нас в таком расстоянии, что об охоте за ними не могло быть и речи. Джолдаш, однако, был другого мнения. Он пускался за ними и находил, по-видимому, безграничное наслаждение в том, что обращал их в бегство. Эти охотничьи экскурсии он предпринимал беспрестанно и всякий раз неизменно возвращался к каравану, высунув язык. Презабавно было смотреть на него, когда он, бывало, завидит куланов. Навострив уши, с блестящими глазами, сидел он сначала смирно, не отрывая от них взгляда. Затем медленно направлялся в ту сторону и, наконец, пускался во всю прыть. Как только пугливые куланы замечали собаку, они уносились с быстротой ветра и в несколько секунд оставляли его далеко позади. Но Джолдаш не умнел от этих опытов и каждый раз, завидев нового кулана, начинал свою погоню опять, напрасно тратя силы.

Теперь, когда мы расположились лагерем, собаки с нами не оказалось. Сначала я подумал, что она устала и идет с верблюдами, но и верблюды пришли, а Джолдаша все не было. Люди видели, как он, преследуя нескольких куланов, скрылся за горой направо от нашего маршрута. Мы

и начали опасаться, что он слишком увлекся погоней, потерял следы каравана и заблудился.

Я послал одного из людей к тому месту, где потеряли собаку из виду; человек вернулся, однако, с заявлением, что собаки нигде не видал. Я напился чаю, поужинал хлебом и пилавом и выкурил пару трубок, занимаясь работой, но мне все чего-то не доставало. Джолдаш был первым моим товарищем, ел и спал рядом со мной.

В три часа утра я проснулся: кто-то тыкался о мою постель. Это был Джолдаш. Он визжал от восторга, махал хвостом и лизал меня прямо в лицо. Бедняга, должно быть, пробежал весь вечер и всю ночь, отыскивая наши следы, и до того обессилен, что не мог даже есть, а прямо с каким то блаженным вздохом растянулся на своем обычном месте.

28 августа шли по совершенно ровной местности, и животные, за исключением двух больных лошадей, подвигались отлично. В продолжение двух часов мы видели впереди себя красивого кулана-одиночку, с маленьким хвостиком. Кулан бежал то рысью, то галопом, высоко подняв голову, сохраняя красивую осанку и держа нас позади на приличной дистанции. Часто он останавливался, оборачивался и смотрел на нас, издавая своеобразный, хриплый звук, похожий на крик осла. Но едва мы несколько приближались, он снова отбегал на порядочное расстояние, и так раз за разом, словно указывая нам путь.

Косматый Джолдаш наконец погнался за ним, но замечательно: кулан не испугался, а даже остановился и уставился на собаку, которая была так озадачена этим, что присела. А кулан, как будто забавляясь, сам ринулся прямо к Джолдашу, и настал его черед спасаться. Поджав хвост, мой пес пустился со всех ног к каравану.

Наконец мы свернули к юго-востоку к одетым зеленью холмам, которые манили нас отдохнуть. И здесь оказалось озерко, в которое впадало несколько небольших ручейков. Вода в озере оказалась чуть солоноватой, но имела какой-то неприятный привкус, так что пить ее нельзя было. Ислам отправился на охоту за куланами, но вернулся ни с чем. Вечер был тих и ясен, ни звука не долетало до нашего одинокого лагеря: мы были одни среди этой безграничной пустыни.

XVIII. Куланы и дикие яки

29 августа. Пересекли ряд холмов, ограничивавших озеро с востока, и хрустальную горную речку и очутились в широкой речной долине. В скудно поросшей травой впадине между хребтами мы спугнули красивого кулана, который, по обыкновению этих животных, побежал галопом впереди каравана. Ислам-баю удалось, забрав в обход, подкрасться к нему на выстрел. Данные им по кулану два выстрела не причинили, однако, никакого вреда животному. Кулан отбежал на несколько шагов, потянул носом и опять устремил на нас недоумевающие и любопытные глаза. После третьего выстрела он повернулся и, прихрамывая, медленно побежал к востоку, оставляя за собой кровавый след. Итак, он был ранен; надо было во что бы то ни стало добыть его шкуру. Кулан стал нашим путеводителем и завел нас к северу гораздо далее, чем это было желательно. Правая простреленная нога его висела, болтаясь в воздухе; тем не менее он далеко оставил позади всех нас и даже собак, хотя они неслись стрелой.

Ислам и Парпи погоняли своих лошадей изо всех сил. Я и Эмин-Мирза ехали обыкновенной рысью по их следам. Время от времени кулан останавливался, и в этом месте образовывалась целая лужа крови. Ясно было, что долго он не выдержит, и мы терпеливо продолжали преследование в течение целых двух часов. Наконец посреди болота, находившегося на ровной песчаной поверхности между рукавами речки, кулан упал. Ислам и Парпи, следовавшие за ним по пятам, соскочили с коней и спутали ему ноги. Подъехав, мы и увидали его живехонького, лежащим в самой естественной позе. Он поглядывал на нас, по-видимому не испытывая особенного страха. Иногда он пытался встать и сделать несколько шагов, но тотчас же падал, так как передние ноги его были спутаны. Бабка правой задней ноги была прострелена, так что кость обнажилась. Это был чудесный экземпляр, рослый, статный жеребец, очевидно, вожак стада, которое мы видели незадолго перед тем. Должно быть, в силу своей обязанности быть

настороже, оберегать стадо он, желая узнать, в чем тут дело, и ушел от стада так далеко. По зубам ему можно было дать около девяти лет.

В общем, кулан больше всего напоминает мула и представляет переходную стадию от лошади к мулу, но ближе подходит к последнему. Уши у него длиннее, чем у лошади, но короче ослиных; хвост, с пучком волос на самом конце, похож на ослиный. Грива тоже вроде ослиной, торчащая, длиной до одного дециметра, черного цвета, редкая; холка переходит в почти черную линию, продолжающуюся вдоль хребта до хвоста. Спина кулана бурого цвета, брюхо белого; на боках бурая окраска переходит понемногу в белую. Нос острый, уши темные, внутри белые. Ноги, начиная с голей, тоже белого цвета. Крепкие, но не совсем твердые копыта величиной с лошадиные. Глаза карие, с большим, черным зрачком той же формы, как у лошади и у осла. Грудь широкая и сильно развитая, шея также мускулистая. Особенно сильно развиты мускулы задних ног, приспособленных к быстрому бегу. Ноздри гораздо шире, чем у лошади. Когда кулан время от времени, чуя своих товарищей, фыркал и хрипло ржал, ноздри его раздувались в большие отверстия, окруженные сильно напряженными мускулами.

Вообще широкие ноздри кулана соответствуют его объемистым легким, приспособленным к разреженному воздуху. Персы недаром разрезают ноздри домашним ослам, употребляемым для переноски тяжестей в горах. Опыт показал, что тогда животным легче дышится.

У нашего кулана был, если можно так выразиться, орлиный нос в сравнении с носом осла и более изогнутый профиль. Из-под бровей смотрели кроткие, спокойные глаза. Пока его мерили и затем я срисовывал, он лежал смирно, как будто не чувствуя боли от раны. Его гладили по морде, и он не выказывал страха.

По окончании осмотра и обмериванья бедное животное одним ударом ножа было освобождено из плена. Потом люди сняли с него шкуру, которую с величайшей осторожностью растянули и расстелили для просушки на земле. От туши отделили лучшие куски мяса, остальное отдали собакам.

31 августа мы нашли недалеко к востоку от лагеря совсем маленькое пресноводное озеро, в которое впадал ручей из ледников Арка-тага. Налево от нас находился темный хребет, и мы повернули направо к округленным, поросшим травой холмам. Они вели к новой продольной долине, бедной влагой, но кое-где поросшей травой и кишевшей куланами, антилопами и зайцами. Животные наши были сравнительно бодрны благодаря ровной поверхности и, хотя и скудному, подножному корму. Несколько ослов пришлось, впрочем, покинуть здесь.

1 сентября мы сначала шли по низкому, ровному увалу; твердая поверхность его была бы очень удобной для наших животных, если бы не была вся изрыта маленькими грызунами, которые с писком скрывались в ямках. Лошади то и дело оступались в эти ямы.

Часто попадались небольшие стада, голов в пять-шесть, антилоп-«юргу», или, как их называют тибетцы, «оронго». У этих животных высокие, тонкие лирообразные рога. Как ни старался Ислам подобраться к ним на выстрел, толку не вышло; мы так и не добыли ни одной. Они внимательно поглядывали на нас и затем легкими, грациозными прыжками уносились по холмам вдаль.

За горой опять показалась нежная, густая трава. Поверхность так была усеяна пометом диких яков, что казалась вся в бурых пятнах. Люди подбирали по дороге этот отлич-

Подстреленный кулан

ный материал для топлива в пустые мешки, болтавшие-ся по бокам верблюдов. Благодаря сносной поверхности мы прошли целых 33 километра, прежде чем остановиться на привал в лагере № XVII.

2 сентября мы держались довольно близко к южному хребту. Самым интересным открытием были найденные нами здесь следы пребывания людей. В одном месте южный хребет был точно обрезан, и в свободном пространстве возвышалась куполообразная гора со снежной вершиной; на западной стороне горы виднелся удобный перевал через хребет. Парпи-бай сказал, что узнает это место. По его словам, здесь именно перешли «Боволо-тюря» (господин Бонвало) с принцем Орлеанским.

Пройдя порядочный конец, мы спустились в широкую, неглубокую долину с несколькими небольшими озерами и болотом. По моим соображениям, мы должны были находиться неподалеку от маршрута знаменитой французской экспедиции, и, когда я проверил свои догадки по бывшей у меня карте Бонвало, оказалось, что мы как раз на том же самом пути.

В долине один из людей сделал находку, ясно доказывавшую, что мы действительно пересекли здесь маршрут французов, а именно: он нашел старый верблюжий помет и несколько кусков белого войлока, из которого делают попоны, предохраняющие спины верблюдов от трения выючным седлом.

Мы взяли их с собой, чтобы показать Парпи-баю, который затем и удостоверил, что именно такой сорт войлока изготавливается в Чархалыке, где французы запаслись войлоками. Припомнил он также, что французский караван останавливался тут перед тем, как направиться к перевалу. Для меня было очень важно определить пункт, где маршруты наши скрещивались, так что оставленные французами визитные карточки явились для нас приятной находкой.

Рано утром Ислам-бай увидел корову яка с двумя телятами, которые паслись по ту сторону озера. Вооружившись одним из наших ружей, он направился туда верхом. Около обеда он вернулся и с гордостью объявил, что вlepил коро-

ве две пули, из которых одна пробила ей хребет. Он привязал свою лошадь и затем ползком подкрался к животным. Неопытные телята не подозревали опасности, и мать, желавшая спасти их, легко сделалась добычей охотника. Когда же она упала, телята скрылись за ближайшими холмами.

Видя, что область эта изобилует яками, мы решили не брать шкуры коровы в надежде, что нападём на более красивого быка. Люди только вырубili топором лучшие куски мяса и вырезали весь язык, которым я в течение нескольких дней и лакомился за завтраком. Мясо же оказалось жестким и невкусным. Надо было варить его по нескольку раз, чтоб оно стало хоть немного помягче.

Под вечер увидели мы огромного быка, пасшегося в одиночку. Он, по-видимому, не обращал ни малейшего внимания на лошадей, пасшихся поблизости. Ислам-бай, которого била охотничья лихорадка, подкрался к нему неслышно, как пантера, держась все время под ветром, и принялся осыпать животное выстрелами.

Як упал лишь после третьего выстрела, но тотчас же вскочил и бросился на своего врага. Следующая пуля заставила его завертеться волчком, но затем он опять устремился на Ислама. Так он падал и вскакивал несколько раз; только седьмая пуля уложила его на месте.

Ислам, торжествуя, вернулся в лагерь и заявил, что теперь у нас в руках будет чудесная шкура. Животное лежало как раз на нашем пути, поэтому мы решили, проходя завтра мимо, оставить около яка нескольких людей, которые сняли бы шкуру, и верблюда, который донес бы ее до следующего лагеря.

Итак, 4 сентября мы двинулись дальше. Ислам отлично заметил место между двумя холмами, где упало животное, каково же было его, да и наше изумление, когда мы, прибыв туда, не нашли яка! Верный слуга мой был так поражен, что не мог вымолвить слова. Потом он стал уверять, что як «взаправду был мертв», когда он оставил его вчера вечером. По следам, отпечатавшимся на мягкой сырой почве, мы, однако, увидели, что убитый снова ожил и убрался восвояси, несмотря на свои раны. Следы показывали также, что

животное беспрестанно падало, опять вставало и ташилось дальше. Особенно далеко як не мог уйти, и мы, идя по следам, действительно увидели с одного холма, что он разгуживает себе около озера, уткнув нос в землю.

Когда мы подошли к нему приблизительно шагов на 100, он обернулся, остановился и, высоко подняв голову, взглянул на нас. Пущенная в него пуля привела его в такую ярость, что он ринулся на нас. Мы сочли за лучшее обратиться в бегство, но не успели еще стиснуть ногами бока наших пугливых лошадей, как як был уже в 20 шагах от нас. Тут он, к нашему счастью, остановился, грозно хрюкая, дико вращая глазами, пыхтя и кряхтя, взрывая песок носом и рогами и хлеща себя хвостом по бокам.

Получив еще пулю, он завертелся на месте. Джолдаш бросился было к нему, но тотчас же обратился в бегство, когда разъяренное животное, опустив рога и распустив хвост по ветру, с ревом кинулось за ним.

Десятая пуля попала яку в левую бабку, так что нога заболталась в воздухе, и он, в бешенстве отчаянья, опять завертелся на месте. Одиннадцатая пуля, пронизав лопатку и задев, вероятно, более чувствительные органы, положила конец его мученьям. Як упал на правый бок. Когда мы приблизились к нему, он сделал последнее неудачное усилие встать и скоро издох без судорог и агонии.

После того как мы соединенными усилиями повернули его и придали ему естественное положение, я срисовал его. Это был чудесный экземпляр. «Съеденные» передние зубы показывали, что як был стар. Оба клыка совсем ушли в десны. Внутренние стороны рогов были слегка надтреснуты и тоже обличали возраст животного. Искандер, один из наших таглыков, участвовавший на своем веку во многих охотах на яков, сказал, что убитому яку было около двадцати лет и что вообще дикий як живет средним числом шестью годами дольше домашнего, который к двадцати годам становится негодным.

Як был одет великолепной, густой, ровной шерстью; бахромы на боках была такая плотная, что образовывала мягкую подстилку, когда як ложился, и, должно быть, вполне защищала животное от тибетских холодов. Масти як был

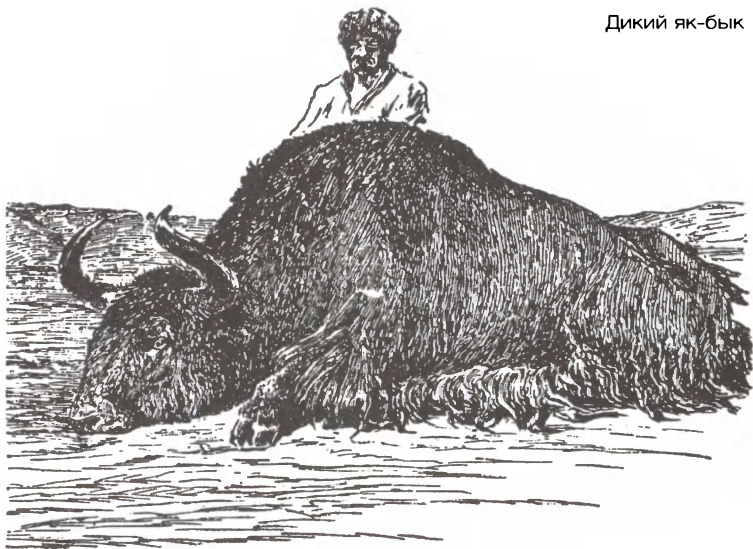
черной, только на боках шерсть впадала в бурый оттенок. Вдоль всего хребта шла шерсть подлиннее и тоже черного цвета. Вокруг маленьких карих глаз с черными зрачками шел скорее реденький пух, чем волос. На лбу и между рогами, напротив, волос был густ и похож на кудель; на носу шерсть впадала в серый оттенок.

Язык был покрыт необычайно острыми и твердыми роговыми бугорками, как и у домашнего яка; язык и десны имели синеватый оттенок. Морда была очень широка, ноздри удлиненные и сплюснутые, с чуть косым разрезом. Рога необычайно могучие и страшные с острыми концами. Густая бахрома свешивается с боков до самой земли, когда як стоит, и образует, как сказано, мягкую подстилку, когда он ложится.

Хвост у этого яка был огромный, копыта крепкие, сильно развитые, как и требуется, чтобы носить такую тяжелую тушу по каменистой неровной поверхности.

Само собой разумеется, что вес такой животины громадный. С трудом могли мы поднять одну голову, а шкуру, чтобы взвалить ее на верблюда, едва подняли четыре челове-

Дикий як-бык

ка. С головы шкуры не сняли, решив заняться этим на свободе в лагере.

Можно только удивляться тому, что такое огромное животное в состоянии жить и развивать в себе такую мускульную силу в этих горных областях со скудным подножным кормом, который зимой и вовсе пропадает, а летом отличается жесткостью и горечью, так что наши караванные животные могли есть его лишь с голодухи.

Когда яка преследуют, он бежит довольно быстрой рысью, опустив хвост, слегка приподняв голову и волоча по земле свою боковую бахрому. В общем, неуклюжее животное бежит хотя и тяжело, но очень разгонисто и имеет еще то преимущество, что никогда не запыхается, тогда как преследователь скоро начинает задыхаться в этом разреженном воздухе.

Если к яку подойдут поближе и он почувствует опасность, то пускается галопом, опустив голову и подняв хвост вверх. Выстрелы и пули заставляют его остановиться, а рана перейти к нападению на врага, которому тогда надо держать ухо востро.

Искандер и остальные наши таглыки рассказывали, что в Черчене, Чокалыке и Ачане (селения, расположенные около северной подошвы Куньлуна) живут паваны — охотники, почти исключительно промышляющие охотой на яков. Они преследуют яков в областях Арка-тага и Чимен-тага в Северном Тибете, к югу от Лобнора. Охотника обыкновенно сопровождают двое людей с ослами, чтобы доставить в лагерь шкуры.

Большей частью охотники соединяются ради безопасности по двое, по трое или в целые партии. Бывают и такие опытные, ловкие стрелки, которые убивают яка наповал первой же пулей, пушенной в сердце. Стреляют они обыкновенно не далее, как в 60 шагах, и целятся в место за горбом. Если пуля попадет в тазовую область, животное падает обыкновенно не ранее, как на третий, на четвертый день. В остальных местах пуля почти что и не берет яка.

Целиться в голову в большинстве случаев значит попусту тратить заряды, так как пуля не в состоянии пробить толстейших черепных костей. Получив пулю в лоб, як только

замотает головой да зафыркает. Прострелить яку ногу, как это ни жестоко, дает охотнику то преимущество, что ему легче затем приблизиться к животному на верный выстрел или спастись от него бегством, если як бросится на врага. Наша охота на яка ясно показала, что все выстрелы, попадающие в иные органы, кроме названных, более чувствительных, не достигают цели.

Ружья, которыми бывают вооружены эти охотники, изготовляются в городах Восточного Туркестана. Это кремневые ружья, с тяжелым и длинным стволом, насаженные на подставку из рогов антилопы. Положив ружье на плечо, охотники ползком подбираются к зверю, пользуясь для прикрытия малейшей неровностью поверхности. Приблизившись на верный выстрел, они опирают ружье на подставку и долго хладнокровно целятся, прежде чем выстрелить.

Убив животное, охотники тотчас снимают с него шкуру и разрезают ее на три части, так что две линии разрезов идут непосредственно вдоль верхнего края боковой бахромы, а третья посреди брюха. Крестец и горб, называемые «сирит», дают самую лучшую кожу, которая идет на седла, подпруги, ремни для уздечек, кнутов и пр., а также на туфли. Кожа с брюха идет обыкновенно на выделку тех же предметов, но сортом будет похуже. Кожа с ног идет на тюрюки, мягкие туфли, составляющие обычную обувь таглыков. Хвосты яков идут на «туги», украшающие мазары.

В Черчене, Чакалыке и Ачане шкуры яков скупаются купцами, которые везут их в Хотан для перепродажи кожевникам. Яковая кожа очень ценится за свою прочность и неизносимость. За шкуру взрослого яка-быка охотник выручает около 8 рублей; за шкуру коровы или теленка гораздо меньше.

Таглыки основательно считают охоту на яков опасным делом и предпочитают поэтому охотиться за ними целыми партиями. Можно представить себе положение охотника, на которого бросится разъяренный зверь: охотнику нужно время, чтобы зарядить свое неуклюжее ружье, так что ему нелегко выйти из борьбы целым и невредимым. Попади он только под это чудовище, бросающееся на него, выставив рога, он будет раздавлен в одно мгновение.

XIX. Высочайшее нагорье в свете.

Караван наш все редееет

Из лагеря № XIX, где мы отдыхали день, виден был величественный горный пик, на две трети своей высоты окутанный сверкающим снегом. Пик этот, господствовавший надо всей окрестностью и видимый издалека, словно маяк, я назвал «Скалой короля Оскара».

К востоку от лагеря расстиралось большое озеро, по северному берегу которого мы следовали. Вода была очень горька на вкус, но зато отливала прекраснейшими тонами, и на волнах качались стаи чаек. По берегу вилась тропа, с виду проложенная людьми верхом или скотом. Но таглыки утверждали, что тропу проложили яки и куланы, о чем и свидетельствовал оставленный животными помет. Меня удивляло, что нам до сих пор не попалоcь на пути ни одного скелета яка, между тем как местность изобиловала яками. Лишь здесь на берегу нашли мы в первый раз два черепа и пористые, побелевшие кости. Быть может, животные, чуя приближение смерти, уходят в недостигаемые пустынные области на высотах или на берега озер, где волны и смыывают их трупы.

9 сентября сделали длинный и трудный путь через низкий перевал. Форсированный переход этот стоил нам лошади и осла. Частенько отсутствие подножного корма заставляло нас делать обширные переходы, пока наконец мы не находили травы, на этот же раз, сколько мы ни шли, местность оставалась бесплодной. Маису у нас оставалось только на десять дней, и мы позаботились главным образом о лучших наших лошадях. Из остальных многие готовы были пасть.

10 сентября мы шли по бесконечной равнине, прорезанной ручьем, который, дробясь на бесчисленное множество рукавов, направлялся к востоку, в озеро. На берегу последнего мы отдыхали целый день, так как на окаймлявших озеро холмах росла реденькая травка. Отдых в этот день явился тем более кстати, что нас захватила настоящая зима. Весь день шел снег и град, а ледящий ветер нале-

тал со всех сторон. Окрестность буквально тонула в сплошном тумане.

Осмотрели ящики с продовольствием, и в результате оказалось, что впредь надо быть бережливее. Муки, хлеба и чаю могло хватить еще на месяц, но нас было ведь одиннадцать человек, и неизвестно, сколько времени оставалось еще нам брести до первого селения. Из взятого нами с собой стада уцелела всего одна овца. В худшем случае мы могли питаться мясом диких яков. Прошло полтора месяца, как мы покинули населенные области, так не диво, что все мы сильно соскучились по людям и горели желанием встретить человека, кто бы он ни был.

В течение дня нельзя было приняться ни за какие наблюдения, и я просидел весь день, закутавшись в шубы и занимаясь черчением карты или чтением. Пальцы от холода посинели и заоченели; славно было погреть их над чайником, когда подали горячий чай. Только поев или напившись горяченького, мы и оттаивали на некоторое время, пока вечный ветер опять не замораживал нас.

12 сентября. В 6 часов утра, когда мы стали строить караван, вся окрестность до самого озера была покрыта белой пеленой. Среди этой общей белизны ландшафта снежные вершины южного хребта выдавались уже не так резко, как прежде. В течение всего дня мы держались береговой линии. К востоку открывалась величественная панорама; по обоим берегам высились горные великаны Северного Тибета. Белая оторочка пены окаймляла все контуры береговой линии. Волны со своеобразным металлическим плеском, вероятно вследствие разреженности воздуха и высокого удельного веса, ударялись о прибрежный щебень.

Подножный корм попадался все реже и худшего качества, чем в первую половину нашей тибетской экспедиции. Кроме того, мы теперь убедились, что лошади и ослы не пригодны для таких высот. Верблюды держались еще стойко, хотя и сильно исхудали. Люди полагали, что подножный корм сам по себе вреден для животных. Против этого, однако, говорило то обстоятельство, что он вполне удовлетворял куланов и диких яков.

13 сентября, пересекши равнину, прорезанную довольно значительной, впадавшей в озеро горной речкой, мы по лабиринту холмов стали подыматься к перевалу, который должен был явиться новым водоразделом. Ни единый звук не нарушал тишины.

Наконец мы достигли перевала; по ту сторону его воды стекали в совсем крохотное озерко, вроде лужи. Когда я прибыл сюда, наши палатки были уже разбиты на берегу этого озерка. Пресеченная поверхность подавала мне надежду, что мы приближаемся к периферической области и скоро достигнем какого-нибудь из истоков Янцзы.

Лагерная стоянка № XXVI (высота 5043 метра) явилась одной из самых неблагоприятных. Подножного корма почти никакого не было. Чтобы вскипятить воды для чаю, нам пришлось пожертвовать двумя колями от палатки. Было уже темно, когда усталые верблюды и пять последних наших ослов дотащились до лагеря.

Положение наше становилось до некоторой степени критическим вследствие переутомления животных. Оно начинало напоминать нам о злосчастной экспедиции в Такламакан. В самом деле, караван наш таял, как и тогда. Как и тогда, мы с нетерпением обращали наши взоры к востоку, ища признаков изменения рельефа поверхности. Зато теперь у нас не было недостатка в воде, и в случае, если бы даже все животные наши пали, мы сами могли бы дотащиться до человеческих жилищ.

14 сентября. К списку павших прибавились еще лошадь и осел. Пролетела к северо-западу, по направлению к Лобнору, стая гусей — явление замечательное в это время года. Весь день мы шли прямо к востоку, между гребнями гор средней величины, по широкой долине, по которой протекал прозрачный ручей. То обстоятельство, что путь подымался в гору очень отлого, не приносило нам значительного облегчения, так как почва была рыхлая, пропитанная влагой и вязкая, как ил. Вечером люди стали просить меня дать им день отдыха. Два верблюда и два осла были плохи, и, если выступать завтра же, приходилось их бросить.

18 сентября. Выпавший вчера густой снег сильно затруднил животным отыскивание подножного корма. Одного

осла и пришлось бросить; две лошади также не годились больше. Пришлось пустить их идти вместе с четырьмя последними ослами, из которых лишь один был в состоянии нести легкий выюк. Теперь у нас оставалось только восемь годных для дела лошадей, исхудалых и отошавших. Верхов ехали лишь я, Ислам-бай и Парпи-бай; остальные люди все шли пешком. Из верблюдов двое тоже были плохи. Собаки чувствовали себя отлично, вволю угощаясь мясом павших животных.

20 сентября. После нескольких часов пути по округленным холмам мы достигли перевала. Мы тщательно обзрели с высоты перевала всю местность, чтобы решить, какое направление избрать. На северо-востоке Арка-таг казался ниже, чем до сих пор, но мы не решились перевалить через хребет с нашим жалким караваном. Таглыки полагали, что в таком случае мы потеряли бы по дороге всех животных.

На востоке виднелось озеро, новый бассейн, не имевший стока! Что же, конца не будет этим озерам? С нашего небольшого перевала восточный склон казался, однако,

Вид на NW (северо-запад. — Прим. ред.) от лагеря № XXXI

гораздо круче, нежели западный, и мы предчувствовали уже, что приближаемся к местностям, находящимся на меньшей высоте над уровнем моря, нежели те, по которым мы странствовали до сих пор. Стали попадаться и новые роды растений, обогащавшие мой гербарий. Пал еще один из ослов, да и конец остальных трех, видимо, был недалек.

21 сентября. Мы шли по течению речки, стекавшей с вершин южных гор, одетых снегом. Под конец воронкообразное устье реки расширялось и образовывало обширную илистую дельту. И это озеро казалось по величине морем. На востоке земли не было видно. Вдали склоны гор протягивали друг к другу точно пару горизонтальных игл, но между ними оставался просвет, в котором вода сливалась с небом. Береговая линия влево уклонялась к северо-западу, а вправо шла к югу, так что озеро преграждало нам путь.

Мы остановились на берегу, где рос сносный подножный корм. Озеро казалось глубоким, так как вода была темно-синего цвета, и холмы западного берега круто обрывались в воду. Вода в нем была горько-соленая. Значит, еще один бассейн, не имеющий стока, и еще один перевал дальше к востоку! Это озеро оказалось самым большим из всех встреченных нами на пути. Ни один след не изобличал, что в эту местность заходят люди.

22 сентября мы прошли 23½ километра. Дорога в этот день выпала труднейшая; половину пути пришлось сделать по крайне неровным, изрезанным провалами и оврагами холмам.

Порядочный конец мы следовали по тропе, проложенной яками; тропа эта держалась большей частью на одной абсолютной высоте, но шла зигзагами и извилинами. Яки предпочитают делать обходы, нежели беспрестанно спускаться и подыматься. Эти холмы примыкали к берегу и образовывали северные склоны довольно мощного хребта, ограничивавшего озеро с юга и до сих пор скрывавшего последнее от наших глаз.

Затем мы час за часом ехали почти прямо на восток, но озеру все не было конца. Мы каялись, что не предпочли следовать по южному его берегу, но продолжали путь, все надеясь, не откроется ли у западного края озера какая-

нибудь долина, которая вела бы к удобному перевалу через Арка-таг.

Около 11 часов утра к неудобствам пути присоединилась еще дурная погода. Небо потемнело, и над озером разразился сильнейший град. Черные тучи надвигались на нас с востока, точно стены, и до ушей наших доносился пронзительный свист и шипенье, словно от выпускаемого из паровика пара. Озеро приняло темно-серую окраску, прибрежные горы исчезли в тумане.

Шум становился все сильнее. И видно и слышно было, как от ударов градин о поверхность озера летели во все стороны брызги. Град сменился снегом и дождем. Затем ветер переменился; поднялся ужасающий западный ветер, дувший нам прямо навстречу и леденивший нас. Лошади напрягали все силы, точно взбираясь на гору. Белые зайчики так и прыгали по волнам озера, разбиваясь о берега. Наслаждались этой картиной, по-видимому, одни чайки, преспокойно качавшиеся на гребнях волн.

Наконец озеро сузилось на западе в острый клин. За ним начиналась широкая долина. На северном берегу возвышался мощный хребет, покрытый вечным снегом, продолжение Арка-тага. Этот хребет мы видели целый день; его отроги тянулись рядами, словно дома на колоссальной площади.

От оконечности озера лошадиный караван направился прямо к северу, к подошве этого хребта, — там вдали, в ущелье, белели наши палатки. Место для лагеря выбрано было неудачно — посреди сухого русла горной речки, полного

Наши последние
уцелевшие лошади

камней и щебня. Зато мы были защищены здесь от ветра отвесными скалами.

23 сентября. Прошли 22 километра до лагеря № XXXIII, лежавшего почти как раз против лагеря № XXXI. Таким образом, два дня пути не подвинули нас ни на шаг к востоку. Весь день продолжалась непогода: сначала непроглядная вьюга, налетевшая с востока, а затем северный ветер, дувший с северных гор. Там и сям нам пришлось перебираться через совсем отвесные холмы. Около одного из них отказалась служить моя славная верховая лошадь, служившая мне с последней экспедиции в Памир. Эмин-Мирза тихонько повел ее под уздцы, а я пересел на его лошадь и теперь уже в одиночестве поехал за караваном. Но и эта лошадь свалилась подо мной, и я пешком довел ее до лагеря.

Славно было попасть под крышу палатки, но мои окоченевшие руки отошли только спустя час. Весь вечер свирепствовал настоящий северный ураган. Палатку мою, хотя она и была укреплена основательно и загнутые внутрь края ее пол придерживались ягданами, свалило и, наверное, унесло бы в озеро, если б я вовремя не ухватился за одну из подпорок. Прибежавшие на мой зов люди укрепили ее с наветренной стороны канатами.

До этого лагеря добрались лишь пять из наших верблюдов. Обутый в чулки верблюд свалился на пути; люди зарезали его и вырезали лучшие куски, которые послужили отличным подкреплением к нашему провианту. Все животные были так изнурены, что пришлось остановиться и здесь на день.

Выйдя утром из палатки, я нашел, к своему горю, мою верховую лошадь издохшей. В течение шестнадцати месяцев она носила меня и в дождь и в град и никогда не спотыкалась, не падала, что было очень важно для моих съемочных работ. В Хотане она отдыхала четыре месяца, стоя в конюшне Лю-дарина, и после этого отдыха могла поспорить видом с настоящей чистокровной английской лошадей. В последнее же время она исхудала, смотрела такой жалкой, лохматой, изнуренной. С этих пор я ехал на небольшой вороной лошадке, купленной в Курле и побывавшей с нами на Лобноре.

Около лагеря шмыгало много зайцев, и некоторые из них послужили к оживлению нашего меню.

25 сентября. Прошли 24 километра до лагеря № XXXIV. Весь день шли по берегу. Вдали на юго-востоке различалась мощная цепь гор со снежными полями. Небольшие отроги мешали определить, насколько она соприкасалась с хребтом, бывшим у нас до сих пор по правую руку или на юге.

На следующий день разразился буран, и мы не трогались с места. Караван насчитывал теперь пять верблюдов, девять лошадей и трех ослов; людей же было одиннадцать человек. Большинство животных были близки к концу. Таглык Искандер был болен и поэтому пользовался привилегией ехать на осле. Напротив, Эмину-Мирзе приходилось теперь идти пешком, так как его лошадь отказалась служить. Еще в лагере № XXX лошадям была выдана последняя порция маиса. С тех пор им приходилось довольствоваться небольшой порцией черствого хлеба и попадавшимися жалким подножным кормом. Для меня и людей пекли свежий хлеб два раза в день; в топливе недостатка не было: яковый помет попадался теперь в изобилии.

27 сентября. Сегодня нам предстоял интересный переход, так как мы должны были снова перевалить через Аркатаг и вместе с тем покинуть нагорья Северного Тибета. В день отдыха я посылал разведчиков, которые и вернулись с сообщением, что на северо-востоке имеется удобный перевал.

Через два часа пути по отлого подымавшейся долине мы и достигли этого относительно низкого перевала. Северный склон его также не был крут. Тут пришлось ехать по долине, расширившейся мало-помалу в большую, открытую площадь, заключенную между горами. Покрытый льдинками ручей играл роль путеводителя, а также ножной ванны для людей, которым то и дело приходилось перепрыгивать через него, что в широких местах и не удавалось. Ноги у людей были обвернуты войлоком и лоскутьями шкуры кулана, и на каждой стоянке первой их заботой было просушить обувь.

Миновав выдающийся выступ горы, мы увидели мало ободряющее зрелище: новое небольшое озерко, в которое впадали воды нашей области. Видимо, мы попали еще в одну не имеющую стока область. Перевал, через который мы перешли, не был, таким образом, настоящим; тот еще

ждал нас впереди, и переход через него мог оказаться гораздо труднее.

Вправо от нашего маршрута паслось у подошвы горы чрезвычайно большое стадо яков. Ислам поехал туда и выстрелил в них; стадо разделилось: большая часть бросилась в горы, остальные сомкнутым строем кинулись в сторону ко мне и Эмину-Мирзе. Мы были не вооружены и чувствовали себя поэтому довольно скверно. Всех животных было 47 голов; впереди бежал красивый бык, за ним теленок и пять старых быков. Позади всех галопировал Исламбай. Стадо было окутано облаками пыли. Стук их копыт слышался все ближе; казалось, вот-вот вся эта масса обрушится на нас, словно лавина.

Оказалось, однако, что яки еще не заметили нас. Только в расстоянии ста шагов вожак увидел нас и увлек остальных в сторону. Ислам успел тем временем слезть с лошади и залечь в засаду, откуда выпустил наудачу пулю в середину кучки. Пуля ранила одного быка в переднюю ногу.

Животное в ярости кинулось прямо на стрелка. Ислам вскочил на лошадь и пустил ее в такой карьер, на какой только было способно изнуренное животное. Несмотря на то что як прыгал только на трех ногах, он догнал врага через несколько минут. Но как раз когда он готовился поднять на рога и лошадь и всадника, Ислам обернулся и выстрелил, не успев даже впопыхах хорошенько прицелиться. Но як находился так близко, что промахнуться нельзя было, и пуля, попав в область сердца, разом прекратила эту опасную игру.

Это был як лет восьми. Язык его и мясо пригодились нам, как нельзя более, так как и мука, и рис были у нас на исходе. Если бы последняя пуля не попала в цель, Ислам погиб бы. Охота на диких яков не всегда бывает счастливой.

Приключение это заставило нас расположиться лагерем, хотя местность и не располагала к этому — до воды было далеко. Но делать нечего, чтобы извлечь из яка всю пользу, которую можно было, пришлось простоять тут весь следующий день. Собак привязали, чтобы они не испортили нам мяса.

На ужин меня угостили крепким и очень вкусным бульоном из якового мяса. И с этих пор на некоторое время блюдо

это стало ежедневным. На десерт меня ожидало, однако, нечто еще лучшее. Я только что закурил после еды трубку, как в палатку вошли все люди с Исламом во главе, крича: «Бис, нишан тапдык!» («Мы нашли знак!»)

С этими словами они положили передо мной четыре сланцевые плитки, покрытые вырезанными на камне тибетскими письменами. Плитки были целы, и каждая, видимо, имела значение сама по себе. Две из них были стары, и надпись на них частью стерлась.

Что гласили надписи, зачем были так тщательно вырезаны? Может быть, тут рассказывалось о каком-нибудь замечательном событии или давалось какое-нибудь важное указание паломникам, отправлявшимся в Лхасу, так как, согласно картам, главный путь в столицу далай-ламы как раз в этой области сворачивал к юго-западу. Людей моих, при виде этих плиток, обрадовала мысль, что, значит, в эту область все-таки заходили люди.

29 сентября перед тем, как выступить в путь, я и поспешил на то место, на берегу ручейка, где люди, ходившие туда за водой, нашли плитки. На берегу ясно виднелись следы двух стоявших здесь некогда палаток. Здесь же виднелись расположенные квадратом булыжники средней величины, и это само собой наводило на мысль, что тут располагались со своими яковыми стадами монголы-номады. Поблизости мы нашли еще 8 таких же плиток с надписями. Забрать их с собой все было невозможно. Я и выбрал две покрасивее и полегче весом. Остальные мы зарыли в землю, чтобы спрятать их: если бы находка оказалась важной, можно было в другой раз вернуться за остальными.

Затем мы продолжали путь к северо-востоку, пока не достигли значительной реки, струившейся к востоку. Кое-где можно было различить тропу, но проложили ли ее люди или животные, решить было трудно. Зато небольшая куча камней, сложенная на вершине перевала, была несомненно делом рук человеческих.

С перевала мы спустились в обширную котловину, богатую подножным кормом и прорезанную ручейками. Вскоре мы увидели следы одинокого путника, шедшего в противоположную сторону. Таглыки говорили, что следам этим

не более шести дней. Во всяком случае, мы были недалеко от людских селений. Все мы оживились, люди высматривали новые следы, и мы с минуты на минуту ожидали встречи с монголами или пастухами.

XX. Первые монголы

30 сентября. На левом берегу ручья виднелся издалека какой-то черный предмет, который мы приняли за отдыхающего быка. Но когда мы несколько приблизились, люди стали уверять, что это нишан (путевой знак). Мы направились к нему и были очень поражены, найдя здесь в дикой пустыне в высшей степени оригинальное и красивое «обо», вероятно воздвигнутое для умилоствления горных божеств. Состояло «обо» из прислоненных друг к другу больших сланцевых плит, покрытых письменами.

Вот мы оживились! Каравану было скомандовано остановиться, и мы расположились лагерем около самого «обо», пройдя на этот раз едва девять километров. Работы здесь должно было хватить с избытком дня на два. Подножный корм был тут лучше обыкновенного; водой снабжал нас ручей, а то обстоятельство, что перевал стоил нам лошади и осла, ясно указывало, что животные нуждались в возможно продолжительном отдыхе.

Прежде всего я принялся за наброски и срисовал оригинальное «обо» со всех четырех сторон. Всего мы насчитали 49 прислоненных друг к другу в наклонном положении сланцевых плит; так строят карточные домики. Плита, образовывавшая заднюю стену, имела в высоту 1,45 метра и живописно высилась надо всем сооружением. Часть ее, возвышавшаяся над крышей, была свободна от надписи лишь на внутренней стороне; все остальное пространство ее было покрыто большими и малыми письменами. Длина этой плиты равнялась 1,34 метра. Около нее находились другие плиты, длина которых доходила до 1,52 метра.

Все эти плиты, темно-зеленого цвета, были совершенно ровны и плоски, толщиной всего в 1 сантиметр. Надо было удивляться, как удалось добыть их из местных скал

в целом, неповрежденном виде. Крыша сооружения, находившаяся всего на 0,61 метра над землей, состояла из четырех длинных плит, длиной в 2,39 метра. Края их выдавались над десятью крайними плитами-подпорками. Фасад сооружения был обращен прямо к юго-востоку. Письмена, видимо, были не высечены, а просто выцарапаны каким-то острым инструментом — иначе хрупкий камень не выдержал бы — и выделялись на темно-зеленом фоне светло-серыми линиями.

Неподалеку от «обо» виднелось несколько закоптелых камней; между ними еще уцелели зола и уголья; ясно было, что здесь останавливались осенью монголы-кочевники. Найдя вдобавок поблизости прямоугольную могильную плиту и тропинку, мы заключили, что здесь, вероятно, находится мазар, время от времени посещаемый паломниками.

И тут перед нами встал тот же вопрос: что могли вешать путникам эти безмолвные камни? По всей вероятности, содержание надписей было религиозного характера. Быть может, тут описывалось какое-нибудь происшедшее на этом месте событие? Надо было скопировать надписи, чтобы потом можно было дешифровать их. Когда я срисовал самое «обо», мы разорили его, разложили плиты в ряд на земле, и я принялся копировать надписи, после чего люди ставили плиты на свое место.

Первые две плиты были невелики, и с ними было покончено в полчаса. Когда же я взялся за третью, внимание мое было привлечено однообразием букв. Мне показалось, что один и тот же знак повторялся довольно правильно. При более внимательном рассматривании и оказалось, что каждая седьмая буква была одна и та же.

Я всмотрелся в «обо» и нашел, что все 49 плит были покрыты теми же правильно повторяющимися семью буквами. А вот оно что! Понял! Это не что иное, как известная тибетская священная формула: «О, сокровище лотоса!»

Копировка письмен была немедленно прекращена, и завтрашний день отдыха оказался лишним. Мы захватили с собой лишь две красивые плитки, как образчики, а взятые у лагеря № XXXVI оставили здесь. О том, чтобы забрать все сооружение, не могло быть, конечно, и речи. Оно соста-

вило бы три верблюжьих вьюка, и этнографическая ценность его далеко уступала его тяжести.

Только что рассматривавшийся как большая достопримечательность, «обо» потерял в моих глазах всякое значение. Я извлек из него лишь ту пользу, что оно впервые познакомило меня со страстью ламаизма к преувеличению и формализму. Вместо важных исторических данных о великом пути монгольских паломников в Лхасу, который как раз здесь пересекал окраинные горы Цайдама, мы нашли пустую формулу; красивая сама по себе, она становилась бессмыслицей, повторяясь 4000 раз кряду. Что за остроумие написать на бумаге 4000 раз «Отче наш»? А уж столько же раз выцарапать на камне, не жалея трудов и времени, одну и ту же молитвенную формулу прямо глупо.

Я был несколько раздосадован этим приключением. Но если результат и оказался меньше, нежели я ожидал, то все же вреда от нашей остановки, собственно, никакого не произошло. По крайней мере, мы имели теперь ясное доказательство, что попали на большой проезжий тракт, ведущий в Лхасу. Об этом свидетельствовали и «обо», и могилы, и тропинки, и кучи камней. Дальше, в долине, люди, кроме того, видели следы двух верблюдов и несколько больших стад куланов. Таглыки наши утверждали, что куланы никогда не держатся вблизи населенных мест и что до последних, следовательно, по крайней мере два дня пути.

1 октября мы могли спокойно продолжать путь к востоку по этой прямой, широкой долине. Около устья долины мы нашли еще два «обо», один состоял из 63 сланцевых плит, поставленных попросту стоймя вокруг холмика. Надписи на плитах, обращенных к западу, частью стерлись; должно быть, от часто дующего здесь западного ветра.

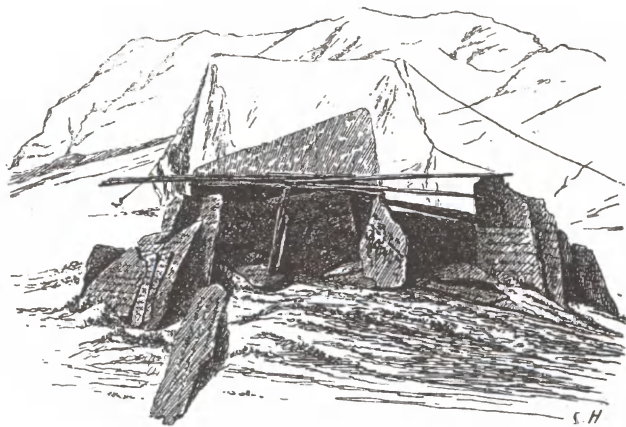
С напряженным вниманием ловили мы по пути всякие признаки близости людских жилищ. Между прочим, видели еще одно обгорелое место после костра, несколько кольев от палаток и верблюжий помет. Вдруг Исламбай увидал у подошвы противоположной скалы нескольких яков. Он осторожно подкрался к ним на выстрел и пустил пулю, вторую, третью, но без успеха. Тут, к нашему изумлению и радости, откуда-то выскочила старуха и принялась

кричать и размахивать руками. Мы сразу поняли, что это были домашние яки и что мы наконец после 55 дней странствования в пустынных областях добрались до окраинных людских поселений.

Неподалеку виднелась кибитка старухи. По соседству от нее, на правом берегу реки, мы и разбили лагерь № XXXVIII. В окрестностях паслись яки, козы и овцы старухи, и при виде последних у нас потекли слюнки изо рта.

Разговор со старухой оказался настоящим оселком для нашего терпения. Разумеется, она не знала, что мы за птицы такие, а из нас никто не понимал по-монгольски. Парпи-бай помнил одно слово «бане» (имеется), а я знал из географии общеупотребительные наименования вроде: «ула» — гора, «гол» — река и «нор» — озеро. Нодать с этим скудным запасом слов старухе понять, что мы хотим купить у нее овцу, было нелегко. И вот я принялся блять по-бараньи, а потом показал старухе китайскую монету в два лана, она поняла, и на ужин у нас была настоящая свежая баранина!

Люди мои сияли. Конец уединенной тяжелой жизни на высотах! Нечего больше скупиться на провизию, не надо питаться жестким яковым мясом! Быть может, нам даже удастся теперь спасти остатки нашего некогда столь внушительного каравана.

«Обо» около лагеря № XXXVII

С помощью знаков старуха объяснила нам, что муж ее отправился в горы стрелять яков, но вернется домой до захода солнца.

В ожидании его я с Парпи-баем и Эмином-Мирзой посетили кибитку старухи. Завидев нас, она со своим восьмилетним сыном учтиво вышла нам навстречу. Мальчуган получил от нас кусочек сахара, а старуха шепоть табаку, которой сейчас набила свою длинную, узкую китайскую трубку. Весь страх ее теперь как рукой сняло.

Кибитка состояла из старого изодранного войлочного ковра, наброшенного на два шеста; к середине продольных внутренних сторон были подвешены два горизонтальных шеста, проходивших в дыры в войлоке и привязанных к стоявшим снаружи шестам, в свою очередь укрепленным веревками. Благодаря такому устройству кибитка становилась более выгнутой и просторной. Посреди крыши было дымовое отверстие. Шесты были тамарисковые и привезены из Гаджира в Цайдаме.

Мы зашли в кибитку и принялись рассматривать ее внутреннее убранство. Главной выдающейся частью мебелировки являлся небольшой кубической формы деревянный ящик, стоявший около поперечной стены, прямо против входа. По словам Парпи-бая, это был «бурхана», или кумирня в миниатюре. После некоторого колебания старуха подняла крышку, и мы увидели в ящике священные тибетские книги, т.е. отдельные длинные, исписанные полоски бумаги. Каждая книга, т.е. кипа таких полосок, была обвернута куском материи. На крышке лежал пук яковых хвостов, которым старуха, как метелкой, смахивала пыль со святыни. Несколько хранившихся там же медных и деревянных чаш, видимо, служили священными сосудами.

Хозяйственная утварь состояла из китайской фарфоровой чашки, кожаного ведра, кожаного же кувшина, железного котла, медной кастрюли с крышкой, чайника из желтой меди, мешка с высушенными травами, игравшими роль благовонных курений, ножа, раздувальных мехов, огнива, седла, сбруи, рваной одежды, бараньего желудка с яковым жиром и мешка с цамбой.

Большую часть помещения занимали, однако, куски превосходного якового мяса. Снаружи около палатки тоже лежало мясо, так что нам пришлось привязать своих собак. Мясо оставляют на воздухе, пока оно высохнет, почернеет и затвердеет, как дерево. Старуха отрезала ножом несколько ломтиков, поджарила их над огнем и угостила нас. Мы узнали, что семья эта живет здесь круглый год, чтобы снабжать своих сородичей в Цайдаме яковым мясом.

Первые монголы: Дорча, его сын и зять

Посреди кибитки стоял на трех камнях котел, а вокруг шел вал из якового помета. Собираясь разжечь костер, старуха высекла огнивом огонь и подхватила искры горстью растительного пуха, которую затем сунула в сухой распыленный лошадиный помет, а когда этот, с помощью мехов, затлелся, прикрыла его яковым пометом.

Мяса куланов монголы не едят, кобыл своих доят, и старуха угостила нас питьем, напоминавшим киргизский «айран». Лампой служил выдолбленный камень, наполненный яковым жиром и опирающийся на низкий треножник.

И мать и ребенок носили бараньи тулупы, подпоясанные кушаками, а на ногах сапоги. Голову старухи прикрывал продолговатый платок; концы его были завязаны узлом на затылке; волосы были заплетены в две длинные косы, прикрытые куском материи. Мальчуган ходил с непокрытой головой. У него волосы заплетены были в три косички, торчавшие в разные стороны, точно крысиные хвостики.

Вечером, когда мы смаковали свежую, вкусную баранину, вернулся домой старик с застреленным яком. Он был немало удивлен, увидав здесь чужих, но оказался человеком разумным и отнесся к делу спокойно. Звали его Дорча.

Тип его был чисто монгольский: маленький старичок с обветренным, морщинистым лицом, маленькими глазка-

ми и реденькой растительностью на губах и на подбородке. Одет он был в бараний тулуп и кожаные панталоны; ноги были обвернуты кусками войлока, голову прикрывала войлочная же шапочка. По-джагатай-тюркски он смыслил столько же, сколько Парпи-бай по-монгольски.

Мы, впрочем, обходились, как умели, и скоро стали кое-что понимать. Местность эта называлась Моссото, а река была одним из истоков Найджин-гола. Мы спросили насчет следов трех верблюдов, виденных нами два дня тому назад; оказалось, что это одна семья недавно выступила со всем своим скарбом в зимнюю стоянку около Гаджира. Если бы мы пошли по этим следам, мы через пять дней были бы в Гаджире. По той же дороге, по которой мы шли, до Гаджира было восемь дней пути.

В одном дне пути вниз по реке жили найджи-монголы. На них недавно произвели нападение вооруженные с ног до головы тангуты, явившиеся с юго-востока, и ограбили их дочиста. Монголам с тех пор приходится жить исключительно яковым мясом. Они отправили в Синин к губернатору челобитчиков с просьбой о помощи, и губернатор прислал им муки и хлеба. Дорча не советовал нам продолжать путь в этом направлении — нельзя будет достать даже самого необходимого продовольствия.

Старику подарили за его сообщение папиросу, набили его пороховницу порохом, и он остался очень доволен нами. Тем и закончился этот счастливый день.

Мы были уже несколько удручены нашим продолжительным скитаньем по безлюдным областям, и встреча с людьми подействовала на нас, как жизненный эликсир; мы вновь ожили. Обильная водой речка мелодично журчала между гранитными глыбами, и так приятно было прислушиваться к этой музыке.

Мы провели у монголов и весь следующий день, но не оставались праздными. Прежде всего мы купили трех небольших крепких лошадок и двух овец. Худших из наших животных, в том числе и двух истомленных верблюдов, мы совсем забраковали. Монголы могли угостить нас лишь козым молоком, но мы и ему были рады. Их же мы обрадовали небольшим запасом чая и хлеба.

Во время наших переговоров около моей палатки вдруг раздался крик: «Медведь!» Ислам-бай со своим ружьем и Дорча со своим длинным, неуклюжим кремневым ружьем пустились за зверем. Но тот был легок на ногу и быстро скрылся в горах.

Меня особенно позабавил первый урок монгольского языка. Дорча был необычайно комичен со своими отчаянными попытками понять, что я хочу сказать своими жестами. Первым шагом было изучение счета, который я быстро и постиг с помощью пальцев: нигэ, хояр, гурба, дурбэ, табу, чжиргуган, дологан, найман, йисун, арба, арба-нигэ и т. д. Нетрудно было также усвоить себе названия окружающих предметов: палатки и ее частей, красок, частей тела, географических названий и т. п.

Таким образом, у меня составилась длинный список самых необходимых слов, и я после первого же урока мог разговаривать с Дорчей, составляя простые фразы вроде: «гурба тэмэн байва» — «у нас три верблюда»; «бамбураши му» — «медведь зол» и т. п.

С глаголами было потруднее, но все-таки важнейшие я заучил в тот же вечер; например: идти, быть, ехать верхом, искать, падать, находить, снег идет, дождь идет и т. п. Урок вместе с тем был и гимнастическим упражнением, как так я проделывал все эти движения, а раз даже при-

Долина Ихэ-цаган-гола

вел Дорчу в полное изумление, принявшись колотить его по загорбку, чтобы узнать, как обозначается это действие по-монгольски.

В течение двух недель Дорча был нашим проводником, и мы каждый свободный час посвящали лингвистическим занятиям. Я прислушивался также к его разговору с сородичами и делал быстрые успехи, так что скоро мог уже сам объясняться с монголами.

Когда одолеешь первые трудности и научишься связывать слова в предложения, дальнейшее совершенствование в языке нетрудно: стоит только увеличивать запас слов и упражняться в разговоре.

Зато мне и не было нужды прибегать к переводчикам во время нашего долговременного пребывания среди монголов; я мог даже без посредничества переводчика вести беседу с «живым Буддой» в монастыре Кумбуме (Гумбум) и с вице-королем Ван-я-фу. Таким образом мы избежали всех затруднений и неприятностей, которых я ожидал, лишившись переводчика Фонг-Ши.

Утром 3 октября мы выступили из Моссото. Сначала мы следовали по левому берегу реки, потом свернули к северу по каменистой боковой долине. Стадо куланов, голов в 150, завидев нас, исчезло с быстротой ветра. Долина мало-помалу расширилась и стала плодородной. Около одного озера Дорча слез с лошади и заявил, что место это Ихэ-цаганномун (4390 метров) и что нам здесь надо сделать остановку. Мы так и сделали, пройдя в этот день 20 километров.

4 октября проводник наш повел нас дальше вверх по долине. Три наших последних верблюда подымались по округленным высотам без видимого труда. Вид с перевала открывался не особенно обширный, так как перевал окружен вершинами гор, а восточная долина, дугой загибающаяся к северу, заключена между высокими, закрывающими ее горами.

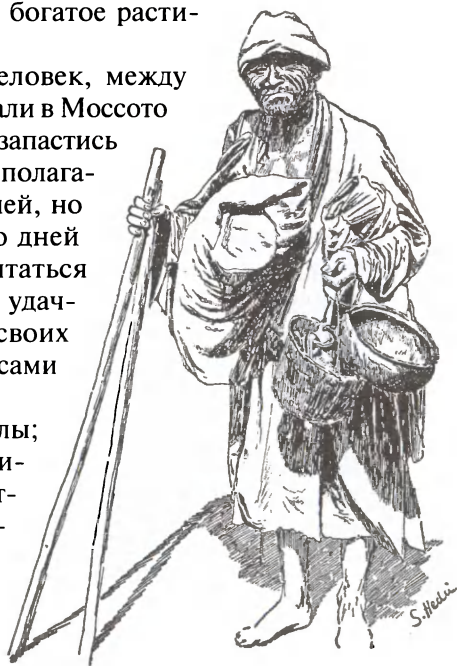
Около того места, где долина заворачивала к северу, река, стекавшая с перевала и успевшая уже принять несколько притоков, начинала свою разрушительную работу в гранитных массах. Вода так и кипела в глубоком узком ущелье с отвесными стенами скал.

Дорча ехал впереди, я за ним. Вдруг лошадь моя забрала слишком к краю рыхлой тропы, нога у нее оборвалась, и лошадь упала. Душа у меня ушла в пятки, но я все-таки успел соскользнуть с седла и растянулся, упершись локтями в землю. Лошадь несколько раз перевернулась, катясь по откосу, пока наконец не обрела под ногами опору. Дорча поспешил вниз к ней на помощь. Если бы лошадь не остановилась вовремя, она скатилась бы в пропасть, так как до края оставалось всего несколько метров. А если бы я вовремя не соскользнул с седла, я, пожалуй, разделил бы ее участь. После того я благоразумно пошел пешком, ведя лошадь за повод.

5 октября. На одном открытом местечке мы встретили кучку монголов верхом, вооруженных ружьями. И мы, и они были поражены встречей. С помощью Дорчи я завязал с ними разговор. Решено было разбить тут лагерь, хотя мы и прошли еще только 15 километров. Но местечко было прелестное, богатое растительностью.

Верховых было шесть человек, между ними одна женщина. Они ехали в Моссото и затем дальше в горы, чтобы запастись на зиму яковым мясом. Они полагали пробыть в пути 15–20 дней, но продовольствия взяли всего дней на 5–6, надеясь затем питаться мясом яков. Возвращаясь с удачной охоты, они везут на своих лошадях мороженое мясо, а сами идут уже пешком.

Монголы были очень веселы; видимо, эта осенняя охотничья экскурсия вносила приятное разнообразие в их монотонную, бедную событиями жизнь. Сезон охоты на яков продолжается с месяц, и каждая охотничья партия имеет свои определен-

Нищий-монгол

ные участки для охоты, где охотники живут без кибиток под открытым небом, без всяких пожитков, кроме платья на себе, седел, ружей да небольших мешков с кое-какими съестными припасами.

Монголы расположились в кустах, около моей палатки, развели огонь между тремя камнями. Когда вода закипела, один из старших вынул из мешка шесть мелких деревянных тарелочек и, раздав их товарищам, насыпал в каждую по несколько горстей поджаренной ячменной муки. Затем он изрезал тонкими ломтиками кишку, начиненную застывшим бараньим салом, и смешал сало с мукой.

После этого женщина, поддерживавшая огонь, зачерпнула железной ложкой кипящей воды из котла, разлила ее по тарелкам, и цамба, любимое блюдо монголов, было готово. Когда жидкое содержимое тарелок было съедено, на дне их осталось еще столько жира и муки, что можно было прибавить еще по несколько ложек воды.

Блюдо это и составляло весь обед монголов. После обеда они закурили трубки со скверным китайским табаком и пришли в настроение полного благодушия. Все они были, по-видимому, большие охотники до трубочки.

Все одеяние их состояло из тулупа, панталон, сапог и шапки. Тулуп они накидывали прямо на тело и, видимо, были нечувствительны к холоду, так как правая рука и плечо оставались голыми. Ночью они закутывались в тулупы и располагались около костра. В сильные же вьюги они устраивали себе походную палатку из ружей, седел и войлоков. Волосы у всех были заплетены в косы; молились они, сидя на корточках и перебирая четки, чтобы отмечать, сколько раз произнесут молитву: «Ом мани падме хум».

6 октября. Рано утром монголы, продав нам пару из своих лошадей, двинулись дальше. Через час собрались выступать и мы, и оказалось, что вновь приобретенные лошади ушли по привычке за своими прежними владельцами. Пришлось двум из моих людей ехать вдогонку за ними, и мы выступили только около 10 часов утра. Двое таглыков с тремя верблюдами выступили, впрочем, гораздо раньше. За ними двинулся я с Дорчей и Джолдашем и, наконец, лошадиный караван.

Мы уклонились в сторону от реки, но через некоторое время снова очутились в ее русле, которое становилось все шире, ровнее и беднее щебнем и несло воду лишь летом. По этой долине мы ехали затем весь день. Перед нами расстилалась безграничная равнина. Просто голова кружилась с непривычки среди этого безбрежного пространства. Только обернувшись назад, можно было остановить взор на мощном хребте с его снежными вершинами. Вследствие дальности расстояния и непрозрачности воздуха он казался стеной, нарисованной на одной плоскости, нельзя было различить даже устья долины, которую мы только что покинули.

Так мы ехали к северу час за часом. Полоса пустыни сменялась степью с зарослями тамариска, сначала скудными, затем все более густыми; кусты тамариска большей частью росли здесь, как и в Восточном Туркестане, на буграх. Дорча еле мог найти тропу среди этого лабиринта кустов и выразил опасение, что остальной караван ни за что не найдет без проводника дороги к месту стоянки. Поэтому он, указав мне направление, по которому я должен ехать сам, поскакал обратно и прежде, чем я успел что-либо возразить, скрылся во мраке.

К счастью, лошади моей эта местность была знакомее, чем мне, и, проехав шагом с час, я заметил между кустами к северу огни. Потом послышался собачий лай, и целая стая монгольских собак вынеслась навстречу мне и Джолдашу, который, однако, вовремя успел спастись у меня на седле.

Вот показались и люди и палатки. Я спокойно подъехал к одной из них, привязал лошадь и пошел, приветствуя шестерых изумленных монголов дружеским «амур сайн», уселся у огня и закурил трубку. В углу стояла кринка с кумысом, и я хлебнул из нее здоровый глоток. Напиток напоминал квас и очень освежил меня после продолжительной езды.

Монголы только тарасились на меня, не говоря ни слова. Они осмеливались лишь подкладывать топлива в огонь и окончательно пришли в себя не раньше, нежели Дорча, явившийся с караваном через два часа, объяснил им, что мы за люди. На свободном месте между кибитками мон-

голов разбили наши палатки и разложили костер. Ужин успели приготовить лишь к часу ночи. Последний форсированный переход стоил нам двух лошадей и осла; теперь у нас оставалось только три верблюда, три лошади и один осел из 56 животных, с которыми мы два месяца тому назад выступили из Далай-кургана.

XXI. Между цайдамскими монголами

Мы оставались около Ихэ-цаган-гола до 11 октября; Мотдых был крайне необходим. Прежде всего мы рассчитались с Гамдан-баем и таглыками, которым хотелось поскорее отправиться на родину через Чимен-таг и Токкуз-даван. За перенесенные труды и безукоризненную службу они получили двойную против условленной плату, большой запас провизии, несколько овец и наших забракованных животных, которым, однако, надо было дать немного отдохнуть перед новым путешествием.

Следующим делом, требовавшим и времени, и многих соображений, было снаряжение нового каравана. Узнав, что нам нужны лошади, монголы день-деньской толклись у моей палатки, предлагая лошадей. Цен они не заламывали, и мы приобрели у них 20 крепких, сытых лошадей.

Но нам еще нужны были вьючные седла. Старые были брошены вместе с павшими по пути животными. Парпибай был мастер изготовлять седла, материал доставили монголы, и площадка перед людской палаткой превратилась в седельную мастерскую.

Я же был целые дни занят изучением языка и расспросами монголов насчет местных географических названий, климата, образа жизни монголов, их религии и т. п. Большинство из них бывало в Лхасе и рассказывало много интересного об этом городе и о пути туда.

Узнав, что я очень интересуюсь их «бурханами» — фигурками богов из терракоты, которые монголы носят в футлярах («гау») на шее, — они стали приносить их мне и даже продавали тайком за хорошую цену. Боялись они в данном случае не меня, а друг друга, являлись в мою палатку толь-

ко в сумерки и просили тотчас же спрятать фигурки на дно моих сундуков.

«Бурханы» эти были мастерски сделаны в Лхасе. Футлярчики часто бывают серебряные с выгравированными оригинальными, красивыми рисунками, с украшениями из бирюзы и кораллов. Более простые делаются из красной меди или желтой.

Скоро я совсем подружился с обитателями Ихэ-цаган-гола. Когда я рисовал, они вечно сидели около моей палатки, а когда заходил к ним в гости, угощали меня чаем и цзамбой. Они не выказывали даже и малейшей суеверной боязни или застенчивости, когда я срисовывал с них портреты. Мне даже удалось подвергнуть многих из них антропологическим измерениям.

Им не понравилось только, когда я вздумал отметить высоту их роста на шесте, подпирающем палатку. Они вообще всегда остерегались, чтобы я не дотронулся руками до их макушки, может быть, потому, что они возлагают себе на голову «бурханов» в знак почитания, или потому, что их благословил далай-лама или другое высшее духовное лицо.

Монголы придерживаются одноженства, и женщины у них пользуются куда большей свободой, нежели у мусульман. Они занимают места в общем кругу около костра и не носят покрывал. Тулупы у них держатся только на левом плече и на талии, а вся правая верхняя часть туловища остается голой. Грудь, даже у молодых женщин, некрасивые, отвислые.

Не думаю, чтобы такая откровенность костюма содействовала сохранению супружеской верности. Но, пожалуй, они так привыкли к такому оголению, что находят его вполне естественным. Сами монголы уверяли меня, что нравственность у них куда выше, чем у мусульман. Уже одно то, что мусульмане многоженцы, свидетельствует, по мнению монголов, об их низком нравственном уровне.

В первый же день ко мне явился с визитом сам старшина ихэ-цаган-гольский Сонум и принес в дар пресного молока, кислого кобыльего молока и перебродившего кумыса, похожего на водку. Последний имел отвратительный вкус,

Лопсен

но, должно быть, был крепок, так как Парпи-бай, несколько неумеренно хлебнувший его, никуда не годился потом весь день. Сонум был одет в огненно-красную мантию и китайскую шапку с пуговкой и длинными лентами. На следующий день я отдал визит. Прямо против входа в кибитке стоял небольшой алтарь. Он состоял из нескольких, поставленных один на другой ящиков с деревянной дощечкой сверху. На последней были расставлены в ряд медные чашечки

и блюда с водой, мукой, цзамбой и другими приношениями «бурханам».

Кроме того, там находились священные книги, вращающиеся молитвенные валики и «бурханы» из Лхасы и Даши-лумпо. Прикасаясь к последним или глядя на них, нельзя ни курить, ни даже дышать на них. Я, по незнанию, погрешил против этого закона, и «бурхана» очистили, подержав над жаровней, с какими-то благовонными травами. Изображений не должен также касаться прах.

Посреди кибитки горел под таганом огонь, поддерживаемый тамарисковыми ветвями и корнями; на тагане стоял котел. Для гостей приготовили небольшие скамеечки, на которые и ставились кушанья. Таким образом, в кибитке было больше мебели, нежели у киргизов. Самые кибитки называются «ургами»; они очень похожи на киргизские «карауи». Замечательно, что эта форма жилищ распространена по всей огромной Центральной Азии, у народов самых различных рас, не имеющих даже сношений между собой. Материал, из которого кибитки делаются, свидетельствует о бедности страны другими сырыми продуктами, а форма действительно самая удобная и практичная.

Около палатки было водружено в землю копьё — знак резиденции старшины. Вокруг росли высокие, как дере-

вья, кусты тамариска. Они доставляют материал для выделки разной посуды и другой обиходной утвари, которую монголы мастерят сами. Значительную часть домашней утвари и продовольствия, например муку, они привозят из Синина.

Наши знакомцы монголы были настоящими кочевниками. Когда скот их съест весь подножный корм в одном месте, они переходят на другое. Аул их был расположен очень благоприятно, в сухом русле реки; воду они доставали из колодца; из колодца же поили по вечерам животных. Особенно развито у монголов коневодство. По всей окрестности разносилось лошадиное ржание; по вечерам женщины доили кобыл. Кумыс, или закисшее и перебродившее кобылье молоко, и является главным напитком монголов. Они держат также много овец, верблюдов и рогатого скота, земледелием же вовсе не занимаются.

В сумерки в ауле начиналась суета — приходил скот; женщины с длинными косами, в широких войлочных шапках, то и дело сновали между рядами сытых кобыл и блеющих овец, мужчины загоняли стада, а стая длинношерстных черных собак подымала страшный гам. В полуоткрытых кибитках блестели огни, и мы в полном смысле слова наслаждались благодатным отдыхом в этом совершенно летнем климате после долгого пребывания в холодных неприветливых горах.

Хотя мои слуги-мусульмане в глубине души презирали монголов, считая их дикарями и язычниками, обе стороны прекрасно уживались, стараясь понять друг друга. Можно было умереть со смеху, глядя, как Дорча совершенно серьезно выделял невероятные жесты и гримасы, чтобы растолковать что-нибудь мусульманам. Он кричал им, словно глухим, корчил гримасы, как будто лицо у него было из гутаперчи, прыгал и подскакивал точно клоун. Зато когда слушателям наконец удавалось понять его, удовольствию его не было границ. Он хохотал во все горло и долго кивал головой, словно фарфоровый китайский болванчик.

12 октября. С самого восхода солнца в лагере царствовали суматоха, шум и беготня, обычные при формировании нового каравана. Вьюки взвешивали и располагали попарно. Ягданы с хрупкими вещами предназначались для более

спокойных лошадей, вещи поглубже, палатки и провиант — для более резвых. Весь аул со старшиной во главе был на ногах. Нам не хватило веревок, и их тотчас же доставили. Женщины нанесли нам молока на два дня. Когда караван уже отъехал порядочный конец, нас догнал один молодой монгол, только теперь решившийся продать своего «бурхана».

Караван с виду был очень хорош и быстро подвигался к востоку под предводительством опытного Дорчи. Я с чувством особенного удовольствия озирался на сытых, крепких, отдохнувших лошадей, которые теперь должны были служить нам долго.

13 октября. В Цакше мы нашли 10 монгольских кибиток, т. е. столько же, сколько в Ихэ-цаган-голе. И здесь я встретил дружественный прием у старшины; все члены его семьи были заняты изготовлением стремян из ветвей тамариска и ремней.

На следующий день мы стали лагерем на берегу реки. Вечером явилась толпа монголов, желавших продать материи из Лхасы; они принесли с собой водки в двух медных кувшинах. Водкой этой они вместе с Дорчей наугощались так, что принялись громко кричать и вызывать мусульман на единоборство. Борьба имела то хорошее последствие, что полупьяные монголы значительно протрезвились.

16 октября мы прошли 20 километров до Тогда-гола. Ночь была холодная, минимальный термометр упал за ночь до $-16,3^{\circ}$. Здесь было, таким образом, гораздо холоднее, чем в Тибете; континентальная зима с ее суровыми холодами была уже не за горами. День выдался ясный, чудесный; на юге ясно обрисовывались горы, носившие у местных жителей название Карангуин-ула, или Черные горы. Тогда-гол течет по очень глубокому и узкому руслу, через которое трудно было перебраться, не замочив ног. Очутившись на другом берегу, мы постарались поудобнее расположиться в кустах тамариска, намереваясь посвятить следующий день отдыху.

Проводник наш Дорча получил здесь расчет и мог вернуться в свои пустынные горы, к диким якам. Вместо Дорчи я нанял молодого, высокого, крепко сложенного монгола по имени Лопсен, который много раз бывал в Лхасе

и Синине и, таким образом, прекрасно знал эту область. Он оказался одним из лучших моих слуг, всегда был весел и бодр и освежал мои познания в монгольском языке. Лопсен живо добыл мне несколько «бурханов» и «танка» — род хоругвей с изображениями далай-ламы и банчин-богдо*. Как он их достал, не знаю; должно быть, просто-напросто сташил их у наших соседей, так как очень боялся, чтобы они не увидели этих предметов.

20 октября прошли по тамарисковым чащам, зарослям камыша и пустынным участкам 20 километров до Тенгелик-гола. Южные горы носили здесь название Номохунула. Вообще у цайдамских монголов нет для этих гор одного общего названия, а все местные. На следующий день наш путь свернул слегка к северу, так что южные горы ступевались, тогда как северные вырисовывались все яснее. По степным и бесплодным участкам прошли мы 28 километров до Ова-тёгёрука, где раскинулось несколько монгольских кибиток и где нас, по обыкновению, радушно встретили. Живущие здесь монголы принадлежат к большому племени тадженур.

Монголы эти ходят всегда в длинных бараньих тулупах с поясом, из-под которого они вытягивают тулуп настолько, что он образует как бы мешок, надетый на верхнюю часть туловища. Он и служит мешком, куда они кладут разные вещи; кроме того, они носят у пояса нож, трубку, кисет с табаком и шипчики, которыми выщипывают волосы из бороды, если она растет слишком густо. Сапоги они носят с остроконечными носками. Голову прикрывают островерхой или круглой шапочкой; часто также головным убором служит кусок войлока, завязанный на затылке узлом; ходят и простоволосыми. Волоса у них по большей части коротко острижены, густые, темного или черного цвета. Косы у мужчин встречаются в Цайдаме гораздо реже, чем в собственной Монголии.

Цвет кожи у них красновато-смуглый от постоянного пребывания на свежем воздухе, а также отчасти и от грязи; зубы мелкие, желтоватые, но, по-видимому, долго сохраня-

* Духовное лицо, равное в тибетской иерархии далай-ламе.

ются. Скулы выдающиеся, нос приплюснутый, небольшой, голова круглая, как шар, впереди плоская, растительность на подбородке редкая; тонкий пушок развивается у мужчин после тридцати лет от роду в весьма редкую бородку.

В Ова-тёгёруке мы достали два мешка ячменя; это было тем более кстати, что перед нами на два дня пути расстилась пустынная область. Для перевозки этого запаса приобрели молодую кобылу. В течение дня отдыха Исламбай занялся очисткой и описью кухонных ящиков, причем открыл целый мешок кофейных зерен и бутылку сиропа, подаренную мне больше года тому назад патером Гендриксом. Кофе, чередуясь с чаем, внес приятное разнообразие в меню, сироп пошел на десерт.

23 октября нам пришлось перейти через Хара-усу, т. е. Черную реку. Скользкие берега круто обрывались в реку, и нам пришлось заступами наделать в глине ступенек для лошадей. Лопсен, знавший брод, спустился первым, но едва лошадь сделала шага четыре по воде, как погрузилась в ил до луки седла, и всадник промок до пояса. Исламбай попытал счастья в другом месте, но так же неудачно.

Мы остановились. Люди принялись разъезжать по берегу в обе стороны, но и в ту и в другую сторону река становилась еще уже и глубже, и Лопсен заявил, что другого брода нет. Он был очень удивлен такой прибылью воды и полагал, что она вызвана сравнительно теплой погодой за последние дни и обильным выпадением снега в области Бурхан-Будды, белые вершины которого сияли на юге.

Глубина самой воды не превышала одного метра, но беда была в том, что лошади глубоко погружались в ил и того и гляди могли завязнуть. При переправе при таких условиях могли намокнуть и ягданы до самых замков.

Разбили палатку, лошадей пустили пастись, а в дно реки воткнули шест с надрезами, чтобы отмечать изменения уровня. К следующему утру воды ubyло только на 2 сантиметра, а камыш был уже съеден нашими лошадьми дочи-ста. Лопсен и двое других людей повели поэтому животных обратно к пастбищам Ова-тёгёрука.

И надо же было случиться такой задержке! Я стал волноваться, так мне не терпелось вернуться на родину. Вот уже

полгода я не получал никаких известий оттуда. Я был одинок в течение трех лет с лишком, проведенных мной в сердце этого бесконечного континента, берега которого казались мне просто недостижимыми.

Меня занимало каждый вечер подсчитывать, сколько километров мы прошли за день, и затем вычитать это число из тысяч километров, которые нам предстояло вообще пройти до нашей отдаленной цели, до Пекина. От Хара-усу оставалось до него 2025 километров. Сколько терпения нужно будет еще затратить на этот путь, сколько ждет нас еще приключений, прежде чем мы на своих усталых лошадях въедем в ворота этой крайней столицы Востока!

Утром 25 октября вода наконец спала настолько, что мы могли перебраться через реку. Ящики подняли на седлах повыше, и каждую лошадь повел особый человек. Ил, под тяжестью животных, становился все более рыхлым, и последние лошади погрузились особенно глубоко. Но все обошлось благополучно.

До Пекина осталось теперь 2000 верст.

XXII. Разбойники-тангуты

26 октября мы прошли целых 39 километров и достигли северного края Цайдамского бассейна. Путь наш шел все в том же направлении и по таким же пустынным областям. Лишь изредка этот безмолвный, пустынный, хотя и не лишенный живописности пейзаж оживлялся неприхотливыми кустами тамариска и саксаула; чем они питались — Бог весть, так как почва была суха, как трут, и в течение целого дня мы не видели ни капли воды.

Мы миновали целый ряд низких глинистых перевалов. На первом из них находилось «обо». На втором монголы поставили небольшие шесты из корней и ветвей саксаула, которые и служат путевыми знаками для путешественников. Там и сям между холмами расстилались ровные, как пол, участки, белевшие выцветами соли. По словам Лопсена, после дождей участки эти заливались водой.

За последним перевалом расстилалась к северу, насколько хватал взор, бесплодная, песчаная равнина, обещавшая хороший путь нашим усталым, томимым жаждой лошадям. Наконец на севере заблестело озеро; это был залив Тоссонора, окруженный словно рамкой глинистыми террасами и холмами, которые довольно круто спускаются к воде. Здесь маршрут наш слился с описанной Пржевальским дорогой из Дзун-дасака в Северный Цайдам.

Достигнув местечка, где густо разросся камыш и кусты тамариска и где мы нашли пресную воду, мы разбили палатки. Местечко было славное, и только теперь я понял, почему озеро называется Тоссонор, т. е. Жирное озеро. Согласно объяснению Лопсена, озеро называлось так потому, что располагающиеся здесь кочевники не терпят недостатка ни в топливе, ни в воде, ни в подножном корме для скота, словом, «как сыр в масле катаются».

На следующий день мы сначала следовали по самому берегу к северу, но затем, когда прибрежная полоса стала неровной и затруднительной для передвижения, мы снова поднялись на ровную, открытую, усыпанную крупным песком и щебнем береговую террасу. Теперь путь повел почти прямо к востоку. Пройдя 25,5 километра, мы расположились лагерем около Лакимтос-«обо», самого красивого из виденных нами: оно было сложено на пустынной возвышенности и виднелось издалека. Состояло «обо» из трех кубической формы жертвенников из сырцового кирпича, покоящихся на пирамидальных пьедесталах. Вокруг них было воткнуто одиннадцать шестов, обрисовывающих прямоугольник; между ними было протянуто множество веревок. От четырехугольных угловых шестов шли диагоналями веревки к шесту вышиной 3,6 метра, укрепленному на самом большом жертвеннике. На среднем жертвеннике зияло четырехугольное углубление. Лопсен сунул туда руку и вытащил множество длинных, узеньких полосок бумаги с тибетскими письменами. По его словам, здесь были замурованы и «бурханы», но он побоялся их трогать.

При лунном свете «обо» имело совершенно фантастический вид. Три пирамиды рисовались какими-то призраками, тысячи лоскутков тихо развевались по ветру, слов-

но хотели навясть мир на мятушуюся душу. Странные звуки нарушали безмолвие ночи. Можно было подумать, что озерные духи устроили воздушный хоровод над темной водной поверхностью. Но это попросту крикали утки в камышах. У восточного края озера светилось во мраке два огонька.

28 октября. Мы были одни в этой пустынной области. Ни признака жизни кругом. Лишь валяющиеся там и сям лошадиные остовы указывали, что это проезжая дорога. С самого Тенгелика мы не встречали ни одного путника-монгола. Лопсен говорил, что чем дальше к востоку, тем местность становится небезопаснее благодаря разбойникам-тангутам.

30 октября. Куда девалась веселость нашего Лопсена? Он ехал хмурый, молчаливый, не отрывая глаз от горизонта. Я спросил его о причине такого мрачного настроения; он покачал головой и сказал, что теперь мы приближаемся к опасным местам. Он и просил нас держать оружие наготове. Мы до сих пор не встречали тангутов по дороге, но они могли видеть нас, могли выследить нас и в лучшем случае украсть у нас лошадей. Мы зарядили все три ружья и пять револьверов и роздали их людям вместе с достаточным количеством патронов.

31 октября мы двинулись по степной области к Кёвве-кудуку (Прибрежному колодцу), находящемуся на южном берегу Хара-нора, т. е. Черного озера. Озеро это является центральным бассейном небольшой, не имеющей стока области, в которой собираются воды, стекающие с окраинных гор области. Теперь все русла были сухи. По северному берегу тянулись между озером и горами желтые песчаные барханы, а южный изобиловал сочной растительностью: колодец оказался соленоводным. Но до следующего

Мальчик-монгол
из Южного Цайдама

источника оставался целый день тяжелого пути, и мы принуждены были поэтому остановиться здесь, хотя и прошли всего 14 километров.

Здесь стерегла наших лошадей другая беда. На мягкой, рыхлой почве явственно отпечатались бесчисленные следы медведей, являвшихся сюда из гор лакомиться ягодами. Лопсен советовал зорко следить за лошадьми, так как медведи имеют привычку залегать в кусты и оттуда хватать лошадей. Поэтому пришлось привязать лошадей на ночь в лагере между палатками.

Кроме того, мы каждую ночь выставляли двух караульных, которые сменялись через два часа. Чтобы не заснуть и в то же время давать нам знать, что они не спят, караульные должны были время от времени бить в кастрюли за неимением более подходящего инструмента. Петь им было позволено, сколько душе угодно, чтобы прогонять дремоту, и я, часто просыпаясь ночью, слышал их заунывные однообразные мусульманские напевы. На заре караульные ложились спать и поручали нас охране собак.

1 ноября. Ночь прошла спокойно. Ни о медведях, ни о тангутах не было ни слуху ни духу. Скоро озеро скрылось из виду, и мы очутились в довольно широкой долине, с отлогим подъемом в направлении нашего пути. По обе стороны шли средней высоты горные кряжи с зубчатыми, свободными от снега вершинами. Дорога шла посреди долины между степными участками, кустами и зарослями камыша, вдоль сухого теперь русла, являющегося в летнее время водной артерией области. На дороге виднелись совсем свежие следы медведя, и так как он направился в ту же сторону, куда шли мы, то Ислам-бай и Лопсен, выпросив позволение выследить медведя, исчезли между кустами.

Караван шел около самых гор, бывших по правую руку. Когда дорога стала завертывать, огибая скалистый выступ, я и Эмин-Мирза остановились, чтобы произвести некоторые наблюдения. Горные породы были представлены здесь темно-лиловым сланцем. Затем мы догнали караван, достигли середины долины и спустя приблизительно час с удивлением увидели несущихся назад вскачь Исла-

ма и Лопсена. Они держали ружья над головой и кричали: «Разбойники-тангуты, разбойники-тангуты!»

Наконец они подскакали к нам, а вдали показались 12 вооруженных тангутов, окутанных облаками пыли. Я скомандовал остановиться и спешиться. Вьючных лошадей поставили под прикрытие кустов тамариска и поручили надзору одного из людей. Оружие было заряжено, и мы с Исламом, Парпи и Лопсеном заняли позицию на вершине глинистого бугра.

Все мы спешили и сбросили с себя тулупы. Парпи уже раз, два с половиной года тому назад, побывал в такой переделке, когда тангуты напали на караван Дютрейля-де-Рина и убили последнего около Там-будды. Пржевальский и Роборовский также подвергались нападению в этих местах, и я вполне сознавал серьезность положения.

Тангутов, как сказано, было 12 человек, и Лопсен уверял, что у них, без сомнения, у всех были ружья. У нас же имелось всего три ружья и пять револьверов, так что на стороне неприятеля был значительный перевес. Ислам и Лопсен стреляли лучше нас всех. Но тангуты также хорошие стрелки, целятся долго и хладнокровно и не стреляют на ветер.

Что же нас ожидало? Неужели караван будет уничтожен, а с ним погибнут и труды последней экспедиции? Нет! Опасность была не так велика, как казалось. Увидав, что нас много и что в руках у нас блещет оружие, разбойники остановились шагах в 150.

Когда пыль улеглась, мы ясно разглядели разбойников. Они оживленно совещались, сильно жестикулируя и крича. Надо было ожидать, что в результате они найдут нападение на нас рискованным. Мы пока что выжидали на бугре. Я спокойно продолжал курить трубку, что, видимо, успокаивало моих людей, и рассматривал тангутов в бинокль, который у меня всегда был под рукой. После минутного совещания разбойничья толпа повернула под прямым углом направо, к подошве южных гор, где и разделилась. Половина пустилась по теснине между скалами, а половина, когда мы вновь сели на коней и сомкнутой кучкой поехали дальше, направилась параллельно нашему пути, в расстоянии всего двух ружейных выстрелов от нас.

Долина между тем сузилась, и путь вел через узкое ущелье. Лопсен боялся, что тангуты поторопятся вперед, чтобы залечь за скалами и оттуда обстреливать нас. Но другого пути не было, вернуться назад тоже было невозможно. Надо было, следовательно, постараться пройти ущелье прежде, чем тангуты успеют занять выгодные позиции. У них, однако, было то преимущество перед нами, что они в мельчайших подробностях знали свои скалы, балки и места, удобные для засады. Кроме того, наши лошади были тяжело навьючены, а лошади тангутов не обременены ничем. Тангуты заметно и обгоняли нас, мало-помалу приближаясь к дороге, но затем исчезли между скалами.

Мы изо всех сил погоняли лошадей к ущелью, защитив правый фланг каравана стрелками. Тут мы снова увидели тангутов. Они остановились и, по-видимому, не намеревались нападать. Мы благополучно и проехали ущелье, держа курки на взводе и не сводя глаз со скал, бывших по правую руку.

По ту сторону ущелья долина снова расширялась, и мы были рады опять очутиться в открытой местности. Лопсен полагал, что тангуты взяли в обход по горам, намереваясь преследовать нас. Мы, пройдя в общем 34 километра, расположились лагерем; тут было прекрасное пастбище и пресное озерко, питаемое источником. Костер для приготовления пищи разложили низенький и в укрытом месте, чтобы огонь не слишком выдавал нас. Лопсен очень тревожился, говоря, что тангуты могли наблюдать за нами, притаившись в траве.

Во мраке ночи они и дали о себе знать. Вокруг лагеря стало со всех сторон раздаваться их неприятное перекликанье, напоминавшее голоса гиен или шакалов. Лопсен знал эту их хитрость: они таким путем узнавали, есть ли у намеченных ими жертв сторожевые собаки.

Если действительно таково было их намерение, то они могли увериться, что собаки у нас есть. Последние всю ночь яростно лаяли и бросались к озерку, поблизости которого тангуты, видимо, привязали своих лошадей. Лопсен не находил слов для выражения своей ненависти к тангутам вообще: говорил, что они сами не лучше собак и проч.

Ночь прошла тревожно. Люди расхаживали взад и вперед, лошади фыркали и ржали, кастрюльный бой и крики правильно чередовались, словом, мы не на шутку попали в осадное положение. Замыслы тангутов, однако, так и не удались: им не пришлось увести у нас ни одной лошади.

Тангуты — известные разбойники и воры, грабящие своих мирных соседей, монголов. Последние, отправляясь в большие праздники в монастырь Гумбум, собираются поэтому в большие вооруженные партии, так как миновать область тангутов никак нельзя.

На восходе солнца мы приготовились выступать. Тангуты снова удалились на приличное расстояние. Но, как только караван наш двинулся к востоку, они появились опять и заняли оставленное нами место. По пустым спичечным коробкам, обрывкам газетной бумаги, огаркам свеч они узнали, что тут им пришлось бы иметь дело не с простыми монголами, и они, должно быть, поэтому и отказались от дальнейшего преследования.

2 ноября мы продолжали путь почти прямо к востоку и прошли целых 43 километра по обширным степным участкам между обеими горными цепями. В горных долинах держалось, по слухам, множество тангутов; и действительно мы видели на пути бесчисленное множество их пересекающихся следов. Поверхность была ровная и удобная для езды, и мы быстро подвигались вперед, хотя некоторые из наших лошадей и были уже плохи. Три раза видели большие стада куланов, скрывшихся в горы.

На следующий день лагерь мы разбили на правом берегу реки, в чудесном местечке, недалеко от кибитки тангутов. Мы нарочно хотели показать тангутам, что не боимся их. Двое встретившихся нам всадников тотчас обратились в бегство, и только под вечер двое других, вооруженных длинными мечами, отважились приблизиться к моей палатке. Одеты они были совсем как монголы, но ни слова не понимали по-монгольски.

Лопсен в течение своих четырех паломничеств в Лхасу успел выучиться тангутскому наречию, и мы с его помощью могли объясниться с тангутами. Дружелюбный прием несколько ободрил их, но все-таки видно было, что они

еще не знают хорошенько, что им думать о нас, как относиться к нам. Они, впрочем, продали нам овцу и принесли вечером молока.

Мы с намерением выбрали для лагеря поросший кустарником островок, между двумя рукавами реки, откуда нам видна была долина. Топлива тут было довольно; река весело журчала по камням. Лошадей отвели пастись на ближайшую лужайку, где они всю ночь и охранялись двумя вооруженными людьми.

XXIII. Страна хара-тангутов. Куку-нор

Около Дулан-юна (Теплой реки) мы отдыхали весь день 4 ноября; измученные ночные караульные наши храпели весь день. Лопсен, впрочем, и тут советовал нам глядеть в оба, не доверяя наружному дружелюбию и бескорыстию тангутов, продавших нам овцу и молоко всего за один лан. Лопсен опасался, что они намеревались наверстать свое кражей.

После многих отговорок он наконец согласился сопровождать меня к двум соседним кибиткам, а сначала так и слышать об этом не хотел, да и слуги мои мусульмане отговаривали меня. Я же не видел в этом ничего опасного, так как собирался посетить тангутов безоружный, как добрый сосед.

Две черные кибитки были разбиты одна возле другой. Около кибиток встретили нас шесть сердитых, черных псов. Потом вышел тангут, прогнал собак и, узнав от Лопсена истинную цель нашего посещения — мое желание посмотреть на их житье-бытье, пригласил нас войти. Я вошел и расположился около огня. Две женщины кипятили в котле чай с мукой и маслом. Одна из них, молодая, была женой хозяина кибитки. У нее было приятное лицо с бойким, веселым выражением; у груди ее лежал малютка, которого она кормила, все время не сводя с меня глаз. Другая была препротивная старуха; около нее сидела девочка лет пяти. Одежда женщин и самого хозяина была та же, что и у монголов. Тулупы были наброшены на левое плечо,

остальная же часть туловища до самого пояса была обнажена. Молодая женщина отличалась крепким и красивым сложением; цвет тела был смугло-желтый. Типом тангуты, по крайней мере в глазах тех, кто видит их впервые, сильно напоминают монголов. Можно было бы даже принять их за монголов, если бы не другой язык и не другая конструкция кибитки.

Посреди кибитки, против входа, стоял на ящике такой же жертвенник, как и у монголов, а на шее у хозяина висел такой же футлярчик с «бурханом».

Нас угостили чаем. Я расспросил насчет устройства кибитки, узнал, как называются разные ее части, и занес все это в записную книжку. Это встревожило Лопсена. Он опасался, что тангуты могут заподозрить нас в дурных намерениях. Женщины умирали от хохота при моих отчаянных усилиях выговорить трудные слова тибетского наречия с нагромождением согласных в начале слов. При этом они не сводили с меня глаз. Волосы у них были заплетены во множество косичек, обрамлявших их грязные лица и спадавших на плечи, на спину и на грудь. В самую среднюю, спускавшуюся по спине, косу и в две боковые были вплетены красные и синие ленты, лоскутки материй и разные бусы, которые болтались и били по спине при каждом движении головы. Нельзя сказать, чтобы это было особенно удобно.

Кибитка имела квадратное основание и была раза в три-четыре просторнее обыкновенной монгольской или киргизской юрты. Формой она напоминала низкую усеченную пирамиду. Посреди ее шел ряд шестов, поддерживавших парусину, т. е. черный, грубый, домашнего тканья холст; между шестами было продолговатое отверстие для выхода дыма.

Вокруг кибитки была вырыта канава для стока дождевой воды. Посреди кибитки виднелся очаг, сложенный из плоских камней с углублениями для котлов и отверстием внизу для тяги. Между двумя рядами таких же камней хранился запас помета для топлива.

Вдоль стен расположены были холщовые и кожаные мешки с ячменем, мукой, салом и солью. Мешки эти также защищали обитателей кибитки от сквозняка, пробиравшие-

гося снизу под ее полами. На рваных кошмах около огня валялись в живописном беспорядке тулупы, козьи бурдюки, куски холста, веревки, сапоги, ружья, два меча, медные котлы, деревянные чашки, чайники, китайские фарфоровые чашки, четырехугольные ящики для муки, раздувательные мехи, седла и сбруя. Большую часть этих предметов, даже мечи, тангуты изготавливают сами. Священные сосуды, «бурханы» и т. п. были привезены из Лхасы и Гумбума, а часть остальных вещей из Синина.

5 ноября. Ненастье, небо хмурое, земля покрыта снегом — необычайное зрелище с тех пор, как мы оставили Тибет. Утром в лагерь явились 10 человек тангутов, вооруженных прямыми острыми мечами и одетых в пестрые, синие и красные, одежды, в остроконечных шапках на головах. Костюм придавал им некоторое сходство с солдатами. Они принесли нам два кувшина молока и предлагали купить у них лошадей. Цены они запросили, однако, несурзные, и покупка не состоялась.

Они с любопытством рассматривали наши пожитки, безо всякой, впрочем, назойливости, и вообще были очень добродушны и разговорчивы. Особенным почтением прониклись они к моему револьверу, заряженному шестью пулями. Я хотел нанять одного тангута проводником, но они ответили, что иначе как вдвоем не согласны. Я согласился и давал каждому по 12 лан до Синина, но они требовали 16 лан (около 23 рублей), когда же я пошел и на это, они отговорились тем, что у них нет свободных лошадей. Наверное, они просто не доверяли нам и боялись отправиться с нами. К счастью, Лопсен отлично знал эту область. Вообще, это был лучший из всех наших проводников.

Долина постепенно шла вверх, между покрытыми землей округленными горами, средняя часть склонов которых поросла хвойным лесом. Посреди долины я увидел своеобразный, похожий на пирамиду предмет. Это был глиняный куб с таким же цилиндром на нем. Лопсен объяснил, что это «субурган» и что, значит, вблизи есть кумирня. Через минуту мы и приблизились к стенам Дулан-кита, первого встреченного нами оседлого поселка с тех пор, как мы выехали из Копы. Внутри стен находилось несколько домиков;

нижняя часть их была каменная, верхняя глиняная; было тут и несколько кибиток. Жители принадлежали к племени банга-монголов, пользовавшемуся дурной славой.

В западной части поселка возвышался большой четырехугольный дом с плоской крышей и окнами. Это и была кумирня, или кит. Здесь проживал главный лама 25 куку-норских племен по имени Худыктын-гэгэн. Он монгол, воплощающийся в Дулан-ките в течение 6100 лет. Когда он достигает 61 года от роду, он ложится и умирает, но снова возрождается в лице какого-нибудь маленького ребенка, который и делается его преемником. В Монголии, Гумбуме и Тибете насчитывается 61 лама такого же класса.

Пройдя 26 километров, мы разбили палатки сейчас на восток от Цаган-нора (Белого озера). Озеро было стиснуто боками долины, и гранитные скалы во многих местах круто обрывались в воду выветрелыми крутыми отрогами. Лес поредел, и последние деревья росли уже так высоко на склонах, что до них не достать было. Насчет топлива у нас было поэтому туговато.

Лопсен был в большом горе, у него пропала сумка с провизией и 10 ланами серебром, на которые он собирался купить

Кибитка тангутов близ Дулан-юна

Мальчик-тангут

в Гумбуме верблюда. Сумка служила ему подушкой ночью, и, верно, наши почтенные гости тангуты украли ее утром, пока люди выучили лошадей. Я пообещал ему возместить его потерю, если он достанет мне в Гумбуме несколько красивых священных флагов из кумирни, и Лопсен мой утешился.

6 ноября. Ночью в долине, по соседству от лагеря раздался пронзительный вой. Я был вполне уверен, что это опять преследуют нас тангуты, намереваясь преградить нам путь.

Собаки бешено лаяли, и караульные то и дело перекликались. Но я так устал, что заснул, несмотря ни на что. Утром я узнал, что суматоху эту подняли три волка, подкравшиеся ночью к моей палатке и погрызшиеся с собаками.

Выступив в путь, мы направились по широкой, поросшей травой долине сначала к северо-востоку, затем к северу. Посредине долины выступала из почвы отдельная острокопечная скала, похожая на гигантский зуб. Здесь нам попался в высшей степени оригинальный памятник. Это была четырехугольная стена, сооруженная из гранитных плит толщиной в три четверти метра и примыкавшая к скале. В стене были широкие ворота, которые вели во двор, вымощенный каменными плитами; каждая сторона его имела около 12 метров в длину. Выветрелые камни и покосившиеся стены памятника говорили о его древности. Высота стен равнялась полуторному человеческому росту. Стены были увенчаны сланцевыми плитами с выцарапанной на них обычной молитвенной формулой. Боковые стены были с внутренней стороны увешаны клочками шерсти, лоскутками материй и костями, тоже покрытыми письменами.

Хотя сооружение это, без сомнения, играло первоначально роль крепостцы, жители этой местности считали его, по-видимому, за «обо». Со двора можно было проникнуть

в высокий и длинный грот в скале, неправильные и выветренные стены которого свидетельствовали о его естественном происхождении. Все стены были испещрены черными китайскими письменами. Место это называлось Ганджыр.

Мы спустились с перевала и остановились, пройдя за день 25½ километра, около небольшого, мелководного ручейка. Для костра пришлось удовольствоваться пометом куланов. Зато подножного корма тут было вдоволь. Здесь встретили мы караван из 50 тангутов, шедший из долины Дулана. Тангуты были очень удивлены, но не выказали никаких признаков враждебности и сообщили, что ездили в Донкыр за мукой и другой провизией на зиму. Сами они ехали верхом на лошадях, а мешки с мукой и прочий багаж везли на яках.

7 ноября. Всю ночь тангуты шныряли вокруг нашего лагеря, но украсть наших лошадей им так и не удалось, и утром они тронулись в путь раньше нас.

Переправа через речку представила большие затруднения. Ислам-ахун из Керии, ехавший на одной из выючных лошадей, попробовал было пуститься вброд по воде, кишевшей льдинками. Но речка оказалась такой глубокой, что лошадь чуть не потонула. Всадник взял холодную ванну, а выюк весь вымок. Парпи-бай попытал счастья в другом месте, повыше, но с тем же результатом. Наконец Лопсен нашел сравнительно мелкое место, где лед пришлось рубить топором.

8 ноября. Зима снова набросила на окрестность свой холодный, белый ковер. Ночью шел снег и жалобно выли волки. Но когда взошло солнце, снег растаял. Едва мы оставили лагерь, как место наше заняла стая волков в надежде поживиться чем-нибудь после нас. На собак наших они не обращали ни малейшего внимания, да те и остерегались приближаться к ним.

Мы все больше удалялись от Южно-Кукунорского хребта, снежный гребень которого рисовался вдаль все более легкими, неясными тонами. Там и сям опять зачернели кибитки тангутов. Раза два мы видели стада и всадников. Вдали на востоке горизонт был очерчен ровной темно-синей линией; это и был Куку-нор. Мы разбили лагерь,

пройдя за день 22½ километра. Вечер выдался тихий, ясный, звезды так и сверкали, а окрест лагеря в ущельях мерцали огоньки тангутских костров.

9 ноября мы сделали небольшой переход, так как одна из лошадей пала в начале пути, а многие из остальных были очень изнурены. Безграничная водная поверхность Куку-нора выступала все яснее. Местность медленно понижалась по направлению к берегам озера. Вода была непрозрачна, должно быть, от волнения. На вкус она была значительно менее солоновата, чем вода севернотибетских озер.

Около ручья Бага-улан мы сделали привал. Из этого лагеря открывалась величественная панорама. Озеру, отливавшему голубоватыми и зеленоватыми тонами, казалось, не было границ; это было настоящее море, уходившее из глаз. Далеко-далеко, налево и направо, виднелись горные хребты, но чем дальше, тем они становились ниже и наконец исчезали, как бы окутанные дымкой. Края их не сходились, оставляя широкий просвет на юго-восток. Здесь мне дышалось легче; я как будто ощущал свежее, влажное дыхание морского воздуха.

Итак, мы наконец достигли Голубого озера, по-тангутски Цо-гомбо, по-монгольски Куку-нор, по-китайски Цзин-хэ, расположенного на высоте 3040 метров над поверхностью моря, и нам предстояло следовать вдоль его берегов еще в течение трех дней.

Лопсен сообщил легенду о происхождении озера. В древности один лама выкопал здесь глубокую, огромную яму. Затем взял один белый и один черный корень какого-то растения, протянул их над ямой и переломил черный пополам. Тогда из корней обильно хлынула вода и заполнила яму. Если же бы он переломил белый корень, яма наполнилась бы молоком. И большое счастье, что не случилось так, — тогда жители этой местности были бы лишены любимого своего занятия — скотоводства. После того лама поднялся на высокую гору по соседству и сбросил оттуда на середину озера глыбу, которая и образовала остров.

10 ноября. В этом лагере мы лишились одной лошади. Вообще оказалось, что монгольские лошади плохи. Зато они недорого и стоили. У большинства из них, после месяца

путешествия, спины были уже стерты в кровь. Тангуты, применяющие лошадей исключительно для верховой езды, больше холят их, но и требуют за них дороже. Лошадь среднего достоинства стоит у них 20 лан. Можно было бы ожидать, что монголы, благосостояние которых гораздо больше связано с коневодством, нежели благосостояние тангутов, сумеют создать лучшую породу, но на деле не так.

Тангут из Бага-улана

У тангутов роль племенной скота играют вместо лошадей яки. Наши лошади, взятые из Хотана, были куда лучше этого нового комплекта. Путь до Копы они прошли без малейшего труда. Они были лучше упитанны, нежели монгольские лошади, которые пробавляются почти исключительно подножным кормом.

Путь наш снова направился к востоку в одном километре расстояния от озера. Весь день над водной поверхностью выдавался, словно холм, скалистый остров. Ландшафт сегодня был оживленнее. Нам попадались стада, пасшиеся под надзором женщин, детей и пастухов, вооруженных ружьями или мечами. Встречавшиеся всадники также держали на плече ружья с фантастической подставкой-рогатиной; за поясом же у них был заткнут меч. Тулуп, перехваченный поясом, был частью вытащен из-под него и спускался на него мешком. На ногах у них были сапоги с торчащими носками, а на головах остроконечные шапки.

Около обильной водой горной речки Ихэ-улан мы сделали привал. Ближе от нашего лагеря раскинулось 10 тангутских кибиток, а в ущелье, к северу, еще 20. Некоторые из обитателей ближних кибиток явились к нам в гости; у всех за поясом были обнаженные мечи из Лхасы. Они продали нам молока, овцу и одну лошадь. Но Лопсену не понравилось, что они увидели у нас столько серебра. Он твердил,

что все они негодяи и только из страха перед нашим вооружением не нападают на нас.

Тангуты обыкновенно спрашивали Лопсена, правда ли, что у нас в ящиках сидят солдаты, и он пресерьезно отвечал им, что в больших ящиках помещаются по два, а в ящиках поменьше по одному, да кроме того, оружие. Железную печку с ее странной трубой тангуты принимали за пушку. На вопросы, зачем же мы зажигаем ее по вечерам, Лопсен отвечал, что таким образом мы держим ее наготове: в случае опасности стоит только бросить в огонь пороху и ядер, и труба выпалит.

По словам тангутов, река должна была стать через 10—15 дней. Лед держится обыкновенно около трех месяцев, но бывает непрочен, так как в ясные, ветреные дни образуется множество полыней, трещин и промоин, которые снова замерзают лишь в тихую погоду. Самый ледяной покров достигает, говорят, толщины в локоть. Благодаря этим трещинам и полыньям паломники, отправляющиеся на богомолье в находящуюся на острове кумирню, не могут ехать на лошадях, но должны идти пешком. Запас продовольствия и топлива на три дня они везут на санках, смастеренных на этот случай из двух деревянных брусков, составляющих остов вьючного седла.

Часто, однако, случается, что на пути попадает непроходимая полынья, и паломники принуждены бывают вернуться назад; иногда же их захватывает оттепель на острове, и, чтобы переправиться обратно, они должны дожидаться, пока лед снова подмерзнет. Поэтому паломники никогда не рискуют посещать остров в такое время года, когда их может захватить вскрытие озера. Тогда им пришлось бы прожить тут до следующей зимы. Ламы, проживающие в одиночестве на этом пустынном острове, существуют приношениями паломников.

Кукунорские тангуты зимой держатся в степях около озера, которое, без сомнения, умеряет зимнюю стужу, а летом перекочевывают в северные горы. Главный старшина тангутов Ганцзы-лама. Он является как бы посредником между губернатором сининским и кочевниками и, как таковой, облечен властью творить суд и расправу. Всех преступ-

ников приводят к нему для допроса и следствия, которое нередко заканчивается смертной казнью. В особенно важных случаях лама сносится с губернатором, в других действует по собственному усмотрению.

В общем, страна, конечно, находится в руках китайцев, но способ управления их страной оставляет желать многого. Как и в Цайдаме, здесь мало китайских чиновников. В данном отношении обе эти провинции сильно отличаются от Восточного Туркестана с его превосходным административным устройством.

Монголы зовут своих хищных соседей хара-тангутами, т. е. черными тангутами, вероятно, за их черные кибитки, смуглый цвет лица и черные волосы, но не потому, чтобы слово «хара» означало, как старался уверить нас Лопсен, «дурной» и «злой».

Положение наше все еще оставалось ненадежным и заставляло нас постоянно быть настороже: мы ежеминутно могли ожидать нападения. Словом, мы держались как бы на военную ногу. К счастью, пошли опять светлые, лунные ночи, и наши ночные караульные могли обозревать окрестности. Собаки каждую ночь яростно лаяли, но обыкновенно тревогу поднимали большие желтовато-серые волки, которые подходили к нашим палаткам.

XXIV. Через Донкыр в монастырь «тысячи изображений» (Гумбум)

Мы отправились 12 ноября дальше к востоку. Дорога удалилась от берега озера. Последнее блестело вдали на солнце, словно клинок меча. Мало-помалу мы приблизились к северным горам с их редкими снежными вершинами. На юго-востоке виднелся мощный, покрытый снегом горный массив, а между ним и северным хребтом виднелась как бы выемка — перевал Хара-кёттель.

13 ноября расстояние, отделявшее нас от Пекина, убавилось еще на 32 ½ километра, но до Пекина все-таки оставалось еще целых 1500 верст! Ночь была холодная, минимальный термометр показал -18.4° . Платье обыкновенно

леденело за ночь, и мы согревались, только напившись горячего кофе.

По ту сторону перевала широкая долина медленно спускалась к Баин-хошуну, где мы и разбили лагерь около горной речки. Дорога обозначилась здесь уже явственнее. Узенькие тропинки, выбегавшие сбоку, сливались в большую широкую тропу, протоптанную бесчисленными копытами лошадей и рогатого скота.

Навстречу нам попался важный тангутский старшина в красной шапочке с белой меховой опушкой; за ним следовала целая свита, тоже верхом. Он сообщил нам, что в Донкыре находится одна русская женщина, а в Синине двое или трое русских. Я сразу понял, что дело шло об английских миссионерах; во Внутренней Азии всех европейцев зовут «урусами».

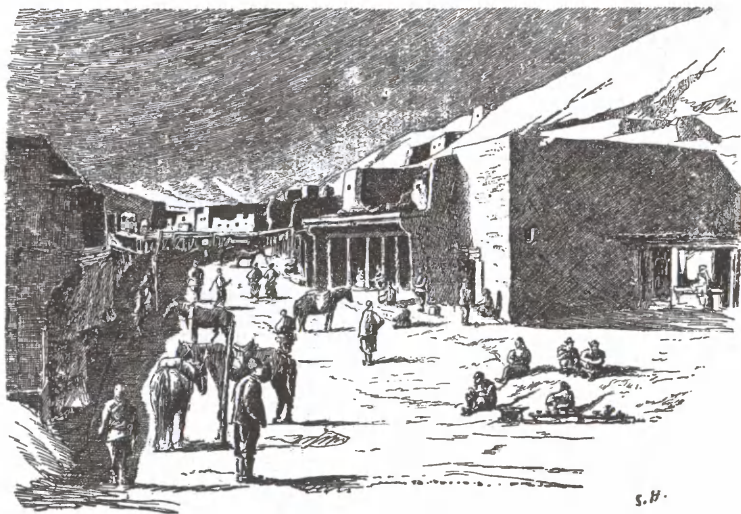
Затем мы встретили пятерых всадников, которые держали в поводу нескольких ничем не навьюченных лошадей. Лопсен сказал, что готов поклясться в том, что лошади эти краденые. Наконец, попался нам навстречу караван из 60 яков, навьюченных всевозможными товарами в холщовых и кожаных мешках и сумках. Караван сопровождали шесть вооруженных людей, между ними двое китайцев. Это были купцы из Синина, которые снабжали кукунорских тангутов ячменем и мукой.

14 ноября мы встретили огромный караван монголов из племени дзун-дзасак. Они 10 дней пробыли в Донкыре, делая разные закупки, и теперь возвращались обратно тем же путем. Видно, в этих областях поздняя осень лучшее время для долгих путешествий; летом дорога бывает преграждена разливом Бухаин-гола, Ихэ-улан-гола и других рек. Мы насчитали до 300 верховых; большинство были мужчины; многие вооружены ружьями. Мечи же имелись у всех. Были тут и женщины, в живописных, темно-синих и красных одеждах, и подростки. Закупленный провиант — муку, макароны, а также одежду, посуду и обувь — они везли по крайней мере на 1000 лошадях и 300 верблюдах. Животные шли тесными рядами, подымая пыль столбом. В общем, караван представлял оживленную, богатую красками картину. Мы не скоро миновали его. Из рядов каравана то и дело

слышались по моему адресу восклицания: «Урус!» Вооружение каравана составляли около полутора ста ружей; необходимость столь сильного прикрытия для каравана ясно говорила о том, насколько опасным, в сущности, являлся путь через страну тангутов.

Разумеется, такое полчище должно было уничтожать весь подножный корм на местах стоянок по пути. Караван вообще делал короткие переходы и подвигался медленно. Верховые ехали рядом с верблюдами. Оба фланга каравана были защищены одинаковым числом вооруженных людей; самый караван разбит на отдельные группы; расстояние между ними не превышало, однако, 20 шагов; предосторожность не лишняя на случай нападения. Земля дрожала от топота этой массы животных.

Монголы вьючат своих животных очень легко. Каждая лошадь несет только два небольших мешка, вес которых равняется всего третьей части обыкновенного среднего вьюка лошади. Как это обстоятельство, так и короткие переходы объясняют, что животные ничуть не утомляются в пути. В продолжение такого путешествия монголы

Главная улица в Ло-сэре

травят пастбища тангутов, а их собственные остаются тем сохранным.

16 ноября выдался интересный переход. Широкая, но каменистая дорога шла по левому берегу реки, и мы уже были гораздо ниже уровня зеркальных вод Куку-нора. Селения стали попадаться все чаще; жилища были осеяны тополями, березами, лиственницами и соснами, в вершинах которых ветер пел свою чудесную, знакомую нам песню.

Тракт становился все оживленнее; все чаще попадались проезжие верхом: китайцы, монголы, тангуты. Попадались и небольшие караваны ослов, навьюченных сельскими продуктами, и двухколесные арбы, запряженные мулами. На горных скатах паслись стада рогатого скота и яков, а на скалистых выступях возвышались кумирни и отдельные «обо». Все говорило о близости города.

Мы въехали в город и поехали по главной улице с домами, обращенными к ней живописными фасадами. С непривычки мы чуть не оглохли. Парпи-бай, отправившийся в город рано утром вперед нас, чтобы предъявить губернатору мой паспорт, встретил нас у ворот города и подал мне карточку «русской женщины», которая приглашала меня быть ее гостем. Я, хоть и полагал, что не совсем-то удобно обрушиться, как бомба, к одинокой даме, все-таки решил отправиться к ней подстрекаемый, главным образом, любопытством.

В дверях прекрасного китайского дома, с четырехугольным двором, встретила меня простоволосая молодая женщина в очках и китайском платье. Она приветливо спросила меня: «Do you speak english?» Я ответил утвердительно, и у нас завязался оживленный разговор. Она назвалась мистрис Рейнгард, врачом. По рождению она была американкой, но была замужем за голландским миссионером Рейнгардом, который месяц тому назад уехал в Пекин с капитаном Уэльби, только что вернувшимся из путешествия по Тибету.

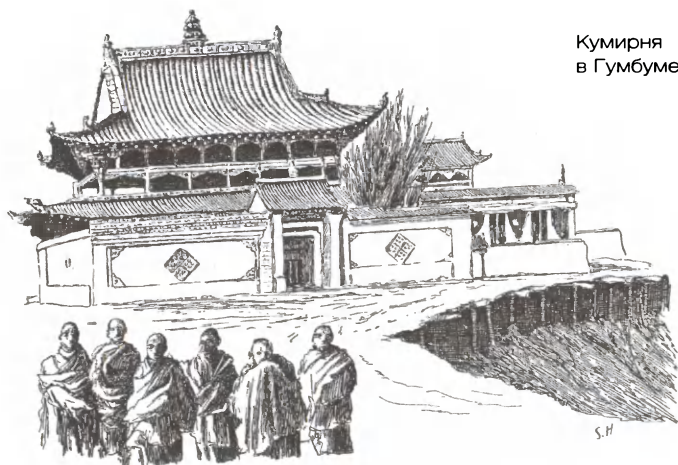
Мистрис Рейнгард оказалась олицетворением любезности и гостеприимства. Нечего и говорить, что я был в восторге от встречи с особой, с которой можно было побеседовать кое о чем поинтереснее пастбищ, опасных перевалов, диких яков и домашнего скота. Меня только удивляло, что муж ее отважился оставить ее одну среди грубого населения.

Но благодаря своим медицинским познаниям она успела приобрести здесь много друзей.

Я пробыл в Донкыре два дня, чтобы дать отдохнуть измученным лошадям. Я сделал визит губернатору, осмотрел город и имел случай познакомиться с посланцами от далай-ламы к китайскому императору. Каждые три года из Лхасы отправляют в Пекин подарки, и это единственная подать тибетцев. Дары состоят по большей части из разных материй, «бурханов», оружия, сушеных плодов и сандаального дерева; общая стоимость их достигает 5000 лан.

Главный посол лама Гарбуин Лозан Гиндун сообщил мне, что всего едет 300 всадников, а дары везут на 300 верблюдах. Гарбуин пригласил меня к себе и показал дары, предназначенные для императора. Я купил из них несколько кусков материй, статуэток богов, серебряный сосуд и еще кое-что, чего, таким образом, императору уже не досталось. Торгуясь, мы попивали чай из Лхасы при мерцающем свете масляных лампадок, горевших перед походным алтарем; двое лам пели перед ним и били в гонгонг.

В Донкыре мы пополнили запас провианта, и я с тех пор питался главным образом яйцами. Губернатор не пожелал отдать мне визита, и я дал понять его толмачу, что он, таким образом, нарушил правила и китайской и европейской вежливости.

Кумирня
в Гумбуме

Хозяйка моя сообщила мне относительно восстания дунган, что оно распространилось на Донкыр летом 1895-го и что сами китайцы подали к тому повод. Когда возмущение разразилось в области Синина, китайцы и здесь стали готовиться к войне, лили пушки, ковали мечи, словом, вооружались всячески. Многие, проживавшие в Донкыре дунганы подумали, что приготовления эти направлены против них, возмутились и бежали в сильно укрепленное место То-ба по дороге в Синин. Тут их осадили китайцы, и они, после нескольких месяцев мужественного сопротивления, должны были сдаться.

Объявление о сдаче привязали к острию стрелы и пустили ее в китайский лагерь. Дунганы сдавались под условием свободного пропуска из города. Китайцы обещали, но потребовали, чтобы все жители сложили оружие. Когда же те вышли из города безоружными, китайцы окружили их и большую часть убили. Остальные пробились и спаслись в горы. При сдаче То-ба там должно было находиться до 18 тысяч дунган.

Оставшиеся в Донкыре дунганы были очень встревожены и, опасаясь за себя, послали к губернатору депутацию с заверением, что они желают остаться верными императору и не имеют ничего общего с бунтовщиками. Их и оставили в покое. Но вот раз один китаец, женатый на дунганке, побил ее, и она в гневе крикнула, что скоро-де дунганы перебьют всех китайцев в Донкыре. Муж донес об этом властям, и в результате все дунганское население города, и женщины и дети, было вырезано, так что кровь ручьями лилась по улицам.

18 ноября я простился с мистрисс Рейнгард, и мы сделали небольшой переход до упомянутого выше селения То-ба. Один человек из То-ба уверил нас, что в городе нет ни одного двора, т. е. постоянного двора, и мы расположились прямо в поле. Самое местечко представляло, в сущности, груды развалин. Все улицы были завалены щебнем и обломками. Лишь кое-где виднелись вновь выстроенные китайские дома и лавки. Высокая четырехугольная крепостная стена была вся продырявлена ядрами. На башне развевались китайские флаги с высокопарными надписями, извещавшими о победе китайцев.

Без сомнения, дунганы, все вооружение которых состояло из копий и мечей, проявили большое мужество и недюжинные военные способности, если могли несколько месяцев выдерживать осаду города могущественным неприятелем. Но, конечно, им много помогали выгоды позиции: местечко полукругом обступили крутые горы, а перед ним течет река, мосты на которой были вовремя уничтожены.

Внутри крепостной ограды возвышается красивая китайская кумирня, состоящая из нескольких небольших башенок; изогнутые крыши их с острыми выдающимися углами были украшены головами драконов и разными орнаментами. Главной частью сооружения является пагодообразная башня с четырехъярусной крышей. Вся постройка красиво облицована зеленым каолином. Кучи кирпичных обломков и черепков фаянса свидетельствовали, что дунганы постарались испортить кумирню. Но даже и в испорченном виде она сохраняет величественный вид, гордо возвышаясь над развалинами То-ба и блестя на солнце своей красивой облицовкой. Около нее копошилось несколько китайцев, запасавшихся тут кирпичом для постройки себе новых жилищ.

На следующий день я разделил караван на две части. Парпи-бай с лошадиным караваном должен был отправиться прямо в Синин, а я, Ислам-бай, Лопсен, один монгол и 4 верблюда — в Ло-сэр, т. е. Китайскую слободу, около которой находится знаменитый монастырь Гумбум.

Итак, часть нашего каравана продолжала путь по главной долине, а я направил путь к югу по широкой долине с отлогим подъемом. Мы оставили реку направо и продолжали путь по мягким, округленным горным склонам, в которые врезалась дорога, местами высоко поднимаясь над речной долиной.

На скате холма расположилась амфитеатром слобода Ло-сэр. Сначала дома шли в ряд только по левую руку, но скоро крыши вынырнули и справа, и наконец мы вступили на треугольную площадь, где нашелся постоянный двор. Расположились мы в маленькой чердачной каморке, куда надо было втащить и все наши пожитки. Внизу у наших ног раскинулось все селение со своими дворами и закоулками, а на холмах на юго-востоке виднелись белые стены знаменитого монастыря Гумбума.

20 ноября. Утром я с Лопсеном пошел пешком в монастырь. Ездить по этим священным тропам нельзя — побьют камнями. На холмах амфитеатром раскинулось своеобразное царство кумирен, носящих в общем название Гумбума (Кум-бум), т. е. «Десяти тысяч изображений».

По левому берегу ручья Гумбум идет дорога, ведущая прямо к воротам, увенчанным субурганом (пирамидальной башенкой) с шаром, шпиком и четырьмя львами по углам. У ворот китайские купцы настроили ларей и продают богомольцам чашки, шелковые повязки, медную посуду, а также трубки, табак, ножи, сушеные плоды и пр.

Карабкаясь по крутым холмам и каменным ступеням, добрались мы до жилища «живого Будды». Это был 30-летний мужчина, коротко остриженный, безбородый, одетый в платье из темно-красной материи, оставлявшее руки обнаженными. Стены помещения были увешаны бесчисленными статуэтками, заключенными в резные и расписанные шкафчики, а также священными флагами и знаменами,

Лама

на которых были изображены разные тибетские божества. На возвышении около одной из стен сидел сам «живой Будда». Лопсен снял шапку и пал ниц перед ним. Он милостиво протянул руки и благословил Лопсена. Затем он предложил нам чаю и осведомился о нашем путешествии. На мою просьбу о позволении осмотреть кумирни он согласился, но прибавил, что срисовывать там что-либо строго запрещено.

Получив это разрешение, мы отправились. Центр монастыря составляет целый лабиринт кумирен с четырехугольными или неправильной формы дворами. Самой главной является кумирня Сиркан с острой, круто изогнутой золоченой крышей. Перед фасадом кумирни росло огороженное палисадом дерево

о пяти стволах. Теперь оно было голо, но говорят, что каждую весну на нем вырастают листья с надписью. Листья эти продаются паломникам; к сожалению, запас их уже истощился к нашему прибытию. Я лично не видал листьев с надписью, а Лопсен на мой вопрос, как объяснить это явление, ответил, что ламы сами оттискивают письма на листьях.

Фасад кумирни представляет веранду, крыша которой опирается на шесть деревянных колонн, покрытых резьбой. Дощатый пол был весь изборозжен желобками с гладко отполированными боками. Возникновение этих желобков я мог проследить воочию. Как раз в данную минуту перед кумирней совершали моление несколько тангутов и лам; каждый, стоя перед двумя такими бороздками, вдруг падал ниц и вытягивался во весь рост, скользя перед собой руками по этим бороздкам, лежал с минуту, уткнувшись лбом в пол, затем снова вставал, прижимал сложенные руки к лбу и груди, бормоча молитвы, опять падал ниц, и так раз за разом без конца.

Перед ними в лицевой стене кумирни зияли три двери, красиво окованные медью. Двери были открыты, но входы были до половины задернуты занавесями. Мы вошли, и глазам нашим представился настоящий музей. Высокие своды обширной четырехугольной залы вздымались под самую крышу, покрытую позолотой. Глубокий, мистический сумрак царствовал в помещении.

Посреди залы возвышалась колоссальная статуя Цзонкавы около 10 метров высоты, окутанная мантиями, открывавшими только голову и руки. Молчаливо и важно сидел он, презрительно глядя на богомольцев, которые в поте лица вышлифовывали в полу борозды своими грубыми руками. Вокруг него виднелись разные статуйки поменьше; каждая была заключена в особый шкафчик или род будки с изукрашенной лицевой стороной.

Перед Цзонкавой горело пять лампад, а перед ними стояли на полу полдюжины красивых медных ваз в метр вышины. В них хранились съедобные приношения божеству вроде риса, муки, цамбы, воды, чая и т. п. Каждая ваза была прикрыта деревянной крышкой с дырочкой, сквозь которую и видно было содержимое вазы. И на крышках горели лампы, увеличивавшие мистический оттенок освещения.

Статуя Цзонкавы была окружена расположенными четырёхугольником колоннами. К капителям передних колонн был прикреплен в несколько наклонном к главному входу положение прямоугольный, художественной работы щит, с китайской надписью золотом на темном фоне. Надпись гласила, что властитель этого храма Эцзин-хан, император китайский.

Рядом с изображениями божеств и вдоль стен шли длинные полки с бесчисленными связками священных рукописей, перевязанных тоненькими ремешками и вложенных в крышки из материй. Глядя на все эти диковинки, собранные здесь, в этих пустынных областях, испытываешь живейшее желание унести их с собой домой.

Сиркан находится среди лабиринта подобных же кумирен, правда не имеющих золоченой крыши, но также вмещающих сонмы более или менее крупных, одетых в драгоценные одежды статуй с вызолоченными лицами и руками. Здесь же, окруженная дворами, возвышается кумирня Цзокчин-дугун; вокруг нее бежит галерея с колоннами. В ней между двумя горизонтальными рядами бревен укреплены валы, вертящиеся на двух стержнях. Выкрашенная в голубой или зеленый цвет поверхность этих цилиндрических валов покрыта золотыми тибетскими письменами. Некоторые ламы специально тем и занимаются, что обходят галерею и постоянно приводят цилиндры в движение. Ось каждого цилиндра обмотана тоненькими полосками бумаги, на которых оттиснута мелким шрифтом молитва «ом мани падме хум», и стоит цилиндру сделать один оборот, чтобы молитва вознеслась к богам тысячи раз. Поистине удобный способ молиться!

Дворы кишели ламами; все они были с обнаженными головами, коротко стриженные, безбородые, смуглые, худощавые. Одевание их состояло из куска красноватой материи, наброшенной, как плед или тога, на плечи и обмотанной вокруг талии. Правое плечо почти всегда обнажено. Различаются эти ламы между собой, кажется, только тем, что одни погрязнее, другие почище. Некоторые прямо черны, как трубочисты или негры. Зло берет глядеть на этих бездельников, слоняющихся вокруг величественных хра-

мов. Они были приветливы и ласковы, но туги на объяснения. Пришлось удовольствоваться рассказами Лопсена. Он много раз присутствовал на храмовых праздниках в Гумбуме и был осведомлен относительно всех тайн богослужения.

Есть еще здание, называющееся Манцза-хэсын, с огромной кухней; здесь в каменный очаг вмазаны три колоссальные котла, в которых варят для паломников чай и готовят цзамбу. Затем мы вступили во двор, вдоль стен которого шли колоннады; на стенах же были намалеваны изображения богов. Их морщинистые лбы, широкие носы с раздутыми ноздрями, вывороченные губы, закрученные кверху усы и черные брови делают их более похожими на злых духов, чем на богов. Но, изображая их таким образом, хотели, вероятно, представить их страшное всесокрушающее могущество.

В общем, архитектура оригинальная и фантастическая, выражающая особенности вкусов тибетцев. Но сына Запада, привыкшего к гармонии форм, она скоро утомляет. Она не производит на него того умиротворяющего отрадного впечатления, какое он выносит, созерцая западные храмы. Здесь взор бежит с одного фронтона, с одного пестрого завитка на другой, и куда ни взгляни — тот же хаос скульптурных украшений и красок, где синий, зеленый и лиловый цвета мирно уживаются рядом. В глазах рябит!

Внушительное впечатление, производимое самыми кумирнями, ослабляется неприятным чувством, которого я никогда не испытывал в магометанских мечетях. Неприятное чувство это возбуждает вид грязных лам, которые день-деньской сидят себе между колоннами, перебирая четки. Стоило же мне приняться за какой-нибудь набросок, они ползли ко мне из всех углов и щелей, как тараканы, и обступали меня со всех сторон. Большинство из них подростки 10—15 лет, которые готовятся при монастыре к сану лам.

В одном из помещений звонко раздавалась обычная молитва, нараспев повторяемая толпой мальчиков. Выходило довольно красиво. Но славно было вновь очутиться на свежем воздухе. В картине этой все-таки немало общего с картиной монастырской жизни в Европе.

На холмах вокруг и выше храмов амфитеатром раскинулись дома. Ряды белых стен казались из Ло-сэра длин-

ными простынями, развешанными для просушки. Величиной Гумбум превосходит и Донкыр, и Ло-сэр; особенный наплыв народа бывает здесь в храмовые праздники, когда сюда стекаются богомольцы из Тибета, Цайдама, Кукунора и Монголии.

21 и 22 ноября мы провели в Ло-сэре, и я еще два раза посетил Гумбум, чтобы срисовать некоторые виды. Услышав, что я покупаю храмовые флаги и «бурханов», ламы стали являться ко мне в сумерки с этими предметами, и я приобрел несколько не особенно дорогих. Кроме того, я купил разные жертвенные сосуды из меди, несколько серебряных футляров и один «дамару», или молитвенный барабан, сделанный из двух черепов.

XXV. Синин-фу. Восстание дунган. Новый караван

23 ноября мы запаковали наш багаж, что взяло порядочно времени, и могли выступить в Синин лишь около полудня. Путь почти весь день вел между округленными, пыльными, красноватыми холмами; дорога углубилась между ними и напоминала коридор; впереди и позади себя можно было видеть свободное пространство, но с боков ландшафт был закрыт.

Большей частью ложбина эта была так узка, что двум арбам не разъехаться. Там и сям ее пересекали ручьи, и вода, естественно, сбегала по ложбине, как по желобу. Верблюды скользили и спотыкались, идя по этому месиву. После солнечного заката, когда вода подмерзла, стало еще хуже.

Мы ехали по долине час за часом, минуя по пути встречные караваны, селения и ручьи. Наконец наступили сумерки и затем тьма. Да, полная тьма, хоть глаз выколи. Пренеприятно было ехать, не видя ни зги. Наконец проводник наш остановился перед стеной с гигантскими воротами; это был въезд в Синин-фу.

Мы принялись стучать в ворота ручками хлыстов и окликать сторожа, который расхаживал по стене, колотя в барабан. Ворота запирают рано из боязни дунган, и раз они закрылись,

в город уже не попадешь. Я растолковал сторожу, что если он поспешит в ямен к дао-таю и добьется для путешественника-европейца дозволения войти в город, то получит хорошее вознаграждение. Сторож послал гонца, а мы остались ждать во мраке у ворот. Через полтора часа посланный вернулся с заявлением, что ворота нам откроют — утром. Не оставалось ничего другого, как отправиться в ближайшее селение, где мы после больших хлопот и попали под крышу.

Едва успел я на другое утро одеться, как ко мне явились гости, двое англичан, мистер Ридлэй и мистер Гунтер. Они принадлежали к Внутренней Китайской миссии и носили китайскую одежду и косы, так что лишь черты лица выдавали их европейскую расу. Мистер Ридлэй пригласил меня в свой дом, и я до 30 ноября пользовался гостеприимством его и его любезной супруги и всеми удобствами европейского комфорта. Мне сначала даже как-то неловко было очутиться в настоящей постели с тюфяками и простынями, сидеть за столом на настоящем стуле и есть по-цивилизованному, употребляя нож и вилку. Я ведь привык совершать свои трапезы, полулежа, перед миской с рисом, поставленной прямо на землю.

Одни из богато
украшенных ворот
в Синине

Мистер Ридлэй со своими помощниками Гунтером и Галлем занимали китайский дом с большим четырехугольным двором, обставленный очень уютно и комфортабельно. Миссионеры успели снискать себе горячее расположение населения во время дунганского восстания, когда они обнаружили столько энергии и самопожертвования, ухаживая в устроенном ими же госпитале за ранеными солдатами. Без сомнения, такая деятельность и сослужила службу распространению христианства среди китайцев. В воскресенье утром я слышал из своей комнаты псалмы, распеваемые в унисон, под аккомпанемент органа, целой толпой китайцев.

Но я обязан чете Ридлэй глубокой благодарностью не только за их сердечное гостеприимство, а и за многие другие важные, оказанные ими мне услуги. Синин-фу явился важным пунктом на длинной красной линии, протянувшейся по Центральной Азии.

Здесь надо было совершенно реорганизовать наш караван согласно местным условиям. Здесь же мне предстояло проститься с моими верными слугами из Восточного Туркестана, которые отсюда должны были вернуться к своим далеким очагам по большому пути через Гань-чжоу, Су-чжоу, Хами и Курлю. Я побывал у дао-тая и добыл для них внушительный паспорт огромных размеров. Получить его было нетрудно, так как они все почти были китайскими подданными. Призвав затем туркестанцев к себе в комнату, я свел счета и, когда выяснилось, сколько каждому приходилось получить, дал вдвое к их общему удовольствию. Они вполне это заслужили; без них мне бы пришлось туго. Кроме того, я отдал им всех монгольских лошадей, кроме двух верховых, нужных для нас с Исламом, а также обеспечил им на весь путь продовольствие, частью натурой, частью деньгами.

Парпи-бая, который уже однажды совершил этот путь, они сделали своим караван-баши, и я дал ему револьвер с боевыми припасами. Все они были очень довольны и благодарны, и мы расстались добрыми друзьями. Надеюсь, что они достигли своей родины так же благополучно, как и я.

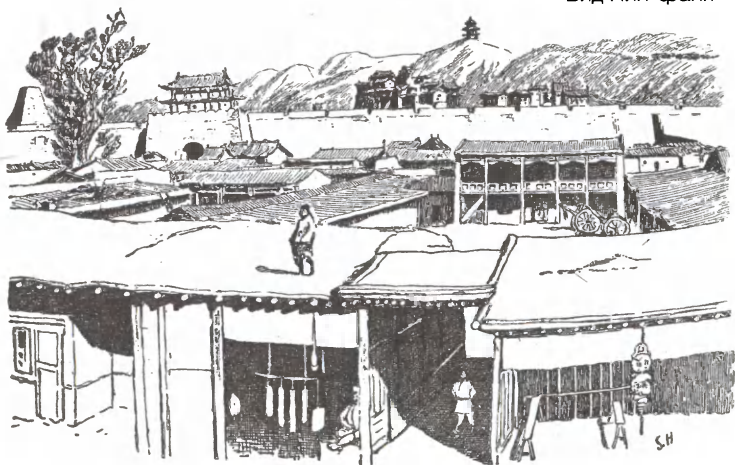
После такой чувствительной убыли в моей кассе мистер Ридлэй сосчитал и взвесил оставшийся у меня запас серебра. Оказалось 770 лан, которых вполне должно было хва-

тить до Пекина. Почтовые курьеры проезжают этот путь в 28 дней, а нам предстояло пробыть в пути три месяца.

Место не позволяет мне вдаваться в описание Синина-фу. Довольно сказать, что город окружен, по азиатским понятиям, почти неприступной четырехугольной стеной, очень толстой, массивной и солидно построенной; по гребню ее проходит настоящая улица. Вид со стены открывается широкий и величественный. Внутри, за стеной, расстилается настоящая мозаика китайских крыш из красной черепицы с головами драконов и сеть улиц, параллельных четырем сторонам стены. Главная улица проходит город насквозь по самой середине; по этой улице расположены главнейшие ямены, или присутственные места, с украшенными богатой лепкой воротами и зловеще размаляванными часовыми — каменными львами и драконами. Подобные ворота попадаются кое-где и на улицах; они воздвигнуты на средства, завещанные богатыми людьми, которые пожелали таким образом сохранить свое имя потомству.

1 декабря я с моим неизменным Ислам-баем оставил Синин-фу и дом гостеприимных английских миссионеров. Достать в Синине толмача оказалось невозможным, и мистер Галль любезно пожертвовал своим временем, согласившись сопровождать нас до Пинь-фаня. Мистрис Ридлэй напол-

Вид Пин-фаня

нила наши провиантные сумы разными редкими лакомствами вроде лепешек, картофеля, меда и варенья.

2 декабря. Долина постепенно понижалась, и около Да-ша (Большого прохода), ограниченного скалами из гранита и черного сланца, мы миновали узкую балку, куда река, бывшая у нас по левую сторону, низвергалась водопадами. Затем дорога снова расширилась, и показались многочисленные селения и поля. Нас перевезли на пароме через реку, и мы прибыли в Ниян-бэ; ворота оказались еще не запертыми, хотя было уже темно.

Следующий переход мы совершили по густо населенным и хорошо возделанным участкам. Дорогу пересекало множество замерзших каналов с остановившимися, окованными льдом мельничными колесами. В садах росли яблоки, груши, абрикосовые, персиковые и сливовые деревья, а также грецкие орехи; поля приготавливались к следующему посеву. Дорога глубоко врезалась в лёссовую почву, ясно обнаруживая и горизонтальные и вертикальные слои и обнажая старые корни растений, спускавшиеся иногда до самой поверхности дороги.

Самым крупным селением на нашем пути было Као-Мю-цзя. Здесь мы остановились позавтракать около открытой харчевни. Продолжая путь, мы поднялись на первый перевал. К нему вела небольшая долина, в конце ее возвышались на шестах помещенные в клетки три человеческие головы. Они принадлежали разбойникам, грабившим по дороге проезжих.

Дорогу от Пинь-фаня до Лянь-чжеу я миную быстро. Мы выступили 9 декабря, сердечно простившись с мистером Галлем, который получил за свои труды одну из наших лошадей. Отпустив лошаков с их владельцами, я нанял две большие повозки, видом и устройством одинаковые с восточно-туркестанскими. На одну уложили весь багаж, а над другой, предназначавшейся для меня, устроили туннелеобразную крышу, дно же выстлали соломой и коврами. Запрягли в повозки по одному лошаку с припряжкой двух пристяжных лошадей впереди. Возницами были два славных китайца, которым я дал понять, что если они будут стараться, то получают щедрую прибавку на чай. Мне было тем важ-

нее обеспечить с их стороны расторопность и услужливость, что я отправился в путь без толмача и должен был обходиться тем небольшим запасом слов, которые успел себе усвоить.

В течение шести дней мы ехали по восточным отрогам Нань-шаня, минуя ущелья, подымаясь с горки на горку, с перевала на перевал и переправляясь через замерзшие и открытые речки то вброд, то по головоломным мостикам. Повозки подпрыгивали и громыхали; такая езда чистая мука. Выступали в путь мы рано утром, обыкновенно тотчас после полуночи, а днем останавливались на отдых; животные кормились, и затем мы еще делали небольшой конец до наступления ночи. На заре ехать было так прохладно, что я просто мерз в повозке, несмотря на все шубы и войлока. Ислам, ехавший верхом, чуть было не отморозил ног и затем предпочитал уже идти пешком. Возницы же, все время маршировавшие около повозок, ничуть не зябли; верный мой Джолдаш тоже чувствовал себя отлично. Раз два шел снег и дул ледяной норд-вест.

В компанию к нам присоединились двое китайцев, везших на двух возах товары в Лянь-чжеу-фу. Тут выгоднее путешествовать большими партиями, так как при встрече

Одни из ворот Лянь-чжеу-фу

в ущельях двух обозов с дороги сворачивает тот, в котором меньшее число повозок. Кроме того, случись что-нибудь в дороге с одной из повозок, все другие возницы обоза должны прийти на помощь и исправить дело. Выгоды такого соглашения обнаружились уже утром 10 декабря, когда мы достигли правого берега реки Ши-минь-хэ. Река была покрыта льдом; дорога же проходила как раз по плотному льду, посыпанному песком.

Сначала попытали удачи наши спутники с одной из своих повозок, запряженной тремя лошадьми. Они пустили лошадей в карьер, но едва очутились на льду, как колеса, словно бритвы, прорезали лед, и повозка плотно засела в тисках. Пришлось выгружать весь товар и таскать его на руках через реку. Общими силами, с большим трудом, переправили наконец и самую повозку.

Стали пробовать крепость льда в других местах, повыше, но он всюду оказывался слишком тонким, чтобы сдержать наши тяжелые повозки. Поэтому люди в одном более широком месте прямо прорубили лед поперек русла топорами; глубина воды доходила там до 1 метра. Образовалась полынья, наполненная мелким льдом и плавающими льдинами.

Спустили на край льда нашу повозку, и затем лошади одним скачком стащили ее в прорубь, где она и застряла. Припрягли еще пару лошадей, люди кричали, ухали и хлестали лошадей, стоя на краю льда. Бедные лошади, погружившиеся в ледяную воду по брюхо, брыкались, становились на дыбы, спотыкались, чуть не захлебывались, бросались в сторону и карабкались на лед, но люди гнали их в воду.

Один из наших спутников, молодой человек, должно быть совершенно лишенный нервов, наконец разделся донага, несмотря на 10 градусов мороза, и полез в прорубь, чтобы убрать льдины и камни, попавшие под колеса, и распутать постромки. Дрожь пробирала, глядя, как он работал и нырял в ледяной воде! Мне и в шубе-то было холодно. Выйдя из воды, он стал греться около небольшого костра, который Ислам развел в кустах на левом берегу. Таким же способом, с отчаянными усилиями, были переправлены одна за другой и остальные повозки. Переправа взяла четыре часа времени.

Дорога эта являлась большим караванным трактом, ведущим в Восточный Туркестан, Урумчи и Кашгар. Расставленные по ней телеграфные столбы с их стальной проволокой сообщали пустынной местности некоторый отпечаток цивилизации.

12 декабря мы наконец вышли из гор, и перед нами снова развернулась бесконечная равнина. Через два дня мы вступили в великолепные ворота Лянь-чжеу-фу.

Здесь мне выпало на долю счастье пользоваться гостеприимством английских миссионеров, мистера и мистрис Бельчер, принадлежавших к Внутренней миссии, и познакомиться с двумя молодыми их помощницами мисс Мелар и мисс Пиккель. Об последние жили в отдельном доме, в порядочном расстоянии от дома миссии, вели собственное хозяйство, держали слуг-китайцев и нисколько не боялись за свою безопасность.

XXVI. Через пустыню Ала-шань в Нин-ся

В Лянь-чжеу-фу терпение мое подверглось жестокому испытанию: я был задержан здесь на целых двенадцать дней. Причиной задержки явилась невозможность достать четырех верблюдов, нужных нам для перехода в Нин-ся. Верблюдов-то было здесь много, но хозяева не соглашались отпустить менее 40 голов зараз. К тому же Нин-ся лежал в стороне от большого проезжего тракта, и владельцы, боясь, что назад верблюдам придется возвращаться порожними, заламывали двойные цены.

Сам мистер Бельчер оказался в отсутствии в Лань-чжоу, но вернулся на другой день. Первый вечер я, таким образом, обедал в обществе трех молодых, любезных англичанок, со вкусом одетых в китайские платья.

На следующее утро я отправился на телеграфную станцию, нашел там чиновника, говорящего по-английски, и послал телеграмму его величеству королю Оскару. Через неделю я имел удовольствие получить, в виде рождественского подарка, милостивый ответ моего высокого покровителя.

Китайцы относятся к телеграфу очень скептически. Понятия их о его конструкции крайне наивны. Так, они думают, что бумажку с написанной на ней телеграммой свертывают и пускают по проволоке, по которой она и несется с быстротой молнии; изоляторы же служат, по их мнению, промежуточными станциями, на которых бумажки отдыхают в случае дождя.

Лань-чжеу-фу после Лань-чжоу занимает в провинции главное место и вместе с окрестными селениями вмещает около ста тысяч жителей. Город имеет обычный, прямоугольный план и окружен толстыми стенами с четырьмя величественными воротами. Главные улицы широки и отличаются оживлением; повозки, караваны и народ так и снуют во все стороны.

В ожидании найма верблюдов я занялся эскизами и расспросами миссионеров, которые сообщили мне много интересных сведений, посетил некоторых мандаринов и сделал кое-какие закупки в магазине «Тянь-цзин» — настоящем пассаже с прекрасными лавками. Между прочим, я купил две шо-ло, или грелки для рук, похожие на круглые чайники с решетчатой крышкой. Их набивают золой, и в нее зарывают несколько горячих углей, которые и поддерживают теплоту в грелке в течение суток. Без этих грелок я бы не раз отморозил себе руки по дороге в Пекин.

Я посетил находящуюся за городом величественную кумирню и набросал там несколько эскизов. Еще я побывал в селении Сунь-шу-шуан; в селении этом находится бельгийская католическая миссия. Епископ уехал в Пекин, откуда его ожидали обратно в июле, но я нашел ласковый прием у трех братьев, которые угостили меня красным игристым вином, сигарами и печеньем. Церковь с увенчанной крестом башней, видной на полмили кругом, была выстроена в полукитайском стиле; в сводчатых окнах были вставлены цветные стекла, а на алтаре возвышались изображения Божьей Матери, перед которыми теплились восковые свечи. Несколько десятков крестьян-китайцев молились в церкви на коленях, представляя оригинальную и внушительную картину.

Мои чичероне, бельгийцы, сообщили мне, что здесь есть семьи, насчитывающие в своем роду уже семь поколений

христиан; число же всей паствы доходит до 300 душ. Проезжая мимо церкви, они по доброй воле заходят в нее, снимают шапки и крестятся; вообще, набожность их, по-видимому, вполне искренняя. При миссии находятся школы для мальчиков и девочек. Мы заглянули в одну из комнат, где за пюпитрами сидело двадцать мальчиков, склоняясь над Библией и писаниями Конфуция. В большом, прекрасном библиотечном зал находились между прочим портреты целой армии католических миссионеров, между которыми я узнал моего старого друга патера Гендрикса. Бельгийские миссионеры имеют также отделение и часовню в городе, где служат обедню в церковные праздники.

Неприятное впечатление произвело на меня открытие, что между католическими и протестантскими миссионерами нет доброго согласия; они даже совершенно игнорируют друг друга. Оно, впрочем, и понятно, так как проповедуют они различные вероучения, и то, что одни насаждают, другие готовы, если можно, вырвать с корнем. Простительно поэтому, если китайцы иной раз теряют голову. Но, к счастью, в Лянь-чжеу-фу хватит места для последователей обоих вероисповеданий. Я со своей стороны не могу пожаловаться на католиков, которые принимали меня так же радушно, как и протестантские миссионеры.

Кумирня около
Лянь-чжеу-фу

В Лянь-чжеу-фу я провел четвертый сочельник в течение этой долгой экспедиции и уже заранее тешил себя мыслью провести следующий сочельник у собственного очага на родине. 24 декабря всегда являлось для меня тяжелым днем, пока я был на чужбине. И на этот раз он прошел так же тускло, как всегда. Я хотел было добыть из гор елку, но миссионеры заявили, что это языческий обычай. Мы и провели вечер в болтовне у камина. Но я рано ушел к себе, в большую, холодную, церковную залу, отведенную мне на все время моего пребывания в городе, и заполз под свои шубы; температура в зале понизилась за ночь до $-15,8^{\circ}$. Первый день Рождества был зато отпразднован у Бельчеров хорошим веселым обедом с плумпудингом и рождественскими подарками.

26 декабря мы наконец добыли восемь верблюдов. Еще раз упаковали вьюки в долгий путь. До Нин-ся было 466 километров. К большому неудобству нашему караван не мог быть готов раньше сумерек, и я хотел выступить на другой день утром, но миссионеры нашли, что выступать в воскресенье нехорошо. Тогда я решил выступить в субботу вечером, с тем чтобы дойти к ночи только до ближайшего селения. Но когда мы добрались до городских ворот, они оказались уже закрытыми, и для нас открывать их, конечно, не стали. Проблуждав часа два впотьмах по узким переулкам города, мы наконец нашли жалкий приют на постоялом дворе. Я не хотел уже мешать воскресному отдыху миссионеров.

На следующий день рано утром мы выступили всерьез, но дошли только до площади за северными воротами города. Тут к нам подошли двое оборванных китайцев и вступили в оживленный разговор с жоками наших верблюдов. Затем один из двух заговорил с Ислам-баем беглым тюркским языком и предложил сопровождать нас до Нин-ся за 50 таэлей. Оказалось, что он много лет провел в Кашгаре и Ак-су и что у него есть девять отличных верблюдов, куда лучше наших.

Случай заполучить заодно в лице вожатого отличного переводчика был слишком соблазнителен, и мы остановились посреди дороги. Оба новых жока явились с девятью верблюдами, и через час багаж наш был перевьючен.

Благодаря такому приобретению я примирился с двенадцатидневной задержкой в Лянь-чжеу. Славно было наконец навсегда покинуть этот грязный и несимпатичный город.

Путь на Нин-ся шел по пустыням Ала-шаня огромной дугой, минуя колодцы и постоянные дворы, носящие частью китайские, частью монгольские названия. На всем пути лежало только два города, на западной и восточной окраинах пустыни, а именно Чинь-фань и Ван-я-фу.

В первый день путь наш шел все к северу через селения, мимо кумирен и садов. На юге мало-помалу заволакивались дымкой и исчезали редкие снежные вершины Нань-шаня. Погода стояла прекрасная, но это было лишь затишье перед бурей. 28 декабря с запада налетел такой ураган, что нельзя было выглянуть из «фанзы» (жилья), в которой не было, впрочем, ни дверей, ни окошек, а только входное пустое отверстие. Песок и пыль тучами летели в эту убогую лачугу.

Верблюды попались отличные, со спокойным, ровным ходом. Приятно было снова совершать путь на спине одного из этих выносливых, славных животных. Да и дорога была хороша — твердая, ровная травяная степь. Селения на пути стали попадаться все реже и реже, но мы все еще встречали

Кумирня около
Лянь-чжеу-фу

караваны ослов и запряженные волами повозки с разными сельскими продуктами, которые везли на продажу в город.

Наконец перед нами встали стены Чинь-фаня, но ворота были закрыты, и пришлось остановиться на постоялом дворе за городом. В этом городке мы пробыли день, так как провожатые наши хотели закупить продовольствия для себя и верблюдов на весь путь по пустыне. Начальник города пытался уговорить меня избрать большую южную дорогу в Нин-ся. Там-де встретишь и людей, и города, и постоянные дворы. На северной же дороге нет ничего, кроме песка, да еще можно наткнуться на монголов-разбойников. Но я велел передать ему, что если я вообще испытывал в пути неприятности, то именно от китайских властей, и что я предпочитаю ночевать в пустыне в своей палатке, нежели отдавать себя на съедение насекомым постоянных дворов.

1 января 1897 г. я решил выступить из Чинь-фаня, но мандарин не пожелал лишить себя удовольствия выпустить меня из города, не причинив мне неприятности. Двое китайцев, которым было поручено эскортировать нас до Ван-я-фу, явились ко мне с заявлением, что не могут быть готовы к отъезду раньше двух дней. Я ответил им, что не просил никакого эскорта и поэтому не стану медлить из-за них ни одного часа, и велел каравану готовиться к выступлению. За воротами нас, однако, окружила целая толпа слуг из «ямена», которые заявили, что мы должны подождать один день, так как монгольский паспорт еще не готов, и что им поручено задержать нас силой, если мы выкажем сопротивление.

Караван остался у ворот, а я, взбешенный такой наглостью, отправился в «ямен». Начальник города не принимал «по болезни». Меня окружила в грязной лачуге целая дюжина курящих опиум писцов, которые шумели и кричали все зараз. Улучив минуту тишины, я заявил, ссылаясь на свой паспорт из Пекина, что, если мандарин осмелится задержать меня здесь, я через русского посла донесу о его поведении Ли-Хунг-Чангу, и дерзкий мандарин лишится своих пуговиц и своего положения.

Это подействовало. Переводчик вернулся с приглашением пожаловать к мандарину на завтрак. Но я ответил

ему, что, если бы даже его господин приполз на коленях к моему каравану, я не удостою его даже взглядом. Мандарину оставалось только немедленно снабдить меня паспортом и двумя провожатыми.

Писцы вдруг стали вежливыми и оставили свои трубки. В какую-нибудь минуту мне дали и паспорт и людей, и мы беспрепятственно могли продолжать путь, радуясь, что теперь уже до самого Нин-ся не будем иметь дела с мандаринами.

За Чинь-фанем начинается пустыня, и, чтобы защитить дороги, поля и дома, здешние жители воздвигают небольшие стены на пути движущихся песков. Согласно картам, здесь должна была также идти Великая стена, но я, при всем своем желании, не мог найти и следов ее, если только виденные нами в одном месте развалины глиняных валов не были ее остатками.

Прежде чем дойти до пустыни, миновали еще несколько одиноких дворов. По дороге продолжали попадаться многочисленные возы, нагруженные навозом, собранным по дорогам; навоз служит в этой бедной растительностью местности единственным материалом для топлива. Его сушат на солнце и топят им «канги», глиняные лежанки, на которых здешние жители спят.

Джолдаш затравил молоденькую антилопу, которая пыталась спастись по льду. Лед проломился, и быстрое животное не успело вскочить на ноги, как собака настигла его и перегрызла ему горло.

6 января мы углубились в настоящую пустыню с барханами в 10 метров высоты. Джолдаш, вспрыгнув на вершину бархана и увидав кругом сплошной песок, жалобно завыл — ему, верно, вспомнились трудные переходы по берегам Лобнора. Но здесь нам не грозили такие беды, как в Такламакане. Пустыни Ала-шаня отличаются от Западной Гоби тем, что идут не сплошной полосой, а отдельными участками, перемежаясь степными и болотистыми пространствами. Путь, однако, очень тяжел, и одолеть его могут только верблюды.

Поверхность в течение трех дней не изменялась. Караванная тропа продолжала 8 января извиваться дальше между

барханами, и местами ее трудно было различить, так как все следы были заметены. Но хуже всего было то, что в сумерках мы не могли отыскать колодца. Стало совсем темно, мы в это время как раз достигли степного участка, и наши китайцы, решив, что вода должна быть где-нибудь неподалеку, пошли шарить по всем направлениям.

Я с Исламом остался около верблюдов. Мы развели костер, чтобы китайцы могли, по крайней мере, руководиться огнем. Издалека, с востока, доносилось позвякивание караванных колокольцев; оно становилось все явственнее и затем, постепенно удаляясь, замерло на западе. Ясно было, что мы уклонились с пути. Прошло почти три часа, прежде чем китайцы вернулись к нам — ни с чем.

Пока их не было, мы с Исламом видели падучую звезду. Красивее этого явления я не видал. Сильно светящаяся светло-зеленая полоса пересекла созвездие Ориона и на несколько мгновений так ярко озарила степь, что свет от костра померк. Вслед за тем ночной мрак стал еще непроницаемее. Наконец месяц осветил степь, и мы еще два часа шли к востоку. Светившийся вдали огонь показывал, что мы идем верно; наконец, усталые до полусмерти, добрались мы до колодца Куку-мёрук, по-китайски Чи-ши-ги-ньян.

У колодца встретили монголов с длинными косами, говоривших по-китайски. Забавно, что они не слыхивали названия Ала-шань; я так и не узнал значения этого названия. Песчаную пустыню эту они называли Улан-элесу, т. е. Красный песок, что напоминало о киргизском названии Кызыл-кум.

Следующий переход вел нас все по той же пустыне к самому северному пункту Алашанского тракта Куку-бурту. По пути встретился нам лишь один монгол, одетый в нарядную голубую шубу; за поясом у него торчал кинжал в серебром окованных ножнах, а ехал он на быstroногом, статном и длинношерстом верблюде-самце.

Среди ночи снова слышались колокольчики, и вокруг колодца расположился большой караван. Началось развьючиванье верблюдов, которых затем пустили пастись, разбивка лагеря, загорелись костры, китайцы шумели и кричали; в общем, картина на темном ночном фоне рисовалась очень живописная.

Верблюжьи караваны, ходящие между Нин-ся и Лянь-чжеу, предпочитают южному более короткому пути северный, более длинный и ведущий через пустыню, главным образом, потому, чтобы избежать таможенных поборов и расходов, связанных с остановками на постоянных дворах и вообще с путешествием по населенной местности. Отправляясь в путь по северной дороге, вожаки верблюдов забирают продовольствие только для себя — главным образом, побольше хлеба, — верблюды же питаются подножным кормом на привалах у колодцев, довольствуясь сухой, твердой растительностью пустыни. В путь караваны выступают не раньше 3 часов пополудни, чтобы дать верблюдам наесться вдоволь, и идут до полуночи. Около колодцев люди готовят себе ужин: суп из вяленого мяса и зелени с накрошенным туда хлебом и чай.

По отличной, широкой дороге с твердым грунтом, извивавшейся по степи желтой лентой, мы достигли, миновав колодец Хашато, городка Ван-я-фу, куда прибыли 12 января и где дали верблюдам день отдыха.

Предстояло обделать и кое-какие дела. Обоих китайцев из Чинь-фаня отпустили и наняли двух новых проводников до Нин-ся. Кроме того, закупили продовольствия и кое-каких украшений, бывших в ходу у монголов. Я сделал визит монгольскому князю Норво, вану, или вассалу китайского императора. Он проживал в обычном китайском ямене, внутри городской стены. Он принял меня в просторном, но очень простом помещении с голыми стенами. Вокруг него группировалась свита из знатных монголов в китайских одеждах, с косами. Сам князь был приветливый, любезный старик с седыми усами, одетый в серый балахон.

Разговор у нас завязался оживленный и шел свободно без участия переводчика. Князя очень интересовало узнать, из какой я страны, и мне пришлось начертить на большом листе бумаги целую карту, чтобы определить положение Швеции относительно Китая. Один из секретарей дополнил эту импровизированную карту соответствующими китайскими надписями.

Географические познания присутствующих были не особенно обширны. Из более отдаленных городов они имели

понятие только о двух: Лхасе и Хотане, но никто из них не бывал ни в том, ни в другом. Зато большинство из них по несколько раз побывало в Гумбуме и Урге. Норво полюбывал, кроме того, узнать: так ли могуществен шведский король, как Цаган-хан, т. е. Белый царь. Пржевальского, бывшего тут много лет назад, князь помнил хорошо и называл «Никола».

Ван-я-фу может похвастаться обилием имен. Китайцы называют его также Фу-ма-фу и Дынь-юань-ин; монголы — Ноин, Ала-шань-ван и Ямен-доло. Два последние наименования обозначают, что здесь резиденция князя. В городке насчитывается 2—3 тысячи жителей; половина китайцы, половина монголы. Главное значение городка в том, что он служит центральным депо для алашанских монголов. Сюда они свозят свои продукты и здесь закупают все нужное для хозяйства, одежду, украшения, муку и пр. Окрестности Ван-я-фу представляют пересеченную местность; между окраинными холмами течет речка, снабжающая городок водой. В устье ее, говорят, образуется временное озеро. Кочевники держатся по преимуществу в степях, поблизости.

Большинство монголов, виденных нами в Ван-я-фу, носило полукитайское, полумонгольское платье. Поверх тулупов на них были накинuty цветные китайские кофты с маленькими, круглыми вызолоченными или высеребренными пуговками. В городе есть очень красивая китайская кумирня с обычной выгнутой крышей и драконами с разинутой пастью. Башенки кумирни соперничали высотой с посаженными кругом лиственницами. Обычай китайцев обсаживать свои кумирни лиственницами говорит об их художественном чутье. Лиственницы со своими от природы мягко и красиво изогнутыми ветвями, напоминающими линии крыш кумирен, составляют красивый, гармонизирующий с постройками фон.

14 января ночью я проснулся от шума и треска: лачуга трещала по всем швам, пыль и песок летели ко мне в конуру и крутились по ней; ураган так и бушевал. Норво дал нам в провозатые двух монголов из ямена, и они посоветовали нам продолжать путь. Они ехали на лошадках и оказа-

лись людьми очень добродушными, несмотря на свой чисто разбойничий вид. У одного был нос картошкой, у другого никакого.

Мы подвигались на юг, и ветер дул нам прямо в лицо. В два часа произошла оригинальная перемена: ветер вдруг задул с севера, и нас окутало густыми облаками крутящегося снега. Дорога, следуя вдоль речки Толы, мало-помалу заворачивала к юго-востоку. Пройдя расширение долины, мы вступили в горы и по отлогому подъему поднялись на незначительный перевал Тёмур-оден, по ту сторону которого находился постоянный двор Да-чин.

Проведя ночь в маньчжурском городе, который носит несколько отличный от китайских городов отпечаток только благодаря несколько иным одеяниям женщин, мы 18 января вступили в китайский Нин-ся и прямо направились в дом миссионеров.

XXVI. Из Нин-ся в Пекин. Домой!

Для меня было большой радостью встретить здесь земляков, чету Пильквист с двумя помощниками и одной помощницей. В их гостеприимном доме я отдыхал два дня. Что за удовольствие спать в хорошо вытопленной комнате, на настоящей постели и иметь возможность не наваливать на себя целую гору шуб! Я как будто очутился на шведской почве среди этой чужой, дальней стороны.

Дела свои миссионеры ведут в Нин-ся энергично и довольно успешно. Число паствы достигает 30 душ; в миссии ежедневно происходит толкование Библии. На улицах раздают летучие листки с текстом из Священного Писания на китайском языке, которые возбуждают любопытство китайцев и привлекают их заглянуть к миссионерам. Пильквист нанял также на одной из главных улиц помещение, где происходят публичные богослужения, вход на которые открыт любому прохожему.

Оригинально было слушать вечерние проповеди Пильквиста на чистейшем китайском языке. Проповедник сидел за столом, а перед ним на узеньких скамьях сидели, выпря-

мясь, словно аршин проглотили, китайцы. Проповедовал он с большим жаром, стучал кулаком по столу, и китайцы даже чихнуть не смели. Ручаюсь, что они-то уж не засыпали во время проповеди!

Госпожа Пильквист рассказывала, что редко можно встретить незамужнюю китайку 20 лет. Часто они выходят замуж даже 12 лет, а 16 так сплошь и рядом. Маленькие девочки сами просят родителей бинтовать им ноги и ждут не дождутся этого, так как знают, что ни один жених и не взглянет на них, если у них не будет крохотных ножек. Операция бинтования ног и начинается с пяти-, шестилетнего возраста девочек.

Нельзя и представить себе, сколько мучений ведет за собой эта безумная мода уродовать ноги. Часто бедные девочки лежат вследствие операции годами в постели и плачут по ночам от боли, усиливающейся от всякого движения. Нередко вдобавок ногти врастают у них в мясо, и можно представить себе, насколько неграциозна походка китайнок. Они ходят, как утки, медленно, осторожно, словно ступают босыми ногами по крапиве или остриям булавок. От недостатка моциона ноги становятся худыми, как палки. И все эти неслыханные мучения только для того, чтобы выйти замуж!

У китайцев есть еще другой своеобразный обычай, более распространенный, нежели думают в Европе, обычай выбрасывать новорожденных. Если отец и мать находят, что у них нет средств воспитывать ребенка, они попросту выносят новорожденного за город и бросают на съедение собакам или свиньям или топят, как щенка. Обычай этот тем более странный, что китайцы вообще относятся к своим детям с трогательной нежностью, как только эти начинают ходить и говорить. До этого же времени детей считают какими-то бездушными зверьками и, если они умирают, закапывают их трупы в землю даже без гроба, только обернув соломой.

Я посетил впоследствии одну шведскую миссионерскую станцию, где два года воспитывался китайский малютка. Он был выброшен родителями в городской ров, где его и подобрали миссионеры. Окруженный заботливым уходом, он стал славным ребенком, и, когда ему минуло два года, родители явились и стали слезно умолять миссионеров вернуть

им дитя. Конечно, им не было отказано. В одной же шведской миссионерской семье служила старуха китайка, которая отделялась таким образом от каждого из своих девяти детей, едва они появлялись на свет. Жестокая мать и варварский обычай, вызванный социальными условиями! И скудна, в сущности, жатва, собираемая здесь миссионерами, тяжел их путь, на который они вступили из человеколюбия. Один-двое спасенных детей, несколько молодых женщин, развязавших под влиянием миссионеров путы на своих ногах, — все это лишь капля в море людском, именуемом желтой расой. Но, конечно, добрый пример облагораживает.

Много также слышал я рассказов о спасении миссионерами китайцев, отравившихся опиумом. Во время моего пребывания у миссионеров я не раз просыпался по ночам от громкого стука в ворота. Это приходили звать на помощь к умирающему. И миссионеры тотчас отправлялись и спасали отравившегося. Иногда возвращенные к жизни выказывали благодарность своим спасителям, но вообще чувство признательности не особенно-то развито у китайцев.

Чаще всего отравляют себя опиумом женщины, несчастные в замужестве. Иногда муж только ударит жену или ска-

Ворота в Нин-ся

жет ей резкое слово, а она, назло ему, возьмет да и отравится. Куренье опиума вообще невероятно распространено и между мужчинами, и между женщинами. А сколько погибает детей, затаившихся по примеру родителей трубкой с опиумом!

Между дунганами и китайцами кипит глухая вражда. Последние здесь всецело в руках первых, так как магометане, народ способный и предприимчивый, забрали в свои руки все наиболее прибыльные занятия и скупили все участки земли, годные для обработки. Оригинально, что дунганы, по закону Магомета не вкушающие свинины, а также вообще не курящие опиуму, держат в огромном количестве свиней и засевают целые поля маком, чтобы снабжать китайцев двумя необходимейшими для них продуктами: свининой и опиумом. Зато сундуки дунган наполняются серебром, а китайцы беднеют.

Главнейшими продуктами Нин-ся являются рис, пшеница, просо, бобы, горох, всякая зелень, абрикосы, яблоки, груши, виноград, дыни и персики. Сады орошаются длинными арыками, выведенными от левого берега реки. Через Нин-ся проходят караваны с шерстью из внутренних областей, направляющиеся к берегам Хуанхэ. Летом шерсть сплавляют по реке на лодках.

Прежде нежели достичь собственного Китая, нам предстояло еще раз перейти пустыню, и переход этот по пустынным пространствам явился для меня одним из самых тяжелых. Я чувствовал себя утомленным; с меня уже довольно было всех этих трудов, лишений и одиночества, и мысль об оставшихся еще 1110 верстах только усугубляла мое нетерпение скорее вернуться в цивилизованные страны, отдохнуть.

Мы выступили 21 января. В течение первых четырех дней путь шел селениями, расположенными около арыков, выведенных из Желтой реки, которую мы перешли 25 января. Река казалась колоссальной ледяной дорогой, исчезавшей за горизонтом. По правому берегу бежала цепь низких холмов; с их вершин открывался беспредельный вид на восток. Первый же лагерь в Ордосе пришлось разбить в пустынной местности, и счастье, что мы, по совету наших проводников-дунган, захватили с реки два мешка льду. Теперь он приго-

дился как нельзя более, так как колодца здесь не нашлось.

В следующие дни мы почти всякий раз останавливались у колодцев с прекрасной водой. Обыкновенно они были очень глубоки и выложены кирпичом. 28 января мы остановились около колодца Бао-чин, глубиной в 40,8 метра. Монголы, встреченные нами у колодца, уверяли, что колодцу этому 4000 лет!

Дорога оставалась превосходной, твердой, почти ровной и прямой. На ней виднелись следы оживленного движения. Малочисленность же встречных караванов объяснялась тем, что в это время китайцы сидят дома, празднуя Новый год. Томительным делало этот путь не отсутствие человеческих жилищ — мы, собственно, и не нуждались в людях, забрав с собой полный запас продовольствия, — но отвратительная погода. Почти каждый день свирепствовал северо-западный ветер, который в соединении с порядочным морозом и леденил нас до самых костей.

Собственно говоря, это был уже не ветер, а настоящий ураган, несшийся над открытыми равнинами. Иногда казалось, что вот-вот он подхватит тебя с седла или свалит с ног тяжелого верблюда. Шубы и верхняя одежда не много помогли — ветер пронизывал и сквозь них. Сколько раз мы останавливались по пути, наткнувшись на сухие кусты степных растений, и разводили костер, чтобы хоть немножко отогреться!

31 января разразилась самая ужасная буря, какую я только запомню. Не было никакой возможности выступить

Свен Гедин в зимнем одеянии
(с фотографии Николая
в Ташкенте)

в путь. Мы стояли лагерем около колодца Хара-мор (Черная лошадь), а вокруг расстилалась совершенно открытая местность; от ветра защиты не было ни малейшей, и он так и бушевал по степи. Палатку мою повалило и чуть не изодрало в клочья.

Люди сложили все вьюки в круг, прикрыли отверстие сверху войлоками и, засев в эту круглую нишу, провели там весь день на корточках. Но согреться не было никакой возможности: все кругом было холодное, как лед. Капнешь горячего чаю на шубу, и капельки тотчас застывают, словно стеариновые. Чернила замерзли, писать приходится карандашом.

1 февраля. Такой сильный ветер при столь низкой температуре (-17° в полдень) очень опасен; надо глядеть в оба, чтобы не заморознуть или не отморозить себе чего-нибудь. Не знаю, что было бы с моими руками, не будь у меня этих славных китайских грелок, в которых постоянно тлели уголья. Днем я держал грелку у себя на коленях, восседая на спине верблюда, а по ночам брал к себе в постель. Не особенно-то приятно было и умываться: стоило вам чуточку замешкаться, и вода замерзала у вас на коже.

Самые сильные холода пришлось пережить на начало февраля: в ночь на 2 февраля -30° , а в ночь на третье -33° . В палатке температура понижалась до $-26,8^{\circ}$.

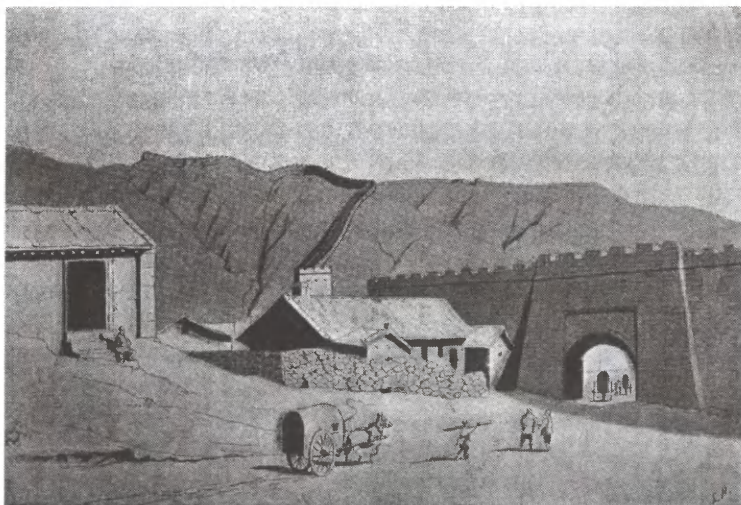
6 февраля достигли первого селения на северной окраине пустыни. На следующий день мы снова перешли через Хуанхэ, имевшую 385 метров ширины, а 8-го достигли Бауту, где меня с обычным гостеприимством приняли в свой дом шведские миссионеры, чета Гельберг. Паства их состояла из 10 крещеных китайцев. Была у них также школа для мальчиков. Дело свое они вели с любовью и энергией и вообще были одними из самых симпатичных людей, каких я встречал. Они принадлежали к американскому миссионерскому союзу, раскинувшему от Бауту до Пекина целую сеть миссионерских станций, на которых трудились 60 шведских миссионеров.

Но тут уж терпению моему пришел конец, да боюсь, что и терпение читателя подвергнуто описанием столь долгого путешествия слишком тяжкому испытанию. И вот, пору-

чив свой караван Ислам-баю и опытным проводникам, я 12 февраля поспешил в путь с одним китайцем в небольшой двухколесной арбе, запряженной лошадьми. Проезжая через Саладжи, Дёрчи, Бэ-ся-чи и Квэй-ва-шун, Куку-хото, я в каждом из этих городов имел удовольствие встретить своих земляков. В последнем я встретил даже 18 шведов, одного норвежца и одного датчанина; все они принадлежали к упоминавшемуся выше миссионерскому союзу. Квэй-ва-шун является центральным пунктом; здесь вновь приобщившиеся к союзу учатся предварительно китайскому языку и затем рассылаются по станциям.

В Калгане я нанял себе то-джо — паланкин, который понесли два лошака. Таким образом я проехал долину Нань-хо, перевалил через горные цепи, полукругом обступающие равнины около Пекина, отделяя их от монгольского нагорья.

2 марта мы опять были в низменной области и ехали через многочисленные селения, мимо кумирен, через каналы и проч. Часы тянулись для меня невыносимо долго, и никогда еще, кажется, не шли лошаки так медленно! Из тысячи

Внутренняя стена между Калганом и Пекином

с чем-то дней, проведенных мною в путешествии, самым длинным показался мне этот последний. Наконец вдали между купами зелени показалось что-то серое. «Это стены Пекина!» — сказал мой слуга. Да, это была городская стена Пекина!

Пекин являлся конечной целью моей трехлетней экспедиции, и читатели могут представить себе, с какими чувствами я въезжал в южные ворота маньчжурской столицы. Больше часа несли меня лошаки по вымощенной камнями дороге, вдоль западной и южной стороны мощной городской стены серого цвета, имевшей в высоту 13 метров и образовавшей прямоугольник, в который был включен Пе-чжин-чин (Северная столица). Наконец, миновав китайскую часть города, мы достигли Небесных ворот с их гигантскими четырехугольными надстройками и туннелеобразным сводом, под которым, словно мураши, проползали люди, животные и повозки.

От ворот уже недалеко было до улицы европейских посольств, на которой, я знал, находился французский отель. За долгое путешествие платье мое поизносилось, и весь внешний вид мой был таков, что я решил несколько дней провести инкогнито в отеле, чтобы привести себя в порядок.

Вскоре, однако, я увидел перед собой большой белый портал, у которого стояли двое русских казаков. Я окликнул их, спросил, что это за дом, и услышал, что это дом русской миссии. Слова эти прозвучали для моего одичавшего слуха так магически, что я выскочил из паланкина и вошел в ворота. В эту минуту я уже не стеснялся за свой непрезентабельный вид, пригладил немножко бороду, стряхнул с себя пыль и двинулся в дом.

От ворот вела через сад мощеная дорожка; на том конце сада возвышался самый дом. Я позвонил. Отворил китаец и спросил по-русски, кого надо. Я осведомился, принимает ли секретарь Павлов, так как знал, что посол граф Кассини недавно оставил Пекин, и меня впустили.

Господин Павлов оказал мне такой любезный прием, какого только можно пожелать. Он уже давно ожидал меня, так как его предупредили из Петербурга о моем прибы-

тии, и две комнаты стояли готовыми в ожидании меня уже с месяц.

Вот и пришлось мне нарушить свое инкогнито. Меня проводили в комнату, блиставшую самой утонченной роскошью Запада; дорогие ковры на полу, шелковые китайские вышивки на стенах, античные вазы в нишах и на пьедесталах и — лучше всего — постель, о которой я даже и не смел мечтать в последние дни, ночуя на жалких постоялых дворах. На столе в моей комнате лежала гора писем и газет с родины; некоторые были еще от прошлого года, и я поглощал их с восторгом, пока портной, китаец, говоривший по-английски, занимался моей экипировкой.

Когда с этим было покончено, я сделал визиты в посольства и всюду был принят с изысканным радушием. Но год, проведенный в одиночестве среди диких и полудиких азиатских племен, не проходит даром для европейца. Изысканные обеды и праздники утомляли меня, я чувствовал себя неловко среди избранного общества; слишком уж резок был переход из пустынь Тибета, Цайдама и Гоби в европейские салоны.

Отдохнув в Пекине двенадцать дней и дождавшись Ислам-бая, я простился с моими новыми друзьями и направил путь домой. Господин Павлов позаботился о моем багаже, который бесплатно был отправлен через Сибирь на место назначения. Мне на выбор представлялись три пути в Европу. Кратчайший, морской, вел на восток через Ванкувер и Нью-Йорк, удобнейший на пакетботе через Индию и Суэц. Самый же долгий и трудный был сухой путь через Монголию и Сибирь.

Я выбрал последний и еще раз, хотя и при других условиях, пересек Азию. В двухколесной китайской арбе, запряженной монгольскими лошадьми, с кучерами на них верхом, мчался я с быстротой ветра по бесконечным равнинам, пустыням и степям.

Это был для меня новый способ путешествовать. Верхние концы оглобель снабжены петлями, в которые горизонтально просовывается перекладина, и двое всадников берут ее к себе на колени, на седла, а двое других всадников обвязывают вокруг талии веревку, прикрепленную к концам пере-

кладины, и вот всадники мчатся с арбой по степям во весь дух; арба прыгает и трясет напропалую.

Впереди неслись курьеры, чтобы заготавливать на пути свежих лошадей. Кроме того, от станции до станции меня сопровождало 20 верховых. Когда четыре везшие арбу лошади уставали, их сменяли другие четыре; смена эта происходит так быстро и легко, что путешественник, запакованный в повозке, не заметит этого, если не выглянет в переднее отверстие своего «купе».

Дороги, собственно, никакой нет, станций тоже. Свежие лошади и люди ожидают путников около монгольских кочевий, и поэтому надо знать, где находятся в данное время кочевья. Оттого-то и нельзя было держаться какого-нибудь определенного пути. Люди гонят лошадей во весь дух по степям, оврагам и холмам по прямой линии к следующему кочевью. В Северной Монголии несколько перегонов сделали по глубокому снегу на верблюдах.

В Урге, где я посетил величественный храм Майдари, мне пришлось расстаться с верным Ислам-баем, следовавшим за мной в особой арбе. Горько было нам расставаться, но я не мог взять его с собой на родину, как он ни хотел этого. Консул Луба в Урге взял его под свое покровительство и послал его, ради безопасности, в обществе русского почтового курьера в Улясутай, откуда он через Урумчи вернулся в Кашгар и Ош. С души у меня свалилась большая тяжесть, когда я после узнал через капитана Зайцева, что Ислам-бай благополучно прибыл к своей семье в Ош.

Благодаря любезности господина Павлова меня от самого Пекина эскортировали казаки. Оттуда я продолжал путь в тарантасе, на санях и в телеге через Байкал и Иркутск в Канск, откуда по железной дороге в девять суток добрался до Петербурга.

10 мая 1897 г. я завидел башенные шпицы Стокгольма, затем вынырнули и кровли домов. И как хорошо, как несказанно хорошо было наконец ступить на родную шведскую почву после трех лет и семи месяцев странствования по великой Азии.

Предисловие.....	7

КНИГА ПЕРВАЯ

I. Две тысячи верст в тарантасе	12
II. Киргизская степь.....	21
III. От Ташкента до Маргелана.....	29
IV. Зимнее путешествие по Памиру.....	35
V. Через перевал Тенгис-бай.....	43
VI. На крыше мира.....	50
VII. Памирский пост	60
VIII. На Мустаг-ату и в Кашгар	67
IX. Воспоминания о Кашгаре.....	81
X. Возвращение в Китайский Памир	95
XI. Через Тагарму в Су-баши	101
XII. Вокруг Малого Кара-куля	111
XIII. Странствования по ледникам	120
XIV. Восхождения на Мустаг-ату.....	131
XV. Лунная ночь на высоте 6300 метров над уровнем моря	143
XVI. Новое путешествие по Памиру	151
XVII. На Малом Кара-куле	158
XVIII. Возвращение в Кашгар	163
XIX. В Марал-баши и Лайлык	175
XX. Паломничество	184
XXI. В пустыню.....	197
XXII. Райский уголок.....	210
XXIII. Царство могильной тишины.....	216
XXIV. Воды нет!.....	226
XXV. Караван распадается и гибнет	234
XXVI. Спасены	246
XXVII. Две недели в беседке	262
XXVIII. По руслу Хотан-дарьи. Возвращение в Кашгар через Ак-су	271

КНИГА ВТОРАЯ

I. Через перевал Улуг-арт.	282
II. Между русскими и англичанами на Памире	288
III. Через четыре горных хребта.	298
IV. Верхом до Хотана	305
V. Несколько дней в Хотане	317
VI. Находки около Буразана	322
VII. Еще раз через Такла-макан. Помпея в пустыне	331
VIII. В лесах Кери-дарьи. Безвестное пастушье племя	340
IX. Родина диких верблюдов.	348
X. По лесам Тарима. Курля. Кара-шар	359
XI. Древний Лобнор	367
XII. Экскурсия на челноке по Илеку, Тариму и Южному Лобнору.	372
XIII. Возвращение в Хотан. Правосудие Лю-дарина	380
XIV. К северной подошве Куньлуня	396
XV. Первые дни путешествия по Северному Тибету	407
XVI. К подошве Арка-тага.	417
XVII. Через Арка-таг. Первое соленое озеро	427
XVIII. Куланы и дикие яки	433
XIX. Высочайшее нагорье в свете. Караван наш все редет	442
XX. Первые монголы	452
XXI. Между цайдамскими монголами.	464
XXII. Разбойники-тангуты	471
XXIII. Страна хара-тангутов. Куку-нор	478
XXIV. Через Донкыр в монастырь «тысячи изображений» (Гумбум)	487
XXV. Синин-фу. Восстание дунган. Новый караван	498
XXVI. Через пустыню Ала-шань в Нин-ся.	505
XXVI. Из Нин-ся в Пекин. Домой!	515

Хедин С.

- Х35 В сердце Азии. Памир—Тибет—Восточный Туркестан. Путешествие в 1893—1897 годах. — М. : «Ломоносовъ», 2010. — 528 с. : ил. — (История. География. Этнография). — Иллюстрации автора. — 3000 экз. ISBN 978-5-91678-037-6

Свен Андерс Хедин (Гедин) (1865—1952) — знаменитый шведский путешественник, географ, журналист, писатель, график, общественный деятель, самый известный швед, о чьем существовании забыли после Второй мировой войны. Совершил ряд выдающихся экспедиций в Тибет, Китай и Среднюю Азию, первым описал многие исторические памятники и ландшафты, устранил на карте мира десятки «белых пятен» и вообще был первым европейцем в этих местах. Среди исследователей Азии его имя стоит рядом с именем Николая Пржевальского.

Книга рассказывает о полном опасностей и приключений путешествии Свена Хедина в 1893—1897 гг. по Памиру, Тибетскому нагорью и среднеазиатским пустыням.

УДК 91

ББК 26.8г(5)

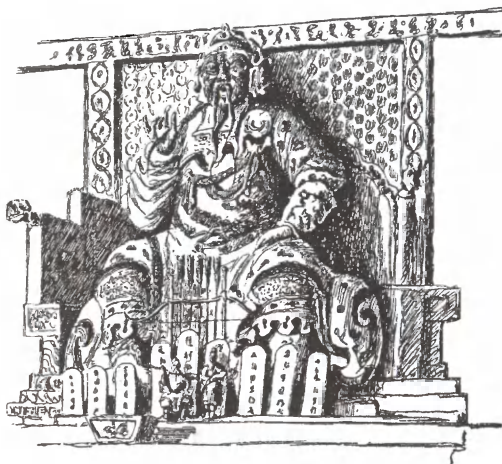
История. География. Этнография

Хедин Свен

В сердце Азии

Памир—Тибет—Восточный Туркестан

Путешествие в 1893—1897 годах

Редактор В. Петров

Художественный редактор Е. Трушина

Верстка М. Васильевой

Подписано в печать 29.01.2009.

Формат 60×90/16.

Усл. печ. л. 33,0. Тираж 3000 экз. Заказ № 1785

ООО «Издательство «Ломоносовъ»

117 296, Москва, ул. Молодежная, д. 5, пом. XII

Тел. (495)930-51-20. E-mail: info@lomonosov-books.ru

Сайт издательства www.lomonosov-books.ru

Отпечатано в ОАО «Можайский

полиграфический комбинат»

143 200, г. Можайск, Московская обл.,

ул. Мира, д. 93

Свен Хедин
В сердце Азии

Книга «В сердце Азии» рассказывает о полном опасностей и приключений путешествии Свена Хедина в 1893—1897 гг. по Памиру, Тибетскому нагорью и среднеазиатским пустыням. Пройдя через величайшие лишения, потеряв многих спутников и почти весь караван, Хедин сумел преодолеть гигантские безводные пространства и найти в одной из крупнейших пустынь мира Такла-Макан засыпанный песками древний город. Книга проиллюстрирована рисунками Свена Хедина.

Свен Андерс Хедин (Гедин) (1865—1952) — знаменитый шведский путешественник, географ, журналист, писатель, график, общественный деятель, самый известный швед в период перед Второй мировой войной. Совершил ряд выдающихся экспедиций в Тибет, Китай и Среднюю Азию, устранил на карте мира десятки «белых пятен». Среди исследователей Азии его имя стоит рядом с именем Николая Пржевальского.

ISBN 978-5-91678-037-6

9 785916 780376